

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
Бюджетное учреждение Омской области
«Исторический архив Омской области»
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

**Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Омск, 25–26 октября 2017 г.)**

Омск
Издательство ОмГТУ
2017

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612
Г756

Редакционная коллегия:

Машкарин Михаил Иванович, канд. ист. наук, доцент;

Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук (ответственный редактор);

Растягаева Галина Ивановна, канд. ист. наук;

Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, доцент;

Стельмак Максим Максимович, канд. ист. наук;

Чекалина Людмила Александровна

Г756 **Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие** : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.) / М-во культуры Ом. обл., БУ ИсаА; М-во образования и науки Рос. Федерации, ОмГТУ ; [редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др.]. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – 440 с. : ил.

ISBN 978-5-8149-2541-1

В сборник вошли материалы, представленные в оргкомитет конференции. В них освещены военно-политические и социально-экономические аспекты, культура, духовная и повседневная жизнь общества на востоке России в военно-революционный период 1917–1922 гг., а также историко-биографические исследования об участниках тех событий. Представлены фотографии и документы, иллюстрирующие отдельные материалы сборника (некоторые опубликованы впервые).

Адресовано историкам, архивистам, преподавателям, докторантам, магистрантам, аспирантам и студентам учебных заведений высшего и среднеспециального образования, музейным сотрудникам и краеведам.

УДК 94(47)«1917/1922»

ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

Министерством культуры РФ конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» включена в реализуемый в соответствии с распоряжением Президента РФ № 412–рп от 19 декабря 2016 г. План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 г. в России. Конференция также вошла в перечень юбилейных мероприятий Министерства культуры Омской области, посвящённых 100-летию государственной архивной службы России.

ISBN 978-5-8149-2541-1

© ОмГТУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	8
Абдрахманова Г. С., Каленова Т. С. Вопросы формирования структуры власти белогвардейских правительств (на примере Восточного Казахстана).....	11
Акелькина Е. А. Спасение владельца уральских заводов Злаказова: эпизод из семейной хроники 1920 г.	16
Бакалов С. В. Молдавские предки русского адмирала Александра Васильевича Колчака	20
Бакшт Д. А. «Колонии–коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования накануне Февральской революции	24
Батишева С. Г. Омский гарнизонный совет солдат–крестьян: между двух революций.....	32
Бородина Г. Ю. «Выработка бумаги находится в критическом положении»: к вопросу о бумажном кризисе в белом Омске в 1919 г.	39
Бороздин К. А. «Шапка в руках, а голова убежала»: дезертирство в 3-й армии красных в 1918 г.	45
Величко С. А. Питирим Сорокин о причинах революции 1917 г. в России	51
Ганиева А. М. Гражданская война на территории Башкирии	55
Ганин А. В. Дневник барона А. П. Будберга как источник по истории Гражданской войны на востоке России: новые находки и наблюдения	60
Голикова А. Е. Эволюция представлений анархистов о роли властных структур в социальных преобразованиях в период 1917–1921 гг.	67
Гончаров А. Е., Карелин Н. М., Медников Д. М. Карская экспедиция 1919 г.: к вопросу об экспорте и импорте	71
Горбунова М. В. Из истории памятника борцам революции в рабочем посёлке Муромцево	79

Гордеев А. Г. Политическая борьба в барнаульском самоуправлении (1918–1919 гг.)	84
Гюнтер О. А. Становление и развитие системы социального призерения безнадзорных и беспризорных в Енисейской губернии в начале 1920-х гг.	91
Девятьярова И. Г. Портреты Верховного правителя адмирала А. В. Колчака (1919 г.): к истории создания и бытования	97
Дементьев А. П., Березин А. И. Политическая биография эсера А. Ф. Сергеева	101
Дианов А. Г. Приобщение масс к управлению государством как один из мифов революции (по материалам Сибири)	109
Долгова А. В. Военно-политическая обстановка в Пермской губернии летом-осенью 1919 г.	113
Елизарова Н. В. Влияние событий Гражданской войны на омскую топонимику	119
Ермакова А. А. Красногвардеец Андрей Михайлович Ломов	124
Зайнутдинов Д. Р. Судебная система в воззрениях Петра Васильевича Вологодского.....	128
Иеромонах Иов (И. А. Чернышев) Просветитель Алтая митрополит Макарий (невский) о причинах и последствиях русской революции.....	135
Ищенко О. В. Штрихи к формированию биографии героя революции и Гражданской войны Г. А. Усиевича	140
Каиндина Т. В. Революционные события 1917 г. в Омске в воспоминаниях современников.....	146
Каминский В. В., Петин Д. И. Генерал–лейтенант Л. П. Тимашев (1864–1932): страницы служебной биографии.....	152
Капустин Л. Г. «Господа офицеры и партизаны вне всякой похвалы»: командиры кавалерийских частей атамана И. Н. Красильникова.....	158
Каткова Е. И. Омская «Пушкинка» в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)	165

Кладова Н. В. Донос как феномен массового политического поведения на завершающем этапе Гражданской войны: психоаналитическая интерпретация	171
Когут М. Т. Аграрная политика Временного Сибирского правительства (июнь–ноябрь 1918 г.)	175
Кокоулин В. Г. Революция и Гражданская война в России: ожидания и разочарования.....	181
Колесников Б. В. Миссия генерала М. Р. Штефаника и чехословацкий вопрос в Сибири в 1918-1919 гг.	187
Кондорский Б. М. Историко-теоретические основы революционных событий России в начале XX века	191
Кротова М. В. Омск в 1917–1918 гг.: из воспоминаний В. А. Морозова.....	200
Лосунов А. М. К. А. Богданов: «колчаковед» конца XX века. Материалы к биографии.....	207
Лысенко Е. А. Между Колчаком и Лениным: Н. В. Устрялов в белом Омске.....	213
Макарова В. Н. Материалы с архивной полки: по следам утраченных архивов Уфимского отделения Государственного банка.....	219
Маленьких М. А. Деятельность Временного Сибирского правительства по восстановлению прав земледельцев (на примере Иркутской губернии).....	226
Мачульская Е. В. Стихотворная хроника финала российской трагедии: взгляд поэтов белого Омска.....	230
Медеубаев Е. И. «Да здравствует свободная торговля и свободный труд! Долой коммунистов, да здравствует чистая советская власть!»: из истории вооруженных антисоветских выступлений в Западной Сибири в 1921 г.	237
Муканова Г. К. Туркестан и Сибирь в 1917 году через призму независимых источников	243
Огородникова Л. И. Октябрь в омской городской топонимике	248

Олихов Д. В. Отношение русской православной церкви и Временного правительства в 1917 г. на примере омской епархии	251
Паршуков В. А. Документы о ликвидации Енисейского казачьего войска как неизвестные источники по истории гражданской войны в Сибири.....	257
Петин Д. И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок	263
Петров И. В. Две жертвы русского епископата в первые годы советской власти: епископ Ревельский Платон (Кульбуш) и архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский)	272
Помыткина В. Л. О введении всеобщей трудовой повинности в городе Таре в 1919-1921 гг.	277
Пученков А. С. «Одесский Наполеон»: из биографии А. Н. Гришина-Алмазова.....	282
Романовский В. К. Н. В. Устрялов: «диктатура ради демократии»	292
Саблин А. Ю. Постановка образовательного процесса в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты (1915–1917 гг.)	298
Селюк В. И., Махнанова И. А. О Роберте Лонге и его книге «Russian revolution aspects»	304
Сизов С. Г. Благотворительная деятельность в белой столице России (Омск, июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)	308
Сокина И. Л. Сравнение историсофских взглядов на революцию 1917 г. Н. А. Бердяева и И. А. Ильина	314
Стельмак М. М. «Чехословацкая армия, уступившая своё место на фронте нашим войскам, продолжает и сейчас служить для нас источником помощи и ценного содействия»: особенности взаимодействия правительства А. В. Колчака с Чехословацким корпусом в 1919 г.	317
Сушко А. В. К вопросу о последних днях жизни архиепископа Сильвестра (Ольшевского).....	328
Тагильцева А. В. «Душа – богу, долг – отечеству»: страницы биографии полковника И. Г. Ермолаева.....	336

Терехина Т. А. Централизация архивных фондов в РСФСР: «первые омские эшелоны» (1924–1926 гг.).....	343
Тетерин В. И. Организация снабжения армии пермским земством в условиях революции 1917 г.	348
Трофимов М. Ю. Письма Капельмейстера 5-го Сибирского Казачьего полка П. Е. Казанцева.....	354
Федорова М. И. Позиция крестьян к государственным аграрным реформам – первая половина XX столетия (1905 – 1930 гг.).....	359
Федотова И. В. Омская археология в годы Гражданской войны	364
Филинович О. А. Славянский вопрос в освещении омской демократической «Русь» (июль–октябрь 1919 г.)	369
Фоменко А. Е. Социально–экономическое положение населения Тарского уезда в 1917-1922 гг.	376
Храпова Н. С. Послужной список Петра Петровича Калитина	382
Черкасов И. А. Рождённая революцией. К истории первых демократических выборов в Красноярскую городскую думу летом 1917 г.	386
Шекшеев А. П. Падение первой советской власти на юге Енисейской губернии (июнь 1918 г.).....	392
Штырбул А. А. Омская многопартийность 1917 – начала 1918 гг.	400
Штырбул А. А. Эсеры Омска и Среднего Прииртышья в марте–мае 1917 г.	406
Шулдяков В. А. Начальник штаба 1-й отдельной партизанской Кавалерийской бригады атамана Анненкова штабс-капитан Антон Антонович Добкевич	413
Сведения об участниках конференции	420
Фотодокументы	427

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП РК** – Архив Президента Республики Казахстан
- БРЭМ** – Главное бюро по делам Российских эмигрантов в Манчжурии
- ВВЦУ** – Временное высшее церковное управление
- ВМФ** – Военно-морской флот
- военкомат** – военный комиссариат
- ВОХР** – военизированная охрана
- ВСП** – Временное Сибирское правительство
- ВПСО** – Временное правительство Северной области
- ВРШ** – военно-революционный штаб
- Всекосовет** – Совет Всесибирских кооперативных съездов
- ВСЮР** – Вооружённые силы Юга России
- ВЦИК** – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- (В)ЧК** – (Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- ГААО** – Государственный архив Акмолинской области
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края
- ГАИ** – Государственный архив в городе Ирбите
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края
- ГАКО** – Государственный архив Кемеровской области
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области
- ГАТ** – Государственный архив в городе Тобольске
- ГАТО** – Государственный архив Томской области
- ГАХК** – Государственный архив Хабаровского края
- ГИАОО** – (Государственный) Исторический архив Омской области
- ГИМ** – Государственный исторический музей
- Главархив** – Главное архивное управление РСФСР

Госбанк – Государственный банк
губком – губернский комитет
ЕКВ – Енисейское казачье войско
ЗСО(И)РГО – Западно-Сибирский отдел (Императорского) Русского географического общества
КГА – Кунгурский городской архив
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСХС – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
МВД – Министерство внутренних дел
МКУГМ АГМ – Муниципальное казенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска»
МНП – Министерство народного просвещения
ММА – Муромцевский муниципальный архив
МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НЭП – новая экономическая политика
ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи
Омгубархив – Омское губернское архивное управление
ОСО – Особое совещание
ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории
ПГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории
ПНС – Партия народной свободы
ПСР – партия социалистов-революционеров
политсекция – секция политики и права
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия
РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный флот
РКСМ – *Российский коммунистический союз молодёжи*
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РПЦ – Русская Православная Церковь
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сибземгор – Всесибирский союз земств и городов
Сибопс – Сибирский округ путей сообщения
СКВ – Сибирское казачье войско
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СМП – Северный морской путь
СНК – Совет народных
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТО – Совет Труда и Оборона
ТНСП – Трудовая народно-социалистическая партия
ТФ ГИАОО – Тарский филиал Исторического архива Омской области
уездком – уездный комитет
УЗГИ – управление земледелия и государственных имуществ
ЦК – центральный комитет
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГАУР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Центрархив – Центральное архивное управление РСФСР
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности России
ЦДНИ ВКО – Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области
ЦК – Центральный комитет
ЧОН – части особого назначения

Г. С. АБДРАХМАНОВА (Астана)

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Т. С. КАЛЕНОВА (Астана)

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

**ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ
БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА)**

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы формирования структуры власти белогвардейских правительств на подвластной им территории. Раскрыты особенности процесса установления антибольшевистской власти в восточном Казахстане. А также рассматриваются взаимоотношения белых правительств с правительством Алаш-Орда. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в архивах и библиотеках.

Ключевые слова: Гражданская война, контрреволюция, органы власти, Восточный Казахстан, белое движение.

G. S. ABDRAKHMANOVA (Astana)

Eurasian National University named for L. N. Gumilyov

T. S. KALENOVA (Astana)

L.N.Gumilyov Eurasian National University

**QUESTIONS OF FORMING OF STRUCTURE
OF POWER OF WHITEGUARD GOVERNMENTS
(ON THE EXAMPLE OF EASTERN KAZAKHSTAN)**

Annotation: This article discusses the formation of the power structure of the «white guardian» on their territory. The features of the establishing process white power in Eastern Kazakhstan are disclosed. Also, discusses the relationship of «white guardian» with the Alash-Orda government. The work is written on a complex of sources, identified by the author in archives and libraries.

Keywords: Civil war, counterrevolutionary, authorities, East Kazakhstan, white movement.

Гражданская война 1918–1920 гг. в России продолжает оставаться одним из важнейших событий мировой истории. Она оставила неизгладимый след в памяти всех народов, входивших тогда в состав распавшейся Российской империи. Несмотря на достаточно большой временной период, отделяющий нас от

тех событий, остается много вопросов, являющихся предметом споров историков, публицистов, всех людей, интересующихся историей своей страны.

Чехословацкий мятеж активизировал силы внутренней контрреволюции на всем востоке России, в том числе и в Казахстане. С этого момента актуальной становится идея создания единого всероссийского антибольшевистского правительства, которая поддерживалась всеми участниками контрреволюционного лагеря. Вместе с тем, каждое течение по-своему представляло себе как программу будущего правительства, так и его состав. В ночь на 18 ноября 1918 г. адмирал А. В. Колчак, военный министр Уфимской Директории, опираясь на поддержку союзников офицерских и казачьих частей, совершил в Омске переворот и разогнал Директорию, ее лидеры В. М. Зензинов, А. А. Аргунов и Н. Д. Авксентьев были арестованы и высланы за границу. Вся полнота власти была предложена Советом Министров адмиралу А. В. Колчаку, который принял титул Верховного правителя [1].

Сразу после переворота, Совет Министров, осуществлявший исполнительную власть, утвердил «Положение о временном устройстве государственной власти в России». В соответствии с ним, верховная государственная власть «во всём её объёме» передавалась Верховному правителю; ему также подчинялись все вооружённые силы. Правда, титул Верховный правитель сопровождался эпитетом временный; это означало, что по установлению в стране «законности и порядка» (т.е. после свержения советской власти в общероссийском масштабе) власть должна быть передана некоему «представительному собранию», которое учредит форму государственного строя и примет основные законы страны. На ступень ниже Верховного правителя был Совет Министров Российского правительства, председателем его остался П. В. Вологодский. Ключевые посты в правительстве получили В. Н. Пепеляев (МВД), И. А. Михайлов (Министерство финансов), И. И. Сукин (МИД), Д. А. Лебедев (Военное министерство), Г. Г. Тельберг (Министерство юстиции), Л. А. Устругов (МПС), Н. И. Петров (Министерство земледелия и колонизации) [2].

С приходом к власти Колчака утверждаются новые взаимоотношения правительства Алаш-Орды с белой властью в Сибири. Несмотря на то, что, на территории казахов проходили военные действия, а также именно Степной край являлся основным регионом снабжающим армию Колчака, правительство Колчака проявило отрицательное отношение к органам самоуправления Алаш-Орды. Это видно по прекращению дел, которые вели национально-государственные органы самоуправления [3]. С целью доказать целесообразность сохранения правительства Алаш-Орды и его органов самоуправления, к колчаковскому правительству были отправлены в Омск А. Турлыбаев и У. Танашев. Но переговоры с правительством Колчака ожидаемых положительных результатов Алаш-Орде не принесли. Уже в конце ноября 1918 г. приказом командира 2-го Степного Сибирского корпуса Алашское городское самоуправление, как «образовавшееся во время советской власти и не признанное существующим правительством» упразднилось. Всё делопроизводство было передано городской

управе Семипалатинска. Населенный пункт города Алаш вошел в состав Семипалатинска, получив прежнее название – Заречная слобода. В конце декабря 1918 г. был упразднен Семипалатинский казахский суд [4].

В феврале 1919 г. Колчак создал специальную комиссию (председатель П. Корпочанский), по делу Алаш на заседании этой комиссии был заслушан доклад А. Букейханова, но никаких ответов Алаш-Орда не получила. Комиссия предложила по вопросам социального и экономического характера обратиться по инстанциям в различные ведомства. Таким образом, органы самоуправления Алаш-Орды в Восточном Казахстане были закрыты. В систему органов самоуправления колчаковское правительство внесло ряд изменений. 28 ноября 1918 г. комиссар Семипалатинской области Г. Г. Крот был уволен телеграфным распоряжением МВД, вместо него был назначен И. А. Самойлов [5].

В начале января 1919 г. постановлением Совета Министров № 120 областные и губернские комиссары были переименованы в управляющих губерниями, областями, а уездные – в управляющих уездами [6]. Правительство Колчака расширило круг обязанностей управляющих областями. Они должны были заниматься мобилизацией населения в армию. С этой целью в области создали комиссию по воинской повинности во главе управляющим Семипалатинской областью; в комиссию вошли: уездный воинский начальник М. Левицкий, полковник С. Давлетукаев, помощник прокурора окружного суда Д. Холодов, заведующий врачебно-санитарным отделом И. Шабуров, главный врач госпиталя А. Зубарева [7].

В это сложное время при ЗСОРГО функционировала историко-археологическая комиссия. От нее 26 ноября 1918 г. на имя Семипалатинского областного комиссара И. А. Самойлова поступила просьба об оказании помощи в «деле сохранения предметов имеющих историко-археологическую ценность». Также управляющие областями и уездами должны были заниматься организацией культурно-просветительских кружков для выявления политической настроенности населения к существующей власти и использовать эти кружки для информации населения о событиях в стране. Кроме этого, по мере возможности образовывать новые культурно-просветительские общества и снабжать их бесплатно газетами, журналами и брошюрами [8]. Но если названные мероприятия загружали управляющих новыми обязанностями, то следующие постановления облегчили функции органов самоуправления. Правительство Колчака осуществило в жизнь принятое Административным Советом Временного Сибирского правительства еще 17 сентября 1918 г. постановление об изъятии милиции из ведения городских и земских управлений и перехода ее в ведение МВД [9].

В июне 1919 г. вышло постановление Совета Министров, утвержденное Верховным правителем об учреждении должности участковых помощников управляющих уездами и само положение об этих помощниках. В обязанности участкового помощника входило: «1) объезжать населенные пункты своего района и выяснять общую картину, выявлять случаи нарушения закона о порядке сельского управления; 2) принимать возможные меры для установления

законности в общественной жизни, восстанавливать местную власть в сельской местности в лице старост, если таковые отсутствуют; 3) все действовавшие до этого незаконные приговоры сходов опротестовать; 4) принимать меры к упорядочению податного дела сельских обществ, выяснять продовольственные запасы; 5) выяснять, какой предполагается урожай и др.». Следующим новшеством в системе органов самоуправления с приходом Колчака, было принятое 28 января 1919 г. постановление Совета Министров о приводе к присяге председателей и членов земских управ на верность службе Российскому правительству в следующей форме: «Клянусь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему Отечеству. Обещаюсь и клянусь служить ему не щадя жизни своей, не увлекаясь ни родством; ни дружбой, ни враждой, ни корыстью, и памятуя ежедневно о возрождении и преуспении государства Российского. Обещаюсь и клянусь повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знаменем и целую слова и крест спасителя моего аминь» [10].

26 ноября 1918 г. по положению «О земских учреждениях» в Акмолинской, Семипалатинской и в других областях, с образованием волостных земских учреждений упразднялись волостные правления, волостные старшины и их помощники, волостные управители, заседатели волостных правлений и волостные писаря, причем, несмотря на введение волостных земских учреждений, сохранялись крестьянские волостные сходы и волостные съезды для избрания волостных и народных судей и для заведования волостным имуществом и капиталами. Сходы эти и съезды, с образованием волостных земских учреждений, должны были созываться и открываться председателем волостной земской управы. Точный смысл приведенного узаконения не оставлял сомнения, что до образования волостного земства должности волостного старшины, волостных управителей, волостных и народных судей сохранялись. В качестве апелляционной инстанции на постановление сельских учреждений указывались помощники уездных комиссаров. В виду изложенного и согласно правилу об образовании земских волостей приказывалось: «1) разработать уездным земским собраниям и рассмотреть областным срод и порядок образования волостных земских учреждений; 2) принять в самом непродолжительном времени меры к созыву волостных сходов и волостных съездов для избрания волостных старшин, волостных управителей, членов военного суда, народных судей по правилам, изложенным в отношении кочевого населения» [11].

По этому постановлению во все уезды управляющий Семипалатинской областью И. А. Самойлов отправил приказы. 11 декабря 1918 г. от Семипалатинского уездного комиссара поступил ответ с просьбой отложить выборы должностных лиц до лета 1919 г. В связи с тем, что «во-первых: казахские селения разбросаны, во-вторых, часть киргиз заняты доставкой одноконных подвод, верблюдов, верховых лошадей для дивизии Анненкова, в-третьих, часть

населения болеет эпидемиологическими заболеваниями и при созыве съезда болезнь может распространиться, и в-четвёртых, выборы могут отнять время, что затормозит сбор от населения податей и налогов» [12]. В итоге, приказ управляющего Семипалатинской областью И. А. Самойлова от 16 декабря 1918 г. сообщал: «По имеющимся у меня сведениям в некоторых киргизских волостях избрание волостного и аульного управления затрудняется. В виду этого, в исполнение своих обязанностей должны вступить те должностные лица волостной и аульной администрации, которые были избраны по установленным правилам закона на текущее трехлетие и не устранены от должности законной властью» [13]. Так, в казахских волостях и аулах в должностях были восстановлены царские чиновники.

Подводя итоги, следует сказать, что внутренняя контрреволюция на территории Восточного Казахстана привела к восстановлению дореволюционных учреждений земства и городского самоуправления. Семипалатинскую земскую управу возглавил Р. Марсеков, ее членами стали К. Ляшкевич, Х. Габбасов, Д. Троцкий, А. Сатпаев. Возобновила работу правительство Алаш-Орды, ее члены вошли в состав земской управы. С применением вектора развития событий видоизменялась структура и функции местных органов власти в Восточном Казахстане на уровне областей, уездов и волостей. Изменялось и отношение к национально-демократическому движению. В Казахстане к автономии Алаш-Орды: от относительно взаимоприемлемого сотрудничества к её полному неприятию и ликвидации во время колчаковщины. Деятельность власти была направлена на подчинение населения порядкам, диктуемым этими органами власти: проведению такой экономической и социальной политики, которая обеспечивала бы вооруженное сопротивление революционным преобразованиям.

Библиографический список

1. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. С. 219.
2. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 172, 177.
3. Там же.
4. ЦДНИ ВКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 296. Л. 65.
5. Там же. Д. 1. Л. 54.
6. Там же. Л. 37.
7. Там же. Л. 139.
8. Там же. Д. 3. Л. 38, 42.
9. Там же. Д. 36. Л. 6.
10. Там же. Д. 37. Л. 164.
11. Там же. Д. 1. Л. 320.
12. Там же. Д. 2. Л. 1.
13. Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 2.

Е. А. АКЕЛЬКИНА (Омск)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**СПАСЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЦА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ЗЛАКАЗОВА:
ЭПИЗОД ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ 1920 Г.**

Аннотация: Статья, подготовленная на основе устных семейных сведений, рассказывает о действительном факте спасения владельца уральских заводов Злаказова дедом автора данной публикации.

Ключевые слова: Омск, революция, Гражданская война, генеалогия.

E. A. AKELKINA (Omsk)

Omsk State University named for F. M. Dostoevsky

**THE RESCUE OF THE OWNER OF THE URAL FACTORIES ZLAKAZOV:
AN EPISODE FROM THE FAMILY HISTORY OF 1920**

Annotation: The article, prepared on the basis of oral family information, tells about the actual fact of saving the owner of Zelakovo's Ural plants by the author's grandfather of this publication.

Keywords: Omsk, revolution, Civil war, genealogy.

Антропологический поворот в современной исторической науке существенно повысил внимание исследователей к изучению персонифицированной истории, сопряженной с применением различных источников личного происхождения и в ряде случаев устной истории. При этом наряду с изучением известных личностей, сегодня историки стремятся осветить не только жизненный путь известных персоналий, ведь история «маленького человека» также имеет немалую научную актуальность [1, 2, 3, 4, 5]. В этой связи мы представляем основанный на устных семейных рассказах сюжет из нашей личной семейной истории, связанный с событиями революции и Гражданской войны в Сибири.

Главный герой этой публикации, дед автора статьи (по отцовской линии) – Петр Фролович Акелькин – родился 24 августа 1882 г. в одной из северных губерний – либо в Вятской, либо в Вологодской. Кроме Петра Фроловича, в его крестьянской (впоследствии – крестьянской переселенческой) семье было еще три брата – старшие Тит, Кузьма и младший Дмитрий. Хотя они были крестьянами, но все впоследствии дослужились до офицерских чинов. В период начала аграрного освоения сибирских территорий, когда Петр был подростком, семья Акелькиных «самоходом» проделала долгий путь в Сибирь из Европей-

ской России. Прибыли в Сибирь Акелькины, вероятнее всего в 1896-1898 гг. По дороге на новые земли Петра поразили огромные степные просторы Западной Сибири, поросшие полынью. Дорога была трудной, и, вероятно, поэтому, не выдержав трудностей пешего перехода, умерла мать Петра, ее так и похоронили – при дороге. Запах степной полыни навсегда запомнился юноше, как спутник беды и непоправимой утраты.

Наконец семья Акелькиных добралась до села Большеречки Бийского уезда. И уже там каждый из семейства обживался самостоятельно: Петра Акелькина по достижении им призывного возраста взяли на военную службу (приблизительно в 1903 г.). Он участвовал в Русско-японской войне. А в 1908 г. Петр Фролович поступил, будучи уже в унтер-офицерском чине, в Омский кадетский корпус. Здесь он служил в команде, обеспечивавшей учебный процесс. Ему подчинялись нижние чины, обслуживающие омских кадетов. Стоит сказать, что стиль общения с подопечными П. Ф. Акелькина был уважительным, благодаря чему, как образец, усваивался воспитанниками Омска кадетского корпуса.

По семейному преданию, П. Ф. Акелькин увидел свою будущую жену Павлу Андреевну Епифанцеву в доме у кого-то из старших офицеров Омского кадетского корпуса, где тогда она служила горничной. Жена Петра Фроловича в молодые годы была очень хороша собой. В ее семье было четыре сестры (Антонина, Павла, Клавдия, Христина). Получив разрешение начальства, Петр Фролович посватался и получил согласие родителей невесты, в те времена человек, состоявший на действительной военной службе (пусть и в небольших чинах) считался достойным женихом. Венчание Петра Фроловича Акелькина с Павлой Андреевной Епифанцевой состоялось 20 апреля 1912 г.

Первое время молодожены жили в казарме, где у П. Ф. Акелькина был денщик, потом семья переехала в купленный дом на улице Крымской (сегодня улица Кропоткина). Через год родился единственный сын – Алексей (25 февраля 1913 г.). Эти годы Павла Андреевна Акелькина считала самыми счастливыми в своей жизни. В семье был достаток. Поразительно, но этих нескольких лет нормальной счастливой жизни, выпавших на долю того поколения, стало на долгие годы радостных воспоминаний.

В июне 1914 г. накануне начала Первой мировой войны из-за глазной болезни П. Ф. Акелькин оставил военную службу, вышел в отставку и поступил служить на железную дорогу кондуктором.

Революционные события 1917 г. в семье Акелькиных встретили неодобрительно, ожидая, когда эта политическая сумятица все-таки закончится и «наведут порядок». К концу 1917 г. резко сократилось количество регулярных поездов, многих кондукторов уволили, в том числе и Петра Фроловича. Для его семьи наступили трудные времена. Настоящего голода, как в столицах, в Омске не было. Выручал огород и заимка за городом, где выращивали картошку и ар-

бузы. До школы единственный сын Петра Фроловича – Алексей (отец автора статьи), много времени проводил на заимке, это спасало от эпидемий – испанки, тифа. Однако ослабленный мальчик заболел в начальной школе и в итоге пропустил целый год.

Петр Фролович занялся частным извозом. Вся жизнь вновь оказалась связана с железной дорогой, рано утром на своей лошади П. Ф. Акелькин приезжал на Привокзальную площадь и после разгрузки грузовых и товарных железнодорожных составов он перевозил продукты и вещи на товарный двор на станции Карлушка (районе сегодняшней площади Серова).

Гражданская война в Сибири Петру Фроловичу запомнилась обилием в Омске иностранных военных – венгров, а позднее – чехов и британцев. Он относился к ним настороженно, как, впрочем, и к представителям советской власти. В начале лета 1918 г. после Марьяновских боев многих извозчиков привлекли к перевозке тел погибших красногвардейцев. Петр Фролович вспоминал об этом с ужасом. Он, воевавший в Русско-японскую войну, не мог для себя понять и принять, за что русские убивают русских. Акелькины, как и многие жители Омска не сочувствовали ни красным, ни белым. Они, боясь за свою жизнь и жизнь своих близких, просто переживали непонятные им стремительные политические события.

В ноябре 1919 г., когда войска Колчака покидали Омск, П. Ф. Акелькин продолжал свою работу извозчика. Вскоре в городе восстановилась советская власть. В начале 1920 г. в жизни Петра Фроловича был случай. Неподалеку от вокзала Петра Фроловича окликнул незнакомый человек, вылезший из-под вагона, он попросил спрятать его, утверждая, что ему угрожает расстрел. Акелькин привез незнакомца домой и прятал у себя неделю. Его семилетний сын Алексей впоследствии вспоминал, что тот чужой мужчина был бородат, садясь со всеми за стол, крестился на иконы и был весьма неразговорчив. Позднее стало известно (гость признался Акелькиным), что постоялец оказался известным уральским фабрикантом Злаказов. Злаказовых было несколько братьев, но кого именно из них спас Петр Фролович семья так и не узнала. Вскоре Петр Фролович связался со служащими злаказовского завода в Омске и те ночью вывезли уральского гостя из города. Есть версия, что ему удалось спастись и выехать за границу. Павла Андреевна Акелькина радовалась, что дети Злаказова не остались сиротами, она говорила, что детей у него было много. К деду Злаказов обратился с просьбой о спасении потому, что его якобы рекомендовали, как бывшего служащего кадетского корпуса.

Петр Фролович Акелькин умер зимой 1936 г. от сердечного приступа. По семейному преданию, в последний год из-за опасений он часто не спал по ночам: ждал, когда придут его арестовывать. Но в годы «Большого террора» семья Акелькиных уцелела. Единственный сын Алексей служил в это время в РККА, на похороны отца его непустили. Помогали вдове и её старикам-

родителям соседи и сослуживцы. Похоронили П. Ф. Акелькина на Старо-Южном кладбище, впоследствии закрытом и уничтоженном.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Ефремова Ю. Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.

2. Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (На примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфантьева) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.

3. Бакшт Д. А., Петин Д. И., Казус Шулима Розенцвейга (1909–1911 гг.): новые источники о борьбе российской жандармерии с фальшивомонетчиками в Сибири // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 205–225.

4. Бакшт Д. А. Лев Черный (П. Д. Турчанинов) в сибирской ссылке (1907–1910 гг.): документы органов Департамента полиции в реконструкции биографии деятеля российского анархизма // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 300–311.

5. Шулдяков В. А. Дмитрий Яковлевич Шишкин: офицер, поэт, эмигрант // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 194–198.

С. В. БАКАЛОВ (Кишинев)
Институт Истории Академии Наук Молдовы

**МОЛДАВСКИЕ ПРЕДКИ РУССКОГО АДМИРАЛА
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЧАКА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвящённое генеалогии русского адмирала с молдавскими корнями Александра Васильевича Колчака. При подготовке материала были использованы методы специальных (вспомогательных) исторических дисциплин. Основой исследования стал комплекс источников, выявленных автором в архивах и библиотеках.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, А. В. Колчак, генеалогия, дворянство, Молдавия.

S. V. BAKALOV (Chisinau)
Institute of History of the Academy of Sciences of Moldova

**MOLDAVIAN ANCESTORS OF THE RUSSIAN ADMIRAL
ALEXANDER VASILYEVICH KOLCHAK**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of the genealogy of the Russian admiral with the Moldovan roots of Alexander Vasilyevich Kolchak. The work is written in the complex sources, the author identified in the archives and libraries.

Keywords: The First World War, revolution, A. V. Kolchak, genealogy, nobles, Moldova.

Среди полководцев времен Первой мировой войны (1914-1918 гг.) выделяется русский адмирал Александр Васильевич Колчак (1874-1920 гг.). Эта личность в историографии известна как ученый (гидрограф, океанограф и исследователь Арктики), военный (участник Русско-японской войны (1904-1905 гг.), Первой мировой войны и Гражданской войны в России) и политик (Верховный правитель России в годы Гражданской войны, лидер белого движения) [1]. За особые заслуги, в июне 1916 г. А. В. Колчак был произведен в чин контр-адмирала. Некоторое время спустя в чине вице-адмирала он возглавил Черноморский флот. В мае 1917 г., в связи со сложившейся революционной ситуацией в России, А. В. Колчак подал в отставку [2].

Официальная версия касающейся генеалогии Александра Васильевича Колчака была выдвинута его сыном – Ростиславом Александровичем Колчаком еще в 1959 г. Она основывалась на семейных документах и устной традиции. Опубликованная тогда информация уже позже нашла свое отражение в научных и научно-популярных изданиях рассказывающих о жизни и деятель-

ности русского адмирала. Новые данные об истории рода Колчаков и его генеалогических связей по женской линии, были опубликованы исследователями С. В. Дроковым и О. В. Коноваловой [3].

Представим краткий обзор имеющихся сведений. Первый известный предок рода Колчаков, который встречается в документах, это Лукьян Колчак – сотник из Бугских казачьих войск (он служил в начале XIX в., во времена правления императоров Павла I и Александра I). Лукиан Колчак владел землей в «Ананьевском уезде, Херсонской губернии, недалеко от Балты, Жеребковке и Кантакузинки». Он имел двух сыновей: Ивана и Федора. Иван Колчак поселился в Одессу, где стал чиновником в городском гражданском управлении. В этом городе Иван Колчак был собственником трех домов. Документы показывают, что в 1843 г. его роду было подтверждено дворянское происхождение [4]. Он был женат на дворянке Екатерине Авксентьевной Баркаревой, которая родила ему трех сыновей: Василия (род. 1837 г.), Александра (род. 1839 г.), Петра (род. 1843 г.) и нескольких дочерей [5]. Отметим, что все сыновья Ивана Колчака избрали для себя военную карьеру.

О старшем сыне И. Колчака – Василии известно, что он женился на Ольге Ильиничне Посоховой. Она происходила из семьи купца первой гильдии и почетного гражданина Одессы Ильи Михайловича Посохова (1810–1886 гг.). У Василия и Ольги было двое детей: сын Александр (4/16 ноября 1874–7 февраля 1920 гг.) и дочь Екатерина (род. 1875 г.). Последняя вышла замуж за генерал-майором Николая Николаевича Крыжановского.

Сын Василия Колчака – Александр женился, в марте 1904 г., на Софии Федоровне Омировой (1876-1956 гг.). Она происходила из православной дворянской семьи, проживавшей в Каменец-Подольске. В 1910 г. в семье родился сын Ростислав (1910-1965 гг.) [6].

Что же касается древнего происхождения рода Колчаков, то семейная традиция (на данный момент документально неподтвержденная), указывает, в качестве предка этого рода боснийского мусульманина Илиаса-пашу Колчака, который находился на службе Османской империи в качестве Хотинского пашы. В 1739 г., в ходе Русско-турецкой войны (1736-1739 гг.), Илиас-паша Колчак [7] и его сын Мехмет-бей были взяты в русский плен и доставлены в Санкт-Петербург. Позже они якобы поселились на жительство в Правобережной Украине, в имение польского магната, который являлся другом семьи. Согласно семейным сведениям, Колчаки приобрели русское подданство и дворянство в 1745 г. [8].

Молдавские источники, называют Илиаса-пашу Колчака «Колчаг-бей паша» („Colseagu-bei paşa”). Летописцы подтверждает его пленение русскими в сентябре 1739 г. [9]. Но уже весной 1740 г. он не только вернулся из России, но даже был назначен на высокие должности в османской администрации: первоначально в качестве Видиского, а затем Хотинского пашы [10]. «Колчаг-бей паша» умер в том же году, вскоре после своего возвращения в Хотинскую крепость [11]. Таким образом, мы отмечаем, что семейная генеалогическая традиция рода Колчаков, относящийся к Колчак-паше, не находит отклика в молдавских документальных источниках.

Новые данные [12] о происхождении Колчаков выявляем из одного документа касающийся молдавских дворян из Херсонской губернии Российской Империи [13]. В данном контексте имеем в виду определение Департамента Герольдии Сената от 4 июля 1808 г., о дворянском происхождении представителей нескольких молдавских херсонских родов, большинство из которых служили в казачьих воинских частях. К этим дворянам относятся и «Александр, Степан, Иван и Калин Колчаковы» [14]. В своем решении, Департамент Герольдии Сената заявлял, что все названные в том документе дворяне, в том числе и представители рода Колчаков, предъявили грамоты о благородном их происхождении, выданные от древних молдавских господарей, которые подтверждали, что они издавна служили той стране и свидетельства Дивана Молдавского Княжества [15].

Напоминаем, что Лукьян Колчак (прямой предок адмирала Александра Колчака), как и вышеназванные молдавские дворяне Колчаки, служил в составе казачьих воинских частей, а также жил и владел землей в Херсонской губернии (в регионе со значительным процентом молдавского населения). В этом смысле, показательно, что и херсонские губернские родословные книги не указывают на существование двух дворянских родов, под аналогичными именами. Поэтому, предполагаем, что Лукьян Колчак был родственником Александра, Степана, Ивана и Калина Колчаков. В то же время имеющиеся источники пока не представляют возможности определить степень их родства – братья, двоюродные братья или племянники.

Этимологически имя «Колчак» имеет тюркское происхождение («qolġaq» = «рукав», от «qol» = «рука») [16]. Отметим, что в молдавской среде относительно часто встречаются антропонимы тюркского происхождения (татарские [17], половецкие, печенежские, огузские) [18]. Эти имена не всегда говорят о существовании тюркского компонента в родословии их носителей (хотя, в науке, признана важность этого этнического элемента в формировании молдавского народа), так как во времена османского владычества, многие молдаване позаимствовали некоторые турецкие прозвища, которые впоследствии стали фамилиями (например: Бакал, Бешлягэ, Бостан, Хажуи, Харабажиу, Делию, Демиржиу, Кейбаш и др.).

Библиографический список

1. Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы Истории. 1991. № 1. С. 52-54, 59-65.
2. Там же. С. 54-58.
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак, 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Том II. Части II и III. Пекин, 1921, 606 с. Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (Краткий биографический очерк). Париж, 1930. 60 с.
4. Дроков С. В., Коновалова О. В. К истории рода адмирала Колчака // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 96-98.
5. Там же. С. 98.

6. Там же. С. 98-99.

7. Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 50. Кручинин А. С. Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 8.

8. Зырянов П. Адмирал Колчак, верховный правитель России. Серия «Жизнь замечательных людей». Гл. 1. СПб., 2006. 637 с.

9. Cogălniceanu E. Leatopisețul Țerei Moldovei de la domniea întâiu și până la a patra domnie a lui Constantinu Mavrocordatu V.V. // Cronicile României sau letopisețele Moldaviei și Valahiei, editate de Mihai Kogălniceanu. Tom. III. București, 1874. P. 199. „Moscul au lovit Hotinu, care puțină bătaie s-au făcutu și au luat pe Colceagu-bei pașa în robie”.

10. Там же. С. 201. „au datu Împărăția lui Colceagu-beiu sărhatul Hotinului, după ce s-au întorsu din robie de la Moscu, după cum sau scris mai înapoi, măcaru că întâiu l-au rănduitu la Vidinu, și nelăsându-l multă vreme l-au rănduitu la Hotinu”.

11. Там же. С. 202.

12. Bacalov S. Considerații referitoare la strămoșii moldoveni ai amiralului rus Aleksandr V. Kolceak // Primul război mondial și Basarabia, (1914-1918). Culegere de studii și articole. Coord. A. Emilciuc. Chișinău, 2015. P. 192-203.

13. Полная версия этого документа, на русском языке, см. в приложение к статье: Bacalov S. *Noi contribuții documentare referitoare la neamul Vărzăreștilor. Ramura „transnistreană”* // STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE, Seria Științe Umanistice, 2015, nr.4 (84), p. 35-42. Электронный вариант статьи см. на сайте: http://studiamsu.eu/wp-content/uploads/05.p.35-42_sum_84.pdf (дата обращения 29.08.2017).

14. Национальный Архив Республики Молдова (Arhiva Națională a Republicii Moldova). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1601. Л. 15, 15об., 16, 16об., 17, 17об., 18, 18об. „...Черноморскаго полковаго хорунжскаго Романа Бабалича, капрала Дыми, и Андрона Ревенковых, прапорщика Ивана Керстина, Александра, Степана, Ивана и Калины Колчаковых...”.

15. Там же. „Доказательство о древнем их дворянстве грамоты молдавских господарей о подтверждении прописанным в них лицам за службу в древнейшие времена земель, свидетельства Дивана Княжества Молдавскаго”.

16. Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы Истории. 1991. № 1. С. 50.

17. Bacalov S. Despre proveniența neamului Cantemireștilor (I) Considerații privind originea tătărească // Prutul. Revistă de cultură. Huși. Serie nouă. Anul II (XI). Nr. 1 (49). 2012. P. 27-42.

18. Djuvara N. Iarăși despre Negru Vodă și „Descălecătoare” // Magazin Istoric. 2000. nr. 8. Djuvara N. Thocomerius-Negru Vodă. Un voivod de origine cumână la începuturile Țării Românești. Cum a purces întemeierea primului stat medieval românesc dinainte de „descălecătoare” și până la așezarea Mitropoliei Ungrovlahiei la Argeș. Noi interpretări. București, 2007. 232 p.

Д. А. БАКШТ (Красноярск)

Красноярский государственный педагогический университет имени
В. П. Астафьева

**«КОЛОНИИ–КОММУНЫ» ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ
КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ
НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24002.

Аннотация: В предлагаемой научной статье предметно исследованы добровольные объединения административно-высланных и сосланных по суду «политических ссыльных» в форме «колоний–коммун» накануне Февральской революции 1917 г. Такие общины рассматриваются как один из институтов социального вспомоществования, порожденные революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. Изучены разновидности организационного процесса, предлагается классификация «колоний–коммун». Определены перспективы дальнейших исследований в рамках исследуемой темы.

Ключевые слова: политическая ссылка, Сибирь, благотворительность, социальное вспомоществование.

D. A. BAKSHT (Krasnoyarsk)

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

**«COLONIES-COMMUNES» OF SIBERIAN EXILES
AS AN INSTITUTE OF SOCIAL WELFARE ON THE EVE OF FEBRUARY
REVOLUTION**

Annotation: In the proposed article the «colonies-communes» – the unions of administratively-displaced persons and «political exiles» were studied on the eve of February Revolution 1917. Such communities are regarded as one of the institutions of social welfare generated by the revolutionary movement in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The types of organizational process are studied and classification of «colonies-communes» is proposed. Prospects for further research within the framework of this topic are determined.

Keywords: political exile, Siberia, charity, social welfare.

Проблемы складывания общностей между лицами, к которым была применена мера наказания в форме ссылки на поселение по суду или административной высылки (ссылки в широком смысле слова) в императорской России при-

влекали внимание исследователей. Об общинах в пенитенциарной системе в условиях Сибири начали размышлять до падения самодержавия (Н. М. Ядринцев, А. В. Пешехонов и другие). Несмотря на связь данной темы с более общей тематикой общественно-политического движения, только некоторые советские исследователи скрупулезно и комплексно рассматривали данный аспект (Н. Н. Щербаков, Э. Ш. Хазиахметов, М. Ф. Богданова). Ими была предпринята попытка установить социологический портрет «политического ссыльного» и общую динамику численности. Организация объединений ссыльных в Сибири рассматривались, прежде всего, как один из доступных этой группе лиц метод борьбы с монархическим режимом. В связи с общественно-политической конъюнктурой теме ссылки стало уделяться меньшее внимание, чем прежде. Однако тема получила свое развитие в основном в исследованиях сибирских историков ссылки (Э. Ш. Хазиахметов, А. А. Иванов, А. Ф. Букин, В. В. Кудряшов и др.). Тенденции последних 20 лет перенаправили внимание историков от сибирской политической ссылки в сторону механизмов противостояния революционного движения и полиции [1].

Примечательно, что нелегальные союзы и объединения ссыльных остаются неучтенными у исследователей, изучающих становление и развитие институтов гражданского общества в позднеимперской России. Такая имманентность предметов не позволяют связать несколько проблем предреволюционной России, обострившихся в период социально-политического кризиса 1917 г.: репрессивная политика в отношении объединений; практика «политической ссылки» (в основном, административной высылки) и относительная слабость карательного аппарата. Совокупность, прежде всего, этих факторов предопределила складывание устойчивых нелегальных организаций, ставших основой для революционных органов власти в провинции в период Февральской революции 1917 г.

Т. А. Катцина затрагивала проблему изучения системы благотворительной помощи ссыльным, но ее предметом изучения были легальные институты и уголовные ссыльные [2], а также административно-высланных с прифронтовых территорий европейской части Российской империи [3]. Современная зарубежная историческая наука слабо касается вопросов ссылки, за редким исключением [4].

Под термином «колонии ссыльных Сибири» понимается как обозначение добровольных объединений ссыльнопоселенцев, осужденных за «политические» преступления, предусмотренные статьями 99–137 Уголовного уложения 1903 г. и административно-высланных. В начале XX в. в российском праве не было понятия «колония», но им полуофициально обозначали любую концентрацию лиц по какому-либо признаку, имеющему регулярный характер. По Уставу о ссыльных редакции 1909 г. ссылка подразделялась на два вида: ссылка в каторжные работы и ссылка на поселение. Схожим по реализации со ссылкой на поселение являлся институт административной высылки. Учитывая специфику каторги и каторжных тюрем, общности ссыльных и высланных на поселение имели значительные отличия. Практика ссылки и административной высылки в Сибирь показала, что для полноценного надзора требуются

внушительные ресурсы, в высшей имперской бюрократии вплоть до падения монархии витали идеи организации ссылки на поселение в форме «штрафных колоний» в наиболее отдаленных уездах Сибири [5].

Ссылные в период массовых водворений в период Первой русской революции и несколько лет спустя после ее завершения имели возможность достаточно свободно передвигаться в рамках определенных им сибирских уездов. Это было вызвано, прежде всего, слабостью надзора за ними со стороны малочисленного и плохо финансируемого карательного аппарата в провинции в совокупности со слабо развитой транспортной инфраструктурой.

В этих условиях на фоне массовой политизации российского общества начала XX в. в масштабах всей сибирской политической ссылки зарождались «колонии» или «коммуны» ссылных. К их причинам можно отнести:

А) социально-политические: в условиях изоляции от основных центров оппозиционного движения, ссылным было крайне необходимо найти единомышленников;

Б) социально-нравственные причины: ссылным было важно воплотить на практике их идеалы публичной сферы;

В) слабость надзора со стороны органов государственной власти;

Г) слабость финансового обеспечения жизнедеятельности поднадзорных со стороны государства. При этом, трудоустройство водворенных было затруднительно в сельской местности со слабой плотностью населения и неблагоприятным климатом.

Д) неразвитость и недостаточность мер государственного социального вспомоществования («презрения»), которые были предусмотрены лишь для неспособных к работе в форме определения в специальные учреждения.

Практика создания таких объединений в 1907–1917 гг. получила значительное развитие. По данным Н. Н. Щербакова, они были организованы не менее чем в 164 населенных пунктах Сибири [6]. В. В. Кудряшов полагает, что «колонии-коммуны» существовали везде, где находилось не менее трех лишенцев [7]. Можно согласиться с этим, но «колония-коммуна» будет играть роль института социального вспомоществования лишь тогда, когда имеется более многочисленная организация, определенный финансовый ресурс и механизм его распределения.

Классификацию «колоний-коммун» можно провести так:

1. Объединения по политико-партийной принадлежности (сближение «колонии» с первичной партийной организацией или наоборот отход от категоричной демаркации по политико-партийной принадлежности). Политико-партийное размежевание массового революционного движения, явно проявившееся во время революции 1905–1907 гг., еще не было окончательным. Упрощение политических концепций для доступного восприятия делали границы между отдельными группами (в особенности левого спектра – социал-демократы, социалисты-революционеры, анархисты) нечеткими и весьма условными. В связи с этим, сибирская политическая ссылка отражала этот процесс, но проявление этого проявлялись двумя путями: А) создание объедине-

ний по партийному признаку, колонии – первичной партийной организации. Б) создание внепартийных объединений ссыльных.

Имеются немногочисленные примеры, зафиксировавшие развитие внепартийной «колонии-коммуны» в масштабах отдельной местности. В Тобольской губернии достаточно рано развиваются подобные тенденции: уже в июне 1906 г. прошел I съезд ссыльных Тобольской губернии, а в сентябре того же года – III съезд. В 1908 г. подобное мероприятие зафиксировано в Туруханском крае Енисейской губернии: первый и единственный съезд политических ссыльных края прошел в селе Верхне-Инбатском при представительстве 29 крупных «колоний-коммун».

В 1909 г. в Нижнем Приангарье (Енисейская губерния) был организован «Беспартийный союз политических ссыльных на Ангаре», (в 1910 г. разгромлен полицией) [8]. Повторно организовать съезд «колоний-коммун» Енисейского уезда удалось лишь весной 1916 года, но тогда на повестке были политические вопросы [9]. В Канском уезде Енисейской губернии к середине 1916 г. имелась лишь социал-демократическая организация ссыльных из 7 «колоний-коммун» уезда (136 человек), которые также организовали собственный съезд [10]. В 1907–1913 гг. в Нарымском крае Томской губернии также существовала некая «беспартийная организация» ссыльных, в дальнейшем расколовшаяся по партийному признаку на три независимые группы [11].

Во всех случаях органом управления подобной «федерации колоний» ссыльных выступало коллегиальное Центральное бюро, избравшееся из числа делегатов первого съезда в составе трех человек (в Приангарском союзе 1916 г. – «правление корпорации ссыльных»). Один из членов этого органа назначался хранителем кассы взаимопомощи, один – председателем органа, отвечавшим за организацию и протоколирование принятых решений. Приангарский союз ссыльных 1909 г. организовал промежуточные органы – волостные бюро [12]. Органами управления «колониями-коммунами» являлись коллегиальные «бюро».

Для таких организаций характерно стремление к формализации деятельности, максимальному охвату ссылки и попытка преодоления социальных, национальных и политических противоречий. Но интеграционные процессы нарушались, главным образом, размежеванием по политико-партийной принадлежности и проявившемуся индивидуализму в вопросе распределения ресурсов и нежеланию подчиняться не только представителям власти, но и неформальной общности. Анархисты, отбывавшие наказание в сибирской ссылке, стояли особым общностью по политико-партийному признаку. Представители этой сравнительно немногочисленной группы слабо участвовали в беспартийных «колониях-коммунах» и кассах взаимопомощи. Более того, за исследуемый период есть ряд примеров их дезинтеграционной деятельности.

К началу Первой мировой войны, с ростом эффективности работы территориальных органов Департамента полиции МВД, значительная часть ссыльных в городах Сибири и сельской местности концентрировались в потребительских кооперативах [13]. Кооперация как форма взаимодействия ссыльных в Сибири имеет к социальному вспомоществованию опосредованное отношение.

Во-первых, вхождение в кооператив зачастую было формой политической активности, легальным прикрытием пропагандистской и иной запрещенной деятельности. Во-вторых, открытость кооператива к вхождению в него новых пайщиков из числа местного населения разрушало условные границы между ссыльными и прочими жителями населенного пункта (территории), что является одной из черт «колоний-коммун» ссыльных.

Зафиксированы случаи различения ссыльными «колонии-коммуны» и «кооператива» (село Нижнеилимское Иркутской губернии, 1913 г.) [14]. Г.А. Мучник свидетельствовал об обратной ситуации, когда вся «колония-коммуна» (село Казачинское Енисейской губернии) включилась посредством решения своего коллегиального органа (бюро «колонии») в процесс организации потребительского кооператива [15]. Существовала третья ситуация, когда имеется и кооператив и «касса взаимопомощи», однако для этого требовалось больше ресурсов, задействованных лиц и условия для конспирации. Это было затруднительно организовать в сельской местности. Так, в 1916 г. в Красноярске, помимо кооператива «Самодетельность», существовала и «Социал-демократическая касса взаимопомощи ссыльным», которая располагала средствами около 100 рублей и имела отдельный орган управления – «бюро» [16]. Сама форма беспартийной «колонии-коммуны» была неустойчива вследствие постоянных попыток самих ссыльных переселиться в сибирские города. Так, по свидетельствам мемуаристов в Минусинском уезде за 1910–1917 гг. существовало всего пять «коммун-колоний», среди которых наиболее устойчивой были общины в Минусинске и селе Григорьевка [17].

2. Объединения по национальной принадлежности, «землячество». Объединения сибирских политических ссыльных в форме землячеств в конце XIX в. характеризовало, главным образом, осужденных за восстание 1863 г. в русской части Польши. В этой среде стало частым явлением появление касс взаимопомощи и объединений в местах компактного проживания. В период 1906–1908 гг. зафиксированы две польские «колонии-коммуны» на территории Туруханского края Енисейской губернии (Селиваниха и Мироедиха), еще одна – в Горном Зерентуе. Латышские «колонии-коммуны» ссыльных единично фиксируются в Томской губернии (Алатаев, Инкин, Колпашев, Тогур) Енисейской губернии (Богучаны и Яланское) и Иркутской губернии (Нижне-Илимск).

Примечательный случай, спровоцированный жандармерией Енисейской губернии в 1913 г. Один из офицеров по своей инициативе написал письмо в Лондон латышскому эсеру Сидрабсу от имени вымышленных ссыльных латышей Туруханского края, которые якобы создали кассу взаимопомощи. Был выслан «устав», перепечатанный с изъятого при ликвидации настоящей «кассы взаимопомощи» ссыльных на Ангаре. В сравнительно короткий промежуток времени на указанный адрес были направлены денежные средства, нелегальная литература и адреса явок для побегов из Парижа, Лондона и Либавы [18].

В ряде населенных пунктов имелись «колонии-коммуны» евреев-бундовцев. Однако имеются значительные свидетельства, когда они входили в объединения ссыльных иных национальностей и партийной принадлежности.

Учитывая изложенное, «колонии–коммуны» по национальному признаку были, во-первых, малочисленными и редкими; во-вторых, подобное разделение не было принципиальным, а, скорее, ситуативным.

К источникам финансирования касс взаимопомощи «колоний-коммун» относились: 1) взносы из личных денежных средств ссыльных или от перечислений их семей; 2) пожертвования эмиграции, политических и общественных организаций.

Крупные организации-доноры, которые отчисляли средства на вспомоществование ссыльных, находились, в основном, за пределами Российской империи. К ним относились «политический» Красный Крест (Швейцария) и его многочисленные независимые друг от друга отделения (с 1906 г.) [19], Парижские комитеты помощи каторжанам и ссыльнопоселенцам (Франция, с 1910 г.), Межпартийный социалистический фонд помощи ссыльным и политзаключённым в России (Франция), Нью-Йоркское общество помощи жертвам русской революции (с 1911 г., США), Льежская сибирская касса (Бельгия), Краковский союз помощи политическим заключенным (с 1913 г., Австро-Венгрия) [20].

Объединяющим их признаком являлся принцип беспартийности участников обществ и адресатов их поддержки. Кроме того, все эти организации формально не были легализованы на территории Российской империи. Следует отметить, что российское правительство вообще настороженно относилось к любой форме коллективной деятельности, тем более – к зарубежным общественным организациям, имеющим в своем распоряжении финансы. С изданием Именного высочайшего указа правительствующему сенату о временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. деятельность сообществ, «управляемых учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели» была полностью запрещена (подпункт «б» пункта 6 статьи I). В свою очередь, средства этих организаций также формировались за счет пожертвований или иной коммерческой деятельности (благотворительные баллы, творческие выступления, иное). При этом большинство таких фондов сужали свое целевое назначение лишь по корпоративному принципу (только ссыльным). К 1914 г. деятельность зарубежных организаций развились настолько, что выделились два фонда, через которые проводили свои ресурсы другие организации: Краковский союз и Парижский комитет. При этом они поделили между собой территории ответственности. Интересным фактом является то, что подобные общественные организации развили свою деятельность в те годы, когда почтовые отделения были поставлены под контроль не только существовавшим «черным кабинетам», но и территориальным органам Департамента полиции МВД в провинции.

Достаточно сильными кассами взаимопомощи, пополняемыми за счет взносов работающих ссыльных по прогрессивной шкале, были в Минусинске (с 1911 г.), селе Григорьевка Минусинского уезда (с 1915 г.) Енисейской губернии; селе Тайшет Иркутской губернии (с 1913 г.) [21]. При этом, имеются упоминания сведения о материальной поддержке минусинцами из своих средств лиц, отбывающих наказание в Канском уезде Енисейской губернии или в Иркутской губернии.

При этом сообщается, что наиболее стабильным источником по жертвованиям от организаций и частных лиц («с воли») были средства от Нью-Йоркского общества помощи жертвам русской революции. За 1911–1917 гг. фонд перевел в Канский уезд 4,92 тыс. руб., в то время как физические лица перечислили 1,165 тыс. руб.

Также видится перспективным детальное изучение структуры расходов как отдельных «колоний-коммун» ссыльных, так и их территориальных объединений. Это конкретизировало бы гипотезу о том, что рассматриваемая временная общность была, прежде всего, институтом социального вспомоществования, а не «орудием политического протеста». Перспективным доказательством данного положения послужили бы данные о заметном превалировании в структуре расходов средства, выделенные не на побег с мест отбытия наказания, а на вспомоществование нуждающимся.

Таким образом, колонии-коммуны являясь институтом социального вспомоществования носили временный характер. Неустойчивые связи, вызванные финансовыми и бытовыми стеснениями ссыльных, не позволяли выстраивать работу таких образований за пределами конкретных индивидуальных соглашений. Попытки создать организацию за пределами одного населенного пункта были бесплодными за редкими исключениями. Зависимость объединений от внешних финансовых поступлений. Более устойчивой формой были партийные организации, концентрировавшие организационные и финансовые ресурсы в городах. Но эти скудные ресурсы имели иное целевое назначение.

Межреволюционный период породил стихийно созданный институт социального вспомоществования, ставший «проверкой на прочность» социальных и политических идеалов осужденных и административно высланных «политических преступников». Стремительное падение имперских государственных институтов в ходе Февральской революции вывел людей с опытом и практиками, которые ранее были репрессированы по «политическим» мотивам. Таким образом, выработанный на окраинах Российской империи коллективный добровольный институт социального вспомоществования узкой корпорации лиц войдет в общегосударственную практику революционного государства.

Библиографический список

1. Петин Д. И. Рецензия на монографию А. Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917) // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 1. С. 85.

2. Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 4. С. 204–207.

3. Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2010. № 3. С. 5–16.

4. Badcock S. A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2016. 226 p.

5. Особые журналы совета министров Российской империи. 1917 год. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 93.
6. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907–1917 гг.). Автореферат ... докт. ист. наук. Иркутск, 1987. С. 33.
7. Кудряшов В. В. Опыт взаимодействия политических ссыльных в борьбе с царизмом в восточной Сибири (1907–1917 гг.) // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. Т. 1. № 1. С. 245.
8. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–1об. Там же. Ф. 830. Оп. 1. Д. 45. Л. 11об.
9. Хазиахметов Э. Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906 – февраль 1917) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. III. Иркутск, 1979. С. 99.
10. Протопопов К. Съезд представителей касс взаимопомощи ссыльных Канского уезда // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (Кн. 39). С. 131.
11. Макачук С. В. Анархисты Томской губернии в начале XX в. // Труды Томского государственного университета. 2005. Т. 205. С. 107.
12. Водолазский А. Т. В енисейской ссылке // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 131.
13. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев. – Новосибирск: Автограф, 2015. С. 249.
14. Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.): сборник документов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. С. 63.
15. Мучник Г. А. Двадцать лет партийной работы в Сибири и на Дальнем Востоке. М.: Издательство политкаторжан, 1935. С. 97.
16. Бакшт Д. А., Катцина Т. А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: о состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П. П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 45, 50.
17. Пузанов Д. Минусинская ссылка 1910–1917 г.г. // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (Кн. 39). С. 105–107.
18. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–17.
19. Стрельникова Е. В. Политический Красный Крест в Российской империи и за рубежом (1906–1914) // Вестник Православного свято-тихвинского государственного университета. 2011. Вып. 1 (38). С. 78.
20. Букин А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917). Омск. 2015. С. 51.
21. Водолазский А. Т. В енисейской ссылке // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 86.

С. Г. БАТИШЕВА

Министерство культуры Омской области

**ОМСКИЙ ГАРНИЗОННЫЙ СОВЕТ СОЛДАТ–КРЕСТЬЯН:
МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой краеведческое исследование, посвящённое изучению деятельности Омского гарнизонного совета солдат–крестьян депутатов – одного из главных органов революционной власти в Омске в 1917 г. Основными источниками, использованными в ходе подготовки работы стали документы фонда названного органа власти, хранящиеся в Историческом архиве Омской области.

Ключевые слова: Омск, революция, советы, армия, 1917 г.

S. G. BATISHEVA

Ministry of Culture of the Omsk Region

**OMSK GARRISON COUNCIL OF SOLDIERS-PEASANTS:
DEPUTIES: BETWEEN TWO REVOLUTIONS**

Annotation: This publication is a regional study devoted to the study of the activities of the Omsk Garrison Council of Soldiers–Peasants – one of the main organs of the revolutionary government in Omsk in 1917. The main sources used in the preparation of the work were the documents of the fund of the named authority, Archive of the Omsk region.

Keywords: Omsk, revolution, councils, army, 1917.

В этом году исполняется 100 лет двум революциям в России. Изучение этого феномена нашей истории продолжает быть одной из важных и сложных проблем научных изысканий. Эта переломная, не только для России, но во многом и для мировой истории, эпоха содержит в себе ряд параллелей, в известном смысле перекликающихся с современностью. Период от Февраля к Октябрю стал для России в целом временем мучительного поиска выхода из глубочайшего кризиса, временем исторического выбора. И выбор этот во многом определялся позицией крестьянства, которое являлось большинством населения России, его политическими настроениями, социальной активностью, отношением к предлагаемым различными партиями альтернативам. То, как была воспринята новая политическая система массовым сознанием народа, предопределяло расстановку сил и развитие событий в 1917 г. Именно от крестьянства, не просто составлявшего большинство населения России, но, по сути, являвшегося хранителем ее традиций, и зависела судьба дотоле невиданной им «демократии», провозглашенной Февральской революцией. Собственно говоря, демократии России удалось «вкусить» недолго. Большевики правильно

воспользовались ситуацией, все же сделав союзников из большинства населения, которое не разделяло их взгляды.

Действительно, кризис России в 1917 г. привел к распаду империи, экономической катастрофе, длительной и кровопролитной Гражданской войне, закончившейся утверждением тоталитарной власти. А переживаемое состояние российского общества особенно в 1990-е гг. во многом напоминало ситуацию 1917 г. Общесистемный кризис сопровождается нестабильностью политической системы, а острая политическая конфронтация в условиях своеобразной отечественной многопартийности сочетается с низким уровнем политической культуры масс при отсутствии консолидирующей идеи. Это свидетельствует о сходстве некоторых факторов и позволяет сделать даже такой вывод, что «Россия возвратилась к решению проблем, оставленных ей началом XX века» [1].

В этих условиях актуальность осмысления революции 1917 г. трудно переоценить. По выражению известного исследователя В. П. Булдакова, «Невежество обходится очень дорого. История – это обучающий, а не убивающий процесс. Понять “красную смуту” – значит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества» [2].

Фонд Омского гарнизонного совета солдат-крестьян – лакмусовая бумажка настроения широких масс, сложившегося в период между двумя революциями. Созданный 26 апреля 1917 г. Союз солдат-крестьян в июне 1917 г. был преобразован в Омский гарнизонный Совет солдат-крестьян Омского военного округа. Был ликвидирован в январе 1918 г. В фонде этого органа власти сохранились: резолюция II-го Западно-Сибирского съезда Советов крестьянских депутатов (июнь 1917 г.), копии протоколов заседаний Омского Союза солдат-крестьян, Омского гарнизонного Совета солдат-крестьян.

Омского гарнизонного совета солдат-крестьян стоял на платформе партии эсеров. Не секрет, что большинство солдат, призывавшихся на службу, были бывшими крестьянами и отсюда название Совета, и отсюда понимание нужд и чаяния друг друга. Программа исполкома Совета солдат-крестьян Омского военного округа сообщала: «Совет крестьянских депутатов. Война и мир. Военное правительство. Учредительное собрание. Укрепление и завоевание свободы. Продовольственный вопрос. Борьба и уменьшение посевной площади. Кооперация и знания переживаемого момента. Земельный вопрос. Местное самоуправление. Народное образование. Суды. Улучшение сельского хозяйства, скотоводство и лесосохранение. Народное здравоохранение. Солдатский паёк. Борьба с алкоголем, т.е. пьянством. Дезертирство. Выборы» [3].

Эсеры, пользовавшиеся огромной популярностью в крестьянской среде благодаря традиционному лозунгу «Земля и Воля» и аграрному проекту, где всем нужно раздать земли поровну, сыграли важную роль в раскачивании крестьянской стихии, спровоцировав погромное движение в сельской местности и дестабилизацию всей социально-политической системы. «На знамени написаны слова «За землю и волю», выражающие то, к чему стремиться крестьянство, чего хочет оно для себя. Укрепить добрую волю и добыть землю вот главное наше стремление» [4].

Интересно проследить взгляды, которые пытались донести эсеры до крестьян и солдат, и на это были направлены их лекции, проводимые в солдатской и крестьянской среде. По документам фонда можно проследить их тематику лекций, есть и их тексты. «Лекции, читанные курсантам исполкома солдат-крестьян Омского военного округа за 1917 г. Темы лекций: об автономии Сибири, постановка школьного вопроса, земство и земельный вопрос в учредительном собрании» [5]. Вот как говорилось о процессе автономии: «Тот порядок, который был у нас до революционного времени, называется централистическим. Он назывался так, потому что был самодержавный, и управление велось из центра. Теперь необходимо сделать децентрализацию. Все окраины обширной российской республики – Сибирь, Кавказ и т.д. должны издавать законы для своих областей. Что касается общих законов: война, мир, денежные знаки, почта – это будет издаваться центральным российским парламентом, на основе федеративного устройства, т.е. союзом этих областей. Такой порядок устройства в Германии, Швейцарии, Америке» [6].

Выдержка из лекции о проблемах образования в России выглядит так: «О постановке народного образования. Все реформы народного образования можно будет поставить только тогда, когда у нас будет народный учитель. Бисмарк сказал после поражения Франции, Франция побеждена не железным кулаком: победил германский учитель. Наше начальное образование должно быть общим, бесплатным и доступным для всех. Из нашей школы ученик выходит мало знающий или знающий то, что негде применить. Наоборот, немецкие школы дают понятия обо всём, а раз дети любят школу они любят и страну. В здоровом человеке должен быть здоровый дух, необходимо гармоничное развитие человека» [7].

Самый насущный вопрос, звучавший на заседаниях Совета солдат-крестьян – это снабжение [8]. Сохранились письма из городской продовольственной управы, в одном из них (от 6 июня 1917 г.) проблема обозначена достаточно чётко. «С раннего утра и до конца занятий в канцелярию городской продовольственной управы стекаются толпы солдат и, предъявляя удостоверения от войсковых частей о нужде личной и их семей в мануфактуре, а то и просто записки, удостоверяющие их личности и настоятельно, с различно рода угрозами, требуют право на получение мануфактуры. Обыкновенно целый день членов управы тратится на разъяснение их законных требований и в выслушивании незаслуженных оскорблений. Фактом отказа солдаты остаются недовольны и уходя из управы уносят с собой и чувство затаённой злобы, которое, безусловно, будет передано и сочувствующим им. Таким образом, Городская продовольственная управа, встречая сочувственное и одобрительное отношение в своих открытых действиях демократических, общественных и политических организаций с одной стороны, не может рассчитывать без вмешательства влиятельных органов на такое же отношение со стороны солдат. Просим принять участие в деле разъяснения солдатам по тем вопросам, по которым им больше всего приходится обращаться в Управу, это отпуск сахара, мануфактуры и табака» [9].

И общество занималось разъяснениями подобных вопросов. Но в свою очередь опять же просило ту же самую Городскую продовольственную управу о немедленном проведении в жизнь учёта, регулирования поступления, распределения и нормировки цен на продукты первой необходимости, фабриканты и товары массового потребления. Иная проблема Совета, а затем Союза солдат-крестьян – это постоянное движение членов исполкома, которые являлись офицерами, солдатами и их часто перемещали вместе с воинскими частями на передовую, тем самым постоянно приходилось искать новые кадры для комитета, но иногда были прошения об оставлении того или иного активного представителя Совета для работы на месте и не посылки на фронт. «Комитет нашёл: что уход из Комитета прапорщика Кочемайкина не желателен, что в лице его Комитет союза потеряет одного из лучших работников, а потому комитет постановил: просить Кочемайкина не выходить из состава комитета, а делегировать членов комитета Бабаевского и Кравченко к солдатам 12 роты 19 полка с просьбой оставить Кочемайкина в составе комитета, объяснив им причину оставления» [10].

Обсуждаемым вопросом был о выселении военнопленных из города. «Комитет признал необходимым выселить немедленно всех без исключения военнопленных из города Омска в концентрационные лагеря, под усиленный надзор, для предупреждения возможных поджогов, грабежей и беспорядков, так как таковые имели место быть в Барнауле и Ново-Николаевске. Все как команды, так равно и одиночные военнопленные, идущие на работу должны сопровождаться конвоем. Ввести обязательный отметный знак для военнопленных, согласно их воинского устава» [11].

В итоге, информация по Омскому и Тюкалинскому уездам о количестве выданных военнопленных на каждую волость в отдельности в 1917 г. «Выданных военнопленных 5010 человек. Больше всего в Кулачинской волости – 805, затем Богословская – 481 и затем Любинская – 409. В городе Омске и Омском уезде было – 8783 человека. Больше всего было на станции Николаевской – 1584 человека, Черлаковской волости 690 человек, в Черёмуховской – 539. В самом городе Омске оставалось – 132 человека» [12].

Крестьяне, исходя из документов, не стремились быть призванными в армию и не хотели становиться солдатами, потому всяческими способами пытались её избежать. Одним из них поделился представитель комитета в своём донесении: «Омскому уездному воинскому начальнику сообщаю для сведения, что крестьяне хутора Тулубай, Омского уезда заявили комиссару по учёту хлебных припасов солдату 19-го полка Сердюкову, что в указанном селе, крестьянин Николай Константинович Петров путём впрыскивания какой-то жидкости способствует освобождению крестьян от воинской службы» [13].

После проведения второго съезда Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, на заседаниях Совета солдат-крестьян шло обсуждение проекта организации сельских, волостных и уездных комитетов, принятого Западно-Сибирским Советом крестьянских депутатов. В целях организации трудового крестьянства и обслуживания его ближайших нужд на местах должны были создаваться сельские комитеты. «Сельские комитеты избираются всеми прожи-

вающими в сельском обществе без различия пола, национальности, вероисповедания, достигшим 20-летнего возраста, на сельских сходах открытым или закрытым голосованием по усмотрению общества, причём на первом сходе должно присутствовать не менее 1/3 жителей, имеющих право голоса. Второй сход действителен при любом количестве собравшихся. На обязанностях комитета лежит: Заведование сельской милицией, где таковая будет учреждена; Сбор всякого рода податей, налогов и сборов; Забота о семьях призванных на войну и, особенно, о сиротах павших воинов; Поддержание порядка и спокойствия; Забота об осеменении и сборке полей слабосильных и семей призванных на войну; Проведение в жизнь самых обширных санитарных мероприятий; Борьба с пьянством и тайным винокурением; Сельские сходы собираются сельским комитетом по требованию 1/5 членов жителей поселка, имеющих право голоса; Сношения от имени сельского общества с крестьянскими и прочими учреждениями; Ведение всего продовольственного дела в сельском обществе; Принятие мер к предупреждению и пресечению преступлений; Учреждение опеки; Третье разбирательство; Забота об общественных зданиях имуществ; Принятие мер по охране полей, лесов и всякого рода угодий; Заведование мирским и общественным капиталом; Забота о дорогах, переправах и постах; Исполнение всякого рода постановлений и поручений правительственных, общественных и крестьянских учреждений; Раздача пайков беженцам производится на тех же основаниях и семьям призванных. Заведование сельскими продовольственными капиталами лежит на сельских комитетах. Распоряжение ими производится по приговору сходов, результаты которого, предоставляются в волостной комитет. Постановления сходов могут быть обжалованы в 7-дневный срок и тогда должны поступить на повторное рассмотрение сельского схода, вторичное постановление считается окончательным. Распоряжение хлебными продовольственными запасами производится в том же порядке» [14].

Таким образом, в проекте на сельские комитеты должны были быть возложены огромнейшие полномочия, которые собственно перекликаются с сегодняшними – возложенными на сельские поселения. Но, перейдя от пропаганды революционного пути решения земельного вопроса к попыткам конструктивного решения вопросов государственного значения, эсеры утратили контроль над развязанной стихией движения масс. В частности, когда встал вопрос о всероссийской манифестации 13 августа 1917 г., то Совет отказался её поддержать. «Резолюция исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов и Совета солдат-крестьян, всесторонне обсудив вопрос о манифестации 13 августа, устраиваемой Советом рабочих и солдатских депутатов и приняв во внимание, что в переживаемое время манифестация с лозунгами направленными против деятельности временного правительства недопустима. Когда страна гибнет от финансовой и продовольственной разрухи, не время заниматься манифестациями и следует оказать полную поддержку Временному правительству для внесения мира и спокойствия в жизнь страны. Обилие черносотенного элемента в связи с переводом царского семейства в Тобольск может воспользоваться лозунгами и привести к столкновению. Исполком Западно-Сибирского совета крестьянских депутатов и солдат-крестьян признал своё

участие в манифестации 13 августа нежелательным и призывает всех граждан и товарищей солдат сохранять мир, тишину и спокойствие» [15].

По поводу Ленина и его пропаганды, на одном из заседаний запротоколировали: «Исполнительное бюро солдат-крестьян находит в данный момент деятельность Ленина крайне вредной для свободной России и присутствие его в Омске крайне нежелательно. Исполнительное бюро солдат-крестьян просит членов нашего союза немедленно организовать во всех полках митинги, на которых, по возможности, детально осветить деятельность Ленина. Пропаганда Ленина вносит развал в революционную среду и тем разъединяет силы демократии» [16].

На растущей нетерпимости крестьянства тем временем завоевывала свой политический капитал партия Ленина, выдвигавшая простые рецепты немедленного и насильственного решения всех вопросов и демонстрировавшая готовность удовлетворить любые требования масс, оперативно облекая их в соответствующие лозунги. Реакция эсеров была таковой: почти в каждом номере их газет объяснялась недопустимость самочинных захватов крестьянами земель помещиков и отрубников к тому же они могут вызвать в деревне анархию междоусобную борьбу крестьян, что социализация незыблема в программе эсеров, но сейчас захваты земель недопустимы. Они ведут к дезорганизации крестьян, разбивают их крестьянские революционные силы. Последняя надежда эсеров была на выборы в Учредительное собрание, которое должно было, наконец, установить демократическую форму правления в России и явиться панацеей от всех бед.

В Обращении к солдатам-крестьянам Омского гарнизона говорилось: «Товарищи Солдаты-крестьяне! Если вам не чужды интересы трудового крестьянства. Если Вам желательно полностью выразить свою волю и отстаивать свою волю в учредительном собрании и если в вас ещё не иссякло стремление к сплочённости и объединению, то возобновите организацию солдат-крестьян в городе Омске. Многие из нас, товарищи, не знают о том, что из себя представляет Учредительное собрание и не знают, кого в него избирать» [17].

Именно предстоящие выборы в Учредительное собрание активизировали деятельность общества, угасшую к лету 1917 г. Постановление из протокола № 12 заседания полковых советов Омского гарнизона и членов исполкома солдат-крестьян Омского военного округа 11 августа 1917 г. гласило: «Восстановить в полках и дружинах, полковые, ротные советы солдат-крестьян. Для чего представителям от полков немедленно собрать в своих полках по одному человеку от каждой роты, учебных команд и 2-х человек от нестроевых команд для организации полкового Совета. Еженедельно в пятницу созывать по одному представителю от полковых и дружинных советов для объединенного заседания в окружном комитете» [18].

Работа началась достаточно активная. Проводилась она среди крестьянского населения, куда выезжали пропагандисты для разъяснения кого выбирать в Учредительное собрание. Но как оказалось, всё, что делалось данным Советом, было достаточно слабым и маловлиятельным в сравнении с другой силой, которую представляло большевистское движение. Неудивительно, что деятель-

ность Совета солдат-крестьян после революции практически тут же прекратилась и на смену пришли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Таким образом, с февраля по октябрь 1917 г. шёл очень быстрый процесс нарастания всевозможных конфликтов.

Одним из главнейших конфликтов в России – был крестьянский вопрос. После падения самодержавия крестьянство в начале присматривалось, но к лету 1917 г. активность возросла, но была в рамках закона, но осенью крестьянское движение фактически приняло антигосударственный характер. Крестьянство было втянуто в конфликт. Деревню захлестнула анархия [19]. Большевики перехватили у эсеров власть над крестьянством земельным декретом. Потом отдали землю крестьянам, отобрав у помещиков, тем самым отвлекли крестьянство от основных событий, происходящих в центре, и тем самым вывели их с арены политической деятельности. Большевики провозгласили лозунг: «Вся власть Советам», и крестьянство России, составляющее 80% населения, предоставило политическую арену в полное распоряжение большевикам, хотя и не совсем поддерживало их взгляды и даже относилось к ним, этим взглядам, как показывают документы с опаской. История показала, что опасалось крестьянство не напрасно, оно в связке рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всегда было третьим и самым гонимым.

Библиографический список

1. См. подробнее: Блюменталь И. И. Революция 1917–1918 годов в Самарской губернии (Хроника событий). Т. 1. 1917 (март – декабрь). Самара : Истпарт Самарского ГК РКП(б), 1927.

2. См. подробнее: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

3. ГИАОО. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

4. Там же. Д. 2. Л. 12.

5. Там же. Д. 13. Л. 15.

6. Там же. Л. 17.

7. Там же. Д. 13. Л. 9Б.

8. Там же. Д. 6. Л. 8А.

9. Там же. Д. 13. Л. 9Б.

10. Там же. Д. 7. Л. 8.

11. Там же. Л. 10.

12. Там же. Д. 16. Л. 2.

13. Там же. Д. 7. Л. 7.

14. Там же. Л. 94.

15. Там же. Д. 2. Л. 36.

16. Там же. Д. 4. Л. 41.

17. Там же. Л. 42.

18. Там же. Д. 9. Л. 15.

19. См. подробнее: Марченя П. П. Крестьянство Поволжья и большевики в 1917 году: Социокультурный аспект. Дисс. канд. ист. наук. М., 2002.

Г. Ю. БОРОДИНА (Омск)
Исторический архив Омской области

**«ВЫРАБОТКА БУМАГИ
НАХОДИТСЯ В КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ»:
К ВОПРОСУ О БУМАЖНОМ КРИЗИСЕ В БЕЛОМ ОМСКЕ В 1919 Г.**

Аннотация: Данная публикация посвящена одному из частных аспектов работы государственных учреждений в антибольшевистском Омске в 1919 г. Основой для подготовки работы стали источники, сосредоточенные в Историческом архиве Омской области в фонде Министерства торговли и промышленности. Ряд сведений вводится автором в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Омск, история делопроизводства, история государственных учреждений, бумажная производство, Гражданская война.

G. Y. BORODINA (Omsk)
Historical archive of Omsk region

**«GENERATION PAPER AT A BREAKING POINT»:
THE ISSUE OF THE PAPER CRISIS IN WHITE OMSK IN 1919**

Annotation: This paper is devoted to one of the particular aspects of the work of state institutions in the anti-Bolshevik Omsk in 1919. The basis for the preparation of the work has become a source concentrated in the Historical archive of the Omsk region in the fund of the Ministry of Trade and Industry. Some information is entered by the author in the scientific circulation for the first time.

Keywords: Omsk, office history, history of public institutions, paper manufacturing, Civil War.

Основная часть фондов учреждений Российского правительства А. В. Колчака хранится в ГАРФ. При этом они составляют один из крупнейших комплексов среди документов учреждений несоветских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в 1918-1922 гг. Это более 150 фондов, среди них 47 фондов трех омских правительств и 85 фондов государственных учреждений и организаций. В феврале 1922 г. состоялось первое крупное поступление документов в Архив Октябрьской революции. Документы тогда поступали большими комплексами, измерявшимися в пудах, общее количество которых составило 2500 пудов. В первой партии в Москву были переданы архивы центральных учреждений Российского правительства, канцелярии Верховного правителя, канцелярии Совета министров, ряда министерств (внутренних дел, военного, юстиции, торговли и промышленности и др.). В то же

время небольшая часть фондов все же осталась в Омском губернском архиве. Это документы, которые своевременно не обнаружили или не посчитали нужным отправить в Москву. Их количество насчитывает 58 фондов, из них 28 фондов учреждений омских правительств, 30 фондов-учреждений и организаций, 6 личных фондов. Большинство этих документов находилось на секретном хранении и не использовалось, об их существовании, вплоть до 1990 гг., знал лишь ограниченный круг лиц.

Наше внимание привлек один фонд Министерства торговли и промышленности, значительная его часть хранится в Москве (ГАРФ, Ф. Р-199, 13 оп., 1941 ед. хр.) и в Омске (ГИАОО, Ф. Р-753, 1 оп., 7 ед. хр.). Анализ источников показал, что один из острых вопросов, решаемых министерством полностью, оказался сосредоточенным в документах, оставшихся в Омске. Это вопрос о бумажном кризисе и мерах по его преодолению в целях обеспечения государства и населения бумагой.

5 мая 1919 г. Министерством торговли и промышленности и Министерством снабжения и продовольствия начата переписка с Уфимской писчебумажной фабрикой «Белый ключ», принятой в свое ведение Министерством торговли и промышленности по случаю отсутствия владельца этой фабрики. Рассматривались вопросы приобретения имеющихся на складе 5000 пудов бумаги, а также материалов для пуска и обеспечения нормального производства на 6 месяцев фабрикой желтой обертки, кроме того одним из вопросов была постройка Нижнего древесно-массанного завода «Бело-Ключевской бумажной фабрики» [1].

28 июня 1919 г. отдел промышленности Министерства торговли и промышленности направляет во все Министерства письмо, в котором просит «расходовать бумагу с возможной экономией, употребляя в каждом отдельном случае такое количество бумаги, которое необходимо для помещения текста, не стесняясь при этом форматом» [2].

К письму прилагался «Проект, как экономить бумагу», который приводим ниже. «Выработка бумаги находится в критическом положении. Не получив в течение 2х месяцев нужные сетки, сукно, глинозем, соду, целлюлозу и т.д. значит полное прекращение такого важного промысла. Чтобы имеющегося запаса хватило на самое продолжительное время, советую приказать всем военным учреждениям, судам, почтовым отделениям, железным дорогам и т.д., как и частным лицам, экономить до крайней степени с этим для цивилизованного мира столь драгоценным материалам. Всякий кусок бумаги должен быть расчетливо употреблен. Где соответствует бумага низшего качества, там не употреблять высшего. Что можно написать на ½ листа бумаги, не растягивать на целый лист, заполнять обе страницы, не придерживаясь предписаний, существующих до войны, допуская ради двух слов расходование целого листа. Типографиям запретить печатать афиши, летучки и т.д. в большом масштабе чем это Министерство позволит.

В казенной администрации, наверное, найдется много печатных бланков, которые можно в размерах уменьшить (как например накладная). Облеплять всю коробку бумагой в настоящее время излишнее, достаточно употреблять столько, чтобы картон был укреплен. Спичечные и папиросные коробки облеплять уже совершенно излишнее. Достаточно маленькая этикетка с надписью фирмы и цены. Газетам, переполненным объявлениями, в известные дни запретить таковые и пусть выпуск газеты в этот день будет уменьшенного формата. Можно вообще всем газетам приказать печатать в известные дни в уменьшенном формате. Для почтовых конвертов употреблять бумагу только низшего качества, выработку из лучшего совершенно запретить.

Приказать всем учреждениям собирать и сдавать употребленную бумагу, для переработки на новую. Также нужно собирать отброски (куски материалов) текстильного производства и сдавать в писчебумажные фабрики. Прекратить ненужную упаковку бумагой некоторых товаров книг, галантереи и пр. Приказ этот пусть относится и на привезенную из-за границы бумагу» [3].

В ответ на это письмо практически все министерства в течение недели отчитались о принятых ими мерах. Что, кстати, говорит о высокой исполнительской дисциплине в органах власти колчаковского правительства. Приведенные ниже ответы показывают, на то, что проблема с бумагой остро стояла повсеместно. Военно-санитарное управление даже издало приказ об экономном расходовании бумаги и других канцелярских принадлежностей. В соответствии с ним «всем без исключения служащим управления вменено в обязанность соблюдать крайнюю экономию в расходовании бумаги, производство которой сведено до минимума. Для сокращения расходов печатать рапорты и сношения на $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ листа, относится к исполнению внимательно во избежание ошибок и перепечатывания, для черновиков пользоваться старыми конвертами и вообще малопригодной бумагой. Виновные будут подвергнуты денежному штрафу» [4].

Военное Министерство издало инструкцию, в соответствии с которой, предполагалось «в виду дороговизны и недостаточности вообще бумаги переписку вести на формате $\frac{1}{8}$ листа особенно все бумаги небольшого содержания. Широко пользоваться телеграммами, переписку между отделами вести упрощенным и сокращенным способами. Все, что можно использовать словесно, путем переговоров, не переносить на бумагу» [5].

Министерство юстиции сообщило, что «предполагает издать циркулярное распоряжение всем учреждениям Судебного ведомства об экономии писчей бумаги» [6]. Министерство труда «в видах экономии бумаги заменило письменные сношения между отделами Министерства устными, все справки и заключения рекомендовано давать по возможности на обороте исполняемой бумаги, а не отдельно, использовать бумагу из старых дел (черновики с чистой оборотной стороной, употреблять для печати на машинках газетную бумагу, негодную для письма от руки» [7].

Канцелярия Государственного контроля отмечает, что «все контрольные учреждения, испытывая крайний недостаток в бумаге, стараются всеми мерами экономить добываемую в большом трудом и в крайне незначительном количестве бумагу» [8]. Министерство внутренних дел сообщает, что «доставаемая с большими трудами в ограниченном количестве бумага, и то крайне неудовлетворительного качества, расходуется с возможной экономией, а отпуска вообще пишутся на клочках серой бумаги» [9].

15 июля 1919 г. Министерством торговли и промышленности разрабатывается проект Постановления Совета министров «О мерах к обеспечению государства и населения бумагой». Он предусматривал комплекс мер по решению вопроса: «1. Ассигновать из средств Государственного казначейства 20 млн. руб. в распоряжении Управляющего Министерством снабжения и продовольствия для закупки всей бумаги, производимой внутри государства и для закупки бумаги за границей. 2. Предоставить право в течение 1919 г. Управляющему Министерством снабжения и продовольствия по соглашению с управляющими Министерством торговли и промышленности, Министерством внутренних дел и Министерством Юстиции издавать обязательные постановления, имеющие своей задачей временное сокращение потребления бумаги. 3. Признать фабрики древесно-массных, целлюлозных и писчебумажных производств имеющими первостепенное государственное значение и в соответствии с этим издать закон, поощряющий устройство таких фабрик в районах Уральского края и Сибири, как наиболее обеспеченные лесом. 4. За несоблюдение обязательных постановлений обозначенных в разделе 2 настоящего проекта привлекать виновных к ответственности в виде заключения в тюрьму на срок не выше 6 месяцев или арест не выше 3 месяцев или денежному взысканию до 3000 руб. 5. Поручить управляющему Министерством торговли и промышленности в спешном порядке выработать законопроект о мерах поощрения к устройству таких фабрик в районах Уральского края и Сибири» [10].

26 июля 1919 г. состоялось Межведомственное совещание по рассмотрению вышеуказанного проекта. На нем присутствовали представители Министерства финансов, Министерства снабжения и продовольствия, Министерства торговли и промышленности. Совещание постановило: 1. Передать выработанный Министерством торговли и промышленности проект постановления Совета министров «Об обеспечении государства и населения бумагой» особому совещанию при Управлении делами Совета министров по распределению запасов бумаги. 2. Довести до сведения указанного особого совещания о необходимости издания закона, касающегося как закупки, распределения и потребления бумаги, так и развития писчебумажного производства в стране. 3. Просить особое совещание к разработке законопроекта «Об обеспечении государства и населения бумагой» привлечь по одному представителю от отдела промышленности Министерства торговли и промышленности, Министерства народного просвещения, Русского общества печатного дела, Совета съезда представителей промышленности и торговли «Всекосовета» [11].

В докладе, прозвучавшем на межведомственном совещании 15 июля 1919 г., сообщалось следующее: «Запасы в государстве как писчей, так, так и других сортов бумаги крайне не значительны и могут покрыть существующие размеры потребления только на самый короткий срок 1-1,5 месяца. На территории Сибири и Уральского края существует только 7 фабрик, вырабатывающих разные сорта бумаги, с общей производительностью до 38500 пудов в месяц. При этом четыре фабрики с производительностью 33500 пудов в месяц за последнее время попали за черту нашего фронта, и рассчитывать на них не приходится» [12].

К докладу прилагалась таблица «Наличность писчебумажных и картонных фабрик по Сибири и по Уралу на 10 июня 1919 г.», где значится 7 фабрик. Три из них располагались в Сибири – писчебумажные фабрики в селе Бархатово Балагожского уезда Иркутской губернии и в селе Заводо-Успенское Червишевской волости Тобольской губернии, а также Уссурийская бумагоделательная фабрика при станции Мучная Уссурийской железной дороги. Четыре находились на Урале (в Пермской губернии) – это писчебумажная фабрика на Михайловском заводе, картонная фабрика в селе Покровском, Сибирская писчебумажная фабрика в селе Сухоложное и Ново-Лялинская писчебумажная фабрика в селе Лялинское. Годовая производительность фабрик в Сибири составила 54805 пудов бумаги и 3600 пудов картона, на Урале – 500000 пудов бумаги и 4700 пудов картона» [13].

Отступление колчаковских войск летом 1919 г. повлекло утрату фабрик, расположенных на Урале, что еще в большей степени усилило бумажный кризис, отражавшийся на работе ряда отраслей [14]. Названные выше предприятия для антибольшевистской власти являлись стратегическими. Так, не стоит забывать, что обеспечивая бесперебойное делопроизводство и общее функционирование органов власти в белом Омске, писчебумажные фабрики выполняли еще один важный государственный заказ, производя бумагу и для печатания денежных знаков [15]. Летом-осенью 1919 г. найти достойную бумагу для качественной печати было сложно даже в свободной продаже по рыночным ценам [16]. И в связи с этим, именно бумажноденежное производство было одним из ключевых направлений, потреблявших высококачественную сибирскую бумагу [17].

5 августа 1919 г. Министерством торговли и промышленности в Управление делами Совета министров был направлен проект постановления Совета министров «О мерах к обеспечению государства и населения бумагой» и протокол межведомственного совещания от 26 июля 1919 г. [18]. А 7 августа 1919 г. Совет министров и Управление делами Верховного Правителя отправляют в адрес Управляющего Министерством торговли и промышленности ответ, где говорилось: «Многие вопросы, затронутые в проекте постановления Совета министров, одобренном межведомственным совещанием от 26 июля 1919 г. уже являлись предметом обсуждения Совещания по делам печати и некоторые из них получили разрешение. Так, Совещанием 19 июля 1919 г. ассиг-

нованы средства на закупку 60000 пудов бумаги; грузы с бумагой, следующие по указанию Совещания, были признаны грузами внеочередными, следующими наравне с грузами боевого назначения. Вопрос же об обязательном постановлении уже возник перед Совещанием по делам печати, хотя и не в столь широком масштабе, и теперь вновь выдвигается на очередь» [19]. Это последний документ в деле о решении вопроса обеспечения государства и населения бумагой.

Бумажный кризис сопровождал «омскую» власть до конца. В делопроизводстве продолжала использоваться бумага разного качества и формата, что в итоге отразилось и на сохранности документов. События осени 1919 г. – крах фронта и последовавшая эвакуация правительственных учреждений на восток – заслонили собой эту насущную проблему, которую пытались решить, но так и не решило Российское правительство А. В. Колчака.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
2. Там же. Д. 5. Л. 1.
3. Там же. Д. 5. Л. 19, 19об.
4. Там же. Л. 28об.
5. Там же. Л. 25, 26.
6. Там же. Л. 21.
7. Там же. Л. 23.
8. Там же. Л. 20.
9. Там же. Л. 15.
10. Там же. Д. 4. Л. 7, 8.
11. Там же. Д. 5. Л. 35, 36.
12. Там же. Д. 3. Л. 86-89об.
13. Там же. Д. 5. Л. 58, 59.
14. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 258.
15. Петин Д. И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских правительств в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 107.
16. Документы Исторического архива Омской области о печатании бон Омской и Томской железных дорог. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 288.
17. Подробнее см. например: «Сибирский» казначейский знак номиналом пять рублей: история появления сквозь призму архивных документов. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 210-220.
18. ГИАОО. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 5. Л. 5-6.
19. Там же. Л. 61-61об.

К. А. БОРОЗДИН (Верхняя Пышма, Свердловская область)
Музей военной техники УГМК

**«ШАПКА В РУКАХ, А ГОЛОВА УБЕЖАЛА»:
ДЕЗЕРТИРСТВО В 3-Й АРМИИ КРАСНЫХ В 1918 Г.**

Аннотация: В данной публикации рассмотрен вопрос о дезертирстве из Красной армии летом-осенью 1918 г. на территории Урала и Зауралья, а так же причины, примеры и следствия исследуемого явления. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в региональных и государственных архивах, а так же на основе публикаций в газетах рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная Армия, дезертирство, Урал.

K. A. BOROZDIN (Verkhnyaya Pyshma, Sverdlovsk region)
Museum of military equipment UMMC

**«CAP IN HAND, AND THE HEAD ESCAPED»:
DESERTION FROM THE 3RD RED ARMY IN 1918**

Abstract: This publication describes the issue of desertion from the Red army in the summer and autumn of 1918 on the territory of the Urals and Trans-Urals, as well as the causes, examples and consequences of the phenomenon. It is written in the complex of the sources detected in regional and national archives, as well as on the basis of publications in the newspapers of the period in question.

Keywords: Civil war, the Red army, desertion, Ural.

Дезертирство, как явление, возникло в РККА по вине самих большевиков, так как именно они на фронтах Великой войны агитацией и пропагандой старались разложить Русскую императорскую армию, призывая солдат и низших чинов бросать оружие, брататься с противником и уходить домой. Уставшие от войны крестьяне и рабочие, вернувшись на «малую родину» приступили к привычной в прошлом работе, но через некоторое время их снова призвали воевать, и это встретило массовое сопротивление. Принудительные мобилизации крестьянства усугубили проблему. Потому «усталость» от войны, потребность восстановить разрушенное хозяйство и желание жить мирной жизнью стало главной причиной дезертирства из Красной армии на начальном этапе войны. В дальнейшем причин для дезертирства стало больше.

Изначально РККА формировалась на добровольной основе, но бойцы должны были отслужить определенный срок, часто он равнялся 6 месяцам [1]. Потому, отлучение из войсковой части, строго не наказывалось. Но с началом боевых действий, и формированием регулярной армии дисциплина ужесточилась. Именно в этот период началось формирование 3-й армии.

13 июня 1918 г. был создан Северо-Урало-Сибирский фронт, куда вошли вооруженные формирования, действующие на Златоустовском, Кыштымском, Омском направлениях. Началось объединение мелких отрядов в более крупные формирования, из которых впоследствии были сформированы полки, бригады и дивизии, вошедшие в состав 3-й армии. В начале, 24 июня 1918 г., Северо-Урало-Сибирский фронт подчинили Восточному фронту, а уже 18 июля его переименовали в 3-ю армию. Боевые действия армия вела на территории Пермской губернии. Уже на начальном этапе формирования армии начались первые дезертирства. В своих воспоминаниях командир 4-го Уральского полка И. П. Вырышев описал случай дезертирства руководства военного комиссариата полка и нескольких офицеров штаба с последующим переходом на сторону противника во время отступления из Шадринска [2].

Отступление красных летом 1918 г. шло стремительно. Крестьяне, добровольно вступившие или мобилизованные в РККА, хотели защищать лишь свои населенные пункты, не желая воевать на другой территории. К тому же, зачастую, роты и батальоны во вновь формируемых полках, строились по принципу «землячества», что упрощало дезертирство. Договорившись между собой, крестьяне при отходе из своей местности покидали воинские формирования целыми группами, опасаясь за членов своих семей и собственное хозяйство. В связи с этим, был издан специальный приказ, упомянутый в «Политической сводке о реорганизации политического отдела военного совета 3-й армии, о создании военно-полевого революционного суда и положении в Пермской губернии» от 9 августа 1918 г. [3].

«Военный совет 3-й армии приказом за №70 7 августа ввиду имевших место в последнее время в 3-й армии явлений бегства с фронта и неисполнения боевых приказов в линии огня, постановил, что все дезертиры, не исполняющие боевых приказов в линии огня, предатели, шпионы, мародеры, и устно, и печатно агитирующие против Советской Республики и разлагающие войска, подлежат расстрелу. Для проведения в жизнь этого приказа Военный совет 3-й армии постановил учредить при штабе 3-й армии военно-полевой революционный суд. Этому суду, согласно приказу по армии № 71 от 8 августа, подлежат все военные служащие в районе 3-й армии. Приговор военного суда обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно». Это были первые серьезные попытки остановить дезертирство, но пока на местном уровне, но не на уровне государства в целом.

По этому поводу 5 сентября 1918 г. была опубликована статья в газете «Окопная правда», организатором, редактором и корреспондентом которой был, в будущем, известный писатель П. П. Бажов, под названием «Шапка в руках, а голова убежала» [4]. Она описывает один из случаев дезертирства. 2-й батальон 1-го Алапаевского пехотного полка 15 августа оставил позиции и разошелся по домам, обнажив фронт на несколько верст. Этим воспользовались войска Сибирской армии и зашли в тыл красным. Но, несмотря на вышеуказанный приказ, участники дезертирства были осуждены на сроки до 5 лет лишения свободы или до 3 месяцев общественных работ. Некоторых солдат вообще оправдали. Организаторы дезертирства скрылись.

Политическая сводка штаба 3-й армии сообщала о раскрытом заговоре правых эсеров, о положении в Пермской губернии» от 5 сентября 1918 г.: «Временно организованный военно-революционный суд при 1-й дивизии разбирает дело об оставлении позиции 2-м батальоном Алапаевского полка. К командному составу применена высшая мера наказания. На днях начинает работу постоянный полевой суд из трех лиц» [5].

В состав 3-й армии входили формирования не только Урала и Сибири, но и Петрограда и в них случались «казусы» невыполнения приказов и оставления позиций. Об этом писала газета «Уральский рабочий» в статье «Приказ тов. Троцкого»: «Мне доложено, будто Петроградский партизанский отряд покинул позицию. Приказываю комиссару Розенгольцу проверить, солдаты и матросы рабочей и крестьянской Красной Армии не трусы и не негодяи. Они хотят сражаться за свободу и счастье рабочего народа. Если они отступают или же худо сражаются, то виновны или командиры или комиссары. Предупреждаю, если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым командир» [6].

Это предвещало создание специальных Комиссий по борьбе с дезертирством. Мобилизованные рабочие и крестьяне бежали и с оружием и без него. Но бежавшие с оружием подвергались впоследствии более суровым наказаниям. Факты побега в воспоминаниях описывал Ф. И. Соколов: «Дождь, холод, недоедание, плохое обмундирование. Застава из сысерцев в количестве 50 человек, занимавшая оборону на правом фланге Медного рудника, поддавшись агитации, сбежала, оставив винтовки в окопах» [7].

Добровольцы и мобилизованные Сысертского завода покинули позиции по второй, тоже основной, причине дезертирства – недостатке питания и обмундирования. Далее Соколов продолжает «Между 15 и 18 августа 3-й батальон 3-го Екатеринбургского полка, состоящий из режевлян, снялся с позиции и направился домой с оружием, в том числе забрали 3 станковых пулемета. Этот батальон в последствии в Реже перешел на сторону белых». В районе Режевского завода для 3-й армии сложилась серьезная ситуация, она описана в Политической сводке штаба 3-й армии о положении на фронте 14 сентября

1918 г. [8]. Волынский полк, в основном состоящий из мобилизованных жителей Режевской и Покровской волостей 9 сентября 1918 г. практически в полном составе перешел на сторону Сибирской армии. Причиной стало то, что мобилизованных старше 35 лет не отпустили на полевые работы. В итоге, белым был сдан бронепоезд, отряд китайских интернационалистов, оружие и боеприпасы полка. Часть крестьян отпустили по домам на полевые работы, часть добровольно вступила в Сибирскую армию.

Это «происшествие» открыло фронт на 17 верст и заставило красных снять с других стратегических позиций роты 1-го Камышловского и 1-го Крестьянского полка для закрытия «дыры». Несмотря на усиление войск красных, покровские крестьяне подняли мятеж, но он был жестоко подавлен, а село было частично сожжено. Сформированным в августе 1918 г. в Ирбитском заводе 1-м Камышловским полком командовал омский железнодорожник Н. Ф. Черных, в составе полка были роты, состоящие из венгров-интернационалистов, бывших военнопленных сибирских лагерей. Даже они, прошедшие бои Первой мировой и Гражданской войн были подвержены дезертирству. В боях за Ирбитский завод в сентябре 1918 г. мадьяры отказывались исполнять приказы и идти в бой, ссылаясь на болезнь. А впоследствии вообще подняли бунт и поставили ультиматум, отправить их в Пермь на отдых, а потом, кто желает, на родину [9].

В ответ на это Н. Ф. Черных телеграфировал комбригу М. В. Васильеву: «Предлагаем немедленно принять меры к переводу куда-либо роты мадьяр, а в полк прислать маршевые роты, если это не будет исполнено вами, то при первой же попытке еще раз завести рассуждения на тему, исполнять ли боевой приказ часть будет арестована, а другая расстреляна на месте» [10].

Впервые участвующая в боях молодежь тоже была подвержена дезертирству, такой случай, произошедший в районе Миасса, описывался в газете «Уральский рабочий» [11]. Причем первыми с поля боя сбежали командиры подразделений. В Оханском и Осинском уездах Пермской губернии лица, мобилизованные в РККА, открыто выступали против отправки на фронт, в деревне Фоки даже убили нескольких членов исполкома [12]. Дезертирами совершались и более серьезные поступки, не только оставление частей с оружием. В середине октября со станции Баранча на сторону белых перешли два офицера штаба с планом наступления красных [13].

Для борьбы с несознательным элементом и с дезертирами создавали ротные товарищеские суды, например, они были в 1-м Красноармейском полку в Красноуфимске [14]. Такая ситуация была обоснована тем, что на Красноуфимском направлении фронта в 4-й Уральской дивизии «От 2-го Красноуфимского, 1-го Латышского и 3-го Петроградского полков остались жалкие остатки. Из первых двух полков масса красноармейцев разбежалась. Настроение у всех очень подавленное.... Лучше всех ведет себя 1-й Красноуфимский полк, нахо-

дящийся на Артинском направлении, но там несколько рот, состоящих из местных жителей, намерены разойтись по домам» [15].

Еще одним способом борьбы с дезертирством и уклонистами были общие собрания подразделений. Так, «На общем собрании команды конных разведчиков 1-го пехотного Камышловского полка... 10 сентября 1918 г. На повестке дня были следующие вопросы: относительно товарища Ивана Чебакова за уклонение от службы. Единогласно постановили тов. Чебакова Ивана за уклонение от службы в команде конных разведчиков перевести из команды в роту [16]. Часто бойцы отказывались выполнять боевые приказы, так как многие из них были реально больны.

В начале октября 1918 г. на Кунгурском направлении фронта Пермский полк «пытался перейти на сторону врага и сдаться в плен. За эту попытку изменны солдаты т. Блюхера обстреляли полк пулеметным огнем и из орудий. Часть его разбежалась и перешла к врагу, часть уничтожена. Осталось всего 100 человек, но вполне надежных. Офицерский состав полка, исключая его командира, весь перешел к врагу» [17].

Были случаи, когда из-за дезертирства подразделения полка, расформировывался все воинское формирование. В начале ноября 1918 г. 1-й батальон 1-го Горного полка измотанный в боях отказался выполнить приказ и идти в наступление, этот случай расценили как дезертирство. В батальоне провели чистку, виновных в выполнении боевой задачи наказали вплоть до расстрела. Остатки полка было приказано влить в состав 1-го рабоче-крестьянского и Запасного полков, «причем вливать по единице из этого батальона в каждую роту с таким расчетом, чтобы они не смогли образовать самостоятельные единицы даже такое, как звено» [18]. В начале декабря 1918 г. полк был полностью расформирован [19].

Из проведенного исследования можно сделать вывод, что летом-осенью 1918 г. дезертирство из 3-й армии красных было массовым, тем более что в рамках работы невозможно было указать другие примеры оставления частей. Причинами дезертирства стали: усталость от войны, нежелание воевать, недостаток обмундирования и питания (особенно в холодное время года), страх за собственную семью и оставленное хозяйство.

Выявленные типы дезертирства были разнообразными (классификация в РККА была довольно обширна): уклонение от службы, отказ выполнить приказ, оставление позиций во время боя, самовольное оставление воинских частей, вымышленные болезни, невозвращение из отпусков, уклонение от мобилизации, подделка документов с уменьшением или увеличением возраста мобилизуемого, переход на сторону противника.

Борьба с дезертирством велась только на уровне войсковых частей и военных комиссариатов, серьезной агитации против этого явления не проводилось, наказания за оставление частей – от исправительных работ до расстрела.

Массовое дезертирство из РККА заставило руководство страны, и в декабре 1918 г. были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством.

Библиографический список

1. ГАИ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.
2. Вырышев И. П. Воспоминания (Екатеринбург). Машинопись. 1958 г. // Музей Окружного дома офицеров. Без номера фонда.
3. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 37.
4. Шапка в руках, а голова убежала // Окопная правда. 1918. 5 сентября. С. 4.
5. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 82.
6. Приказ тов. Троцкого // Уральский рабочий (Екатеринбург). 1918. 21 августа. С. 1.
7. Соколов Ф. И. Воспоминания // Личный архив автора.
8. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 107.
9. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 113.
10. РГВА. Ф. 3562. Оп. 2. Д. 31. Л. 85.
11. Несколько слов о Красной армии // Уральский рабочий (Екатеринбург). 1918. 10 сентября. С. 2.
12. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 48.
13. Соколов Ф. И. Воспоминания // Личный архив автора.
14. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 55.
15. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 124.
16. РГВА. Ф. 3562. Оп. 3. Д. 53. Л. 20.
17. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 165.
18. РГВА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 386. Л. 270.
19. ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 195. Л. 299.

С. А. ВЕЛИЧКО (Омск)
Омская юридическая академия

**ПИТИРИМ СОРОКИН
О ПРИЧИНАХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой теоретико-аналитическое обзорное исследование, посвящённое изучению причин революционных событий 1917 г. социологом первой половины XX в. Питиримом Сорокиным. Проанализирована научная парадигма о русской революции, выдвинутая этим всемирно известным социологом.

Ключевые слова: революция, причины, социология, Питири Сорокин.

S. A. VELICHKO (Omsk)
Omsk Law Academy

**PITIRIM SOROKIN
ABOUT THE REASONS OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA**

Annotation: This paper is a theoretical-analytical review study, devoted to the study of the causes of the revolutionary events of 1917 by the sociologist of the first half of the XXth century Pitirim Sorokin. The scientific paradigm of the Russian revolution, put forward by this world-famous sociologist, is analyzed.

Keywords: Revolution, reasons, sociology, Pitirim Sorokin.

В этом году исполняется сто лет революционным событиям в России, которые не только в корне изменили ситуацию в нашей стране, но оказали влияние на всю мировую историю. На рубеже XIX-XX вв. центр мирового революционного движения постепенно переходил из Франции в Россию. Во Франции к тому времени были достигнуты решающие успехи по юридическому закреплению основных прав и свобод человека и гражданина. После принятия Конституции 1875 г. во Франции окончательно была установлена республиканская форма правления. Причем в Конституции было заявлено, что возврат к монархии во Франции не возможен. Всеобщее мужское избирательное право во Франции и Швейцарии было установлено с 1848 г., в США с 1870 г. (15 поправка к Конституции США), в Германской империи с момента ее создания в

1871 г. Таким образом, во всем мире к началу XX в. уже были предприняты шаги по установлению демократических процедур.

Российская империя в начале XX в. продолжала быть неограниченной самодержавной монархией. Те права, которые были предоставлены народу Манифестом от 17 октября 1905 г. и Основными законами Российской империи от 23 апреля 1906 г. были весьма ограниченными. Провозгласив создание Государственной думы, царское правительство не сделало выборы в нее всеобщими – избирательное право осталось куриальным. Император сохранял за собой право на роспуск Государственной Думы. Государственный переворот июня 1907 г. показал, что император может не только распустить Думу, но и изменить закон по выборам в Думу, что противоречило положениям Манифеста от 17 октября 1905 г. Такое положение в России потенциально создавало революционную ситуацию. Первая мировая война ускорила нарастание революционных процессов.

Выдающийся российский социолог первой половины XX в. Питирим Сорокин, который был непосредственным наблюдателем и современником событий в России, пока в 1922 г. он не был выслан из страны из-за несоответствия его взглядов официальной доктрине большевистского государства, проанализировал в своей работе вышедшей в Праге в 1923 г. «Социология революции» причины революционных событий вообще и в частности причины революционных событий в России. В книге Питирим Сорокин называет себя «реакционером», так как не поддерживает «прекрасный лик революции» и не романтизирует ее [1]. По понятным объективным причинам Питирим Сорокин и не мог оценивать русскую революцию положительно. В своем труде он исходит из постулата, что основными причинами всех революций в истории человечества является увеличение подавления базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения [2].

Питирим Сорокин считает, что первой причиной всех революций является подавление пищеварительного инстинкта. Отдельно феномен голода как движущей силы человеческой истории он рассмотрел в работе «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Именно голод, как считает П. Сорокин, приводил к революционным взрывам и в древности, и в новейшее время [3].

Второй причиной революционных выступлений, по мнению автора, было подавление инстинктов собственности – и здесь он солидаризируется с Карлом Марксом, характеризуя рабочий класс как самый революционный – ему нечего терять, рабочие лишены всего: «дома, в которых живут рабочие, принадлежат не им; орудия труда не являются их собственностью, его настоящее, не говоря о будущем, социально не гарантировано» [4].

И третья причина это подавление инстинкта самосохранения, который особенно сильно страдает в годы войны, о чем мы уже писали выше. Люди

во время неудачной войны или сразу после нее во имя инстинкта самосохранения поднимают знамя революции [5].

Подавление полового инстинкта – называет Сорокин четвертую причину революции. Как проявляется такое подавление? В растущей распущенности привилегированных классов, незащищенности жен и дочерей граждан [6].

И, конечно, важнейший фактор любой революции, пятая причина по Сорокину, это подавление импульсов свободы. Ограничения в миграциях, коммуникациях (свобода слова, собраний и организаций) и действиях людей непосредственно приводят к революции. Поэтому все деспотические режимы рано или поздно приводят к социальному взрыву. Силы контроля, карательные органы могут лишь отодвинут сроки этого взрыва [7].

Подавление инстинкта самовыражения также способствует революции – индивиды стали занимать те позиции, которые не соответствуют их талантам. Никто не удовлетворен своей социальной позицией и это взрывоопасно! [8].

А как проявлялось подавление всех этих инстинктов в предреволюционной России? По мнению Питирима Сорокина, с которым мы согласимся, при характеристике причин русской революции, мы наблюдали накануне революции 1917 г. следующее:

1. Подавление инстинкта индивидуального самосохранения – жесточайшая мобилизация призванных солдат на фронт: по оценке Питирима Сорокина она велика (50-60 млн. человек). С точки зрения современной исторической науки на фронт было призвано около 15 млн. человек, но это тоже колоссальные человеческие потери для экономики страны: люди были оторваны от непосредственного производства и сельского хозяйства. Это и есть принудительное подавление инстинкта самосохранения.

2. Постоянные поражения, беспомощность властей, и даже факты государственной измены, о которой так много говорил в своей знаменитой речи П. Н. Милюков, все это привело к подавлению инстинкта группового самосохранения.

3. Голод, подавление пищеварительного инстинкта, особенно обострившийся к концу 1916 г.

4. Подавление инстинкта свободы, о чем мы уже писали выше. Но это еще и военные трибуналы, цензура и политика деспотизма, проводимая государственными чиновниками.

5. Подавление инстинкта собственности – так называемая политика «военного коммунизма», которая начала проводиться еще царским правительством – хлебная монополия, введение «твердых» цен на хлеб, которые были значительно ниже рыночных. И, конечно же, война привела к массовому обнищанию населения.

6. И, наконец, подавление сексуального инстинкта населения беспутством правящих кругов и распутщиной [9].

Питирим Сорокин считает, что такого набора причин было вполне достаточно, чтобы вызвать революционный взрыв. С этим можно согласиться. Однако мы не согласимся с П. Сорокиным в том, что в водовороте революционных событий было задействовано 95% населения, у которых практически все базовые инстинкты были подавлены [10]. В русской революции участвовало 5-10 % наиболее активных деятелей от всего населения. Большинство населения жило своей обыденной жизнью, не замечая событий, которые повлияли не только на ход российской истории, но и имевших огромное всемирное историческое значение. Революция в России привела к «восстанию масс», которое, как писал испанский философ Хосе Ортега-И-Гассет, сделала культуру, политику, средства коммуникации, коммунальные удобства более доступными для человека из народа [11]. Мир, в итоге, изменился – начался период новейшей истории.

Библиографический список

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 270.
2. Там же. С. 272.
3. Там же. С. 275.
4. Там же.
5. Там же. С. 276.
6. Там же. С. 277.
7. Там же. С. 279.
8. Там же.
9. Там же. С. 282.
10. Там же. С. 283.
11. См., например: Ортега-И-Гассет. Х. Эссе о литературе и искусстве. М., 1991. С. 40-228.

А. М. ГАНИЕВА (Аскино)
Аскинский историко-краеведческий музей

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое влиянию революционных событий 1917 г. на ситуацию в крае и изучению хода Гражданской войны. Работа написана опираясь на краеведческие источники, на исторические документы, выявленные в районных и республиканских архивах, библиотеках, музеях.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Башкирия, Аскино, белое движение.

A. M. GANIEVA (Askino)
Askinsk historical museum

THE CIVIL WAR IN THE BASHKORTOSTAN REGION

Annotation: This publication presents a study on the influence of the revolutionary events of 1917 the situation in the region and to study the progress of the Civil war. The work is written based on local history sources, historical documents, identified in regional and national archives, libraries, museums.

Keywords: revolution, Civil war, Republic of Bashkortostan, Askino, the White movement.

«Гражданская война есть самая жестокая из всех видов войн. Она немислима не только без насилия над третьими лицами, но, при современной технике, без убийства стариков, старух и детей...» – так говорил Л. Троцкий.

Наш край имеет богатое историческое наследие. История края – это частица истории Башкортостана и всей России. Наша земля хранит память тех далеких событиях. Гражданская война на территории Башкортостана началась с известного мятежа белочехов. В начале июня 1918 г. решением VI-го губернского съезда Советов Уфимская губерния была объявлена на военном положении. Съезд обратился к трудящимся с призывом «взяться за оружие и беспощадно бороться с врагами советской власти». Все отряды и части, действовавшие под Уфой, в июне 1918 г. были слиты во 2-ю армию. Стоит сказать: в Уфе тогда находился большой объем боеприпасов, в городе были оборудованы артиллерийские склады [1]. Но организовать оборону Уфы большевики не смогли, и в ночь с 4 на 5 июня 1918 г., уйдя вдоль реки Белой на север. В тот же день в Уфу вошли белочехи и Народная армия Комуча.

Но красные оказывали противнику упорное сопротивление, отступая с боями вглубь Башкирии. К июлю 1918 г. красные войска численностью до 8 тыс. человек под командованием В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина, И. Д. Каширина сосредоточились у Белорецкого завода. В начале августа здесь состоялось совещание командиров и представителей южно-уральских партизан, где был принят план Блюхера, предлагавшего идти на соединение с РККА на север через Уфимскую губернию. Главнокомандующим всеми отрядами был назначен В. К. Блюхер. 3 августа, отражая атаки белых, южно-уральский партизанский отряд начал свой поход по тылам противника. В районе Богоявленского завода объединение партизан Блюхера пополнилось отрядами М. В. Калмыкова и В. Данберга, и общее число бойцов достигло к этому времени 10 тыс. человек. Оттуда, через Архангельский завод, партизаны вышли к линии Самаро-Златоустовской железной дороги и у станции Иглино, ведя бой с частями Башкирского белого корпуса. 3-й башкирский полк под командованием Г. Тагана вел трехдневный бой с блюхеровцами, сорвав их план ввязаться в бой за Уфу. Затем отряды Блюхера у деревни Красная Горка форсировали реку Уфа. Эта переправа была одной из самых трудных операций партизан. 12 сентября партизанская армия Блюхера достигла района Кунгура, где соединилась с войсками 3-й армии Восточного фронта и была включена в состав этой армии.

Этот рейд южно-уральской партизанской армии Блюхера всегда считался славной страницей истории Гражданской войны в Башкирии. За этот поход (Белорецк – Макарово – Богоявленский завод – Иглино – Красная Горка – Аскино) Блюхер получил орден Красного Знамени. В 4 км от границы Аскинского района, на высоком холме установлен памятник (скульптор А. Хамидуллин). На нем надпись: «Здесь, в районе села Тюйное Озеро, 12-14 сентября 1918 г. завершился легендарный рейд южно-уральских партизанских отрядов под командованием В. К. Блюхера, И. Д. Каширина, Н. Д. Томина по тылам контрреволюции. Пройдя с жестокими боями свыше полутора тысяч километров, они вышли в распоряжение Бирской бригады П. И. Деткина, входящей в состав 3-й армии Восточного фронта. Вечная слава героям Гражданской войны. Обелиск установлен студентами Пермского сельскохозяйственного института при участии жителей Аскинского, Октябрьского районов. Сентябрь 1990 г.». На бетонной стеле – символическое изображение мужских рук, обхватывающих приклад и цевьё винтовки, и схема продвижения отрядов Блюхера.

На территории района к началу Гражданской войны проживало около 30 тыс. человек. Основным занятием большинства населения было сельское хозяйство. Крестьяне, узнав о свержении царского правительства, под влиянием вернувшихся с фронта солдат, революционеров-большевиков, стали создавать Советы и захватывать помещичьи земли. Кулаки, помещики, буржуазия не хотели мириться с новыми порядками советской власти. Для борьбы с контрреволюцией и для охраны молодой советской республики создавались боевые дружины и отряды. В Тюинской волости боевую дружину возглавил фельдшер, член волисполкома, член РСДРП(б), бывший подпольщик, Захар Шорохов, в Аскинской волости – бывший унтер-офицер из села Аскино

А. И. Котельников, в Касевской волости – член волисполкома, бывший учитель Ф. К. Воробьев. Боевые дружины сыграли важную роль в установлении советской власти, просуществовав почти до конца лета 1918 г.

В 1918-1919 гг. Аскинский район был местом ожесточенных боев между белыми и красными партизанами, а затем и между регулярными войсками. Здесь был сформирован 30-й Аскинский полк, входивший в состав 8-й Камской дивизии имени адмирала Колчака, особо отличившийся в боях. В июне 1918 г. в Аскино был создан белогвардейский отряд, куда вошли более 100 человек, он стал костяком Аскинской конной дивизии. Штаб находился в здании училища (ныне снесено), против церкви. Белогвардейцы зачастую жестоко расправлялись с советскими активистами. Зверски убиты и брошены в овраг в Кубиязовском лесу братья Морозовы: Андрей и Пантелей и их отец Захар из Петропавловска. Были схвачены и расстреляны Ф. В. Меркурьев и сын Дмитрия Степучева. Тела 13 человек были брошены в Куяштырском лесу. Все они похоронены в братской могиле в селе Аскино.

Командиром добровольческого отряда белых был Аркадий Дедухин из села Старые Казанчи. С приездом из Бирска прапорщика Рукавишника, отряд стал батальоном, к сентябрю 1918 г. в нем было более 400 человек. Полковник М. С. Старов, прибывший из Бирска, реорганизовал батальон в Аскинский полк, который впоследствии переименовали в 30-й стрелковый полк 8-й Камской дивизии (командир полка полковник Старов). Боясь принять бой с отрядами Блюхера, Аскинский полк 8-9 сентября 1918 г. ушел по направлению Кубиязы–Урмиязы–Сарс за Уфимку и присоединился к белым. «Западная армия выделялась высоким процентом добровольцев. Более половины всех добровольцев, имевшихся в армии к лету 1919 г., состояло в рядах II Уфимского корпуса. В этом отношении примечательна история формирования 30-го Аскинского полка 8-й Камской стрелковой дивизии. В июле 1918 г. Против советской власти выступили крестьяне 17 волостей Аскинского района Бирского уезда. Для формирования повстанческого отряда, развернутого позднее в полк, была проведена «самомобилизация» мужчин до 45-летнего возраста. Снабжение полка осуществлялось за счет средств, выделявшихся местным населением. Для службы в обозах привлекались старики и женщины. К концу 1918 г. 30-й Аскинский полк насчитывал 58 офицеров и 1190 солдат при 14 пулеметах. Примечательно: делегация крестьян Аскинского района была удостоена приема у адмирала А. В. Колчака. В ходе аудиенции в Омске 5 февраля 1919 г., делегаты ходатайствовали перед Верховным правителем о выделении государственных средств на содержание сформированных населением войсковых частей» [2]. Впоследствии осенью 1919 г. полк отступал на восток, потеряв под Красноярском боеспособность. Часть бойцов перешла на сторону РККА, часть – ушла в Китай [3].

Известны имена офицеров 30-го Аскинского полка, получивших орден Св. Георгия 4 ст.: прапорщик Павел Зубарев (Приказ Западной армии от 9 мая 1919 г.), прапорщик Александр Кормушкин (Приказ Западной армии от 9 мая 1919 г. № 235), прапорщик Александр Морозов (Приказ Западной армии от 9 мая 1919 г. № 224). Эти сведения приводятся впервые.

К. В. Сахаров вспоминал: «Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян – население этих районов определенно встало все против большевиков. Как пример, могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами» [4].

8-я Камская стрелковая адмирала Колчака дивизия была сформирована 30 сентября 1918 г. из частей Камско-Буйского фронта как Сводная Уфимская стрелковая (с 1 января 1919 г. – 8-я Камская). Основой ее состава были повстанческие отряды крестьян в июне-июле 1918 г., при содействии чехов они заняли почти всю Уфимскую губернию, а потом были сведены в полки. Три полка дивизии состояли из повстанцев отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 до 20 тысяч) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами – жителями бассейна реки Белой и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры, за небольшим исключением, также местные жители, причем многие из них имели законченное среднее образование и окончили военные училища или школы прапорщиков. 8-я дивизия входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. в Уфимскую группу 3-й армии. Состав дивизии – 29-й Бирский, 30-й Аскинский, 31-й Стерлитамакский, 32-й Прикамский стрелковые полки, 8-й Камский стрелковый артиллерийский дивизион (позднее – бригада, потом – полк) и конный дивизион Щеголихина (развернут из партизанского отряда). В нее были влиты части бывшей 8-й Пермской стрелковой дивизии. Соединение сыграло ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении на Урал и далее к Челябинску, приняв на себя основные удары РККА. Под Красноярском дивизия потеряла до половины состава. В Чите 22 февраля 1920 г. была сведена в 8-й Камский адмирала Колчака стрелковый полк. Ее наследником в Приморье был также Отдельный Камский конный дивизион. Начальниками дивизии были полковник (генерал-майор) Пронин, подполковник (генерал-майор) Ф. А. Пучков (до февраля 1920 г.); Начальник штаба – гвардии ротмистр Соболев [5].

О 30-м Аскинском полку и камцах в апреле 1919 г. отмечалось: «вид у солдат бодрый, одеты разнообразно, английское обмундирование хорошее, русская одежда плохая, шинели не у всех, обувь хорошая» [6]. Как стрелковые части, камцы имели малиновые погоны, выпушки и петлицы. Под адмиральским орлом камцы носили «АК» – «Адмирал Колчак [7]. Шефство адмирала Колчака было присвоено дивизии весной 1919 г. Тогда же были присвоены и шифровки. К. А. Блинов рассказывал, что погоны в дивизии трафатерили сами – над ним посмеивались, что «А.К.» ему следует написать наоборот, поскольку его имя-отчество было – Константин Алексеевич. Погоны были двухсторонними (малиновые / защитные), причем помимо вензеля указывался также и номер полка [8].

Исторические события в России в начале XX в. слишком противоречивы и неоднозначны. Мировой опыт показывает, что в гражданских войнах общечеловеческие ценности такие, как милосердие, терпимость, гуманизм, нравственность, отодвигаются на второй план, уступая место принципу «Кто не с нами, тот против нас». Гражданская война – величайшая трагедия в истории Аскинского края и всей нашей страны. В память о наших земляках, участниках тех событий названы улицы, установлены памятники и мемориальные доски. В Аскинском историко-краеведческом музее хранится много документов, фотографий участников этой войны. Создана тематическая экспозиция. Почти сто лет отделяют нас от тех дней, но и все же Гражданская война еще не вполне стала историей. На наших глазах происходит переоценка ценностей, заставляющая вновь вглядываться в прошлое. Переоценка эта нужна, чтобы лучше понять настоящее, чтобы народ мог достойно жить в будущем.

Библиографический список

1. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 279.
2. Симонов Д. Г. К истории Отдельной Западной армии адмирала А. В. Колчака // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 57.
3. Якупов Т. З. Аскинский район: прошлое и настоящее. Нефтекамск, 2003. С. 14.
4. Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 48.
5. Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе. Режим доступа: URL: <http://www.dk1868.ru/history/puchkov.htm> (дата обращения 06.09.2017).
6. РГВА. Ф. 39624. Оп.1. Д. 135. Л. 616-617.
7. Филимонов Б. Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход. Зима 1921–1922 гг. Шанхай, 1932. Кн. 1. С. 34.
8. Из воспоминаний К. А. Блинова – рядового 29-го Бирского стрелкового полка 8-й Камской адмирала Колчака стрелковой дивизии.

А. В. ГАНИН (Москва)
Институт славяноведения РАН

**ДНЕВНИК БАРОНА А. П. БУДБЕРГА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
НОВЫЕ НАХОДКИ И НАБЛЮДЕНИЯ**

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17–81–01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

Аннотация: Статья представляет источниковедческий анализ дневника барона А. П. Будберга – одного из наиболее известных, но при этом сложных документальных свидетельств по истории Гражданской войны на востоке России.

Ключевые слова: Гражданская война в России, офицерский корпус, А. П. Будберг, Белое движение, зарубежные архивы.

A. V. GANIN (Moscow)
Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences

**THE DIARY OF BARON A.P. BUDBERG AS A SOURCE ON
THE HISTORY OF THE CIVIL WAR IN THE EAST OF RUSSIA:
NEW DISCOVERIES AND OBSERVATIONS**

Annotation: The article presents a source analysis of the diary of baron A. P. Budberg, one of the most well-known, but this complex documentary evidences on the history of the Civil war in the East of Russia.

Keywords: Civil war in Russia, officer corps, A. P. Budberg, White movement, foreign archives.

Знаменитый «Дневник» генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга (21.05.1869–14.12.1945) был впервые опубликован в 1923-1924 гг. в берлинском «Архиве русской революции» (Т. 12-15). Дневник охватывал период с 7 октября 1917 г. по 31 октября 1919 г. Колоссальная значимость этого документа стала очевидна сразу после его публикации, причем как ветеранам Белого движения, так и их противникам, не говоря уже об историках революции и Гражданской войны. Полковник Р. Р. фон Раупах отмечал: «Полное созвучие ежедневно заносившихся наблюдений этого горячего патриота с выводами и впечатлениями очевидцев и участников Гражданской войны на других фронтах, бесконечная скорбь за гибель белого дела, которой дышит каждая

строка его дневника, и высокое служебное положение автора этих анналов позволяют считать их источником не только вполне компетентным, но и исключаящим всякие подозрения» [1].

Поскольку в дневнике ярко и зло обличались многочисленные недостатки режима, установленного белыми на Востоке России, этот документ в 1929 г. опубликовали даже в СССР под названием «Дневник белогвардейца». В постсоветский период дневник неоднократно переиздавался, в том числе с обстоятельными комментариями, подготовленными А. Б. Езеевым [2].

Однако до сих пор ни специалистам, ни любителям прошлого не было известно, что этот ценнейший источник был опубликован в 1920-е гг. не полностью. Работа с коллекцией генерала А. П. Будберга в Гуверовском архиве позволила автору этих строк обнаружить неизвестное окончание дневника генерала, посвященное событиям Гражданской войны на востоке России в конце 1919 – начале 1920 г. [3]

Обнаруженное окончание продолжает предыдущую часть дневника (омский период) и охватывает события с 1 ноября 1919 по 7 февраля 1920 г., после чего Будберг покинул пределы России. Дневник, в основном касался событий во Владивостоке, Харбине и, в меньшей степени, в Чите. Значимость этого исторического источника, подготовленного в настоящее время к публикации, трудно переоценить. Значение это очевидно и в плане развенчания проявившегося в некоторых публикациях необоснованного гиперкритицизма в отношении известного ранее «Дневника». На данном аспекте следует остановиться подробнее.

К сожалению, восприятие «Дневника» А. П. Будберга оказалось политизировано. Как опытный и высококвалифицированный генштабист, барон А. П. Будберг отчетливо видел и не стеснялся бичевать пороки белых, подчас не выбирая выражений. Это вызывало резкое неприятие в кругах белой эмиграции. Однако критическое восприятие окружающей действительности было в целом присуще Будбергу и прослеживается не только в дневнике, но и в его воспоминаниях, посвященных дореволюционному периоду. Полковник А. Г. Ефимов писал военному историку поручику Б. Б. Филимонову: «Будберг отличается исключительной способностью замечать все отрицательное и темное. И не только замечать, но и собирать все слухи и сплетни и выдавать их за факты. Поэтому его воспоминания являются порою ушатами грязи на разных начальников, которые ему не нравились, и на русскую армию, в которой его “критический” талант видел только ряд промахов, злоупотреблений, недочетов... При чтении так и сквозит: “Все дураки, негодяи, жулики, – один я умный, знающий, дельный и честный”» [4]. В то же время оценки наследия Будберга непредвзятыми исследователями иные. Мемуары Будберга, по мнению одного из специалистов по истории Дальнего Востока, – по-настоящему уникальный источник [5].

В начале 1990-х гг., на волне всплеска интереса к истории Белого движения, авторы, разделявшие идеологию этого движения и считавшие себя его ду-

ховными продолжателями, достаточно резко отзывались о «Дневнике» Будберга и его достоинствах как исторического источника. Утверждалось, к примеру, что «барон Будберг чаще предстает как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен и так далее, чем как свидетель того или иного события, как человек, наблюдающий то или иное явление изнутри, а не снаружи. Автор “Дневника” не знал, да и не мог знать ни военной, ни политической “кухни” ни Омска, ни Харбина. Зато о “кухонных” склоках, дразгах и скандалах он был прекрасно осведомлен» [6].

Это было написано не о случайном обывателе, а о генерал-лейтенанте Генерального штаба, прожившем почти год в Харбине, позднее занимавшем в Омске посты главного начальника снабжений, помощника начальника штаба Ставки и военного министра омского правительства, то есть о человеке весьма осведомленном. Едва ли он мог не знать омской и харбинской военной и политической кухни. Более того, изучение истории белой Сибири по архивным документам подтверждает правоту, глубину и точность многих суждений и оценок Будберга.

Наша находка позволяет усомниться и в некогда выдвинутом тезисе о том, что «Дневник» генерала Будберга был дневником лишь по форме, но не по содержанию, поскольку якобы являлся памфлетом, написанным месяцы или даже годы спустя после событий [7]. Подобное предположение основывалось на том зыбком тезисе, что поденные записи Будберга якобы не соответствуют фактическим обстоятельствам или состоянию автора дневника, а также содержат анахронизмы. Заслуживающих внимания аргументов в обоснование не приводилось [8]. Позднее автор этого тезиса повторил его в еще более категоричной форме: «“Дневник” барона Будберга... не является дневником в собственном значении этого слова – это лишь литературная форма воспоминаний и размышлений с использованием дневниковых записей. Целый ряд соображений позволяет датировать время создания этого произведения 1920-1923 гг. Отсюда – большое количество анахронизмов в тексте» [9].

На самом деле тому, что комментатором «Дневника» обозначалось как анахронизмы, можно дать объяснение. В ряде случаев это либо слухи и ошибки автора (к примеру, 4 января 1918 г. Будберг упомянул еще не существовавший штаб РККА, но, возможно, речь шла о штабе Красной гвардии), либо же мнимые анахронизмы. В частности, к явным анахронизмам комментатор «Дневника» отнес указание на генеральский чин начальника 15-й дивизии Мартынова в записи от 14 октября 1917 г., упомянутый был идентифицирован как М. Ф. Мартынов, произведенный в генералы лишь в 1918 г. [10] Однако у Будберга речь идет о совсем другом человеке – А. И. Мартынове, который стал генералом еще в 1913 г.

Путаница в событиях соседних дней вполне естественна даже для дневника, тем более что какие-то записи могли осуществляться не день в день, а несколько позднее. Рациональную версию происхождения некоторых анахронизмов привел сам комментатор [11].

Есть в дневнике и по-настоящему труднообъяснимые анахронизмы. Таких, на наш взгляд, выявлено два. Так, 23 августа 1918 г. Будберг писал о том, что Г.М. Семенов «самоопределился» в командующие Отдельной Восточно-Сибирской армией из нескольких корпусных штабов при малочисленном личном составе. Казалось бы, это безошибочный аргумент в пользу того, что дневник написан позднее, поскольку армия с таким названием возникла только в ноябре 1918 г., что и отметил комментатор [12]. Однако обращение к канве событий показывает, что именно в августе 1918 г. Семенову Временным правительством автономной Сибири была предложена должность командующего существовавшей лишь на бумаге 1-й Сибирской армией [13]. Можно предположить, что позднее Будберг внес в текст и более позднее наименование реально возникшей армии. Во всяком случае, характер исправлений в обнаруженном окончании дневника дает основания считать, что текст подвергался автором стилистической правке. Подобные исправления могли вноситься как по горячим следам событий, так и спустя какое-то время.

Другой, казалось бы, бесспорный анахронизм – 8 февраля 1919 г. Будберг написал о полученном радио по поводу занятия генералом Н. Н. Юденичем Петрограда. Комментатор справедливо обратил внимание на то, что в феврале 1919 г. еще не предпринималось наступления на Петроград, а сам Юденич не находился на Северо-Западе России [14]. Однако анализ фактов показывает, что еще в январе 1919 г. Юденич пытался поставить под свой контроль Северный корпус, дислоцированный в Эстонии, назначив его командующего. Переговоры с финскими властями о походе на Петроград также велись в начале 1919 г., кроме того, Юденич обменивался телеграммами с А. В. Колчаком по вопросу создания на Северо-Западе России антибольшевистского фронта [15]. Таким образом, данный анахронизм уже не выглядит абсолютно невозможным вымыслом. Слухи о взятии Петрограда Юденичем могли распространяться на Востоке России.

Окончание дневника Будберга написано им на тех же американских листах в голубую линейку с полем, отделенным красной линией, что и хранящиеся рядом воспоминания о Первой мировой войне. Это дает основания полагать, что дневник был переписан набело уже в США. Весомым доводом в пользу аутентичности дневника является то, что часть документа, обозначенного как памфлет (что предполагает широкое распространение), на протяжении почти столетия так и не была обнародована.

Стилистически окончание дневника не отличается от широко известной части – Будберг продолжает бичевать порядки белых, теперь уже на Дальнем Востоке. Глубочайшая детализация событий по дням не дает оснований считать дневник позднейшим произведением. Очевидно, Будберг в Гражданскую войну действительно вел дневник, поскольку приводимые им данные изобилуют подробностями, которые невозможно изложить постфактум. При этом можно допустить, что записи исходного дневника позднее Будбергом корректировались, но с учетом высокой степени детализации материала едва ли позднейшее вме-

шательство было существенным. Позднейшая работа над текстом прослеживается, в частности, в датировке записи от 29 января 1920 г., ошибочно датированной А. П. Будбергом 29 ноября.

Другой видный деятель Белого движения на Востоке России, сослуживец Будберга по Первой мировой войне генерал В. Е. Флуг, писал генералу В. В. Чернавину 17 января 1933 г. о Будберге и его дневнике: «Мне известна только та часть дневника Будберга, к[ото]рая относится к периоду, начинающемуся с большевицкого переворота. В нем он выявляет себя, действительно, пессимистом до степени какой-то психической болезни, близкой к мании. П. Н. Симанский писал мне, что будто бы существует также дневник Будберга, относящийся к периоду всей Великой войны. Каковы там его настроения, я не знаю, но могу засвидетельствовать, что во время нашей совместной боевой работы в сент[ябре] 1914 г. он был далек от какого бы то ни было пессимизма и, напротив, своей неизменной бодростью духа благотворно влиял на меня и на чинов штаба. Насколько я вообще знаю Будберга по многим годам совместной службы, он вообще не пессимист или меланхолик, ему только в сильной степени свойствен дух критики, подчас выражающийся в форме резких и желчных выпадов» [16]. Таким образом, дневник генерала охватывал намного более широкий период, нежели 1917-1920 гг. Подтверждал это и сам Будберг, вспоминая, что закопал свои военные дневники на чердаке дома в Петрограде в 1917 г. [17].

В период, который охватывает окончание дневника, генерал Будберг состоял в распоряжении Верховного главнокомандующего (с 5 октября 1919 г.), выезжал на лечение в Харбин, занимал пост начальника штаба Приамурского военного округа (с 19 ноября 1919 по 31 января 1920 г.), а затем эмигрировал в Японию и Китай, после чего в апреле 1921 г. переехал в США. Окончание дневника позволяет уточнить некоторые факты биографии самого А. П. Будберга на рубеже 1919 – 1920 г. [18] и намного подробнее, чем было до сих пор известно, осветить его деятельность в эти месяцы.

В заключительной части дневника Будберг столь же критичен, как и прежде. Он беспощадно обличает коррупцию в белом командовании, описывая события выступления генерала Р. Гайды во Владивостоке, приводит факты двурушничества старших офицеров, бичует атаманщину и ее произвол, неоднократно свидетельствует о вызывающем поведении командования интервенционистских сил на Дальнем Востоке и трагической зависимости от них и бессилии белых, описывает произвол чехословаков в Сибири. Дневник дает представление о малоизвестных сторонах жизни белого Приморья в конце 1919 – начале 1920 г., позволяет уточнить данные о кадровой политике белых, борьбе различных военно-политических группировок внутри антибольшевистского лагеря на Востоке России, роли иностранного фактора в происходивших событиях и о многом другом. Таким образом, речь идет о прежде неизвестном специалистам ценнейшем историческом источнике по истории Гражданской войны на

востоке России, который по своим достоинствам не уступает той части дневника, что получила широчайшую известность прежде.

В письме генералу В. В. Чернавину от 8 октября 1936 г. А. П. Будберг пожаловался: «На свои рукописи я вообще имею предложение Хуверовской библиотеки, материально для меня выгодные [19], но дело в том, что там они обречены на вечный покой, а мне хотелось поместить их там, где есть надежда на их, когда-нибудь, напечатание. Это мой дар прошлому, запись виденного, слышанного и пережитого, запись правдивая (имею отзывы) и до известной степени редкая» [20]. Спустя почти столетие после своего создания окончание дневника генерала Будберга публикуется в России – на родине этого выдающегося военного деятеля. Таким образом, в какой-то мере выполняется воля генерала, изложенная в процитированном письме.

Библиографический список

1. Раупах Р. Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 221.

2. Белое дело: Избранные произведения в 16 книга. М., 2003. Кн. 14. Белый Восток. К сожалению, вторая часть издания опубликована не была.

3. Архив Гуверовского института. А. Р. Budberg collection. Box 1. Дневник. Л. 1–127.

4. Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 404.

5. Авилов Р. С. «Сибирские воспоминания» барона А. П. Будберга – неизвестный источник по истории Забайкалья в конце XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 59-60.

6. Езеев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории георгиевских наград на Востоке России в 1918-1919 гг.) // Военная быль (Москва). 1993. № 4 (133). Октябрь – декабрь. С. 9.

7. Там же.

8. Вместо анализа возможных несоответствий «Дневника» заявленному времени написания комментатор подверг критике мнимую лживость дневниковых записей Будберга о георгиевских наградах для высокопоставленных лиц (Там же. С. 10). В них генерал иронично отзывался о награждении адмирала А. В. Колчака и императора Николая II орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени соответственно (Напр.: «В наградном чаду дошли до того, что высокозалежные георгиевские кавалеры повторили киевскую комедию с георгиевским крестом Государю, и на Пасху поднесли адмиралу Георгия 3 степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал... принял крест» – Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 251). Однако ни в отношении награждения Николая II за несуществующий подвиг

(побывал в 6-7 верстах от передовой), ни в отношении награждения Колчака Будберг (хотя в последнем случае он и не знал некоторых деталей) против истины не погрешил, а эти дневниковые записи не могут свидетельствовать ни о лживости их автора, ни о том, что дневник написан не в обозначенное время.

9. Езеев А. Б. Комментарии // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. М., 2003. Кн. 14. Белый Восток. С. 446.

10. Там же. С. 465.

11. Там же. С. 501-502.

12. Там же. С. 536-537.

13. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 160.

14. Езеев А. Б. Комментарии. С. 553.

15. Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918-1920 гг.). СПб., 1999. С. 86-87.

16. ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 87об.-88.

17. Там же. Д. 111. Л. 7.

18. См., напр.: Пучков Ф. А. Барон А. П. Будберг. Жизнь и деятельность // Военный альбом генерала А.П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне. 1914-1917. М., 2014. С. 34.

19. Так в документе.

20. ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 111. Л. 7об.

А. Е. ГОЛИКОВА (Омск)

Омский государственный педагогический университет

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АНАРХИСТОВ О РОЛИ
ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ
В ПЕРИОД 1917–1921 ГГ.**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвящённое изучению развития взглядов анархистов на проекты социальных преобразований в условиях Гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова: власть, Гражданская война, анархистское движение, безгосударственное общество.

A. E. GOLIKOVA (Omsk)

Omsk state pedagogical university

**EVOLUTION OF ANARCHISTS' IDEAS ON THE ROLE OF POWER
STRUCTURES IN SOCIAL TRANSFORMATIONS
IN THE PERIOD OF 1917–1921**

Annotation: This publication is a survey analysis devoted to the study of the development of the anarchists' views on the projects of social transformations in conditions of civil war and intervention.

Keywords: power, Civil war, anarchist movement, stateless society.

Исследователи анархистского движения в период Российской революции и гражданской войны (1917 – 1921 г.) периодически обращаются не только к взглядам анархистов на проблему строительства безгосударственного общества, но и непосредственно к проводившимся под их руководством социальным преобразованиям [1]. Между тем, как таковые, обобщающие исследования по проблеме анархистских социальных преобразований в 1917 – 1921 гг. отсутствуют. Это вряд ли справедливо, поскольку именно в указанный исторический период на территории бывшей Российской империи анархисты в условиях установления ими полного, или совместного с другими левыми силами, контроля над определённой территорией, пытались воплощать в жизнь анархистскую модель нового общества.

Разрабатывая проекты социальных преобразований, они последовательно проводили идею о сосредоточении не только функций координации (что было традиционно для анархистов), но и управления, в руках демократически избираемых, но всё же – наделённых властью органов парламентского типа этатистские элементы в представлениях анархистов о будущем обществе интересны,

поскольку эта организация представлялась российским анархистам эталоном организационных форм рабочего движения.

В 1906 г. теоретик анархо-индивидуализма А. А. Боровой обосновывал необходимость установления строя «государственного социализма», как стадии «экономической подготовки» и «подготовки психологической» к безгосударственному обществу [2].

Наиболее весомый вклад в ревизию представлений анархистов о роли властных структур в социальных преобразованиях внёс в 1915-1916 гг. Л. И. Фишелев (псевдоним «Максим Раевский»). Исходя из того, что революционно-синдикалистские профсоюзы, руководимые анархистами, в большинстве наиболее развитых капиталистических стран, охватывают лишь меньшинство рабочего класса по сравнению с реформистскими профсоюзами, он пришёл к выводу о неготовности рабочих к немедленной анархо-коммунистической революции. В качестве альтернативы он выдвигал идею о переходном периоде «синдикалистского строя», «осуществимого только в результате захвата власти рабочими синдикатами», периода власти профсоюзов в экономической сфере [3]. Оказавшиеся под контролем федерации профсоюзов и утратившие большую часть своих функций, государственные структуры, по мере расширения рабочего самоуправления, должны были постепенно отмереть. Исходя из практики рабочего движения революции 1905–1907 гг., Фишелев указал на возможные формы новой власти в России – Советы рабочих депутатов, представлявшие собой собрания делегатов профсоюзов, предприятий и служб [4].

Революционные события 1917 г. первоначально посеяли в анархистах надежды на возможность скорого осуществления модели социальной революции по М. А. Бакунину и П. А. Кропоткину. Процессы радикальной демократизации, которые захватывали все стороны общественной жизни, связанные с формированием многочисленных органов народного самоуправления (Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводских комитетов, комитетов воинских частей и т.д.), интерпретировались многими анархистскими публицистами как проявление анархических стремлений в социальных движениях.

Однако надежды на стихийную анархизацию масс трудящихся не оправдались. Обстоятельства гражданской войны и интервенции (особенно – необходимость защиты социальных завоеваний революции) послужили, пожалуй, одними из основных факторами поправки программных установок части анархистского движения. Первая радикальная попытка такого рода была предпринята представителем анархо-коммунистов А. М. Атабекяном. Учитывая маловероятность скорой мировой революции, он фактически предлагал перейти к построению анархистской модели социализма в одной отдельно взятой стране. Исходя из этого, Атабекян указывал на необходимость создания революционной армии с единым командованием и даже оперировал еретическими для классического анархизма терминами «революционный пат-

риотизм», «анархическое государство», «анархическая республика» и т.п. Государственное устройство Российской советской федеративной республики Атабекян предлагал перестроить путём взятия на себя народными самоуправленческими структурами, которые возникли в ходе революции (советами, объединениями кооперативных предприятий и банков, фабзавкомами, профсоюзами, домовыми комитетами) и их объединениями функций экономического регулирования и государственного управления. Предполагалась широкая автономия регионов. В основу экономических преобразований Атабекян предлагал заложить принцип доминирования кооперативного самоуправленческого сектора в промышленных центрах при преобладании традиционного крестьянского хозяйства и частного сектора в остальных регионах [5]. Часть идеологов анархизма в обстоятельствах гражданской войны шло ещё дальше Атабекяна, делая выводы об исторической обусловленности и объективности чрезвычайных методов мобилизации и военной диктатуры со стороны большевиков [6].

Наиболее близок к такой точке зрения оказался один из лидеров анархо-синдикалистской группы «Голос труда» И. С. Гроссман: «...Чтобы создать не абстрактную систему свободных соглашений, а реальную силу – необходимо созидание производственного организма... Необходимости государственной надо противопоставить необходимость, вытекающую из логики автономного производства, ибо эта необходимость и предполагает трудовую свободу. А всемирный империализм путём блокады, нашествий не даёт нам сделаться производственным организмом. Он заставил нас заменить логику производства – мать свободы – логикой военщины – мать государственной необходимости. Отсюда: победите мировой империализм и вы победите механическую государственность. ...При логике военщины невозможна база нашей антигосударственности — автономное производство в широком масштабе, невозможна ни для анархистов, ни для большевиков!». И далее: «...Военщина — мать авторитарности». Отсюда, он делает вывод, что и анархисты на месте большевиков неизбежно должны были бы действовать по логике военной диктатуры: «...психология военщины самой свободной (и повстанческой, товарищи, идеализирующие то, чего не знают) авторитарная» [7].

Политика «военного коммунизма» обратила внимание части анархистских публицистов на возможность проведения преобразований в духе «анархо-коммунизма» «сверху». Если Гроссман лишь положительно оценивал политику большевиков, то М. Головинский и Я. Нерсей, анархо-коммунисты, сторонники лояльно относившегося к большевистской диктатуре А. А. Карелина (лидера Всероссийской федерации анархистов-коммунистов), в 1918–1919 гг. на страницах журнала «Вольная жизнь» предлагали советскому правительству ряд переходных к анархо-коммунистическому строю мер: отмена денежного обращения, отказ от карточной системы и переход

к непосредственному распределению продуктов на основе трудовых книжек, передача профсоюзам функций регулирования экономической жизни страны при сохранении функций планирования за государственными органами.

Воплощаемая в условиях Гражданской войны в жизнь модель нового общества по-анархистски, представляла из себя «государственный социализм» с предоставлением рабочему самоуправлению широких полномочий.

Библиографический список

1. Голованов В. Я. Нестор Махно. М. 2008. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма (борьба партии большевиков против анархизма, 1917–1922). М. 1974.
2. Боровой А. А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906. С. 88.
3. Раевский [Фишелев Е.] О революционном синдикализме // Голос труда. 1915. 30 июля. С. 2.
4. Он же. Анархо-синдикализм и критический синдикализм. Нью-Йорк. 1919. С. 6, 67, 68.
5. Атабекян А. М. Перелом в анархическом учении. М., 1918. С. 3.
6. Он же. Основы земской финансовой организации без власти и принуждения. М., 1918. С. 5–13;
7. Гроссман-Рощин И. Октябрьская революция и тактика анархистов-синдикалистов // Голос труда. 1919. С. 10-25.

А. Е. ГОНЧАРОВ, Н. М. КАРЕЛИН, Д. М. МЕДНИКОВ (Красноярск)
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева

КАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1919 Г.: К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПОРТЕ И ИМПОРТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-11-24010.

Аннотация: В работе рассмотрена Карская экспедиция 1919 г., организованная белыми правительствами Архангельска и Омска, в части импорта и экспорта товаров по Карскому морю. На основании историографического анализа, авторами установлено, что в научной литературе до сих пор не были отражены подробные сведения о количестве ввезенных товаров. Новые сведения из РГАВМФ и ГАТО восполняют этот пробел.

Ключевые слова: Северный морской путь, Карские экспедиции, Б. А. Вилькицкий, Обская губа, Гражданская война, Сибирь, А. В. Колчак.

A. E. GONCHAROV, N. M. KARELIN, D. M. MEDNIKOV
(Krasnoyarsk)

Siberian State University of Science and Technology named after academician
M. F. Reshetnev

THE KARA SEA EXPEDITION OF 1919: IMPORTS AND EXPORTS

Annotation: This paper discusses the Kara Sea Expedition of 1919 organized by the White governments of Arkhangel'sk and Omsk, particularly focusing on the question of import and export. This issue has found little reflection in historical literature and has, thus, been covered in this study on the basis of new historical evidence from the Russian State Naval Archive and the State Archive of the Tomsk region.

Keywords: Northern Sea Route, Kara Sea Expeditions, B. A. Vil'kitskii, Ob-skaia guba (Ob' Gulf), Civil war, Siberia, A. V. Kolchak.

Одной из наиболее интересных страниц истории Северного морского пути (далее – СМП) является его развитие в годы революции и последующей Гражданской войны. Это подтверждается, в том числе, и тематиками выставок, проводимых, в последнее время учреждениями культуры [1].

Интерес к развитию судоходства в российских полярных морях, в частности, морского пути через Карское море к устьям Оби и Енисея (Карский морской путь), проявляли как большевики, так и белые правительства на Европейском Севере и в Сибири. Этот период стал связующим звеном между развитием Северного морского пути в Российской Империи и в Советской России. Важно понимать, что интерес противоборствующих сторон к Карскому морскому пути основывался на богатейшем, хотя и ограниченном, опыте организации полярного судоходства начиная с 1874 г., равно как и на накопленных научных знаниях о российских арктических морях. Кроме того, в предреволюционное десятилетие на российском Севере предпринимались меры по обеспечению безопасности кораблевождения, в частности гидрографические работы в Карском море и на сибирских реках, а также установка ограниченного числа навигационных знаков и радиотелеграфных станций. Не стоит упускать и тот факт, что и в Сибирском правительстве, и в Архангельске в руководстве оказались лица, чья деятельность была связана с исследованием Арктики (А. В. Колчак, Б. А. Вилькицкий), а также организацией коммерческого судоходства (С. В. Востротин). Стоит упомянуть так же то, что многие деятели того времени не видели альтернативы использованию морских путей, ввиду «расстройства подвижного и личного состава» железных дорог в России [2].

Одним из наиболее ярких эпизодов в истории Северного морского пути в рассматриваемый период стала Карская экспедиция 1919 г., организованная архангельским и омским правительствами. В ходе экспедиции в Сибирь были доставлены специальные военные грузы, военные, гражданские грузы. Предметами экспорта стали традиционные сибирские сельскохозяйственные произведения. Помимо грузоперевозок в ходе экспедиции были запланированы масштабные гидрографические и картографические работы в Обь-Енисейском районе с целью обеспечения безопасности для будущего кораблевождения. СМП рассматривался Омским правительством и ВПСО, как важный торговый и транспортный путь, благодаря которому должно было осуществляться снабжение Северной области продовольствием из Сибири, экспорт продовольствия в Европу в обмен на поставки товаров и вооружений, доставка этих товаров и вооружений в Сибирь.

Проблема освоения СМП в годы Гражданской войны рассмотрена в ряде отечественных и зарубежных работ. Так, в трудах М. И. Белова [3], В. Н. Булатова, К. Криптона (Молодецкого) и Т. Армстронга [4–6], вопрос об организации и проведении Карской экспедиции 1919 г. изучен в них недостаточно. Стоит отметить, что хотя Белов уделяет «Белогвардейской Карской экспедиции» целый параграф в своей работе, многие сюжеты, в частности вопрос об импорте и экспорте остается, освещен им крайне недостаточно [7]. На основании архивных данных, Белов сообщает, что в Обскую губу было доставлено около 100 тыс. пудов грузов (преимущественно, военных), а также около 100 пассажиров из числа военнослужащих [8].

Сегодня, единственным исследованием, по вопросу экспедиции 1919 г. является статья, опубликованная в 2016 г. В. В. Расколом [9]. В ней рассматриваются вопросы организации и проведения экспедиции подполковника Д. Ф. Котельникова и профессора В. В. Сапожникова из «Института исследования Сибири» в Обскую губу летом 1919 г. При этом, основным сюжетом статьи является не морская экспедиция, а речная экспедиция, перед которой были поставлены задачи гидрографического обследования низовьем Оби и Обской губы с проставлением навигационных знаков, проведение иных научных изысканий и организация перегрузки грузов с морских судов в бухте Находка. Раскол ограничивается информацией о том, что в Сибирь должен быть доставлен некий «ценный военный груз», а также офицеры и военные специалисты [10].

Ввиду ограниченного объема, в этой работе мы рассмотрим в основном вопрос импорта-экспорта на кораблях ВПСО экспедиции 1919 г. Вопросы, связанные с организацией экспедиции рассмотрены в указанных выше работах. При этом следует отметить, что вопрос об истории СМП в годы Гражданской войны требует специального монографического исследования.

Итак, в конце 1918 г. белые правительства начали подготовку экспедиции в устья Оби и Енисея. В январе 1919 г. была организована «Исполнительная комиссия по организации морской экспедиции в Сибирь» [11], с февраля создана «Постоянная комиссия по организации морской экспедиции в устья Оби и Енисея». Деятельность комиссии находилась под контролем генерала Е. К. Миллера, в ее состав вошел заместитель председателя ВПСО П. Ю. Зубов, ответственным за сношения с Сибирью поручили лично Миллеру. В состав комиссии вошли представители морского ведомства, ведомства торговли и промышленности и биржевого комитета. Возглавить экспедицию поручили Б. А. Вилькицкому. Он имел большой опыт плаваний в арктических морях [12]. Поскольку к экспедиции проявили интерес иностранные торговые круги, то в ее состав предложили войти представителю англо-шведской фирмы господину Армистаду, сделано это было, в том числе с целью переложить часть расходов на коммерсантов и английское правительство. Но Армистад от вхождения в комиссию отказался и переговоры с ним о разделении расходов результата не дали [13]. Несмотря на это, на экспедицию были ассигнованы значительные денежные средства и ресурсы. Так, со склада компании Нобеля в Архангельске было конфисковано 3500 пудов керосина [14].

Для перевозок было отобрано и мобилизовано значительное количество судов различных ведомств, в том числе арендовали частные. Но часть судов не прибыли в срок из Великобритании или не были вовремя подготовлены. Так как наиболее крупные суда изъяло британское командование, оставались лишь небольшие суда способные вместить от 9 тыс. до 80 тыс. пудов груза. С учетом погруженного угля, экспедиция приняла около 1600 тонн военных грузов от английского командования, около 300 тонн от французского, около 300 тонн частных грузов и 100 пассажиров [15]. Ниже даны подробные данные о грузе, находившемся на борту экспедиционных судов, направляющихся в Сибирь [16].

Таб. 1. Список грузов парохода «Вайгач»							
№	Марки	Грузоотправитель	Порт назначения	В чей адрес	Наименование груза	Число мест	Вес в пудах
	Главное артиллерийское управление	Главное артиллерийское управление.	Бухта Находка	Военное Министерство Верховного Временного Правительства	Винтовки в ящиках	403	3828
	То же	То же	То же	То же	Патроны в ящиках	8060	10276
	—	В. В. Сагаев	То же	То же	Зерна семена	16 мешков 5 ящиков	94.29
ИТОГО					8484	14198.29 ф.	

Таб. 2. Список грузов парохода «Колгуев»

№	Марки	Грузо-отправитель	Порт назначения	В чей адрес	Наименование груза	Число мест	Вес в пудах
	Главное артиллерийское управление	Главное артиллерийское управление	Бухта Находка	Военное Министерство Верховного. Временного. Правительства.	Пагоны в ящиках	2623	3344
	То же	То же	То же	То же	Винтовки в ящиках	1690	16055
	То же	То же	То же	То же	Протирка в ящиках	5	33
	То же	То же	То же	То же	Масло в бидонах	20	30
	То же	То же	То же	То же	Масло в ящиках	5	45
	То же	То же	То же	То же	Обтирка в кулях	3	9
	То же	То же	То же	То же	Пулеметные ленты в жестяных ящиках	28	24
	То же	То же	То же	То же	Пулеметные ленты в ящиках	11	22
	То же	То же	То же	То же	Пулеметные ленты в коробках	49	18
10	То же	То же	То же	То же	Пулеметы в ящиках	10	136
11	То же	То же	То же	То же	Медикаменты	49	300
12	То же	То же	То же	То же	Перевязочные материалы	19	38
13	ШОЛЬЦ	Полковник Котельников	То же	То же	Багаж	1	3
14	-	Почтово-телеграфный округ	То же	Начальнику главного управления почт Цеслинскому	Аккумуляторные элементы	12	122
15	Беляевский	Беляевский	То же	Правительству	Медицин. жир	503	3521
16	-	Архангельская почта	То же	Почтовое ведомство	Почта	17	25. 3 ф.
17	Красный Крест	Английское командование	То же	Правительству	Перевязочный материал	376	992
18	-	Отдел земледелия	То же	Министерство земледелия	Огородные семена	18	82. 33 ф.
ИТОГО					4421	24799	пуд. 36 ф.

Таб. 3. Список грузов парохода «Кильдин»

№	Марки	Грузо-отправитель	Порт назначения	В чей адрес	Наименование груза	Число мест	Вес в пудах
	Главное артиллерийское управление.	Главное артиллерийское управление.	Обская Губа	Военное Министерство	Патроны в ящик.	5899	7521
	Красный Крест	Английское командование	То же	То же	Медицин. Груз	155	248
	-----	Франц. миссия	То же	То же	Обмундирование	1140 тюков 458 ящиков	15624
	То же	То же	То же	То же	Пулеметы 1907 г.	9	Всего весу 30690 пуд.
	То же	То же	То же	То же	Запасные части к пулеметам	3	
	То же	То же	То же	То же	Ленты к пулеметам	10	
	То же	То же	То же	То же	Пулеметные ружья	246	
	То же	То же	То же	То же	Пулеметные ружья, принадлежности	100	
	То же	То же	То же	То же	Запасные части пулеметов	3	
10	То же	То же	То же	То же	То же	27	
11	То же	То же	То же	То же	Сбруя	322	
12	То же	То же	То же	То же	Снаряды	40	
13	То же	То же	То же	То же	Патроны 1886 г.	2000	
14	То же	То же	То же	То же	Кавалерийские сабли	166	
15	То же	То же	То же	То же	Ручные гранаты	200	
16	То же	То же	То же	То же	Запалы к гранатам	50	
17	То же	То же	То же	То же	Патроны японские	16568	
18	То же	То же	То же	То же	Снаряды в ящиках	177	995
19	То же	Английское командование	То же	То же	Носилки	199	98
20	То же	То же	То же	То же	Корзинки медицинские	58	17
21	То же	То же	То же	То же	Очков клезетных	75	11
22	То же	То же	То же	То же	Ведро	228	38
ИТОГО						28133	55242 пуд.

В экспедиции принимали участия 9 транспортных судов, а именно: пароходы «Кильдин», «Вайгач», «Колгуев», «Соломбала», «Пахтусов», «Полярный», «Иван Сусанин», «Байминго», а также баржа «Анна» [17]. Из Сибири морской экспедицией было доставлено для ВПСО 40 тыс. пудов пшеницы, 1500 пудов масла. Несмотря на скромный объем привезённых грузов, около 10% от запланированного, экспедиция была признана успешной [18] Прибыль экспедиции составила около 3,5 млн. руб. [19] Итоговая стоимость фрахта судов была 15 руб. за пуд, что сравнимо с фрахтом на других линиях (Лондон – Архангельск 15–20 рублей, Копенгаген – Архангельск 22 руб., Берген – Архангельск 15 руб.) [20] Капитанов судов за хорошо проделанную работу наградили выдачей премий сверх жалования [21] В навигацию 1920 г. планировали организовать новую экспедицию; в ней были заинтересованы как иностранные, так и российские коммерческие фирмы [22].

Можно заключить, что разница в оценке объемов грузоперевозки, данной Ф. А. Шольцем (168 тыс. пудов) [23] и Беловым (100 тыс. пудов) [24], появилась из-за того, что во втором случае не брался в расчет груз английского парохода «Байминго». Кроме того, Белов указывает на царившую во время перегрузки товаров «атмосферу открытых хищений». Вопрос о дальнейшей судьбе грузов, доставленных экспедицией в Сибирь, равно как и о составе груза парохода «Байминго» может являться предметом дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Бородина Г. Ю., Петин Д. И. Выставочный проект «Арктические экспедиции первой четверти XX века» Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения, Тара, 11–12 марта 2016 г. Омск, 2016. С. 212–216.
2. ГАТО. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 62 Л. 119.
3. История открытия и освоения Северного морского пути: В 4 т.. М.: Морской транспорт, 1956–1969. Т. 3. Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1933. М., 1959. 510 с.
4. Bulatov V. Historical and current uses of the Northern Sea Route. Part IV: The Administration of the Northern Sea Route (1917–1991). INSROP Working Paper No. 84. 1997. 112 p.
5. Krypton C. The Northern Sea Route and the economy of the Soviet North. Praeger, 1956. 219 p.
6. Armstrong T. The Northern Sea Route: Soviet exploitation of the North East Passage. Cambridge: University Press, 1952. 162 p.
7. Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1933. С. 58–62.

8. Там же. С. 61.
9. Расколец В. В. Экспедиции Д. Ф. Котельникова и В. В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.)// Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117-124.
10. Там же. С. 121.
11. РГАВМФ. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
12. Там же. Л. 8-11.
13. Там же. Л. 12-13, 22.
14. Там же. Л. 39.
15. Там же. Л. 131-135.
16. РГАВМФ. Р-129. Оп. 1. Д. 47. Л. 1об.-2, 3об.-4, 5об.-6.
17. Там же. Л. 7.
18. РГАВМФ. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 46. Л. 131-135.
19. Там же. Л. 110-111.
20. Там же. Л. 135об.
21. Там же. Л. 77.
22. Там же. Л. 135
23. Шольц Ф. А. Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири Омск, 1921. С. 61.
24. Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917-1933. С. 61.

М. В. ГОРБУНОВА (Омская область)

Администрация Муромцевского муниципального района Омской области

ИЗ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ В РАБОЧЕМ ПОСЁЛКЕ МУРОМЦЕВО

Аннотация: Данная публикация рассказывает о создании в рабочем поселке Муромцево памятного мемориала, посвященного борцам за советскую власть. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в фондах Исторического архива Омской области и муниципального архива Муромцевского района Омской области. Вспомогательным источником стала периодическая печать

Ключевые слова: Гражданская война, партизанское движение, памятники, советская власть, Муромцево.

M. V. GORBUNOVA (Omsk region)

Administration of Muromtsevo municipal district of Omsk region

FROM THE HISTORY OF THE MONUMENT TO THE PERSONS OF THE REVOLUTION IN MUROMTSEVO

Annotation: This publication tells about the creation of a memorable memorial dedicated to fighters for Soviet power in Muromtsevo. The work is written on a set of sources, identified by the author in the funds of the Historical Archives of the Omsk Region and the municipal archive of the Muromtsevsky District of the Omsk Region. The auxiliary source was periodic printing.

Keywords: Civil war, partisan movement, monuments, Soviet power, Muromtsevo.

1917 год – для всех россиян дата более чем известная. Революция и разразившаяся затем Гражданская война перевернули тогда всю жизнь страны. В юбилейный год российское научное сообщество уделяет пристальное внимание вопросам изучения и культурной репрезентации исторической памяти об этом периоде [1]. Но сегодня в широком общественном сознании, к сожалению, распространены упрощенные представления о Гражданской войне и наблюдается идеализация белого движения [2]. В связи с чем, с целью объективности восприятия истории стоит отдельно вновь вспомнить о белом терроре сквозь призму мемориализации его жертв в советский период.

В качестве примера выбран рабочий поселок Муромцево – ныне районный центр Омской области. В селе Муромцево, затронутом антиколчаковской партизанской войной, в 1977 г. (к 60-летию Октября) был установлен памятник борцам революции. Однако мемориал имел предшественника, причем этот памятник стал первым в райцентре (но дата его установки не выявлена). В 1960-

е гг. известный омский краевед А. Ф. Палашенков описал мемориал так: «Это был высокий квадратный, трехступенчатый обелиск. В верхней части обелиска два флажка из железа. Увенчан обелиск пятиконечной звездой. На первой ступени основания обелиска с двух сторон были надписи: “Вы отдали жизнь за счастье народа” и “Вечная память погибшим от рук белогвардейской реакции”» [3]. И. Черников о месте расположения первого памятника указывает следующее: «между двух улиц Береговой и Партизанской, вблизи здания районного Дома культуры... виднеется скромная деревянная оградка из штакетника. Ею обнесен небольшой холмик с несколькими деревцами, а при нем – узенькая деревянная пирамидка с возвышающейся над ней пятиугольной звездой из листового железа. В прикрепленном к пирамидке листке железа перечислено шестнадцать фамилий...» [4].

Отдельно стоит оговориться о самом некрополе. В нем фактически два братских захоронения. Так известно, что в 1919 г. были похоронены Василий Копейкин, Яков Жданов, Иван Симонович Чугунов, Константин Колдин, Григорий Дмитриевич Гундарев, Филипп Григорьевич Гундарев, Эдуард Леонтьевич Веселовский, Артем Осипович Веселовский, Иосиф Голиков, Алексей Андреевич Иванов. В 1930 г. были похоронены Федор Григорьевич Назаров, Даниил Иосифович Веселовский, Петр Листратов.

В Муромцевском муниципальном архиве имеются мемуары краеведа Н. Д. Веселовского о мемориале. Причем в деле сохранились и фотографии памятника 1958 г. со списком захороненных лиц (среди них – отец краеведа) [5]. Большой вклад в собрание сведений об этих и других участниках Гражданской войны, живших в поселке Петропавловка, внес именно Н.Д. Веселовский.

В 1918-1919 гг. уставшее от войны крестьянство отказывалось помогать белому движению, срывая планы по мобилизации населения и необходимых ресурсов. Нередки были случаи дезертирства и пробольшевистской агитации. Антибольшевистская власть в ответ устраивала карательные акции, в каких часто участвовали казаки. Пойманных уклонистов, по свидетельствам очевидцев, белогвардейцы пороли и возвращали в армию. Были и случаи расстрелов дезертиров, а также тех, кто отказывался давать лошадей или продовольствие.

Осенью 1919 г. в период отступления белой армии, когда «войска шли от села Большеречье до села Муромцево, в деревне Сергеевка были арестованы четверо большевиков, которых расстреляли на берегу реки Тары. Фамилия одного из расстрелянных – Дробинко. Герои были похоронены местными жителями там, где стоит сейчас памятник...» [6].

О служащем Муромцевского сельсовета Колдине Константине в 1967 г. районная газета красноречиво писала «Отряд колчаковцев ворвался в Муромцево после полудня... Красноармейские отряды были далеко, партизаны громили беляков где-то в седельниковских урманах... В то утро Константин как обычно (хотя и знал, по слухам, что в селе отряд карателей) пришел в сельский Совет... Дверь широко распахнулась и в помещение ввалилось, гремя ножнами пять колчаковцев... Четверо вытащили его из-за стола и начали бить чем попало. Подбежавший поручик, выхватил шашку, коротко взмахнул и рубанул. Увидев, как из раны хлынула кровь рубанул ещё несколько раз... Исте-

кающего кровью Колдина поволокли в сторону больницы. Положили на кухне у дверей, наказав строго фельдшеру никакой медицинской помощи не оказывать, и приказали, “чтобы до утра не сдох”. Рано утром зацокали о крыльцо кованые сапоги. Подсунув под спину Колдина винтовки, матерно ругаясь, понесли его в сторону леса, где ждал их поручик. Поставили раненного в десяти шагах от себя. Но только отошли, как Константин рухнул на землю. Он пытался стоять, но было видно, что силы покидают его.

– А ну, придержите-ка его.

Двое встали по бокам и штыками поддерживали парня. Он стоял спокойный, собрав последние силы, легкая усмешка играла на его бескровном лице.

– А вы молодец, господин поручик, смелы бандой-то против одного. Чего затрясся-то? Гибель почу... – последнего он не договорил. С перекошенным от злобы лицом очень пьяный поручик выхватил наган, почти не целясь, разрядил весь барабан». Всю свершившуюся расправу видела Мария Сенаторова – родная тётя Константина. Она услышала от людей о том, что произошло в сельсовете, и рискнула прийти к племяннику в больницу. Пробыла с ним всю ночь, давала пить, поправляла подушку. Утром гикнули на неё, но она все-таки поцеловала Костю. ...Её не тронули, а она, сняв сапоги, чтобы не стучали, прячась за стволами деревьев, шла следом. Она же привела на поляну людей. Исколотого, изрубленного шашками, но с гордым спокойным, будто живым лицом, его положили на телегу, устланную свежескошенной травой, и повезли через всё Муромцево» [7].

Сохранились сведения и о трех Веселовских. Собрал их и передал на хранение в Муромцевский архив Николай Данилович, сын Даниила Иосифовича, погибшего в 1930 г. Даниил Иосифович Веселовский родился 17 декабря 1889 г. в деревне Ушаково Муромцевского района в крестьянской семье. В 1896 г. вместе с родителями переехал жить в Петропавловку (2 км от Муромцево). Здесь окончил сельское училище. Затем служил в царской армии. В 1919 г. был в партизанском отряде А. Татаркина. В 1919-1920 гг. – служил в РККА. По возвращении работал на Петропавловском винокуренном заводе, затем был приёмщиком молока маслозавода, старателем золотых приисков в Иркутской губернии. В партию не вступил. Погиб в деревне Рязаны Муромцевского района 5 марта 1930 г. во время антисоветского восстания. Похоронен в Муромцево вместе с Ф. Г. Назаровым 9 марта 1930 г. рядом с могилой жертв 1919 г. [8]. Житель Петро-Павловки Эдуард Леонтьевич Веселовский был волостным ямщиком в Муромцево. В октябре 1919 г. за активную помощь партизанам он был расстрелян в Муромцево вместе с другими крестьянами на лугу за церковью [9].

О последнем дне Артема Иосифовича (Осиповича) Веселовского написал в своей работе «Партизаны 1919 года» его племянник: «В первых числах июня каратели застали дома Веселовского Артемия. Он пришел из леса навестить жену и сына Ивана. Может был донос, неизвестно. Каратели требовали сказать, где в лесу скрываются другие мужики. “Не знаю” – отвечал он. Его били – нечего не сказал. Мать пороли шомполами и забросили на печку. Изнасиловали в бане жену и сестру Федосью. Артем не выдержал и сказал, что поедem, покажу.

Просто решил увести карателей из дома. Отряд поехал в сторону деревни Мельничной, совершенно в другую сторону. А через неделю мать – Анна Антоновна узнала от Муромцевского крестьянина (что возил карателей), о том, что Артема расстреляли под Малокраснояркой у дороги на деревню Скирла. Позднее он свозил её к месту расстрела и захоронения. Летом 1920 г., когда сын Даниил вернулся из Красной армии они ездили туда. Хотели перевезти прах Артема и похоронить в Муромцево в братской могиле, но взять труп и положить в гроб не смогли. Могилу закопали. Осенью поставили там крест и посадили черёмуху» [10].

В списке на фото памятника указан и Д.Ф. Демиденко Он был лесником Грибного кордона. Расстреляли его 1 мая 1919 г. в возрасте 26 лет. У него остались жена и маленькая дочь [11]. В статье бывшего партизана А. Татаркина «Незабываемые годы» указано, что причиной расстрела лесника стали обнаруженные у него в ходе обыска листовки большевиков. «Всю дорогу от кордона в Муромцево верховые гнали Демиденко и пороли плетью. На другой день в 11 часов расстреляли на площади села Муромцево» [12].

4 мая 1919 г. в Муромцево расстреляли жителей села Карбызы Стефана Ефимовича Ширяева, 26 лет и Алексея Ивановича Новгородцева, 48 лет [13]. В списке погребенных и расстрелянных Веселовский нашел и Ивана Семеновича Чикунова (ошибочно записан Чигуновым), у которого осталась вдовой жена Анастасия Ивановна с детьми [14]. «Крестьянские семьи, оставшиеся без кормильцев, нуждались в деньгах, зерне на еду, но помочь в этом местные власти не могли, об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивных фондах справки, удостоверения о нуждаемости. В порядке помощи, спустя несколько месяцев, на собрании уже созданной Муромцевской партийной ячейки рассматривался вопрос о выделении пустовавшего дома семье Чикунова, расстрелянного карательными отрядами в 1919 г. (осталась жена Анастасия Ивановна, 43 лет и 5 детей от 2-х до 17-ти лет).

Сегодня сложно сказать все ли из похороненных – муромчане. В газетных публикациях приведены сведения о расстрелах артынских крестьян Федора Семеновича Колдина, Василия Ивановича Плешкова и Дмитрия Ульяновича Ульянова. Их белогвардейцы арестовали и увезли в Муромцево, где Плешкова и Колдина казнили на площади, зверски замучили: шашками отрубили руки..., головы, а Ульянова расстреляли. После освобождения села Муромцево от колчаковцев трупы растерзанных похоронены в братской могиле...» [15].

Подобных трагических историй в семьях жителей Муромцевского района было много. На местах захоронений после Гражданской войны сооружались самодельные памятники, каковых в районе было не мало – в Танатово, Артыне, Карбызе, Кондратьево, Самохвалово, Ушаково Деньги на их возведение иногда собирались, как добровольные взносы местных жителей.

С момента трагических событий Гражданской войны в России скоро исполнится сто лет. Однако эта боль в истории народа, равно как и любая иная война, не должна забываться. И мемориалы должны оставаться для нас напоминанием во имя того, чтобы подобных трагедий в нашем обществе не повторялось.

Библиографический список

1. Петин Д. И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 2. С. 89–92.
2. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.
3. ГИАОО. Ф. Р–2200. Оп. 1. Д. 98. Л. 105.
4. ММА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 9.
5. Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
6. Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 159. Знамя труда (Муромцево). 1982. 23 октября. С. 2. Безымянный обелиск // Знамя труда (Муромцево). 1982. 10 ноября. С. 2. Поиск начинается // Знамя труда (Муромцево). 1982. 18 декабря. С. 2.
7. ММА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 15Б. Овчинников В. Если пришлось умереть // Знамя труда (Муромцево). 1967. 12 февраля. С. 2.
8. ММА. Ф. 120. Оп. 1. Д. 19. Л. 10. Л. 2-3.
9. Там же. Д. 18. Л. 30-31.
10. Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 10. Л. 55-56.
11. Там же. Л. 52.
12. Знамя труда (Муромцево). 1963. 17, 20 ноября. С. 2.
13. ММА. Ф. 120. Оп. 1. Д. 18. Л. 10. Л. 53.
14. Знамя труда (Муромцево). 2001. 29 августа. С. 4.
15. Знамя труда (Муромцево). 1989. 15 августа. С. 3. Знамя труда (Муромцево). 1984. 6 сентября. С. 3.

А. Г. ГОРДЕЕВ (Бийск)

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В. М. Шукшина

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
В БАРНАУЛЬСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ (1918-1919 ГГ.)**

Аннотация: В статье автор анализирует политическую борьбу внутри Барнаульского самоуправления во время Гражданской войны. В основе исследования лежит анализ архивных документов указанного периода. Описывается противостояние между эсерами, кадетами и домовладельцами внутри Барнаульской городской думы. Автор рассматривает каким образом межпартийная борьба влияла на эффективность работы самоуправления.

Ключевые слова: Гражданская война, местное самоуправление, Барнаул, партийная борьба.

A. G. GORDEEV (Biysk)

Altai state university for the humanities and pedagogy named for V. M. Shukshin

POLITICAL STRUGGLE IN BARNAUL SELF-GOVERNMENT (1918-1919)

Annotation: In the article the author analyzes the political struggle within the Barnaul self-government during the Civil war. The research is based on the analysis of archival documents of the period. The confrontation between the Socialist-Revolutionaries, the Cadets and homeowners within the Barnaul City Duma is described. The author considers how the inter-party struggle influenced the effectiveness of the work of self-government.

Keywords: Civil war, local self-government, Barnaul, party struggle.

В отечественной историографии антибольшевистского лагеря на востоке России, есть немало работ которые, так или иначе, затрагивают историю Барнаула. Работы посвящены различным сторонам городской жизни: организации милиции [1], участию в тыловом обеспечении армии А. В. Колчака [2]. Отдельно необходимо выделить работы направленные на изучение городского самоуправления. В крупном труде «Борьба за власть Советов на Алтае» вышедшем в 1957 г. деятельность Барнаульской городской думы практически не затронута [3]. Подробно рассмотрены принципы функционирования некоммунистического самоуправления Я. Е. Кривоносовым [4]. Работа хоть и посвящена дорево-

люционному периоду в жизни города, но важна для понимания особенностей деятельности городской думы. Знаковой вехой в изучении самоуправления столицы Алтайской губернии стал выход в 1999 г. сборника документов, посвящённого Барнаульской городской думе [5]. Гражданская война в России отличалась высокой степенью политизированности общества, и эти процессы не могли не затронуть органы местного самоуправления. На наш взгляд, изучение политической борьбы в стенах городской думы является актуальным для более полного понимания процессов, которые протекали в то время в стране. После освобождения от большевиков городская дума была собрана 16 июня 1918 г. вечером. Из общего числа (61 чел.) на заседание Барнаульской городской думы пришло 30 гласных при кворуме в 21. Переизбрание думы наметили на 18 августа 1918 г.; был назван и состав управы: 3 социал-демократа и 3 эсера [6]. Этот состав управы бы связан с запретом большевиками кадетской партии. На заседании городской думы 16 июня 1918 г. было постановлено следующее: «Деятельность городского самоуправления возобновить и предложить членам управы немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Поручить городской управе назначить в ближайшее время перевыборы гласных Городской Думы. Возбудить протест против кровавых расправ, учинённых не во время военных действий, для чего избрать особую делегацию в состав председателя Городской Думы, городского головы и гласных Н. В. Григорьева, В. А. Ставского, В. М. Маккаева и В. А. Муравьева. Поручить этой делегации выработку и издание воззвания к населению о недопустимости мести по отношению к побеждённому противнику и сторонникам советской власти». По Городовому положению 1917 г. городская управа состояла из председателя, городского головы и трех членов [7]. Исполнительная власть общественного управления принадлежала городскому голове, городской управе, членам управы и состоявшим при городской управе [8]. Городской голова председательствовал в городской управе и, в качестве такового руководил прениями, резюмировал их, ставил и разрешал вопросы. Деятельность органов городских самоуправлений в июле 1918 г. изымалась из круга ведения уездных комиссариатов. Поэтому с момента восстановления городских дум все полномочия уездных комиссариатов по городам, находящимся в уездах, заканчивались. Впредь до изменения городского положения в законодательном порядке, работой городских самоуправлений ведали губернские комиссариаты [9].

После выборов в думу, 8 сентября 1918 г. состоялось заседание в обновлённом составе. На должность председателя городской Думы был избран П. А. Казанский, его товарищем выбрали Н. Ф. Блюдухо. Также дума постановила послать приветственную телеграмму Временному Сибирскому правительству. Продолжая действовать по логике восстановления разрушенной революцией государственности, думцы провели выборы городского головы. Коммен-

тируя результаты выборов, барнаульская кадетская газета отмечала, что на прошлых выборах большевики и меньшевики имели 34 места, эсеры – 17, а кадеты, домовладельцы и несоциалисты – 19 мест. Теперь же число большевиков, меньшевиков и эсеров было 33, а их противников – 28 [10].

Надо отметить, что Барнаульская городская дума вела свою работу крайне напряжённо, её периодически сотрясали политические кризисы. Одним из многих примеров может служить конфликт в думе по поводу должности городского головы. Фракции социал-демократов и эсеров отказались поддерживать кандидатуру В. И. Николаева, вплоть до отказа от работы в думских комиссиях. Причём в качестве причины недоверия указывались личные мотивы. В качестве альтернативной кандидатуры был выдвинут на межфракционном собрании, А. В. Духанин. Ему была послана телеграмма о выдвижении на указанную должность. Однако его прибытие в город задерживалось по болезни. Фракция социал-демократов заявила, что это не приемлемо и отказалась его поддерживать. Развязались прения, целесообразно ли откладывать выборы. Прежний голова Николаев заявлял, что необходимо выборы провести, ведь деятельность управы парализована отсутствием членов, т.к. два находятся в командировке, а третий мобилизован в армию. В ходе прений решили отсрочить выборы до следующего заседания [11].

8 сентября 1918 г. на повестке городской думы стоял вопрос об избрании городского головы и членов управы. На тот момент в членах управы числился только В. И. Николаев и мобилизованный Я. П. Шмаков, который вернулся лишь для сдачи дел [12]. Складывавшаяся ситуация, когда фактически город лишался дееспособного органа исполнительной власти, требовала немедленного решения. В качестве компромисса на заседании 15 сентября 1918 г. думские фракции Барнаула выбрали товарищем городского головы В. И. Новикова и трёх членов управы [13]. В данном событии ярко иллюстрируется возникающее напряжение в антибольшевистском лагере между социалистами и сибирскими правыми. Возникшая политическая борьба мешала начать работу по решению хозяйственных проблем города. Только после временного устранения противоречий внутри думы земцы Барнаула вернулись к решению насущных городских проблем. Так после доклада В. И. Николаева дума признала возможным для городских комиссий приглашать сведущих лиц по различным хозяйственным вопросам [14]. К концу сентября 1918 г. фракции барнаульской думы смогли найти компромиссное решение по поводу кандидатуры на должность городского головы. Было решено остановиться на И. Д. Румянцеве, кандидате от фракций социал-демократов и эсеров, он большинством голосов был избран на указанный пост [15]. В думе разгорелись споры по поводу уровня оклада городскому голове и членам управы. Социал-демократы предложили оклад в 900 руб. голове, его заместителю 800 руб., членам по 700 руб. Эсеры предложили оклады 1000 руб. голове, 850 руб. заместителю, членам по 750 руб. Кадеты

тов и домовладельцы поддержали эсеров. После голосования оклады управе были назначены следующие: голове 1000 руб., заместителю 800 руб., членам 700 руб. [16].

Весть о произошедшем перевороте в Омске вызвала двойственную реакцию в барнаульской думе. Фракции кадетов и Союза домовладельцев предложили текст приветственной телеграммы. Но сохранявшие большинство эсеры и социал-демократы смогли настоять на снятии данного вопроса с повестки дня 2 декабря 1918 г. [17]. Работа городской думы в январе 1919 г. протекала весьма вяло, так назначенное на 16 января 1919 г. заседание за неприбытием кворума не состоялось [18]. На заседании городской думы 3 февраля 1919 г. рассматривался вопрос о вступлении городского самоуправления в Сибземгор. После заслушивания устава объединения дума постановила подписать устав Сибземгора. Думцы решили ходатайствовать перед правительством о регистрации устава организации [19]. Отрицательное отношение правительства А. В. Колчака к эсеровскому Сибземгору выражалось в нежелании регистрировать его устав. Из местных земских органов регулярно поступали ходатайства о признании Сибземгора. Так Барнаульское земство повторно ходатайствовало о легализации Сибземгора уже 8 апреля 1919 г. [20].

На заседании думы 3 февраля 1919 г. городской голова И. Д. Румянцев и товарищ городского головы В. И. Николаев заявили о сложении с себя полномочий. Румянцев заявил: «Крайне трудно работать в составе городской Управы при расхождении ее с большинством городской Думы». От фракции социал-демократов и эсеров А. И. Герцов предложил вообще переизбрать всю управу. Гласные Е. А. Боголюбов от кадетов и М. С. Лохтин от Союза домовладельцев выступили с критикой такой постановки вопроса. Вопрос председателем думы В. А. Муравьевым был снят с очереди. После чего К. Э. Клярнер заявил протест и покинул здание думы. Вместе с ним его покинула и вся правая часть думы. Дума лишилась кворума, и фактически заседание было сорвано [21]. Разразившийся кризис отношений управы и думы продолжился. Остальные члены управы сложили с себя полномочия 10 февраля 1919 г. В управе остался лишь один её член Л. А. Гордзялковский. На проходившем в этот же день заседании было вынесено после долгих споров на голосование решение о доверии бывшему составу управы [22]. Большинство 26 против 19 дума объявила недоверие нынешнему составу управы. Гордзялковский после голосования также сложил с себя полномочия [23]. На заседании думы 17 февраля 1919 г. был избран новый состав управы: товарищем головы В. И. Николаев, членами управы И. Д. Румянцев, Н. В. Шульгин, И. С. Поликарпов, А. А. Ершов и Л. А. Гордзялковский. На пост городского головы кандидатов не оказалось [24].

Переизбрание управы не восстановило нормальной деятельности городского самоуправления. Работоспособность думских комиссий после кризиса управы упала. Комиссии покинули члены правого крыла думы. Работа по-

прежнему было парализована. По мнению Гордзялковского необходимо было немедленно приступить к подготовке перевыборов гласных. Наметилась тенденция к выбытию гласных, так на 24 февраля 1919 г. из 26 гласных осталось только 15 [25]. Пытаясь восстановить нормальную работу комиссий, дума постановила доизбрать членов в комиссии врачебно-санитарную, ревизионно-контрольную, муниципальных предприятий, земельную, призрения, по охране труда. Дума избрала комиссию по перевыборам гласных по новому закону о выборах в помощь управе, т.к. после кризиса она ещё не до конца возобновила в полном объёме свою деятельность [26].

В относительно спокойном состоянии управа работала до марта 1919 г. На заседании думы 22 марта 1919 г. был поднят вопрос о призыве товарища городского головы Николаева и взятии на учёт членов управы Румянцева, Ершова и председателя думы Муравьева. Это событие вновь поставило управу в критическое положение [27]. Обсуждали вопрос о ходатайстве об отсрочке призыва Николаева. Гордзялковский, как член комиссии по учету призываемых заявил, что в комиссии из списка призываемых до 50% ходатайствуют как о ценных специалистах. Он указал на то, что если о каждом возбуждать ходатайства, то легче просто отказаться от мобилизации. В итоге, на заседании думы приняли сторону фракции социал-демократов и эсеров о ходатайстве за Николаева как фактически исполняющего обязанности городского головы и руководящего выполнением большинства работ в городе [28].

К маю 1919 г. деятельность исполнительного органа городского самоуправления была вновь расстроена. Товарища городского головы В. И. Николаева арестовала Алтайская губернская следственная комиссия. Его обвинили в пособничестве большевикам и подрыве авторитета власти Российского правительства. В итоге, управа оказалась в следующем положении: отсутствовал городской голова, его товарищ. Из оставшихся четырех членов управы двое подлежали призыву. Выборы в управу за два месяца до перевыборов в думу проводить было нельзя. Дума вынужденно направила ходатайство в МВД о немедленном освобождении Николаева [29]. Член управы Л. А. Гордзяловский на заседании думы 5 мая 1919 г. обратил внимание на то, что из оставшихся трёх членов А. А. Ершова 10 мая 1919 г. мобилизуют, сам Л. А. Гордзяловский занят был в учётной комиссии, И. С. Поликарпов до 15 мая 1919 г. занимался торгами. Так, управа фактически прекратила работу. К тому же служащие управы стали массово уходить. Л. А. Гордзялковский предложил думе, несмотря на скорые выборы, произвести довыборы в управу. Но гласные думы отклонили эту инициативу [30]. К июню 1919 г. когда член управы И. С. Поликарпов доложил, что в виду призыва А. А. Ершова управа фактически не существует, думцы согласились вновь рассмотреть вопрос о доизбрании членов управы: после обширных прений избрали членов управы В. В. Филимонова и П. В. Стефановского [31]. На очередной кризис управы указывает В. Г. Кокоулин: «Оче-

редное столкновение случилось 19 июня 1919 г., когда Городская дума обсуждала, как отметить годовщину выступления против большевиков. Кадет К. Э. Клярнер предложил послать приветственную телеграмму капитану А. С. Ракину, который командовал отрядом, выступившим против большевиков 10–11 июня 1918 г. За отправку телеграммы проголосовали 13 кадетов и домовладельцев, а против – 13 эсеров, меньшевиков и представителей профсоюзов и телеграмма не была послана. Гласный И. Г. Ермолаев разъяснял, что выступал не один Ракин, поэтому эсеры, меньшевики и представители Совета профсоюзов отказываются посылать телеграмму только ему одному» [32].

За период с июня по ноябрь 1918 г. барнаульское самоуправление показало себя не с самой лучшей стороны. Барнаул после пожара 1917 г. находился в состоянии экономической и хозяйственной разрухи. Городская дума вместо того чтобы заняться насущными проблемами погрязла в политической борьбе. Из-за разгоревшегося конфликта с августа 1918 г. до конца сентября 1918 г. Барнаул находился без исполнительной власти в лице городской управы. Это явление не только мешало наладить городской быт, но и негативно сказывалось на реализации правительственных инициатив на местах. Жилищную проблему обостряло расквартирование в городе войск. Попытки управы их решить были тщетны. Деятельность Барнаульского самоуправления в годы Гражданской войны была малоэффективна. И в первую очередь, это связано с высокой степенью политизации городской думы. Межпартийная борьба постоянно срывала работу не только городской думы, но и управы.

Библиографический список

1. Москвитин Ю. Н. К вопросу об организации милиции в Барнауле в 1917-1918 гг. // История белой Сибири: материалы VI междунар. науч. конф. (Кемерово, 7-8 февраля 2005 г.). Кемерово, 2005. С. 146–148.
2. Мячина Е. В. Тыловое обеспечение белогвардейской армии А. В. Колчака 1918-1920 годы (региональный аспект) // Молодежь – Барнаулу: материалы XI городской науч.-практ. конф. (17-20 ноября 2009 г.). Барнаул, 2010. Т. 1. С. 447-449.
3. Борьба за власть Советов на Алтае / Под ред. к.и.н., доц. Т.А. Кулакова. Барнаул, 1957.
4. Кривоносов Я. Городская дума и управа: Как они управляли Барнаулом 90 лет назад // Алтайская правда. 1992. 5 декабря. С. 10.
5. Барнаульская городская Дума. 1877–1996: Сб. док. Барнаул, 1999.
6. ГААК Ф. 233. Оп. 5. Д. 29 Л. 5.
7. ГААК Ф. 219. Оп. 1. Д. 30. Л. 31.
8. Там же. Л. 41.
9. Алтайские губернские известия (Барнаул). 1918. 28 июля.

10. Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 147.
11. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 9. Л. 8.
12. Новый луч (Барнаул). 1918. 14 сентября.
13. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 9. Л. 17.
14. Там же. Л. 21.
15. Там же. Л. 23.
16. Там же. Л. 5.
17. Там же. Л. 202.
18. Новый Алтайский луч (Барнаул). 1919. 18 января.
19. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 10. Л. 86.
20. Там же. Д. 51. Л. 34.
21. Там же. Д. 10. Л. 77.
22. Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.)... С. 167.
23. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 10. Л. 98.
24. Там же. Л. 103.
25. Там же. Л. 120.
26. Там же. Л. 142.
27. Там же. Л. 183.
28. Там же. Л. 184.
29. Там же. Д. 51. Л. 74.
30. Там же. Л. 94.
31. Там же. Л. 139.
32. Кокоулин В. Г. Алтай в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 - март 1921 г.)... С. 168.

О. А. ГЮНТЕР (Красноярск)
Красноярский педагогический колледж № 2,
Сибирский федеральный университет

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО
ПРИЗРЕНИЯ БЕЗНАДЗОРНЫХ И БЕСПРИЗОРНЫХ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920–Х ГГ.**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвящённое изучению системы социального призрения безнадзорных и беспризорных в Енисейской губернии в период Гражданской войны. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в Государственном архиве Красноярского края и впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Красноярск, революция, Гражданская война, безнадзорность, беспризорность

O. A. GUNTER (Krasnoyarsk)
Siberian state university

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SOCIAL
PROTECTION OF WAIF AND HOMELESS CHILDREN IN THE YENISEI
PROVINCE IN THE BEGINNING OF THE 1920TH.**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of formation and development of the system of social protection of waif and homeless children in the Yenisei province in the period of Civil war. The work is written in the complex sources, the author identified in the State archive of Krasnoyarsk, and for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: Krasnoyarsk, Revolution, Civil war, waif and homeless children

История Енисейской губернии – Красноярского края насчитывает немало интересных и, порой, трагических страниц, наполненных важнейшими событиями, которые Красноярский край переживал вместе со всей страной. Сегодня отдельные аспекты истории региона в период первой трети XX в. вызывают высокий интерес сибирского научного сообщества [1].

Одним из острых вопросов в течение первых десяти лет после Гражданской войны была детская беспризорность и безнадзорность. Период XX в. заслуживает здесь особого внимания, поскольку именно в это время сформировалась свойственная современному обществу система попечения о детях, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, лишившихся крова и заботы семьи. 1920-е гг. были переломными в истории России. Первая Мировая война, революции, смена системы органов власти, интервенция и кровопролитие Гражданской войны дали всплеск детской безнадзорности и, как следствие, беспризорности.

Тысячи детей лишились родителей, остались без крова. В хаосе и неразберихе тех лет они, не найдя приюта, пытаясь выжить, превращались в нищих, попрошайек, становились на путь преступлений. Усугубили ситуацию недороды и голод, разразившийся в Европейской России. Количество детей, попавших на улицу, выросло до угрожающих масштабов – на 1921 г. в РСФСР насчитывалось 6,5 млн. голодающих и 700 000 беспризорных детей, в Енисейской губернии по разным данным насчитывалось около 3 000 беспризорных детей [2].

Беспризорность признавалась проблемой государственного масштаба и для ее решения были приняты беспрецедентные меры. В 1920-х гг. вся работа сосредоточилась на спасении жизни беспризорных, основной целью которой было накормить и приютить их. В 1919 г. был создан Государственный Совет по защите детей под председательством А. В. Луначарского [3]. 20 января 1919 г. ВЦИК принял решение, по нему, работа по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью с 01 января 1920 г. была передана из Народного комиссариата социального обеспечения в Народный комиссариат просвещения [4]. Это решение отчасти было историческим. В последующие годы, несмотря на реформы как центральных, так и местных органов власти, делом призрения детей ведали органы народного образования.

Енисейский губернский отдел народного образования (в 1924–1934 гг. Красноярский окружной отдел народного образования) был создан в ноябре 1920 г. В уездах и волостях при местных органах власти создавались подобные отделы. Учитывая постоянное стремление оптимизировать работу органов власти, данные отделы подвергались реформированию, функции борьбы с беспризорностью, правонарушениями несовершеннолетних перекладывались с одной секции отдела на другую. Но с 1923 г., все рычаги управления в этом вопросе сосредоточились в руках подотделов социального воспитания при губернских (уездных) отделах народного образования. Они вели работу по выявлению, учету, помощи безнадзорным и беспризорным, созданию детских домов разного типа и распределению в них детей, по предупреждению и борьбе с детской преступностью, правовой защите детей, решали вопросы опеки.

В рамках подотдела социального воспитания были созданы: детская юридическая консультация, комиссия по делам несовершеннолетних, детская социальная инспекция, комиссия по выдаче пособий нуждающимся детям. Эти органы действовали параллельно друг другу, имели разные функции и направления работы. Особое значение имели комиссия по делам несовершеннолетних и детская социальная инспекция.

Детская социальная инспекция была создана 23 сентября 1921 г. при Енисейском губернском отделе народного образования и его уездных подотделах. В ее обязанности входила борьба с детской беспризорностью и эксплуатацией детей, жестоким обращением с ними в семьях, на предприятиях и учреждениях, помощь в устройстве в детские дома детей-сирот. При инспекции в 1920-1921 гг. в Красноярске был создан приемник-распределитель для несовершеннолетних, а так же интернат для морально-дефективных детей, куда помещались дети, уличенные в преступлениях.

26 сентября 1921 г. был организован институт братьев и сестер социальной помощи – главного исполнительного органа инспекции. В их обязанности входило выявление беспризорников путем обследований и дежурств в местах скопления людей – базарах, железнодорожных вокзалах, крупных магазинах, общественных учреждениях, патронат неблагополучных семей и семей, на попечение которых передавались беспризорные дети. Другим важным органом в системе социально-правовой охраны детей являлась комиссия по делам несовершеннолетних. В положении о комиссии от 30 июля 1920 г. ее функции определяются так: «комиссия является с одной стороны – органом, рассматривающим те или иные правонарушения и общественно-опасные деяния несовершеннолетних, с другой стороны – правовой защиты детей и несовершеннолетних от эксплуатации и жестокого обращения с ними» [5]. На комиссию была возложена ответственная задача профилактики детских правонарушений и борьбы с их последствиями. В условиях, при которых протекала работа комиссии, это было довольно смелым шагом. Огромное количество детей, оставшихся без семьи, либо ушедших из нее, беженцев ежедневно пополняли ряды малолетних преступников – воровство, спекуляция, проституция, бродяжничество в сложившихся обстоятельствах были единственным способом выжить. Помимо этого, комиссия проводила профилактическую работу с неблагополучными семьями, дети из которых так же пополняли ряды несовершеннолетних правонарушителей.

В месяц Енисейская губернская комиссия рассматривала 15-20 уголовных дел. Дети, совершившие серьезные преступления направлялись в интернат для морально-дефективных, нуждающимся детям назначалось небольшое пособие до их определения в обычный детский дом. Такие же пособия выдавалось малоимущим семьям.

Губернские и уездные органы образования ведали системой детских домов, которую в начале 1920-х гг. пришлось создавать практически с нуля. Помимо упомянутых выше сортировочно-распределительного пункта и интерната морально-дефективных детей, в Енисейской губернии в 1920-е гг. появилась сеть детских учреждений: детских домов, домов ребенка, одной опытной школы-коммуны, интернатов для «физически-дефективных» детей (школы глухих, интерната трахоматозных детей), где содержалось около 2 500 тысяч воспитанников.

Начало 1920-х гг. явилось переломным периодом в становлении молодой советской системы воспитания подрастающего поколения. Отныне, целью детского дома являлось не только признание сирот. Основной целью было «воспитание молодого поколения, идущего нам на смену [...] которое даст возможность выйти из ненормальных условий, в которых оно до сего времени находилось. И скорее приблизиться к тем заветным идеалам, которые дадут право называть себя человеком» [6], а так же «дать воспитанникам общее (политехническое) образование и практические трудовые и общественно-бытовые навыки в целях подготовки к общественно-полезной деятельности» [7]. В детские учреждения дети попадали после приемника-распределителя, который должен был определить наиболее подходящий тип воспитательного учреждения. В дет-

ских домах стремились создать самостоятельную, творческую, полезную обществу личность, обеспечить овладение востребованной профессией. Особое внимание уделялось политическому воспитанию, развитию пионерского движения, созданию кружков, клубов. Воспитанники делились на группы – школьные и дошкольные. Начиная с младших групп, ребята приучались к самостоятельности и труду – обслуживали сами себя, трудились на небольших хозяйствах, работали в мастерских при детских домах, приобретая первичные профессиональные навыки.

Материальное положение детских домов было крайне тяжелым. На фоне общей разрухи в стране не хватало элементарного – помещений, одежды, мебели, инвентаря, пищи. Для того, чтобы понять всю критичность ситуации, достаточно взглянуть на один из протоколов заседания губернского съезда заведующих уездными отделами народного образования, проходившего в 1922 г.: «на 4000 детей отпущено всего лишь 2400 пайков» [8]. Остро стоял вопрос нехватки педагогического и технического персонала, а у имеющегося не доставало профессиональной квалификации.

На 1922 г. число беспризорников по губернии насчитывалось около 1500 человек. Хотя эти данные нельзя считать точными. В отчетах Енисейского губернского отдела образования эта цифра постоянно меняется, а сами сотрудники признают, что учета беспризорных никогда не велось. Адресный стол был создан только в Красноярске к 1925 г., хотя потребность в нем ощущалась до этого. Его задачей был розыск родителей и родственников, потерявших связь с детьми. Но решающей роли в уменьшении числа беспризорных и их учете работа адресного стола не сыграла.

С 1921 г., в связи с голодом в Поволжье, в Енисейскую губернию хлынул поток беженцев. Это были как неорганизованные группы детей, так дети, прибывшие на санитарных поездах. Всего их насчитывалось около 786 чел. Малыши приезжали в ужасном состоянии – голодные, некоторые в крайней степени истощения, без необходимой одежды, завшивевшие. К 1922 г. в Енисейской губернии действовало 37 детских домов разных типов с 3019 воспитанниками, а в 1923г. уже 44 детских учреждения с 3368 детьми. Тысячи детей оставались на улице. Отделам образования порой приходилось отказывать в приеме в детские дома. Собранные социальной инспекцией малыши либо надолго задерживались в приемнике-распределителе, либо вновь возвращались на улицу.

Предпринимались шаги по разрешению ситуации. Одной из мер было ужесточение приема детей в детские дома. По циркуляру Наркомпросса от 07 октября 1921 г., в первую очередь, в детские дома помещались круглые сироты, полусироты (дети красноармейцев), дети нетрудоспособных родителей, и лишь потом – полусироты, дети из многодетных семей и из семей, где они подверглись жестокому обращению. С 1922 г. началась реэвакуация детей, прибывших из голодающего Поволжья. Реэвакуация осуществлялась по правилам, разработанных Наркомпроссом в 1922 г. и ужесточенных в 1923 г. Ей подлежали дети, имеющие на родине родителей, либо родственников, готовых их принять.

Тяжелое экономическое положение в стране вынудило предать содержание детских домов местному бюджету с 1 января 1923 г. Одной из мер улучше-

ния тяжелого материального положения детских домов было развитие шефства организаций и учреждений, профсоюзных и общественных организаций над детскими учреждениями. Шефы оказывали материальную поддержку детским домам, могли осуществлять профессиональную подготовку воспитанников детских домов – брать их на производство как учеников, либо преподавать в мастерских при детских домах. Первыми в Енисейской губернии добрую традицию шефства заложили бойцы и командиры штаба 26-й пехотной дивизии, выразившие желание в 1921 г. взять на иждивение 100 детишек, проживающих в детских домах Красноярска. Енисейский губисполком выразил благодарность пехотинцам за «проявление революционного самосознания и долга» [9].

Но все предпринятые попытки улучшить состояние детских домов и продолжать в них прием не изменили ситуацию. Руководством Енисейского губернского отдела народного образования было принято тяжелое решение начать разгрузку детских домов. В условиях 1923 г. эта мера могла привести к новому всплеску уличной беспризорности, но другого пути не было. Разгрузка проходила по следующим направлениям – возвращение в семьи полусирот и детей из многодетных и малоимущих семей (особо нуждающимся выплачивалось ежемесячное небольшое содержание), реэвакуация детей из Поволжья и развитие институт патроната и опеки. Помимо устройства в детские дома, предпринимались и другие попытки облегчить участь детей, оставшихся на улице – в Красноярске были открыты ночлежка для беспризорных детей (1925 г.) и общественная бесплатная столовая (1920 г.).

Особого внимания заслуживает деятельность Комиссии по улучшению жизни детей. Созданная в 1921 г. Ф. Э. Дзержинским, она сыграла огромную роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Комиссия являлась межведомственным органом, не входящим в систему народного образования, что давало ей определенную самостоятельность в действиях и способность осуществлять контроль в данной сфере. Президиум Центральной детской комиссии входил в состав ВЦИК, а ее отделения – в состав местных исполкомов. Енисейская губернская комиссия по улучшению жизни детей была создана 17 ноября 1921 г. в составе представителей Губоно, Губздрава, Губкома РКП(б), Женотдела и других учреждений. Комиссия подвергалась множеству реорганизаций – в 1923, 1924, 1925, 1927 гг., но ее функции и задачи оставались неизменными: общее руководство делом по борьбе с беспризорностью; организация и контроль за работой всех учреждений, работающих в этом направлении; оказание помощи и защита интересов детей; сбор материальных средств на мероприятия по борьбе с беспризорностью и поддержку детских учреждений; привлечение общественности к вопросам охраны детства, решение вопросов трудоустройства воспитанников детских домов. Авторитет комиссии был так высок, что все распорядительные акты, изданные ею, подлежали немедленному исполнению. Усилиями ее сотрудников были спасены тысячи детских жизней, отвращены с пути преступлений сотни судеб.

Не оставались в стороне и общественные организации. В декабре 1924 г. в Красноярске было создано отделение Всесоюзного общества «Друг детей», объединившее более тысячи человек в Енисейской губернии менее чем за год.

Общество принимало участие в создании детских домов, ночлежек, столовых, проводило мероприятия по помощи детям, оказывало содействие в розыске родителей и родственников.

С начала 1920-х гг. в Енисейской губернии развивались патронат и опека. Под контролем детской социальной инспекции, дети передавались в семьи партработников, рабочих, крестьян, либо под коллективное попечительство колхозов и совхозов, в которых они содержались за счет касс взаимопомощи. Если опекуны ненадлежащим образом исполняли свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, нарушали его права (жестокое обращение, привлечение к тяжелой работе), либо были доказаны их корыстные намерения (получение пособия за ребенка), то договор с опекуном спешно расторгался, а малыш возвращался в детский дом.

Таким образом, к 1925 г. сложилась эффективная и слаженная система органов, обеспечивающих борьбу с беспризорностью и безнадзорностью, детской преступностью, ответственных за воспитание, социализацию, профессиональную подготовку детей, оказавшихся на попечении государства. На 1 января 1925 г. в Енисейской губернии насчитывалось 28 детских учреждений с 1496 воспитанниками. На протяжении долгих лет сложившаяся система оставалась практически неизменной, лишь немного меняясь под требования времени и совершенствуясь.

К началу 1930-х гг., согласно докладу инспектора Главсоцвоса Наркомпроса СССР, уличная беспризорность в Красноярском округе Сибирского края (в состав которого после районирования вошла Енисейская губерния) была ликвидирована. Созданная в 1920-х гг. в тяжелейших условиях система социального призрения детей, охраны детства, защиты прав несовершеннолетних, полностью оправдала себя и в Красноярском крае работала в полную мощь. Она достойно выдержала испытания, которые постигли всю страну и Красноярский край впоследствии. Конечно же, имелись недостатки, однако главным и неоспоримым доказательством ее эффективности являлись примеры тысяч детей, по разным причинам и в разной мере оказавшиеся беззащитными перед суровой реальностью тех лет, и спасенные от физической гибели, от исковерканной судьбы, получившие достойный старт в жизни.

Библиографический список:

1. Петин Д. И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 2. С. 89-92.
2. ГАКК. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об
3. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
4. Там же. Л. 13.
5. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 159А. Л. 331.
6. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 181. Л. 13об.
7. ГАКК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.
8. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 116. Л. 32.
9. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 77. Л. 11.

И. Г. ДЕВЯТЬЯРОВА (Омск)

Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля

**ПОРТРЕТЫ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ АДМИРАЛА
А. В. КОЛЧАКА (1919): К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ**

Аннотация: Автор обращается к истории создания и бытования портретных изображений Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, исполненных в Омске в 1919 г. Разнообразные источники позволяют дополнить информацию об иконографии политического деятеля, а также представить неизученную ранее часть творческой деятельности художников в Белой столице.

Ключевые слова: Гражданская война, Омск, портрет, А. В. Колчак, художники, Г. А. Ильин, Г. В. Дивиш.

I. G. DEVYATYAROVA (Omsk)

The Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M. A. Vrubel

**PORTRAITS OF THE SUPREME RULER OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK
(1919): THE HISTORY OF CREATION AND EXISTENCE**

Annotation: The author refers to the history of creation and existence of portraits of the Supreme ruler Admiral A.V. Kolchak, created in Omsk in 1919. Various sources allow us to supplement information on the totality of images of the politician, as well as to present an unexplored part of the creative activity of artists in the White capital.

Keywords: the Russian Civil War, Omsk, the portrait, A.V. Kolchak, the artists, G. A. Ilyin, G. V. Divish.

В числе важных пропагандистских задач политического режима, установившегося на востоке России в конце 1918 г., стала репрезентация российскому обществу личности адмирала А. В. Колчака – лидера Белого движения, олицетворявшего собой Российское государство и его вооруженные силы. Создание его портретных изображений явилось одной из форм решения этой проблемы. «Омская» иконография А. В. Колчака, то есть совокупность его портретов, в том числе и фотографических, не отличается обширностью. И если графические портреты и фотографии сохранились в редких тиражных изданиях – газетах, журналах, плакатах, – то живописные портреты не обнаружены и, безусловно, утрачены. При этом следует отметить, что не только не сохранившиеся, но и не осуществленные объекты не менее интересны и важны для изучения и систематизации иконографии Верховного правителя, поскольку их упоминания, анонсы и т. п. сами по себе есть вполне реальный факт художественной жизни Белой столицы.

Из мемуарных новелл писателя А. С. Сорокина известно, что Верховного правителя рисовал во время пребывания в Омске в марте 1919 г. Д. Д. Бурлюк [1]. Художник А. М. Соловьев вспоминал о том, как в салон-вагоне А. В. Колчака писал его с натуры, и этот портрет потом копировали для учреждений. Его боевой друг живописец Б. В. Иогансон трудился вместе с ним над образом адмирала [2]. Красноречиво объявление анонимного художника: «Предлагаю государственным учреждениям портреты адмирала Колчака масляными красками на полотне размером от 1 до 4 аршин длины и пропорционально ширины. Предложение письменно: Почтамт, предъявителю Членского билета Союза художн[иков] № 16» [3]. Неизвестен и исполнитель портрета, который упоминается очевидцем событий 1919 г. в Омске Г. К. Чукуревым: «Возле железного моста, напротив Серафимо-Алексеевской часовни, на той стороне, где был магазин Левина, стоял на улице большой портрет Верховного правителя адмирала А. В. Колчака» [4]. Молодой поэт А. М. Воцакин писал в своем известном стихотворении, опубликованном осенью в «Нашей газете»: «А всюду в окнах и витринах, Видны портреты Адмирала» [5].

О том, какие именно портреты могли вывешиваться на городских улицах, может отчасти свидетельствовать фотография экспозиции 1920-х гг. Западно-Сибирского краевого музея со стендом, посвященным колчаковскому Омску [6]. Для составления иконографии А. В. Колчака большую ценность представляют материалы периодики того времени. Из новониколаевской газеты «Военные ведомости»: «В виду скудных ресурсов Сибири в области фотографического и типографского искусств, широкие круги населения были лишены возможности иметь хорошо выполненный портрет Верховного Правителя. Только в самое последнее время это досадное обстоятельство было устранено, благодаря тому, что Верховному Правителю было угодно разрешить омскому фотографу г. Дивиш распространить его портрет с факсимиле. Портрет вполне удачен и художественно выполнен. Одна треть стоимости всех проданных снимков поступает в распоряжение фонда помощи больным и раненым воинам. (Р. А.)» [7].

Не выяснено, однако, о каком конкретно фотопортрете идет речь. Возможно, имеется в виду изображение А. В. Колчака в трехчетвертном повороте, где неизвестный фотограф усилил ассоциации сходства модели с образами героического римского портрета в скульптуре и камнях. Такова, например, репрезентация личности А. В. Колчака в брошюре С. А. Ауслендера [8].

Фотоателье Ю. (Г.В.) Дивиша, прибывшего в Омск, вероятно, в 1914 г., находилось по адресу: угол улиц Костельная и Лермонтовской [9]. Согласно подписям под иллюстрациями в переизданной книге Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920» (М., 2013) Г. В. Дивиш снимал не только портреты, но и репортажи: встречи А. В. Колчака с представителями союзных держав, парады, смотры и т.п. Однако в авторском издании (Харбин-Пекин, 1921) в подписях под фотографиями фотограф не указан. Единственным художником, подписной портрет адмирала работы которого удалось обнаружить, является Г. А. Ильин [10]. Художник из числа казанских

беженцев, выпускник Петербургской Академии художеств, он исполнил в Омске одобренные Верховным правителем эскизы униформы чинов Сибирской милиции (март 1919 г.), а также проект ордена «Освобождения Сибири».

Авторство Г. А. Ильина в поясном графическом портрете на обложке брошюры С. А. Ауслендера «Верховный правитель адмирал А. В. Колчак» (Омск, 1919) определил историк В. В. Журавлев [11]. Портрет выполнен в технике одноцветной линогравюры по фотографии, на которой А. В. Колчак снят 1 мая 1919 г. после неудач весеннего наступления белых армий. Полагаясь на работу фотографа, Г. А. Ильин усилил состояние тревоги в образе модели с помощью крупных резких линий и контрастов темного и светлого. Слева внизу под клапаном кармана подпись: «Г. Ильинъ». Линогравюра была использована как печатная форма при типографской высокой печати для обложки брошюры С. А. Ауслендера. Затем портрет был опубликован на первой странице омской «Нашей газеты» 11 сентября 1919 г. (редактор В. Н. Иванов) и повторен в «Нашей газете», изданной в Иркутске 27 ноября 1919 г. (редактор В. В. Перемиловский).

Фотография А. В. Колчака, датируемая 1 мая 1919 г., использована и для его поясного портрета, выполненного неизвестным художником (Г. А. Ильиным?) в технике литографии и помещенного в еженедельный иллюстрированный журнал «Единая Россия» (1919, № 1). На его титульном листе в ряду других выходных данных отмечено: «При № 1 прилагается на особом листе портрет Верховного Правителя». Струящиеся вертикальные штрихи фона и мундира, воздушная сложность пространства наделяют лист особой выразительностью.

Неизвестно, писал ли Г. А. Ильин большой парадный портрет А. В. Колчака, а он мог бы блестяще справиться с этим заданием. Еще в период обучения в Академии художеств молодой живописец стал известен за стенами учебного заведения и получал заказы на исполнение портретов членов императорской семьи и петербургских знаменитостей (портрет Ф. И. Шаляпина). Уделяя внимание исключительно решению государственных проблем, Верховный правитель, вероятно, не видел необходимости в парадном портрете и трате времени на позирование художнику. Здесь важно отметить, что на открытой в апреле 1919 г. выставки омского Общества художников и любителей изящных искусств Степного края ни один из участников не представил портрет А. В. Колчака и ни один обозреватель местных газет не счел нужным в рецензиях упрекнуть авторов картин в отсутствии внимания к вождю Белого движения.

Перед падением Омска в ноябре 1919 г. Г. А. Ильин со своими родственниками продолжил путь на восток и остановился сначала в Чите, затем в Токио, а в 1923 г. выехал в США. В Сан-Франциско художник стал одним из наиболее популярных и признанных портретистов Калифорнии. Успешно эвакуировался в восточном направлении и Г. В. Дивиш. В 1933 г. его следы обнаруживаются в Харбине, где он открыл фотографию.

Данная тема в полной мере не разработана и изобилует вопросами. Последующее ее изучение и усилия будущих исследователей обогатят историю создания и бытования исполненных в Омске портретов Верховного правителя

адмирала А. В. Колчака. При этом выявленный в периодике и мемуарной литературе материал позволяет говорить о том, что облеченный властью политический деятель, ставивший целью восстановление в стране правового порядка и нормального течения государственной жизни, не стремился к возвеличиванию собственной персоны и прославлению своего имени. Привлечение художников к исполнению его портретов и производство тиража его графических изображений происходит с запозданием и активизируются лишь к середине 1919 г. и во второй его половине в обстановке начавшихся неудач на фронте и необходимостью поднятия боевого духа армии. Это обстоятельство оказалось «слабым звеном» в деятельности антибольшевистских пропагандистских структур.

Библиографический список

1. Сорокин А. С. Скандал двадцать пятый // Сорокин А. С. Тридцать три скандала Колчаку / Подготовка текста, примечания и предисловие И. Е. Лоцилова и А. Г. Раппопорта. СПб., 2011. С. 44–45.
2. Смирнов А. Заговор недорезанных // Зеркало (Тель-Авив). 2006. № 27–28. С. 69.
3. Объявление // Наша заря. 1919. 30 июля. С. 4.
4. Лосунов А. М. Г. К. Чукреев и его воспоминания о Первой мировой войне и белом Омске // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.) / Под. ред. Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 90.
5. Воцакин А. Омску // Наша газета (Омск). 1919. 17 сентября. С. 4.
6. Фотофонд ОГИКМ. ОМК 11485/2, фото 25.
7. Портрет Верховного Правителя // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 20 июня. С. 2.
8. См. об этом: Журавлев В. В. Образ А. В. Колчака в публикациях С. А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 104–105.
9. Справочник и список абонентов телефонной сети г. Омска и Атаманского хутора. Изд. 2-е Ф. Г. Брехова. Омск, 1919. С. 29, 108.
10. О нем см. Девятьярова И. Г. Глеб Ильин – художник колчаковских проектов // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), (Омск, 30–31 октября 2012 г.). Омск, 2012. С. 38–40.
11. Журавлев В. В. Образ А. В. Колчака в публикациях С. А. Ауслендера... С. 103.

А. П. ДЕМЕНТЬЕВ (Красноярск)
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева

А. И. БЕРЕЗИН (Красноярск)
независимый исследователь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ЭСЕРА А. Ф. СЕРГЕЕВА

Аннотация: Работа посвящена выявлению основных страниц политической биографии Александра Федотовича Сергеева – эсера, который жил и работал в Енисейской губернии с 1907 по 1920-е гг. На основании архивных документов и материалов периодической печати выявлена роль эсера в жизни губернской партийной организации и в деятельности органов местного самоуправления, проанализированы идейно-тактические позиции.

Ключевые слова: А. Ф. Сергеев, эсеры, Красноярск, революция, местное самоуправление, генеалогия.

A. P. DEMENTYEV (Krasnoyarsk)
Krasnoyarsk State Pedagogical University. V. P. Astaf'eva

A. I. BEREZIN (Krasnoyarsk)
Independent researcher

POLITICAL BIOGRAPHY OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY A. F. SERGEEV

Annotation: The paper highlights the key milestones of the biography of the SR Aleksandr Sergeev, who lived and worked in Yeniseisk governorate from 1907 to 1920s. A.F. Sergeev's role in the governorate party organization and local authorities' policy as well as ideological and tactical positions are analyzed and formulated, based on the archival records and periodical press data.

Keywords: A. F. Sergeev, the SRs, Krasnoyarsk, Russian Revolution, local authorities, genealogy.

Революционные события в Сибири и в Енисейской губернии, в частности, 1917 г. вызывает пристальный интерес современного научного сообщества [1]. При этом изучение биографий общественных деятелей, как особого измерения социально-культурных процессов, позволяет существенно расширить представление о сущности и природе революционных преобразований российского общества в первой четверти XX в. Если в советской историографии основное внимание уделялось большевистским партийным функционерам [2], то с 1990-х гг. в рамках всестороннего и объективного исследования революции 1917 г. и

Гражданской войны началось изучение различных аспектов деятельности, идейно-политических позиций, мировоззрения активных участников борьбы за власть с противоположной стороны баррикад [3]. Важную помощь в изучении жизненных траекторий деятелей общественного движения могут оказать историки-генеалоги и краеведы. Данная работа стала результатом объединения усилий историка А. П. Дементьева и А. И. Березина (внучатого племянника А. Ф. Сергеева, который собрал основной материал о жизни своего предка и, который обобщил и включил в исторический контекст разрозненные факты).

Сергеев Александр Федотович (09.04.1883 – 04.09.1955) – родился в семье крестьянина деревни Мелехино Щигровского уезда Курской губернии. Закончил городское училище, до 1906 г. служил писцом в Курской губернской земской управе. Встать на путь борьбы с самодержавием его побудили события первой русской революции. В мае 1905 г. он вступил в ряды партии социалистов-революционеров, а в 1906 г. принял участие в организации Щигровского крестьянского союза [4].

Деятельность союза проявлялась в массовом распространении среди сельского населения нелегальной литературы. Устная пропаганда велась так энергично, «вызывая среди крестьян такое брожение», что, по выражению одного из современников, «ужас охватывал мирных жителей и ни один из них не был уверен ни в сохранности своей жизни, ни в целостности своего имущества» [5]. При союзе создавались боевые дружины, которые должны были совершать экспроприации и готовить вооруженное восстание. Закономерно, что столь активную деятельность революционеров быстро пресекли органы правопорядка Российской империи. В декабре 1906 г. Сергеев вместе с двумя товарищами был арестован на конспиративной квартире Гени Менделевы Генштафт (1883–05.01.1961) в г. Щигры во время печатания на гектографе прокламаций о выборах в Госдуму. Вместе с прокламациями полиция изъяла печать Щигровского крестьянского союза ПСР, ставшую главной уликой для следствия. Одновременно полиция провела обыски у других эсеров, обнаружив нелегальную литературу и револьверы [6]. 24 сентября 1907 г. Александр Федотович был признан виновным Харьковской судебной палатой «в участии в преступном сообществе, составившимся для учинения вооруженного восстания» и по Уголовному уложению Российской империи (ч. 1. ст. 102) лишен всех прав состояния и отправлен в сибирскую ссылку.

В декабре 1907 г. он прибыл в деревню Недокуры Кежемской волости Енисейского уезда Енисейской губернии. Вскоре был переведен в соседнюю деревню Проспихину [7]. Уже в ссылке Сергеев вступил в брак с Гени Генштафт (владелица конспиративной квартиры в г. Щигры также была сослана за пособничество революционерам), которая после принятия православия взяла имя Анна. В ссылке от этого брака родилось 3-е детей. В 1914 г. эсеру было разрешено покинуть Кежемскую волость, но без права выезда в Европейскую часть страны. Сергеев перебрался в Красноярск, где, как и многие однопартийцы, нашел свое место в кооперации. 10 января 1917 г. его избрали заместителем председателя правления и заведующим торговлей общества потребителей «Судосоюз» [8]. 27 января Сергеев был делегирован в городскую продовольствен-

ную комиссию. После Февральской революции Сергеев не вернулся на родину, как это сделали многие бывшие ссыльные; очевидно, что свое будущее он связывал с Сибирью. Уже 4 марта, как делегат от общества потребителей «Судо-союз» Сергеев был избран в состав городского комитета общественной безопасности – коалиционного органа, взявшего в свои руки власть после крушения царской администрации [9].

Однако существенной роли в политической жизни города в данный период Александр Федотович не играл. Его участие в жизни партии ограничивалось членством в составе одного из четырех районных комитетов [10]. В июле 1917 г. по списку партии А.Ф. Сергеев был избран гласным в городскую думу. Основная деятельность эсера сосредоточивалась вокруг решения продовольственного вопроса. 26 апреля 1917 г., как член правления общества потребителей он делегирован в состав губернского продовольственного комитета, где пробыл вплоть до октября. В мае эсер был приглашен на должность члена городской продовольственной управы [11].

Тем не менее, 20 января 1918 г. А. Ф. Сергеев вместе с активными партийными работниками И. В. Казанцевым, Б. Ф. Тарасовым, С. И. Либманом, Г. Я. Ревичем, А. Ф. Кусковым, П. И. Накрохиным и др. был арестован по распоряжению исполкома совета рабочих и солдатских депутатов. Эсерам инкриминировалось участие в подготовке мятежа Красноярского казачьего дивизиона. Удар, нанесенный большевикам по партии, оказался настолько сильным, что объединенное заседание губернского и городского комитетов постановило временно распустить красноярскую городскую организацию. Группа была восстановлена только в марте 1918 г.

25 января шесть гласных городской думы, в том числе Александр Федотович, из красноярской тюрьмы написали запрос «Большевистской городской думе», протестуя против безучастного отношения гласных и в частности городского головы Я.Ф. Дубровинского к происходящим событиям. Эсеры вопрошали: «Находит ли городская дума возможной при создавшейся атмосфере беззакония и попрания основных прав гласных, как граждан, спокойно продолжать свою работу и считать себя выразительницей взглядов и интересов всего населения г. Красноярска...» [12].

Суд, назначенный на 26 февраля 1918 г., не состоялся, так как незадолго до заседания застрелился председатель революционного трибунала Королев. Причиной самоубийства эсеры считали несогласие председателя с навязываемым приговором. Под влиянием аудитории, собравшейся на судебное заседание, эсеры были отпущены [13]. Но уже на следующий день пятеро из отпущенных вновь оказались арестованы, Сергеев тогда избежал ареста, но некоторое время вынужденно был на нелегальном положении.

Свержение советской власти в губернии в июне 1918 г. кардинальным образом изменило положение партии эсеров. Восстановление органов местного самоуправления вернуло им правящее положение. После исключения из состава красноярской думы большевиков, фракция эсеров стала господствующей. В новом составе думы они получили 34 места, то есть 41%, что позволило им провести А. Ф. Сергеева в председатели думы [14].

В земском самоуправлении Сергеев также играл одну из ключевых ролей. В июне он вошел в состав губернской земской управы вместе с эсерами С. С. Медянским, Ф. М. Чаблисом, А. Ф. Тимофеевым, И. В. Казанцевым Кузнецовым. 29 августа 1918 г. его вместе с Р. А. Френкелем избрали от гордумы в состав губернского земского собрания, деятельность которого открылось 3 сентября 1918 г. Отъезд из Красноярска ряда видных деятелей партии, в частности В. Я. Гуревича, Е. Е. Колосова и Н. В. Фомина, привел к перераспределению ролей внутри красноярской организации. Усилилась роль революционеров, которые в 1917 г. были на вторых ролях. В итоге, А. Ф. Сергеев в июле 1918 г. вошел в городской комитет партии, курируя муниципальный отдел [15].

В этот период Александр Федотович начал публиковать свои статьи в газете «Знамя труда», что позволяет проанализировать его взгляды на текущий момент. В общей сложности нами выявлено 11 материалов. Эсер мало теоретизировал, его статьи носили ярко выраженный пропагандистский характер, были основаны на партийных лозунгах и идеологических клише. Эсер положительно встретил свержение советской власти в Сибири. «Еще слабо чуть заметно заря возрождения Российского государства прорезала непроглядную ночь разрухи и развала, но уже чувствуется, что страшная ночь, пережитая русским народом, проходит, настал рассвет...» – писал он в статье «Областная дума и трудовая демократия» [16].

В условиях «демократической контрреволюции» эсер занял точку зрения правого крыла эсеровской партии. Так, на совещании представителей эсеровских организаций Енисейской губернии (15 – 17 июля 1918 г.) он выступил против восстановления деятельности советов, аргументируя тем, что необходимо развивать профессиональные организации, как высшие организации классового объединения [17]. Данная позиция противоречила мнению эсеровцев, которые ратовали за возвращение советских организаций, отводя им роль классовых организаций трудового народа [18]. Вопрос о судьбе советов внес сильный раскол в деятельность губернской организации ПСР.

В статье «Областная дума и трудовая демократия» Сергеев высказывался за продолжение войны с Германией вместе с союзниками России до полного разгрома врага. Отдавая Учредительному собранию решающую роль в определении будущего политического устройства страны Александр Федотович, тем не менее, призывал к полной поддержке Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства, как единственно правомочных органов, имеющих право говорить от имени всех народов Сибири. Любую борьбу с ними эсер рассматривал, как помощь буржуазно-реакционным элементам. В конце статьи он констатировал, что у сибирской демократии два пути: поддержка думы и правительства в борьбе за созыв Сибирского Учредительного собрания и за независимость, второй – «путь развала, анархии, путь гражданской войны, путь раздела России и рабства» [19].

Сергееву, как публицисту был свойственен неоправданный оптимизм в оценке текущего момента. Так, эсер восторженно писал о предстоящем открытии 2 сентября 1918 г. губернского съезда представителей профсоюзов, считая его важным моментом в восстановлении «профессионального движения,

угробленного большевиками». Сергеев считал, что рабочие должны выступить против Брестского мира, за скорейший созыв Учредительного собрания, в поддержку областной думы [20]. Но съезд пошел за большевиками; его председателем стал выпущенный из-под ареста большевик А. С. Гендлин. Большинством голосов приняли резолюцию, где советы рабочих депутатов характеризовались, как единственная форма классовой организации, способная стоять на «страже интересов всех трудящихся» [21].

Пик политической активности Сергеева пришелся на период роста абсентеизма, кризиса партийных организаций и органов местного самоуправления. В августе 1918 г. общие собрания красноярской группы посещало не более 40 чел. Часто собрания отменялись ввиду явки недостаточного числа членов группы [22]. Получив в Красноярской городской думе большинство мест, эсеры, тем не менее, не могли воспользоваться своим преимуществом. Как отмечала газета «Дело рабочего», «фракция эсеров оказалась качественно настолько слаба, что не решилась выдвинуть даже собственного городского головы и главное неаккуратно посещала собрания» [23].

В этих условиях, эсер всячески пытался переломить ситуацию; его статьи содержали призывы к революционной демократии отказаться от мелких будничных дел, «забыть преступное «моя хата с краю»» [24]. В то же время, осознавая слабость партийных сил для участия в перевыборах городской думы, Сергеев на собрании 13 августа призывал эсеров образовать сильный фронт из представителей демократических организаций «областников, учителей, арендаторов, профессиональных союзов и даже отдельных лиц вокруг двух параллельных списков с-р и с-д меньшевиков». При этом он выступал против союза с кадетами, которые, по его мнению, стремились отстранить народ от власти и «его же именем гнуть его в бараний рог» [25].

Являясь сторонником активной борьбы за идеалы демократии, Сергеев осенью 1918 г. обрушился с критикой на кооператоров, которые на общегубернском съезде (27 сентября – 2 октября 1918 г.) при обсуждении политического момента высказались за тактику нейтралитета и аполитизма. По мнению Сергеева, отказ от активной политической борьбы был губителен в ситуации «когда на смену большевизма слева идет большевизм справа...когда авантюристы справа...грозят окончательно нанести смертельный удар демократии и ее чаяниям и желаниям» [26]. В конце октября Сергеев, как председатель красноярской гордумы вместе с представителями земства выразил решительный протест против исполнения 22 октября 1918 г. на банкете, устроенном начальником местного гарнизона полковником Федоровичем в честь офицеров английского эшелона гимна «Боже, царя храни». Социалисты рассматривали данный факт, как «непозволительную демонстрацию монархических убеждений устроителей банкета» [27].

Но противостоять усилению правых элементов в Сибири эсеры не могли. В ноябре 1918 г. установилась военная диктатура А. В. Колчака, деятельность органов местного самоуправления стала ограничиваться. С этого периода Сергеев отошел от активной политической деятельности. Тем не менее, в 1919 г. он

сохранил пост члена губернской земской управы, в 1919 г. заведовал страховым, врачебно-санитарным, издательским, бухгалтерскими отделами [28].

Еще в конце 1918 г. Сергеев возглавил выпуск журнала «Новое земское дело». После выхода двух номеров губернская типография отказалось печатать журнал из-за отсутствия бумаги. Сергееву удалось наладить его выпуск через типографию губернского союза кооперативов. Газета «Голос Сибири» характеризовала журнал, выходивший тиражом до 3000 экземпляров, как самый солидный по содержанию из всех земских журналов Сибири. Статьи А. Ф. Сергеева в данный период уже не содержали политических призывов, а описывали работу земства в области решения социальных проблем населения губернии. Впрочем, в условиях Гражданской войны полную аполитичность было сохранить невозможно. В статье «Чрезвычайное губернское земское собрание» он характеризовал партизанские отряды, действующие на территории региона против власти А.В. Колчака, как «банды, так много бед и несчастий приведшие трудовому населению...». «Насилию произволу и разрухе» он противопоставлял «справедливость и законность» Они, по его мнению, олицетворялись официальной властью. Для борьбы с «бандами» он призывал население организовывать дружины самообороны [29].

Летом 1919 г. Александр Федотович, как беспартийный демократ, принял участие в выборах в городскую думу Красноярска, как кандидат от «Блока демократических и профессиональных организаций». Но в ходе голосования в городе 31 августа 1919 г., его участники не прошли в состав городской думы.

С восстановлением советской власти А. Ф. Сергеев вернулся в кооперацию. 15 июля 1921 г. он устроился работать в центральное правление Енисейского губернского союза кооперативов заведующим страховым агентством. В этом качестве он проработал до января 1924 г. Но большевики не намеревались прощать бывших политических оппонентов. 1920-е гг. ознаменовались репрессиями над представителями проигравших борьбу партий. В 1922 г. состоялся судебный процесс над ЦК партии эсеров. Определенной гарантией от репрессии становился отказ от бывших убеждений. На это Сергеев решился после ликвидационного Всероссийского съезда партии социалистов-революционеров в 1923 г. В апреле 1924 г. Сергеев вместе с М. В. Лебедевым, Н. Н. Гоголевым, П. А. Соколовым, Г. Н. Саликовым, И. Г. Новцовым, И. М. Прохоровым разместил в газете «Красноярской рабочий» покаянное письмо в котором сообщал, что «вследствие коренного несогласия с программой и тактикой партии» порвал с ней всякую идейную и формальную связь еще в 1918 г. Сергеев осуждал борьбу партии с советской властью, которая с момента октябрьской революции «носила ярко контрреволюционный характер и была направлена по своему существу в сторону установления в России буржуазной диктатуры и укрепления буржуазного государства во всем мире». Бывший эсер считал, что своей деятельностью с октября 1917 г. партия «окончательно выбила у себя почву и поэтому сошла с исторической арены, оставив после себя вождей, слившихся в одно целое с буржуазией» [30].

Что заставило Сергеева подписаться под покаянным письмом: смена личных убеждений, страх или принуждение органов ГПУ, неизвестно. Тем не ме-

нее, в его случае, письмо стало «билетом в новую жизнь». Наш герой пережил «Большой террор», спокойно работал, жил с семьей. В конце 1920-х гг. он переехал в Томск, а затем в Москву, где устроился работать экономистом в Минфин РСФСР. Указом Президиума Верховного совета СССР от 5 ноября 1954 г. бывший эсер был награжден Орденом Ленина. Судьба Н. Н. Гоголева и И. М. Прохорова была трагична: их расстреляли в 1937 и 1938 гг.

Александр Федотович Сергеев прошел классический путь для революционера начала XX в. раннее увлечение идеями социализма, участие в подполье, арест, ссылка в Сибирь. Его роль в жизни губернской организации эсеров менялась в зависимости от периода. С марта 1917 г. до июня 1918 г. он не определял стратегическую линию партии, был рядовым гласным красноярской городской думы. Пик его политической карьеры пришелся на период «демократической контрреволюции», когда он входил в состав городского комитета ПСР, занимал должности председателя городской думы и члена губернской земской управы.

С приходом к власти А. В. Колчака, Сергеев отошел от активной политической и партийной работы, занявшись разрешением хозяйственных и социальных проблем населения губернии. Его окончательный разрыв с партией эсеров ознаменовало покаянное письмо, написанное в 1924 г., обусловившее его благополучное встраивание в советскую действительность.

Библиографический список

1. Петин Д. И. «Есть у революции начало...»: старт межмузейного проекта в Красноярске // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 2. С. 89-92.

2. Багаев Б. Ф. Григорий Вейнбаум. Красноярск, 1966. Он же. Борис Шумяцкий. Очерки жизни и деятельности. Красноярск, 1974. Журов Ю. В. Николай Коростелев. Красноярск, 1966. Бондарев А. Н. Яков Боград. Красноярск, 1969. Лазо О. А. Сергей Лазо. Красноярск, 1966.

3. Мешалкин П. Н. Одержимые: О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX-XX вв.: Сб. очерков. Красноярск, 1998. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306; Шекшеев А. П. Крестьянский защитник И. П. Бедро // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции 4-5 февраля 2003 г. Кемерово. Кемерово, 2003. С. 231-236; Он же. Осколок Белой Сибири (Жизнь и судьба минусинского уездного комиссара) // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию образования Енисейской губернии. Красноярск, 2002. С. 67-70. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды Е. Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917–январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 37–94.

4. Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник общества полит.каторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929. С. 505.

5. Салтык Г. А. «Местный террор» в России в 1905-1907 гг.: люди и судьбы. По архивным документам Курской губернии // Вестник архивиста. М., 2013. № 2. С. 151-152.
6. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1642. Оп. 2. Д. 120. Л. 8-10.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д.4734. Л. 334; Ф. 830. Оп. 1. Д. 4. Л. 293.
8. ГАКК. Ф. Р-1141. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
9. Там же. Л. 8.
10. Наш голос (Красноярск). 1917. 22 марта.
11. ГАКК. Ф. Р-1141. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
12. Знамя труда (Красноярск). 1918. 28 января.
13. Там же. 3 марта.
14. Знамя труда (Красноярск). 1918. 24 июля.
15. Знамя труда (Красноярск). 1918. 24 июля.
16. Сергеев А. Ф. Областная дума и трудовая демократия // Знамя труда (Красноярск). 1918. 24 июля.
17. Знамя труда. (Красноярск). 1918. 12 августа.
18. Красное Знамя труда. (Красноярск). 1918. 28 марта.
19. Сергеев А. Ф. Областная дума и трудовая демократия // Знамя труда (Красноярск). 1918. 24 июля.
20. Сергеев А. Ф. Губернский съезд профессиональных союзов // Знамя труда (Красноярск). 1918. 2 сентября.
21. Съезды, конференции и совещания... С. 200-202.
22. Воля Сибири (Красноярск). 1918. 26 сентября.
23. Дело рабочего (Красноярск). 1918. 1 сентября.
24. Знамя труда (Красноярск). 1918. 9 сентября.
25. Сергеев А. Ф. К выборам гласных в городские думы // Знамя труда (Красноярск). 1918. 25 ноября.
26. Сергеев А. Ф. «Очумелые» в позе резонеров // Знамя труда (Красноярск). 1918. 9 октября.
27. Воля Сибири. (Красноярск). 1918. 27 октября.
28. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 125. Л. 101.
29. Новое земское дело. (Красноярск). 1919. № 12-13. С. 8.
30. Красноярский рабочий. (Красноярск). 1924. 16 апреля.

А. Г. ДИАНОВ (Омск)

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

**ПРИБЛИЖЕНИЕ МАСС К УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ
КАК ОДИН ИЗ МИФОВ РЕВОЛЮЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)**

Аннотация: В статье анализируется значение института делегированных в РКИ. Автором сделан вывод об утопичности идеи обучения за 4 месяца малограмотного рабочего основам самостоятельной инспекционной работы. По мнению автора, основной причиной прекращения существования института делегирования рабочих и крестьян была его несовместимость с принципами НЭПа.

Ключевые слова: Сибирь; рабоче-крестьянская инспекция; ревизии; обследования; делегированные в рабоче-крестьянскую инспекцию.

A. G. DIANOV (Omsk)

Siberian state automobile and highway university

**CONNECTION OF MASS TO THE STATE MANAGEMENT AS ONE OF
THE MYTHS OF THE REVOLUTION (ON MATERIALS OF SIBERIA)**

Annotation: The author analyzes the importance of the institution of representatives of Workers-and-Peasants' Inspectorate. It was concluded that the idea to instruct uneducated workers in principles of independent inspection work in four months had been utopian. The author believes that the main reason why the Institution stopped to exist was its incompatibility with the principles of NEP.

Keywords: Siberia, Workers' and Peasants' Inspectorate, Audit, Inspection Delegation to the Workers' and Peasants' Inspectorate.

В данной статье на примере Сибири рассматривается такой важный аспект как привлечение для участия в работе РКИ широких масс, с целью усовершенствования государственного аппарата. Реорганизация государственного контроля в РКИ произошла на основе его слияния с рабочими инспекциями, возникшими в конце 1918 – начале 1919 г., как общественный институт контроля над деятельностью предприятий. В декрете от 7 февраля 1920 г., ВЦИК утвердил «Положение о Рабоче-крестьянской инспекции». В этом документе подчёркивалось, что второй задачей является привлечение широких масс к гос-

ударственному управлению, РКИ должна стать школой управления для трудящихся [1].

В начале 1920-х гг. привлечение масс к осуществлению ими контроля над органами государственного управления в основном осуществлялось в двух формах: через институт делегированных и ячейки содействия РКИ. В этой работе рассматривается институт делегированных, на который возлагались основные надежды в деле обучения масс искусству управления. Институт делегированных начал действовать по декрету ВЦИК от 7 февраля 1920 г. Делегированные для участия в работе РКИ подразделялись на 3 категории: постоянных сотрудников, фактических контролёров, выполняющих те или иные поручения заведующих отделами РКИ, ведущих самостоятельные обследования и практикантов, наблюдающих за ходом работ в советских учреждениях [2]. С мая по июль 1920 г. во всех губерниях Сибири были проведены первые выборы делегированных. Количество избранных в губернские инспекции было различным от – 236 в Томскую до 52 в Алтайскую. В общей сложности в Сибири было направлено в РКИ 748 делегированных.

На основе отчёта Томской губернской РКИ, можно проиллюстрировать влияние деятельности 542 делегированных в инспекцию в 1920 – 1921 гг. на инспекционную деятельность Томской губРКИ. Руководство Томской губРКИ, подводя итоги работы делегируемых в 1920–1921 гг., констатировало, что большинство из делегируемых могут выполнять только несложные работы. Их влияние на инспекционную деятельность Томской губРКИ незначительно. Руководство Томской губРКИ на основе анализа деятельности делегированных приходит к выводу – полезных государству работников мы не дали. Главная причина – низкий умственный уровень развития делегатов и короткий срок их обучения в РКИ. Низкий уровень предопределён самим порядком делегирования в РКИ. РКИ должна обучать управлению государством в первую очередь женщин, а они, как правило, малограмотны. Квалифицированные рабочие – наиболее способные, но они нужны предприятию и предприятия их не отпускает [3]. В общей сложности за 1920–1921 гг. в Сибири через институт делегированных прошло около 3 000 человек [4].

Осуществление принципов НЭПа привело к отказу значительной части предприятий производить оплату рабочим, делегированным на работу на 4 месяца в РКИ. К январю 1922 г. во всех губернских РКИ Сибири насчитывалось только 39 делегированных вместо нескольких сот в начале 1921 г., по этой же причине у РКИ возникали затруднения с привлечением масс к ревизионной деятельности на общественных началах [5]. На 1 января 1923 г. во всех губернских РКИ Сибири осталось всего 15 делегированных. За весь 1922 г. в РКИ Сибири работало 129 делегированных – 80 рабочих и 49 служащих [6]. Результаты ревизионной работы делегатов в 1922 г. были более чем скромными, в основном они привлекались к ревизиям в качестве помощников кадровых ин-

спекторов или командировались в различные организации для снятия фактических остатков [7].

Со второй половины 1923 г. происходит постепенное отмирание института делегируемых. Главная причина связана с тем, что с переходом к НЭПу попытки РКИ привлечь к работе в качестве делегируемых лиц высокой квалификации были безуспешны. Поскольку зарплату делегируемым платили предприятия, им было невыгодно направлять в качестве делегируемых квалифицированных рабочих. 1 июля 1924 г. институт делегируемых официально заканчивает свое существование [8].

Таким образом, к началу 1924 г. в Сибири институт делегированных в РКИ практически прекратил своё существование. Он оказался несовместим с условиями хозяйственного строительства в период НЭПа. Кроме того, практика показала, что пополнение штатов губернских РКИ за счёт делегированных лишь в крайне редких случаях улучшал работу РКИ. Очень низкий общеобразовательный уровень и практическое отсутствие профессиональной подготовки позволяли использовать делегированных лишь как практикантов.

Привлекая массы к работе в РКИ, советское руководство планировало получить, прежде всего, политические дивиденды. Рабочие и крестьяне после 4-месячного пребывания в РКИ, приобретя навыки контрольно-ревизионной деятельности, по замыслу советского руководства, должны были стать аппаратным резервом. Часть их должна была остаться в РКИ, часть могла быть использована для решения задачи «орабочивания» и в какой-то мере «окрестьянивания» других звеньев государственного аппарата. В результате за короткий промежуток времени государственный аппарат на местах состоял бы почти исключительно из социально близких делу пролетарского государства слоев. Вопрос о функциональном вкладе масс при проведении контрольно-ревизионных работ становился второстепенным. Тем не менее, считалось, что хотя и полуграмотные, но сознательные пролетарии будут очень полезны в инспекционном аппарате.

Однако решать поставленную перед РКИ задачу обучения масс искусству управления и одновременно получить со стороны привлеченных в РКИ существенную помощь в решении контрольно-ревизионных задач не удалось. Во-первых, количество привлеченных к работе в РКИ оказалось на порядок меньше, чем первоначально задумывалось, и, – во вторых, лишь несколько процентов из привлеченных оказались в последующем пригодны к работе в РКИ и государственном аппарате.

Каковы же основные причины неудачи? Во-первых, это утопичность идеи обучения за 4 месяца малограмотного рабочего пусть даже не искусству управления государством, а хотя бы основам самостоятельной инспекционной работы. Во-вторых, несогласованность «Положения о РКИ» с системой оплаты труда рабочих. Государство переложило на заводы и учреждения оплату труда

щихся делегируемых в РКИ. В период военного коммунизма предприятие получало паек на всех работников, поэтому проблема его содержания в основном решалась. С переходом к НЭПу многие предприятия прекращают оплату трудящихся, делегируемых в РКИ. Встал вопрос, о необходимости перейти к их оплате из бюджета государства. Но средства для оплаты трудящихся, делегируемых в РКИ, в бюджет не были заложены.

Библиографический список

1. Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975): сб. документов и материалов. М., Политиздат, 1975. С. 104-105.
2. Там же. С. 105-106.
3. ГАРФ. Ф. Р–4085. Оп. 2. Д. 866. Л. 14, 15.
4. Там же. Л. 13.
5. ГАНО. Ф. Р–288. Оп 1. Д. 55. Л. 15.
6. Там же. Д. 66. Л. 6.
7. Там же. Д. 123. Л. 3.
8. ГАКК. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 761. Л. 103.

А. В. ДОЛГОВА (Москва)

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Москвы
«Школа № 37»

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1919 Г.

Аннотация: Статья посвящена периоду после освобождения Пермской губернии от Колчака. Документы свидетельствуют о жестоком режиме во время его нахождения у власти. Согласно архивным источникам, несмотря на принудительный характер мобилизаций, всеобщее нежелание служить в РККА и продовольственную политику большевиков в деревне, добровольцы находились.

Ключевые слова: Советская власть, Пермская губерния, Гражданская война, мобилизации, крестьяне, Красная армия.

A. V. DOLGOVA (Moscow)

State Budgetary Educational Institution of Moscow «School No. 37»

MILITARY-POLITICAL SITUATION IN PERM GUBERNIYA IN THE SUMMER-AUTUMN OF 1919

Annotation: The article is devoted to the period after the defeat of Kolchak in Perm guberniya. The documents testified of cruel regime of the Kolchak's reign. According to archival documents there were volunteers to serve in Red army despite the forced nature of the mobilization, the general reluctance to serve and the food policy of the Bolsheviks in the village.

Keywords: The Soviet power, Perm guberniya, Civil War, mobilization, peasants, Red army.

К лету 1919 г. ситуация на Восточном фронте начинала меняться в пользу красных. Армии Восточного фронта советской России заставили отступить войска адмирала Колчака к Уралу. Территория губернии постепенно переходила в руки красных. Так, Оса была освобождена от белых 28 июня. В Оханском уезде Покровская волость – 29 июня 1919 г., Новопаинская волость – 1 июля, Стряпунинская и Левшинская волости – 2 и 3 июля [1]. В некоторых районах было безвластие. А, к примеру, в Хохловской волости Оханского уезда и Краснослудской волости Пермского уезда продолжали функционировать земские управы, которые впоследствии были упразднены отрядом 29-й стрелковой ди-

визии 3-й армии. 1 июля 1919 г. 3-я армия Восточного фронта освободила Пермь.

Однако политическая обстановка не была надежной. К сожалению, в пермских архивах почти не сохранилось документов о периоде правления Колчака. Но более поздние источники свидетельствуют, что его авторитет и влияние были достаточно сильными. Этим и объясняется во многом враждебное отношение части населения к большевикам, выразившееся сначала в отказе от мобилизаций, затем борьбе, в том числе, скрытой, против советской власти. Поэтому, несмотря на отступление, говорить «о начавшемся разложении в войсках Колчака летом 1919 г.», как было принято в исследованиях советского периода, не приходится. К тому же с ним уехало более 60000 человек. Люди преимущественно зажиточные и мещанство [2].

В то же время документы свидетельствуют о безусловной поддержке населения некоторых уездов большевиков и успешной мобилизации в Красную армию. Такое противоречие говорило о том, что действия Колчака в период нахождения его у власти в Пермской губернии, могли вызвать недовольство какой-то части местного населения. В информационных сводках Пермской губернской ЧК фигурируют следующие цифры: расстреляно белыми 2558 человек, выпорото 1677, арестовано 5471, пострадали материально 7258 [3]. Кроме того, в архивах сохранились факты белого террора, например, в Чердынском уезде.

При Колчаке для борьбы с большевиками были организованы волостные и уездные следственные комиссии. Они производили следствие о коммунистах и сочувствующих советской власти, выносили постановления о расстрелах, штрафах и принудительных общественных работах. Состав комиссий был выборный, но там находились сочувствующие Колчаку. После освобождения Перми члены комиссий уехали с ним. Всего волостных комиссий было около 200, при каждой комиссии были отряд и милиция, которые приводили в исполнение приговоры комиссии, пороли, конфисковали имущество, расстреливали. Отряды состояли из 10 человек, комиссии – из 5-7 человек.

В уездных городах были военно-полевые контрольные пункты с тайными агентами по образцу охранного отделения. В Перми существовал Обще-Корпусный суд Сибирской армии, который рассматривал дела о коммунистах и выносил постановления о смертной казни. Каждый офицер роты или отряда мог выносить решения о порках, конфискациях имущества у лиц, сочувствующих советской власти и у семей красноармейцев [4].

После освобождения Перми и губернии чекисты быстро наладили свою работу. Постепенно стали поступать информационные сведения о положении на местах и пребывании в лесах бандитов и дезертиров. В первые месяцы было задержано до 500 дезертиров. Как говорили чекисты, «перебежчики от Колчака поступали в таком количестве, что не было сил почти их регистрировать». Иногда в один день приходило до 300 человек [5]. Было взяты на учет иностранные граждане, проживающие в Перми: 358 человек. Среди них австрийцев – 115,

венгерцев – 53, поляков – 74, немцев – 30, японцев – 32 [6]. Также на учете состояли: политически неблагонадежные – 10, меньшевики – 3, кадеты – 3, сочувствующие анархистам – 1, правые эсеры – 2, левые эсеры – 2 [7].

Данные юридического отдела ЧК: всего арестовано 2790, обвинялись 1700, расстреляно 125 человек. Всего дел зарегистрировано: 3080, из них по 204 делам 435 человек обвинялось в контрреволюции, в шпионаже 113 по 71 делу, в выдаче коммунистов и советских работников – 1128 человек, в избиении и расстреле коммунистов – 122, в службе у белых – 949, в преступлении по должности – 322, в дезертирстве – 112 человек по 62 делам, уголовных – 236 человек, в измене революции – 23 человека [8].

О выдаче и расстрелах коммунистов свидетельствуют информационные сводки. 24 июня 1919 г. Перевозинский волостной ревком сообщал отделу управления Сарапула: «После прихода Советской власти... прибыла белая банда, с ними вместе пришло и все кулачество, которое уходило в прошлый год. В первую очередь ...было нападение на всех советских работников, забрали все, что оставалось у эвакуированных коммунистов... Большинство [советских работников] было арестовано и человек 12 из волости расстреляно... Услышав о появлении советских войск, все бандиты убежали опять с белыми... 2000 человек» [9]. В Юринской волости: «Волисполком эвакуировался от нашествия белогвардейской банды 4 апреля 1919 г. со всеми служащими, делами и имуществом. 30 июня сформирован волостной ревком. Работа в ревкоме в настоящее время [невозможна] в виду того, что служащие бывшего исполкома до сих пор еще не возвратились... Белогвардейскими бандами расстреляно в волости около 20 человек, которые служили до переворота в Советах» [10].

Восстановление Советской власти сопровождалось новыми призывами в Красную армию. Согласно архивным документам, желающих служить было достаточно. Правда, жители села в большей степени противились службе в армии, чем жители города, где преобладал рабочий класс, который не был так привязан к земле. В то же время успешным мобилизациям в губернии способствовала политика некоторых партийных и советских работников по отношению к крестьянам, которая заключалась в предоставлении возможности им прежде завершить полевые работы и уж потом – в армию.

В сводках за сентябрь 1919 г. говорилось: «По всем волостям Осинского уезда, за исключением Камбарской и Фокинской волостей, мобилизация прошла успешно. Производится призыв в ряды Красной армии лиц, родившихся в 1896 и 1897 гг. и служивших в войсках унтер-офицеров, родившихся в 1893–1895 гг. Мобилизованные стоят всецело на стороне советской власти. На местах производится обучение военному искусству. Ведется агитация по всему уезду для привлечения трудового класса в ряды Красной армии. В Богомягковской волости проведено всеобщее воинское обучение, в Красноярской волости также идет обучение. В Карьевской волости всеобщее военное обучение продолжается уже три недели. Подготовительный возраст от 16 до 18 лет взят на учет, но

ввиду уборки хлебов, обучение еще не производится. В октябре в Рябковской волости из 19000 населения добровольцев было до 1000 человек» [11].

В ноябре 1919 г. в том же уезде отмечалось: «Во многих волостях члены исполкомов ушли в ряды Красной армии. Рабочие и служащие советских учреждений добровольно уходят под ружье. В Богомягковской волости записалось в Красную армию 402 добровольца» [12]. Всего было призвано по Осинскому уезду 2853 человека.

Немало добровольцев дал Пермский уезд. Заявления в мобилизационный отдел военкомата подавались как одним, так и несколькими лицами. Социальный состав был весьма разнородным. Рассмотрим некоторые документы. Так, для зачисления в Красную Уральскую дивизию подали заявления: заведующий отделом распределения рабочей силы Александр Александрович Бочкарев, 1882 г.р., ополченец первого разряда, коммунист, проживающий по адресу: Пермь, ул. Монастырская, 61-1, секретарь отдела распределения рабочей силы Сергей Григорьевич Макин, 1892 г.р., беспартийный, адрес: Пермь, ул. Ильинская, 22-2 [13].

«Заявление товарищу комиссару» от неизвестного добровольца в рабочий полк при управлении военных сообщений 3 армии Восточного фронта: «Прошу сообщить: не встречается ли препятствия с Вашей стороны о принятии в Рабочий полк гражданина Макарова Александра Васильевича Троицкой волости деревни Морозята, который изъявил поступить с лошадей, а так как рабочий полк крайне нуждается в лошадях, то просьба откомандировать» [14].

Заявление Ивана Егоровича Денисова, 18 лет, Усть-Сылвенской волости Пермского уезда: «Прошу вашего ходатайства о зачислении меня добровольцем в ряды Красной армии, так как мой брат уже взят на военную службу, затем уже и я желаю поступить добровольцем и защищать советскую власть, и прошу не оставьте моей просьбы перевести меня в отдельный военный запасной батальон Уральского военного округа» [15].

На призыв вступить в Красную армию откликнулись рабочие Мотовилихинского механического завода. Отдел правления завода 25 августа 1919 г. выдал удостоверение Андрееву Николаю Николаевичу «в том, что он действительно находился на работах в Паровозоремонтном цехе механического завода в качестве слесаря с 15 марта 1919 г. по 21 августа 1919 г. и уволился с работ по собственному желанию ввиду поступления в ряды Красной Армии» [16]. Заявление в Пермский уездный военкомат рабочего Николая Ивановича Сивкова: «Покорнейше прошу военный комиссариат зачислить меня добровольцем в ряды Красной армии. При этом сообщаю, что в настоящее время состою на службе в Мотовилихинском механическом заводе в качестве Надзирателя железнодорожного цеха» [17].

Возраст призывников по Пермскому уезду не превышал и 16 лет. В военкомате были вынуждены отказывать в их просьбе вступить в Красную армию. 27 октября 1919 г. военный комиссар Пермского уездвоенкомата писал уездному отделу социального обеспечения: «Добровольцами в ряды Красной

армии могут быть приняты только лица 16 лет, но и те должны войти в 30% норму мобилизации членов Союза молодежи и таковых надлежит выслать в уездкомпартии» [18].

В августе 1919 г. председатель Добрянско-Заводского ревкома П. Поспелов обратился в уездный военкомат: «Надлежит ли принимать добровольцев в Красную армию до 18-летнего возраста, и если надлежит, то куда их направлять. Желających вступить добровольно до 18-летнего возраста в Добрянском заводе порядочно, но, не имея никаких распоряжений от вас, ревком в затруднении. Свыше 18-летнего возраста пока нет, а кто и были, отправлены в Пермский губвоенкомат» [19]. 25 сентября подали заявление о желании служить 16 добровольцев от РКСМ в возрасте от 14 до 16 лет. Причем, двое были из Пермского детского приюта № 4 [20].

1 сентября 1919 г. Пермский совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России обратился в Пермский уездный военкомат: «Препровождается 7 человек-интернационалистов, изъявивших желание добровольно служить в рядах Красной армии, по принятии которых просим отослать их в Москву в полк III интернационала: Ковач Янош, Берток Янош, Леначич Андор, Бодый Янош, Столарский Адам, Орос Янош, Фицер Янош, Дошняк Михаил, Дабергер Иоганн, Гегер Антон, Шмид Эрнст, Ноббе Вильгельм» [21].

Желające вступить в РККА были и среди казачества. 5 сентября 1919 г. Мотовилихинский военный комиссариат направил в мобилизационный отдел Пермского уездного военкомата сопроводительное письмо: «Препровождаю в Ваше распоряжение гражданина Куликова Тимофея Андреевича, казака Донской области, родившегося в 1880 г., работавшего в заводе, но изъявившего желание служить добровольно в рядах Красной армии» [22].

Следующий документ – коллективное заявление от 14 октября 1919 г. начальнику окружного интендантского склада № 2 Уральского военного округа: «Мы, служащие вверенного Вам склада, слышав гордый свободолюбивый призыв товарища Троцкого ко всем красноармейцам и лицам, служивших ныне в тыловых советских учреждениях о том, что все ранее служившие в кавалерии, на «коней в ряды Красной Кавалерии»: заявляем, что мы, как истинные сыны Тихого Дона, рожденные на коне... во благо трудового народа Российской советской Республики обращаемся к просьбой к вам как к начальнику, отправить нас немедленно ни одной минуты на фронт. Ибо всякое промедление подобно смерти. А потому мы с уверенностью смотрим на наше заявление, что нас ни одной минуты не задержат в просимой отправке. Шлем сердечный привет нашим страждущим братьям, стоящим ныне на стороне трудового народа Доблестной Красной армии и питаем глубокую уверенность в том, что голос Великого Всемирного Вождя трудового народа товарища Троцкого не останется гласом вопиющего в пустыне... Просим объявить наше заявление в газете «Красный Урал». Отправить по адресу: 4 Кавалерийская Дивизия, 19 кавалерийский полк. Южный фронт. К сему заявлению расписуемся: Д. Воробьев, Федор Игнатьев, Ефрем Бондарев» [23].

Надо отметить, что в некоторых уездах Пермской губернии, потенциальных бойцов Красной армии – прежде всего, рабочих – было не так много. К тому времени, многие из них уже воевали, погибли или дезертировали.

Библиографический список

1. ГАПК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
2. ПГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.
3. Там же. Л. 125.
4. Там же. Л. 121об., 122.
5. Там же. Л. 124.
6. Там же. Л. 124об.
7. Там же.
8. Там же. Л. 125об.
9. ЦГАУР. Ф. 331. Оп. 1. Д. 20. Л. 30.
10. Там же. Л. 31.
11. ПГАСПИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 860. Л. 309, 310, 314.
12. Там же. Л. 315.
13. ГАПК. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
14. Там же. Л. 45.
15. Там же. Л. 145.
16. Там же. Л. 54.
17. Там же. Л. 96.
18. Там же. Л. 41.
19. Там же. Л. 136.
20. Там же. Л. 40.
21. Там же. Л. 62, 63, 65А, 68.
22. Там же. Л. 46.
23. Там же. Л. 140.

Н. В. ЕЛИЗАРОВА (Омск)

Омский государственный историко-краеведческий музей

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ОМСКУЮ ТОПОНИМИКУ

Аннотация: автором статьи проведен обзорный анализ изменений того, какие изменения в городскую топонимику Омска были внесены советской идеологией и событиями Гражданской войны. Приводится оценка указанного историко-культурологического явления.

Ключевые слова: Омск, топонимика, революция, Гражданская война, белый террор, советская власть.

N. V. ELIZAROVA (Omsk)

Omsk state historical and local history museum

INFLUENCE OF CIVIL WAR EVENTS ON OMSK TOPONYMY

Annotation: the author of the article carried out a survey analysis of changes in what changes in the urban toponymy of Omsk were made by the Soviet ideology and the events of the Civil War. An evaluation of this historical and cultural phenomenon is given.

Keywords: Omsk, toponymy, revolution, Civil war, white terror, Soviet power.

После Революции 1917 г. и завершения Гражданской войны в России вопрос о переименовании улиц приобрёл особую актуальность – этого требовала изменившаяся политическая обстановка в стране. Взамен старых (или по-обиходному – «старорежимных») названий потребовались новые, символизирующие победу революционных сил. С установлением советской власти в Омске началось массовое изменение названий улиц. Примечательно, что вопрос оптимизации городской топонимики поднимался еще в белом Омске. В феврале 1919 г. городская управа рассмотрела вопрос об упорядочении наименования улиц. Рассматривались предложения вместо упразднённых форштадтов присвоить одинаковое название улице на всём её протяжении, а также заменить устаревшие и неблагозвучные названия.

Так, 20 февраля 1919 г. городской инженер Д. А. Вернер подготовил члену городской управы А. И. Шкоде докладную записку о выборе системы наименований улиц Омска, где, в частности, рассматривалось три способа выбора названий: 1) Применить английскую или американскую систему (т.е. присвоить улицам порядковые номера). «Америка и многие английские города применяют наиболее удобный, но, я сказал бы, наиболее сухой, деловой способ, – писал Д. А. Вернер, – главные проспекты носят названия, напоминающие

или дающие понятия о занятиях и образе жизни части города, в которой они пролегают, а все второстепенные улицы нумеруются...». 2) Прямо противоположный, применяемый во Франции и Германии, – наименование отдельных районов города историческими именами, и такие же наименования для улиц и площадей. «Способ, который нельзя назвать красивым и живописным и вполне логичным для коренных жителей города, но который имеет неудобство для мало знакомых с городом или частью его, так как не даст возможности по названию судить о разыскиваемых местах». 3) Способ случайных наименований: «улицы в память писателей переплетаются с улицами, названными по имени какого-нибудь грозного губернатора или полицмейстера... случайные, совершенно бессмысленные наименования... Способ этот, в полной мере применяемый в Омске, некрасив, неудобен и сильно затрудняет нахождение адресата» [1]. По свидетельству Вернера, в Омске могли быть использованы все существующие способы наименования улиц. Однако решение данной проблемы было отложено из-за отсутствия средств. В декабре 1919 г. к вопросу о переименовании улиц городские власти вернулись снова. Назрела необходимость в указании названий улиц и домов, так как многие таблицы с названиями были утрачены, а в нумерации домов была изрядная путаница, что руководствоваться этой нумерацией «почти не представлялось возможным»; особенно удручало, когда речь шла о «розыске больных врачами, особенно ночью» [2].

Дорожно-строительным отделом, заведующим которого являлся Д. А. Вернер, был произведён ряд подготовительных работ по установлению мест, где не имелось таблиц с наименованием улиц, «для чего были сняты с натуры особые ленты-планы, и составлены списки домовладений по улицам с показанием фамилий и правильных номеров» [3]. По известным директивам, заготовка табличек улиц производилась на средства управы, а номера владений изготавливались за счёт домовладельцев. Чтобы упорядочить наименования улиц и нумерацию домов, было решено давать одно название каждой улице, имеющей на своём протяжении несколько названий. А также «переименовать главные, ходовые улицы, придав им более осмысленные и соответствующие духу времени названия» [4]. Такими «несовременными» улицами были признаны следующие: Капцевича, Казнаковская, Колпаковская, Архиерейская, Гасфортовская, Яцкинская, Перфильевская, Санниковский проезд, все улицы крепости, Дворцовая, Атаманская, Думская, Русиновская и Анциферовская [5].

Изменения затронули и ряда других топонимов: «в части города на восток от Шкроевской и Скаковой улиц ввести систему английскую, т.е. наименовать все улицы, ищущие с севера на юг, линиями, начиная со Шкроевской улицы наименовать таковую 1-й, 2-й линией, а остальные последовательно 2-я, 3-я и т.д.» [6]. Английская система, по мнению разработчиков проекта, имела собой правильность, однообразие, была выгодна в части ориентировки и легко запоминалась, а прежние названия были ничем не обоснованы, трудны для запоминания, но, главное, не успели укорениться среди жителей и, следовательно, могли быть без помех заменены на другие.

Улицам, идущим от Иртыша, решено было оставить старые названия. В рассматриваемый период времени английская система коснулась и знамени-

тых Ремесленных и Рабочих. К участию в комиссии по разработке вопроса о переименовании улиц были привлечены гласные Городской думы, Географическое общество, Архивная комиссия, лица, известные своими трудами по изучению Омска и его истории, а также ряд других организаций и учреждений, но итоговое решение о присвоении названий улиц принадлежало Коллегии коммунального отдела Омского городского хозяйства.

Спустя год, в феврале 1920 г., несмотря на всеобщую разруху и более насущные для жизни проблемы, Омский губревком утвердил переименование для 84 омских улиц и появление 8 новых. Для того чтобы произвести переименование улиц, потребовалось 1030 табличек [7]. Стоимость изготовления одной таблички равнялась 15 руб., плюс накладные расходы от 2-х до 3-х руб. Итого сумма расходов составила 18540 руб. [8].

Как мы уже отметили выше, после победы большевиков в Гражданской войне, своеобразную победу одержали и новые топонимы над старыми. Томский исследователь В. П. Андреев охарактеризовал эту новую модель наименований, служившую советским градостроителям руководством к действию [9]. В перечень названий обязательно включались: 1) революционно-романтические идеалы – Свобода, Равенство, Братство, Революция; 2) социально-классовая принадлежность; 3) увековечивание героев и жертв революционной борьбы, включая зарубежных деятелей; 4) имена в честь предводителей крестьянских войн – Степана Разина и Емельяна Пугачёва [10]; 5) военачальники Красной Армии и руководители партизанского движения, главным образом из числа погибших; 6) наименование улиц в честь большевистских вождей.

В Омске, в целом, эта модель сохранялась в полном объёме. Нашли отражение в наименовании омских улиц и хрестоматийные идеалы революции. Так, 22 декабря 1918 г. появилась площадь Восстания (с 1939 г. – площадь Борцов революции). Постановлением Омский губревком от 9 февраля 1920 г. из улиц Атаманской и Дворцовой была организована улица Республики (нынешняя улица Ленина) [11]. 13 декабря 1921 г. улица Новолинейная (она же Магистральная) получила название Коммунистической [12], а в 1938 г. – Коминтерна (сейчас эта ул. Труда).

За короткое время наименование улиц в честь большевистских лидеров приобрело массовый характер. Так, постановлением пленума губернского исполкома № 6 от 2 августа 1921 г. в городом Ленинском стала атилась Атаманская станица, куда вошли территории прилегающих посёлков: Семипалатинский, Сахалин, Порт-Артур, Треугольник, Рабочая слободка, Чёрный и Красный городки [13]. Позже, в 1935 г., топонимическая практика, ставившая своей задачей увековечивание имён пролетарских вождей, была продолжена: решением Омского городского исполкома № 374 от 9 марта 1935 г. Чёрный городок переименовали в Ленинский, Порт-Артур стал Куйбышевским городком, Сахалин – Будёновским городком, Семипалатинский посёлок – Сталинским городском [14].

Не обошли стороной в Омске и погибших участников Гражданской войны, дав названия улицам и таким образом почтив память С. Г. Лазо, А. И. Избышева, Н. А. Голика, казнённых колчаковцами К. Лигети, А. Н. Ле-

конта, П. К. Лагоды, З. И. Лобкова, М. С. Никифорова, А. Е. Нейбута, Н. Н. Яковлева, Н. С. Лукашевича и др. Одна из центральных улиц города до настоящего времени носит имя М. М. Рабиновича, одного из организаторов антиколчаковского восстания, схваченного противником в погибшего в тюрьме в 1919 г. Отдали дань уважения советскому дипломату В. Воровскому, убитому в начале 1920-х гг. бывшим белогвардейцем Б. С. Ковердой (улица, названная в его честь, расположена в районе Порт-Артура Ленинского округа); чешскому писателю Ярославу Гашеку, защищавшему советскую власть в Сибири (его именем названа улица на восточной окраине Омска, где вырос микрорайон Московка). Из выживших в Гражданской войне деятелей, чьи имена присвоили омским улицам, стоит отметить М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского.

В память о событиях Гражданской войны, не имевших, правда, никакого отношения к Омску, носит своё название одна из центральных улиц города – Волочаевская (Волочаевский бой – одно из крупнейших сражений Гражданской войны в России, произошедшее 5–14 февраля 1922 г. в районе станции Волочаевка Амурской железной дороги, на подступах к Хабаровску). Именем полка, отличившегося в боях с колчаковцами, названа ещё одна омская улица – Красных Орлов [15]. Первоначально улица именовалась как Бригадная, но решением Омского губернского исполкома № 222 от 5 ноября 1923 г. ее переименовали [16]. Также отпечаток далёких событий Гражданской войны несёт улица и переулок 5-й Армии (14 ноября 1919 г. части этой армии под командованием М. Н. Тухачевского освободили Омск от войск Колчака). Небезызвестна в этом отношении и улица 22 декабря – в это день в 1918 г. произошло крупное антиколчаковское выступление в Куломзино, жестоко подавленное белогвардейцами. В честь боёв красноармейцев с белочехами на станции Марьяновка в 1918 г. названа улица и переулок Марьяновские. Одну из небольших улиц, расположенную между улицами Химиков и Никифорова, планировалось назвать в честь венгерского революционера Мате Залки, командира интернационального батальона, участвовавшего в освобождении Омска от колчаковцев. Соответствующие решения были приняты в середине 1970-х гг. (решение Омского городского исполкома № 254 от 14 июня 1976 г. [17] и решение областного исполкома № 299 от 22 июля 1976 г. [18]). Но они не были реализованы и такой улицы на карте города не появилось.

Не все названия улиц, связанных с событиями или деятелями Гражданской войны, сохранились до настоящего времени. К примеру, больше нет улицы Эйхе, и, на наш взгляд, это справедливо, учитывая «послужной список» этого человека – одной из наиболее одиозных фигур сталинского террора, организатора массовых репрессий в Сибири. А вот улица Войкова, названная по фамилии человека, причастного к расстрелу семьи бывшего императора Николая II, до сих пор находится в Ленинском округе, в районе Порт-Артур.

По мнению В. П. Андреева, «топонимическая практика первого послеоктябрьского десятилетия привела к утрате исторически ценных названий, явившись следствием низкого уровня политической культуры и общеобразовательного уровня населения в целом и большевистского руководства, в частности... Изменения названий превратились в цепь топонимических переворотов. Власть

демонстрировала стремление к максимальной идеологизации топонимии, к полному разрыву с «проклятым» прошлым, со старыми ценностями... Переименование достаточно часто инициировало местное партийное руководство с весьма прагматическими целями. Регионы активно формировали свои интересы и стремились заполучить поддержку в центре в высшем руководстве страны...» [19].

С этим мнением трудно не согласиться. Массовое переименование омских улиц служило мощным оружием политической агитации. Множество исторически сложившихся названий улиц было заменено искусственными, связанными ни с традициями жителей города, ни с особенностями местности. Но иногда, несмотря на тотальное насаждение забвения, генетическая память горожан оказывается сильнее. Так, улицу, названную в честь вождя мирового пролетариата, на протяжении многих десятилетий омичи упорно продолжают именовать совсем иначе. Это небольшая, но очень важная победа простых людей над тщеславием и интеллектуальной ущербностью партийных функционеров всех мастей.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–24об.
2. Там же. Л. 25.
3. Там же. Л. 25об.
4. ГИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 9. Л. 182.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. Л. 183.
8. Там же.
9. Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://toponimika.ru/index.php?id=3> (дата обращения 24.08.2017).
10. В нашем городе особой любовью пользовался Спартак – предводитель восстания рабов римский гладиатор (в его честь была названа улица и спортивный волейбольный клуб, созданный в середине 1960-х гг. и носивший это название до 2009 г.) – прим. Н. В. Елизаровой.
11. ГИАОО. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 94. Л. 198.
12. ГИАОО. Ф. Р–270. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.
13. ГИАОО. Ф. Р–27. Оп. 1. Д. 14. Л. 187об.
14. ГИАОО. Ф. Р–235. Оп. 2. Д. 41. Л. 164.
15. Колесников А. Д. // Вечерний Омск. 1982. 9 сентября.
16. ГИАОО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 245. Л. 310.
17. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4151. Л. 29.
18. ГИАОО. Ф. 437. Оп. 14. Д. 1840. Л. 226.
19. Андреев В. П. Топонимика и идеология в Советской России (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://toponimika.ru/index.php?id=3> (дата обращения 24.08.2017).

А. А. ЕРМАКОВА (Исилькуль)

Архивный сектор Администрации Исилькульского муниципального района

КРАСНОГВАРДЕЕЦ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОМОВ

Аннотация: Данная публикация представляет собой изучение биографии комиссара Андрея Михайловича Ломова. Работа подготовлена в процессе изучения ряда опубликованных источников, архивных документов, выявленных в Историческом архиве Омской области, фотографий из фондов Исилькульского краеведческого музея.

Ключевые слова: революция, Красная Гвардия, Гражданская война, Ломов, Исилькуль.

A. A. ERMAKOVA (Isilkul)

Archival sector of the Administration of Isilkul Municipal District

Annotation: This publication represents studying of the biography of the commissioner Andrey Mikhaylovich Lomov. Work is prepared in the course of studying of the published sources, Internet sources; the archival materials revealed in Historical archive of the Omsk region; photos from funds of Isilkulsky museum of local lore.

Keywords: revolution, Red Guard, Civil war, Lomov, Isilkul.

2017-й – год столетия революционных событий 1917 г. Век отделяет нас от событий, расколовших страну на части, но по сей день интерес к этому трагическому периоду испытывают не только историки. И хотя дискуссии о событиях тех лет не прекращаются, исследователи сходятся в одном: революция имела всемирно-историческое значение и оказала влияние на судьбы всех народов мира.

В настоящее время люди стали интересоваться судьбами своих предков, искать документальную информацию в архивах, обращаются в редакции газет, используя все возможные источники для розыска достоверных сведений о своих семьях. Так, в редакцию исилькульской газеты «Знамя» обратился потомок красногвардейца Андрея Михайловича Ломова, житель Москвы Дмитрий Ломов с просьбой оказать помощь в розыске сведений о семье Ломовых. Пользуясь Интернет-источниками, он сумел многое выяснить о том, как коснулась Гражданская война Сибири в целом и Исилькульского района, в частности. Вот что он написал в письме в редакцию газеты «Знамя»: «...Ищу различную информацию о своих предках. Брат моего прадеда – Андрей Михайлович Ломов. К прадеду много лет назад приезжали пионеры из Сибири. А сестры Андрея Михайловича осели в Подмоскovie, где и поныне живут их потомки...». Интересуясь судьбой расстрелянного белогвардейцами исилькульского комиссара Андрея Ломова, Дмитрий неоднократно находил в различных источниках,

научных статьях по истории Гражданской войны в Сибири ссылки на районную газету «Знамя», где в 1960-1980-е гг. несколько раз публиковались материалы об А. М. Ломове и о событиях, в которых он принимал участие. По просьбе заявителя сотрудники редакции отправили ему сканированные тексты статей из хранящихся в редакционном архиве подшивок. Параллельно исилькульские архивисты провели поисковую работу об истории семьи Ломовых. Вся выявленная информация, представленная ниже, была направлена для ведения дальнейших поисков потомку Дмитрию Ломову.

Так, в Историческом архиве Омской области в фонде Р-1958 «Исилькульская районная комиссия по делам бывших партизан и красногвардейцев» обнаружено обращение сестер, школьных учительниц Анны и Клавдии Ломовых в Омский городской совет с просьбой восстановления законных прав матери красногвардейца Ефимии Ивановны Ломовой (от 7 июня 1932 г.). В письме читаем: «В 1918 году 8-го июня брат наш Андрей Михайлович Ломов красный фронтовик, вернувшийся с фронта в Исиль-Куль Омского округа, был расстрелян белой бандой Колчака, как подпольный работник, как организатор 1-го Совдепа в Исилькуле и члена Исилькульского Совдепа. Вся семья наша, происходящая из крестьян деревни Алеменева Шацкого района Московской области подвергалась репрессиям, ежедневным обыскам, арестам со стороны белогвардейцев, были арестованы и мы обе сестры и брат наш Иван Михайлович Ломов был арестован несколько раз вместе с отцом Михаилом Ивановичем Ломовым, который, не выдержав издевательств со стороны колчаковщины и расстрелял сына (нашего брата А. М. Ломова), вскоре умер. Потом вся семья наша принуждена ... скрываться вовремя колчаковщины.... положения с приходом Красной армии и отступления колчаковщины. После расстрела брата, у которого осталось двое сирот – сын Геннадий Андреевич Ломов, в настоящее время 18 лет, комсомолец и дочь Валентина Андреевна Ломова, пионерка, жена его Анна Ивановна Ломова. Остальные члены семьи: мать Ефимия Ивановна Ломова – 69 лет; брат Иван Михайлович Ломов – 38 лет, сестры – Прасковья Михайловна Ломова – 40 лет... и мы – Анна М. Ломова – 3... лет и Клавдия Михайловна Ломова 28 лет. В день 14-й годовщины (8-го июня) памяти моего брата Андрея Михайловича Ломова пролившего кровь за трудящийся народ, стойко боровшегося за создание социалистического строительства просим принять его память и заслуги как красного партизана, обеспечить мать его Ефимию Ивановну Ломову и всех членов семьи, указанных в настоящем заявлении правами, которыми пользуются партизаны и их семьи» [1].

В документах того же фонда есть и заявление матери погибшего красного фронтовика Ефимии Ивановны Ломовой, адресованное 4 июля 1932 г. в Исилькульский райисполком: «1918 г. 8-го июня сын мой Андрей Михайлович Ломов, красный фронтовик, вернувшийся с фронта в Исилькуль, был расстрелян белой бандой Колчака, как подпольный работник, как организатор 1-го Исилькульского Совдепа и члена Исиль-Кульского совдепа. Вся семья наша подвергалась разным репрессиям со стороны белогвардейцев. В частности, были арестованы другой сын мой Иван Мих. Ломов и дочь Анна Мих. Ломова несколько раз, а муж мой М. И. Ломов не выдержал смерти сына и вскоре умер. В

день 14-й годовщины (8-го июня) памяти моего сына Андрея Ломова погибшего за сов.власть прошу принять его память и заслуги со стороны сов.власти и обеспечить меня правами которыми пользуются семьи красных партизан и погибших кр-цев. Документы прилагаются [2].

На западной окраине Исилькуля есть скромный обелиск с пятиконечной звездой. Надпись на обелиске свидетельствует: «7 июня 1918 года белочехами был расстрелян комиссар Исилькульского Совдепа красногвардеец А. М. Ломов». В канун 50-летия революции комсомольцами березовской средней школы № 2 был установлен обелиск на могиле комиссара.

Согласно имеющимся отрывочным сведениям, предки Ломова проживали на Тамбовщине еще в начале XIX в. в селе Нижнее Чуево на Тамбовщине. Андрей Михайлович Ломов родился в многодетной крестьянской семье, в Тамбовской губернии (ныне Шацкий район Рязанской области). Земли не хватало, и зимой отец вместе с другими мужиками подавался на отхожий промысел – выделывать овчины. С ранних лет пришлось познать нелегкий крестьянский труд и Андрею. Он рос живым, любознательным мальчиком, страстно тянулся к знаниям. Окончив начальную школу, упорно занимался самообразованием, сумел сдать экстерном за полный курс гимназии [3].

Семья очень нуждалась, и в начале века Ломовы подались за лучшей долей в Сибирь. Так и осели под Исилькулем, в поселке Березовке. Отсюда ушел кожевник Андрей Ломов в 1915 г. по мобилизации в царскую армию. Служил в одном из сибирских полков в Новониколаевске. Грамотный, рассудительный солдат быстро заслужил уважение среди товарищей по полку [4].

Весть об Октябрьском перевороте Андрей Михайлович встретил в Исилькуле, куда вернулся осенью 1917 г. после самороспуска полка. В водовороте событий он сразу нашел свое место. На митингах и собраниях его видят среди небольшой группы станционных большевиков. На состоявшихся вскоре выборах Ломова избирают в состав первого Исилькульского Совета, где ему доверяется ответственный пост комиссара финансов. Нелегкая ноша легла на плечи А. М. Ломова. В условиях разрухи, голода и невероятной девальвации нужно было обеспечивать работу железнодорожной станции, мелких предприятий, выкраивать из скудного бюджета средства на одежду и обувь детям бедняков, на открытие начальной школы в Березовке [5].

Членов Исилькульского Совдепа предали. 5 июня 1918 г. были арестованы большевики: А. М. Ломов, С. Я. Субач, Р. В. Иванов, М. Л. Захаров. Все были посажены в смертный вагон, но люди эти были тверды духом, не могли они отречься от того, во что свято верили. А. М. Ломову чудом удалось бросить из окна смертного вагона записку, написанную на клочке бумаги от тетрадного листа. Записка попала в руки его родственников.

Поздней ночью, ближе к рассвету, арестованных вытолкали из смертного вагона, и повели в сторону Булаево по тропе между питомником и железной дорогой. Они еле передвигали ноги от голода и побоев. Сопровождали арестантов конные каратели, подгоняя их штыками и злобными криками. Их было четверо, среди них был и Ломов. Весть о расстреле быстро распространилась по Исилькулю. Родственники убитых просили власти разрешить взять тела для по-

гребения. Разрешено было взять тела Мерзлякова и Шишкина, а тело Ломова осталось лежать непреданное земле. Среди народа стал расти гнев и недовольство. Боясь осложнений, власти разрешили родным Ломова похоронить тело, но не на кладбище, а близ места расстрела.

В Исилькуле в память об А. М. Ломове в 1968 г. был установлен обелиск. Это произошло, в том числе, усилиями учащихся средней школы № 2. Они встретились с женой комиссара Екатериной Ивановной и очевидцем расстрела Михаилом Илларионовичем Пономарёвым. Встреча эта произошла на месте расстрела [6]. Кстати, упомянутые выше сестры комиссара Ломова в 1918 г. были первыми учителями трехлетней начальной школы в Исилькуле [7].

У комиссара Ломова был сын Геннадий (1914–1944 гг.), уроженец Исилькуля [8]. Он с 1936 г. служил в РККА; в годы Великой Отечественной войны командир стрелкового взвода 113 стрелкового полка, гвардии лейтенант Ломов был убит в бою 9 августа 1944 г. [9].

Как уже неоднократно говорилось, Гражданская война являет массу примеров трагических судеб наших соотечественников. Однако в наши дни ощущаем «антибольшевистский перекося», когда среди историков и общественности мы видим преобладание интереса по отношению к участникам белого движения (и даже выражение некоего сочувствия). В тоже время необходимо помнить об объективности восприятия, не забывая всех участников того масштабного социального конфликта; судьба исилькульского комиссара Ломова – яркое тому напоминание.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. Р–1958. Оп. 1. Д. 17. Л. 13, 13об.
2. Там же. Л. 6, 6об.
3. За власть Советов! : крат. биограф. очерки об участниках рев. событий в Омском Прииртышье (1917 – июнь 1918 гг.) / Парт. арх. Омского обкома КПСС и др. ; [редкол.: Н. В. Журавлев и др.; отв. за вып. А. Д. Колесников, О. Н. Громов]. Омск, 1987. С. 80.
4. Там же. С. 81.
5. Там же.
6. Петрищев И. Имя твое не забыто, комиссар // Знамя (Исилькуль). 1967. № 41.
7. МБОУ СОШ № 2 г. Исилькуля // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://ou2.isil.obr55.ru/index_sv_16_iSTORIY_SHKOLA.html (дата обращения 22.08.2017).
8. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 1090. Т. 1. Л. 176об.–177.
9. Объединённый банк данных «Мемориал». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74210318> (дата обращения 22.08.2017).

Д. Р. ЗАЙНУТДИНОВ (Казань)

Институт социальных и гуманитарных знаний

**СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В ВОЗЗРЕНИЯХ
ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОЛОГОДСКОГО**

Аннотация: Данная работа представляет собой исследование деятельности по реформированию судебной системы выдающимся адвокатом и государственным деятелем Петром Васильевичем Вологодским в период Гражданской войны в 1918-1919 гг. Отдельное внимание уделено воззрениям П. В. Вологодского на роль судебной ветви власти в антибольшевистской государственности в Сибири.

Ключевые слова: П. В. Вологодский, правовые воззрения, судебная система, реформы, Временное Сибирское правительство.

D. R. ZAYNUTDINOV (Kazan)

Institute of Social Sciences and Humanities

**JUDICIAL SYSTEM
IN THE VIEWS OF PETER VASILYEVICH VOLOGODSKY**

Annotation: This paper is a study of the reform of the judiciary by the eminent lawyer and statesman Pyotr Vasilyevich Vologodsky during the Civil War in 1918-1919. A special attention is paid to the views of P. V. Vologodsky for the role of the judicial branch of power in the anti-Bolshevik statehood in Siberia.

Keywords: P.V. Vologodsky, legal views, judicial system, reforms, the Provisional Siberian Government.

Петр Васильевич Вологодский родился в селе Комарово Канского уезда Енисейской губернии (ныне Красноярский край). В 1884 г. окончил Томскую мужскую гимназию, далее учился на юридическом факультете Петербургского университета, откуда был исключен в 1887 г. и выслан в Томск в административном порядке. В Томске принимал участие в создании отделения партии эсеров [1]. В 1892 г. он все-таки сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Харьковского университета, став дипломированным специалистом в области юриспруденции.

Однако прежде чем получить диплом юриста, П. В. Вологодский уже получил огромный опыт юридической практики. Так, находясь в Томске после исключения из Петербургского университета П. В. Вологодский устраивается помощником Столоначальника Томского губернского суда; в 1890 г. – становится заведующим делопроизводством Председателя Томского губернского суда. Описывая профессиональную деятельность П.В. Вологодского в период 1887-1917 гг., Е.А. Казакова отмечает следующее: «В 1897 г. он вступил в со-

словие присяжных поверенных и следующие 20 лет жил в Томске, занимаясь адвокатской практикой. Уже известное в юридических кругах имя, обширные связи позволили ему быстро обзавестись клиентурой во всей Западной Сибири Вологодский участвовал в громких судебных процессах, в т.ч. по политическим делам... Неоднократно избирался председателем Совета присяжных поверенных, состоял членом Юридического общества при Томском университете, являлся одним из инициаторов открытия Юридической Консультации при Томском окружном суде» [2].

Вся профессиональная деятельность П. В. Вологодского прошла через судебные учреждения, что сформировало в нем твердые правовые установки в отношении курса реформирования судебной системы и судебного права. В марте 1917 г. он становится одним из трех членов губернского комиссариата по управлению Томской губернии, созданного после отстранения от дел губернатора, далее, в апреле-мае – председателем Томского губернского народного собрания [3]. Таким образом, революционный период 1917 г. вручил П. В. Вологодскому рычаги государственного механизма для реализации судебных реформ в Сибири. Тем не менее, последовавшая Гражданская война прервала эволюционный процесс демократизации страны в целом, и Сибири, в частности.

В самой начальной фазе развития антибольшевистского движения в Сибири П. В. Вологодский записал в свой дневник (25 мая – 7 июня 1918 г.): «Я предпочел бы остаться на посту Старшего председателя Судебной Палаты. Я так люблю судебное дело и вовсе не чувствую потребности в бурной политической деятельности» [4]. Данная фраза, пожалуй, лучше всего характеризует профессиональные и идейные воззрения П. В. Вологодского. Однако «демократические убеждения не позволили ему остаться в стороне от борьбы с большевиками» [5]. В летний период (май-июнь 1918 г.) становления антибольшевистской государственности в Сибири он направил свою деятельность именно на восстановление дореволюционной судебной системы, нормализации процесса отправления правосудия и продолжение реформ. Судебное право и судебная система для него представлялись первейшими элементами государства, без которых невозможно нормальное функционирование всего общественно-политического механизма. По сути, в период Гражданской войны П. В. Вологодский стремился олицетворить теорию разделения властей в сибирской государственности.

Особо выделим, что после освобождения Сибири от советской власти П.В. Вологодский, в отличие от многих демократических деятелей того периода, первейшим поставил вопрос о восстановлении деятельности судебных учреждений округа Омской Судебной Палаты, [6] а не представительных органов. В его воззрениях гарантом прав и свобод граждан выступала не законодательная ветвь власти, как это принято считать в романо-германской правовой системе, а судебная. Это обстоятельство приближает его правовые убеждения к правоведам англосаксонской правовой модели. На данный факт, несомненно, повлияла его профессиональная деятельность. Так, Е. А. Крестьянников в процессе исследования высоко оценивает профессиональные ка-

чества П. В. Вологодского [7]. Также справедливо отмечает Е. А. Казакова, что «выбор профессии юриста стал прямым следствием воззрений Вологодского, которого с гимназической скамьи отличало желание защищать права и интересы отдельной личности» [8].

Позиция приоритета прав личности над правами общества, в воззрениях П. В. Вологодского также свидетельствует о склонности к англосаксонской модели правопонимания, в которой всегда были сильны начала индивидуальных прав и свобод. Его правосознание было построено по формуле, согласно которой коллективизм должен уступить место индивидуализму. Именно поэтому, выступая в качестве защитника в громких политических процессах, П. В. Вологодскому, по словам Г. К. Гинса, «всегда удавалось смягчить настроение судей, и ни одному из его подзащитных не был вынесен смертный приговор» [9]. Поэтому, отчасти, можно согласиться с Г. З. Иоффе, который в результате исследования отмечал склонность П. В. Вологодского к морализированию, а не к активным политическим действиям [10]. Наличие индивидуализма, в правовых воззрениях П. В. Вологодского, делало его в некотором роде обособленным субъектом, как в партии эсеров, так и в работе правительства. Но, в то же время, нельзя не согласиться с Е. А. Казаковой, что он олицетворял «сплачивающий тип» политического лидера [11].

Возглавляя Совет министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский стремился укрепить его высококвалифицированными кадрами судейского корпуса, [12] прекрасно ориентирующихся в коллизионном массиве нормативно-правовых актов дореволюционного и послереволюционного периода. Так, в соответствии с Указом Временного Сибирского правительства от 1 июля 1918 г. в товарищи министра юстиции (Г.Б. Патушинский) был назначен Председатель Барнаульского окружного суда А. П. Морозов, а помощником управляющего делами Совета министров (Г. К. Гинс) назначен член Омской судебной палаты И. В. Карнеев-Гребаров, с оставлением в должности члена Омской судебной палаты [13].

Данные кадровые назначения были направлены на концентрацию во Временном Сибирском правительстве исходных начал всех ветвей власти. Тем самым это олицетворяло, с одной стороны, единство государственной власти (построение единой правовой политики, выполнение общих и единых задач, согласованность действий, непринятие взаимоисключающих решений), с другой, признание ее делимости (законодательная – Сибирская областная дума, которая делегировала полномочия Временному Сибирскому правительству; исполнительная – Совет министров; судебная – Сибирский Высший суд). Представители судейского корпуса, охватывая в своей деятельности все слои населения, были знакомы с их правовыми интересами, что должно было приблизить сибирскую государственную власть к народу. Также, присущую судейскому составу энергию, требовалось направить в деятельность Временного Сибирского правительства. Не малую роль играла и задача по отрыву Временного Сибирского правительства от политического противостояния с иными политическими группами, прежде всего левыми (наиболее радикальные представители право-социалистического лагеря) и правыми (монархическо-консервативными тече-

ниями), тем самым сделать из него арбитра для общественно-политических сил, а не конкурента. Более того, наличие в высшем органе исполнительно-законодательной власти, каковым и являлось Временное Сибирское правительство, представителей судейского корпуса должно было способствовать принятию максимально эффективных законопроектов, не требующих существенных доработок в процессе его реализации.

6 июля 1918 г. Временным Сибирским правительством было принято Постановление Совета министров «О восстановлении судебных учреждений», которое пунктом 2 устанавливало, что «впредь до издания новых законов, касающихся судебной части в Сибири, все судебные учреждения и установления, действовавшие до упразднения их советской властью, возобновляют свою деятельность» [14]. Данный нормативно-правовой акт в период существования автономной Сибири установил курс дальнейшего развития судебной системы, согласно которому судебные учреждения должны были руководствоваться судебными уставами 1864 г. (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) и прочими законами, принятыми Временным правительством 1917 г., а также теми изменениями, которые были бы внесены Временным Сибирским правительством или Сибирской областной думой [15].

В дальнейшем, под руководством П. В. Вологодского, происходило постепенное оформление региональной судебной системы. Данную динамику можно проследить в целом ряде нормативно-правовых актов начиная от Постановления Временного Сибирского правительства от 18 июля 1918 г., расширившим округ Омской судебной палаты, [16] до Постановления от 7 сентября 1918 г., учредившим создание Сибирского Высшего суда, как высшую судебную инстанцию в регионе [17].

Уже в дореволюционный период П. В. Вологодский выступал последовательным приверженцем судебной реформы Александра II, что отчетливо видно в его первой историко-правовой работе [18]. Именно в ней он раскрывал причины, по которым откладывалась реализация в Сибири судебной реформы 1864 г., а также, в целом, показывал ее неоконченный характер и дальнейшие перспективы развития. Судебные преобразования в Сибири были проведены в 1897 г., то есть в итоговой фазе судебной реформы 1864 г. начатой еще при Александре II, поэтому они в наибольшей степени отражают результаты этих двух разновекторных тенденций. В Сибирь судебная реформа пришла в варианте, наиболее адаптированном не столько к местным условиям, сколько к нуждам и реалиям российского самодержавия [19]. «После реформы 1897 г. вскрылись недостатки в ее устройстве, обнажались пороки в организации судопроизводства» [20]. Эти недостатки были отчетливо видны П. В. Вологодскому, что во многом обусловило его уход в августе 1897 г. в адвокатскую деятельность для изучения обратной стороны судебного процесса.

В период Гражданской войны в 1918 г. П. В. Вологодский в условиях обособления Сибири как раз стремился форсировать длительные этапы судебной реформы 1864 г., то есть в течение короткого времени провести следующие мероприятия: ввести в действие в Сибири дореволюционные нормативно-

правовые акты, посвященные судоустройству; реорганизовать и укрепить низовой уровень судебной системы, расширить компетенцию мировых судов, в соответствии с проектами Временного правительства 1917 г.; создать Сибирский Высший суд.

Отметим: низовому звену судебной системы П. В. Вологодский уделял особое внимание. Так, принятое Временным правительством 4 мая 1917 г. Постановление «О временном устройстве местного суда» включило в состав мирового суда участковых и добавочных мировых судей, тем самым учредив местные суды в двух составах: единоличном и коллегиальном. Также данным постановлением были внесены демократические начала в систему выборов [21]. Во главе с П. В. Вологодским Временное Сибирское правительство в июле 1918 г. возобновило реорганизацию судебной системы низового звена. Реформа была обозначена как «создание суда для деревни», что было весьма важным действием при устранении царившего в деревне полного «бессудья» [22].

Как писал Г. К. Гинс: «В одном только округе Омской судебной палаты остаются незамещенными 80 вакансий мировых судей. Престиж крестьянских волостных судов совершенно утрачен» [23]. Здесь же нельзя не отметить дилемму, вставшую перед П. В. Вологодским, – либо повышать качество судебного корпуса, включая в него высококвалифицированных профессионалов, опытных юристов-практиков и адвокатов (что соответствует англосаксонской принципу формирования судебных учреждений), но при этом, в условиях социального кризиса, испытывать серьезный «кадровый голод»; либо расширять систему судебных учреждений за счет пониженных требований к кандидатам, что грозило к снижению качества отправления правосудия. К сожалению, данная дилемма П. В. Вологодским так и не была решена. Перегиб в ту или иную сторону грозил возникновением существенных проблем для государственной и местной власти. Следствием стало принятие позиции «непредрешения», характерной для всех антибольшевистских государственных деятелей.

Судебные реформы, проводимые Временным Сибирским правительством, преследовали цель создания автономной системы судебных учреждений: начиная с самого низового звена и заканчивая высшей инстанцией, что было крайне важно в условиях территориальной раздробленности российского государства. Здесь необходимо вновь коснуться англосаксонской правовой системы, которая «представляет собой совокупность ряда самостоятельных правовых систем, норм и институтов, а также государственных органов и учреждений» [24], – Англия и Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия. При этом в правовой системе Соединенного Королевства особо сильно выделяется правовая обособленность Шотландии. Таким образом, сделать из Сибири в правовом поле самодостаточный регион, являлось целью сибирских областников, которую поддерживал и П. В. Вологодский. Правовые реформы должны были вывести на новый уровень не только судебную систему Сибири, но и российскую. Также П. В. Вологодского можно назвать, если не сторонником англосаксонской правовой системы в антибольшевизме, то очень близким к ее идеям и некоторым элементам. Именно поэтому в воззрениях и деятельности П. В. Вологодского прослеживается идея, согласно которой судебные учреждения в России

должны были стать действительно самостоятельной и независимой ветвью власти, а это, в свою очередь, не только в полной мере соответствовало учению о разделении власти, но и способствовало перестроению страны к новой модели правовой системы. Более того, правопонимание П. В. Вологодского было близко к правопониманию английских юристов [25].

Подытоживая отметим, что П. В. Вологодский был не только высококвалифицированным специалистом в области судебного процесса и права, но и талантливым государственным деятелем и реформатором. Как показывает история, П. В. Вологодский и возглавляемое им Временное Сибирское правительство смогли восстановить разрушенную большевиками судебную систему в Сибири и придать дальнейшую динамику судебным реформам. В период с ноября 1918 г. по ноябрь 1919 г., когда он являлся председателем Совета министров Российского правительства, ему удалось организовать плодотворную, хотя и не без просчетов, работу данного органа высшей исполнительной власти [26].

П. В. Вологодский прошел свой жизненный путь от простого помощника столоначальника Томского губернского суда до председателя Совета министров Российского правительства (1918–1919 гг.) – высшего исполнительного органа белой России. «Решение Вологодского вступить в состав правительства оказалось “жизненным выбором”, который не только повлиял на дальнейший ход жизни, но и представлял сложную психологическую проблему» [27]. Справедливо отмечал Г. К. Гинс, что «в тот величайший момент своей жизни, когда судьба поставила его на первое место во всей Сибири, П. В. Вологодский был, однако, уже не во цвете сил не тем человеком, которого знала Сибирь до революции» [28]. Однако он принял на себя бремя власти. В период кризиса Российского правительства П. В. Вологодский смело принял на себя всю ответственность и подал в отставку 22 ноября 1919 г. После краха Российского правительства, зимой 1919-1920 гг. П. В. Вологодский эмигрировал в Китай. Умер П. В. Вологодский в больнице Красного Креста для бедных 19 ноября 1925 г.

Библиографический список

1. Революция и Гражданская война в России: 1917-1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. Т. 1. Глав. ред. С. А. Кондратов. М.: ТЕРРА, 2008. С. 315.
2. Казакова Е.А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность: 1863-1920 гг. : автореф. дисс.... канд. ист. наук : 07.00.02. Томск: Том. гос. ун-т, 2008. С. 21.
3. Революция и Гражданская война в России: 1917-1923 гг.: Энциклопедия. В 4 т. Т. 1. С. 315.
4. Дневник Петра Васильевича Вологодского // Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2005. С. 50.
5. Казакова Е. А. П.В. Вологодский ... С. 23.
6. Дневник Петра Васильевича Вологодского... С. 51, 60.
7. Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе

профессиональной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 116.

8. Казакова Е.А. П.В. Вологодский... С. 21.

9. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 75.

10. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. С. 68-69.

11. Казакова Е.А. П.В. Вологодский... С. 23.

12. Зайнутдинов Д.Р. Судебное право и становление судебной системы в антибольшевистской России (1918–1920 годы) // Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретические и отраслевые аспекты. Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С. 60-61.

13. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 109.

14. Там же. С. 128.

15. Там же.

16. Там же. С. 174.

17. Там же. С. 334-340.

18. Вологодский П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 1–13.

19. Малышева Е. В. Судебная реформа 1897 г. в Сибири: подготовка и реализация : по материалам Тобольской губернии : автореф. дисс.... канд. ист. наук : 07.00.02. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2008. С. 3.

20. Крестьянников Е. А. Судебная власть в Западной Сибири : 1823-1917 гг. : автореф. дисс.... доктора ист. наук : 07.00.02. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т., 2013. С. 33.

21. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 539.

22. Гинс Г.К. Указ. соч. С. 194.

23. Там же.

24. Романов А. К. Право и правовая система Великобритании : учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012. С. 57.

25. Там же. С. 22.

26. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. С. 459.

27. Казакова Е. А. П. В. Вологодский... С. 23.

28. Гинс Г. К. Указ. соч. С. 76.

ИЕРОМОНАХ ИОВ (И. А. ЧЕРНЫШЕВ) (Москва, Череповец)
Череповецкий государственный университет

**ПРОСВЕТИТЕЛЬ АЛТАЯ МИТРОПОЛИТ МАКАРИЙ (НЕВСКИЙ)
О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Аннотация: В данной публикации приводится анализ причин, характера и последствий русской революции 1917 г. в наследии митрополита Макария (Парвицкого-Невского), известного миссионера Алтая. Представлены взгляды владыки Макария на деятельность Государственной думы Российской империи и его позиция как монархиста.

Ключевые слова: революция, Государственная дума, Русская Православная Церковь, митрополит Макарий (Невский)

HIEROMONK JOB (I. A. CHERNYSHEV) (Moscow, Cherepovets)
Cherepovets state university

**EDUCATOR OF THE ALTAI METROPOLITAN MACARIUS (NEVSKY) ON
THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE RUSSIAN REVOLUTION**

Annotation: This publication provides an analysis of the causes, nature and consequences of the Russian revolution of 1917 in the legacy of Metropolitan Macarius (Nevsky), the famous missionary of Altai. Presents the views of Archbishop Makarios on the activities of the State Duma of the Russian Empire and its position as a monarchist.

Keywords: revolution, State Duma, Russian Orthodox Church, Metropolitan Macarius (Nevsky)

Революционные события, произошедшие в начале XX столетия в нашем Отечестве, являются, безусловно, результатом долгих процессов, развивавшихся в Российской империи. О причинах и последствиях русской революции рассуждали многие политические и общественные деятели и историки. В данной работе анализируется мнение известного миссионера Сибирской земли, просветителя Алтая митрополита Макария (Парвицкого-Невского) (1835-1926 гг.) о причинах революционного движения в современном ему обществе и об опасностях крушения монархии.

Митрополит Макарий, в миру Михаил Андреевич Парвицкий, родился 1 октября 1835 г. в семье причетника во Владимирской губернии [1]. В 1843 г. семья переехала в Сибирь, Михаил поступил в Тобольское духовное училище, а после – в Тобольскую духовную семинарию, по окончании которой он трудился в Алтайской духовной миссии. В 1861 г. состоялся его монашеский постриг, а затем – хиротонии во иеродиакона и иеромонаха [2]. В 1884 г. состоялась его епископская хиротония во епископа Бийского, викария Томской епархии.

В 1891 г. владыка становится епископом Томским, а в 1912 г. был назначен на митрополичью кафедру Москвы [3].

По своим взглядам владыка, отдавший служению в Сибири почти 70 лет своей жизни, был убежденным монархистом. Именно с этих позиций он анализировал происходящие в обществе процессы и указывал на жизненную необходимость сохранения монархии для России.

У митрополита Макария существовало два подхода к осмыслению самодержавия: религиозный и исторический. Согласно первому, монархия являлась священным установлением, данным государству от Бога, а император осмысливался как проводник Божественной власти в сферу человеческой жизни. В таком случае революция, по мысли владыки Макария, является нарушением Божественного и человеческого порядка: «Попытка низвергнуть власть была бы безумною попыткой вступить в борьбу с неизменным законом бытия. Противление власти есть противление Богу. Власть есть противница зла и поборница добра. Стремление к уничтожению власти есть желание воцарить зло и поработить злу добро» [4].

Причиной революционного бунта и захвата власти митрополит называл честолюбие, а механизм революции излагал следующим образом: «с одной стороны, предоставляется действовать закону свободы, Богом же установленному, с другой – через злого начальника наказуются злые подчиненные его, а добрым предоставляется случай для подвига терпения, смирения и преуспеяния в нравственном совершенстве» [5].

С другой стороны, существование монархии владыка оправдывал историческим путем развития России. Он писал: «для России наилучший вид власти есть испокон-вековое единодержавие и самодержавие, живущие нераздельно с Православием. Этот вид власти осчастливил Россию, возвеличил ее» [6]. В этом рассмотрении причиной революции становится ослабление власти: «не будь власти, не будет порядка; не будь порядка, произойдет смятение, расстройство везде: в государственной, в общественной и семейной жизни. Произойдут ссоры, брани, разделения, грабежи и убийства, захват чужой собственности, и не будет ниоткуда защиты. Откажись законная власть от своих прав, на ее место станет власть незаконная» [7].

Владыка Макарий сформировал и ряд критериев, предъявляемых к стабильной власти: она «должна обладать силою для защиты страны от внешних врагов и для соблюдения внутреннего порядка. Она должна творить суд и милость. Таким образом, власть должна быть сильною, мудрою, справедливою и милостивою» [8].

Среди укоров, которые высказывал митрополит Макарий современному ему обществу, – слабое народное почитание монархии. Пример тому – отсутствие народа в храмах на богослужении в так называемы царские дни, то есть памятные дни российских монархов. Владыка Макарий говорил по этому поводу: «В настоящем случае благо, которого лишаются нарушающие закон о молитве за царя, есть плод этой молитвы – тихое и безмятежное житие. Кто не молится за царя, тот нарушает не один царский, но и Божий закон» [9].

Ни монархия сама по себе, ни другие формы правления не могут автоматически доставить благо народу, т.к. «благо народов зависит не столько от того или другого образа правления, сколько от воспитания народа в повиновении власти и от развития в нем уважения к закону» [10]. Поэтому любая революционная деятельность а priori приводит к ослаблению внутреннего мира народа, как следствие, и к слабости новой власти. Таким образом, можно предположить, что теоретические митрополит Макарий не исключал смены формы правления в России, но только эволюционным, а не революционным путем. Впрочем, исторической необходимости перехода от монархии к иной власти владыка Макарий в начале XX столетия не видел. Для него сама постановка вопроса о необходимости глубоких перемен в государственной, общественной и церковной жизни, воплощения в жизнь идей новых, неконсервативных мировоззрений ставила под угрозу уклад и стабильность жизни всех подданных Российской империи. Вот что говорил владыка о предлагаемых альтернативах организации русского общества: «Социалист думает, что если переобразовать мир по его учению, если отобрать у богатых их имущество и разделить всем поровну, то все будут довольны и счастливы. Анархист думает, что счастье сойдет на землю тогда, когда не будет власти на земле... Напрасные мечты – осчастливить мир ломкою старого и введением нового порядка! Ведь не оттого люди страдают, что существующие порядки таковы, а не иные; а оттого, что у людей расстроены порядки внутренней их жизни» [11].

Поэтому единственный путь, согласно митрополиту Вениамину, гармоничного преодоления внутренних и внешних трудностей – это сплочение русского народа вокруг императора, максимальное воплощение в жизнь идеи самодержавия, православия и народности.

Отдельное внимание владыка Макарий уделял анализу задач деятельности Государственной думы Российской империи, которая должна была быть народным представительством для помощи самодержцу в управлении государством. «Мы не утверждаем, – говорил митрополит Макарий, – что Царь, обладая неограниченной властью, не нуждается в помощи самого народа для правомерного управления страной. Для Царя нужно представительство от народа, которое излагало бы пред ним свои нужды и вместе с Царем обдумывало бы, как помочь народной скорби» [12].

Государственная дума не мыслилась как аналог европейских парламентов. Митрополит подчеркивал, что она должна не ослаблять власть монарха, а служить ему вспомогательным инструментом в принятии решений на благо народа. Исторический аналог идеальной Государственной думы – это Земский собор Руси, работа которого осуществлялась в ключе христианской традиционной государственности.

Реалии оказались далекими от теоретических представлений. В 1907 г. митрополит Макарий писал о I и II созывах Думы: «народное представительство не дало стране успокоения. А если мы и теперь оглянемся на истекший год, то так же увидим, что оно все еще возбуждает опасения за способность его

в настоящем составе водворить в стране мир и порядок. Некоторые члены этого представительства как бы написали на своем знамени: дальше от мира и порядка» [13]. «Не нужно и такого, каким заявила себя первая Дума наша, просуществовавшая не долго, но наделавшая вреда много» [14].

Владыка оказывал моральную поддержку кандидатам от монархических партий при выборах в Государственную думу, полагая, что только они будут способными к конструктивной работе на благо своего народа. В частности, он замечал: «Мнимые народники обещают водворить в стране мир, а поселяют в ней волнения, лишивши народ той спокойной жизни, которой он прежде пользовался. Они обещают водворение порядка, а водворяют нестроение, поставляя для богоучрежденной власти препятствия к отправлению ею своих обязанностей, обеспечивающих порядок. Они привели страну в такое состояние, что ей грозит опасность от безначалия, когда ни в селе, ни в городе не будет возможности поставить начальника» [15].

Итак, основные последствия революции, которые могут угрожать русскому обществу в воззрениях митрополита Вениамина, – это дестабилизация социальной жизни, крах сильной власти и возникновение безвластия, нарушения общественного порядка и потеря традиционного христианского уклада русского народа.

Жизненный путь этого церковного иерарха доказал обоснованность его опасений. В 1917 г., в результате Февральской революции, он был насильственным путем отстранен от кафедры Москвы. Находясь на покое в Николо-Угрешском монастыре, владыка на себе ощутил преследования атеистической власти, утвердившейся в ходе Октябрьской революции [16]. Даже последние дни жизни владыки, «больного, 90-летнего, прикованного к постели старца, в буквальном смысле этого слова» [17], согласно сообщению окружавших его близких, были омрачены не только суровостью жизни, но и необходимостью переселяться в ближайшее село из закрывающегося в виду агентурной разработки НКВД РСФСР монастыря.

Для апостола Алтая ход революционных событий оказался нарушением единения, в результате которого в общество наступили острые разделения и распри, причем даже в сфере церковной жизни. И это было как раз то разделение, которое владыка предвидел за несколько лет до революции: «Страна наша мятется; все основы ее колеблются. Православию веры, самодержавию Царя и русской народности грозит опасность от того разлада, который охватил страну нашу и стал разъедать религиозную, общественную и государственную жизнь нашего отечества. Разлад производит разделение; от разделения – ослабление, а ослабление приводит к разрушению» [18].

Настоящий год столетия революционных событий позволяет не только по-новому взглянуть на рассуждения владыки Макария, но и определить основной ориентир созидания государственности в нашей стране – сильная власть, ориентированная на традиционный уклад России и христианское мировоззрение.

Библиографический список

1. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи в период с 1893 по 1965 г. (включительно). Erlangen. 1979-1989. С. 223.
2. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. М., 1994. С. 872.
3. Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М., 1994. С. 194.
4. Макарий, еп. Слово в день коронования Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, 14 мая 1902 года // Слова, речи и беседы. Вып. 3. Томск, 1904. С. 14.
5. Там же. С. 10.
6. Там же. С. 14.
7. Там же. С. 10-11.
8. Там же. С. 13.
9. Макарий, еп. Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича 22 октября 1901 года // Слова, речи и беседы. Вып. 3. Томск, 1904. С. 2.
10. Макарий, еп. Слово в день коронования Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича... С. 12.
11. Макарий, митр. Архипастырская беседа о хранении заветов старины // Голос Церкви. 1913. Август-сентябрь. С. 23.
12. Макарий, архиеп. Архипастырская речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского Народного Общества «За Веру, Царя и Отечество» // Полное собрание проповеднических трудов (слов, бесед, поучений, посланий, воззваний и наставлений) Преосвященного Макария, Архиепископа Томского и Алтайского, за все время его служения в архиерейском сане (1884-1910 гг.). Томск, 1910. С. 944.
13. Цит. по: Церковь и демократия. К. П. Победоносцев. Митрополит Макарий (Невский). Протоиерей Иоанн (Восторгов). Архиепископ Никон (Рождественский). Патриарх Тихон. Послание Поместного Собора (1917-1918). Неуслышанные голоса / Сост. священник Я. Шипов. М., 1996. С. 48.
14. Макарий, архиеп. Речь, произнесенная на торжественном открытии в г. Томске Русского Народного Общества «За Веру, Царя и Отечество»... С. 945.
15. Макарий, архиеп. Архипастырский призыв. Опомнимся! Покаемся! // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1908. № 9. С. 408.
16. Иов (Чернышев), иерод. Святитель Макарий (Невский-Парвицкий) / История Угреши. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М., 2010. С. 152-175.
17. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг. М.- Новосибирск, 1997. С. 439.
18. Макарий, архиеп. Архипастырский призыв. Опомнимся! Покаемся!.. С. 407.

О. В. ИЩЕНКО (Сургут)

Сургутский государственный университет

**ШТРИХИ К ФОРМИРОВАНИЮ БИОГРАФИИ ГЕРОЯ
РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ Г. А. УСИЕВИЧА**

Аннотация: В статье на материалах Исторического архива Омской области рассматриваются отдельные аспекты формирования биографии героя революции и Гражданской войны Григория Александровича Усиевича. Сделан вывод о различном характере написанных в разные исторические периоды вариантов биографии героя, что было связано с идеологическими запросами эпохи.

Ключевые слова: биография, революция, Гражданская война, Омск, Г. А. Усиевич, формирование образа

O.V. ISHCENKO (Surgut)

Surgut state university

**THE FINISHING TOUCHES TO THE FORMATION OF
THE BIOGRAPHY OF THE HERO OF THE REVOLUTION AND CIVIL
WAR G. A. USIEVICH**

Annotation: The article considers some aspects of the biography of the hero of the revolution and the Civil war Grigory Usievich. The basis for the writing of the article is the materials of the Historical archive of the Omsk region. The author makes a conclusion about the different character written in different historical periods variants of the biography of the hero, which was associated with the ideological demands of the era.

Keywords: biography, revolution, Civil war, Usievich, Omsk, the formation of the image

Изменения, произошедшие со страной и в стране в последние десятилетия, существенно повлияли на проблематику российских исторических исследований. Отказ от коммунистической идеологии и необходимости обоснования закономерности прихода к власти большевиков привел к очевидному падению интереса общества и исследователей прошлого к изучению истории революционного движения. Многие видные деятели революции и Гражданской войны оказались попросту забыты, а имена людей, участвовавших в установлении Советской власти в регионах, ранее знакомые каждому школьнику, ныне известны лишь историкам и краеведам. Многие наши сограждане не могут объяснить названия улиц в местах их проживания, не понимают кому установлены памятники и ничего не знают о тех драматических событиях, которые разворачива-

лись в разных уголках страны в годы революционных потрясений. Столетний юбилей революции 1917 г. заметно изменил ситуацию, заставив общество вновь вспомнить о необходимости изучения судьбоносного периода в истории России, обращаясь при этом как к объективно происходившим процессам, так и к участвовавшим в них субъектам.

В этой связи, на наш взгляд, большой интерес представляет собой изучение биографий героев революции и Гражданской войны, писавшихся как образец для подражания последующим поколениям, и представлявшим собой некий обобщенный идеальный образ борца за правое дело. Именно такой предстает перед исследователем биография Григория Александровича Усиевича, известного в дореволюционный период под партийной кличкой Тинский. Современные энциклопедические издания включают в себя краткие сведения об этом, некогда известном, герое революционных событий в центре страны и Сибири: родился в 1890 г. в Черниговской губернии, учился в тамбовской гимназии, где создал молодёжный марксистский кружок. В 1907 г. поступил в Петербургский университет на юридический факультет и в том же году вступил в РСДРП. С 1908 года – член Петербургского комитета РСДРП. В 1909 г. был арестован и заключен в тюрьму. В 1911 г. был сослан в Енисейскую губернию. В 1914 г. бежал из ссылки, после чего находился в эмиграции. Возвратился в Россию вместе с В. И. Лениным в 1917 г. С апреля 1917 г. – член Московского комитета РСДРП(б). В октябре 1917 г. – один из руководителей вооруженного восстания в Москве. В марте 1918 г. был направлен в Западную Сибирь для организации снабжения Москвы хлебом. С мая 1918 г. вошёл в состав Военно-революционного штаба в Омске, а с июня 1918 г. возглавил Революционный штаб в Тюмени. Погиб в бою 3 августа 1918 г., под деревней Горки Ирбитского уезда Пермской губернии [1].

Указанная биография содержит набор основных вех жизни революционера, но не дает возможности представить его как человека, как личность, отдавшую свою жизнь во имя торжества идеи. Заметно разнообразить данный образ могут материалы фонда Истпарта, хранящиеся ныне в Историческом архиве Омской области. Особый интерес представляет собой документ, озаглавленный «Автобиография и описание Германовым Л. жизни и революционной деятельности Усиевич Григория Александровича», представляющий собой вариант опубликованных в журнале «Пролетарская революция» (1922, № 6) материалов к биографии Усиевича Моисея Ильича Фрумкина, скрывшегося под псевдонимом «Л. Германов».

М. И. Фрумкин, знавший Г. Усиевича с детства, описывает его как человека, который с малых лет обладал набором положительных качеств, выделявших его среди сверстников. Так, например, согласно воспоминаниям Фрумкина, уже в возрасте 8,5 лет в период обучения в подготовительном классе Тамбовской гимназии Гриша читал много газет и внимательно следил за англо-бурской войной: «Он серьезно следил за всеми перипетиями, был ею захвачен и всею душою сочувствовал бурам. Поражало серьезное, далеко не детское отношение к этой борьбе... Нередко он прибегал ко мне и с волнением спрашивал: «Ведь не может быть, ... чтобы буры не погнали англичан, правда ведь на

их стороне?» [2] Отмечены биографом были способности и личные качества будущего героя революции: «Гриша отличался живостью, страстью к книжке, пренебрежительным отношением к урокам, которые при его способностях ему легко давались. Вся его фигура дышала нервной подвижностью, печатью болезненности и особым любовным отношением к людям. В классе, как и в дальнейшей своей жизни, он был любимцем окружавших его товарищей» [3].

Официальная биография Г. Усиевича не содержала указания на причины его оставления гимназии при успешной учебе и дальнейшей сдаче экзаменов за гимназический курс экстерном, тогда как текст М. Фрумкина вносит ясность в этот вопрос: «Во время пребывания в 4 классе у него начались эпилептические припадки. В начале 1905 г. он вышел по болезни из 5 класса реального училища». Однако освободившееся время было использовано Григорием для активной работы в Тамбовской организации РСДРП в качестве пропагандиста, главным образом, среди молодежи [4].

Поступив в 1907 г. в Петербургский университет на юридический факультет, Г. Усиевич, по мнению его биографа, «первый год пребывания в университете ... использовал для работы в студенческих марксистских кружках в качестве пропагандиста... Осенью 1908 г. ... он попадает в П.К. РСДРП (большевиков) и целиком отдается партийной работе». Особое внимание автор уделяет поразившей его «основательной научной подготовке» молодого большевика, который и в дальнейшем, находясь в тюрьме, постоянно работал над собой – изучил языки и «научно возмужал» [5].

В 1911 г. Г. Усиевич был сослан в Сибирь, где в 1912 г. оказался в селе Тинском Канского уезда. Именно названием места проживания объясняет М. Фрумкин и происхождение партийного псевдонима Усиевича – Тинский. И в описании ссылного периода в жизни героя вновь особо подчеркиваются выдающиеся личные качества революционера: «Вокруг Гриши была атмосфера всеобщей любви. В Тинах все крестьяне знали Григория Александровича и относились к нему с особым уважением. Никакие дразги и склоки в колонии не касались Гриши. Безукоризненная нравственная чистота, любовное отношение к людям, постоянная готовность прийти на помощь товарищу, постоянное серьезное занятие научной работой создали непререкаемый авторитет не только в социал-демократической среде, но и среди эсеров, с которыми он вел непрерывные дискуссии» [6]. Обращает внимание биограф и на неустанный интеллектуальный рост Г. Усиевича, его стремление к занятиям наукой: «В ссылке он был в числе немногих, серьезно отдававшихся научной работе. Главное внимание уделял развитию нашей промышленности и аграрному вопросу. В Канске часто устраивались доклады на экономические и политические темы. Гриша был одним из лучших докладчиков и оппонентов... При всем его научном беспристрастии он всегда докладывал с подъемом, мертвые цифры оживали и рисовали неизбежность грядущей победы пролетариата» [7].

Именно увлеченность наукой стала, по мнению автора биографии, основной причиной бегства Усиевича из Сибири: «Для нас было ясно, что у Гриши все задатки, чтобы занять место крупной научной силы в нашем марксистском

мире. Мы стали уговаривать его бросить ссылку, перебраться за границу в более благоприятные условия для научной работы» [8].

В середине июня 1914 г. Усиевич выехал за границу. Около года он находился в австрийском плену. Благодаря ходатайству В. Адлера ему удалось выбраться из плена и поселиться в Швейцарии вблизи В.И. Ленина. М. Фрумкин признается, что об этом периоде жизни Усиевича он знает мало, поэтому пишет: «Помню только его горячее чувство благодарности Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне за внимательное и теплое отношение» [9].

Новая встреча Фрумкина и Усиевича состоялась в апреле 1918 г. в Омске, куда Г. Усиевич приехал на продовольственный съезд Западной Сибири как представитель Москвы. Произшедшая в Григории перемена поразила автора: «Гришу я не видал почти 4 года. Какая резкая разница! Женственно-мягкий ребенок в практической жизни, скромный, как девушка, предстал предо мною совершенно преобразенным. В нем уже окреп боец, закаленный на баррикадах в Москве, беспощадный к врагам, настойчивый в проведении возложенной на него миссии. Как человек, пользующийся именем, он проводил по несколько собраний в день, принимая близкое участие в работе продовольственного съезда. На съезде он выступил с горячей речью о союзе пролетарской Москвы с крестьянской Сибирью, продолжая потом принимать близкое участие в практическом разрешении продовольственных вопросов. Поразил меня Гришенька, человек не от мира сего, обретенной им революционной способностью ориентироваться во всех практических вопросах и находить удовлетворительные пути к их разрешению» [10].

В дальнейшем, в период начавшейся Гражданской войны, обретенные Г. Усиевичем новые качества пламенного борца определили его активную деятельность в качестве члена военно-революционного штаба: «На него была возложена организация новых отрядов. Не зная ни минуты отдыха, он носился с собрания на собрание, выделяя новых бойцов, вдохновляя колеблющихся, спланивая ряды, отличавшиеся слабой дисциплинированностью» [11]. Истовый революционер Г. Усиевич как тяжелый удар воспринял необходимость отступления из Омска и отказался поехать в более безопасный район: «Он с небольшой командой отправился на возможный ближайший фронт к Тюмени. Там царило полное разложение в рабочих массах. Представители Советской власти и партийной организации бестактностями подорвали всякое к себе доверие. Большевики и эсеры раздували это недоверие. Дошло до того, что рабочие потребовали выбора революционного штаба на широком собрании беспартийных. Григорий Усиевич был назначен председателем революционного штаба немедленно по приезде, 13 июня. Через два-три дня ему удалось завоевать полное доверие рабочих» [12]. И в этом случае, по мнению М. Фрумкина, свою роль сыграли выдающиеся личные качества истинного большевика Г. Усиевича: «Своей особенностью – полным бесстрашием, которым, как мне передавали, он отличался в Москве, – ему удалось сплотить ряды, ввести дисциплину и вызвать героизм. Массы почувствовали, что во главе их стоит настоящий революционер, душой и телом преданный пролетарскому делу» [13]. Однако имен-

но это бесстрашие, по словам биографа, и привело героя к гибели под Камышловым в июле 1918 г.

Так, написанные М. И. Фрумкиным воспоминания об основных вехах жизни Григория Александровича Усиевича создают вполне типичный образ героя революции и Гражданской войны, обладавшего выдающимися личными качествами, высокой образованностью, бесстрашием, готовностью отдать жизнь за торжество революционной идеи и во имя блага народа. Вполне понятно, что в описании лично знавшего Усиевича Фрумкина герой предстает живым человеком, стандартный портрет при этом наполняется новыми красками, усиливающими эмоциональное воздействие на читателя. Казалось бы, отмеченные автором мемуаров подробности должны были войти и в официальные биографии героя, но арест М. И. Фрумкина в 1937 г. и его последующий расстрел надолго вывели эти документы из сферы внимания общества.

При этом нельзя сказать, что имя Усиевича забыли, но в дальнейшем обычно материалы о революционерах публиковались к наступающим памятным датам. Новое обращение к биографии Усиевича произошло, например, в 1975 г., о чем говорит сохранившаяся в фондах Исторического архива Омской области статья к 85-летию со дня его рождения. Помимо набора стандартных вех в жизни героя, через содержание текста красной нитью проходит показ именно его революционной деятельности. Но даже в этом, написанном через много лет после смерти Усиевича, тексте сделана попытка его индивидуализации: «В 1907 г. в жандармском отделении появилось «Дело» Гриши Усиевича, но едва ли жандармы знали обо всей революционной работе, которую он вел. Им трудно было представить в сероглазом, хрупком 17-летнем юноше стойкого революционера, одного из руководителей тамбовского подполья» [14]. Но автор, лично не знавший Усиевича, не смог внести свежие черты в его жизнеописание, поэтому даже занятия наукой в период пребывания на юридическом факультете университета рассматриваются лишь через призму служения революции: «Профессора предсказывали ему блестящую научную будущность, но он оставил занятия и целиком отдался революционной деятельности» [15].

Зато основное внимание в статье уделено стремлению Усиевича познакомиться с В. И. Лениным и тем изменениям, которые произошли под влиянием этого знакомства: «Общение с Лениным оказало исключительное влияние на духовное развитие Усиевича. Оно помогло ему правильно разбираться в развитии революционных событий и наиболее верно усвоить новые положения, которые выдвигал Ленин. Он учился у Ленина целеустремленности, страстности, принципиальности, умению целиком отдавать себя борьбе. Он впитывал в себя ленинские черты – скромность и внимательность к людям. О нем говорили, как о человеке ленинских мыслей и дел» [16].

В. И. Ленин, по мнению автора, «внимательно следил за развитием взглядов Усиевича, помогал ему, привлекал к разработке важнейших вопросов, давал поручения. В Усиевиче он видел представителя молодых, свежих сил партии». В свою очередь, и сам Усиевич «чувствовал со стороны Владимира Ильича и Надежды Константиновны дружеское расположение к себе, участие в своей неустроенной жизни, заботу и поддержку» [17]. Складывается впечат-

ление, что именно лидеру пролетарской революции В. И. Ленину, в первую очередь, посвящена статья, написанная в 1975 г. к юбилею Г. А. Усиевича. Впрочем, превращение образов героев революции и Гражданской войны в некие застывшие идеологические конструкции было вполне характерно для указанного периода.

Библиографический список

1. Усиевич Григорий Александрович // Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 03.09.2017).
2. ГИАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
3. Там же. Л. 2.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Л. 3.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. Л. 4.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. Л. 5.
14. ГИАОО. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 738. Л. 27.
15. Там же.
16. Там же. Л. 28-29.
17. Там же.

Т. В. КАИНДИНА (Омск)
Исторический архив Омской области

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. В ОМСКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация: В данной работе показаны воспоминания свидетелей и непосредственных участников событий 1917 г. в Омске как один из источников для их изучения и получения, совместно с другими источниками, более целостного представления об этом периоде.

Ключевые слова: революция, митинги, Омск, большевики, меньшевики, эсеры, мемуары.

T.V. KAINDINA (Omsk)
Historical archive of the Omsk region

THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN OMSK IN MEMOIRIES OF CONTEMPORARIES

Annotation: In this paper, memories of witnesses and direct participants of the events of 1917 in Omsk are shown as one of the sources for their study and obtaining, together with other sources, a more holistic view of this period.

Keywords: revolution, rallies, Omsk, Bolsheviks, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, memories.

Одним из источников, по которым мы можем представить прошлое, являются воспоминания людей, живших в то время. При этом необходимо помнить, что как бы ни старались их авторы быть объективными при описании тех или иных событий, воспоминания всегда носят субъективный характер. Как писала З. Л. Венцкович-Лигети: «... каждый человек стоял на каком-то месте, с которого и видел события. Естественно, что каждый видел часть целого, может подать часть этой самой правды. Любое количество людей – до конца правдивых, до конца честных, - рассказывая об одном деле, в котором они принимали живейшее участие, все же расскажут далеко не одно и то же. Все говорят чистейшую правду, а рассказы – разные... Говоря о далеком прошлом, люди рассказывают с позиции сегодняшнего дня, сегодняшнего понимания былых дел [1]. Но, несмотря на специфичность данного вида источников, воспоминания дают живое представление об эпохе, ее атмосфере, в сочетании с другими документами, они по фактам и мелким деталям помогают воссоздать конкретно-историческую картину прошлого.

Благодаря деятельности Омского Истпарта и партархива по сбору документов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны фондах Исторического архива Омской области имеется довольно много воспоминаний

о деятельности большевиков после октября 1917 г., борьбе с антибольшевистским движением, об освобождении Омска от белогвардейцев. Но воспоминаний о революционных событиях в Омске периода Февральской революции и двоевластия не так много. Среди них можно выделить мемуары, которые находятся в личных фондах ветеранов партии А. Н. Дианова, А. А. Карлова и А. П. Оленича-Гнененко. Эти люди были активными участниками тех событий. В воспоминаниях А. Н. Дианова и А. А. Карлова, которые в 1917 г. были большевиками, в первую очередь рассматривалась деятельность этой партии, которая, несмотря на свою малочисленность в начале года, уже ноябре 1917 г. сумела получить большинство в Омском Совете и в декабре взять власть в свои руки. Что касается А. П. Оленича-Гнененко, то большевиком он стал позже, а в 1917-1918 гг. был лидером омских эсеров. Публикация его воспоминаний «Суровые дни» (в 1958 г. они вышли в журнале «Сибирские огни», в следующем году были опубликованы Новосибирским издательством) вызвала огромное негодование среди омских ветеранов партии, о чем свидетельствует переписка, имеющаяся в их личных фондах. Ему ставилось в вину, что он принизил роль большевиков в установлении советской власти в Омске, отдав ведущую роль меньшевикам и эсерам [2]. Но даже после всех нападок и заявления, что он перепишет свои воспоминания в соответствии со всеми замечаниями, он утверждал, что меньшевики-интернационалисты и эсеры, несмотря на то, что «в относительно мирные периоды нападали на большевиков с истерической интеллигентской критикой, но в моменты острой угрозы со стороны контрреволюции честно выступали против нее вместе с большевиками» [3].

Записки М. А. Столповского отличаются от воспоминаний ветеранов партии. Написанные, очевидно, по просьбе его друга, известного омского краеведа А. Ф. Палашенкова (в воспоминаниях он не раз обращается к нему, и хранятся они в личном фонде А. Ф. Палашенкова) они большей частью были посвящены дореволюционному Омску и деятельности городской управы, где Столповский служил. Революционным событиям 1917 г. были посвящены записи в последней тетради (всего их три). Будучи беспартийным, он не принимал непосредственного участия в революционной борьбе, а вспоминал только то, что ему было интересно, и с чем сталкивался непосредственно сам.

По официальным источникам информация о событиях в Петрограде в Омск поступила 1 марта. «Вестник Омской железной дороги» подробно писал об этом: «Уже с 12 часов дня 1-го марта по городу распространились слухи о важных событиях, происходящих в Петрограде. Слухи эти подтвердились телеграммой нового временного правительства, полученной редакцией «Омского вестника» в 7 ч. вечера... В 9 ч. утра в редакцию поступили дополнительные депеши о событиях в Петрограде. Эти телеграммы вместе с той, которая была получена накануне, были напечатаны во 2-м выпуске, который был отпечатан в 1 ч. дня» [4]. А. А. Карлов пишет, что весть о падении самодержавия была получена 28 февраля 1917 г. железнодорожным телеграфом как лучшей в то время связью между Омском и Петроградом [5]. В других воспоминаниях, в том числе у Столповского, дата появления первых сведений о петроградских событиях не указывалась. Скорей всего, первые известия пришли в Омск действительно

28 февраля, так как именно в этот день с разрешения Родзянко депутатом Думы А. А. Бубликовым как комиссаром Временного комитета Госдумы было разослано обращение к железнодорожникам, в котором говорилось, что Комитет Госдумы взял в свои руки «оборудование новой власти». Как только были получены известия о событиях в Петрограде и Москве, начальник омского гарнизона генерал Гнидо издал приказ об усиленном патрулировании по городу и установке пулеметов на единственном мосту через Омку, чтобы не допустить объединения солдатских масс в разных частях города с рабочими-железнодорожниками. Но, как известно, в Омске переворот прошел без кровопролития. Дианов писал, что было несколько случаев расправы с офицерами, от которых солдатам не было житья; Столповский тоже упоминал об одном из таких случаев, когда солдаты на Любинском проспекте чуть не убили полковника, который, как оказалось, за несколько дней до переворота наказал шомполами нескольких солдат. Но это были единичные случаи, в целом же, как говорилось выше, смена власти произошла мирно.

О том, с каким ликованием встретили омичи известие о падении самодержавия, писал Столповский: «Первые три дня с утра до вечера к городской управе подходили военные части, рабочие, служащие засвидетельствовать преданность новому правительству. Зрелище было величественное: музыка, пение революционных песен, радостные лица, крики «Ура!» [6]. Совсем по-другому описывает проходившие митинги А. А. Карлов: «На этих митингах, где в то время преобладала серая солдатская масса с мелкобуржуазным уклоном, чувствовалось эсеровское преобладание, подслащенное меньшевистской болтовней. Демагогия кадета Жардецкого, поддержанная эсером Дербером и другими, связанная с травлей большевиков как изменников Родины, шпионов, продавшихся германскому империализму, кайзеру, находила благодатную почву и укрепляла позиции меньшевиков и эсеров на этих собраниях. Большевики на этих собраниях, надо сказать откровенно, из-за своей слабости не выступали, они шли в рабочую гущу, где их рабочий язык был более понятен и быстрее пускал корни» [7].

Важным событием в жизни города стал арест высших чиновников старой власти. «Вестник Омской железной дороги» писал: «В двенадцатом часу ночи Совет рабочих депутатов вынес свое решение: арестовать представителей старой преступной власти и заменить ее представителями первой демократической власти. Приведение в исполнение этого постановления Совет поручил своему Исполнительному комитету. Исполнительный комитет в полном своем составе перешел в помещение городской управы, где и заседал совместно с Коалиционным комитетом. На этом заседании были намечены лица, подлежащие аресту, и выработан план этих арестов... Ранним утром 4 марта были проведены аресты» [8]. В этом же номере в заметке об аресте начальника края указывалось время – 5 часов утра и говорилось, что арест проводился двумя ротами солдат 20-го Сибирского стрелкового полка [9]. Но по имеющимся воспоминаниям аресты были проведены глубокой ночью. Об этом писал А. Н. Дианов, принимавший непосредственное участие в аресте Сухомлинова: «По решению Совета группа солдат в 7 человек (авт. – не 2 роты, как писал «Вестник») в ночь

на 4 марта подошла к дворцу генерал-губернатора. Охрану дворца в эту ночь осуществлял наряд от 20-го стр. полка, который был почти целиком революционно настроен. Начальнику караула мы сказали цель своего прихода. Караульный начальник нас пропустил без препятствий, а внутри стоящая охрана, увидев рабочих с красными повязками и офицера, пропустила и даже указала спальню Сухомлинова. Поднявшись на второй этаж, Немчинов постучал в спальню губернатора. Приоткрывшему дверь в ночном белье старику-губернатору мы объявили об аресте. – Сейчас оденусь... Ждем. Проходит 10 минут. Выходит из спальни одетый генерал. Берем его в кольцо и сопровождаем в здание управы. Вскоре туда привели начальника гарнизона генерала Гниду (о нем солдаты говорили: «По шерсти собаке и кличка дана»). Привели начальника жандармов полковника Козловского (авт. – Дианов ошибся, начальником Омского жандармского управления тогда был Н. Н. Козлов). Привели военного прокурора округа. Привели председателя окружного военного суда. Утром увели всю компанию в тюрьму и рассадили по разным камерам» [10].

М. А. Столповский также писал о ночном аресте Сухомлинова, но уже со слов Немчинова, с кем он встретился утром 4 марта в управе: «Мы поздравили его с блестящим успехом и попросили его рассказать, как он арестовал Сухомлинова. Немчинов охотно рассказал. Немчинов в глухую полночь вывел свою роту на улицу, где костел. Отсюда он повел наступление на дворец по всем правилам военного искусства (перебежка ползком, укрытие в снегу) (авт. – Столповский писал, что у генерал-губернаторского дворца были выставлены пулеметы, да и охрана его считалась надежной). К дворцу подошли незаметно, быстро обезоружили двух часовых у входа во дворец и так внезапно напали на караульное помещение, что никто из охраны не успел взяться за оружие. Обезоружив караул, Немчинов с двумя или тремя солдатами осторожно направился к спальне Сухомлинова. У спальни стоял казак. Разоружив казака, Немчинов вошел в спальню... Сухомлинов спросил, что будут с ним делать? Он очень был расстроен, дрожал, не мог одеться, ему помогли одеться. Около трех часов ночи Немчинов привел его в управу. Операция эта продолжалась часа три. Днем его и жандарма-полковника из управы куда-то перевели» [11].

Утром, придя на работу в управу, Столповский видел арестованных Сухомлинова, сидевшего под охраной в кабинете зам. городского головы Н. М. Галкина, и Козлова, сидевшего в комнате отдела народного образования, у дверей которой также стоял часовой. «Публика подходила к дверям, останавливалась, нахально рассматривала, смеялась и отпускала по их адресу какие-нибудь колкие словечки» [12].

Буйная фантазия об описании ареста Сухомлинова разыгралась у Оленича-Гнененко, который сам в данном событии не принимал участия. Он писал, что последнего генерал-губернатора и наказного атамана ранним мартовским утром 1917 г. арестовали омские рабочие и отправили под конвоем в Петроград вместе с найденными у него при обыске порнографическими фотографиями и склянками патентованного лекарства от дурной болезни [13].

Работа новых органов (Совет и Исполком, Коалиционный комитет гордумы) периода двоевластия рассматривалась как «говорильня»: большинство

заседаний были дискуссиями о том, кто должен быть у власти, произносились длительные, многочасовые речи. До осени 1917 г. омские большевики не имели большинства в Совете. Как отмечал А. А. Карлов, в Февральскую революцию партийная организация Омска (авт. – речь о большевиках) была малочисленна – он даже упрекал Омское издательство в том, что оно допускает грубые неточности в сторону ее увеличения [14].

Вообще, официально в 1917 г. в Омске существовала объединенная парторганизация РСДРП, окончательный раскол и создание Омской организации РСДРП(б) произошло только в октябре 1917 г. К этому времени популярность большевиков в народе значительно выросла, но в Совете, который возглавлял меньшевик-интернационалист К. А. Попов, они еще по-прежнему не имели большинства. Поэтому не совсем понятно утверждение А. А. Карлова, что в период между Советами типа Керенского и большевистскими (авт. – период двоевластия) большевики Омска вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией. Речь шла о подавлении восстания 2-й Омской школы прапорщиков (как его еще называют, юнкерского восстания). О нем подробно написано и у Дианова, и у Карлова – оба они принимали в его подавлении непосредственное участие. Оленич-Гнененко, рассказывая о восстании, писал о ревкоме, который руководил его подавлением. В состав ревкома входили не только большевики, но и меньшевики-интернационалисты К. А. Попов и Богданов, и сам он как представитель левых эсеров-интернационалистов. Естественно, что этот рассказ вызвал негативную реакцию, так как согласно господствующей в советское время точке зрения и меньшевики, и эсеры были уже врагами советской власти. Хотя тот же Карлов писал, что для подавления восстания 2-й Омской школы прапорщиков был организован революционный комитет во главе с К. А. Поповым [15].

Вообще же, надо отдать дань А. П. Оленичу-Гнененко, который, несмотря на обвинения в свой адрес, защищал К. А. Попова – председателя первого Омского совдепа, стоявшего в 1917 г. на позиции меньшевиков-интернационалистов. Так, в ответ на совместное обвинительное письмо А. Н. Дианова, Н. А. Козика, И. Г. Залепина и М. И. Дьякова он писал: «Что касается отдельных личностей, которые в тот период членами большевистской партии не были, но боролись в самые острые моменты вместе с большевиками за революцию против контрреволюции, речь идет, прежде всего, о Константине Андреевиче Попове, то я не имею права искажать исторической действительности и умалчивать о том, что К. А. Попов в дни подавления мятежа юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков был одновременно председателем Омского Совета рабочих и солдатских депутатов и Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии, куда входили большевики, и действовал вместе с большевиками. В связи с тем, что имя К. А. Попова, необъективно и несправедливо, по существу ставится в один ряд с контрреволюционером – лидером кадетов Жардецким, я считаю своим долгом решительно возражать против такой огульности по отношению к Попову» [16].

18-20 ноября 1917 г. состоялись выборы в новый Совет, в результате которых за большевиков проголосовала подавляющая часть избирателей,

30 ноября Совет произвел выборы исполкома, а 12 декабря на заседании узкого актива большевиков под председательством В. М. Косарева, был избран президиум исполкома. Так, 12 декабря 1917 г. сформировалась исполнительная власть. Этот день, как писал А. А. Карлов, и надо считать официальным днем утверждения советской власти в Омске.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. П–568. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
2. ГИАОО. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.
3. Там же.
4. Вестник Омской железной дороги (Омск). 1917. 18 марта. С. 93.
5. ГИАОО. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
6. Там же. Ф. Р–2200. Оп. 1. Д. 1883. Л. 52.
7. Там же. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
8. Вестник Омской железной дороги (Омск). 1917. 18 марта. С. 93.
9. Там же. С. 94.
10. Там же. Ф. П–598. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
11. Там же. Ф. Р–2200. Оп. 1. Д. 1883. Л. 54.
12. Там же.
13. Там же. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
14. Там же. Ф. П–633. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
15. Там же. Д. 19. Л. 17.
16. Там же. Ф. П–626. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 19.

В. В. КАМИНСКИЙ (Ашдод, Израиль)
независимый исследователь

Д. И. ПЕТИН (Омск)
Исторический архив Омской области,
Омский государственный технический университет

**ГЕНЕРАЛ–ЛЕЙТЕНАНТ Л. П. ТИМАШЕВ (1864–1932):
СТРАНИЦЫ СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование по практической генеалогии, посвящённое изучению жизненного пути кадрового офицера Русской императорской армии, участника Первой мировой и Гражданской войн, впоследствии служившего в Красной армии и оставшегося в Советской России. Работа написана на основе справочно-информационных источников общего доступа и отдельных неопубликованных документов, выявленных авторами.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, казачество, генералитет, офицерство, РККА, генеалогия.

V. V. KAMINSKIY (Ashdod, Israel)
independent researcher

D. I. PETIN (Omsk)
Historical archive Omsk region,
Omsk state technical university

**GENERAL–LEITENANT L. P. TIMASHEV (1864–1932):
PAGES OF OFFICIAL BIOGRAPHY**

Annotation: This publication is a study on practical genealogy, devoted to the study of the career path of a career officer of the Russian Imperial Army, a participant in the First World War and the Civil War, who later served in the Red Army and remained in Soviet Russia. The work is written on the basis of reference information sources of general access and certain unpublished documents, identified by the authors.

Keywords: First World War, Civil War, The Cossacks, the officers, generals, Red Army, genealogy.

Генералитет и офицерский состав антибольшевистских сил востока России и его дальнейшая судьба уже неоднократно привлекали внимание современных исследователей. Но отдельным блоком в историографии этого вопроса стала профессиональная деятельность и жизнь тех генералов и офицеров, како-

вые накануне или уже в период Гражданской войны перешел служить в ряды Красной армии, и чья жизнь впоследствии была связана с Советской Россией. На сегодняшний день мы можем привести ряд примеров солидных биографических публикаций [1, 2, 3, 4, 5] и справочных изданий (хотя последние «грешат» практически полным отсутствием научно-справочного аппарата) [6, 7]. Большая часть из них была подготовлена в междисциплинарном видении на стыке военной истории, источниковедения и практической генеалогии. Тем не менее, невзирая на очевидные успехи историографии, ряд персоналий оказываются пока еще без должного внимания исследователей. Таким примером является генерал Л. П. Тимашев, чья судьба выбрана нами для освещения в нашей работе. Леонид Петрович Тимашев родился 10 мая 1864 г. [8]. Происходил он из оренбургских казаков, причисленных к войсковому сословию станицы Сакмарской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Отец нашего героя был служилым дворянином в чине коллежского асессора [9].

Юный Леонид получил начальное образование в стенах Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 24 августа 1882 г. по окончании названного учебного заведения он поступил на военную службу, став юнкером 3-го Александровского военного училища, которое наш герой окончил в 1884 г. (по 1-му разряду). По окончании училища Леонид Тимашев был выпущен в комплект Оренбургских казачьих полков. Службу проходил в 4-м и 1-м Оренбургских казачьих полках (в последнем – в 1891 – 1896 гг.). Молодой офицер, как тому и полагалось, рос в чинах: хорунжий (ст. 14 августа 1884 г.), сотник (ст. 7 декабря 1885 г.), подъесаул (ст. 17 ноября 1891 г.).

В 1896 г. в карьере Л. П. Тимашева произошло важное событие: он окончил 2 класса самого престижного военно-учебного заведения Российской империи – Академии Генерального штаба (по 1-му разряду). После этого он был переведен в 6-й Оренбургский казачий полк, где в течение 1 года и 8 месяцев командовал сотней (то есть проходил так называемый «ротный ценз»). В период с 18 февраля 1899 г. по 1903 г. наш герой служил в Оренбургском казачьем юнкерском училище в должности младшего офицера (всего 4 года и 10 месяцев). 1 июля 1902 г. Л. П. Тимашев был произведен в есаулы. В период с 10 декабря 1903 г. по 1906 г. герой настоящей статьи исправлял дела старшего адъютанта войскового штаба Оренбургского казачьего войска, а с 7 февраля по 7 августа 1906 г. являлся временно исправляющим дела начальника штаба Оренбургского казачьего войска. Затем есаул Тимашев был переведен из родного Оренбуржья в Гатчину, где с 31 августа 1906 г. командовал 2-й Оренбургской казачьей сотней Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка [10].

Этот перевод обусловил переименование Л. П. Тимашева 29 ноября 1906 г. в подъесаулы гвардии, а 6 декабря 1906 г. – в есаулы гвардии. 28 ноября 1911 г. Леонид Петрович был произведен в полковники (за отличие). С этого момента и до 29 июля 1912 г. полковник Тимашев командовал Оренбургским казачьим дивизионом в Гельсингфорсе [11]. В рамках вышеуказанной служебной карьеры нашего героя удалось выявить дополнительный факт: в 1908-1910 гг. Леонид Петрович был членом ревизионной комиссии в офицерском экономическом обществе [12].

С 29 июля 1912 г. Леонид Петрович стал командиром 1-го Оренбургского казачьего полка. Пребывая в данной должности, наш герой вступил в Первую мировую войну. Но уже с 25 июля 1915 г. Л. П. Тимашев командовал 2-й бригадой, входившей в состав 10-й кавалерийской дивизии. Высочайшим приказом от 3 февраля 1915 г. он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за бой 8 августа 1914 г. у села Ярославиче, в котором наш герой лично повел полк в атаку и выбил австрийцев из двух деревень, захватив 2 пулемета. Аналогичным приказом от 25 августа 1916 г. Л. П. Тимашев был награжден Георгиевским оружием за бой 6 июня 1916 г. на реке Серет, где с двумя кавалерийскими полками и артиллерийской батареей вышел по горной дороге во фланг австрийцев и выбил их из двух населенных пунктов, захватив более сотни пленных [13, 14].

2 января 1915 г. наш герой получил производство в генерал-майоры за боевые отличия: в результате конной атаки 17 августа 1914 г. у местечка Янчен были захвачены пленные и орудийная австрийская мортирная батарея из четырех орудий [15]. Но по другим данным (представленным без какой-либо ссылки на источник), в генерал-майоры Л. П. Тимашев был произведен 30 декабря 1914 г. – за боевые отличия [16].

24 марта 1917 г. генерал-майор Тимашев получил должность командующего 2-й Оренбургской казачьей дивизией [17]. Это назначение стало последним в службе нашего героя в рядах «старой» армии. За службу в «добольшевистской» армии Л. П. Тимашев получил следующие награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1898 г.), Св. Анны 3-й ст. (1903), Св. Станислава 2-й ст. (1906 г.); Св. Анны 2-й ст. (1909 г.), Св. Владимира 4-й ст. (1912 г.), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1914 г.), Св. Георгия 4-й ст. (1915 г.), мечи к ордену Св. Станислава 2-й ст. (1916 г.), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1915 г.), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1916 г.), Св. Владимира 2-й ст. с мечами (1917 г.). В 1916 г. наш герой удостоился одной из почетных русских военных наград – Георгиевского оружия. Также Л. П. Тимашев был награжден медалями в память Коронации 1883 г., в память царствования Александра III, за труды по 1-й Всеобщей переписи населения, в память 300-летия Дома Романовых [18].

Чем занимался генерал Тимашев на рубеже 1917-1918 гг. нам установить не удалось. В то же время, известно, что после начала Гражданской войны Леонид Петрович оказался в рядах антибольшевистских вооруженных сил востока России. С 20 июля 1918 г. он получил должность начальника управления военно-учебных заведений Оренбургского военного округа. 15 ноября 1918 г. наш герой был произведен в генерал-лейтенанты. В период с марта по 23 мая 1919 г. Л. П. Тимашев занимал должность главного начальника Оренбургского военного округа, затем возглавлял этапно-хозяйственный отдел штаба Юго-Западной армии белых, являлся помощником атамана Оренбургского казачьего войска и членом Оренбургского хозяйственного правления. После захвата красными Троицка генерал Тимашев в августе 1919 г. отступил (по другим данным – выехал) в Омск с войсками А. В. Колчака [19].

Впоследствии генералу Тимашеву на рубеже 1919-1920 гг. довелось испытать и трудности отступления колчаковской армии в Сибирском «ледяном» походе, в ходе которого под Красноярском наш герой попал в «красный»

плен [20]. Однако вскоре Леонид Петрович был освобожден. Он вернулся в родной Оренбург, где, перейдя в Красную армию, стал служить преподавателем топографии в Оренбургском военном училище [21].

14 мая 1920 г. наш герой был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Стоит оговориться, что аресту и обвинениям за службу в «белой» армии подверглись тогда еще некоторые военспецы РККА, служившие на востоке России (А. В. Беклемишев, Н. Н. Артамонов, А. М. Поспеев) [22, 23]. Однако из-за недостаточности собранных следствием улик 25 октября 1921 г. Омской губернской ЧК дело Л. П. Тимашева в итоге было прекращено, а сам он вышел на свободу [24].

Дальнейшие семь лет жизни бывшего белого генерала были связаны с Омском. Здесь он продолжал преподавать в военных школах, будучи для РККА ценным и опытным специалистом. В частности, с 18 июня 1923 г. Леонид Петрович состоял начальником учебной части 1-ой школы комсостава ЧОН (до ее закрытия) [25]. Из рядов РККА Л. П. Тимашев был демобилизован по старости. Но затем еще некоторое время отставной военспец преподавал в Омской пехотной школе и в водном техникуме. Кроме того, следует отметить, что Леонид Петрович состоял в 1920-е гг. в профсоюзе водников, но, оставался беспартийным [26]. В период с 19 апреля 1924 г. по 29 июня 1925 г. наш герой служил в Омском кредитном товариществе, совмещая обязанности кассира и председателя Совета учреждения; был уволен по сокращению штатов [27].

Известно, что вместе с Л. П. Тимашевым в Омске проживали его супруга Анна Павловна (1869–1928 гг.) и дети – Александр, София, Маргарита, Георгий, Сергей, Павел. Все они в 1920-е гг. были служащими советских учреждений. Между тем, известно, что в годы Гражданской войны в нашей стране двое сыновей Л. П. Тимашева были офицерами и воевали на стороне антибольшевистского движения. Так, Александр Леонидович Тимашев за участие в Первой мировой войне имел боевые награды, а в Гражданскую войну служил в колчаковской армии помощником командира полка в чине ротмистра [28]. А. Л. Тимашев был арестован 2 ноября 1934 г. в Москве по обвинению в контрреволюционной деятельности. По приговору ОСО при НКВД СССР он провел 5 лет в лагере под Воркутой. Вышел на свободу в 1939 г. [29].

Другой сын Л. П. Тимашева, Георгий, весной 1925 г. привлекался к уголовной ответственности, будучи обвинен в получении взятки, но был отпущен за недоказанностью обвинения [30]. В 1926 г. вместе со своим отцом Георгий Тимашев за службу в белой армии был лишён избирательных прав. Однако после представления личных ходатайств и на основании соответствующего постановления Омской городской избирательной комиссией от 16 декабря 1926 г. Л. П. Тимашев и Г. Л. Тимашев были восстановлены в избирательных правах [31]. Младший сын Л. П. Тимашева, Павел, непродолжительное время с июня 1922 г. служил курьером в Карской товарообменной экспедиции [32].

После смерти А. П. Тимашевой в 1928 г. ее супруг Леонид Петрович переехал к сыну Сергею, жившему тогда в Москве. В 1932 г. Леонид Петрович Тимашев ушел из жизни. Его прах был захоронен на Ваганьковском кладбище. Могила Л. П. Тимашева впоследствии была утрачена [33].

Прокуратурой Омской области 18 октября 2000 г. Леонид Петрович Тимашев за арест от 14 мая 1920 г. был посмертно реабилитирован [34].

Библиографический список

1. Каминский В. В. Генерального штаба генерал-майор М. Е. Солнышкин: от храброго терского казака и «мятежника-корниловца» к добросовестному служаке в провинциальных штабах Красной Армии. 1914-1924 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 132-144.
2. Каминский В. В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Стогов – добросовестный военный специалист красной армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 59-70.
3. Каминский В. В., Веремеенко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64-83.
4. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266-299.
5. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал–майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
6. Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003.
7. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
8. Список полковникам по старшинству. Составлен на 1914 г. СПб., 1914. С. 891.
9. Картотека А. А. Лихотворика Тимашев Леонид Петрович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1529> (дата обращения 25.05.2017).
10. Список полковникам по старшинству. Составлен на 1914 г. СПб., 1914. С. 891.
11. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545.
12. ГИАОО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 207. Л. 8.
13. Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. 25 августа. С. 29.
14. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545.
15. Картотека А. А. Лихотворика Тимашев Леонид Петрович; Разведчик (Пгд). 1915. 27 января. № 1264. С. 1.
16. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 544.
17. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545; Картотека А. А. Лихотворика Тимашев Леонид Петрович.
18. Картотека А. А. Лихотворика Тимашев Леонид Петрович.
19. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545. ГИАОО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 207. Л. 8.
20. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545; Картотека А. А. Лихотворика. Тимашев Леонид Петрович.
21. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545.

22. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 283.

23. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал–майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 284.

24. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет... С. 545.; Картотека А. А. Лихотворика. Тимашев Леонид Петрович.

25. РГВА. Ф. 25844. Оп. 1. Д. 17. Л. 139. ГИАОО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 207. Л. 8. Картотека А. А. Лихотворика. Тимашев Леонид Петрович.

26. ГИАОО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 207. Л. 8об.

27. ГИАОО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 207. Л. 1, 5, 12, 14.

28. ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 3. Д. 46. Л. 43–46.

29. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index19.htm>. (дата обращения 25.05.2017).

30. ГИАОО. Ф. Р-1198. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–16.

31. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 5. Л. 8, 18об.; Ф. Р-270. Оп. 2. Д. 16. Л. 4об.

32. ГИАОО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

33. Волков С. В. Офицеры Российской Гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 475. Картотека А. А. Лихотворика. Тимашев Леонид Петрович.

34. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 8. Омск, 2003. С. 84.

Л. Г. КАПУСТИН (Муром)
независимый исследователь

**«ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ И ПАРТИЗАНЫ
ВНЕ ВСЯКОЙ ПОХВАЛЫ»:
КОМАНДИРЫ КАВАЛЕРИЙСКИХ ЧАСТЕЙ АТАМАНА
И. Н. КРАСИЛЬНИКОВА**

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка реконструировать основные вехи биографии трех командиров кавалерийских частей Партизанской бригады атамана И. Н. Красильникова на различных этапах ее существования. Кратко дано представление о том, что собой представляла кавалерия бригады в различные периоды.

Ключевые слова: белая армия, Гражданская война, кавалерия, казаки, Сибирь.

L. G. KAPUSTIN (Murom)
independent resecher

COMMANDERS OF ATAMAN I. N. KRASILNIKOV'S CAVALRY UNITS

Annotation: This paper we attempt to reconstruct the biographies of three major milestones commanding cavalry units Partisan Brigade Ataman I. N. Krasilnikov at various stages of its existence. Briefly been given an idea of what a cavalry brigade in different periods.

Keywords: white army, civil war, cavalry, cossacks, Siberia.

История любого вооруженного формирования, особенно периода Гражданской войны – это, прежде всего, живые люди, которые и делали ту или иную воинскую часть уникальной, составляли ее гордость или позор. Командир – лицо части, он во многом определял ее облик и настроения внутри воинского коллектива. Данный материал – попытка дать базовое представление о том, кто стоял во главе кавалерийских частей партизанского отряда – бригады атамана И. Н. Красильникова на примере людей, руководивших кавалерией на различных этапах ее существования – сотни, дивизиона, полка. Партизанский отряд есаула И. Н. Красильникова начинает складываться на основе подпольной организации, возникшей примерно в январе 1918 г. в Омске [1]. Основой конспиративной ячейки были офицеры-фронтовики [2]. К весне 1918 г. формирование было перенесено в район станиц Новой и Черемуховской Иртышской линии СКВ, недалеко от Омска. Окончательно отряд и, соответственно, кавалерийская часть – Отдельная Конная сотня отряда оформилась в Омске в первой половине июня 1918 г., однако, по сути, процесс формирования в условиях Гражданской войны происходил перманентно.

Насчитывая изначально около 50 сабель, часть приняла активное участие в боях под Нижнеудинском, участвовала во взятии ст. Шебарта в тылу у красных (26 июня 1918 г.); одной из первых вошла в Иркутск (11 июля 1918 г.), воевала на Прибайкальском фронте, дойдя до Читы (26 августа 1918 г.). С окончанием кампании на восточном направлении, 8 сентября 1918 г. по приказу полковника А. Н. Пепеляева Конную сотню отряда есаула И. Н. Красильникова перебросили в Омск [3]. Часть сотни под командованием есаула И. М. Жадовского, состоявшая из кавалерийских офицеров и казаков-добровольцев осталась в Забайкалье и развернулась в конную сотню, вошедшую в состав Особого Манчжурского отряда атамана Г. М. Семенова. В дальнейшем к марту 1919 г. эта сотня (существенно пополненная) в 150 сабель составит основу 1-го Приамурского конного Атамана Семенова полка 1-й Манчжурской Сводной Атамана Семенова дивизии. Оставшаяся часть Конной сотни, где были казаки СКВ, вернулась в Омск к началу октября 1918 г.

Первым командиром кавалерии атамана И. Н. Красильникова стал подъесаул СКВ Семен Михайлович Попов. Он родился 21 января 1896 г. в Омске в семье коллежского асессора СКВ ст. Атаманской. В 1914 г. он окончил Сибирский кадетский корпус и 1 декабря 1914 г. – Николаевское кавалерийское училище, выпущен хорунжим в 7-й Сибирский казачий полк (3-й очереди), входивший в состав 2-й бригады Сибирской казачьей дивизии. В начале декабря полк отбыл в действующую армию на Северо-Западный фронт, где вошел в состав 1-го Сибирского армейского корпуса генерала М. М. Плешкова [4]. В этом полку С. М. Попов и воевал всю Великую войну.

Высочайшим приказом о чинах военных от 6 июля 1916 г. на основании Приказа по Военному Ведомству № 681 (Ст. 1) он был произведен в сотники (старшинство 1 мая 1916 г.), командовал сотней 7-го Сибирского казачьего полка [5]. Приказом Временного Правительства Армии и флоту о чинах военных от 20 сентября 1917 г. Приказом по Военному Ведомству 1915 г. № 681 (Ст. 1) С. М. Попова произвели в подъесаулы (старшинство с 1 мая 1917 г.) [6].

После развала фронта С. М. Попов вернулся на родину, в Омск, где, по всей видимости, вступил в одну из подпольных офицерских организаций, готовивших выступление против утвердившейся советской власти. С началом выступления Чешско-Словацкого корпуса в конце мая 1918 г. и занятия Омска 7 июня 1918 г. подъесаул С. М. Попов встает во главе формирующейся кавалерии Отряда Особого назначения есаула И. Н. Красильникова, насчитывавшей по сути лишь конный взвод. Вероятно, после возвращения в Омск, в октябре 1918 г. С. М. Попов сложил с себя должность командира Конной сотни, оставшись, тем не менее, в составе красильниковских частей.

Незадолго до возвращения подъесаула С. М. Попова в Омск в его жизни произошло радостное событие – 3 сентября 1918 г. в Иркутске он женился на Зое Яковлевне Чердынцевой [7]. В 1919 г. С. М. Попов еще некоторое время продолжал состоять в Отдельной Партизанской имени есаула И. Н. Красильникова бригаде, но числился по СКВ. Приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 12 мая 1919 г. «за отличия в делах против неприятеля» он был произведен в есаулы со старшинством с 7 июня 1918 г. [8]. В

дальнейшем, в 1919 г. есаул С. М. Попов занимал должность командира сотни в 1-м Сибирском казачьем полку, с которым участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе; попал в плен 6 января 1920 г. в с. Дрокино под Красноярском. В феврале 1920 г. есаул С. М. Попов был арестован, 21 мая 1920 г. за службу в белой армии был приговорен Омской губЧК, к высшей мере наказания и расстрелян 5 июня 1920 г. в Омске. Реабилитирован Семен Михайлович был только 5 ноября 1993 г. [9].

Вторая половина осени – зима 1918-1919 гг. ознаменовалась активным военным строительством на востоке России, связанным с реструктуризацией военной и гражданской власти – созданием Временного Всероссийского правительства (Директории), а вскоре приходом к власти Верховного Правителя – адмирала А. В. Колчака, а также с ситуацией на фронте. В ходе создания более стройной структуры вооруженных сил мелкие добровольческие, партизанские отряды сводились в регулярные части с четкой структурой.

Согласно Приказанию командующего 2-го Степного корпуса от 1 ноября 1918 г. [10] и последовавшему затем Приказу по 2-му Степному корпусу № 188 от 2 ноября 1918г. [11] в ходе реорганизации Партизанского отряда особого назначения ставшего уже подполковником атамана И. Н. Красильникова в Партизанскую бригаду, кавалерия должна была быть представлена Отдельным Конным дивизионом. Вскоре началось его формирование, для чего в Омске была создана команда пополнения. В то же время осенью 1918 г. из отряда в целом и кавалерии в частности происходит отток казаков в части своего войска, на смену им приходят неказачьи офицеры и добровольцы.

В декабре 1918 г. в дивизион вошел немногочисленный Иркутский гусарский полк, который до того хотели включить в 1-ю кавалерийскую дивизию генерала Д. Я. Миловича. Партизанская бригада 3 декабря 1918 г. получила приказ Ставки следовать «на восток: в Иркутск и далее» и 6 декабря выехала по железной дороге для усиления группировки войск, что могла быть задействована в конфликте адмирала А. В. Колчака с атаманом Г. М. Семеновым, не признавшим власть Верховного правителя. Прибыв в Иркутск не позднее 10 декабря 1918 г. части расположились в городе (штаб, тыловые учреждения) и на линии железной дороги Иркутск – ст. Иннокентьевская.

Кавалеристы стали первой частью бригады, направленной на Канско-Тайшетский фронт, будучи откомандированы в конце декабря 1918 г. в Канск, в распоряжение начальника всех отрядов, действовавших в Енисейской губернии, а в первые дни января 1919 г. они вступили в бой с партизанами. В январе-июне 1919 г. красильниковские кавалеристы были задействованы в антипартизанских операциях в Енисейской и Иркутской губерниях.

С развертыванием кавалерии в Отдельный Конный дивизион его командиром становится Александр Семенович Сумароков – не казачий и не кавалерийский офицер. Вопрос, почему подьесаул С. М. Попов – опытный казачий офицер, прошедший почти всю Первую мировую войну, создавший кавалерию партизанского отряда и руководившей ей всю летнюю кампанию 1918 г. был отстранен от командования и заменен другим человеком, при этом оставшись в бригаде, пока остается открытым. Возможно, причиной этого были

некие интриги в офицерской среде бригады, что было нередким явлением вообще для белой армии, либо некие личные причины, заставившие С. М. Попова оставить свой пост. Известная нам информация об А. С. Сумарокове отрывочна. Александр Семенович служил стрелком 25-го Сибирского стрелкового запасного полка, был командирован в 1-ю Омскую школу прапорщиков, которую окончил 17 января 1917 г., и был направлен в 5-ю Сибирскую стрелковую запасную бригаду (вероятно, в свой прежний полк), стоявший в Томске.

С началом Гражданской войны на востоке России А. С. Сумароков в июле – сентябре 1918 г. служил бухгалтером в агитационно-вербовочном отделе штаба Народной Армии в Уфимской губернии [12]. С развалом фронта на Волге и отступлением из Приуралья А. С. Сумароков, по всей видимости, добрался до Омска, где вступил в бригаду И. Н. Красильникова, где и занял пост командира формирующегося Отдельного Конного дивизиона, вероятно с ноября 1918 г. (первое известное на сегодняшний день факсимиле А. С. Сумарокова как командира части датировано 16 ноября 1918 г. [13]).

Пока неясно, как А. С. Сумароков получил чин ротмистра (вероятно, будучи переименован из пехотного чина капитана либо произведен уже приказом по Партизанской бригаде). Вместе с дивизионом в начале декабря 1918 г. ротмистр А. С. Сумароков направляется на антипартизанский фронт в Енисейскую губернию и в январе 1919 г. командует сменившим название – Иркутским гусарским – дивизионом Партизанской бригады в боях с партизанами у деревень Кой, Талая, Новониколаевская, Ухтановская, Перовская. Ротмистр Сумароков докладывал И. Н. Красильникову об этих боях: «Господа офицеры и партизаны вне всякой похвалы» [14].

В том же месяце за допущенные насилия, грабежи (отобрание у мирного населения, будто бы для перевозки раненых, конфискация фуража и продуктов довольствия, лошадей; избиение нагайками несогласных и протестовавших против этих действий, в единичных случаях – расстрелы жителей) и падения дисциплины части, А. С. Сумароков отстранен от командования дивизионом и арестован. Тем не менее, А. С. Сумароков с частью своих офицеров приехал в Иркутск и вызвал на дуэль капитана А. В. Шемякина (врио командира бригады), которого считал виновным в аресте и отстранении от командования, послал к нему двух своих офицеров в качестве секундантов. Но вызов принят не был и дуэль не состоялась. В Иркутске Сумароков снова был арестован и отправлен в Омск, где содержался под арестом на гауптвахте, затем был освобожден, получил чин подполковника и был отправлен с некими поручениями на восток [15]. Дальнейшая его судьба пока неизвестна.

После взятия 17 июня 1919 г. с. Тасеево – центра красных партизан на севере Енисейской губернии – бригада получила небольшой отдых, после чего была переформирована в Отдельную Егерскую бригаду, а Отдельный Конный дивизион начал переформирование в Конно-Егерский полк.

С весны 1919 г. еще в бытность части дивизионом ее возглавил есаул СКВ Степан Евдокимович Гаруцо. Он родился 1 августа 1895 г., в Ананьевском уезде Херсонской губернии и происходил из местных крестьян. Окончив Николаевскую гимназию и Елисаветградское кавалерийское училище 1 октября

1915 г., С. Е. Гаруцо был выпущен прапорщиком в 3-ю Сибирскую запасную сотню, развернутую с началом войны для подготовки пополнения для действовавших на фронте полков СКВ. Высочайшим приказом от 12 мая 1916 г. на основании Приказа по Военному Ведомству 1914 г. № 689 С. Е. Гаруцо производится в чин хорунжего со старшинством с 1 февраля 1915 г. [16] 2-го Сибирского казачьего полка, входившего в состав Отдельной Сибирской казачьей бригады, действовавшей на Кавказском фронте Великой войны. В этом полку офицер служил до окончания войны командиром сотни, а позднее адъютантом полка. Позднее Приказом по Армии и Флоту от 3 сентября 1917 г. уже сотнику (получил чин в том же году) С. Е. Гаруцо за отличия было установлено старшинство в чине хорунжего на основании Приказа по Военному ведомству 1915 г. № 681 (Ст. 5 и 8) с 1 февраля 1914 г. [17].

После окончательного развала фронта сотник С. Е. Гаруцо приезжает в Омск, и в 1918 г. поступает добровольцем в Конную сотню партизанского отряда есаула И. Н. Красильникова, по некоторым данным, исполняя недолго обязанности личного адъютанта атамана И. Н. Красильникова [18]. Примечательно, что сотник С. Е. Гаруцо был поручителем на венчании у командира сотни подъесаула С. М. Попова в Иркутске.

К июню 1919 г. есаул Гаруцо возглавлял конный дивизион бригады, сменив (если не считать временно и эпизодически командовавших частью офицеров) на этом посту так бесславно закончившего свое командование ротмистра А. С. Сумарокова. Именно при С. Е. Гаруцо дивизион переформируется в Конно-Егерский полк и под его командованием прошел Великий Сибирский Ледяной поход. После чего уже войсковой старшина С. Е. Гаруцо (по другим данным – полковник [19]) служил в войсках Российской Восточной окраины и Дальневосточной армии в 1920 г., а затем эмигрировал в Китай (жил в 1921 г. в Шанхае, в 1926 г. – в Харбине). С 1937 г. жил в США, работал инженером-оптиком, был Членом Общества Ветеранов Великой войны. С. Е. Гаруцо был женат, имел сына. Умер 16 января 1964 г. в Лос-Анджелесе [20].

Конно-Егерский полк формировался, по всей видимости, за счет боевой части кавалерии (на 18 марта 1919 г. – 75 сабель [21]), а также команды пополнения кавалерии, созданной в 1918 г. в Омске и кадрового резерва бригады в Иркутске. Если принять, что штаты для кавалерийских частей, введенные в январе 1919 г., остались без изменений, то полк предполагался как 4-х эскадронный с пулеметной, саперной и нестроевой командами, телефонным и подрывным взводами. В реальности же видится весьма сомнительным, что все эти подразделения были сформированы, т.к. уже к началу сентября, еще до отправки на фронт всей бригады, полк спешно был переброшен на Тобол, где положение для белых частей было весьма сложным. С 7 сентября 1919 г. конные егера были приданы 1-й кавалерийской дивизии, входившей в состав Северной группы 2-й армии, где отличились в бою 9-10 сентября, захватив в с. Медведевское штаб 2-й бригады 29-й стрелковой дивизии РККА и находившиеся здесь же тыловые учреждения (в плен попало до 500 человек [22]).

Вместе с 1-й кавалерийской дивизией Конно-егерский полк не позднее 13 сентября 1919 г. был передан в 1-ю армию в оперативное подчинение ко-

мандующего 1-й Сибирской стрелковой дивизией генерала Б. М. Зиневича и до прибытия всей 1-й Егерской бригады (не позднее 9 октября) оставался при кавалерии, и влившись в свою бригаду, отличившись в боях 17-18 октября 1919 г. районе Падун-Семеново-Марково против 253-го полка РККА [23].

19 октября 1919 г., конные егеря вместе со всей своей бригадой были приданы 1-й Сибирской стрелковой дивизии. А 27 октября 1919 г. Конно-Егерский полк вошел в арьергард 1-й армии (отдельно от частей своей бригады), и действовал совместно с 1-м Сибирским стрелковым полком 1-й Сибирской стрелковой дивизии и командами конных разведчиков 2-й Сибирской стрелковой дивизии (под общим командованием полковника Н. П. Ластовского). Сводное соединение усилили двумя легкими орудиями. Названные части прикрывали отступление других полков, постепенно отступая до Ишима [24]. Остатки полка приняли участие в Великом Сибирском ледяном походе зимы 1919-1920 гг., предположительно составив конно-егерский батальон в Забайкалье в 1920 г., а в 1921 г. возродившись в виде Пешего эскадрона имени атамана Красильникова в Приморье.

Перипетии военной судьбы кавалерии атамана И. Н. Красильникова оказали прямое влияние и на состав командующих Конной сотни – Отдельного Конного дивизиона – Конно-Егерского полка. Если на начальном этапе – в июне-августе 1918 г. в сотне было значительно присутствие казаков, а командиром Конной сотни был также подъесаул СКВ, что очень характерно, то начиная с сентября и позднее их становится все меньше и меньше, а командный состав, в т.ч. и командующий дивизионом (позднее – эскадроном) в Приморье – уже армейские офицеры военного времени. Тем не менее, из трех командиров кавалерийских частей, наиболее продолжительное время осуществлявших командование на уровне сотни, затем дивизиона и, наконец, полка – двое были офицерами СКВ, хоть и военного времени, но получившие военное образование в Николаевском и Елизаветградском кавалерийских училищах. Все трое были молодыми людьми возрастом не более 24 лет; все были так или иначе связаны с Омском и Сибирью – родились, учились или служили здесь. Их судьба, как и судьба всего Белого дела в России оказалась трагичной – эмиграция или гибель. Новые документальные находки, возможно, позволят дать более объективный взгляд на личности командиров-кавалеристов.

Библиографический список

1. Шулдяков В. А. Новые данные о белом подполье Омска в 1918 г. // Третьи Ядринцевские чтения. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 26-28 ноября 2015 года). Омск, 2015. С. 149–151.
2. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 260–261.
3. РГВА. Ф. 39509. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

4. Березовский Е. П. Сибирское войско и Великая война // Сибирский казак (Харбин). 1941. С. 11.
5. Высочайшие приказы о чинах военных Т. 7. Пгд, 1916. С. 11.
6. Из приказов Временного Правительства Армии и Флоту о чинах военных от 19 и 20 сентября 1917 г. и из дополнения к приказу от 8 июля 1917 г. // Армия и флот Свободной России (Пгд). 1917. 5 октября. С. 3.
7. Архив ЗАГС г. Иркутск. ИНН 136. Л. 76.
8. РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 2. Л. 127.
9. Книга памяти Омской области. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d27/fl14.htm> (дата обращения 27.07.2017).
10. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 38. Л. 122, 267.
11. РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 163. Л. 37–41.
12. ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 12.
13. ГИАОО. Ф. Р-1568. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
14. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. М.-Л., 1925. С. 51.
15. ЦА ФСБ. Ф. Н-501. Т. 7. Л. 100-102, 104-105об.
16. Высочайшие приказы о чинах военных. Т. 5. Петроград, 1916. С. 2.
17. Из приказов Временного Правительства Армии и Флоту о чинах военных от 3 сентября 1917 г. // Армия и Флот Свободной России (Пгд). 1917. 20 сентября. С. 2.
18. ЦА ФСБ. Ф. Н-501. Т. 7. Л. 103.
19. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Вестник Первопоходника (Лос-Анджелес). 1963. С. 11.
20. Часовой (Париж-Брюссель). 1964. С. 23.
21. Партизанское движение в Сибири... С. 116.
22. Ситников М. 1-я Сибирская стрелковая дивизия в Тобольской операции // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Красноярск. 2011. С. 171; Баженов Н., Дудин Л. и др. Под знаменем ВЦИК. М., 1963. С. 134-135.
23. Ситников М. 1-я Сибирская стрелковая дивизия... С. 175; Баженов Н., Дудин Л. и др. Под знаменем ВЦИК... С. 137.
24. РГВА. Ф. 39888. Оп. 1. Д. 3. Л. 83, 83об.

Е. И. КАТКОВА (Омск)

Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

**ОМСКАЯ «ПУШКИНКА» В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1919 ГГ.)**

Аннотация: В данной публикации впервые освещается деятельность Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина в период Гражданской войны (1918-1919 гг.). Статья написана на основе документов Исторического архива Омской области.

Ключевые слова: областная научная библиотека, история библиотеки, Гражданская война, архивный документ, Исторический архив, 1918-1919.

E. I. KATKOVA (Omsk)

Omsk State Regional Research Library named after A. S. Pushkin

OMSK LIBRARY «PUSHKINKA» DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

Annotation: In this publication, the work of Omsk State Regional Research Library named after A. S. Pushkin during the period of the Russian Civil war (1918-1919) is described for the first time. Article based on documents from Omsk regional Historical archive.

Keywords: regional research library, history of library, The Russian Civil war, archive document, Historical archive, 1918-1919.

Жизнь Омска в 1918-1919 гг. и, в частности, её культурная составляющая, изучены за последние двадцать лет достаточно хорошо. Появились специальные работы, освещающие состояние культуры в целом [1, 2], театральную [3], музыкальную [4], художественную [5] жизнь города этого периода. Но вне поля зрения исследователей, или на его периферии, осталось библиотечное дело. «Пушкинка» – одна из немногих провинциальных библиотек, которые могут похвалиться книгой о своей истории, изданной ещё в середине XX в. Автор книги, Е. Г. Хребтова, возглавлявшая библиотеку в 1941-1973 гг., кратко рассказала о дореволюционном периоде работы «Пушкинки», а годам Гражданской войны посвятила только один абзац. «В мрачные дни кровавой колчаковской диктатуры в городе замерла вся культурная жизнь. Библиотека фактически прекратила своё существование. Библиотечное здание было лишено освещения, отопления. Жалованье библиотекарям не выплачивалось» [6]. Другой исследователь также лаконично отмечает: «власти считали библиотечное дело второ-

степенным и принимали мало мер по ликвидации такого положения» [7]. В данной работе мы впервые попытаемся осветить состояние дел в Центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина в означенный период времени и скорректировать вышеприведённые высказывания.

В 1918-1919 гг. Омск из небольшого провинциального города внезапно превратился в столицу Белой России. Этот столичный блеск – спектакли, вернисажи, концерты, выставки, литературные вечера, лекции, кипение толп приезжих на центральных улицах, военные парады, а также его оборотная сторона – рост цен, квартирный вопрос, безработица, конечно же, повлияли на тихую библиотечную жизнь. За первое десятилетие своего существования (1907-1917 гг.) библиотека развивалась неспешно. Она располагалась в двух комнатах на первом этаже пристройки к зданию Омской городской думы, её книжный фонд насчитывал менее 6000 томов, к 1 ноября 1917 г. она имела 1938 читателей, как тогда говорили «подписчиков» [8] (при этом гражданское население города достигало почти 100000 человек, без учёта военнослужащих, беженцев и военнопленных Первой мировой войны), а штат вырос с двух до пяти единиц. Сотрудники работали спокойно и дружно вплоть до 22 декабря 1917 г., когда в связи с большевистским переворотом служащие городских библиотек, в том числе и «Пушкинки», прекратили работу. Но отношение к этой забастовке у библиотекарей было разным. Старые сотрудники разделились на две группы: тех, кто с разрешения Союза городских служащих приступил к работе в начале февраля 1918 г. (их называли штрейхбрехерами), и тех, кто не пожелал сотрудничать с новой властью и вернулся на свои рабочие места только после падения Советов (так называемые саботажники). Кроме того, на освободившиеся в связи с забастовкой места Советская власть назначила свои кадры, которые, за малым исключением, к библиотечному делу были совершенно не подготовлены, а иногда и малограмотны [9].

Попытки нормализовать ситуацию предпринимались и отдельными работниками, и Библиотечной комиссией, и специально созданной для разрешения конфликта Особой комиссией. Но отчуждённая, враждебная атмосфера в коллективе длилась до конца 1918 г., сказывалась на работе, её замечали и читатели, которые просили освободить их «от нервных выступлений библиотекарей» [10]. Невзирая на трудности жизни, учащиеся школ и училищ, интеллигентная публика испытывали потребность в чтении. «Спрос на книги в настоящее время слишком глубок и разнообразен, – отмечал в июле 1918 г. инструктор по библиотечному делу Отдела народного образования С. Тимофеев, – есть потребность не только в художественно-литературном произведении, но и в научном; особенно большой спрос на книги по вопросам о земском городском самоуправлении, сибиреведению, экономическим наукам и истории» [11].

Но где желающие могли найти книги? В Омске того времени почти не было книжных магазинов, «а если и есть таковые, то совершенно без книг». Из немногих омских библиотек «Пушкинка» была самой крупной среди обще-

доступных. Кроме того, она выписывала всю местную периодику (в Омске того времени издавалось 62 газеты и 27 журналов [12]), а также многие сибирские издания: к началу 1919 г. на территории, контролируемой белыми, выходило 96 газет и 61 журнал [13]. Поэтому центральная городская библиотека посещалась в самые трудные времена. Например, летом 1919 г. в ней бывало «от 90 до 140 человек в день» [14], в начале ноября этого же года всё ещё оформлялись прошения «для занятий в библиотеке» [15].

Конечно, книг не хватало, и в одном из документов читаем: «публика часто ропщет в Пушкинской библиотеке на отсутствие книг» [16]. Тем не менее, фонды пополнялись, причём хранились как «советские», так и «белогвардейские» издания [17]. На заседаниях Омской городской управы и Библиотечной комиссии неоднократно рассматривались вопросы подписки. Так, в декабре 1918 г. планировалось «Для Пушкинской библиотеки выписать на 1919 г. все местные газеты, иногородние газеты – по списку <...>, журналы, издаваемые в Сибири и в той части России, откуда их можно получить» [18]. Необходимо отметить, что средства на подписку Управа нередко задерживала, и на эти цели «расход производился из библиотечных сумм» [19]. В сентябре 1919 г. заведующей «Пушкинки» сообщили, что Министерство народного просвещения распорядилось «о переводе кредита по Омскому казначейству для Омской городской управы. <...> Из них 15000 руб. предназначается на пополнение инвентаря Центральной библиотеки <...>, причём расходование этих кредитов должно, преимущественно, производиться на оборудование и приобретение книг» [20].

Были сложности у «Пушкинки», как и у других правительственных и городских учреждений, с освещением и отоплением. В декабре 1918 г. Библиотечная комиссия, а затем и Управа, обсуждали проблемы частого отключения электричества, собирались ходатайствовать «об усилении топки, установив дополнительные батареи» [21]. Но, судя по всему, так и не смогли улучшить ситуацию, поскольку Управа постановила: «Служебный персонал должен работать <...> из расчёта шестичасового рабочего дня» [22].

С осени 1918 г. начался неконтролируемый рост цен. «В итоге стоимость потребительской корзины составила в ноябре 1918 г. – 140 руб. 30 коп., в декабре 1918 г. – 169 руб. 98 коп., в январе 1919 г. – 178 руб. 18 коп.» [23]. Библиотекари в полной мере ощутили это на себе. Уже летом 1918 г. в объяснительной записке к смете Библиотечной комиссии подчёркивалось: «Что касается оплаты труда служащих в библиотеках, то она в данный момент незначительна и требует соответствующего повышения» [24].

И нельзя сказать, что Городская Управа, в ведении которой находилась «Пушкинка», не пыталась исправить ситуацию. Так, 30 августа 1918 г. Управа приняла решение: «Установить с 1 сентября с. г. следующие ставки: заведывающему библиотекой – 450 руб. в месяц, его помощнику – 400, библиотекаря – 300 руб.» [25]. К 1 мая 1919 г. помощнику заведующего устанавливался оклад в 650 руб., библиотекарям – от 425 до 500 руб. [26] 26 августа 1919 г. Распоряди-

тельный отдел просит Пушкинскую библиотеку составить и прислать списки служащих на выдачу «периодических прибавок пособий месячных окладов содержания» [27].

Но решались эти вопросы крайне медленно и не поспевали за инфляцией. Яркой иллюстрацией служит просьба Библиотечной комиссии повысить оклад двум служащим «Пушкинки» с 1 марта 1919 г. до 500 руб., так как «страшная дороговизна жизни сводит до минимума возможность по-человечески устроиться и прожить на 425 руб. в месяц» [28].

Кроме зарплаты служащим библиотеки в мае-июне 1919 г. выдавались также удостоверения «на предмет получения мануфактуры из Продовольственного отдела Городской Управы» [29]. Примером ещё одного вида помощи служит рассмотрение на заседании Омской городской думы прошения о выделении денег на похороны скончавшейся 6 сентября 1918 г. «в больнице библиотекарши Пушкинской библиотеки В. Г. Ольденбург, не имеющей родственников и близких» [30]. И запрошенные 150 руб. были получены.

Как уже отмечалось, в период стремительного установления и падения советской власти в Омске, в «Пушкинку» пришли новые сотрудники, и к 1 июля 1918 г. здесь работало 11 библиотекарей (в 1917 г. их было пятеро), а в 1919 г. – 13 человек [31]. Почему, при бедности городской казны, штаты не были сокращены? Можно предположить, что это было связано с совместной попыткой Библиотечной комиссии и сотрудников «Пушкинки» превратить её в действительно Центральную библиотеку: в новом большом помещении, с современным оборудованием и новыми отделами. Во всяком случае, в смете на содержание «Пушкинки», составленной, вероятно, летом 1918 г., указано: «в виду возможного переезда в новое помещение библиотеки необходимо отремонтировать шкапы, полки» [32]. А в объяснительной записке к этой смете уточнено: «большие расходы вызывает Пушкинская библиотека, где организуется большой читальный зал, кабинет для занятий» [33]. В отчёте за 15 сентября 1918 г. заведующая «Пушкинкой» С. Пахолкова отмечает, что одной из причин снижения числа подписчиков является «двойной переход библиотеки из помещения в помещение» [34].

В планы библиотекарей вмешался квартирный вопрос, то есть катастрофическая нехватка площадей, как для жилья, так и для размещения учреждений. «Пушкинской библиотеке волей-неволей пришлось вернуться в прежнее своё помещение, не исполнив своих заданий, отказавшись от детской читальни, комнаты для научных занятий, рекомендательно-справочного бюро, идеи центральной библиотеки в глубоком её содержании», – писал в докладной записке от 4/17 августа 1918 г. инструктор по библиотечному делу С. Тимофеев [35].

И, тем не менее, при таких стеснённых обстоятельствах библиотекари не отказались от идеи развития «Пушкинки». К 1 мая 1919 г. в её штате появились две новых должности: заведующий детским отделом и его помощник [36]. Этот отдел работал с детьми не только в помещении библиотеки, но и за её

пределами. В начале июля 1919 г. Отдел народного образования обратился к заведующей «Пушкинки» с просьбой «выдавать из Детского отдела для надобностей Шкроевской детской площадки до четырёх книг одновременно» [37]. Эта площадка была очень популярна: в начале августа этого же года её ежедневно посещали «около 200 и более человек» [38].

Вероятно, удалось также создать библиографический кружок, о котором упоминалось на заседании Русского библиографического общества 20 ноября 1921 г. (Москва) в докладе Г. Поршнева, посвящённом периоду несоветской власти [39]. Предполагалось также организовать собственную переплётную, так как «слишком дорого обходится переплёт книг, качество же далеко не высокое» [40]. Для «Пушкинки» расходы на этот вид услуг в 1918 г. составляли от 2000 до 2500 рублей в год. Прделанный библиотекарями объём работы, приобретённый опыт, разработанные планы не пропали, а были реализованы, но уже при советской власти. Иначе как бы успели уже в 1920 г. победно рапортовать: «при библиотеке создаются кабинет для научных занятий читателей, музей с отделами: библиография русской и иностранной литературы и современных изданий (газет, журналов Омской губернии и всей Сибири), инструкторский отдел, <...> детский отдел с детским клубом и библиотекарями сказочниками, переплётная мастерская» [41].

Таким образом, в 1918-1919 гг. при недостатке финансирования, библиотечного оборудования, сложностях с освещением и отоплением, длительных разногласиях в коллективе, трудностях с пополнением фонда «Пушкинка» не прекращала работать и развиваться. Многие из задуманного в этот период было реализовано впоследствии, но уже в других исторических условиях.

Библиографический список

1. Ракова А. П. Омск – столица белой России. Омск, 2010.
2. Алисов Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX века. Омск, 2001. С. 118-119, 134-136.
3. Вьюхина Н. Ю. Театральная жизнь Сибири в период революции и гражданской войны (1917-1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 80-101.
4. Третья столица. Омск, 1918-1919: музыка, театр, историческая хроника. Омск, 2011. С. 5-30.
5. Девятьярова И. Г. Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX века. Омск, 2000. 143 с.
6. Хребтова Е. Г. Книжная сокровищница Омска. Омск, 1958. С. 10.
7. Жеребенков С. В. Культура города Омска при А. В. Колчаке (конец 1918-1919 гг.) // Россия и Восток: история и культура: материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 304.
8. ГИАОО. Ф. 172. Оп.1. Д. 498. Л. 93.

9. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 73.
10. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 70.
11. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 139.
12. Хазиахметов Э. Ш. Периодическая печать Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII-XX вв.). Омск, 1996. С. 118-122.
13. Привалова Е. А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское бюро печати в Советской России (1917-1920-е годы). М., 1990. С. 216.
14. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 92.
15. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 127, 128.
16. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 92.
17. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 20. Л. 61.
18. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 34.
19. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 93.
20. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 112. Л. 23.
21. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 28.
22. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 20.
23. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь Белого Омска // Архивный вестник. Омск, 2013. С. 200.
24. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 66.
25. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.
26. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 5.
27. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 97. Л. 112.
28. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 54.
29. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 39-41.
30. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Ф. 318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 97.
31. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 5.
32. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 149.
33. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 66.
34. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 93.
35. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 133-134.
36. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 5.
37. ГИАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 61.
38. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.
39. Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917 – 1921 гг.). СПб., 2006. Ч. 1. С. 370.
40. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 137.
41. Хребтова Е. Г. Книжная сокровищница Омска. Омск, 1958. С. 11.

Н. В. КЛАДОВА (Барнаул)

Алтайский государственный педагогический университет

**ДОНОС КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению доноительства как феномена массового политического поведения, особо ярко проявившегося на завершающем этапе Гражданской войны в России. Работа написана на комплексе архивно-следственных дел репрессированных по обвинению в участии в белом движении, выявленных автором в Отделе спецдокументации ГААК.

Ключевые слова: Гражданская война, политическое поведение, бессознательные мотивы, политический психоанализ, донос, следственное дело, советская власть.

N. V. KLADOVA (Barnaul)

Altai state pedagogical university

**DENOUNCED AS A PHENOMENON OF MASS POLITICAL BEHAVIOR
IN THE FINAL STAGES OF THE CIVIL WAR:
A PSYCHOANALYTIC INTERPRETATION**

Annotation: This publication presents a study on the denunciation as a phenomenon of mass political behavior, particularly clearly manifested in the final stages of the Civil war in Russia. The work is written on the archival-investigatory files of the repressed and accused of participating in the white movement, found by the author in the Department of special documentation of the State archive of Altai region.

Keywords: Civil war, political behavior, unconscious motivations, political psychoanalysis, complaint, investigative case, Soviet power.

Поиск причин, объясняющих политическое поведение – один из аспектов исследования политической психологии. Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях. Однако, так или иначе, но большинство исследователей признает, что никакую форму политического поведения нельзя объяснить только как результат действия политических стимулов, либо как результат осознанного стремления к достижению определенных целей: действия людей (в том числе, и политические действия) далеко не всегда осознаны. Бессознательные доминанты придают массовому политическому поведению спонтанный характер и в конечном итоге определяют динамику массового политического поведения [1].

Изучение бессознательных мотивов, определяющих поведение личности, привело к формированию в политической психологии такого направления, как политический психоанализ [2]. В настоящее время в рамках именно этого направления сложилось множество концептуальных моделей, объясняющих массовое политическое поведение. Опираясь на концептуальные построения З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, Д. Лассуэлла и др., разработанные в русле этого направления, предлагаем психоаналитическую интерпретацию причин массовых доносов граждан в следственные органы на завершающем этапе Гражданской войны в России.

Источниковой базой для построения интерпретационной модели является репрезентативная выборка из 50 архивно-следственных дел репрессированных из фонда Р-2 Государственного архива Алтайского края. Большинство следственных дел репрессированных начала 1920-х гг. – это материалы по обвинению в службе у «белых» или пособничестве «белым» [3].

Примечательно, что в современной историографии архивные следственные и уголовные дела, дела о лишении избирательных прав и т.п. находят применение в изучении историками репрессивных процессов [4], исторической биографии [5, 6] и практической генеалогии [7, 8]. Но использование этой группы источников с целью психоаналитического осмысления положения дел в советском обществе в 1920-е гг. видится, на наш взгляд, направлением, не находившим должного внимания исследователей, а значит – перспективным для изучения. Просмотренные нами архивные следственные дела за службу у «белых» 1920-х гг. выстраивались, как правило, следующим образом. Все начиналось с доноса, автором которого является либо член местной партийной ячейки, либо такой же бывший участник белого движения, но в своё время перешедший на сторону «красных». Затем уже на месте производился сбор свидетельских показаний.

В начале 1920-х гг. соответствующие инстанции были буквально завалены подобного рода доносами граждан, требовавших немедленной и беспощадной расправы над всеми, служившими у «белых». Но власть тогда вела себя, на первый взгляд, нелогично, амнистируя бывших «белых». В действительности же в российском социуме спонтанно заработал механизм самоорганизации.

Жестокость, агрессия, насилие периода Гражданской войны привели все общество к состоянию массового невроза. Сущность невроза кроется в вытеснении в бессознательную область такого содержания, которое неприемлемо для сознания: нечто опасное, аморальное, травмирующее. Однажды наступает прозрение, и вытесненное в подсознание неожиданно осознается. Процесс внезапного осознания реальности связан с бурными поведенческими реакциями, неоднократным «проговариванием», обсуждением, многократным возвращением к травмирующему содержанию.

Именно этот процесс, как нам представляется, и составлял психологическую сущность массового политического поведения, имевшего место в начале 1920-х гг. Социум, переживший гражданскую войну – это больной социум: разрушены внутренние связи. Новый порядок общественного устройства возникает мучительно. Упорядочение разрушенного состоянием невроза организма

происходит разными путями. Один из них – это многократные проговаривания. Поток доносов – это и есть своеобразное «проговаривание», как один из симптомов невротического состояния. Через донос индивид снимает, вытесняет возникшее напряжение из области подсознания. Источником стабильного напряжения может быть постоянно подавляемое сознанием чувство неудовлетворенности своим местом в жизни, формирующейся системой отношений в социуме («за что боролись?!»).

Складывающийся комплекс неполноценности вызывает неконтролируемое стремление к компенсации, одним из способов которой и является донос. Однако в целях возвращения из хаоса гражданской войны к порядку в социуме власть инстинктивно не стремилась к тому, чтобы процесс отреагирования (в форме потока доносов на бывших «белых») зашел так далеко, что стал бы угрозой для стабильности общества. Поток доносов канализируется.

Но из практики психоанализа известно, что искусственно прерванный процесс отреагирования не может пройти без деструктивных последствий, как для отдельной личности, так и для социума в целом. Этот процесс должен прийти к естественному завершению. Отреагирование – это длительная духовная работа, которую З. Фрейд называл «работой горя». Ее естественное завершение требовало осознания гражданской войны не просто как победы «красных» над «белыми», но как трагедии всего народа, что в рассматриваемой конкретно-исторической ситуации было совершенно невозможно.

Обязательный компонент отреагирования – это наказание того, кто воспринимается как источник перенесенных страданий. В данном случае – это «белые» для победивших «красных». Примирение возможно лишь в том случае, если человек убежден: тот, кого он боялся или ненавидел, в прежнем качестве больше не существует, он понес моральное и юридическое наказание.

Именно это и не произошло в начале 1920-х гг. В связи с революционными праздниками амнистировались и те, кто в годы Гражданской войны пролил реки крови. Мы не утверждаем, что власть была не права, стремясь «замирить» общество. Напротив, совершенно очевидно, что поведение власти – один из рычагов формирования в обществе состояния пусть неустойчивого, но все же равновесия. Тем не менее, описанные процессы мы рассматриваем как психологическую предпосылку массовой поддержки репрессивной политики советского государства в последующие годы, когда в процессе активизации образа «врага» властью без особого труда были реанимированы в массовом сознании эмоции и образы эпохи Гражданской войны.

Таким образом, донос с позиций психоанализа представляет собой, не что иное, как естественный способ выхода из невротического состояния. Но, в таком случае, донос был бы нормой жизни любого социума. Однако известно, что доносительство активизируется лишь тогда, когда поощряется властью. В здоровом социуме бессознательная реакция сдерживается социокультурным стереотипом. Одна из древнейших социокультурных установок – аморальность предательства. Если бы донос воспринимался массовым сознанием как предательство того, на кого донос совершается, то донос не имел бы столь широкого распространения. И если донос в советском социуме с самого начала его фор-

мирования стал массовым явлением и нормой жизни – это значит, что власти удалось высвободить бессознательную реакцию из-под контроля сознания, оправдать это высвобождение, снять чувство вины.

Вместе с тем, власть не была столь уж последовательна в своем отношении к доносительству даже в начале 1920-х гг. Проявляя известное благодушие по отношению к рядовым бывшим «белым», победившие «красные» были абсолютно беспощадны к тем, кого воспринимали как потенциального соперника в борьбе за власть. По характеру следственных дел (тщательности дознания, предлагаемым мерам наказания) можно судить о том, чего власть опасалась более всего, где чувствовала неустойчивость своих позиций и глухое сопротивление снизу. Поэтому наиболее ценной для власти в конце Гражданской войны является информация не об участии в «белом» движении (хотя это и квалифицируется как «контрреволюция», но все-таки уже побежденная), а о причастности к контрреволюции в настоящем.

Человек – существо не только социальное, но, прежде всего биологическое. И ведет он себя не только в соответствии с сознательными социокультурными установками, но и под влиянием глубинного бессознательного слоя психики. Материалы следственных дел в отношении лиц, репрессированных в период становления государства пролетарской диктатуры, заставляют в очередной раз задуматься над этой проблемой.

Библиографический список

1. Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону. 1996.
2. Самсонова Т. Н. К истории становления политического психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 2. С. 205.
3. ГААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 4642, Д. 4923, Д. 5009 и др. Всего – выборка в 50 дел
4. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ. 280 с.
5. Ганин А. В. Архивно-следственное дело военного ученого А. А. Свечина. 1931-1932 гг. // Вестник архивиста. Москва. 2014. № 2. С. 260-272.
6. Ганин А. В. Архивно-следственное дело военного ученого А. А. Свечина. 1931-1932 гг. (продолжение) // Вестник архивиста. Москва. 2014. № 3. С. 261-291.
7. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. Москва. 2015. № 3. С. 288–306.
8. Петин Д. И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М. К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.

М. Т. КОГУТ (Омск)

Омский государственный технический университет

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА (ИЮНЬ–НОЯБРЬ 1918 Г.)**

Аннотация: В статье рассматривается осуществление аграрного законодательства земельными органами власти Временного Сибирского правительства, возможные последствия аграрной политики для развития сельского хозяйства, земельных отношений, расстановки классовых сил в Сибири в период Гражданской войны, даются новые оценки решения аграрного вопроса в стране.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, белое движение, Сибирь, аграрные реформы.

M. T. KOGUT (Omsk)

Omsk state technical university

**AGRARIAN POLICY OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT
(JUNE–NOVEMBER 1918)**

Annotation: The article examines the implementation of agrarian legislation by the Provisional Siberian Government's land authorities, the possible consequences of agrarian policy for the development of agriculture, land relations, the alignment of class forces in Siberia during the Civil War, new assessments of the solution of the agrarian question in the country.

Keywords: Civil war, intervention, white movement, Siberia, agrarian reforms.

В исторической литературе аграрная политика в России всегда привлекала внимание ученых. Цель нашей работы проследить, как аграрная политика Временного Сибирского правительства повлияла на причины краха Белого движения. Изучение проведено на сочетании макроисторического анализа и микроисторических подходов исследования конкретных явлений в короткий промежуток времени. Основными источниками стали опубликованные документы Временного Сибирского правительства [1] и документы из фондов Исторического архива Омской области.

После мятежа белочехов в мае 1918 г. и свержения власти большевиков в Омске 29 июня 1918 г. было сформировано Временное Сибирское правительство (ВСП), во главе с П. В. Вологодским [2]. Министром земледелия и колонизации стал Н. И. Петров (1884–1921) [3]. До 1917 г. он заведовал статистиче-

скими работами Акмолинского переселенческого района. В 1917 г. избран доцентом по кафедре экономической географии и статистики Омского политехнического института. В июне 1918 г. был приглашен заведовать отделом земледелия и колонизации при Западно-Сибирском Комиссариате, в июле назначен управляющим министерства земледелия ВСП, сохранил пост при Директории и Колчаке. Петров входил в Административный Совет ВСП, возглавлял Комитет экономической политики. 24 декабря 1919 г в Иркутске был арестован восставшими эсерами, потом отбит правительственными войсками. В январе 1920 г. эмигрировал в Китай. Проживал в Харбине, читал лекции в Харбинском университете [4]. Г. К. Гинс писал о нем: «Петров, несомненно, передовой человек, но ярый ненавистник всякой демагогии. Его выступления были ярче, когда он нападал, но в них не всегда проявлялась необходимая министру сдержанность» [5]. Главные задачи аграрной политики ВСП, на наш взгляд – прекратить земельные захваты, вернуть захваченные ранее земли их владельцам, арендаторам, пользователям, государству, обеспечить землей беженцев и переселенцев, упорядочить арендные отношения, восстановить сбор налогов и оброчных платежей. Курс аграрных преобразований в крае ВСП провозгласил законом от 6 июля 1918 г. «О возвращении владельцам их имений» [6].

Необходимо было воссоздать и реорганизовать земельные органы власти. Для этого 25 июля 1918 г. было принято постановления ВСП «Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири» [7]. По нему при земствах были созданы новые органы власти – Советы по земельным делам, чем предполагалось объединение деятельности местных земельных органов власти.

Все земли сельскохозяйственного назначения, как отведенные в установленном порядке в пользование местного населения, так и находящиеся в фактическом его обладании, а также земли частновладельческие передавались в ведение земского самоуправления, кроме тех, что «в порядке особого закона» будут «признаны необходимыми для государственных нужд». В круг «ведения главного земельного отдела» передавали «составление общего и окончательного проекта земельной реформы ... по урегулированию земельных правоотношений» на базе сбора сведений о состоянии дел; отвод «земель для подготовки их в качестве колонизационного фонда», учет земель сельскохозяйственного назначения», и «охрана сельскохозяйственных имений от обесценения их владельцами и арендаторами». Только главный отдел мог возбуждать вопросы «об обращении малоценных лесных дач для использования их в сельскохозяйственных целях», устанавливая общий порядок «распределения между населением угодий». Таким образом, главный земельный отдел получал все распорядительные функции по использованию земельного фонда.

Губернские (областные) Советы по земельным делам должны были взять на себя «рассмотрение и разрешение земельных и колонизационных дел, подведомственных ранее губернским (областным) крестьянским присутствиям»; к компетенции уездных Советов по земельным делам – вопросы, подведомственные «бывшим комиссиям по образованию переселенческих участков и позе-

мельно-устроительным комиссиям». В Министерстве колонизации были созданы структурные подразделения Управление земледелия и государственных имуществ, а также восстановлена Омская уездная земельная управа и Омская земская уездная управа [8].

В новой инструкции к закону об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири от 15 октября 1918 г. более четко определили функции самих губернских и уездных земских собраний и управ по земельным делам [9]. Если ранее в ведение созданных по земельным делам Советов передавались функции структур земельных органов дореволюционного аппарата, то теперь ряд вопросов они решали совместно с Управлением государственных имуществ и Переселенческим управлением. Функции земельных органов в новой инструкции более подробно учитывали и задачи поземельного устройства старожилов, и особенности заселения переселенческих участков, решение конкретных дел по использованию земельного фонда.

Для достижения главной цели, восстановления прав земельных собственников, в специальной инструкции от 21 августа 1918 г. определялся порядок проведения в жизнь постановления от 6 июля 1918 г. [10] Для этого губернскими и уездными земствами создавались комиссии, в состав которых входили представители от земства (на правах председателя), от земельного комитета и от министерства земледелия. Передача частновладельческих хозяйств прежним владельцам комиссиями решалась только по просьбе владельцев, их уполномоченных или арендаторов. Засеянные поля, сенокосы оставались до сбора урожая в пользовании лиц, фактически владевших ими на данный момент, но владельцы имений должны были получить вознаграждение. Современный исследователь И. И. Кротт справедливо считает, что инструкции медленно способствовали восстановлению предпринимательских хозяйств [11].

Исполком трудового крестьянства Омской области на заседании 13 июля 1918 г. принял решение о протесте против постановления от 6 июля ... «как противоречащего интересам большей части населения Сибири» [12]. Крестьяне захватывали земли, инвентарь, вырубали лес. Приток беженцев и переселенцев требовал их водворения и поземельного устройства. Напряженность усилилась организационными новшествами ВСП. Произошла передача функций по образованию и заселению переселенческих участков, по водворению, поземельному устройству постановлением «Об учреждениях, ведающих земельными делами в Сибири» от 25 июля 1918 г. [13] от государственных структур Переселенческого управления и Управления земледелия и государственных имуществ к вновь создаваемым Губернским (областным), уездным Советам по земельным делам. Безусловное желание переходного правительства провести в жизнь консервативную (кадетскую) аграрную программу, создать земское самоуправление в Сибири, соответствовало общему курсу белого движения в России, но несуществующие еще земские советы по земельным делам не могли среди лета, разгара землеустроительных работ справиться с этими задачами.

Для урегулирования этого процесса Временное Сибирское правительство приняло «Постановление об использовании колонизационного фонда» от 29 августа 1918 г. [14]. Постановление вменяло «губернским (областным) по земельным делам Советам ... в срочном порядке через уездные Советы по земельным делам и местные колонизационные органы выяснить, какие участки могут быть обращены в фонд для заселения (п. 1)». Однако даже в этих тяжелых обстоятельствах правительство помнило о главной задаче охране прав собственности на землю, поэтому для устройства переселенцев могли использоваться «а) незначительные доли в заселенных переселенческих участках, доли, освобождающиеся за уходом; б) все незанятые в установленном порядке переселенческие, запасные и другие участки, принятые временной комиссией и утвержденные в законном порядке», т. е. это положение явно направлено против самовольных захватчиков земель. Губернский земельный Совет выносил окончательные решения о самовольных захватчиках, предоставлял казенные участки для временного краткосрочного пользования местному населению. Постановление учитывало сложившуюся картину, когда во время Первой мировой войны и революций 1917 г. государственные органы власти не успевали заселять переселенцев.

Если ранее переселенцы могли изменить форму землепользования (перейти к хуторам), то сейчас сохранялась последняя утвержденная форма для высвобождения сил землеустроителей на решение колонизационных проблем. До февраля 1917 г. на «участках, заселенных более, чем на половину долей», крестьяне в дальнейшем сами принимали переселенцев, а теперь для ускорения работ «свободные же доли остаются в распоряжении заведующего водворением». Первоочередному водворению подлежали «уже зачисленные переселенцы, затем прибывшие в Сибирь до 1914 г. по ходаческим и другим документам, незачисленные и ожидающие зачисления. Во вторую очередь зачисляются лица, прибывшие после 1914 г., по годам прибытия с документами на право переселения, выданными Российскими учреждениями. Оставшиеся от водворения свободные земли переселенческого фонда временно эксплуатируются сдачей в аренду» (п. 5). Обо всех самовольных переселенцах, переселенцах краткосрочного советского времени ВСП снимало с себя обязанности по помощи и устройству.

На уездные по земельным делам Советы было возложено «выяснение состояния колонизационного фонда» через представителя колонизационного ведомства, проверка межи в казенных участках и принятие мер к ликвидации захватов, произведенных обществами и отдельными лицами; выработка мер к устройству тех засельщиков казенных участков, которые заселились по распоряжению правомочных общественных организаций. Для производства землеотводных работ «должны быть командированы из района межевые чины в распоряжение уездных представителей колонизационного ведомства» (здесь уже возникло понимание, что работать должны профессионалы). Правитель-

ство призывало «принять самые энергичные меры к скорейшему выяснению свободного земельного фонда для заселения».

Постановление вышло 29 августа: слишком поздно для землеотводных работ, наступала сибирская осень, да и устроить всех «неоформленных» даже имеющих официальный статус переселенцев за короткий срок было невозможно. «Одной из важнейших задач официального землеустройства в белом сибирском тылу, тесно связанной с восстановлением бюрократического контроля над ведомственными участками, – как писал Лончаков, – было обеспечение наиболее выгодных фискальных условий легализации захватного пользования лесными и переселенческими участками» [15].

К предельным нормам арендных цен на пользование земельными участками земства и управление земледелия и государственных имуществ (УЗГИ) относились по-разному, последние их значительно завышали. В Омском уезде в июле 1918 г. УЗГИ назначило арендную плату в размере 20-ти рублей в год с десятины мягкой земли и от 15-ти до 18-ти рублей с десятины целинной, тут же признанную «неслыханной» заведующим Земельным Отделом уездной управы. Судить о правомерности такой оценки позволяет, например, то, что расчетные цифры управления впятеро превышали нормальный расчет арендных цен, принятый делегатами уездного съезда крестьянских депутатов в с Александровском, состоявшегося 25 июля 1918 г., которые выражали готовность платить по 4 руб. и по 2 руб. 50 коп. за пользование землями названных категорий соответственно [16].

На первом заседании Омский уездный Совет по земельным делам признал справедливыми для уезда нормы, выработанные на совещании земства с представителями администрации и в соответствии с процедурой, предусмотренной постановлением о сибирских поземельных органах, постановил просить Акмолинский областной Совет утвердить их. Нормы были выше средних, но ниже размера, запрошенного лесничеством. 1 ноября 1918 г. в Акмолинский совет были посланы расчеты арендных цен по другим категориям государственной земли, а 11 ноября им было вынесено решение о повышении предложенных ему цен за пользование лесными участками в 2 раза, а переселенческими – на 20 % [17]. В 1918 г. крупные засевщики не имели возможности производить посевы на казенных землях, потому что все арендованные участки были распределены между рядовыми крестьянами. Если обработка целинных земель действительно была посильна лишь мощным хозяйствам, то мягкой землей из фонда лесного ведомства наделялись семьи беженцев и призывников.

Временному Сибирскому правительству удалось восстановить земельные органы досоветского времени: Министерство земледелия и колонизации, два важнейших органа Министерства – УЗГИ и Переселенческое управление; Омскую уездную земельную управу и Омскую уездную земскую управу, упраздненные Советской властью. На местах созданы новые органы власти губернские (областные), уездные по земельным делам Советы при земствах и земельные комиссии. Аграрная программа ВСП получила выражение в постановлении

правительства от 6 июля 1918 г. «О возвращении владельцам их имений» и была в русле других российских белых правительств, но активное сопротивление крестьянства реализации закона не позволило его применить.

Библиографический список

1. Временное Сибирское правительство, 26 мая–3 ноября 1918 г.: сб. документов и материалов / Сост., науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 816, (2) с.
2. Наш край: Хрестоматия по истории Омской области. 1917–июнь 1941 гг. Ч. 1. Омск, 1985. С. 31–33.
3. Тимонин Е. И., Порхунов Г. А. Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922). Омск, 2007. С. 136.
4. С Колчаком – против Колчака / Сост. и науч. ред. А. В. Квакин. М., 2007. С. 148.
5. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М., 2007. С. 159.
6. Лончаков Ю. Г. Законодательство о земельных советах «белой» Сибири // История белой Сибири: Тез. III науч. конф. 3 февр. 1999 г. Кемерово, 1999. С. 120–121.
7. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 57. Л. 79–87.
8. Белый Омск. Справочник-путеводитель по фондам ГАОО. URL: http://it-acad.univer.omsk.su/omskarchive/section2_2_3.html (дата обращения 17.08.2017).
9. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 57. Л. 100.
10. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–5.
11. Кротт И. И. Аграрная политика антибольшевистских правительств на Востоке России и восстановление юридических прав собственников земли (май – ноябрь 1918 г.) // Омский научный вестник. 2011. № 5. С. 15–19.
12. Там же.
13. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 57. Л. 79–87.
14. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 27. Л. 28.
15. Лончаков Ю. Г. Аграрная политика антисоветских правительств в Омске и изменение государственного статуса Сибири в ноябре 1918 г // Сибирь – мой край. Новосибирск, 1999. С. 199.
16. ГИАОО. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.
17. Лончаков Ю. Г. Аграрная политика ... С. 201–202.

В. Г. КОКОУЛИН (Новосибирск)

Новосибирское высшее военное командное училище

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые социокультурные аспекты повседневной жизни сибирских обывателей. Показано как ожидания лучшей жизни и социальной справедливости в годы Первой мировой войны сменялись разочарованиями, как снижался уровень ожиданий от одного социального потрясения к другому. Выявляются истоки суеверий и легковерий в период социальных катаклизмов в военно-революционные годы, ставится проблема отношения обывателей к официальной церкви через призму массового сознания. Анализируется специфика этих процессов на примере повседневной жизни сибирских обывателей.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Сибирь, повседневная жизнь, массовое сознание

V. G. KOKOULIN (Novosibirsk)

Novosibirsk higher military command school

REVOLUTION AND CIVIL WAR IN RUSSIA: EXPECTATIONS AND DISAPPOINTMENTS

Annotation: This article is devoted to some socio-cultural aspects of everyday life of Siberian people. Shows how the expectations on a better life and social justice during the First world war gave way to frustration, as decreased levels of expectations from one social upheaval to another. Identifies the origins of superstitions in the period of social upheaval in the military-revolutionary years, raises the problem of the relationship of inhabitants to the official Church through the prism of the mass consciousness. The specificity of these processes on the example of everyday life of Siberian people is analyzed.

Keywords: Revolution, Civil war, Siberia, everyday life, mass consciousness.

Событий первой четверти XX в.: Русско-японская война, Первая российская революция, столыпинская аграрная реформа, образование и деятельность политических партий, созыв и роспуск Государственных дум и особенно Первая мировая война оказали мощное влияние на массовое сознание подданных Российской империи. Революцию в определённом смысле ждали, с ней связывали надежды на радикальное изменение, естественно в лучшую сторону, всех сторон экономической, политической и повседневной жизни. Уже в годы Первой мировой войны вчерашние крестьяне, одетые в шинели, перестали понимать, для чего они сидят в холодных окопах. Они слышали разговоры о Распу-

тине и его влиянии на царскую семью, о безудержной спекуляции в тылу и очередях за продовольствием (как их тогда называли «хвосты») у хлебных лавок. В представлении крестьян это было ужасным, беспросветным, бессмысленным и какого-то изменения ситуации ясно не предвиделось. Неудивительно поэтому, что события в Петрограде, приведшие к отречению Николая II и падению самодержавия были восприняты подавляющим большинством населения с радостью и энтузиазмом. Казалось, что вот-вот наступит счастливый век, всё чудесным образом переменится к лучшему; что придёт быстрая и окончательная победа в затянувшейся бессмысленной войне, хлебные лавки наполнятся дешёвыми продуктами, общество «оздоровится». Россиян охватила эйфория, восторженное безумие, революционный энтузиазм, они яростно отрицали всё старое и воспевали идеалы «свободы» и «демократии». Хотя вряд ли кто-то мог внятно объяснить, в чём именно эти идеалы состоят. Но люди верили в них, не пытаясь рационально объяснить свою радость.

Март 1917 г. в сибирских городах был месяцем митингов. Горожане шли на митинги и собрания на любую тему и по любому поводу, слушали ораторов в восторженном молчании и наслаждались праздником. Сибирские газеты тогда каждый день печатали отчёты и репортажи о митингах. Возьмём, для примера, иркутскую газету «Сибирь» начала марта. Вот что она писала: «Настало время народовластия, и Учредительное собрание скажет, что нет больше самодержавия, кроме самодержавия народного, что нет выше власти, нежели власть народа! Исполнились заветные мечты! Воплотились в жизнь прекрасные лозунги. Жизнь стала прекрасна. Смерти нет. Наступило светлое воскресение народа!» [1]. Ей вторит омич П. Хрусталёв: «Любинский проспект, этот центр Омска, теперь являл собой круто запроващенное месиво митингующих разношёрстных людских масс <...> то там, то здесь, поднимались на импровизированных трибунах ораторы. Они в большинстве случаев сами себе предоставляли слово, и сами же организовывали вокруг себя аудиторию слушателей. И вокруг этих походных трибун кипел жаркий бой о судьбах и путях революции» [2]. О том, что происходило в сибирской деревне, свидетельствуют воспоминания крестьянки села Брюханово Томской губернии М. Камболовой: «Одни радовались, ликовали, другие – недоумевали. Ходили с флагами, с красными повязками на руках, митинговали. Поп служил на площади молебн, присягали Временному правительству и в то же время во время молебна велись разговоры об окончании войны, о конце света, о втором пришествии Христа» [3].

Но день за днём праздничное настроение сменялось заботами дня текущего. Сразу после свержения самодержавия предложение продуктов увеличилось: на омский рынок крестьяне усилили подвоз масла, а мясоторговцы стали распродавать запасы мяса; в Томске продавалась мука с городских складов и из частных запасов, кроме того, крестьяне усилили подвоз муки на рынок; в иркутских городских и кооперативных лавках по карточкам продавалась маньчжурская и местная мука и привозной сахар. Но уже в марте 1917 г. стали появляться первые признаки продовольственного кризиса, начали исчезать из продажи некоторые продукты и товары: в Томске исчез с прилавков сахар, в Ново-николаевске – галоши, купить которые можно было по возросшей цене лишь на

толкучем рынке. В Томске перекупщики скупали у крестьян продукты по дороге на рынок и перепродавали их по повышенной цене. В том же Новониколаевске хлеб в городской лавке отпускался по одной булке на человека – предприимчивые горожане созывали десяток мальчишек, закупали хлеб и перепродавали его в тридорога [4].

Ярким отражением интересов населения являются репертуары местных театров и кинотеатров («электротеатров», как их тогда называли). В марте во всех городах Сибири огромной популярностью пользовались картины и драмы революционного содержания: «Гражданские похороны жертв революции в Петрограде», «Борцы за свободу России», «Отречёмся от старого мира», «Жизнь и смерть Гришки Распутина». Однако уже в апреле острота момента отошла в прошлое и горожанам стали показывать лёгкие развлекательные программы: «Маруся оправилась», «Сиротка Ася», «Ночь любви», «Чёрт», «Диана», «Шумный жизни пир», «Ах, что за ночь то была!» [5].

Таким образом, уже Февральская революция 1917 г. ярко продемонстрировала несовпадение ожиданий и реальности. Разочарования в ожиданиях, неуверенность в сегодняшнем и страх перед завтрашним днём привели к росту легковерия и суеверия. В июле 1917 г. в Новониколаевске появились китайки, которые предлагали лечить зубы, «удаляя из зубов червей», из-за чего якобы и болели зубы. Китайки «сперва запускали грязные пальцы в рот» и ощупывали больной зуб, затем доставали маленький молоточек и постукивали по больному зубу. Китайки заявляли, что после такой процедуры червяки выползают из зубов, и удаляли их особыми заострёнными палочками из дупла зуба. Так же «лечили» зубы и в Омске. Пожары, периодически случавшиеся в сибирских городах, стали рассматриваться не как стихийное бедствие, а через призму сверхъестественного. Газета «Свободная Сибирь» сообщала о лжепророках в Кузнецком уезде, прорицавших о втором пришествии. В Томске широко распространились воззвания «опытной хиромантки-физиономистки, известной предсказательницы Николиной», к которой тянулись и простые женщины, и барыни, и учащая молодёжь. В Новониколаевске пьяная толпа в усадьбе бывшего городского головы разрыла клумбу, отыскивая труп жены Николая I и какого-то министра, чтобы положить конец мировой войне [6].

Дефицит продуктов питания и рост цен, характерный для лета – осени 1917 г., породил новую волну ожиданий и надежд, связанных с тем, что достаточно расправиться с «врагом» – образ врага был нечётким, расплывчатым, вмещающая в себя как черты конкретного местного спекулянта, еврея-торговца, так и собирательного виновника бедствий вообще, например, буржуя, нерадивого чиновника, «реакционера из местных домовладельцев», – то все проблемы будут раз и навсегда решены и наступит эпоха всеобщего благоденствия. Самое интересное, что теперь и царские времена, которые совсем недавно все проклинали, стали вырисовываться в розовой дымке ускользнувшего «золотого века». Вот что говорили в «хвостах» у продовольственных лавок: «Обещали нам много – и земли, и воли, на деле мы не получили ничего», «Как только избрали в комитеты социалистов, так сразу же изменили народу: вместо того, чтобы улучшить положение бедноты, они назначили себе большое жалование и живут

припеваючи», «При царе было лучше – он плохой человек, но всё же не забывал бедняков – в голодные годы царь даром выдавал хлеб» [7].

Характерно, что с Октябрьской революцией сибирский обыватель не связывал никаких надежд или ожиданий. Объяснить это можно тем, что, по видимому, в сознании обывателя Октябрьская революция практически не отразилась – пришедшие к власти большевики рассматривались как один из вариантов революционных властей 1917 г. Учредительное собрание также оказалось за пределами событийного горизонта сибирских горожан и крестьян. На них свалились совсем другие проблемы – поиски продовольствия, товаров и топлива по стремительно растущим ценам, квартирные трудности для беженцев, безработица, растущая преступность. Но после перехода власти к Советам в Сибири (этот процесс растянулся с ноября 1917 до марта 1918 г. в разных городах) стало распространяться ожидание о том, что скоро придут «революционеры-большевики», они отберут у «буржуев» всё и разделят поровну, никто не будет сопротивляться, поскольку есть Красная гвардия, и все заживут сытой жизнью. Действия власти, объявлявшей реквизиции, национализации, конфискации и прочие «насильственные» изъятия имущества в большинстве воспринимались положительно, пока речь шла о крупных торговцах и промышленниках, но как только дело доходило до обывателя, то он вновь начинал ностальгировать по «золотым царским временам». Характерный пример: в середине декабря 1917 г. Новониколаевске распространялась прокламация якобы от имени директора реального училища Бутовича: «Долой хулиганов правителей! Да здравствует Николай Романов!... Идите ко мне и будете сыты!» [8].

В итоге большевики, которые не смогли решить ни продовольственную проблему, ни подавить преступность весной 1918 г., потеряли привлекательность в глазах большинства населения. И вновь обыватели, которые винили в дефиците и дороговизне местные власти и власть вообще, после свержения большевиков в мае – июне 1918 г., стали надеяться, что продукты появятся в изобилии и по дешёвым ценам. Но прошло три месяца после установления новой власти и вновь сибиряки стали разочаровываться, часто повторяя: «И при Советской власти то же было! А хлеб-то ещё вздорожал!» [9].

Тревожное и нестабильное время Гражданской войны, неясность обстановки, неуверенность в завтрашнем дне порождали теперь уже только нелепые слухи, но никаких надежд у сибирских обывателей уже не было. Конечно, слухи не только восполняли дефицит информации и отражали страхи обывателей, но они оказывали мощное влияние на формирование надежд и разочарований обывателей и их отношение к существующей власти и политике. Альтернативой правлению Колчака сибиряки уже видели «большевиков». Как ни странно, если проследить за ожиданиями и разочарованиями сибиряков с конца 1916 до конца 1919 г., то мы отчётливо увидим, что ожидания, если так можно выразиться, «мельчают»: уже не ждут каких-то глобальных перемен, приносящей все дары и блага революции, а стремятся потихоньку жить, не надеясь на светлое будущее и вздыхая по старым добрым временам. Всё больше звучала общая усталость, жажда мира и покоя. Омская газета в статье «Заметки обывателя» с разочарованием отмечала: «Обыватель находится в состоянии собачей старо-

сти и с пассивным равнодушием переносит сыплющиеся на него со всех сторон пинки и удары судьбы. Дерёт ли мародёр с него последнюю шкуру, он беспрекословно отдаёт последние оставшиеся у него гроши. Заберётся ли к нему какой-нибудь захудалый воришка и крикнет: «Руки вверх!» – он немедленно подаёт своё бумажник и ключи от сундуков. Загонит ли его жилищная комиссия в самый худший угол его квартиры, он ложится туда как в берлогу и там же, за неимением куда деться, переболевает сыпным или возвратным тифом. На больного и лишённого за недостатком врачебного персонала рациональной помощи обывателя накинута целая свора японских, корейских, китайских врачей, знахарей, хиромантов, астрологов, индийских факиров и других представителей и знатоков сушей и загробной жизни» [10].

Желание социальной справедливости, столь характерное для первых месяцев революции, когда первый революционный всплеск породил небывалые прежде ожидания, сменилось общим настроением, которое можно выразить ёмкой формулой: «Лишь бы не было хуже». Резкое падение от восторженных ожиданий к несбывшимся надеждам привело к стремлению забыться, уйти к развлечениям, планка духовных потребностей резко снижалась. Это привело к неистребимой жажде к развлекательным программам без особых художественных достоинств, большинство – с эротическим уклоном: по всем театрам и электротеатрам Сибири шли «Грешница», «Распродажи жизни», «Измена», «Старички и девчонки», «Сильва, дитя шантана», «Рабыни веселья», «Бог мести», «Царица ночи», «Малютка Элла», «Приключения новобрачных», «Жених и Попуга», «Весёлые купальщицы (грешнички)», «Дамы курорта не боятся, даже чёрта», «Похождения Макса Линдера», «Тайны гарема», «Торжество козлоногих» и т.п. [11]. Так, корреспондент иркутской газеты комментировал: «Иркутск за последнее время ведёт довольно беспечальный образ жизни. Битком набиты многочисленные собрания, где идёт безумная игра, шумное оживление в шикарных ресторанах <...> Почти никогда не пустуют театры и кинематографы» [12]. Размышлять о «вечном» в условиях нестабильного существования было просто невозможно.

От очередной смены власти в ноябре 1919 – январе 1920 г. сибиряки уже просто ничего не ожидали, уже никто не верил, что когда-то будет лучше. Казалось, что «золотые времена» давным-давно прошли.

Обратим внимание ещё на одну проблему. Как отмечают многие социологи, уровень религиозности населения сильно колеблется: в эпоху перемен оживает религиозность народа, когда только бог видится единственным, кто может спасти и сохранить. Но в России произошло уникальное явление: вера осталась, но авторитет православной церкви, связанной с государством, самодержавием, Николаем II и Распутиным, настолько упал, что народ стал верить не в бога и божественную справедливость, а в революцию и социальную справедливость. Первая мировая война хотя и затронула экономические основы жизни сибиряков, но армия сражалась, а обыватель жил своей жизнью. В эпоху революций и особенно Гражданской войны тотальность происходившего, затронувшая все стороны жизни всех слоёв населения Сибири, привела к полному отрицанию бога (по принципу: если бы был бог, то он бы всего этого не до-

пустил). Здесь во многом коренятся глубинные корни успехов антирелигиозной пропаганды большевиков и их успешной борьбы с церковью в 1920-е гг.

Библиографический список

1. Сибирь (Иркутск). 1917. 5 марта.
2. Воспоминания П. Хрусталёва, 1933 г. // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1015. Л. 3, 4.
3. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1200. Л. 1.
4. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 67.
5. Там же. С. 65, 66.
6. Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. С. 68, 69.
7. Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 4 окт.
8. Там же. 19 декабря.
9. Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 4 октября.
10. Сибирская речь (Омск). 1919. 5 января.
11. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 217–219.
12. Свободный край (Иркутск). 1919. 6 февраля. (24 января).

Б. В. КОЛЕСНИКОВ (Волгоград)
Волгоградский государственный университет

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА М. Р. ШТЕФАНИКА И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ВОПРОС В СИБИРИ В 1918-1919 ГГ.

Аннотация: В данной статье проанализирована деятельность генерала М. Р. Штефаника по стабилизации положения чехословацкого корпуса во время Гражданской войны в России. Сделан вывод о том, что результатом его миссии стало сохранение боевого потенциала чехословацкого корпуса. Чехословацкие легионы в России способствовали дипломатическому признанию союзниками Чехословацкой республики.

Ключевые слова: Штефаник, Сибирь, Гражданская война, Чехословацкий корпус, интервенция, международные отношения.

B. V. KOLESNIKOV (Volgograd)
Volgograd state university

MISSION OF GENERAL M. R. ŠTEFANIK AND CZECH AND SLOVAK ISSUE IN SIBERIA IN 1918-1919

Annotation: In this article we analyzed activity of general Milan R. Štefanik for stabilization of the Czechoslovak corps's state during the Russian civil war. We concluded his mission's result was saving of the Czechoslovak corps's combat capacity. The Czechoslovak legions in Russia promoted diplomatic recognition of Czechoslovak republic by the Allies.

Keywords: Štefanik, Siberia, the Civil war, Czechoslovak corps, intervention, international relations.

Создание в России Чехословацкого корпуса неразрывно связано с Миланом Растиславом Штефаником, одним из основателей Чехословацкого государства, выдающимся дипломатом, политиком, военным министром. Источниками по истории чехословацких войск в Сибири и миссии М. Р. Штефаника являются документы дипломатического характера, деловая и личная переписка, записки самого М. Р. Штефаника, мемуары начальника французской военной миссии в России генерала М. Жанена, доклад личного секретаря М. Р. Штефаника проф. Ф. Лакогого, а также фотодокументы.

Во время Гражданской войны в России Чехословацкий корпус оказался на стороне Белой армии. В мае 1918 г. произошел известный конфликт легионеров с большевиками, в результате которого пятидесятитысячное чехословацкое войско овладело за короткий срок всем Транссибом.

Временное Сибирское правительство было заинтересовано в чехословацкой поддержке; легион контролировал все железнодорожные пункты Сибирь-

ской магистрали. После прихода к власти А. В. Колчака ситуация осложнилась. Смена власти в Омске 17-18 ноября 1918 г. была встречена чехословацкими легионерами довольно прохладно [1]. Чехословаки тревожили промонархические и проколчаковские настроения офицерства; они заявляли о своем желании покинуть фронт и уехать [2]. Легионеры жаловались, что устали, что им надоели постоянные перевороты в России, и поэтому они не хотят поддерживать новую власть.

С этими событиями связан последний визит М. Р. Штефаника в Россию. Ему предстояло преодолеть антиколчаковский настрой легиона, склонить его руководство к сотрудничеству с новой властью, а также ослабить революционное брожение в чехословацких рядах. Он должен был превратить Чехословацкий корпус в соединение регулярной армии, по образцу чехословацких частей во Франции [3]. Верховное командование Антанты надеялось с помощью этого корпуса усилить интервенцию с востока [4].

М. Р. Штефанику требовалось обеспечить пропускную способность Транссиба, содействовать созданию центров сопротивления большевикам и укреплению восточного антигерманского фронта. Но, прибыв в Россию, он понял, что его миссия заранее была обречена на провал [5]. В создавшейся ситуации главной задачей для него стало сохранить боевой потенциал чехословацких легионеров [6]. М. Р. Штефаник пробыл в России более 2 месяцев. Проехав по железной дороге до Екатеринбурга, он получил возможность познакомиться с последствиями большевистского управления в освобожденных колчаковскими войсками областях. Его отношение к большевизму было сугубо отрицательным, что засвидетельствовано в оставленных им записках [7].

Сначала М. Р. Штефаник настаивал на сосредоточении чехословацких частей в каком-то одном, наиболее важном и перспективном направлении и начать активные наступательные операции [8]. Он пытался убедить солдат в необходимости продолжить борьбу и поддержать А. В. Колчака. В беседах с легионерами М. Р. Штефаник указывал 3 причины, по которым необходимо было задержаться в России: 1) угроза идее свободы со стороны большевизма, 2) верность союзникам, 3) признательность русским [9]. Россия одной из первых помогла организовать чехословацкую армию, поэтому, по его мнению, было бы неблагодарным оставить ее тогда, когда ей нужна помощь [10].

С А. В. Колчаком М. Р. Штефаник намеренно не встречался. В Омске даже не вышел из вагона [11]. Он не хотел усложнять ситуацию внутренними разногласиями, компрометировать чехословацкие органы, опубликовавшие протест против переворота. В обострившейся ситуации генералу М. Р. Штефанику с огромным усилием удалось сделать чехословацкий корпус союзником А. В. Колчака. Позднее М. Р. Штефаник критиковал А. В. Колчака «как слишком слабого диктатора» [12].

В конце 1918 г. он начал реорганизацию легиона, назначил новое военное и политическое командование, которое по характеру и структуре соответствовало соединениям регулярной армии, подчинив его руководимому им военному министерству. М. Р. Штефаник энергично взялся за очищение корпуса от «ненадежных элементов». Были арестованы и преданы суду руководители и

инициаторы солдатских выступлений в октябре-ноябре 1918 г. При штабе корпуса была создана военная полиция. М. Р. Штефаник принял меры для ликвидации всех выборных армейских комитетов по образцу Советов, что помогло «сцементировать» корпус, усилить его боеспособность и преданность Чехословацкой республике.

Ситуация в России была в то время очень сложной, союзников больше интересовали послевоенные сферы влияния, чем мир в России. М. Р. Штефаник понял, что Чехословацкий корпус в Сибири уже ничего не добьется. По словам генерала М. Жанена, он уже не верил «в возможность вернуть чехословаков обратно на фронт» [13].

При А. В. Колчаке с согласия союзников основной задачей легионеров стала охрана Транссиба. Это было менее опасным, чем нахождение на передовой линии фронта, и, во многом благодаря генералу М. Р. Штефанику, помогло сохранить жизнь основного личного состава легиона.

Ко времени приезда М. Р. Штефаника в Сибирь солдаты уже знали, что война в Европе закончилась, и образовалось чехословацкое государство. Они были вымотаны непрерывными боями, которые вели с мая-июня 1918 г., и мечтали, как можно скорее, вернуться домой. Внутреннее состояние легиона внушало М. Р. Штефанику серьезное беспокойство. Он обещал сделать все возможное, чтобы облегчить положение легионеров и обеспечить их скорое возвращение домой [14]. 17 января 1919 г. М. Р. Штефаник отдал приказ оттянуть все чехословацкие части в тыл для отдыха. Он начал эвакуацию больных, инвалидов и не пригодных к службе солдат на итальянском транспортном судне «Рома». 15 марта 1919 г. М. Р. Штефаник возвратился в Париж, где на мирной конференции вел переговоры о состоянии Чехословацкого корпуса в Сибири и об их скорейшем возвращении на родину.

Таким образом, главной заслугой М. Р. Штефаника во время пребывания в России в 1918-1919 гг. стало сохранение Чехословацкого корпуса как боеспособной части армии нового государства. Своими беседами и распоряжениями он сумел укрепить дисциплину, преданность солдат и офицеров Чехословацкой республике. Выполнение легионами своих задач в России способствовало дипломатическому признанию союзниками Чехословацкой республики. В сложных условиях Гражданской войны в России М. Р. Штефанику удалось найти компромисс между интересами союзников и желанием чехословацких военных вернуться домой.

Библиографический список

1. Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1. № 2. С. 94.
2. Серапионова Е. П. Милан Растислав Штефаник в Сибири // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под. ред. Ю.В. Богданова. Мартин: Неография, 2001. С. 117.
3. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М.: Наука, 1965. С. 275.

4. Janin M. Moje účasť na československém boji za svobodu. Praze: J. Otto, 1923. S. 102.
5. Документы по истории советско-чехословацких отношений Т. 1 Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. С. 216.
6. Там же. С. 222.
7. Fúška J. M. R. Štefánik v myšlenkach a obrazoch. / J. Fúška a kolektív. Bratislava, 1999. S. 89.
8. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 276.
9. Доклад профессора Лакомого о пребывании М. Р. Штефаника с Сибири // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. / под. ред. Ю. В. Богданова. Мартин: Неография, 2001. С. 152.
10. Серапионова Е. П. Милан Растислав Штефаник в Сибири. // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. / под. ред. Ю. В. Богданова. Мартин: Неография, 2001. С. 122.
11. Varsík M. M. R. Štefanik. Bratislava, 1990. S. 54.
12. Серапионова Е. П. Милан Растислав Штефаник в Сибири... С. 118.
13. Janin M. Moje účasť na československém boji za svobodu. Praze: J. Otto, 1923. S. 198.
14. Фирсов Е. Ф. Милан Растислав Штефаник в России. // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под. ред. Ю. В. Богданова. Мартин: Неография, 2001. С. 48.

Б. М. КОНДОРСКИЙ (Донецк, Украина)
независимый исследователь

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: Революции и контрреволюции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Революция – проявление действия этих законов. В РП все политические режимы имеют черты диктатуры. В зависимости от сроков наступления и характера протекания РП выделено три основные группы стран. Рассмотрены закономерности, характерные для России и других стран третьей группы в рамках РП, начавшегося здесь в начале XX в. и закончившегося в 90-е годы. Показаны основные процессы, предшествующие событиям 1917 г. в России и причины прихода к власти большевиков.

Ключевые слова: история России XX века, Февральская революция, Октябрьская революция, реформы Столыпина, геополитическое пространство.

B. M. KONDORSKII (Donetsk, Ukraine)
independent researcher

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

Annotation: Revolution and counterrevolution in one form of the revolutionary period (RP) as a whole system, having its own laws. The revolution – a manifestation of the action of these laws. In Poland all political regimes have traits of dictatorship. Depending on the timing of the onset and nature of the flow of the RP identifies three main groups of countries. The regularities, characteristic for Russia and other countries of the third group within the RP, which began here at the beginning of the XX century and ended in the 90-ies. Shows the main processes preceding the events of 1917 in Russia and the reasons for the coming to power of the Bolsheviks.

Keywords: Russian history of the XX century, the February revolution, the October revolution, the Stolypin reforms, geopolitical space.

Исторический процесс носит системный характер, что относится и к т.н. называемым буржуазным революциям, а точнее – революциям Нового времени. Анализ показывает, что в основе каждого этапа социальной эволюции

был определенный тип революций, формировавший потенциал дальнейшего развития. В мировой истории можно выделить следующие революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени [1].

Революции Нового времени происходили в форме революционного периода (РП) как системы, имеющей свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. Он заканчивается, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия исключающие возможность каких-либо революционных событий [2, 3, 4]. Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на 3 основных группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ), стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием II мировой войны. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. Т. е. основной единицей классификации здесь являются не отдельные революции, а РП в каждой стране. В арабских странах РП начался после II мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих процессов.

Кстати, наличие революций не обязательно знаменует начало РП. Несмотря на то, что Испания в XIX в. пережила 5 революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП имели место без конкретных революций. В РП все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (не смотря на последующие реставрации). Диктатура позволила в РСФСР–СССР провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на ее Германии – мы знаем из истории. Попытки либерализации власти в РП, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перма-

нентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 1930-е гг.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Попытки реформ «сверху» в России, Китае, Турции, Иране закончились полным провалом.

В СПГ промышленные революции имели самостоятельный характер. В СВГ они обуславливались, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под руководством государства. В СТГ капитализм отсутствовал как система; был капиталистический уклад; уклад – структура, где в отличие от системы нет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы. Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно наполнялось политическим содержанием. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам [5]. В СТГ более 80% населения проживало на селе, имея традиционный крестьянский менталитет. Сознание российского крестьянина воспринимало землю как «божью», «ничью» [6]. Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывал [7].

В начале XX в. крестьянство превращается в самостоятельную политическую силу. Еще в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений [8]. Он усилился во время революции, имея характер организованных погромов помещичьих усадеб. Им предшествовали сельские сходы, утверждавшие приговоры. Это не было разбоем: крестьянские выступления в революцию 1905-1907 гг. были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма в годы Гражданской войны [9]. Дабы предотвратить подобного рода эксцессы в будущем, Столыпиным и его окружением и была задумана реформа. Ее целью было разрушение общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников [10]. Планировалось заложить фундамент российского гражданского общества.

Но в ходе столыпинских реформ крестьяне-буржуа так и не появились. И дело было в характере сознания. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Основная масса крестьян не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство своеобразной самозащиты перед лицом помещиков и государства.

Столыпинская реформа провалилась, в первую очередь, политически. Закон от 14 июня 1910 г. не только не снял социальную напряженность, усилив ее до предела [11]. Абстрактность замысла реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [12]. В итоге политика Столыпина – по разным причинам – не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [13]. Трагедия П. А. Столыпина – умного политика и талантливого организатора, особенно на фоне бесцветного императора и его окружения, заключалась в том, что с началом РП начинают действовать законы, независимые от сознания. Любые попытки реформ в рамках старой системы лишь создают дополнительные условия для последующих революционных событий. Нельзя было создать Великую Россию на полностью прогнившем фундаменте.

Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С. Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России [14]. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Витте считал, что Россия не Китай и что иностранный капитал никогда не вытеснит национальный [15]. Но опора на границу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение, создавая угрозу национальной безопасности. Промышленное производство в России носило резко выраженный характер периферийного капитализма. Была деформирована отраслевая структура. Тяжелая промышленность полностью зависела от государственных заказов [16]. Следует отметить также крайне низкую эффективность экономической системы. Не смотря на то, что население России превышало таковое в США в два раза, тем не менее, США вырабатывали продукцию большую по цене на целый порядок [17]. В конечном итоге политика Витте-Столыпина не привела к сближению с западной моделью, в первую очередь, вследствие крайне низкого уровня капитализации. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [18].

После реформы 1861 г. объем крестьянских выкупных платежей составил 10 млрд. руб. [19]. Но русские помещики не вкладывали эти деньги в развитие экономики, а «проедали». В то же время в Японии огромные денежные средства, полученные от правительства дайме (владельцами князями) и самураями, были вложены ими в промышленную и банковскую сферы [20]. На рубеже XIX – XX вв. Россия попала в финансовую зависимость от Франции, которая

колоссальными займами пыталась удержать Россию в союзе. Внешние займы предполагали внешнеполитические обязательства [21]. Достаточно сказать, что доля России в общемировой задолженности составляла 31% [22].

Заметный промышленный подъем в начале XX в., когда Россия по темпам роста тяжелой промышленности опережала ведущие капиталистические страны [23], носил внешний характер. Подобного рода явления в предреволюционный период отмечены и для других стран [24]. Но повышение уровня жизни в РП воспринималось уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением качества жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – ожиданием конституционной монархии, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление недовольств, носящее пока скрытый характер. При этом власть постоянно испытывает давление абсолютно несовместимых требований – различные социальные слои ждут от нее диаметрально противоположных действий [25]. Просматривается сходство с Францией в конце XVIII в. Разумные попытки реформ, принятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знает, что делать; действия несут судорожный характер, наступает паралич власти.

Активное развитие государственного капитализма способствовало тому, что в ведении государства сосредоточились крупнейшие казенные предприятия оборонного значения, что обусловило высокую концентрацию рабочей силы. Рабочими обычно становились крестьяне, которые не смогли ужиться в своей общине и у которых, по существу, отсутствовало традиционное сознание. Получался как бы «чистый лист», на котором различные политические силы могли формировать нужное им сознание. К тому же относительная малочисленность пролетариата в России компенсировалась высоким уровнем его концентрации. Создавалась своеобразная критическая масса, где при определенных условиях могла пойти «цепная реакция».

Революция 1905 г. развеяла у рабочих и крестьян иллюзии в отношении «добротного царя» в лице Николая II [26]. Политическую точку в революции поставил указ Николая от 3 июня 1907 г. окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, испортив отношения власти с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. Царь стал в глазах русского общества неким «инородным телом». К тому же революция показала инертность и дряблость русской буржуазии, ее антиреволюционность [27].

То же самое относится и к высшей бюрократии, которая уже при Николае I превратилась в своеобразную корпорацию, где внутренние интересы явно превалировали над внешними. Аналогичная ситуация в начале XX в. сложилась с политическими буржуазными и социалистическими партиями, за исключением большевиков. Они тоже сформировали у себя корпоративную структуру, превратившись в партии «в себе» и «для себя».

В предвоенный период и Витте, и Столыпин, и Коковцов понимали гибельность для российского самодержавия войны с Германией [28]. В известной записке Николаю II бывший глава МВД П. Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [29]. Россия вступила в войну, не имея ясной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией. Самое главное – Россия абсолютно не была готова к тотальной войне.

Здесь мы сталкиваемся с закономерностью, характерной для РП. Лишь государства, где закончился РП, могли стать полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII в. (момента окончания здесь РП) во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». Если Франция была уже субъектом геополитического пространства, то Россия – лишь объектом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. После окончания I мировой войны только три страны – Великобритания, Франция, США оказались реальными победителями.

Высшее руководство страны проявило свою беспомощность и во время войны. Для военного периода была характерна разобщенность армейского и гражданского руководства не умевших (а часто не желавших) искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между Ставкой и Советом министров [30]. Правящая бюрократия в новых условиях стала быстро деградировать – за короткий срок от Витте и Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева по кличке «мертвая голова». Элита отвечает за поддержание социально политического пространства общества. Деграция элиты означает деграцию этого пространства. Перед революциями это приводит к тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс. Следует обратить внимание, что Февральская революция был полной неожиданностью не только для властей и буржуазии [31], но и для революционных партий, включая большевиков [32].

Став носителем государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. В первых декларациях провозглашалась великая демократия, но не было ни слова о том? как решить гигантские экономические и социальные проблемы, как трансформировать общество. Лидер либеральной буржуазии Милюков мог страстно утверждать в своих ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа» (Украина в этом отношении не совсем оригинальна). Но уже в первые дни он признал, что начавшаяся рево-

люция уникальна и неуправляема [33]. Конечно, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, А. И. Гучков и другие лидеры буржуазии были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы. Ее законы они не понимали и не «чувствовали». То же самое относится и к руководству социалистических партий – эсеров и меньшевиков. В процессе Февральской революции реальная власть оказалась в руках Петроградского Совета, который возглавили представители этих партий. Передавая власть буржуазному Временному правительству, они наивно полагали, что оно сможет эффективно решить все те проблемы, которые стояли перед российским обществом. Но все получилось наоборот. «Временные» министры всех трех коалиционных правительств за полгода растеряли весь кредит доверия со стороны народных масс, став «инородным телом». Блестящий адвокат Керенский оказался бездарным политиком. Очень точно определил период правления Временного правительства В. С. Завойко (из окружения Корнилова) как эпоху свехпомпадурства [34].

После июльских событий революционный лагерь потерпел крупное поражение. Советы обессилили. На партию большевиков обрушились репрессии. Несмотря на это, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Переломным моментом стала организация большевиками отпора корниловской контрреволюции. Тысячи агитаторов распропагандировали армию, выступившую против революции [35]. Борьба с корниловщиной вдохнула жизнь в угасавшие после июльских событий Советы. Быстро стал восстанавливаться их авторитет [36]. Сила большевиков была не в призывах к социализму, представления о котором оставались у народа еще крайне туманными, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле [37]. Надо отметить, что хаос поглотивший Россию наступил задолго до прихода большевиков, которые просто подобрали власть, которая «валялась в грязи». Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер [38]. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после Февральской революции создать свою диктатуру предопределила Октябрьскую революцию. «Февральская революция не явила миру новых Дантонов и, тем более Робеспьеров» [39].

Создается впечатление, что в 1914–1917 гг. буржуазия была «пятым колесом». Поэтому неудивительно, что во время Октябрьской революции и последующей Гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путем упрощения его структуры. В некоторых публикациях, посвященных событиям 1917 г. часто ругают «плохих» большевиков за то, что они

разогнали Учредительное собрание. Если бы этого не произошло, Россия стала процветающим, демократическим государством. Как известно, в Собрании большинство досталось эсерам. Следует отметить, что эсеры ничего не смогли противопоставить большевикам ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны в 1918 г. Если все-таки теоретически предположить, что эсеры оказались у власти, то через небольшой промежуток времени они тоже разогнали новый парламент и установили свою диктатуру. Подобного рода тоталитарный режим вероятнее всего был близок к итальянскому варианту фашизма. Получается, что «круг замкнулся».

Библиографический список:

1. Кондорский Б. М. Революции в истории человечества // Революции как предмет научной и философской рефлексии: материалы Всероссийской научной конференции (Н. Новгород, 23-24 апреля 2016 г.). Ч. 1. Н. Новгород: Ниж. ГМА, 2016. С. 68.

2. Кондорский Б. М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: Материалы VII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 19-21 ноября 2015 г.). М.: Аспект Пресс, 2015. С. 289-290;

3. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134-150;

4. Кондорский Б. М. Теоретический взгляд на события XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»: Материалы международной конференции (25-26 сентября 2015 г.). Краснодар: КубГУ, 2015. С. 382-390.

5. Кондорский Б. М. Попытка классификации революций на основе концепции революционного периода // Русская революция и современный мир: Всероссийская научная конференция (Н. Новгород, 22-23 апреля 2017 г.). Ч. 1. Н. Новгород, Ниж. ГМА, 2017. С. 46-47.

6. Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: СГУ, 1990. С. 60.

7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 328.

8. Шацилло В. К. 1905-й год. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 18.

9. Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997. С. 169.

10. Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. С. 20.

11. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. С. 89.

12. Зырянов П. Н. Столыпин без легенд... С. 25.

13. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1997. С. 135.
14. Верт Н. История Советского государства. М.: Весь мир, 2006. С. 173.
15. Там же. С. 19
16. Ольштинский Л. И. Советское общество. Кн. 1. М.: ИТРК, 2014. С. 26.
17. Менделеев Д. И. К познанию России. Сочинения в 25 т. Т. 21. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 484.
18. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 19.
19. Ковальченко И. Д. Столыпинская реформа // История СССР. 1991. № 1. С. 57.
20. История Японии. Т. 2 / ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. С. 60.
21. Оськин М. В. История Первой мировой войны. М.: ИД Вече, 2014. С. 39.
22. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005. С. 172.
23. Гиндин И. Ф. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М.: Наука, 1970. С. 81.
24. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. М.: Вагриус, 2001. С. 36.
25. Там же. С. 42.
26. Верт Н. История Советского государства. М., 2006. С. 56.
27. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция... С. 75.
28. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 23.
29. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1994. С. 239.
30. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 347.
31. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 422.
32. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. С. 158.
33. Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2001. С. 353.
34. Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 114.
35. Старцев В. И. Крах керенщины. Л., Наука, 1982. С. 37.
36. Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 142.
37. Война и общество в XX веке. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 155.
38. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 33.
39. Булдаков В. П. Красная смута. М.: РОССПЭН, 1997. С. 61.

М. В. КРОТОВА (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ОМСК В 1917 ГОДУ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. А. МОРОЗОВА

Аннотация: Настоящая статья основана на воспоминаниях В. А. Морозова – омича, юриста, участника Гражданской войны, эмигранта в Маньчжурии, которые хранятся в РГАЛИ. Воспоминания были написаны в 1960-х гг., по возвращении в СССР из Китая, но, несмотря на временную дистанцию в 50 лет, удивительно точны и объемны, охватывают широкий круг проблем, связанных с революцией в Омске.

Ключевые слова: Омск, революция, 1917, В. А. Морозов, эмиграция, Маньчжурия, воспоминания.

M. V. KROTOVA (St. Petersburg)

St. Petersburg State University of Economics

OMSK IN 1917: FROM MEMOIRS OF V. A. MOROZOV

Annotation: This paper is based on the memoirs of V. A. Morozov – a native of Omsk, lawyer, the Civil war participant, emigrant in Manchuria, which are in the Russian State Archive of Literature and Art. Memories was written in the 1960s, when Morozov returned to the USSR from China, but despite the temporary distance of 50 years, memoirs is amazingly reliable and diverse, cover a wide range of problems associated with the revolution in Omsk.

Keywords: Omsk, revolution, 1917, V. A. Morozov, emigration, Manchuria, memoirs.

Всеволод Александрович Морозов (1891–1979) – юрист, эмигрант первой волны, проживший более 30 лет в Китае – Харбине и других городах Маньчжурии. Он родился 20 ноября 1891 г. в Омске, в семье юриста, Александра Павловича Морозова (1864–1933), известного общественного деятеля. Окончил гимназию в Омске, затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1914 г.). Был офицером, участником Гражданской войны, в 1920 г. эмигрировал в Харбин. В 1954 г. вместе с семьей он репатриировался в СССР [1]. В 1958 г. в Ишимбае он начал писать воспоминания, но затем отложил их на несколько лет [2]. В 1963 г. он приступил к созданию «Записок об эмиграции» (составляют несколько тетрадей и блокнотов) [3]. Три тетради (датированы 1967–1968 гг.), озаглавлены «О событиях революции в Сибири». И, несмотря на то, что в них зафиксированы события 50-летней давности, они несомненно представляют интерес для историков, передавая атмосферу и дух того времени.

В мемуарах В. А. Морозов передает не только свои впечатления – его круг знакомств в Омске был довольно широк: он был офицером, кадетом, чле-

ном Общественного собрания, работал в газете «Сибирская речь». Несмотря на растерянность, стремительно развивавшиеся события, он запомнил массу деталей, оставил точные характеристики отдельных людей, а также передал настроения солдат, офицеров, интеллигенции.

В феврале 1917 г. В. А. Морозову шел 26-й год, он уже окончил Юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В июле 1914 г. по мобилизации, как ратник ополчения I-го разряда, он был призван в армию, зачислен в одну из ополченских дружин, расквартированных в Омске. Таким образом, службу он проходил на родине, где жила его семья. К 1917 г. В. А. Морозов – офицер в чине прапорщика, в должности командира роты. К тому времени он был женат, в апреле 1915 г. родилась дочь Галина. Вместе с женой и дочерью они жили в доме отца, члена Омской судебной палаты.

В воспоминаниях Морозова Омск к 1917 г. – губернский город, среди жителей которого было много интеллигенции, людей свободных профессий (врачей, адвокатов). В промышленном отношении, отмечал В.А. Морозов, город был слабо развит, пролетариат имелся только в железнодорожных мастерских, на частном механическом заводе, на папиросной фабрике Серебрякова и других заведениях кустарного типа. Зато военный гарнизон в городе был очень велик – несколько запасных батальонов, дружин государственного ополчения, казачьи части, артиллерия: «Военные кадры того времени состояли почти исключительно из мобилизованных запасных и ратников ополчения (солдаты) и военизированных интеллигентов и полуинтеллигентов, окончивших ускоренные курсы военных училищ и школ прапорщиков. Большая нужда в офицерском составе вынуждала комплектовать школы прапорщиков людьми, имеющими очень низкий образовательный уровень, а, следовательно, малокультурных» [4].

Февральская революция стала для Морозова полной неожиданностью. Никто в его окружении ни о какой революции не говорил и не думал, и после полученных в конце февраля сообщений из Петрограда многие его знакомые были дезориентированы. Но поначалу старые понятия о власти и порядке еще сохранялись, и жизнь какое-то время шла по инерции. Сам Морозов не раз отмечал в своих воспоминаниях, что не любил политиканства, мечтал быть прокурором, защищать интересы государства. Став военным, приняв присягу, он почувствовал недопустимость нарушения долга и закона, отсюда его отношение к Февральской революции – «терпимое и настороженное».

Сам того не желая, В. А. Морозов был втянут в политические события. Его выбрали депутатом (по его словам, скорее командировали) Военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов от Общества офицеров 706-й пешей Акмолинской дружины, где он был избран председателем комиссии по отправке маршевых рот (комиссии, по существу, не было, он был в единственном числе). Морозов был членом Совета 2–3 недели, пока не истекли полномочия, и все это время его не покидало ощущение «фальши, надуманности», участия в какой-то «недостойной игре». Свои впечатления о Совете он оставил в воспоминаниях: «Председателем Военного отдела был солдат (фамилию забыл). Он был старым подпольщиком, активным и решительным, толково вел за собой массу, которая в то время была на редкость политически темна и беспо-

мощна. Умело, так сказать, укрощая строптивых и инакомыслящих, каковые встречались среди делегированных в Военный отдел офицеров. Запомнил еще подпоручика Мокеева, тонного, щеголеватого офицера с университетским значком и изящным портфелем, прапорщика Буланова, газетного работника (лет 30–32)». О председателе совета – Константине Андреевиче Попове, он написал всего несколько строк: «Омский адвокат, туберкулезник, был левым деятелем, неоднократно подвергавшимся арестам “за политику”. Вел себя грубо, заносчиво, что не вязалось с его профессией» [5].

В воспоминаниях нашли отражение создание Коалиционного комитета, ситуация двоевластия, а также арест Н. А. Сухомлинова, выборы нового командующего войсками на общем собрании офицеров гарнизона. О новом командующем, генерал-майоре Г. В. Григорьеве, военном юристе в отставке, Морозов оставил следующую характеристику: «Человек не очень умный, никудышный адвокат, но везде и всюду прославлял «солнышко революции» – его так и прозвали. Словесная революционность создала ему некую популярность. Другой кандидатурой был генерал-майор Генштаба В. Г. Владимиров, начальник штаба 5-го ополченского корпуса, человек неглупый и волевой, звал к выдержке и спокойствию и сохранению порядка» [6].

В. А. Морозова назначили адъютантом начальника штаба 53-й ополченской бригады (начальником стал бывший адъютант по хозяйственной части Ильинский), но он попросил оставить его командиром роты. О своей роте он писал: «Солдаты были гораздо старше меня – на 10, 15 и 20 лет. Располагалась рота около железнодорожного вокзала, в переселенческих бараках, верстах в 4–5 от города и 7–8 от штаба дружины. Телефона у меня не было, я был предоставлен самому себе. В роте было 1100 – 1200 штыков (по списку), но в наличии около 700 человек. Рота моя ловила дезертиров: команды по 40–50 человек отправлялись на пассажирские поезда. Солдаты общались с самой разной публикой, возвращались полные слухов, пересудов и прочего. Дезертирство становилось угрожающим. <...> Где-то через 3 недели после февральского переворота, в 20-х числах марта по старому стилю рота взбунтовалась и арестовала ротный комитет. Я приказал освободить арестованных, собрал роту, чтобы выяснить причину ареста, но не смог этого сделать из-за галдежа и крайней недоброжелательности. В то время уже были случаи избиения офицеров: ратники 709-й дружины жестоко избили своего командира полковника Филимонова и бросившегося его защищать поручика Шпейера, которые после этого долго находились в госпитале. <...> Уже потом я узнал, что за день до этого в роте появились какие-то личности, вели беседы с солдатами. Очевидно, роты были «распропагандированы» [7].

После этого инцидента Морозов отказался от командования ротой и перешел на работу в штаб 53-й бригады. В штабе бригады было «тихо, особых происшествий до октября 1917 г. не было, все старались соблюдать и поддерживать заведенный порядок». Но его не покидало ощущение чего-то «несерьезного, неустойчивого, почти игрушечного». К тому же «гримасы революции» давали о себе знать. Почти обязательной стала, пусть формальная, но принадлежность к социалистическому лагерю, даже среди офицерства. Необходимость

«защитной окраски» превращала «чистокровных буржуев» в социалистов. Морозов примыкал к кадетам, работал в кадетской газете «Сибирская речь», которую редактировал приглашенный опытный газетчик Николай Яковлевич Каньшин. Всеволод Александрович исполнял обязанности технического работника, иногда заменял корректора, помогал в верстке номеров. По его словам, в газету писали в основном Н. Я. Каньшин и В. А. Жардецкий – руководитель омских кадетов, «прекрасный оратор и неплохой журналист, решительный и смелый человек» [8].

Одним из запомнившихся событий этого периода стала подписка на Заем Свободы (май – июнь 1917 г.) Он проходил в помещении комитета кадетской партии. Морозов вспоминал о том, как люди охотно, радостно отдавали свои деньги, сколько могли, приносили ценные вещи – кольца, броши, браслеты, подстаканники, портсигары и пр. Он сравнивал этот подъем с чувством, которое охватило нижегородцев после обращения к ним Кузьмы Минина – «большой и горячий патриотизм двигал людьми, объединил в высоком порыве молодых и старых, богатых и бедных, мужчин и женщин». Заем он считал проявлением «жертвенности во имя блага России, порывом, направленным на «обуздание мятежных страстей», исключительным событием, без которого нельзя понять появление Белого движения и эмиграции» [9].

О лете 1917 г. Морозов вспоминал как об относительно спокойном периоде: «Избиений больше не было, так же, как и беспорядков в воинских частях. Цены выросли, но на рынках еще можно было все купить. <...> Вполне терпимая жизнь, но недисциплинированная, разнузданная солдатня часто отравляла жизнь, делала ее неприглядной, а порой и отвратительной». «К лету 1918 г. мы так и не поняли, что свершилась революция, и старая жизнь уже не вернется – по инерции жили в тех же темпах и теми же интересами, что и до революции. Занимались самообманом, старались уверить себя, что можно жить по-старому». В период лета 1917 г. активно шли процессы делиберализации, «деволюционизации»: люди резко правели. «Обращение “товарищи” к сентябрю 1917 г. стало крайне одиозным, почти оскорбительным, как и слово “совдеп” – почти бранным, неприличным. Кто-то выругался “совдеп твою...”» [10].

Относительно мерное течение жизни нарушил октябрьский переворот. По городу были расклеены афиши, сообщавшие от имени Омского совдепа о событиях в Петрограде, заканчивавшиеся словами: «Мы с повстанцами». Сообщение о том, что Председателем СНК является Ленин, произвело ошеломляющее впечатление: «Это казалось какой-то фантасмагорией, кошмаром, сном. Первая мысль: с этим нельзя примириться, надо бороться, надо разогнать черный туман, окутавший Россию, медлить нельзя. <...> Но не знали, что делать, с чего начать. Как слепые щенки тыкались из угла в угол. Скоро в редакцию “Сибирской речи” явились два представителя Совдепа – пареньки 22–24 лет, вряд ли хорошо грамотные, но в общем добродушные – и заявили, что типографию Совдеп конфискует» [11].

В штабе бригады, по словам Морозова, все чего-то ждали. Состояние настороженности и ожидания вообще было характерно для этих дней. Вскоре появились особые отряды матросов и латышей – энергично стали насаждать ре-

волюционные начала. «Отцвели цветочки первых большевистских дней, созрели ягодки». Все чаще можно было услышать об обысках (по доносам бывших «домработниц» – кухарок, горничных – так они сводили счеты со своими бывшими хозяевами). Общественное собрание было закрыто. Революция «углублялась». Все государственные и муниципальные учреждения были разгромлены, в них насаждались новые порядки. «Все старое, привычное, и как будто неизбывное летело кувырком, жизнь принимала новые формы. Многие бросили работу, отказываясь работать с большевиками. Утвердилось мнение: нельзя шкурные интересы ставить выше чести и достоинства, выше долга перед Родиной».

В. А. Морозов писал о болезненной реакции на приказ о снятии погон – «один из самых оскорбительных, который немало способствовал возникновению антибольшевистских настроений». Погоны сняли, но на службу ходили, получали даже жалование в сильно урезанном виде до марта 1918 г. «Мы были предоставлены сами себе, питались слухами, страхами, выдумками и той неприглядной действительностью, которая сопровождала первые шаги советской власти. Мы считали, что большевики – это жалкая кучка узурпаторов, опирающаяся на подонков общества и с их помощью захватившая власть. Мы все больше и больше утверждались в мысли, что наш долг перед Родиной – возможно активнее бороться с советской властью, в корне уничтожая все, ею насаженное» [12].

Тогда возникла мысль о необходимости создания нелегальных организаций, преследовавших цель борьбы с большевиками. «В декабре 1917 г. к нам в штаб бригады зашел некто Борис Мариупольский – помощник присяжного поверенного, предложил встретиться. Сообщил, что в Омске создана подпольная организация по борьбе с большевиками. Структура – т.н. “пятки”. Мне предложили создать свой “пяток” – т.е. привлечь в организацию 5 человек, и войти в руководящий центр». Морозов согласился, привлек двоюродного брата А. А. Ефимова. Собирались под видом игры в преферанс. Кроме них в пяток входили штабс-капитан Александр Васильевич Шемякин, штабс-капитан Неофитов-Неволин («душа всего дела», был убит в 1918 (июне-июле) после чешского переворота). Морозову было поручено держать связь с омскими учебными заведениями – кадетским корпусом, гимназиями. Он писал о том, что во всех учебных заведениях у него были связные – «ко мне толпами ходили домой до конца марта – начала апреля 1918 г., когда я уехал на работу в Славгород». Морозов утверждал, что были и другие партизанские отряды [13].

В. А. Морозов в мемуарах писал о неразберихе того времени: «По видимому, большевики не знали, что они могут, что не могут. В начале марта 1918 г. офицеров демобилизовали – пришли в штаб два паренька, уполномоченные принять помещение, имущество и денежные суммы штаба. Мы тщательно составили список инвентаря, денежный отчет и пр. Пока канцелярия готовила документы, мы разговаривали с представителями новой власти. Омским совдепом заправлял Косарев и Либков (Здесь видимо, мемуарист допускает искажение фамилии, имея в виду З. И. Лобкова – авт.). Один из представителей (кажется, Осипов) сказал: «Либков ничего себе хороший парень, но только он “венегретянского исповедания”. На наш удивленный вопрос, пояснили, что

Либков не ест мяса. Так, в начале марта 1918 г. я был “упразднен” и как юрист, и как офицер» [14].

После увольнения Морозов устроился на работу по постройке участка Южно-Сибирской железнодорожной ветки на должность начальника канцелярии участка в Славгороде, вернулся в Омск только после чешского переворота в июне 1918 г., был мобилизован в роту 2-го Степного полка. В дальнейшем служил в информационном отделении Военно-исторического отдела штаба Сибирской армии, где перерабатывал информацию из Разведывательного отдела штаба для газет. После переворота 18 ноября 1918 г. Морозов был переведен в отдел дежурного генерала, где работал до января 1919 г. (штаб армии переехал в Екатеринбург, а он был переведен в судный отдел Главного штаба, созданного в январе 1919 г.). В ноябре 1919 г. В. А. Морозов по его просьбе был зачислен рядовым в 11-й Сибирский казачий полк вместе с двоюродным братом А. А. Ефимовым. 14 ноября 1919 г. они выступили из Омска на Читу. Морозов впоследствии участвовал в знаменитом Сибирском Ледяном походе [15]. С декабря 1920 г. проживал в Харбине, оставил замечательные воспоминания о русской эмиграции в Маньчжурии.

Обобщая омский опыт и наблюдения, Морозов объясняет причины невозможности сосуществования с большевистским режимом, указывает на истоки Белого движения. Он также признается в многочисленных ошибках антибольшевистского движения («много раз рубили сук, на котором сидели»). Так, он считал, что «белые» сильно переоценивали значение религии в жизни русского народа, напрасно надеялись, что воинствующий атеизм большевиков встретит отпор со стороны широких масс и сделает их активными противниками советской власти. Также белые не представляли значения большевистской идеологии, их тактики, средств и способов борьбы, не были готовы к кардинальным изменениям. «Революцию интеллигенция встретила во всеоружии политического невежества и наивности. <...> Мы просто считали, что нас обманули, предали, надругались над всем светлым и чистым. Ничего, буквально ничего мы не понимали в происходящем и совершенно не представляли себе, что будет дальше и что надо делать» [16].

Воспоминания В. А. Морозова относятся к эго-документам и представляют важный исторический источник по истории революции, Гражданской войны и эмиграции. Они написаны через полвека после описываемых событий, и, несомненно, огромное влияние на них оказал последующий опыт, знание дальнейшего развития революции. Тем не менее, ценности от этого они не потеряли, и ретроспективный взгляд автора, а также четкая нравственная позиция придают тексту особую убедительность. Воспоминания В. А. Морозова показывают, что большой, сложный, многолетний спор о революции не окончен. Необходимо, анализируя причины и последствия революции, предоставлять слово и проигравшей стороне. Изучение таких источников позволит расширить представления о позиции сторон в 1917 г., сделать картину русской революции более объемной и многоцветной.

Библиографический список

1. Кротова М. В. «Все мы были участниками грандиозной политической игры»: воспоминания В. А. Морозова о харбинской эмиграции // Люди и судьбы Русского Зарубежья. Вып. 3. М., 2016. С. 101–115.
2. Смирнов С. В. Воспоминания русских репатриантов из Китая: прошлая реальность и реальность прошлого // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. статей. Екатеринбург, 2008. С. 371–382.
3. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10–20.
4. Там же. Д. 14. Л. 8.
5. Там же. Л. 17.
6. Там же. Л. 25.
7. Там же. Л. 30–33.
8. Там же. Л. 41.
9. Там же. Л. 41А-42.
10. Там же. Л. 47–48.
11. Там же. Л. 53.
12. Там же. Л. 59.
13. Там же. Л. 62–69.
14. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 14. Л. 71.
15. Об этом см.: РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 15–17.
16. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. Л. 45.

А. М. ЛОСУНОВ (Омск)

Сибирский казачий юридический колледж

**К. А. БОГДАНОВ: «КОЛЧАКОВЕД» КОНЦА XX ВЕКА.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

Аннотация: Данная публикация посвящена биографии К. А. Богданова – известного петербургского исследователя конца XX в., посвятившего ряд своих научных трудов жизни и деятельности адмирала А. В. Колчака.

Ключевые слова: К. А. Богданов, А. В. Колчак, Омск, Санкт-Петербург.

A. M. LOSUNOV (Omsk)

Siberian Cossack juridical college

**K. A. BOGDANOV: «KOLCHAKOVED» OF THE END OF THE 20TH
CENTURY. MATERIALS TO BIOGRAPHY**

Annotation: This publication is devoted to the biography of K. A. Bogdanov, a famous St. Petersburg researcher of the late 20th century, who devoted a number of his scientific works to the life and work of Admiral A. V. Kolchak.

Keywords: K. A. Bogdanov, A. V. Kolchak, Omsk, Saint Petersburg.

1990-е гг. ознаменовались всплеском интереса к личности адмирала и Верховного правителя А. В. Колчака. По тону и направленности многочисленных публикаций, посвященных жизни и деятельности адмирала, можно было проследить изменение отношения нашего общества к политическим деятелям того времени, равно как и к сложным и противоречивым событиям того периода. Исследование К. А. Богданова занимает особое место в историографии Колчака. В этой повести-хронике [1] впервые наиболее полно на тот момент освещается 23-летняя морская служба А. В. Колчака, его 16-месячная заграничная «одиссея» и годичная, не свойственная ему, деятельность на посту Верховного правителя. В своем исследовании К. А. Богданов попытался ответить на вопрос: «В чем трагедия адмирала Александра Васильевича Колчака?», проведя параллели трагедии этой личности и трагедии великой державы, русского офицерского корпуса, военной элиты России [2]. В книге К. А. Богданов одним из первых обнародовал материалы личного фонда А. В. Колчака, хранящегося в РГАВМФ. Так кто же такой К. А. Богданов? Каков был его жизненный путь?

Константин Александрович Богданов родился 14 июня 1914 г. в Санкт-Петербурге в семье типографского наборщика. С 1922 по 1931 гг. он учился в школе, в 1935 г. окончил в Ленинградский водный техникум. Имея звание штурмана I разряда смешанного плавания (река-море), он по совету своего дяди, морского картографа, поступает корректором карт в картотипографию Управления Морских сил РККА. В сентябре 1936 г. его призывают на службу

в РККФ, где краснофлотец Богданов попал на крейсер «Киров». Затем он, успешно сдав экзамены при учебном отряде кораблей Балтийского флота, Богданов получил воинское звание младшего лейтенанта. Уйдя в запас в ноябре 1938 г., он продолжил свою трудиться в картографическом отделе Главного Управления ВМФ. Следует помнить, что в 1939–1941 гг. шло бурное развитие гидрографической службы ВМФ в целом, и морской картографии, в частности. Богданов был активным участником этого процесса. Он самостоятельно освоил профессию картографа, переняв опыт старых мастеров. Его учителями и руководителями стали: А. Ф. Бурлаков, Е. Г. Глинков, И. Т. Колбягин, А. М. Лавров, Я. Я. Лапушкин, А. П. Ющенко. Кстати, о своих наставниках, Константин Александрович, всегда вспоминал с неизменной ему теплотой.

Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Богданов встретил в должности инженера-картографа. В августе 1941 г. в связи с тяжёлым положением Ленинградского фронта было принято решение начать эвакуацию картографических подразделений Гидрографического управления в Омск. В составе первой группы эвакуированных был и Константин Александрович. Именно на плечи этого «авангарда» выпала нелёгкая задача: демонтаж полиграфического оборудования, его транспортировка вместе с инструментами и картами, а затем и организация производства в нашем городе. Память К. А. Богданова запечатлела эпизоды жизни Омска военной поры, ими он охотно делился в разговорах с автором этих строк. В частности, он рассказывал о том, что их производство находилось на территории второй Омской крепости. А встречать прибывающие вновь эшелоны со служащими нужно было на железнодорожном вокзале, куда ему приходилось добираться на трамвае, который ходил от Пушкинской горки (ныне это площадь Ленина) по проспекту К. Маркса до железнодорожного вокзала. Делился он воспоминаниями и о совместной работе с контр-адмиралом А. М. Лавровым, который в годы войны находился в Омске, здесь умер и был похоронен. В Омске Богданова призвали в ВМФ с присвоением звания лейтенанта. В октябре 1943 г. он вернулся в блокадный Ленинград, продолжив службу старшим редактором карт. В 1946 г. Богданов ушел в запас. Позднее он был награжден орденом Отечественной войны II ст. и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3]. К этому времени он имел уже большой опыт создания морских карт. Круг его научных интересов охватывал историю морской картографии и гидрографических исследований, а также теорию и практику составления и издания карт. В своей книге «Автографы на картах». (1990) почетный полярник, инженер-гидрограф С. В. Попов пишет следующее: «Морской картограф К. А. Богданов считает первой сохранившейся картой Белого моря хранящуюся в библиотеке Академии наук СССР копию рукописной карты Соловецких островов, снятую с неизвестного источника в 1729 г.» [4]. При его участии были созданы сотни морских карт, многие из них стали новым словом в морской картографии. Велик вклад Богданова в картографию в части способов изображения на морских картах берега и рельефа дна, а также генерализации элементов их содержания. Он первым в морской картографии при оформлении карты Арктического бассейна,

в 1968 г. применил т.н. способ «отмывки» (когда рельеф дна изображен полутеневым способом).

К.А. Богданов автор целого ряда научных трудов. Наибольший интерес среди них представляют следующие работы: 1) «Истоки русской морской картографии» [5]; 2) «Поморская картография» [6]; 4) «Морская картография» [7]. В данной работе освещается исторический путь развития морской карты, дается анализ ее по элементам и обобщается производственный опыт по их составлению и изданию; 5) «Извещения мореплавателям (к 125-летию с начала издания)» [8]; 6) «Очерк истории картографического производства Военно-Морского флота» [9]; 7) «Морские навигационные карты» [10]. Эта книга рассчитана на судоводителей морского и рыбопромыслового флотов. Она также могла бы быть использована как пособие курсантами и слушателями морских учебных заведений. В работе изложены общие сведения о советских морских картах, понятия о гидрографических исследованиях на морях и приведены краткие сведения о составлении и издании морских карт. Присутствует здесь и подробно изложенная методика анализа и чтения морских карт. 8) «Картографическое производство Военно-Морского флота. Исторический очерк» [11]. Этот труд был посвящен автором 200-летию основания Центрального картографического производства ВМФ. Кстати, именно в нём, автор впервые дебютирует, как историк и исследователь, поскольку его написанию предшествовала весьма основательная работа в архиве. Основными источниками для книги были подлинные документы и материалы ЦГАВМФ и архива Центрального картографического производства ВМФ. Издание, как явствует из аннотации, предназначалось для картографов, гидрографов, океанографов, географов и всех тех, кто желает более подробно ознакомиться с историей отечественной морской картографии. В книге впервые достаточно полно освещаются вопросы организации и технологии составления и издания морских карт и руководств для плавания на разных этапах развития картографического производства, дана характеристика изданий, оценка их качества, приведены сведения о специалистах и руководителях работ, внесших ценный вклад в морскую картографию. Здесь же содержится краткий обзор состояния русской морской картографии до образования картпроизводства. Всего в библиографии Богданова более 40 печатных работ, написанные им самим и в соавторстве.

В 1974 г. выйдя на пенсию, Константин Александрович не оставил творческой литературной деятельности. Кроме научных трудов на рубеже 1980-х–1990-х гг. из-под его пера вышли документальные повести, повести-хроники и очерки. В 1989 г. увидела свет первая из таких книг – «Под Адмиралтейским шпиком» [12]. Документальная повесть посвящена трудным дням российской гидрографии и морской картографии в 1917–1920 гг. Герои книги по-разному встретили события 1917 г. Кто-то перешёл на службу к большевикам, кто-то разделил судьбу адмирала Колчака, а кто-то доживал свои дни в эмиграции. Эту документальную повесть, на наш взгляд, надо рассматривать, как прелюдию к повести Богданова о Колчаке. Во-первых, в книге на странице 67 есть ссылка на личный фонд Колчака. Во-вторых, на страницах 185-186 автор приводит разговор Н. И. Евгенова с Ф. А. Матиссенем, согласно которому Колчак

мог бы стать видным учёным-океанологом, если бы не ввязался в политику. В третьих, создание этой книги подтолкнуло Богданова в сентябре 1986 г. к работе в ГАОО и ГАИО. В отношении, выданном ему Председателем Совета Ветеранов Гидрографической службы ВМФ, контр-адмиралом запаса А. Евлановым, указано: «Ветеран Гидрографической службы ВМФ К. А. Богданов на протяжении многих лет занимается исследованием истории отечественной гидрографии и морской картографии, имея в этой области ряд собственных работ. В настоящее время он работает над темой, условно названной: «Моряки-гидрографы в революции и Гражданской войне». Ввиду того, что небольшая часть бывших офицеров-гидрографов и океанологов была на службе колчаковского правительства, в том числе видные впоследствии советские учёные Н. Н. Зубов, Н. И. Евгенов и некоторые другие, для выяснения их участия в гидрографических и картографических работах колчаковцев К. А. Богданов предпринимает специальную поездку [...]». С 17 сентября 1986 г. в читальном зале ГАОО он работал с газетами белого Омска («Сибирская речь», «Русская армия» и «Правительственный вестник»).

Второй раз Константин Александрович работал в архиве омского региона с 1 по 7 октября 1989 г. В один из этих дней и состоялось знакомство автора данной публикации с К. А. Богдановым. Теперь в отношении, выданным всё так же контр-адмиралом А. Евлановым, без завуалирования, уже значилась тема: «А. В. Колчак – моряк-гидрограф, адмирал, Верховный правитель». В этот раз К. А. Богданов изучал дела из фондов 366 и Р-945.

В свободное от архива и библиотеки вечернее время он и супруга гуляли по городу, его колчаковским места. Жили Богдановы в гостинице «Турист», близ дома Батюшкина. В Омске Богданов начал переговоры с Омским книжным издательством об издании своей книги о Колчаке. Богданов считал, что это издание должно было появиться именно в Омске. Доводы были такие. Во-первых, Омск – столица «колчакии», во-вторых, был расчёт, что провинциальное издательство сделает все быстрее, чем центральное, где авторов больше и очередь длиннее. Договорённость была достигнута, в октябре 1990 г. Богданов сдал в издательство рукопись биографической повести-хроники «Адмирал Колчак». Год ушёл на доработку рукописи. В книгу вошла информация, которую автор тщательно наработал в Омске, в ЦГАОР (ныне ГАРФ) и в Государственной библиотеке им. Ленина, воспоминания А. В. Тимирёвой [13] и работы контр-адмирала М. И. Смирнова [14] (выданные из спецхрана), познакомился также с материалами фонда Р-5844 (с черновиками писем А. В. Колчака к А. В. Тимирёвой за 1917-1918 гг.).

Директор Омского книжного издательства С. А. Алексеенко назначил редактором рукописи Богданова Г. Н. Орлова. При редактуре рукопись сократили на 3 авторских листа. После чего издательство решило подстраховаться, заявив о необходимости рецензента. Им стал А. И. Алексеев – сослуживец Богданова годы войны, доктор исторических наук, специалист по истории Сибири и Дальнего Востока. Идея его приглашения исходила от самого автора и была одобрена директором издательства. Алексеев прочел рукопись в очень сжатые сроки, одобрил её, но сделал много замечаний. С частью из них Богданов согласился.

В из писем он писал: «[...] Многие же его (А. И. Алексеева – авт.) рассуждения-размышления, высказанные на полях рукописи в отношении личности Колчака и отражающие стереотипы нашей официальной исторической науки, не принял, как устаревшие [...] Не вдаваясь глубоко в анализ деятельности Колчака в Сибири, скажу только главное: ему вменяются преступления, которые Верховный правитель не совершал. На сибирской земле, в Приамурье и Приморье в 1918-1919 гг. бесчинствовали казачьи банды Семёнова, Гамова, Калмыкова и многих других атаманов, вершивших дикие и кровавые расправы над мирным населением [...] Колчак считал, что если люди нарушают государственную безопасность с оружием в руках, то умирять их и наказывать надо тоже силой оружия. Однако вопреки его установкам вести борьбу только с вооружённым противником, каратели, терпящие зачастую неудачи в операциях против партизан, своё зло вымещали на ни в чём неповинном местном населении. Немало репрессий в отношении мирных сибиряков, особенно в зоне Транссиба, совершали военные интервенты и чешские legionеры. Все эти в совокупности кровавые злодеяния атаманщины, карателей и иностранной военщины необоснованно заносились на «лицевой счёт» Колчака, режим правления которого получил мрачное название «колчаковщины». Историкам ещё предстоит обстоятельно проанализировать внутреннюю обстановку в Сибири в 1918-1919 гг., действовавшие в ней политические и вооружённые силы и объективно установить роль и место в ней Верховного Правителя [...]» [15].

Позднее в письме он вновь поднял эту тему: «Согласимся[...], что Верховный правитель был жесток по отношению к партизанам и к поддерживающему их населению, посылал для их наказания карательные экспедиции. Но он ведь был законный глава государства, избранный демократическим путём Временным Сибирским правительством. А какой, скажите, руководитель государства потерпит у себя в тылу диверсии на железнодорожной магистрали, вооружённые нападения на гарнизоны и попытки насильственным путём свергнуть законную власть, да ещё в военное время? Да, кто выступал против его режима с оружием в руках, того «Верховный» карал так же оружием. Но Колчак был ярым противником наказания тех жителей городов и сёл, которые не имели причастности к бунтам и вооружённым выступлениям и строго взыскивал с начальников карательных отрядов за чинимые ими кровавые расправы над беззащитным населением. Попытки чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске обвинить адмирала в отдании приказов по вымещению зла на мирных жителях не получили документального подтверждения, что следователи и вынуждены были признать[...]» [16].

Для члена КПСС это были весьма смелые утверждения в те годы. В начале 1992 г. Омским книжным издательством расторгло договор с Богдановым. Хотя книгу не издали, гонорар автору по договору выплатили. Официальной причиной разрыва с издательством стали финансовые трудности издательства из-за резкого подорожания бумаги и роста типографских услуг [17]. Но книга увидела свет в Санкт-Петербурге, в издательстве «Судо-строение», весной 1993 г. (тираж 20 000 экземпляров). К колчаковской теме Богданов возвращался и позднее. Так, в 1995–1999 гг. он писал роман-хронику

«Адмирал Колчак», который по задумке автора должен был стать продолжением изданной повести. Рукопись планировалось дополнить сотней страниц за счёт неопубликованных архивных документов и воспоминаний о Колчаке его сослуживцев-эмигрантов. Издать труд Богданов планировал в 1999 г. – к 125-летию со дня рождения Колчака. Воплотить замысел в жизнь автор не успел: Константина Александровича Богданова не стало 27 марта 1999 г. Его прах после кремации был погребен на Малоохтинском кладбище Санкт-Петербурга.

Автор выражает благодарность за содействие в подготовке этой публикации В. Л. Евстифееву (Санкт-Петербург), Л. И. Петровой (Омск), Л. И. Огородниковой (Омск), Н. В. Дмитриевой (Омск).

Библиографический список

1. Богданов К. А. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб.: «Судостроение», 1993. 304 с.
2. Варламова Л. Н. Военное управление правительства А. В. Колчака : Попытки сохранения имперской традиции. Дисс. ... канд. ист. наук / 07.00.02. М., 1999. С. 19.
3. Подвиг народа. Режим доступа: URL: <http://podvignaroda.ru> (дата обращения 07.09.2017).
4. Попов С. В. Автографы на картах. Северо-Западное книжное издательство, 1990. С. 29.
5. Богданов К. А. Истоки русской морской картографии // Морской сборник. 1951. № 10. С. 64-75.
6. Богданов К. А. Поморская картография. Л., 1954.
7. Богданов К. А. Морская картография. Ч. 1. Советские морские навигационные карты, их история и описание. Л., 1954.
8. Богданов К. А. Извещения мореплавателям (к 125-летию с начала издания) // Записки по гидрографии. 1956. № 2 (169) С. 87-90.
9. Богданов К. А. Очерк истории картографического производства Военно-Морского флота // Записки по гидрографии. 1958. № 1 (156). С. 91-97.
10. Богданов К. А. Морские навигационные карты. М., 1960.
11. Богданов К. А. Картографическое производство Военно-Морского флота. Исторический очерк. Л., 1977.
12. Богданов К. Под Адмиралтейским шпцем. Документальная повесть. Л., 1989.
13. Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний / публ. К. Громова и С. Боголепова // Минувшее: Ист. альм. Т. 1. Paris : Atheneum, 1986. С. 99–190.
14. Смирнов М. И. Адмирал Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930.
15. Письмо К. А. Богданова И. Ф. Петрову. 22 апреля 1991 г. // Личный архив Л. И. Петровой (Омск).
16. Письмо К. А. Богданова И. Ф. Петрову. 25 декабря 1991 г. // Личный архив Л. И. Петровой (Омск).
17. Письмо К. А. Богданова к А. М. Лосунову. 17 апреля 1992 г. // Личный архив автора.

Е. А. ЛЫСЕНКО (Санкт-Петербург)
Государственный музей политической истории России

**МЕЖДУ КОЛЧАКОМ И ЛЕНИНЫМ:
Н. В. УСТРЯЛОВ В «БЕЛОМ ОМСКЕ»**

Аннотация: Статья рассматривает характер деятельности в Омске в период гражданской войны будущего идеолога сменовеховского течения русской эмиграции Николая Васильевича Устрялова (1890–1937 гг.). На основе его дневниковых записей и публицистических статей показано, какой видел Н. В. Устрялов будущее русской революции и какое место уделял А. В. Колчаку и В. И. Ленину в своих политических пророчествах.

Ключевые слова: Гражданская война, Омск, диктатура, русский бонапартизм, сменовеховство, национал-большевизм.

E.A. LYSENKO (Saint-Petersburg)
State museum of politic history of Russia

**BETWEEN KOLCHAK AND LENIN:
N.V. USTRYALOV IN WHITE OMSK**

Annotation: In this article we'll examine the nature of activities of Nikolay Vasilievich Ustryalov (1890-1937), future ideologist of Smenovekhovstvo political movement of Russian emigration, during his staying in Omsk in Civil war period. On the basis of his diary entries and journalistic articles, we'll try to demonstrate the viewpoints of N. V. Ustryalov to the future of the Russian revolution and to show the place that was given by him to A. V. Kolchak and V. I. Lenin in his political prophecies.

Keywords: Civil war, Omsk, Dictatorship, Russian Bonapartism, Smenovekhovstvo, National Bolshevism.

Участие философа Н. В. Устрялова в «белом» движении является краткой, но очень показательной и любопытной страницей в истории примирения с советской властью части «белых», в том числе тех, кто стал эмигрантами. Член кадетской партии, молодой преподаватель и яркий публицист Н. В. Устрялов бежит из большевистской Москвы, спасая свою жизнь сначала в Пермь, а затем и в Омск – «столицу» – как напишет он в своем дневнике, вышедшим в печать под названием «Белый Омск. Дневник колчаковца». В Омске начинает окончательно оформляться его понимание сущности гражданской войны и революции как таковой. В 1920 г. он зафиксирует свои мысли в краткой характеристике новой идеологии «национал-большевизма» – «использования большевизма в национальных целях». О том, как «цвет» его убеждений в

1919 г. начинает меняться с «белого» на «красный» и какую роль в этом сыграла деятельность правительства А. В. Колчака – в этой статье.

Нужно подчеркнуть знаковость фигуры Н. В. Устрялова для понимания взаимодействия советской власти с «белой» интеллигенцией. В 1921 г. он станет главным идеологом «примиренцев» – «сменовеховцев». Это политико-философские течение, восприняв революцию как сугубо национальное явление, которое после разрушения России постепенно приведет ее к новому имперскому этапу развития, призывало эмигрантов возвращаться на родину и способствовать эволюции большевистского режима во имя наступления русского термидора. Разочарование его создателя – Устрялова – в деле «спасения России» «белыми» силами начинается именно в Омске в 1919 г.

Следует подчеркнуть, что именно этот период жизни Н. В. Устрялова – предмет наибольших разночтений в историографии. Они состоят в часто неверных оценках характера его работы в идеологической и пропагандистской машине правительства А. В. Колчака. В политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду 27 марта 1922 г. В. И. Ленин сказал об Н. В. Устрялове: «Кажется он был министром при Колчаке» [1]. Это мнение нашло отражение сначала в антиустряловской советской литературе 1920-х гг., [2] а затем получило распространение в зарубежных и отечественных исследованиях 1970-1990-х гг. [3] Хотя в 1980-е гг. ряд авторов верно определили направление и место работы Н. В. Устрялова в Белом Омске, иначе как «идеологическим столпом контрреволюции» его не называли, [4] что не позволяло вынести объективную оценку деятельности Н. В. Устрялова в этот период.

Целесообразно восстановить картину деятельности Н. В. Устрялова в колчаковском лагере. Он приехал в Омск 3 февраля 1919 г. Устрялов был приглашен в город управляющим делами правительства А. В. Колчака Г. Г. Тельбергом на должность юрисконсульта Управления делами Совета министров [5]. Но он отказался от предложенной должности. Подтолкнул Устрялова к этому старый московский товарищ – Ю.В. Ключников.

К февралю 1919 г. Ключников уже оставил свой пост министра иностранных дел в колчаковском правительстве и собирался покинуть Омск. До своего отъезда он не только встретился с Н. В. Устряловым, но и, узнав о предложенной ему работе, познакомил его с А. К. Клафтоном – председателем восточного отдела ЦК кадетов. Клафтон рассказал Устрялову об идее создания в Омске независимого от правительства «информационно-агитационного предприятия» – «Русского Бюро печати», которое должно было бы полностью политически поддерживать Верховного Правителя. Отказ заниматься той же работой в Отделе печати мотивировался Клафтоном нежеланием кадетских общественных деятелей становиться чиновниками, обюрокрачиваться. Устрялов согласился на новую должность. Оно начало работу в мае. До этого времени Устрялов успел поработать главой Пресс-бюро, в конце февраля даже участвовал в заседаниях Совета министров в качестве юрисконсульта [6].

К сентябрю 1919 г. «Русское Бюро печати» окончательно оформилось в крупную пропагандистскую организацию. Из Перми по рекомендации Устрялова были приглашены в качестве журналистов профессора Д. В. Болдырев, Вс.

И. Иванов и Л. Д. Зандер [7]. Ее главой был А. К. Клафтон, помощником по от-делу иностранной информации – Н. В. Устрялов, по отделу внутренней инфор-мации – Д. В. Болдырев. Оно занималось выпуском и распространением агита-ционной литературы (листовки, брошюры, предоставление циркулярных статей для провинциальных газет), сбором информации о событиях в России и за ру-бежом, оповещением населения «освобожденной России» о решениях прави-тельства Колчака. К сентябрю 1919 г. «Бюро» приступило к организации своих отделений в Красноярске, Новониколаевске и Иркутске [8].

Н. В. Устрялов стал идеологом «Русского Бюро печати» и фактическим редактором его главного органа – газеты «Русское дело» (номинально ее воз-главлял Д. В. Болдырев), которая стала выходить осенью 1919 г. Весной и ле-том Н. В. Устрялов публиковал свои статьи в ряде газет и журналов Сиби-ри, [9], а с октября 1919 г. печатался преимущественно в «Русском деле». Его статьи «Обреченные», «Памяти А. С. Белоруссова», «Борьба за Россию», «Власть и общество» [10] и другие – отражали общую установку «Бюро» на поддержку Верховного Правителя. Устрялов признавал, что не во всех из них он был искренен. Особенно это касалось необходимых ссылок на верность Ом-ска демократическим идеалам и «союзникам» – обе идеи были чужды Устряло-ву, но необходимы для поддержки Колчака иностранными державами.

Изучив записи дневника Устрялова омского периода, мы убеждаемся: его настроение, как человека, не соответствовало оптимистическому и боевому то-ну его статей. А. В. Смолин совершенно прав, говоря о «двух Устряловых», ко-торых мы находим в «Дневнике колчаковца» [11]. Но говорить о неискренности статей или дневников не имеет смысла. В 1919 г. Устрялов ставил перед собой единственную цель – способствовать своей работой укреплению власти Колча-ка. Личные сомнения и теоретические догадки Устрялов выражал в личных за-писях и устных беседах. Но в печать они не проходили.

Устрялов до конца своих дней считал правильной свою поддержку Кол-чака. Разочарование в демократических институтах и вера в диктатуру, «здоро-вую реакцию» как в единственно верный путь для постреволюционной России, зародилась в Устрялове еще в 1917 г. А в 1919 г., называя Колчака русским Наполеоном, Устрялов надеялся, что русская революция, как и французская, приготовила почву для появления своего диктатора. Им и должен был стать Колчак. «Да, я хотел стать публицистом национальной диктатуры. И больше всего претила мне тогда всякая “оппозиция”», [12] – писал Устрялов в эмигра-ции о работе в Омске. Только это желание привело его к «белым».

Устрялов тяжело переживал возрождение либерально-демократических настроений в колчаковском окружении после ряда военных неудач 1919 г. Он понимал, что «Колчак не удался» как диктатор и не находил пути для спасе-ния диктатуры. Только в 1930-е гг., изучив политический опыт итальянского фашизма, [13] Н. В. Устрялов, описывая омские события, нашел, как ему каза-лось, столь необходимый в 1919 г. выход: «Именно “фашистскую” концепцию следовало противопоставить демократам <...> Помню, тогда я ощупью брел как раз в этом направлении. Совершенно отчетливо сознавал я бесплодие фор-мально-демократической игры в «общественность» <...> в парламентаризм

<...> Но формулировать со всей ясностью положительную конкретную программу политики, а также нащупать надлежащий политический стиль я тоже не мог» [14]. Фашистская формула укрепления государственности в конце 1920-х гг. даст Устрялову ответом на многие вопросы. А в 1919 г. Устрялов осознал, что для политического успеха Верховному правителю нужно избавиться от нескольких черт. Первое: «излишняя честность» и «недостаточная напряженность воли». Этих качеств, подчеркивал Устрялов, не было у Наполеона и нет у Ленина [15]. Второе: Колчак «в отличие от Наполеона не обладал даром подбора способных сотрудников» [16]. И третье: Верховный Правитель терпел военные неудачи, а «диктатура – капризная вещь. Она нуждается в успехе как никакой другой режим», [17] – говорил Устрялов.

Тем не менее, теряя веру в успех Колчака, Устрялов считал еще более безнадежными и даже вредными попытки демократических кругов Омска создать «общественный» орган, контролирующий деятельность правительства. «Вместо реально-демократического пути (“диктатура – учреждение республиканское” – заявил Колчак в первом своем интервью) “общественная” среда постоянно и упорно возвращалась к формально-демократическим рецептам», [18] – писал Устрялов. Свои впечатления о заседаниях Омского национального блока он называл «гнусными».

Следует уточнить, что идея «здоровой реакции», выдвинутая Устряловым еще в 1917 г., в Белом лагере претерпела некоторые изменения. Если в Москве он утверждал, что демократия сможет восторжествовать в России только спустя 50 лет после прихода к власти диктатора и восстановления государственности, то в Омске Устрялов представлял будущее победившей большевизм России иначе: «Не может быть ни малейшего сомнения: Колчак не был реакционером. Не было реакционно и его правительство <...> Это была приблизительно кадетская среда. “Будущая Россия” мыслилась демократическим государством – республикой или парламентарной монархией» [19]. Об этом же Устрялов писал в статье «Перелом», опубликованной сразу же после его эмиграции в Харбин в январе 1920 г. [20] Диктатура рассматривалась им исключительно как единственно реальный способ победы над большевиками. Создание в Омске в 1919 г. формальной демократии отвергалось Устряловым и потому, что ее требовали, в качестве условия поддержки Колчака, союзники. Этот факт Устрялов воспринимал как унижение имперского достоинства России.

В 1919 г. Устрялов был не одинок в своем восприятии диктатуры. Его активно поддерживала большая часть омских кадетов, являвшихся политической опорой колчаковского правления. 13 февраля 1919 г. на заседании «Восточного Отдела ЦК ПНС» Устрялов прочел свой доклад о советской России, воспринятый неоднозначно. Ценность этого доклада сам автор видел в том, что сибирские кадеты слабо представляли реалии большевистского правления, с которыми он сам непосредственно столкнулся в Москве и Перми. Можно сказать, что доклад состоял из шести пунктов. Он был опубликован в «Сибирской речи» [21]. Тезисы его таковы. Во-первых, Белому движению не следует рассчитывать на близкий конец большевизма, а также верить слухам о внутренней, взаимной борьбе между большевиками, в особенности популярному мнению о

противостоянии В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Во-вторых, следует отбросить мысли о «шпионском» характере большевистского режима и понять, что «германофильство большевиков обуславливалось необходимостью игры на мире <...> Дружба Ленина с Германией была не более как браком по расчету» [22].

В-третьих, Устрялов предложил омским кадетам поучиться у большевиков решительности и настойчивости, а также их полному отказу от романтики в реальных политических делах. Следует отметить, что к этому же в 1918 г. Устрялов призывал русскую интеллигенцию и все демократические силы со страниц «Накануне» [23].

Картины террора и голода, виденные Н. В. Устряловым в Перми, в докладе о советской России сочетались с позитивными оценками политических качеств В. И. Ленина. Высказывания Н. В. Устрялова о «трезвом, реальном уме» большевистского лидера вызвали в кадетском собрании массу эмоций. В докладе мы видим проявление политических установок, свойственных в дальнейшем национал-большевизму. Но нужно отметить, что по признанию самого Устрялова в феврале 1919 г. он «не таил в себе каких-либо “примиренческих” планов». Он просто старался объективно оценить этот этап русской революции, представить перспективы Белого движения. Сомнения относительно военной победы над большевиками у него возникли еще до прибытия в Омск. Приехав в колчаковскую столицу, Устрялов высказал их только одному человеку – близкому другу Ю. В. Ключникову, и вновь, как и в московский период, нашел в нем соратника. Оценивая большевизм как национальное и закономерное явление русской истории, Н. В. Устрялов верил в феврале 1919 г., что «белое движение сможет утвердить завоевания большевиков для истории... Сам большевизм для этого недостаточен...». Этими мыслями он поделился с Ключниковым, рассказав при этом о мучивших его сомнениях в эффективности вооруженной борьбы с большевиками: «А что, если не будет победы?.. А вдруг победят они?.. Что тогда? Умирать вместе со старым миром?..». Ключников ответил: «Если победят они, значит они нужны России, значит история пойдет через них... Во всяком случае мы должны быть с Россией...» [24].

Этот разговор двух будущих «сменовеховцев» крайне красноречив. У них была решимость бороться с большевизмом до того момента, пока не станет совершенно ясно, кого – «красных» или «белых» – История выбрала в правители России. К убеждению, что эта судьба уготована большевикам, Устрялов пришел уже в 1920 г., попав в эмиграцию. Оно, вкупе с его самобытными представлениями о революционных циклах и неизбежном «термидоре», легло в основе идеологии «сменовеховства» и «национал-большевизма».

Библиографический список

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. С. 93.
2. Зайцев А. Об Устрялове, «неонэпе» и жертвах «устряловщины». М.-Л., 1928.
3. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 261. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. Воробьев О. Предисловие // Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. М. 1999. С. 3. и др.

4. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 320-321; Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983. С. 262.
5. Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.4. СПб, 1993. С. 208.
6. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.2. СПб, 1991. С. 291.
7. Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 227.
8. Там же. С. 229-231.
9. Устрялов Н. Крушение интернационала// Отечественные ведомости. 1919, 9 марта. Устрялов Н. Большевики и мы // Сибирская речь. 1919. 12 апреля; Устрялов Н. Судьба Сибири // День казака. 1919. 19 августа и др.
10. Устрялов Н. Обреченные // Русское дело. 1919. 19 октября; Устрялов Н. Памяти А. С. Белорусова //Русское дело. 1919. 11 октября; Устрялов Н. Борьба за Россию // Русское дело. 1919. 16 октября; Устрялов Н. Власть и общество // Русское дело. 1919. 22 октября.
11. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца... С. 285.
12. Устрялов Н. В. 1919-й год..., С. 243.
13. Сурмин П. Итальянский фашизм. Харбин, 1928.
14. Устрялов Н. В. 1919-й год..., С. 273.
15. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца... С. 305.
16. Устрялов Н. В. 1919-й год..., С. 244.
17. Там же. С. 271.
18. Там же. С. 277.
19. Устрялов Н. В. 1919-й год..., С. 238.
20. Устрялов Н. Перелом // Вестник Манчжурии. 1920. 1 февраля.
21. Сибирская речь. 1919. 17 февраля.
22. Там же.
23. См.: На перевале // Накануне. 1918. №1. С.1.
24. Разговор с Ю. В. Ключниковым в Омске воспроизведен Н. В. Устряловым в нескольких работах: Устрялов Н.В. Вперед от Вех! // Новости Жизни. 1922. 7 января; Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 197.

В. Н. МАКАРОВА (Уфа)

Национальный музей Республики Башкортостан

**МАТЕРИАЛЫ С АРХИВНОЙ ПОЛКИ:
ПО СЛЕДАМ УТРАЧЕННЫХ АРХИВОВ
УФИМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование состояния эвакуированных учреждений, процесса эвакуации и дальнейшего сопровождения ценностей в 1918-1919 гг. антибольшевистскими властями (в том числе и золотого запаса). Уфимское отделение Госбанка взято в качестве характерного примера. В оборот вводятся новые источники, освещающий обозначенный вопрос.

Ключевые слова: Гражданская война, эвакуация, Сибирь, Уфимское отделение Государственного банка, архивы, золотой запас.

V. N. MAKAROVA (Ufa)

National Museum of the Republic of Bashkortostan

**MATERIALS FROM THE ARCHIVAL SHELVES:
ON THE TRACKS OF THE LOST ARCHIVES OF THE UFIM
DEPARTMENT OF THE STATE BANK**

Annotation: This publication is a study of the state of the evacuated institutions, the process of evacuation and further escort of valuables in 1918-1919 anti-Bolshevik authorities (including the gold reserve). The Ufa branch of the State Bank is taken as a typical example. New sources are being put into circulation, which covers the indicated question.

Keywords: Civil war, the evacuation, Siberia, Ufa branch of the State Bank, the archives, the gold reserves.

Как известно, летом-осенью 1918 г. при отступлении из городов востока большевики старались вывезти не только кассовую наличность отделений банков и казначейств, а в ряде случаев и финансовую документацию [1]. Но вопрос эвакуации в годы Гражданской войны был постоянно актуален и для антисоветских властей. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Госбанка Российского правительства (Р-143) находится на хранении большой массив источников по экономической истории востока России в период Гражданской войны. И в данном случае для изучения истории финансовой сферы представляют особый интерес циркуляры, доклады, переписка, списки служащих, созданные в связи с эвакуацией. В том числе, документы Уфимского отделения Госбанка и учреждений финансовой системы губернии позволяют

уточнить и объем ценностей (хранившихся и утраченных в период Гражданской войны и эвакуации в Сибирь 1919 г.), но и отчасти архивов данных учреждений. Однако при этом просмотр дел не дал необходимых сведений о дальнейшей судьбе архивов и лиц их сопровождавших после 1920 г.

Особый интерес имеют документы о состоянии золотого запаса в период его эвакуации на восток. С началом Первой мировой войны в 1915 г. часть золотого запаса Российской империи, хранившегося в Петрограде, была вывезена в Казань. Сюда же, по разным соображениям, позднее доставили золото из Московской и Самарской контор и Тамбовского отделения Госбанка. Таким образом, к лету 1918 г. в подвалах Казанского отделения Госбанка оказалось больше половины российского золотого запаса. Поволжье, казавшееся глубоким тылом, оказалось вскоре в эпицентре Гражданской войны. Большевики, опасаясь захвата золота войсками Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), попытались вывезти золотой запас, однако им удалось отправить из Казани лишь 100 ящиков золота на сумму 6 123 796 руб. (4,5 тонны). В начале августа Казань захватили чехословацкие формирования и части Народной армии Комуча под командованием подполковника В. О. Каппеля. В подвалах Народного банка ими был обнаружен оставленный золотой запас. 16 августа золото эвакуировали на двух пароходах в Самару. Согласно актам начальника эшелона А. Арбатского и старшего кассира Н. Кулябко, в Самару вывезено 8 399 ящиков и 18 сумок с золотом. Контролер внутренней охраны Казанского отделения Госбанка В. И. Лепешинский, отвечавший за сопровождение эшелонов с золотым запасом из Казани, указывал: «По прибытии в Самару первый эшелон (пароход) долго стоял на пристани. За это время прибыли из Казани второй и третий эшелоны с ценностями. Второй в пароходе, а третий – в барже, имевшей надпалубные каюты» [2].

В сентябре 1918 г. из-за наступления РККА из Самары золото под усиленной охраной на некоторое время перевезли в Уфу, где тогда происходило в это время Государственное совещание (Уфимская директория). Но разгрузить и переправить в подвалы Уфимского отделения Госбанка удалось только один эшелон. Проверкой была установлена недостача в 410 руб. Приводится и объяснение о перемещении мешков в ящики с некондиционными монетами. 28 сентября 1918 г. золото последовало в Челябинск. В Уфе поезд был перегруппирован, дополнен теплушками. Уже 29 сентября управляющий Самарской конторой Госбанка докладывал о благополучном прибытии трех эшелонов в Челябинск. Встал вопрос, где его там хранить. Пока обсуждалась версия с элеватором и подвалами Челябинского отделения, подоспел приказ о перемещении золота в распоряжение «омского» правительства [3].

В Омске еще летом-осенью 1918 г. Временным Сибирским правительством в целях скорейшей стабилизации финансов производилось создание органов управления экономикой. В частности, 14 сентября 1918 г. было учрежде-

но Центральное управление Госбанка Сибири, выступавшее одним из ключевых координаторов финансово-денежной системы антибольшевистского востока России. Тогда более трех десятков эвакуированных отделений банков и казенных палат: из Пензы, Казани, Уфы, Оренбурга и других, вместе с аналогичными уральскими, сибирскими и дальневосточными финансовыми органами составили новую банковскую структуру [4].

13 октября 1918 г. золото было доставлено в Омск [5]. В распоряжении «омской» власти оказалось золота на 645 млн. 410 тыс. 870 руб. Физически это были 490 тонн 448 килограммов золота, преимущественно в монете и слитках, а также сравнительно небольшое количество золотых полос и кружков. В состав золотого запаса, наряду с российской, входили монеты 14 государств. Больше всего было германских марок – 24 080 тыс. (в эквиваленте – 11 202 552 руб. 27 коп.), далее по паритету шли испанские альфонсы (монеты достоинством в 25 песет, содержавшие 7,2585 грамм золота) – 892 750 тыс. (8 272 741 руб. 49 коп.) и английские соверены – 532 тыс. (5 024 116 руб. 42 коп.). Наиболее экзотическими – на фоне американских долларов, французских и бельгийских франков, японских иен, греческих драхм и т.д. выглядели 36 тыс. чилийских кондоров на сумму 2 781 459 руб. 59 коп. [6].

После произведенного переучета ценностей было выявлено фактическое расхождение, составлявшее порядка 6 млн. руб. золотом. Возможно, что это и были те 100 ящиков с золотом, которые удалось вывезти большевикам за день до ухода из Казани [7]. Золото находилось в Омске год. 13-14 ноября 1919 г. колчаковская армия оставила Омск. Незадолго до этого поездом «литер Д» были вывезены в ценности золотого запаса. Этот эшелон состоял из 40 вагонов: в 28 везли золото, а в 12 размещалась охрана. Основная часть охраны находилась в поезде «литер В», который шел сзади эшелона с золотом. Между всеми литерными поездами поддерживалась телеграфная связь. Однако продвижение эшелонов на восток было обременено происшествиями. На рассвете 14 ноября 1919 г. перед светофором у разъезда Кирзинский в хвост эшелона с золотом врезался «литер В». Удар большой силы разбил 9 теплушек с золотом, в столкнувшихся эшелонах вспыхнул пожар, а затем начали взрываться боеприпасы, находившиеся у охраны. Несколько вагонов сошли с рельсов, 9 – сгорело. От столкновения пострадали 147 человек, из них 23 – убиты, ранены – 40, легко ранены – 94. Команда охраны, возглавляемая полковником А. Сургутановым, была отстранена, а заведовавший эшелонами А. Д. Арбатский, взятый под арест, составлял объяснительные записки [8].

Следующее событие произошло 18 ноября 1919 г. На станции Ново-Николаевск, поезд «литер Д» остановился у семафора станции, но, когда машинист дал сигнал к отправлению и потянул состав, сломался соединительный крюк третьего от паровоза вагона. Оторвавшиеся 38 вагонов с золотом и охраной, набирая скорость, покатались вниз к Оби. Но в самый последний момент,

когда до спуска к мосту оставалось 60 сажень, выскочившие из поезда несколько солдат охраны и путейцы, рискуя быть раздавленными, сумели подложить под колеса тормозные башмаки и доски и остановили вагоны [9].

23 декабря 1919 г. на станции Иланская был составлен акт в том, что распоряжением Верховного правителя из вагона № 759488 была произведена передача 20 ящиков с российской золотой монетой с отметкой на 18 ящиках о вложении монеты 5-рублевого достоинства и на 2 ящиках – 10-рублевого достоинства (всего на сумму 1 200 000 руб.) в вагон Верховного правителя. Акт от 3 января 1920 г. свидетельствует о возврате, по устному распоряжению Верховного правителя 20 ящиков золотого запаса обратно генерал-майором Мартемьяновым [10].

15 января 1920 г., в 9 ч. 55 мин. вечера на станции Иннокентьевская, близ Иркутска, бывший Верховный правитель А. В. Колчак был передан иркутскому эсеро-меньшевистскому Политцентру. Вместе с адмиралом в руках Политцентра оказался и золотой запас. 17 января 1920 г. вновь встал вопрос о ревизии золотого запаса, в связи с ненадежностью его охраны. В качестве председателя ревизионной комиссии была предложена кандидатура В. И. Вавресюка, бывшего управляющего Оренбургским отделением Госбанка, но ввиду его болезни назначили Ф. И. Громова. Нам известен акт, от 12 января 1920 г., составленный на станции Тыреть о недостатке в одном из вагонов 13 ящиков с золотом. Было сделано заключение, что пропажа золота произошла на участке железной дороги Зима – Тыреть. После выборочной проверки золото 12 января 1920 г. было отдано под охрану. Комиссии были предоставлены сведения о действительной наличности, она выражалась в следующих цифрах: 4 957 ящиков с золотой монетой, 194 ящика со слитками, 3 ящика с вырубками из слитков и 1 678 мешков с золотой монетой [11]. Вскоре и адмирал, и золото оказались в распоряжении большевиков. Попавшее в руки большевиков золото, на общую сумму 409 625 870 руб. золотом, через полгода снова было доставлено в Казань, а 12 октября 1920 г. золотой запас прибыл в Москву [12].

В передаче Иркутскому ревкому более 21 тысячи пудов золота и семи вагонов серебряной монеты, проходившей в обстановке тревожной неопределенности, участвовали банковские работники Арбатский, Кулябко и Казановский. 17 марта 1920 г. советское правительство распорядилось возвратить золотой запас в Казань. Ответственным за его доставку был назначен уполномоченный особого отдела ВЧК 5 армии А. А. Косухин. Охрану поезда поручили батальону 262-го Красноуфимского полка 20 стрелковой дивизии 5 армии (командир Н. Паначев) [13].

20 марта 1920 г. поезд особого назначения № 10950, представленный несколькими составами вышел из Иркутска. Первый эшелон составили тринадцать тяжелогруженных пульмановских вагонов с ценностями, два вагона с караулом (147 человек) и хозяйственный – с кухней и продуктами. В одном пере-

гоне за ним шел второй состав из семи вагонов охраны, а также штабного, спального, санитарного и хозяйственного вагонов. Поезд шел по Сибирской магистрали, где еще вчера шли бои. Было трудно с топливом, продовольствием. Дорога подвергалась налетам банд. На каждой станции поезд осаждали толпы людей. Пассажирское сообщение еще не возобновилось. Банковские сотрудники по три раза в сутки проверяли сохранность пломб и печатей, Вместе с солдатами охраны переправляли вручную по одному вагоны через мост по реке Ия и переправам по льду на реках Бирюса и Уда. «Расчистка железнодорожных путей от снега, – описывает то, что пришлось пережить в эти дни, в своем письме Н. С. Казановский, – бесконечные тревожные ночи, когда охрана поезда выстрелами отгоняла неизвестных лиц, пытавшихся вскочить на площадки вагонов, преодоление разрушенных белыми бандами железнодорожных путей и мостов...» [14].

В Ачинске караул был сменен двумя батальонами 1-го полка дивизии им. III Интернационала (командир полка Иштван Варга). Ядром этого полка был партизанский отряд Мате Залка, созданный из солдат австро-венгерской армии, бежавших из лагерей военнопленных под Красноярском. Все сопровождавшие поезд ответственно несли службу. При проходе одной из станций перед паровозом грузового эшелона была переведена стрелка на занятый путь. Экстренное торможение предотвратило аварию. Не обошлось без ранений и травм. Перед Самарой на эшелон ночью совершил налет казачий отряд. Атаку отразили пулеметы охраны. В Самаре 29 апреля 1920 г. золотой эшелон задержался на несколько часов, производилась перекатка паровозом каждого вагона через железнодорожный мост на реке Самарке. Наконец 4 мая 1920 г. в кладовые Казанского отделения Народного банка были сданы ящики с ценностями на сумму около 410 млн. руб. О выгрузке золота был составлен акт, где говорилось: «Разгрузка вагонов на станции Казань и приемка ящиков с золотым запасом началась утром 4 мая 1920 г. При наружном осмотре каждого вагона с золотым запасом все имевшиеся на вагонах пломбы, замки и затворы, а равно стенки, крышки и дно вагонов оказались в полной исправности... Количество ящиков с золотом, как во всех вагонах, так и в каждом в отдельности, оказалось в полном соответствии...» [15].

В процессе исследования нами были обнаружены отдельные сведения о некоторых сотрудниках бывшего Уфимского отделения Госбанка. Так, установлено, что они были среди лиц, сопровождавших золотой запас (на пути эвакуации и реэвакуации). Контролером (с 1911 г.), затем комиссаром (с 1918 г.), а позже управляющим Уфимским отделением Госбанка отделения был Е. А. Левицкий. После эвакуации большевиков, летом 1918 г. он был арестован белыми, но впоследствии выпущен под поручительство купца Иванова [16]. По указанию белых властей секретарь Уфимского отделения Госбанка в 1919 г.

П. В. Боярский в составе особой комиссии, сопровождал транспорт с золотым запасом во Владивосток [17].

Примечателен факт, что банковских служащих (в том числе уфимцев) антибольшевистские власти освободили от мобилизации; по этому вопросу есть переписка, связанная с Д. Курчевым, С. Еникеевым, А. Александровым и др.

В конце 1919 г. – начале 1920 г. служащие Уфимского отделения Госбанка, как и многие их коллеги из других банковских отделений были эвакуированы на восток. Значительная часть этих финансовых работников оказалась в 1920 г. в Иркутске. Восстанавливаемая в Сибири советская власть уделяла большое внимание вопросам нормализации денежного хозяйства и финансов [18]. В связи с острым кадровым дефицитом возрождавшихся советских органов финансового управления многим бывшим работникам банков и казначейств было предложено исполнять прежние функции, но уже на благо советской власти [19]. Так, в Омск последовали бывший инспектор мелкого кредита П. М. Поспеев и упоминавшийся уже П. В. Боярский [20].

Подводя итог исследования значительного объема источников, мы приходим к заключению, о том, что эвакуированные антибольшевистской властью на восток финансовые учреждения (в том числе и Уфимское отделение Государственного банка) были поставлены в затруднительные условия и утратили вывезенные архивы. Судьба многих эвакуированных уфимских банковских служащих также не выяснена, ввиду недостаточности информации. Комплекс, «омских» документов велик и разнообразен, позволяя исследовать различные обстоятельства жизни и деятельности не только институтов финансово-кредитной системы, но и практически всех эвакуированных на восток предприятий и учреждений. Сведения эти необходимо вводить в научный оборот, так как тема эвакуации и реэвакуации в период Гражданской войны и её последствия слабо представлены в историографии.

Библиографический список

1. Петин Д. И. Эмиссия денежных суррогатов советской властью в Кяхте летом 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 60–61.
2. Банк России. Самара. Самара. 2012. С. 60. ГАРФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 48. Л. 8, 9; Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 208. Л. 11об.
3. ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 42. Л. 3, 8, 9.
4. «Необходимость в образовании такого управления в настоящее время является крайне настоятельной...»: документы Исторического архива Омской области о создании Государственного Банка Сибири в 1918 г. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 265-273.
5. ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

6. ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 7. Д. 99. Л. 11.
7. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 100. Л. 104, 105. Для справки: золотое содержание рубля, согласно Монетному уставу 1899 г., было 0,77423 грамма чистого золота. 10 золотых рублей были равны 1 фунту стерлингов, 2 золотых рубля – 1 американскому доллару.
8. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 4. Д. 25. Л. 240.
9. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 47. Л. 81.
10. Там же. Л. 84.
11. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 2. Д. 169. Л. 11.
12. Емельянов Ю. В. «Подрывная деятельность западных держав против Большевицкой партии и России в ходе Гражданской войны 1917-1920 гг. // <http://forum.17marta.ru/index.php?topic=2246.45> (дата обращения 24.07.2017).
13. Банк России. Самара ... С. 64
14. Там же... С. 65.
15. Там же ... С. 65.
16. См. подробнее: ГАРФ. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 25; Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 122.
17. Там же. Д. 94. Л. 2об.
18. Петин Д. И. «Людам трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 27–40.
19. Петин Д. И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских правительств в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. С. 145.
20. ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 6. Д. 43. Л. 54об.

М. А. МАЛЕНЬКИХ (Иркутск)

Средняя общеобразовательная школа № 77 г. Иркутска

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРАВ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: Рассматриваются меры по восстановлению прав земледельцев предпринятые Временным Сибирским правительством, летом–осенью 1918 г. Отмечается, что данные меры не вели к полному восстановлению дореволюционных прав собственности на землю. На основе архивных данных показывается, что в реализации этих мероприятий огромную роль сыграло земство, нередко решавшее земельные споры в пользу захватчиков.

Ключевые слова: революция, крестьянство, землевладение, Временное Сибирское правительство, Иркутская губерния.

M. A. MALENKIKH (Irkutsk)

Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School № 77

**ACTIVITIES OF THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT
TO RESTORE THE RIGHTS OF AGRICULTURAL PEOPLE
(ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSKY GUBERNIA)**

Annotation: Measures are being considered to restore farmers' rights undertaken by the Provisional Siberian Government, in the summer and autumn of 1918. It is noted that these measures did not lead to the complete restoration of pre-revolutionary land ownership rights. On the basis of archival data, it is shown that zemstvo played an important role in the implementation of these measures, often solving land disputes in favor of the invaders.

Keywords: Revolution, peasantry, land ownership, Provisional Siberian government, Irkutsk province.

С лета 1918 г., после свержения власти большевиков и установления власти Временного Сибирского правительства, начался новый этап аграрной революции. Крестьянство Иркутской губернии в большинстве своем, недовольное проводимой большевиками политикой, поддержало смену власти. Это подтверждают слова из протокола Большекашелакского сельского схода: «все уполномоченные от общества выразили свое горячее приветствие Сибирскому Временному Правительству... Бывшая Советская власть состояла от партии большевиков, не являлась представительницей всего народа, а поэтому шла в разрез с трудовым народом Сибири. Советская власть своей преступной тактикой, грабежом и насилием привела Россию к полному развалу. Советы Народных Комиссаров предали Брестским миром Русь на разграбление и уничтоже-

ния ее народного могущества. Державшаяся на насилии, которое проявлялось в душении слова, печати, на наемной оплачиваемой красной гвардии Советская власть оттолкнула от себя мировые слои трудового народа, и сама превратилась в Комиссара деревянного... приветствуем падение насильников, обманщиков народа, которые обещали чуть ли не золотые горки, и будем всем миром, всеми силами поддерживать Временное Правительство автономной Сибири, которое было избрано Сибирской Областной Думой» [1]. Аналогичные слова можно есть на страницах иркутской газеты «Наша деревня»: «Мы крестьяне Тангуйской волости приветствуем падение насильников, обманщиков народа, и будем всеми силами поддерживать Временное Правительство автономной Сибири [2].

Отсутствия поддержки со стороны крестьянства не скрывали и сами большевики, о ситуации лета 1918 г. вспоминал В. В. Рябиков: «Наши попытки мобилизовать крестьянское население кончились нечем, и посланные на мобилизацию команды вернулись без мобилизованных, и в этом была наша слабость, наша трагедия» [3].

Из отдела земледелия Западно-Сибирского комиссариата Временным Сибирским правительством 1 июля 1918 г. было создано Министерство земледелия и колонизации [4]. Новое министерство предприняло ряд шагов, призванных стабилизировать земельные отношения. Первым их них стало постановление «О возвращении владельцам их имений» [5], принятое 6 июля 1918 г. Согласно постановлению, все имения, принадлежащие отдельным лицам, товариществам и обществам, находящиеся на землях собственных и арендованных, возвращаются прежним владельцам со всем инвентарем впредь до решения вопроса о земле Учредительным собранием. В ряде случаев, таких как порча и распродажа инвентаря, постановление разрешало передачу имений земствам, для охраны от погромных действий, которые могут предпринять даже и сами хозяева. В последнем случае имение могло быть изъято у владельца. Ссылка постановления на то, что окончательное решение по вопросу о земле будет решать Учредительное собрание, несло определенную пропагандистскую функцию, показывающую крестьянам демократизм новой власти. И возможность будущего перераспределения земель, уже на законных основаниях.

Для реализации этого постановления была выработана специальная инструкция [6], утвержденная 21 августа 1918 г. Стоит отметить, что инструкция касалась только частновладельческих хозяйств. Судьба других имений, указанных в упомянутом выше постановлении, оставалась не определенной.

Инструкция разъясняла, что передачу должны были осуществлять губернские и уездные земства, при которых должны быть сформированы специальные комиссии. В составе комиссии должны были быть представители от земства и Министерства земледелия и колонизации. Рассмотрение дела о возвращении имения начиналось только после письменного заявления владельца или его представителя. Комиссия рассматривала состояние имения и права собственника, после чего составлялась опись подлежащего возвращению имущества. Важной особенностью инструкции был пункт предусматривающий компенсацию затрат и убытков лицам произведшим захват имения. С занятых участков захватившим крестьянам разрешалось убрать урожай, если они его

сами засеяли. В случае если владелец, до захвата, подготовил поле для засеивания, то ему возмещались затраты. Поля, только распаханые пользователем, должны были быть также возвращены владельцу, который обязан был возместить пользователю понесенные им затраты. Сенокосные угодья также возвращались владельцам, сено же оставалось за лицами, произведшими сенокос. Причем, если у владельца имелся скот, то пользователь обязан был обеспечить его сеном, по цене установленной комиссией. За взятые из частновладельческого хозяйства семена, живой и мертвый инвентарь, владелец должен был получать вознаграждение [7].

Однако создание таких комиссий еще не гарантировало исполнения постановления. Иркутское губернское земство отказалось выполнять его, ссылаясь на противоречие закону о социализации земли, принятому Учредительным собранием, на который земство собирались ориентироваться в своей земельной деятельности [8].

В результате, земские органы исполняли постановление 6 июля 1918 г., только в тех случаях, которые соответствовали их видению справедливого землеустройства. Постановлением от 20 июля 1918 г. губернская земельная управа передала 200 десятин покоса Иркутского архиерейского дома крестьянам Подгородно-Жилкинского общества [9].

В середине июля 1918 г. крестьянам Больше-Разводинской волости, Иркутского уезда, в пользование на один год были переданы покосы принадлежавшие причтам католической и лютеранской церквей, а так же покосы частных владельцев [10]. Иркутская земельная управа в августе 1918 г. постановила сдаваемые в аренду церковные и монастырские земли распределить между малоземельными крестьянами. При этом интересы арендаторов изначально вовсе не учитывались. Только по настоянию губернского комиссара П. Д. Яковлева решено было компенсировать им арендную плату.

В случае с Вознесенским монастырем было принято иное решение. Земская управа постановила захватчикам землю освободить и компенсировать убытки. Такое решение объяснялось тем, что монахи самостоятельно вели свое хозяйство [11]. В конце сентября 1918 г. рассматривая дело о захвате отруба № 2 Алужеского общества, Хандагайской волости Иркутского уезда, крестьянами села Комой Тугутуйской волости того же уезда, губернский земельный отдел постановил вернуть земельный участок, ввиду «бесспорности прав алужцев на означенный отруб». Отдел так же обязал крестьян села Комой выплатить вознаграждение за скошенное с отруба сено [12].

Из приведенных примеров видно что, земства, реализуя постановление «О возвращении владельцам их имений», стремились выработать компромиссные решения, иногда возвращая занятые земли бывшим владельцам, иногда нет. О полном восстановлении дореволюционных прав собственности речь уже не шла. Но от захватов в Сибири в большей мере пострадали не частные, а казенные и надельные земли. По разъяснению Министерства земледелия и колонизации постановление от 6 июля 1918 г. на них не распространялось. Случаи захватов надельных земель должны были решать земские земельные отделы с учетом специфики каждого отдельного случая. Захваты казенных земель под-

лежали ведению начальникам местных управлений земледелия и государственных имуществ, либо заведующим переселенческими районами. Разбирать эти дела должны были на основе дореволюционного законодательства [13].

В результате, мы видим что, положение 6 июля 1918 г. не привело к механическому восстановлению дореволюционных прав собственности на землю. Земства, реализующие это постановление, часто искали компромиссное решение земельного спора, либо и вовсе вставали на сторону захватчиков. Это постановление затронуло лишь не большую часть земельных угодий разделенных крестьянами, связано это было с небольшим процентом частных владений в Сибири, и в Иркутской губернии в частности.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 5. Л. 76-76об.
2. Из журнала Тангуйского волостного совещания от 12 июля 1918 г. // Наша деревня (Иркутск). 1918. 13 августа. С. 4.
3. Цит. по: Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1983. С. 40.
4. Рынков В. М. Обилие рафинированных интеллигентов: органы управления сельских хозяйством Сибири (14 июня 1918 г. – 5 января 1920 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 8.
5. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сб. док. и мат. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 132.
6. Там же. С. 692-694.
7. Корреспонденция // Свободный край (Иркутск). 1918. 6 сентября. С. 3.
8. ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 61об.
9. Там же. Л. 4-4об.
10. Корреспонденция // Свободный край (Иркутск). 1918. 12 июля. С. 3.
11. ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 22, 31-31об.
12. Там же. Л. 55-55об.
13. Рынков В. М. Восстановление земледельческих прав в Сибири во второй половине 1918 – первой половине 1919 г.: законодательство и практика // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 59.

Е. В. МАЧУЛЬСКАЯ (Омск)
независимый журналист

**СТИХОТВОРНАЯ ХРОНИКА ФИНАЛА
РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ: ВЗГЛЯД ПОЭТОВ БЕЛОГО ОМСКА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению творчества российских поэтов, находившихся в Омске в 1918-1919 гг. Уделено внимание особенностям сюжетов их произведений, условиям в которых им приходилось жить и работать.

Ключевые слова: Гражданская война, поэзия, Сибирь, Омск.

E. V. MACHULSKAYA (Omsk)
independent journalist

**THE POEM CHRONICLE OF THE FINAL
RUSSIAN TRAGEDY: THE LOOK OF POETS OF WHITE OMSK**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of the creativity of Russian poets who were lived in Omsk in 1918-1919. Attention is paid to the peculiarities of the subjects of their works, the conditions in which they had to live and work.

Keywords: Civil War, poetry, Siberia, Omsk.

В 1918-1919 гг. в Омск, ставший столицей антибольшевистской России, съехались те, кто не принял Октябрьскую революцию. Но, изучая общество той эпохи, важно помнить и о представителях творческих профессий и призваний. К счастью, их деятельность не обошли вниманием историки [1]. В городе собралось множество поэтов и писателей – Омск стал настоящим «приютом благородных муз». Правда, атмосфера в городе царила совершенно не идиллическая. Поэт Георгий Маслов писал о ней так:

От мира затворясь упрямо,
Как от безжалостной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы.
И завтра тот, кто был так молод,
Так дружно славен и любим,
Штыком отточенным проколот,
Свой мозг оставит мостовым [2].

Вопреки всем трагическим обстоятельствам творческая жизнь в столице белой России не замирала ни на минуту. Хотя и в наши дни об истории Омска в период Гражданской войны продолжают появляться различные мифы [3]. Один из современников констатировал: «И в этой воспаленной атмосфере –

страшный, на первый взгляд, жадный, страстный интерес к искусству. Вернисажи, поэтические турниры, литературные вечера» [4].

Л. Арнольд так описывал «Омский Парнас»: «Державный Омск не только выдерживал натиск красной бури, не только готовил поход на Москву и добивался от держав признания законным правительством России, не только кипел в котле политических интриг, но находил и людей и время для занятия поэзией или, вернее, отдыха в поэзии от страшного напряжения нервов, неизбежного, когда ведется братоубийственная война. Собирались в Омске поэты и писатели зимою 1918–1919 гг. где-то на Гасфортовском переулке, в одной из канцелярий в комнате, хотя и просторной, но очень неудобной. Все были скромно, более чем скромно, одеты – неизбежный френч Гражданской войны, одинаковый по сию и по ту сторону фронта, галифе или даже просто обыкновенные брюки и сапоги, на плечах многих поэтов погоны, офицерские или вольноопределяющихся» [5]. Действительно, с началом Первой мировой войны привычные условия быта в городах Сибири подверглись резким изменениям. В период Первой мировой войны в стране начался масштабный кризис, преодолеть его смогли лишь после окончания Гражданской войны [6].

На это странное и страшное время пришелся период расцвета многих поэтических талантов. Судьбы большинства из них были трагичны - возродивший «позабывтое со времен Пушкина благородное искусство просто и правильно писать стихи» Георгий Маслов умер от тифа в Красноярске, георгиевского кавалера Андрея Болховского (младший брат писателя Леонида Андреева) расстреляли в Новониколаевске. А отважному офицеру и поэту Арсению Несмелову («Бояну русского Харбина») трагический финал был отсрочен почти на четверть века. Пожалуй, «повезло» лишь юному символисту Юрию Сопову, погибшему в августе 1919 г. во время взрыва в резиденции Верховного правителя А. В. Колчака – он не увидел, чем все закончилось... [7].

Их стихи публиковались в омских газетах и журналах, складываясь в поэтическую хронику финала российской трагедии. Рисуя портрет эпохи – навсегда запечатлев то, чем жили люди в тот страшный переломный период, чего ждали и на что надеялись. Стихи были самые разные. Порой - рисунки с натуры, точные как фотографии. Вот какой запечатлел белую столицу в октябре 1919 г. за мгновение до краха поэт и литературовед Александр Воцакин – один из тех немногих, кто потом сумел вписаться в советскую действительность, занявшись преподавательской деятельностью:

Всадники мчатся по улицам шумным,
Солдаты идут и песни поют.
У женщин взволнованных лица безумны
Куда-то спешат и везут семью.
Ветер пламя пожара колышет,
Где-то звуки военной трубы.
Город пустеет. А издали слышен
Гул орудийной пальбы [8].

Порой – полные сарказма стилизации. Например, «Песнь о вещем совнарком» или «Сказка о большевике и Иване-дураке». Но гораздо больше сти-

хотворений написанных в традициях романтической поэзии. В них прослеживается множество параллелей с поэзией трубадуров - провансальских поэтов-певцов XI-XIII вв., воспевавших весну, молодость, любовь, рыцарскую доблесть и благородство. Слово «трубадур» происходит от провансальского «trobar» – находить, слагать стихи. Канонам «изысканного стиля» соответствуют многие стихотворения омских поэтов - их отличает поэтическая безукоризненность и совершенная форма, которую так ценили средневековые поэты-рыцари. И также как они, поэты белого Омска придавали большое значение музыке стиха. Георгий Вяткин оставил нам удивительно музыкальные строки:

Как страстно мир о радости тоскует
Как он устал в бессилии и мгле...
Но близок час...
Весенний ветер дует,
Весенний луч знамена нам целует.
Весною духа веет на земле [9].

Кстати, в написанных в грозный час стихах очень часто упоминаются от-важные рыцари и крестоносцы:

Время гнева исполнилось
В девятьсот девятнадцатый год.
Вижу на небе молнии,
Зову в Крестовый поход.
Придите, рыцари нежности,
Противники злобы слепой,
Божьим мечом на мятежников,
Божьим бичом над толпой [10].

На изломе эпох поэт-мечтатель Юрий Сопов остался верен канонам изысканной поэзии – утверждая, что борьба эстетики не исключает. С ним солидарен и Арсений Митропольский:

Но сила врагов – на закате,
Но мчатся, Святая Земля,
Твои лучезарные рати
К высоким твердыням Кремля [11].

Снежные сибирские степи превращаются в арену решающей битвы, которая состоит из множества сражений. Одни поэты описывают военные события как репортаж, другие – как глобальное противостояние Добра и Зла. Но в грандиозное батальное полотно неизменно вплетаются мотивы из прежней жизни – строки, повествующие о любви, о красоте природы. Валерий Язвицкий писал:

Как безмолвные стрелы, мелькают стрижи
И куда-то проносятся мимо,
А среди знойных полей созревающей ржи
Льется благовест церкви незримой...
И все мнится – в огнях бирюзы голубой
Твердь небесная дышит, пылая,
Будто в перстне, в оправе хлебов золотой,
А оправка звенит не смолкая [12].

Вообще, во многих стихотворениях чувствуется детская радость, восторг перед красотой окружавшего мира. Упоминаются «астра прекрасная, астра печальная, знойного лета улыбка прощальная» или «костер высокий» в «очарованных горах». Георгий Маслов утверждал, что даже сейчас весна остается весной, писал о памяти, которая дает силы жить:

Того не пугают пули,
Кто изведал мёд земной;
Хорошо, что хоть в карауле
Ты дышишь милой весной [13].

Тогдашнее положение вещей многим представлялось каким-то дурным наваждением, бесовским мороком:

Молитва ли нужна, иль песня - я не знаю
О если б знать! О если б только мочь!
О только бы понять, какая фея злая
Нашептывает зло и навевает ночь [14].

Писал в своем стихотворении, озаглавленном «1919 год» Андрей Болховской. Поэты белой столицы жили с ощущением общей Голгофы и несокрушимой надеждой на чудо, о которой так точно сказал Георгий Вяткин:

Все мы ранены жалом терний
Но немногим, сквозь боль и позор
Улыбается свет невечерний
Незакатное солнце гор [15].

Средневековые трубадуры воспевали Прекрасную даму, воплощавшую идеал красоты и непорочности. Трубадуры белой столицы воспевали другую даму – в их стихах чаще прочих звучит одно имя - Родина, Россия, Русь... Возведенная на Голгофу, страждущая, плененная, ждущая избавления. То сказочная царевна, ожидающая своего смелого витязя, то принцесса, которая может надеяться только на доблестного рыцаря:

Лишь степи в снегу перед вами –
Зачем наготове Ваш меч?»
С врагами красавицы-дамы
Ищу столкновений и встреч! [16]

Имя таинственной Дамы звучит в только последнем четверостишии стихотворения поэтессы из древнего грузинского рода графини Нины Подгоричани, и имя это – Россия. Причем среди стихотворений, написанных по канонам средневековой рыцарской поэзии, встречались и произведения в русском былинном стиле. Некий Г. Дружинин вопрошал:

О Русь! где кони жениха?
Где меч его... его любовь?
Ужель твою не смоят кровь
Он кровью витязя греха?
О Русь! где кони жениха? [17]

Некоторым из поэтов белого Омска доводилось прежде сражаться на фронтах Первой мировой, другие военного опыта не имели. Но все они вели себя, как подобает рыцарям - сражались до конца, когда уже «столице воли Ро-

ка» неумолимый Рок никакой надежды не оставил. Ведь сражаться можно и словом:

Не все потеряно, коль выбьют из седла -
С оружием твоим с земли подняться можешь.
И натиском врага неожиданным ты уложишь
Тебя в твой грозный час укроет ночи мгла... [18].

Кем был написавший это стихотворение Владимир Юнусов, и как сложилась его судьба, нам пока что остается только гадать. Другой поэт Георгий Маслов продолжал публиковать свою поэтическую хронику безумия с символическим названием «Кольцо» даже когда стало ясно, что кольцо неотвратно сжимается и надеяться не на что:

Кому судить кровавый опыт
Сулящих рай в кольце штыков?
Хватает голоса на шепот
У митинговых крикунов.
Кто были горячи и юны,
Могилы обрели себе!
Из-за границы шлют трибуны
Неустршимый зов к борьбе!
Но нам нет времени, иная
У нас, веселая борьба –
Бродяги, в ожиданье рая,
Громят спиртные погреба [19].

Потом в своей новелле «Пушкинист и футурист» Леонид Мартынов вспоминал: «Я даже прямо сказал ему, что фронт, как известно, уже на Тоболе, все знают, что разговоры о взятии Москвы – вздор и как бы ему, Георгию Маслову не пришлось задуматься о том, чтоб его кто-нибудь спасал... Он ответил, что именно теперь было бы для него бесчестьем спрятаться в нору и замолчать» [20].

А еще в 1919 г. в обреченной белой столице Георгий Маслов в лучших традициях провансальских трубадуров воспевал свою далекую любовь - знаменитую современницу Пушкина Аврору Шернваль, даму, которую Баратынский именовал «соименницей зари». На поэму «Аврора» Маслова вдохновил портрет, когда-то случайно увиденный в лавке букиниста на Литейном:

Я не забуду наши встречи,
Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи,
И взгляд, исполненный тоски.
И под глазами роковыми,
Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное имя,
Сияющее как заря [21].

Гимназист Леонид Мартынов, будущий знаменитый поэт, собирал лучшие из опубликованных в омских газетах стихотворения – подклеивал в тетрадку, переписывал. Потом, в 1920-е гг. вместе с поэтом Сергеем Марко-

вым, они объединили их в своеобразный сборник, который по понятным причинам называли между собой «Альманах мертвецов». Но собранные Мартыновым газетные вырезки в итоге где-то потерялись. Стихи поэтов белого Омска вернулись из забвения только в прошлом году, когда увидела свет книга «Поэзия белой столицы», ставшая совместным издательским проектом двух общественных благотворительных фондов «Возрождение Тобольска» (председатель Аркадий Елфимов) и «Духовное наследие» (президент Леонид Полежаев). После почти ста лет тишины.

Поэтическое наследие Гражданской войны, приобретавшее различные (порой, даже весьма курьезные) формы сегодня продолжает привлекать внимание специалистов [22, 23, 24, 25]. И мы надеемся, что обзор, представленный нами в рамках данной публикации, поспособствует продолжению историко-литературных исследований, связанных с антибольшевистским Омском. А

Библиографический список

1. Сушко А. В. Поэзия Белой Сибири как источник по истории Гражданской войны в России // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 8 февраля 2013 г.). Отв. ред. А. В. Коричко. Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. С. 189-191.
2. Поэзия Белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918-1919 гг. Тобольск, 2016. С. 180.
3. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.
4. Сорокин А. Поэты в стане Колчака // ГИАОО. Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 217. Л. 1-5.
5. Поэзия Белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918-1919 гг. С. 328.
6. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 3-6.
7. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск, 2012. С. 11.
8. Поэзия Белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918-1919 гг. С. 90.
9. Там же. С. 98.
10. Там же. С. 278.
11. Там же. С. 209.
12. Там же. С. 310.
13. Там же. С. 182.
14. Там же. С. 53.

15. Там же. С. 110.
16. Там же. С. 221.
17. Там же. С. 116.
18. Там же. С. 291.
19. Там же. С. 178.
20. Мартынов Л. Черты сходства. М., 1982. С. 27.
21. Поэзия Белой столицы. Стихи поэтов Омска 1918-1919 гг. С. 198.
22. Петин Д. И. Денежное обращение в годы Гражданской войны на востоке России: взгляд сквозь призму газетного фельетона // «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве. Материалы Международной молодежной научно-практической конференции (Омск, 25 апреля 2013 г.). Омск, 2013. С. 29-34.
23. Сушко А. В. Стихотворение «В память роты родной» как исторический источник по истории I мировой и Гражданской войн в России // «Эхо русского народа»: отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве Материалы II Международной молодежной научно-практической конференции. (Омск, 25 апреля 2013 г.). 2014. С. 8-11.
24. Стельмак М. М. Политическое восприятие Антанты российским правительством А. В. Колчака (сентябрь-октябрь 1919 г.): анализ литературной рубрики «Нашей газеты» (омский период) // «Эхо русского народа»: отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве Материалы II Международной молодежной научно-практической конференции. (Омск, 25 апреля 2013 г.). 2014. С. 48-51.
25. Сушко А. В. К вопросу о праздновании Дня Георгиевских кавалеров и восстановлении Георгиевских наград в белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 295-299.

Е. И. МЕДЕУБАЕВ (Актобе, Казахстан)

Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова

**«ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ
И СВОБОДНЫЙ ТРУД! ДОЛОЙ КОММУНИСТОВ,
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧИСТАЯ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!»:
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕННЫХ АНТИСОВЕТСКИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1921 Г.**

Аннотация: В данной статье освещаются вопросы истории антисоветских вооруженных выступлений в Западной Сибири и регионах Северного и Северо-Восточного Казахстана в 1921 г. Главной причиной массового недовольства стала политика «военного коммунизма», проводимого большевиками в годы гражданской войны. В центре внимания Ишим-Петропавловское восстание, одно из самых мощных крестьянских выступлений 1920-1922 гг.

Ключевые слова: «военный коммунизм», продовольственная диктатура, конфискация, реквизиция, советская власть, декрет, сопротивление, насилие.

E. I. MEDEUBAYEV (Aktobe, Kazakhstan)

Aktobe regional state university named after K. Zhubanov

**«LONG LIVE FREE TRADE AND FREE LABOUR! DOWN WITH
THE COMMUNISTS, LONG LIVE THE PURE SOVIET POWER!»:
FROM THE HISTORY OF THE ARMED ANTI-SOVIET SPEECHES
IN WESTERN SIBERIA IN 1921**

Annotation: This article sets out the history of anti-Soviet armed performances in Western Siberia and the regions of Northern and North-Eastern Kazakhstan in 1921. The policy of «war communism» pursued by the Bolsheviks during the civil war became the main cause of widespread discontent. In the focus is Ishim-Petropavlovsk uprising, one of the most powerful peasant uprisings 1920-1922.

Keywords: «war communism», food dictatorship, confiscation, requisitioning, the Soviet government, decree, resistance, violence.

Самым мощным крестьянским выступлением, потрясшим основы еще не укрепившейся советской власти в Западной Сибири стало Ишим-Петропавловское восстание. Причиной недовольства крестьян, вылившейся в открытую войну, стал непосильный гнет продразверстки. 20 июля 1920 г. вышел декрет СНК РСФСР об изъятии хлебных излишков в Сибири. С 1 августа 1920 г. до весны 1921 г. должно было быть сдано по разверстке 110 млн. пудов

хлеба, что составило 1/3 общего задания по РСФСР. Сибирский продовольственный комиссар Каганович обещал Центру перевыполнить план и сдать 135 млн. пудов, но к концу продовольственной кампании удалось изъять у крестьян лишь 62 млн. пудов хлеба [1]. К примеру, Кокчетавский уезд к ноябрю 1920 г. выполнил разверстку на 2,5 млн. пудов, при плане в 6 млн. пудов. Тогда власти еще более усилили нажим. 1 ноября 1920 г. на Кокчетавский уезд поступила новая, совершенно непосильная для урожая этого года разверстка, на 3 млн. пудов. Если в первый раз забрали весь обмолоченный, то теперь приступили к реквизиции необмолоченного хлеба. Хлеб молотился в тяжелых условиях, потеря зерна при таком обмолоте достигала 50%. К середине января 1921 г. удалось выполнить лишь 25% разверстки, что составило около 550 тыс. пудов. Продовольственная заготовка дошла до такой степени абсурда, что среди населения уезда ходили слухи о предстоящей разверстке на женское молоко и волосы, по 20 фунтов молока и 10 фунтов волос в год. Чаша терпения крестьян переполнилась, когда продовольственные отряды, выполняя план разверстки, начали реквизировать семенной хлеб, обрекая людей на голодную смерть [2].

Восстание началось 31 января 1921 г. в Ишимском уезде Тюменской губернии. Вскоре оно охватило Кокчетавский, Петропавловский, Акмолинский, Атбасарский уезды. К середине февраля восставшим удалось захватить Петропавловск и перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль, по которой доставлялось заготовленное продовольствие в Центральную Россию. К этому времени Советская власть пала в таких крупных городах Западной Сибири, как Ишим, Тобольск, Обдорск, Каинск [3].

В захваченных населенных пунктах уничтожались советские учреждения, громились райпродкомы, ссыпные пункты. На лозунгах восстания были начертаны основные политические и экономические требования: «Да здравствует свободная торговля и свободный труд! Долой коммунистов, да здравствует чистая Советская власть!». Шла жестокая расправа над советскими служащими и членами партии. В сильные морозы их окунали в ледяные проруби и насмерть замораживали на открытом ветру [4].

Казахское население активно включилось в повстанческое движение, оказывало продовольственную помощь, организовывало связь между повстанцами, нападало на отдельные красноармейские отряды. Такое активное участие в борьбе не было случайным. Утверждавшаяся «военно-коммунистическая» система хозяйствования нанесла ощутимый урон кочевому хозяйству. Мясная разверстка разорила скотоводов. Особенно тяжело сказывались на экономическом положении казахов частые мобилизации на гужевые повинности. Фактически всю тяжесть транспортных перевозок местные хозяйственные органы взвалили на население степи. В своей докладной записке в адрес ЦК РКП(б) член Кокчетавского уездкома Ф. В. Воронов, анализируя причины восстания, отмечает: «Все прелести» советского произвола киргизское население испытывало гораздо сильнее на своих плечах, нежели русское население» [5].

Вначале партийно-советские органы на местах вели борьбу своими силами, пытаясь локализовать конфликт. Активно шла мобилизация коммунистов и комсомольцев в отряды ЧОН, повсюду вводилось чрезвычайное положение. Приказ военно-революционной тройки Кокчетавы от 13 февраля 1921 г. объявил город и уезд на чрезвычайном военном положении. Из приказа председателя военно-революционной тройки П. Розенбаха: «Всем волисполкомам, волвоенкомам предписывается тщательно проверять документы у всех граждан. Всех, оказывающих сопротивление патрулям и постам, приказываю расстреливать на месте. За порчу телеграфного провода – расстрел на месте» [6].

В целях пресечения распространения волнений широко применялся метод взятия заложников из числа местного населения. В приказе начальника особого отдела революционной тройки Кокчетавского уезда Ганикевича указывается: «Объявляю населению, что за каждого расстрелянного или убитого коммуниста, красноармейца или члена исполкома и вообще советского служащего, будет расстреляно: десять (10) заложников... Лица, срывающие настоящее объявление, будут считаться вне закона и подлежат расстрелу» [7].

Еще 19 февраля члены Кокчетавской революционной тройки, информируя Омск о положении дел в уезде, сообщали, что настроение красноармейцев «по прежнему превосходное», хотя восставшие наносили большевистским силам одно поражение за другим. Уже 20 февраля уездное партийное руководство бежало из Кокчетавы. Более 1000 красноармейцев попало в плен, оставшиеся без единого командования [8].

Для подавления восстания ЦК РКП(б) и Главное командование вооруженными силами РСФСР направило части Красной Армии, в том числе 21-ю стрелковую дивизию, Казанский и Сибирский пехотные полки, кавалерийскую бригаду, 121-й и 122-й кавалерийские полки, 4 бронепоезда. Помимо этого карательные войска были усилены отрядами ЧОН, ВЧК, ВОХР, местной милиции [9]. К концу марта 1921 г. сопротивление крестьян в Северном Казахстане жестоко подавили.

В ходе таких столкновений совершенно дикие по своей жестокости расправы были характерны для обеих сторон. Например, повстанцы в Петропавловском, Кокчетавском уездах пойманных коммунистов и советских работников клали на козлы и распиливали пилой, голыми опускали в колодцы, затем вытаскивали и замораживали на морозе в 30-40 градусов [10]. Во время боев повстанцы захватили на станции Токуши, в 40 км восточнее Петропавловска, эшелон с эвакуированными из Петропавловска семьями коммунистов. Над ними была учинена жестокая расправа [11].

В ответ разъяренные красноармейцы расстреливали всех, кто попадался на пути при входе в тот или иной населенный пункт. Особенно жестоким репрессиям подверглось казачество, именно эта социальная группа активно выступила против продразверстки в уездах Акмолинской губернии. На плечах захваченных казаков вырезались погоны, на бедрах лампасы. При проведении ка-

рательных акций казачьи станицы были подвергнуты полному разгрому. Только в окрестностях Кокчетавы было уничтожено 9 казачьих станиц [12].

К середине 1921 г. практически вся территория Степного края была охвачена восстаниями, сильнейшее недовольство политикой «военного коммунизма» достигло своей критической отметки. Эти выступления слились в единый стихийный бунт вместе с другими актами вооруженного сопротивления, прокатившимися в это время по всей советской России. Пользуясь обширностью территории, относительной малолюдностью казахских степей, сюда, скрываясь от преследования властей, устремлялись участники разгромленных выступлений. Так повстанцы Омской, Тобольской, Челябинской губерний, уцелевшие после разгрома Ишим-Петропавловского восстания, сформировали «1-ю Сибирскую народную дивизию» во главе с есаулом Токаревым, которая действовала в Семипалатинской губернии. Здесь же находились повстанческие отряды из Самарской, Оренбургской губерний. Токарев приблизился к Семипалатинску, а в апреле 1921 г. захватил Каркаралинск, истребив при этом всю верхушку уездного руководства [13].

Некоторые исследователи объясняют активное организованное сопротивление населения в отдельных районах Степного края деятельностью эсеров. Особенно сильным было влияние эсеров в Уральской и Семипалатинской губерниях, связанных, соответственно, с Самарским и Сибирским центрами эсеровской партии. В целом ряде сел Петропавловского и Кокчетавского уездов проживали ссыльные эсеры, высланные сюда еще в 1907-1910 гг. [14]. Выступая 24 февраля 1921 г. с речью на собрании партийного актива г. Москвы, В. И. Ленин отмечал этот фактор: «В бандитизме чувствуется влияние эсеров... Эсеры связаны с местными поджигателями. Связь эта видна и из того, что восстания происходят как раз в тех районах, из которых мы берем хлеб» [15]. Действительно, очень часто в ходе Ишим-Петропавловского восстания звучали эсеро-меньшевистские воззвания: «Нам не нужно монархических генералов и офицеров. Мы боремся за чисто Советскую народную власть, которую извратили узурпаторы-коммунисты, лжекоммунисты с темным прошлым и настоящим. Мы боремся за свободу совести, печати, собраний, слова, союза, убеждений, не направленных во вред благосостояния народного. Мы боремся за свободную торговлю, за свободный труд, за землю и за тех, кто на ней трудится» [16].

В борьбе против волны крестьянского сопротивления особое внимание уделялось войскам ЧОН. Эти части рассматривались как ударная, преданная РКП(б) сила: «ЧОН – единый, мощный оплот пролетарского государства. Они создаются по структуре регулярной Красной Армии, но по своему назначению, как коммунистические части, стоят выше Красной Армии»; «... весь кадровый состав штабов и отрядов ЧОН довольствуется всеми видами довольствия наравне с Красной Армией. При выполнении оперативно-боевых заданий переменный милиционный состав отрядов также зачисляется на все виды довольствия наравне с Красной Армией» [17]. ЧОН в крае начали свое существование

еще осенью 1920 г. и находились в подчинении Всеобуча, а в случае оперативного характера подчинялись губкомам партии. В подчинении штабу ЧОН Кир-республики, находившемся в Оренбурге, вошли Оренбургская, Актюбинская, Уральская, Кустанайская, Букеевская губернии и Адаевский уезд. Руководители ЧОН Акмолинской и Семипалатинской губерний выполняли распоряжения штаба Сибирского командования ЧОН, находившегося в Новониколаевске [18].

Особое внимание уделялось комплектованию войск ЧОН надежными, с точки зрения партийных органов, кадрами. В случае непосредственной опасности свержения советской власти в той или иной местности, в первую очередь, мобилизовались все коммунисты и кандидаты в члены партии. Когда в момент наивысшего подъема Ишим-Петропавловского восстания, после захвата Петропавловска, создалась угроза Кокчетаву, уездный политотдел издал 13 февраля 1921 г. следующий приказ, в котором говорилось «... все члены РКП(б), находящиеся в Кокчетаве, мобилизуются в коммунистические отряды. Приказ распространяется и на комсомольцев. Неявившиеся будут преданы суду реввоен трибунала» [19]. Режим нуждался в такой вооруженной опоре, которая по первому же приказу будет готова выступить на подавление любых выступлений. Власти не без основания полагали, что части регулярной Красной Армии, во многом составленные из крестьян, могут не выполнить поставленной перед ними задачи. В отношении казахского населения одна из многочисленных директив штаба ЧОН республики своим структурам на местах указывала, что «...киргизское население не подлежит никакой мобилизации в войска ЧОН, так как в смысле боеспособности и благонадежности не соответствует своему назначению» [20].

Это выглядело логично, ведь одной из непосредственных целей создаваемых репрессивных сил было усмирение недовольства местного населения. К этому следует добавить, что в карательных органах края были задействованы иностранцы, в основном из числа бывших интернированных военнопленных. В ЧОН Семипалатинской губернии состояли на службе австрийцы, поляки, литовцы, а в уездных отделах милиции основной костяк составляли интернационалисты-мадьяры [21]. Такое явление, как привлечение иностранных наемников на военную службу, было вообще характерно для большевиков в годы Гражданской войны.

Антинародный характер «военного коммунизма» стал источником нараставших сил сопротивления. Главные лозунги этих выступлений – «Долой продразверстку!», «За свободную торговлю и Советы без коммунистов!» – отражали истинные мотивы антисоветских мятежей в 1920-1922 гг. Перед лицом угрозы всеобщего социального и политического краха большевистская власть вынуждена была пойти на уступки крестьянству, которые выразились в отступлении от ряда основных принципов политики «военного коммунизма».

Библиографический список

1. ГААО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 108. АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 217. Л. 52.
2. Из истории Ишим-Петропавловского восстания (Из доклада члена Кокчетавского уездкома РКП(б) Ф. В. Воронова в ЦК РКП(б) и Омский губком 31 марта 1921 г.) // Партийная жизнь Казахстана. 1991. № 10. С. 83.
3. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 93.
4. Из истории Ишим-Петропавловского восстания... С. 84.
5. Там же. С. 83-84.
6. ЦГА РК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
7. Там же. Л. 13.
8. Григорьев В. К. Борьба коммунистов Казахстана против мелкобуржуазной контрреволюции на территории республики в 1920-1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. С. 84-85.
9. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 96.
10. Из истории Ишим-Петропавловского восстания... С. 84.
11. Григорьев В. К. Борьба коммунистов Казахстана против мелкобуржуазной контрреволюции на территории республики в 1920-1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. С. 88-89.
12. Из истории Ишим-Петропавловского восстания... С. 85.
13. АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15. Л. 29. ЦГА РК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 20. Л. 393.
14. Григорьев В. К. Борьба коммунистов Казахстана против мелкобуржуазной контрреволюции на территории республики в 1920-1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. С. 29.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1957. С. 349.
16. Из истории Ишим-Петропавловского восстания... С. 84.
17. ЦГА РК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 14. Л. 22. АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15. Л. 266.
18. ЦГА РК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 14. Л. 39; Д. 15. Л. 173.
19. ЦГА РК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.
20. Там же. Д. 15. Л. 44.
21. Там же. Д. 34. Л. 131.

Г. К. МУКАНОВА (Алма-Аты)

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

**ТУРКЕСТАН И СИБИРЬ В 1917 ГОДУ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕЗАВИСИМЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвящённое изучению и систематизации независимых источников представляющих политические события 1917 г. и революционную ситуацию в Туркестане и Сибири. Работа написана на базе письменных зарубежных источников, и выявленных автором в региональных архивах, вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь, Омск, Туркестан, газета, «Бостандык туы», Черчилль, Магжан Жумабаев.

G. K. MUKANOVA (Almaty)

Kazakh National University named after Al-Farabi

**TURKESTAN AND SIBERIA OF 1917
THROUGH PRISM OF INDEPENDENT SOURCES**

Annotation: This publication is a survey study devoted to the study and systematization of independent sources representing the political events of 1917 and the revolutionary situation in Turkestan and Siberia. The work is written on the basis of written foreign sources, and identified by the author in the regional archives, introduced into the scientific useful.

Keywords: Siberia, Omsk, Turkestan, newspaper, Bostandyk Tui, Churchill, Magzhan Zhumabayev.

Вопрос репрезентации революционной ситуации 1917 г. на территории нынешнего Казахстана уже неоднократно освещался исследователями, но, переходя к изложению темы, следует оговорить ряд уточнений. Официальная советская историография до сих пор довлеет над концептуальными оценками периода. Тогда как имеет смысл уделить внимание «инклюзивным» источникам, авторы которых непосредственно наблюдали, участвовали и комментировали реальные факты, находясь в эпицентре либо близко к событиям Гражданской войны в Сибири. Мы изучили казахские (в указанный период казахов именовали «киргизами», отсюда – Киргизское представительство) печатные СМИ, издававшиеся в начале 1920-х гг. в Омске. Так, газета «Бостандык туы» («Знамя свободы») выходила как «орган Кирпредставительства при Сибревкоме РКП(б) и нацменьшинств при Омскому губернском исполкоме» [1]. Известный казах-

ский поэт Магжан Жумабаев был членом редколлегии этой газеты и публиковал аналитические статьи [2].

Привычный термин-клише «гражданская война», на наш взгляд, не совсем точно передает суть социальных трансформационных процессов. Мы склонны писать: «гражданское противостояние», что несколько снимает категоричность так называемой «классовости». Известно, что в Сибири на рубеже 19–20 вв. имел место регионализм (идеи сибирских просветителей Н. М. Ядринцева, Г. Потанина), который ассоциируется с именами ученых, и др. [3]. В начале XX в. великий ученый-химик Д. И. Менделеев обращал внимание правительства на роль Сибири в социально-экономическом обустройстве России. В частности, речь шла о внутриматериковых миграциях, большая часть векторов которой реализуются до сих пор на просторах Сибири. Следует отметить, что изучался феномен Сибири, как места формирования нетрадиционных взглядов, оппозиции монархическому режиму. Сибирь также была местом политической ссылки экс-владельцев из прилегающих районов (Казахское ханство, Коканд, Бухара, Джунгария, Восточный Туркестан, др.) и декабристов, участников польского восстания и т.п., заведомо несла искру инакомыслия. Разного рода секты и старообрядчество на фоне восточных верований и культов привлекали искателей истины [4].

Начало XX в. привнесло в этот поликультурный и поликонфессиональный анклав новые веяния: активное самоопределение депутатов Госдумы от инородцев, тема земства и муфтиата всколыхнули подсознание сибиряков и туркестанцев. Оба региона, исторически связанные между собой идеей и логистикой Транссиба, а прежде – караванными трактами и перегонами вьючных и домашних животных, гонимых на сезонные ярмарки, выдвинули избранных лиц, получивших целенаправленно образование в лучших учебных заведениях Москвы и Петербурга. Источники сибиряды указанного периода отлагались по периметру Транссиба, но многое, и утеряли.

Мемуары нероссийского происхождения, как документальный источник по истории региона, требуют особого внимания. Так, в главе XII «Гражданская война в России» У. Черчилль пишет: «В течение всего 1919 г. на всем протяжении России велась странная война, война на таких громадных пространствах, что очень значительные по численности армии, армии, насчитывавшие сотни тысяч человек, в них терялись, таяли, испарялись; война, в которой не было настоящих сражений, а одни только схватки, набеги, резня, в результате которых переходили из рук в руки области, равные по величине Англии и Франции; война флагов на карте; пикетов кавалерийских разведочных отрядов, то продвигающихся вперед, то отступающих на целые сотни миль без всяких серьезных на то оснований; война, не знавшая ни доблести, ни пощады. Те, кто могли продвинуться вперед, легко двигались дальше и дальше; те, кто были вынуждены отступить, находили трудным остановиться. На бумаге это было похоже на Великую войну на восточном и западном фронтах; фактически, это был ее призрак; холодная, слабая борьба теней в мрачном царстве Плутона. Сначала Кол-

чак, а затем Деникин развивали кажущееся наступление на колоссальных территориях России, и, по мере того как они двигались все дальше, линии их войск, растягиваясь, становились все тоньше. Казалось, что они будут продолжать так растягиваться до тех пор, пока останется не больше одного человека на милю. Когда наступал подходящий для этого момент, большевики, находившиеся в центре, – тоже еще очень слабые, но, во всяком случае, стремившиеся все к большей и большей сплоченности, – начинали наносить удары то в одном пункте, то в другом. Тогда вздувшийся пузырь белых армий прорывался, флаги на карте быстро подвигались назад, города меняли властителей, а заодно и свои политические симпатии, и страшная месть систематически осуществлялась в течение многих месяцев со всей точностью инквизиции. Могущественные природные и стратегические преграды, как, например, линия реки Волги и линия Уральских гор, не являлись для армий местами отдыха, никакие стратегические преимущества не вытекали из того, в чьих они были руках. Это была война с ничтожным числом смертей в бою и с бесчисленным количеством казней!» [5]. О положении Туркестана Черчилль писал со знанием дела: «Уничтожение армии Колчака и гибель его правительства являются теперь уже совершившимся фактом, и вся громадная территория Сибири до Байкала будет или захвачена большевистскими армиями, или станет жертвой анархии. Лишь к востоку от Байкала находятся японские войска. Туркестан и провинции центральной Азии уже находятся под властью большевиков, которые уже угрожают Персии и интригуют в Афганистане...» [6].

Туркестанский регион имел тесные связи с Сибирью, события 1917 г. показали это воочию. Яркой политической фигурой исследуемого этапа являлся Мустафа Шокай – уроженец юго-западного Казахстана (ныне – Кызылординская область), выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, имевший опыт работы в Госдуме. В Алматы увидело свет полное собрание сочинений М. Шокая, изданное на основе его парижского архива (Ножан-сюр-Марн), предоставленного Республике Казахстан через дипломатические каналы [7]. Сибирь в биографии Мустафы Шокая сыграла решающую роль, именно в годы гражданского противостояния. Будучи активистом политического самоопределения инородцев Туркестана, в том числе, казахов, Шокай с 1917 г. был известен в политических кругах. В декабре 1917 г. он вошел в руководство казахской партии «Алаш», а по мере развертывания событий в Туркестане возглавил Кокандское правительство. Широкий кругозор, эрудиция, личное знакомство с А. Ф. Керенским и депутатами Думы от Кавказа, Украины, Прибалтики позволили ему отслеживать динамику событий и держать руку на пульсе сибиряды. Его маршрут пролегал весной 1918 г. через Омск, где он подвергся аресту, бежал от неминуемого расстрела, вынужденно покинув Россию через Каспий. Маршрут этот описан Черчиллем: «...Я надеялся теперь найти хотя бы временное убежище для той массы эмигрантов, которые бежали на юг от мести красных. Казацкие территории на Дону и в Кубани, с их ярко антибольшевистским населением, могли бы образовать целые независимые, ав-

тономные области. Если бы это не удалось, оставался Крым... Крым был взят, и началось отчаянное, беспорядочное бегство эмигрантов в Константинополь... Суда, нагруженные обездоленными и зараженными людьми, нередко умирающими и даже мертвыми, – одно за другим прибывали к столице Турции и без того нищей, переполненной и разрушенной» [8].

Далее судьба привела М. Шокая сначала в Грузию, о чем мы писали ранее. Как удалось установить автору этих строк, именно в Грузии написано, единственное известное, стихотворение Шокая, в котором он, в связи с гражданским противостоянием в России, выражает обеспокоенность кровопролитием и будущим страны [9]. Европейский период эмиграции казахского борца ценен его публицистическим наследием [10].

«Сибирский след» М. Шокая нуждается еще в тщательном изучении. Биографы Шокая трактуют его взаимоотношения с Директорией и Колчаком, совдепами по-разному. На партийных выступлениях и советской прессе его награждали нелестными эпитетами. Знакомство и переписка с ним могли привести к политическому преследованию. В период массовых репрессий в Казахстане обвинительные акты иногда содержали термин «шокаевщина». Это же характерно для газетных статей [11].

Современная историография реанимирует страницы межрегионального сотрудничества по ряду социальных и экономических вопросов. История формирования партий, неправительственных объединений, самоопределения и самоорганизации, как в Туркестане, так и Сибири, объективно может быть воссоздана при аккуратном обращении с источниками и биографиями деятелей прошлого. Переиздание их трудов, выверка научно-справочного аппарата и профессиональные комментарии привнесут вклад в исследование причинно-следственных связей, общего и особенного в развитии Евразии.

В целом, формирование политических движений и партий в Сибири и сопредельных регионах, в предшествовавший 1917 г. период, представляет интерес. Не менее интересен и мало изучен международный аспект темы, в частности, китайский фактор событий указанного периода. События весны-осени 1917 г. в центральной России, Туркестане и Сибири имели резонанс в Северо-Западном Китае. Отголоски восстания в Средней Азии и Казахстане 1916 г. и массовая ирредента на территории Синьцзяна, Монголии заострили ряд дипломатических аспектов в российско-китайских взаимоотношениях. Судьбы российских консулов в Китае, как факт, оказались заложниками событий в России. К чести сотрудников дипломатических миссий в Китае, как и иных зарубежных российских миссий, они продолжали выполнять свои функции. Так, работа по вызволению амнистированных Временным правительством казахов и кыргызов, бежавших в Кульджинский край и Восточный Туркестан в 1916 г., велась при непосредственном участии консулов и членов Туркестанского Комитета Временного правительства (А. Букейханов, О. Шкапский, М. Тынышпаев).

Не является секретом, что ныне пространства Сибири и Центральной Азии (Западного Туркестана) лежат в поле геоинтересов держав. Зная историю социальных трансформаций, можно упредить нежелательные сценарии. А каталогизация источников окажет в этом неоценимую помощь.

Библиографический список

1. ЦГА РК. Фонд газет. 1918-1922 гг.
2. Жумабаев М. (Жажеке). Екиден бир // «Бостандык туы» («Знамя свободы»). 1920. 22 февраля. Л. 1.
3. См. подробнее: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882. Переизд.: Новосибирск, 2003.
4. Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы: «Арыс», 2004.
5. См. подробнее: Черчилль У. Мировой кризис. / Пер. с англ. М.; Л.: Госвоениздат, 1932.
6. Черчилль В. Мировой кризис. Глава XII. Гражданская война в России. Электронный ресурс. [Режим доступа]: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/12.html> (дата обращения 01.08.2017).
7. Шоқай М. Шығармаларының толық жинағы: 12 томдық. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Т. 8. С. 127-128.
8. Цит. по: Муканова Г. К. Грузинский «след» Мустафы Шокая // Мысль». 2016. № 4. С. 40-45.
9. Муканова Г. К. Неизвестное стихотворение Мустафы Шокая // Айқап. 2017. № 1. С. 50-55.
10. Ени Туркестан // INALCO. L'Archives de Moustafa Chokay Bey. Carton 6. Dossier 5. P. 109-112.
11. Смагул Садукасулынын кателерине карсы // «Бостандык туы». 1925. 26 ноября.

Л. И. ОГОРОДНИКОВА (Омск)
Исторический архив Омской области

ОКТАБРЬ В ОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Аннотация: Данная публикация представляет собой отражению в омской городской топонимике октябрьской тематики. Преимущественной основой для подготовки работы стали сведения, извлеченные автором в автоматизированной информационно-поисковой системе ГИАОО «Архивный фонд» (4 версия).

Ключевые слова: Омск, топонимика, революция, Октябрь, советская власть.

L. I. OGORODNIKOVA (Omsk)
Historical archive of the Omsk region

OCTOBER IN OMSK CITY TOPOINMICS

Annotation: This publication is a reflection in the Omsk city toponimics of the October theme. The basis for the preparation of the work was the information extracted by the author in the automated information retrieval system of the Historical archive of the Omsk region «Archive Fund» (version 4).

Keywords: Omsk, toponimics, revolution, October, soviet power.

Топонимика любого города отражает специфику его образования и развития, историю существовавших в нем учреждений и организаций, проживавших в нем людей. Топонимика старого Омска всегда вызывала интерес краеведов, немало написано работ по этой теме [1]. К 1898 г. уже сложилась устойчивая городская топонимика. Многие объекты и улицы имели свои исторически обусловленные названия. Но революционные события 1917 г. кардинально сломали эту систему и внесли совершенно новые, соответствующие новому духу времени топонимы.

Еще 8 октября 1919 г. заведующий дорожно-строительным подотделом Коммунального отдела Омского городского хозяйства Д. Вернер обратился к заведующему этим отделом об упорядочении названия улиц в Омске. Он писал, что это преследует легкость и удобство нахождения адресатов и «средство закрепить в народной памяти воспоминания о всевозможных исторических событиях, об именах великих людей» [2]. Утверждая, что всякая ломка в номенклатуре вносит очень большие затруднения и путаницу и давать новые названия желательно только улицам с совершенно неустановившимися названиями и стараться оставлять все старые приемлемые названия, он тут же предложил переименовать главные ходовые улицы (а это улицы с именами губернаторов, связанные с историей Сибирского казачьего войска и др.), придав соответству-

ющие духу времени названия. Такими старыми улицами были Капцевичева, Казнаковская, Колпаковская, Гасфордовская, Архиепископская, Санниковский переулок, все улицы крепости и др.

Сразу же после освобождения Омска в ноябре 1919 г. от колчаковских войск часть этих старых улиц получили новые названия. В 1920-1922 гг. появились улицы с именами деятелей революции – Ленина, Троцкого, Каменева, Володарского, Лобкова, Зиновьева, Куйбышева, Свердлова. Большинство этих именных улиц были одновременно в самом Омске, в Ленинске, в Ново-Омске, в то время бывших самостоятельными административно-территориальными единицами. Позднее, в связи с политическими процессами в нашей стране, многие эти деятели стали опальными, улицы переименовывали. После вхождения в состав Омска городов Ленинска и Ново-Омска одноименные улицы пришлось переименовывать. Так, существовавшие в Ленинском районе номерные Линии переименовали в Ленинские улицы. В первые годы после Октябрьской революции в 1921 г. в Ленинске улицу Лагерную переименовали в улицу 25 Октября, ошибочно во всех справочниках значащуюся как 25 лет Октября. В 1923 г. на карте города улицу Баронскую заменила улица Октябрьскую. В 1930-е гг. появились улицы и переулки Дзержинского, Воровского, Аврорская.

Кроме них в этот период старым улицам дали имена – Бакунина, Кропоткина, Володарского, Революции, Красных Зорь, Красных Орлов. Другие носили имена местных деятелей революции, Красной Гвардии – Гусарова, Демьянова, Захаренко, Звездова, Карлова, Марченко, Парнякова, Полюдова, Пранова, красного генерала Таубе, Яковлева. Появилась гораздо позднее, в 1981 г., улица Иосифа Броз Тито (ранее Профессиональная), вступившего в 1917 г. в Омске в Красную Гвардию и принимавшего участие в революционных событиях.

К 20-летию Октября улицу Тобольскую переименовали в улицу Орджоникидзе, в 1939 г. – улица Воздвиженская стала улицей Рабиновича, улица Перевозная – Масленникова, Крестьянская – Нейбута. В 1950-е гг. появилась улица Косарева. К 60-летию Октября на Левобережье в новом микрорайоне улице дали имя А. Н. Дианова, в Советском районе появились улицы К. Попова, Кароя Лигети. Чуть ранее в 1971 г. новой улице дали имя Марка Никифорова. Все эти люди были активными деятелями революции общероссийского и регионального масштаба.

Достаточно много в городской топонимике улиц, названных к юбилеям Октября: в 1927 г. улицу Троцкого переименовали в 10 лет Октября, и улице Каменева в Ново-Омске (Старый Кировск) дали то же наименование, переименовав последнюю и существовавший при ней переулок в 1939 г. в 20 лет Октября. В 1957 г. в городке Нефтяников появилась улица 40 лет Октября, благополучно переименованная в 1970 г. в улицу 50 лет Октября, поскольку в Октябрьском районе Омска тогда уже существовал поселок 40 лет Октября. Уже в 1987 г. на Левобережье в новом микрорайоне появилась улица 70 лет Октября. Она последняя получила подобное наименование.

Тема Октября нашла отражение и в других улицах и переулках, топонимах. Существовали и существуют в нашем городе Октябрьский спуск и переулок, Октябрьский тупик, улица Октябрят, Октябрьский административный

округ (ранее – район), поселок Октябрьский в Советском районе, гостиница Октябрь.

В советский период, начиная уже с 1920-х гг., ряд омских предприятий, учреждений и организаций также имели в своем названии октябрьскую тематику. Так, в нашем городе работали:

- заводы: Омский государственный маслобойно-мыловаренный и красочный завод имени Октябрьской революции (существовал в 1920-е гг.), транспортного машиностроения («танковый») имени Октябрьской революции, механический завод «15-й Октябрь». В 1978 г. Омскому судоремонтно-судоостроительному заводу Министерством речного флота было присвоено звание имени 60-летия Октября;

- артели: Красный Октябрь, Октябрь (1924, 1928 гг.), 14 лет Октября, 15 лет Октября, 19-й Октябрь, 21-й Октябрь, (1950-е гг.), обувная фабрика «40 лет Октября», фабрика индивидуального пошива и ремонта одежды «Октябрь» (1960-е гг.);

- на Иртыше ходил пароход 5-й Октябрь (1925 г.);

- Центральный коммунистический клуб имени Октябрьской революции (1920-е гг.), в 1970-е гг. существовала библиотека имени 40 лет Октября;

- школа имени Октябрьской революции (бывшая № 8), школа «Красный Октябрь» (бывшая № 56, 1924 г.);

- Октябрьский (т.н. «Горбатый») мост, кинотеатр «Октябрь».

В 2005 г. в связи с присоединением к Омску новых территорий в микрорайонах Береговой и Осташково существующие в них Октябрьские улицы были переименованы в Тевризскую и Осташковскую. Уже в постсоветский период в микрорайоне Осташково появилась в 2008 г. улица Ноябрьская. Возможно, ее название каким-то образом было связано с праздником 7 ноября – Днем Великой Октябрьской социалистической революции, ставшего в годы демократической России Днем согласия и примирения. Такими в истории Омска были топонимы, связанные с темой Октября. Как видно, октябрьская тематика оставила весомый след в омской топонимике, при этом, вплоть до распада СССР «октябрьское наследие» в различных названиях продолжало достаточно интенсивно развиваться.

Обозначенный аспект в нашей публикации сегодня приобретает, в том числе, культурологическое значение. Тем самым, лишь кратко и обзорно затронутый нами вопрос может вылиться в более обширное междисциплинарное исследование.

Библиографический список

1. См. подробнее: Улицы города Омска. Справочник. Составители Г. Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. Омск, 2008. С. 237–247.
2. ГИАОО. Ф. Р–26. Оп. 1. Д. 42. Л. 37, 38.

Д. В. ОЛИХОВ (Омск)
Омская духовная семинария

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 Г. НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ЕПАРХИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-81-01021.

Аннотация: Взаимоотношения РПЦ и государства в 1917 г. вступили в новую эпоху. Временное правительство взяло курс на строительство светского государства. Возникающие конфликты касались сферы образования: принадлежности церковно-приходских школ и обязательности преподавания Закона Божьего. Во внутренней устроительстве Церковь стремилась освободиться от государственной опеки в лице оберпрокуратуры.

Ключевые слова: Православная церковь, Временное правительство, религиозное образование, революция.

Annotation: The relationship of the Russian Orthodox Church and the state in 1917, ushering in a new era. The Provisional government has embarked on the construction of a secular state. The conflicts related to the sphere of education: parochial schools and compulsory teaching of God's Law. In the inner workings of the Church longed to be released from state custody in the face of oberprocurator.

Keywords: Orthodox Church, the Provisional government, religious education, revolution.

2 марта 1917 г. был опубликован акт об отречении Николая II от престола. Содержание этого акта совершенно не касалось Церкви и ее дальнейшей судьбы. Было совершенно не ясно, как будет осуществляться управление церковным институтом. По идее акта об отречении, вместе с властью государственной, которая передавалась отныне брату императора, ему же вверялось и управление Синодом – высшим управляющим органом Русской Церкви в то время. Однако и в условиях, которые поставил князь Михаил, не было ни слова о Церкви. Только после того, как стали известны волеизъявления императора и великого князя Михаила, Синод направляет всем верным послание от 9 марта 1917 г.: «Свершилась воля Божия: Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути. Временное правительство вступило в управление страной в тяжелую историческую минуту, враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим во-

одушевлением. Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения наших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь во имя братской любви на благо России, доверьтесь Временному правительству...» [1]. Этот документ, вместе с заявлением великого князя Михаила опубликовали в «Омских епархиальных ведомостях» только через 10 дней после официальной даты опубликования [2]. Интересны рассуждения Д. Поспеловского о рассматриваемых событиях: «Не имея канонического главы (патриарха) и традиционной соборной структуры, которая обеспечивала бы двухстороннюю связь центра с периферией, Церковь вступила в революцию разъединенной, а с отречением царя – формального земного главы Церкви – и обезглавленной. В условиях общего распада государственности Церковь осталась без инфраструктуры, и каждому было ясно, что виной тому – монархический абсолютизм». Антимонархические настроения выразились в отказе синодального епископата выполнить просьбу обер-прокурора – обратиться к народу и поддержать распадающуюся монархию. Вместо этого Синод одобрил 17 марта решение великого князя Михаила передать вопрос о власти на усмотрение будущего Учредительного собрания, а 26 июля приветствовал наступивший час всеобщей свободы России, когда вся страна ликовала по поводу радостных новых дней ее бытия» [3].

С приходом Временного правительства государственно-конфессиональная политика была переориентирована на построение в России светского государства. В программном документе Временного правительства «Обращение к гражданам», опубликованном 7 марта 1917 г. говорилось об отмене сословных, вероисповедных и национальных ограничений, тормозивших развитие капиталистических отношений в России». Неизбежно отразилось на правовом статусе религиозных объединений снятие ограничений в политических, социальных и имущественных правах граждан в зависимости от их принадлежности к тому или иному исповеданию Постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [4].

Февральские события отразились на жизни Омской епархии. Всего за несколько дней до отречения императора Омская духовная консистория постановляет организовать денежный сбор на призрение детей воинов, павших на поле брани. Сбор этот производился под эгидой Романовского Комитета [5]. 4 марта будущий священномученик сообщает на проповеди после богослужения в кафедральном соборе о совершившемся государственном перевороте [6]. 12 марта 1917 г. в неофициальной части «Омских епархиальных ведомостей» публикуется статья об изменениях в церковных молитвословиях. «Целые века русское государство управлялось государями. Вполне естественно, что в богослужение Русской Церкви вошло много молитвословий, в которых содержатся моления о царе и царствующем доме. Совершенное отречение государя Николая Александровича от престола и заявление великого князя Михаила Александровича о том, что он не примет власти царской, если на то не последует избрание народное, требует в настоящее время сделать изменения в тех церковных

молитвах, в которых содержалось моление о царе» [7]. Но еще до публикации этой статьи в Омской епархии уже были сделаны соответствующие изменения в молитвах, произносимых во время богослужений. Уже с 5 марта в Омском кафедральном соборе при служении епископа Сильвестра, а также в некоторых других храмах произносились новые тексты. Вместо царя на богослужениях поминалось «Благоверное Временное Правительство». Но при этом сам преосвященнейший владыка сделал особую оговорку, что никаких изменений не должно быть делаемо во взятых из Священного Писания стихах, псалмах и чтениях, где говорится о царе [8]. Интересно отметить, что в том же номере «Омских епархиальных ведомостей» помещено воззвание великой княгини Елизаветы Федоровны о поддержании православно-русского дела в Святой земле, с особым прошением к священномученику Сильвестру об оказании сильной помощи в сборе необходимых средств [9]. В тоже время, жизнь в епархии почти не изменилась. В марте епископ Сильвестр отслужил все Преждеосвященные литургии, какие выпали в этом месяце. А 10 марта, после совершения панихиды по павшим в борьбе за веру, отечество, благо и свободу народную и молебна о ниспослании благословения Божия на труды нового Временного правительства, сказал слово, в котором призвал молящихся помолиться о помощи Божией членам нового Временного правительства, а также пригласил помолиться за тех, кто положил жизнь свою за благо и свободу народную. В тот же день епископ Сильвестр на центральной площади прочитал молитву на снятие клятвы верности прежнему императору [10]. К сожалению, мы не можем сегодня точно сказать об отношении его к отречению императора от престола, но по косвенным данным, а также по темам его проповедей, зафиксированных в Епархиальных Ведомостях, можно с некоторой долей уверенности сказать, что его отношение к отречению императора и к смене государственной власти в стране было скорее положительным. При этом на основании все тех же заголовков проповедей видно, что Сильвестр прилагал большие усилия к умиротворению народа. Например, 2 апреля им была произнесена проповедь на тему мира внешнего и мира внутреннего, 6 апреля владыка говорил о ревностном исполнении долга перед Родиной, а 7 апреля произнес проповедь на слова «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...» [11].

Омский историк Н. И. Лебедева описывает эти события так: «После литургии была отслужена панихида с поминовением и молебен. А по окончании богослужения из кафедрального собора вышел на площадь крестный ход и под звон колоколов, и звуки военных оркестров прошел по площади, после чего епископ Сильвестр обратился к народу. Когда крестный ход вернулся в собор, на площади выступили со своим словом и молитвами представители баптистов, католиков, иудеев и прошел парад войск. Линия войск протянулась от собора до железнодорожного моста через Омь, и от моста по Дворцовой и Атаманской улицам до вокзала городской ветки. Таким образом, в этих местных событиях не только не обнаружилась конфронтация, но и было продемонстрировано общее стремление к согласию и веротерпимости, особенно необходимым в тревожное время общественных перемен» [12].

Историю взаимоотношений Временного правительства и РПЦ условно можно разделить на два периода, соответствующих разным составам самого Кабинета министров. Первый охватывал 2/3 марта – 24 июля 1917 г., когда пост обер-прокурора Синода занимал В. Н. Львов, а премьера (до 7 июля) – князь Г. Е. Львов. В эти месяцы правительство не предприняло кардинальных шагов по пересмотру существовавших ранее церковно-государственных отношений. Унаследовав от павшей монархии верховную власть, «Народный кабинет» сохранил за собой и царское верховенство в духовном ведомстве. В этой связи первый «революционный» обер-прокурор В. Н. Львов имел широкие полномочия в решении вопросов управления РПЦ. В то же время правительство оставило за последней все прежние привилегии (финансирование из Госказначейства, полицейская защита и пр.) и обязанности (оглашение в храмах правительственных указов, ведение актов гражданского состояния, проповедничество в армии и т.д.). В начале марта 1917 г. при активном участии В. Н. Львова в «Ведомстве православного исповедания» был проведён ряд «косметических» преобразований, приводящих его в соответствие с новым государственным строем (удаление из учреждений духовного ведомства царских портретов, отмена поминания в богослужениях императорской фамилии, увольнение на покой ряда представителей православного духовенства, прежняя деятельность которых связывалась с именем Г. Е. Распутина) [13].

В апреле-июле 1917 г. путём принятия ряда «Временных положений...» была проведена реформа церковной организации (1-5 мая «Временное положение о епархиальном совете» и «О благочинническом совете», 21 июня «Временное положение о православном приходе», 5 июля «О выборности епископата»). С 12 июня по 1 августа прошли заседания Предсоборного Совета, подготовившего все необходимые законопроекты для открытия Поместного собора. К концу июля 1917 г. «программу» от 7 марта Временное правительство полностью провело в жизнь.

Второй период взаимоотношений Временного правительства и РПЦ начался сразу после формирования «второй коалиции» и назначения на пост обер-прокурора Синода кадета А. В. Карташёва. Основные принципы своей политики новый глава церковного ведомства закрепил в принятой в конце июля 1917 г. программе партии народной свободы. Кабинет А. Ф. Керенского начал свою работу с определения основных принципов церковно-государственных отношений в России. В соответствии с этим 5 августа правительство упразднило институт оберпрокуратуры, заявляя этим актом о начале размежевания церковных и государственных структур. Учреждённое тут же Министерство Исповеданий объединило в своих руках функции регулирования сношений светской власти со всеми имеющимися в стране церквами и сектами.

В августе-октябре управление Русской православной церковью де-факто осуществлялось исключительно церковными органами, а Временное правительство лишь утверждало постановления Синода, не рассматривая их по существу. С целью закрепления в законодательстве церковной автономии правительственным указом от 11 августа Поместному собору поручалось выработать и внести на рассмотрение Кабинета министров законопроект о правовом поло-

жении церкви в государстве. Вместе с тем правительство и в августе-октябре 1917 г. продолжало нести принятые им от самодержавия обязанности по финансированию и охране православия в стране.

Февральский переворот и приход Временного правительства РПЦ встретила в «пассивной лояльности». Её взгляд на своё будущее положение в России был сформулирован сначала на епархиальных собраниях (конец марта – май 1917 г.), Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве (1-11 июня 1917 г.) и далее в Предсоборном Совете и на Поместном соборе. Большинство представителей духовенства и верующих мирян были, с одной стороны, за максимальное невмешательство государства в дела церкви, а, с другой, за сохранение за православием в России первенствующего положения среди других религий. К осени 1917 г. РПЦ разочаровалась в возможностях правительства, не способного защитить её интересы в условиях всё нараставшего антиклерикального движения. Её представители сконцентрировали внимание на подготовке на Поместном соборе постановлений к Учредительному собранию. Именно этим объясняется то спокойствие, с каким духовенство встретило октябрьский переворот. В автобиографическом рассказе «8 суток с солдатами в теплушке» архиепископ Омский Сильвестр раскрыл эволюцию своих взглядов на личность А. Ф. Керенского в диалоге с солдатом так:

« – Скажите нам, как вы считаете Керенского? Какой он человек?

– Думаю, – ответил батюшка, что поначалу он был искренний, а потом стал мошенником. Ответ этот многим понравился» [14].

Несмотря на то, что все мероприятия Временного правительства рассматривались современниками лишь как подготовка к Учредительному собранию, в его церковной политике имелась и очевидная стратегическая линия, идущая от внутренних церковных реформ (март-июль 1917 г.) через уничтожение Ведомства православного исповедания и превращение его в собственно РПЦ (август-октябрь 1917 г.) к постепенному разделению церковных и государственных структур и созданию внеконфессионального государства.

20 июня 1917 г. Православная церковь лишилась одной из выполняемых ею до сего времени государственных функций: в ведение МНП были переданы церковно-приходские и церковно-учительские школы. Одновременно подобные школы оставались у лютеран, армян, евреев и мусульман. Причем изъятие церковно-приходских школ производилось без согласования с органами городского и земского самоуправления, в чьем ведении в то время находилась хозяйственная деятельность начальных училищ в России. В условиях разрухи эти учебные заведения не получали со стороны государства необходимых средств к существованию, что в результате привело к закрытию многих из них [15].

Отметим, что 1917- 1918 гг. стали переломным не только в политической жизни страны, но в рамках деятельности РПЦ – сфере школьного образования. Начавшиеся после Февральской революции демократические преобразования создавали ощущение скорых изменений в преподавании Закона Божия в школе через преодоление рутинных методов. Но новое правительство планирует сделать этот предмет необязательным, облегчив возможность отказа от него родителям и детям с четырнадцати лет. Эти планы вызывают негодование на По-

местном Соборе РПЦ, и в октябре А. Ф. Керенский, встретившись с представителями собора, заявляет о готовности учесть его мнение. Но пришедшее к власти большевистское правительство, последовательно проводя антицерковную политику, запрещает преподавание религиозных предметов в школе, а вскоре и вообще детям до 18 лет даже вне школы. На Поместном Соборе в рамках пятнадцатого отдела разрабатываются самые разные вопросы, связанные как со школьным преподаванием Закона Божия, так и с религиозным просвещением взрослого населения. Но в стремительно меняющихся условиях эти предложения устаревали быстрее, чем могли быть реализованы или даже заслушаны в общем собрании [16].

Библиографический список:

1. Цит. по Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900-1927гг. СПб, 2002. С. 82.
2. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 11. С. 1-2
3. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 35-36.
4. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы М., 2000. 460 с.
5. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 9. С. 1-2.
6. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 17. С. 30.
7. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 11. С. 21.
8. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 11. С. 22.
9. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 11. С. 5.
10. Омские Епархиальные Ведомости. 1917. № 17. С. 28.
11. Там же. С. 30.
12. Лебедева Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2003. С. 30.
13. Карташев А.В., проф. Временное правительство и Русская Церковь // Православный портал [Электронный ресурс]. 12 августа 2008 г. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vremennoe-pravitelstvo-i-russkaja-tserkov/ (дата обращения 27.09.2017).
14. Цит по: Митрополит Феодосий (Процюк). В вере ли вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского М., 2006. С. 501.
15. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы М., 2000. 460 с.
16. Житенев Т. Е. вопрос о преподавании Закона Божьего в контексте церковно-государственных отношений в 1917- 1918 году // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». 2015. № 4. С. 196-204.

В. А. ПАРШУКОВ (Ульяновск)
Муниципальное бюджетное учреждение
«Управление инженерной защиты»

**ДОКУМЕНТЫ О ЛИКВИДАЦИИ ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ВОЙСКА КАК НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ**

Аннотация: В статье рассматривается эвакуация членов правления Енисейского казачьего войска (ЕКВ) на Восток страны, во время которой они были задержаны большевиками в Иркутске, войсковое имущество изъято, а казачье войско ликвидировано. Документы, сохранившиеся в федеральных государственных архивах и не введенные ранее в научный оборот, позволяют раскрыть неизвестные страницы этого периода Гражданской войны.

Ключевые слова: Енисейское казачье войско, казаки, Гражданская война, Сибирь, Иркутск, Государственный архив Российской Федерации.

V. A. PARSHUKOV (Ulyanovsk)
Municipal budgetary institution
«Administration for engineering protection»

**DOCUMENTS RELATED TO THE LIQUIDATION OF THE YENISEI
COSSACK ARMY AS UNDEFINED SOURCES ABOUT THE HISTORY OF
THE CIVIL WAR IN SIBERIA**

Annotation: This article presents the evacuation of the executive members of the Yenisei Cossack army on the East of the country when they were arrested by the Bolsheviks in Irkutsk. The Bolsheviks withdrew the impediment. The Cossack army was liquidated. Documents reflected in the federal state archives and which were not introduced in to the scientific sphere give an opportunity to reveal unknown pages of this period of the Civil war.

Keywords: the Yenisei Cossack army, the Cossacks, the Civil war, Siberia, Irkutsk, State archive of the Russian Federation.

Созданное весной 1917 года на волне демократизации общественных настроений в казачьей среде, ЕКВ было ликвидировано в начале 1920 г. в Иркутске большевиками, после задержания, оказавшихся здесь членов Войскового правления и Атамана войска В. Л. Попова. Имущество казачьего войска было отобрано, а Атаман войска поступил на службу красным. Несмотря на то, что «историками и краеведами была проделана большая работа по созданию истории енисейских казаков периода революции и Гражданской войны» [1], данная

проблема еще не рассматривалась в российской историографии. В сентябре 1919 г. партизанская армия Щетинкина и Кравченко освободила Минусинск от белогвардейских войск. Накануне этого оттуда выехали правительственные учреждения, Войсковое правление ЕКВ. Следом, прикрывая обозы с беженцами, отступал 2-й Енисейский казачий полк. Для эвакуации семей офицеров и казаков Войсковым правлением выделялись деньги. 200 руб/ выданы матери и жене подьесаула Тудоякова «на проезд при эвакуации», чинам Войскового правления на «пособие за эвакуацию из Минусинска в Красноярск» в общей сложности выдано 1721 руб. На содержание беженцев казачьих семей была выделена сумма в 70 тыс. руб. [2].

По воспоминаниям члена правления ЕКВ Константина Ивановича Лаврентьева «Войсковое правительство, принимая все меры к заблаговременному спасению боевого элемента станиц и к возможной эвакуации самих станиц, лежащих на пути захвата большевиками, командировало своего войскового Атамана в Иркутск, для согласования плана этого передвижения... Но суждено было испытать худшее: Атаман остался у большевиков» [3]. Это событие, по мнению Лаврентьева, отразилось на общем плане эвакуации. Константину Ивановичу была поручена эвакуация войскового имущества ЕКВ во Владивосток. Ему с трудом удалось «выбить» три вагона – теплушки и прицепить их к «чешскому» эшелону, который вышел из Красноярска 5 декабря 1919 г. (по ст. ст.). В вагонах кроме войскового имущества размещались раненные офицеры, а так же члены семей казаков. Не доходя до Иркутска, поезд был остановлен без надежды на дальнейшую отправку. Лаврентьевым были куплены лошади у чехов из соседнего эшелона, найдены подводы для раненых офицеров и членов семей. Лаврентьеву же пришлось остаться в вагонах с войсковым имуществом «в залог для производства расчета по покупкам», произведенным за лошадями. Эшелон медленно продолжал движение, время от времени догоняя свои, ранее отправленные на лошадях обозы. В одном из обозов находились жена и дочь Лаврентьева. Позже выяснилось, что наши обозы попали в плен к красным партизанам, «казаки частью разбежались, часть... была отправлена в Иркутскую тюрьму вместе» с прапорщиком Александровым, «который там и умер» [4]. Жену и дочь Лаврентьева «увезли в Билектуй, обобрали до нитки и впоследствии тоже отправили в Иркутск», где, как пишет К.И. Лаврентьев «я их выручал уже из большевистского плена» [5].

Константин Иванович, не вдаваясь в подробности сообщил, что в этой «катастрофе полностью погибли имущество и архивы Войскового правления» [6]. Других источников о дальнейшей судьбе войскового имущества, до недавнего времени не было. «Дело о ликвидации Енисейского казачьего войска» из фондов ГАРФ позволяет раскрыть неизвестные страницы из истории енисейского казачества и Гражданской войны в Сибири, о которых умалчивали в своих воспоминаниях участники события.

После антиколчаковского восстания власть в Иркутске к началу 1920 г. перешла к Политцентру, а спустя некоторое время – к Иркутскому военно-

революционному комитету. Новой властью было принято решение об изъятии имущества и ликвидации ЕКВ. Вагоны с имуществом были остановлены, а члены Войскового правления вынуждены были передавать все имущество по актам передачи ликвидационной комиссии, образованной при Иркутском военкомате. 9 февраля 1920 г. представителем комиссариата по охране государственных ценностей А. Н. Ломакиным в присутствии председателя ликвидационной комиссии Леонидова, и члена этой комиссии В. Жезлова, были приняты некоторые материальные ценности ЕКВ. Среди них значились – квадратная гривна 1726 г., шесть больших медалей «в память великих разных событий», несколько десятков средних и малых медалей, а так же монет. В акте были указаны так же старинные шашка, кинжал с ножнами, пистолет, несколько статуэток Будды, «орудия каменного и железного века» топоры и стрелы, серебряные браслет и сережки, а так же другие старинные украшения и предметы [7].

2 марта 1920 г. член ликвидационной комиссии Я. К. Сулаквелидзе в своем рапорте доложил Военному комиссару, что председателем Войскового правления ЕКВ И. Г. Казанцевым было сдано имущество, инвентарь, дела и отчетность заведующему нестроевой команды при Военном комиссариате Зеленову. Денежный ящик, в котором находились денежный журнал, кладовая записка, три ценных пакета, три мешка с серебряной монетой на сумму 2492 руб. 20 коп., долговые документы на сумму 5764220 руб. 30 коп., расчетная книжка, паспортные книжки, две печати и пять разных штампов, ключ от денежной шкатулки – все это было передано казначею при военкомате Спешнову [8].

Среди долговых документов, был список лиц, которым выдавали деньги из войсковых сумм по долговым документам. На «изготовление фотографических карточек делегатов 6-го Чрезвычайного съезда» П. Д. Шуваев получил по долговому документу 3900 руб. Председателю кооперативов полковнику М. С. Каргополову на расходы по должности выделили 4200 руб. Среди получивших деньги из кассы войска значится так же уполномоченный Главного управления по делам казачьих войск генерал-майор С. В. Буров. Свыше двухсот тысяч рублей он получил по долговому документу на покупку товаров для войска. Отчет о израсходованных деньгах он должен предоставить после поставки товара [9]. В условиях когда Белая армия отступала и войска совершали Великий Сибирский ледяной поход, не могло быть речи о поставке товара для казачьих станиц, занятых красными партизанами.

В ведомости о состоянии денежных сумм Войскового правления ЕКВ среди поступивших денежных средств значатся: пожертвования в пользу убитых казаков 154867 руб., от станиц на организацию склада 5550 руб., пожертвования в пользу беженцев казачьего звания 6031 руб., от вахмистра Донченко на организацию войсковых мастерских 13275 руб., от делегата Чрезвычайного съезда представителей девяти казачьих войск в Омске на издание газеты 200000 руб. Вахмистр В.П. Донченко, пожертвовавший столь значительные суммы для войска был предпринимателем, в Минусинске он имел паровую мельницу,

в феврале 1919 г. был избран председателем правления товарищества «Сотрудник», был членом комитета минусинского торгово-промышленного союза [10].

В деле имеется опись дел, книг, бумаг, «оставшихся в наличности Войскового правления ЕКВ», которые Казанцев, Шуваев, Леонтьев сдали заведующему нестроевой команды при Военном комиссариате Зеленому. Среди них журналы входящих бумаг за 1917 и 1919 гг., книги дежурного писаря, книги входящих и исходящих телеграмм, приказание войскам Иркутского военного округа, приказы по ЕКВ за 1919 г., хозяйственные дела, отчеты и другие документы. Заведующий нестроевой команды при военкомате Зеленовым принял следующее имущество ЕКВ: 6 швейных машин, 2 кузнечных мехов, сверлильный станок, наковальня кузнечная, 2 тисков слесарных и др. [11].

27 февраля член ликвидационной комиссии Я. К. Сулаквелидзе в присутствии председателя и членов правления Казанцева, Шуваева и Лаврентьева, «при участии представителя Государственного контроля помощника ревизора Попелковского, произвел прием денежных сумм, имущества, отчетности и дел Войскового правления ЕКВ, на основании предписания ликвидационной комиссии при Военном комиссариате за № 119». При этом оказалось, что «по денежному журналу и кладовой записке в остатке значится 6212367 руб. 48 коп. Из них долговыми документами 5764220 руб. 30 коп, процентными бумагами 6100 руб. и деньгами 442047 руб. 18 коп» [12]. При просмотре денежного журнала и долговых документов комиссией было замечено, что в расход для выдачи войсковому атаману генерал-майору Попову было выписано 1636487 руб. Так как расписки Попова в получении этих денег нет, было указано, что «Деньги эти оказались украденными и дело о краже их находится в производстве Чрезвычайной следственной комиссии» [13].

Ясона Сулаквелидзе называют причастным к аресту первого атамана ЕКВ А. А. Сотникова [14]. Здесь необходимо отметить, что он действовал не как «бывший царский полковник» или частное лицо, а как член комиссии по ликвидации ЕКВ на основании распоряжения Иркутского военкомата. Накануне эвакуации из Красноярска все чины Войскового правления получили содержание вперед за шесть месяцев с 1 января по 1 июля 1920 г.. Несмотря на это, И. Г. Казанцев обратился к председателю ликвидационной комиссии с просьбой выдать жалование за февраль и март членам и чинам правления, участвующим в передаче имущества войска: председателю и членам правления И. Г. Казанцеву, К. И. Лаврентьеву, П. Д. Шуваеву, казначею Н. М. Ошарову, бухгалтеру И. Н. Леонтьеву, писарю С. И. Нешумаеву. Но эта просьба не была удовлетворена. Напротив фамилии атамана войска в ведомости стоит сумма, причитающаяся за шесть месяцев в размере 31950 руб. Эти деньги за него получил член правления К. И. Лаврентьев. О чем есть его подпись и запись: «для передачи Атаману Попову получил...» [15]. Далее в акте от 27 февраля указано, что «в кассе Войскового правления имелось 99000 руб. серебряной монетой. Из них 40000 руб. по частным слухам погибли во время взрыва на станции Ачинск с членом правления Шахатовым и конвоем, 37507 руб. были взяты за-

местителем Атамана Кузнецовым, 19000 руб. выданы представителю Казачьей конференции вахмистру Донченко» [16]. Этим же числом от представителей Войскового правления были приняты пишущая машинка системы «Ундервуд», каучуковая печать «Войсковое правление ЕКВ», 5 штемпельных печатей [17].

Представители ЕКВ, участвующие в Иркутске в процедуре ликвидации войска, предпочитали в дальнейшем умалчивать об этом неприятном факте своей биографии. Чтобы продолжить борьбу с большевиками, им пришлось бежать из Иркутска в Монголию. Накануне этого И. Г. Казанцев согласился на сотрудничество с советской властью. Начальником штаба Восточно-Сибирской советской армии он был «командирован на станцию Иннокентьевская для сопровождения казаков Енисейцев в Иркутский казачий советский полк» [18]. Поступление на службу к красным был одним из способов освобождения казаков енисейцев, попавших в плен и находившихся в Иркутской тюрьме. По сообщению Н. М. Меринова «Правление войска всемерно спасало из лап ЧК своих казаков и офицеров, пользуясь временным иммунитетом Советского казачьего полка» [19]. Ушедшие к большевикам казаки и офицеры ждали удобного случая для перехода к белым. Такой случай представился в бою с 1-м Забайкальским казачьим полком Семёновской армии, когда группа казаков перешла к противнику. Бежав в Монголию, И. Г. Казанцев собрал вокруг себя енисейских казаков. В приказе Атамана Г. М. Семенова от 27 июня 1921 г. сказано, «что енисейское казачество... отошло в Урянхайский край, где продолжает борьбу... В виду пребывания в Советской России своего войскового Атамана генерал-майора Попова, ЕКВ, на состоящем в текущем году Войсковом круге избрало войсковым Атаманом своим Казанцева» [20].

К. И. Лаврентьев в 1921 г. был интендантом в Отдельном Урянхайском конном отряде войск генерал-лейтенанта барона Унгерна в Монголии. Под впечатлением увиденного там, позже в Китае он написал воспоминания о бароне.

Таким образом, членам Войскового правления ЕКВ, являвшимся противниками большевиков, пришлось испытать унижительную процедуру, связанную с ликвидацией казачьего войска и передачей противнику войскового имущества и материальных ценностей. Несмотря на ликвидацию ЕКВ в Сибири, переход к красным законно избранного на 6-м Чрезвычайном съезде Атамана В. Л. Попова, войско фактически продолжало существовать. Его строевые части боролись с красными в 1920 г. под Читой, а затем – на Дальнем Востоке. ЕКВ существовало так же и в эмиграции.

Библиографический список

1. Шекшеев А. П. Енисейское казачество в эпоху революции и гражданской войны: обзор научно-краеведческой литературы // Гуманитарные проблемы военного дела. Новосибирск. № 2. 2016. С. 104.
2. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

3. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. С. 134-135.
4. Там же. С. 136.
5. Там же.
6. Там же. С. 6.
7. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп.1. Д. 26. Л. 1-3.
8. Там же. Л. 4.
9. Там же. Л. 11, 11об.
10. Новое крупное объединение // Труд (Минусинск). 1919. 7 мая. С. 2.
11. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп.1. Д. 26. Л. 22.
12. Там же. Л. 24.
13. Там же.
14. Шекшеев А. П. Трагедия Сотникова - атамана и полярника // Материалы научно-практ. конф. 26 апреля 2002 г. Красноярск, 2002. Вып. 7. С. 242.
15. РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 243. Л. 147.
16. ГАРФ. Ф. Р-341. Оп.1. Д. 26. Л. 24.
17. Там же. Л.21.
18. Меринов Н. М. Иркутское казачье войско: история и современность. Иркутск, 2009. С. 619.
19. Там же. С. 620.
20. Енисейские казаки... Указ. соч. С. 120.

Д. И. ПЕТИН (Омск)

Исторический архив Омской области,
Омский государственный технический университет

ГЕНЕАЛОГИЯ ОМСКОЙ СЕМЬИ БАТЮШКИНЫХ В СВЕТЕ ОЧЕРЕДНЫХ АРХИВНЫХ НАХОДОК

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование по практической генеалогии, посвящённое изучению истории омского рода Батюшкиных, в особняке которых в 1918-1919 гг. была личная резиденция Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в федеральных и региональных архивах, и впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Омск, Томск, Первая мировая война, офицерство, генеалогия.

D. I. PETIN (Omsk)

Historical archive Omsk region,
Omsk state technical university

GENEALOGY OF OMSK FAMILY BATYSHKIN IN THE LIGHT OF THE NEXT ARCHIVAL FINDINGS

Annotation: This publication is a study on practical genealogy, dedicated to the study of history of Omsk family Batyshkin, in whose mansion in 1918-1919 was situated the personal residence of the Supreme ruler admiral Kolchak. The work is written in the complex sources, the author identified in the federal and regional archives, and for the first time introduced into scientific society.

Keywords: Omsk, Tomsk, First World War, the officers, genealogy

Специалисты по туризму сегодня вполне обоснованно называют особняк К. А. Батюшкина одним из омских городских брендов. Центр изучения истории Гражданской войны – выставочная и интеллектуальная площадка Исторического архива Омской области – расположен здесь с 2012 г. Центр входит в число самых посещаемых мест Омска. Внимание общественности и средств массовой информации вызвано интересом к теме Гражданской войны в России, и в частности, к личности адмирала А. В. Колчака, проживавшего в 1918-1919 гг. в особняке К. А. Батюшкина. В этой связи объяснимо, что история здания, его первых владельцев и жителей – К. А. Батюшкина и его семьи – также привлекают внимание публики и представителей средств массовой информации.

Изучение историками генеалогии омской семьи Батюшкиных и истории их особняка во многом было стимулировано, благодаря созданию Центра изучения истории Гражданской войны на базе ГИАОО. Но при этом научных работ, вносящих вклад в развитие обозначенного вопроса, насчитываются единицы. Все они относятся к периоду 2011-2016 гг. И здесь, главным образом, необходимо отметить труды краеведа А. М. Лосунова (Омск) [1] и доктора исторических наук, профессора В. И. Шишкина (Новосибирск) [2]. Данные авторы в своих публикациях опираются, главным образом, на неопубликованные источники из фондов ГАРФ и ГИАОО.

Архивисты нашего региона ведут активную научную работу и одним из её направлений, а одновременно «делом чести», является воссоздание истории семьи Батюшкиных. В двух наших работах, подготовленных по документам РГВИА, ЦГИА СПб, ГАХК и ГИАОО, и опубликованных в 2015 [3] и 2016 гг. [4] были представлены наработки, существенно дополняющие уже имеющиеся сведения об омской семье Батюшкиных.

Как и в предыдущих наших публикациях, очередное исследование также было подготовлено на основе комплекса неопубликованных источников, выявленных в 2014-2017 гг., в ходе служебной переписки в фондах РГВИА, ГИАОО, ГАТО и ГАКО. Данной публикацией мы продолжаем развитие исследуемого направления. На этот раз речь пойдет, главным образом, о детях семьи Батюшкиных. В отличие от судьбы Капитона Алексеевича (жизненный путь которого, на наш взгляд, удалось проследить достаточно подробно) выявленные по документам сведения о его детях, увы, не столь значительны по объему.

В семье Батюшкиных к 1904 г. насчитывалось семеро детей (их даты рождения по старому стилю на основании послужного списка К.А. Батюшкина приводятся в скобках): первенец и старшая дочь Мария (11 июля 1892 г.), старший сын Александр (14 февраля 1894 г.), Николай (27 июля 1895 г.), Зинаида (5 октября 1897 г.), Антонина (25 декабря 1899 г.), Сергей (5 сентября 1902 г.) и Алексей (3 февраля 1904 г.) [5].

Наибольшее количество сведений нам удалось выявить о старшем сыне К. А. Батюшкина – Александре. В архивной коллекции РГВИА «Послужные списки офицеров» (Ф. 409) имеется личное дело поручика Александра Капитоновича Батюшкина. Благодаря данной находке, а также отдельным документам из фондов ГИАОО, в частности, информации из типографского именового списка генералов, офицеров и военных чиновников Сибирского казачьего войска удалось проследить биографию этого человека вплоть до декабря 1917 г.

Александр Капитонович Батюшкин родился 14 февраля по старому стилю (26 февраля по новому стилю) 1894 г. в городе Кузнецке Томской губернии (сегодня – это город Новокузнецк в Кемеровской области). В воспитателях младенца значатся представители купеческих фамилий – «купец 2-й гильдии города Кузнецка Михаил Анисимович Сычев и жена купеческого сына Анна Георгиевна Волкова» [6].

В Кузнецке с 1882 г. отец Александра, будучи тогда уже в классном чине коллежского асессора, служил на должности штатного смотрителя кузнецких уездных училищ и состоял членом уездного отделения Томского епархиального училищного совета. Мать мальчика, Елизавета Георгиевна, происходила из известной омской купеческой семьи Тереховых.

В 1897 г. Батюшкины меняют место жительства, переезжая из Кузнецка в Омск – родной город главы семейства. Официально это было связано с тем, что Капитон Алексеевич, будучи в гражданском чине коллежского асессора (VIII класс по Табели о рангах) и являясь кавалером нескольких орденов, по состоянию здоровья ходатайствовал о начислении ему пенсии. Но нельзя исключать, что решение о возвращении Батюшкиных в Омск могло быть связано после ухода из жизни матери Капитона Алексеевича – Ульяны Тимофеевны Батюшкиной (ок. 1826–1896 гг.). Она скончалась 6 декабря 1896 г. в возрасте 70 лет от крупозного воспаления правого лёгкого [7].

Живя в Омске, отставной чиновник и личный дворянин Капитон Алексеевич Батюшкин получал заслуженную пенсию, однако, при этом активно занимался общественной деятельностью и был личностью, хорошо известной среди высших кругов Омска. Было закономерно, что в соответствии со статусом отца, Александр Батюшкин получил начальное образование в одном из самых престижных учебных заведений Сибири – Омском кадетском корпусе. Юный Александр окончил его в самый разгар Первой мировой войны – в 1915 г. [8]. Вчерашний кадет из Омска направился в столичный Петроград, где 31 мая 1915 г. на основании своего прошения он был зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. А 22 июня того же года А.К. Батюшкин был приведен к военной присяге. С 2 января 1916 г. юнкер Батюшкин продолжал военное обучение, но уже в звании унтер-офицера. По окончании ускоренного курса наук в военном училище на основании Высочайшего приказа от 1 февраля 1916 г. А. К. Батюшкин был произведен в прапорщики (со старшинством с 1 октября 1915 г.). Согласно действовавшему тогда положению о подготовке офицеров в военно-учебных заведениях в военное время, прапорщик Батюшкин не был обязан проходить срочную службу в войсках. А поэтому спустя 16 дней после присвоения первого офицерского чина Александр Батюшкин был зачислен в списки 4-го Заамурского пограничного конного полка ОКПС на должность младшего офицера 5-й сотни. С момента назначения и до прибытия в полк он значился «в ожидании» [9].

Полк этот тогда был дислоцирован в Северной Манчжурии на станции Хайлар. Однако молодого офицера в итоге ждало иное назначение. До Северной Манчжурии он, по всей видимости, так и не доехал, поскольку 13 февраля 1916 г. Александр прибыл в Омск. Здесь приказом по Сибирскому казачьему войску от 4 марта 1916 г. прапорщик Батюшкин был прикомандирован для несения службы ко 2-й Сибирской казачьей запасной сотне 2-го Сибирского казачьего полка, дислоцированной в Омске [10].

13 мая 1916 г. прапорщик Батюшкин получил назначение на должность младшего офицера 5-й сотни 3-го Сибирского казачьего полка. Вскоре после прибытия в этот полк (26 мая) Александр Капитонович был командирован в распоряжение Атамана 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска в лагерный сбор для обучения молодых казаков. Сбор проходил в станице Усть-Заостровка, расположенной в 35 км к юго-востоку от Омска. После окончания сбора 1 июля 1916 г. прапорщик Батюшкин был обратно командирован во 2-й Сибирский казачий полк (с переводом в последний) на должность младшего офицера 4-й сотни, расквартированной в Зайсане (ныне – восток Казахстана). К месту нового назначения Александр Капитонович прибыл 31 июля 1916 г. [11].

25 ноября 1916 г. приказом по 2-у Сибирскому казачьему полку на основании приказа по Военному ведомству от 28 октября А. К. Батюшкин был произведен в чин корнета (со старшинством 1 июля 1916 г.). 5 декабря 1916 г. Александр Капитонович был назначен младшим офицером учебной команды полка; с 13 февраля 1917 г. в течение двух месяцев корнет Батюшкин временно являлся командиром 4-й сотни полка. 14 февраля 1917 г. он был назначен начальником команды связи полка. Корнет Батюшкин приступил к исполнению обязанностей 20 февраля 1917 г. и находился в этой должности до 24 июня того же года [12].

Служебные перемещения А. К. Батюшкина в 1916 г. – первой половине 1917 г., по всей видимости, не обошлись без вмешательства со стороны его родителей, стремившихся устроить службу Александра ближе к дому и всячески пытавшихся уберечь сына от попадания на фронт. Как и в случае с родным братом Александра, Николаем (который был офицером военного времени, а не кадровым, как Александр) данное предположение видится нам логичным. Ведь следует учесть, что семья Батюшкиных была состоятельна, в Омске имела значительный общественный вес и, соответственно, – связи и возможности «нужного влияния».

На основании письма дежурного генерала Главного Штаба от 10 мая 1917 г. корнет Батюшкин 2 июля 1917 г. сдал должность начальника команды связи полка. На следующий день он был исключен из списков офицеров, прикомандированных к Сибирскому казачьему войску, и направлен к месту службы, изначально определенному ему – в 4-й Заамурский пограничный конный полк. Полк тогда уже участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте в составе Заамурской конной дивизии [13]. Однако по пути следования в полк, 7 августа 1917 г. А. К. Батюшкин заболел и комендантом города Тирасполя (ныне – столица Приднестровья) был направлен в 29-й тыловой эвакуационный пункт Юго-Западного фронта. Приказом по Армии и флоту от 25 сентября 1917 г. Александр Батюшкин был произведен в поручики (со старшинством с 1 мая 1917 г.) [14].

20 октября 1917 г. поручик Батюшкин был эвакуирован в Омск, где непродолжительно находился в распоряжении военного коменданта. Был направ-

лен на излечение в Омский военный госпиталь. После прохождения недолгого лечения 2 ноября 1917 г. Александр Капитонович прошел медицинское освидетельствование и был признан врачебной комиссией негодным к прохождению службы в действующей армии. В связи с этим поручик Батюшкин был причислен к 3-у разряду 1-й категории [15]. На ноябрь 1917 г. наград Александр Батюшкин не имел. В походах и делах против неприятеля не был. Особых поручений за время службы не исполнял. Дисциплинарным взысканиям и судебным преследованиям не подвергался. В браке не состоял. Согласно послужному списку, поручик Батюшкин имел 485 десятин земли в 46 верстах от Омска, а также два каменных дома в Омске (одно- и двухэтажный) [16].

В фондах РГВА имеется список офицеров, проходивших в июле 1919 г. медицинское освидетельствование в Омском военном округе. В этом документе значится некий поручик Батюшкин [17]. В документе не указываются инициалы офицера. Но, учитывая проблемы со здоровьем у А. К. Батюшкина, вызвавшие ограничения по прохождению военной службы, с определенной долей вероятности мы можем предполагать, что «поручик Батюшкин» – это именно Александр Капитонович, а не его брат Николай, находившийся тогда на военной службе и состоявший на тот момент в том же воинском чине.

Точных сведений (в том числе, и в справочно-биографических изданиях) о военной службе в период Гражданской войны или участия А. К. Батюшкина в антибольшевистском движении нами выявлено не было. Известен портрет А. К. Батюшкина, сделанный, по-видимому, в годы Гражданской войны. На снимке Александр Капитонович запечатлен в военной форме с погонами капитана (ротмистра), откуда можно сделать вывод о службе А. К. Батюшкина на стороне антибольшевистского движения.

Рассуждая гипотетически, мы можем лишь высказывать предположения о вероятной смерти Александра Батюшкина в 1918–1922 гг. Единственным, и при этом косвенным свидетельством в пользу этого факта, по нашему мнению, можно считать то, что его брат Николай в своей эмигрантской анкете, заполненной при регистрации в БРЭМ, никаким образом о нем не упоминает. Равно как не упоминает он и своего отца – К. А. Батюшкина, который скончался от брюшного тифа в 1927 г. в Омске. Но, если, к примеру, Александр Батюшкин тогда все же был жив и находился в СССР, служа, к примеру, в РККА или в советском учреждении (и об этом было известно его брату), то, возможно, Николай упоминанием о нем в своей анкете не хотел дискредитировать себя перед белоэмигрантским сообществом Харбина.

Отдельные документы и отрывочные сведения удалось выявить о Марии Капитоновне Батюшкиной – старшей из дочерей К. А. Батюшкина. Как упоминалось выше, она родилась 11(23) июля 1892 г. в г. Кузнецке. Ее восприимниками были уважаемые горожане – кузнецкий городской врач Тихон Александрович Квятковский и купеческая дочь, девица Александра Алексеевна Батюшкина (родная тетка Марии) [18].

На 18 сентября 1918 г., жившая в Омске Мария Батюшкина, значилась счетоводом мукомольно-технического отделения хлебо-фуражного отдела Министерства продовольствия Временного Сибирского правительства [19]. В советское время она недолго работала канцелярской служащей в Омском губернском военкомате, затем (с 1922 г. и, как минимум, до 1924 г.) – последовательно в должностях счетовода и конторщика в отделах Сибопса [20].

В ГАТО, в составе фонда 214 «Управление Томской железной дороги» были выявлены анкеты, формулярные списки, а также переписка, связанная со служебной деятельностью младших сыновей К. А. Батюшкина – Сергея и Алексея. В частности, из документов видно, что судьба братьев некоторое время была связана с Томском. Так, известно, что Сергей Батюшкин, будучи еще учеником 6-го класса 1-й Омской мужской гимназии, непродолжительно служил во время летних каникул по вольному найму в Омской контрольной палате в период с 17 июля по 29 сентября 1919 г. в должности счетовода [21]. С 1 февраля 1922 г. по 1 ноября 1924 г. он работал конторщиком и затем счетоводом в Сибопсе в Омске, а с 1 января 1924 г. Сергей Капитонович был переведен в Томск. Но через 10 месяцев его уволили по сокращению штатов. В тот период именно на иждивении С. К. Батюшкина по документам значилась только его мать – Е. Г. Батюшкина [22]. Сергей Батюшкин прожил долгую жизнь, скончавшись 16 октября 1986 г. в Томске.

Алексей Капитонович Батюшкин в 1920 г. окончил 5 классов 1-й Омской мужской гимназии, затем 1-е отделение Водно-хозяйственных курсов. После этого, как и брат, сначала он работал конторщиком в Сибопсе в Омске (с февраля 1922 г.), а с 1 января 1924 г. был переведен по службе в Томск на должность счетовода. При этом он характеризовался начальством как усердный и вдумчивый работник. Но в одно время с братом Алексей Батюшкин был уволен со службы по сокращению штатов [23].

Оба брата в анкетах отрицали какую-либо работу, производившуюся ранее, членство в партиях и владение имуществом. В целом братья Батюшкины отвечали на вопросы анкет немногословно и по отношению к советской власти указывали весьма тенденциозные фразы. На период службы в Сибопсе ни один из братьев женат не был. В анкете Алексея Батюшкина мы находим сведения о составе семьи на 1922 г.: «отец, мать, три сестры, один брат» (без указания имен, но вполне вероятно, что это Капитон Алексеевич, Елизавета Георгиевна, Мария, Антонина, Зинаида и Сергей) [24]. О своих двух старших братьях-офицерах, один из которых на тот момент уже два года, как проживал в Харбине, Алексей Батюшкин по объяснимым причинам умалчивал. Хотя из эмигрантской анкеты Николая Батюшкина видно, что живя в Китае, он некоторым образом до 1929 г. все же поддерживал связь с родственниками, оставшимися в СССР [25]. По всей видимости, к середине 1920-х гг. Сергей и Алексей Батюшкины вернулись из Томска в Омск.

В 1928 г. Алексей Батюшкин был призван на срочную службу в РККА. По сведениям, полученным нами от жительницы Железногорска Г. Г. Коршун-

ковой (племянница Алексея Батюшкина, дочь родной сестры его жены), А. К. Батюшкин в 1930 г. женился; вместе с супругой Елизаветой Андреевной он проживал впоследствии в Барнауле, однако их брак был бездетным. Г. Г. Коршункова, потеряв мать, была взята на воспитание Алексеем и Елизаветой Батюшкиными. В 1942-1945 гг. Алексей Батюшкин рядовым бойцом участвовал в Великой Отечественной войне, был дважды ранен. До войны он работал бухгалтером, последние годы жизни Алексей Капитонович страдал от туберкулеза позвоночника, в августе 1961 г. он ушел из жизни. По свидетельству Г. Г. Коршунковой в семье Алексея Батюшкина с большим опасением вспоминали о его старших братьях-офицерах. В семье Алексея Батюшкина жила и его мать Елизавета Георгиевна. Она пережила на два десятилетия, ушла из жизни уже в послевоенный период и была похоронена в Барнауле.

В ГИАОО, в архивном фонде Департамента контроля и финансов Администрации города Омска выявлена личная учетная карточка, заполненная на Зинаиду Капитоновну Батюшкину. Из документа видно, что она в 1917 г. окончила 8 классов 2-й Омской женской гимназии, после чего начала работать. В конце 1920-х гг. Зинаида Капитоновна некоторое время жила в подмосковном городе Раменское. Там она работала в конторе Московского губернского стройсоюза, откуда уволилась по причине окончания сезонных работ. 20 марта 1929 г. З. К. Батюшкина была принята в отдел взысканий финансовой части (отдела) Омского горсовета на должность счетовода. На 1929 г. ее семья, проживавшая по адресу улица Коммунистическая, дом 47, состояла из пяти человек, среди которых была дочь 4 лет (имена членов семьи в документе не указаны). О семейном положении З. К. Батюшкиной сведений нет. По нашему предположению она могла быть разведена а, скорее всего, родила ребенка, не вступая в брак. Зинаида Батюшкина 14 ноября 1933 г. была уволена из финансового отдела Омского горсовета с формулировкой «по чистке аппарата, как не перемещенная на другую должность по решению комиссии» [26].

Каких-либо иных документально подтвержденных сведений о З. К. Батюшкиной нам найти не удалось. Согласно обзорной информации, полученной нами от омского краеведа и общественного деятеля В. И. Селюка, вплоть до начала 1990-х гг. в небольшом деревянном доме в центре Омска проживали две престарелые омички – сестры Антонина и Зинаида Батюшкины. Дом, где они жили, стоял на пересечении бульвара Мартынова с улицами Учебной и Декабристов (в 2000-е гг. был снесен). С сестрами Батюшкиными В. И. Селюк был знаком лично. По его словам, в замужестве Антонина и Зинаида не были. О происхождении своем они говорили весьма неохотно. Согласно сведениям В. И. Селюка, сестры Батюшкины в доме занимали всего одну комнату, доставшуюся им ранее по месту их службы.

В процессе поисково-исследовательской работы также удалось выявить портретные фотоснимки двух детей семьи Батюшкиных – один портрет Марии (1923 г.) [27] и три портрета Николая (1915 г. [28] и 1935 г. [29]).

Информация о семье Батюшкиных востребована сегодня посетителями Центра изучения истории Гражданской войны. Судьба Капитона Алексеевича и его детей является одним из вопросов, которые часто задаются экскурсантами в Центре. И, хотя в генеалогии рода Батюшкиных остается все еще много недосказанного, однако, благодаря проделанному исследованию, в буквальном смысле по крупицам все же удалось выявить ряд новых сведений о представителях семьи, некогда знаменитой и уважаемой в дореволюционном Омске. Определенно знаковым моментом является то, что память о Батюшкиных бережно сохраняется и транслируется именно в том доме, где они когда-то жили большой и крепкой семьей.

Автор выражает благодарность за помощь, оказанную при сборе источников для написания работы, коллегам из РГВИА и ГАТО, а также Г. Г. Коршуновой (Железногорск), кандидату исторических наук, доценту ОАБНИИ В. А. Шулдякову (Омск), независимому исследователю Л. Г. Капустину (Муром), заместителю директора по науке Новокузнецкого краеведческого музея П. П. Лизогубу (Новокузнецк).

Библиографический список

1. Лосунов А. М. Омский адрес Верховного правителя. Омск, 2011. С. 26–40.
2. Шишкин В. И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (Омск, 2013); под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск, 2013. С. 161–173.
3. Петин Д. И., Коновалова Н. А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12-13 ноября 2014 года); под ред. канд. ист. наук Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 118–125.
4. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 249–282.
5. ГИАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 967. Л. 14.
6. ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 749. Л. 87об.-88.
7. ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 819. Л. 116об.-117.
8. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. 1813–1938. Шанхай, 1940. С. 403.
9. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 1об., 2; ГИАОО. Оп. 3. Д. 3. Л. 83об.
10. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 2; ГИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 128. Л. 35. Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 83об.

11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 2об.
12. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 2об.
13. Чернявская Е. В. А. А. Брусилов: «Нижним чинам, участвовавшим в конной атаке, – мое спасибо и жалую всем Георгиевские кресты». Заамурцы в боевых действиях на Юго-Западном фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 1. С. 32-36.
14. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 2об., 3, 4.
15. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 4.
16. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 130163. Л. 4об.
17. РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 81. Т. 1. Л. 123.
18. ГАКО. Ф. Д-60. Оп. 1. Д. 716. Л. 33об.-34.
19. ГИАОО. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 5. Л. 443об.
20. ГИАОО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 511. Л. 158, 160.
21. ГИАОО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 2.
22. ГАТО. Ф. 214. Оп. 16. Д. 380. Л. 1, 8; Д. 613. Л. 1.
23. ГАТО. Ф. 214. Оп. 16. Д. 67. Л. 1, 6; Д. 76. Л. 1, 3об., 4, 19, 19об.
24. ГАТО. Ф. 214. Оп. 16. Д. 76. Л. 3об.
25. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3251. Л. 14об.
26. ГИАОО. Ф. Р-896. Оп. 3. Д. 1. Л. 12, 12об.
27. ГИАОО. Ф. Р-981. Оп. 1. Д. 511. Л. 158.
28. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 255, 257.
29. Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12-13 ноября 2014 г.) / Под ред. канд. ист. наук Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 220.

И. В. ПЕТРОВ (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет

**ДВЕ ЖЕРТВЫ РУССКОГО ЕПИСКОПАТА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
ЕПИСКОП РЕВЕЛЬСКИЙ ПЛАТОН (КУЛЬБУШ) И АРХИЕПИСКОП
ОМСКИЙ И ПАВЛОДАРСКИЙ СИЛЬВЕСТР (ОЛЬШЕВСКИЙ)**

Аннотация: Данная статья раскрывает проблему сопротивления епископата Российской Православной Церкви большевизму в самый первый период установления советской власти. В качестве примера взяты два епископа с диаметрально противоположных регионов: Сибири и Эстонии. Статья также раскрывает возникшие в историографии проблемы биографии архипастырей.

Ключевые слова: Платон (Кульбуш), Сильвестр (Ольшевский), Русская Православная Церковь, Сибирь, Эстония.

I. V. PETROV (Saint-Petersburg)
St. Petersburg State University

**THE TWO VICTIMS IN THE RUSSIAN EPISCOPATE DURING
FIRST SOVIET YEAR: BISHOP OF REVEL PLATON (KULBUSH) AND
ARCHBISHOP OF OMSK AND PAVLODAR SILVESTR (OLSHEVSKY)**

Annotation: This article deals with the problem of the resistance of the episcopate of the Russian Orthodox Church to Bolshevism in the very first period of the establishment of Soviet power. As an example, two bishops are taken from diametrically opposite regions: Siberia and Estonia. The article also reveals the problems of biography of the archpastors that arose in historiography.

Keywords: Platon (Kulbush), Silvestr (Olshevsky), Russian Orthodox Church, Siberia, Estonia.

Совсем скоро исполнится 100 лет со дня событий октября 1917 г., разделивших нашу страну на два враждующих непримиримых лагеря, схлестнувшихся в смертельной схватке Гражданской войны. К большому сожалению, большинство непосредственных участников событий тех лет были православными христианами, в тот или иной период принадлежащими к Православной Церкви и являвшимися практикующими верующими. Однако приход к власти большевиков навсегда поделил население некогда единой Российской Империи на сторонников и проводников новой атеистической псевдорелигии и тех, кто отстаивал традиционные ценности и брал на щит религиозные знамена.

Важную роль в сопротивлении этих двух лагерей играли православные архипастыри, во многом определившие исход Гражданской войны. Неактивная, фактически примиренческая с большевизмом позиция Поместного собора, ста-

ла определяющей и в курсе Патриарха Тихона (Беллавина). Однако же немалая часть православных иереев РПЦ волею судеб оказалась на территории, подконтрольной антибольшевистским силам, будь то «белые» диктатуры, правительства так называемой «демократической контрреволюции» или же правительства государств, объявивших о своей независимости. Часть этих епископов заняла резко антибольшевистскую позицию, за что они серьезно пострадали от советской власти. Двумя совершенно разными, но в то же самое время схожими представителями Русского Православия стали архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) и епископ Ревельский Платон (Кульбуш). Объединяет этих людей и факт их прославления в лике Новомучеников и исповедников Российских (владыка Платон канонизирован также Синодом Константинопольского Патриархата).

Начнем со служения в годы Гражданской войны епископа Ревельского. Будучи еще петербургским (петроградским) священником в Исидоровской церкви в столице Российской Империи, священник Павел Кульбуш снискал себе авторитет со стороны местных православных верующих как активный проповедник и видный миссионер в эстонской среде. И, когда в декабре 1917 г. встал вопрос о том, кто будет новым епископом Ревельским, викарием Рижской епархии и руководство Московской Патриархии, и эстонские, и русские, и латышские приходы остановились на кандидатуре отца Павла, выдвинутой еще на августовском собрании эстонских православных приходов. Надо отметить высокую трудоспособность владыки Платона на Ревельской кафедре: за год своего служения он, согласно данным известной эстонской исследовательницы Татьяны Шор, посетил 71 приход, в том числе 11 дней он провел в Риге [1]. Ради начала служения на своей церковной кафедре епископ Ревельский предпочел даже не принимать участия в Поместном Соборе, о чем известил новоизбранного Патриарха.

Начало служения владыки совпало с периодом провозглашения Эстонской республики и отстаиванием молодым государством своего единства и независимости. В начале его архиерейства главной проблемой была немецкая оккупация Балтии в период Первой мировой войны. Но после выхода Германии из войны в ноябре 1918 г. для Эстонии и Латвии открывались просторы суверенитета. Несложно догадаться, что свою роль в этом процессе должны были сыграть и православные. В ноябре 1918 г. владыка Платон (Кульбуш) в связи с изменившейся военно-политической обстановкой отправился в латвийскую столицу, однако по пути, по данным автора его официальной биографии священника Владислава Кумыша, заболел гриппом-испанкой с осложнением в виде крупозного воспаления легких, в результате чего задержался в Тарту [2].

Параллельно с этим в Эстонии начинается мятеж пробольшевистских сил, которые образовали в Нарве Эстляндскую трудовую коммуну во главе с Яном Анвельтом и быстро продвинулись по эстонской территории. В конце декабря 1918 г. 49-й полк 6-й дивизии был в Тарту. Сразу же после прихода в город левых сил начинается красный террор и арест неудобных и «классово чуждых элементов». Арестовывается и православное духовенство: под каток репрессий попал не только епископ Ревельский, но и известные местные протоиереи Ми-

хаил Блейве и Николай Бежаницкий. Схваченных представителей эстонского православного духовенства поместили в подвал Дворянского кредитного банка Тарту, где продержали 12 дней. Примечательно, что епископ Платон категорически отказывался подписывать сфальсифицированные протоколы допросов и всячески отвергал обвинения эстонских карателей. В назидание главу православных Латвии и Эстонии, заставили чистить «отхожее место» [3].

Однако национальные силы в Эстонии также не бездействовали: вскоре возникла Эстонская Освободительная армия, на помощь ей пришли части финского батальона, высадившегося в Таллине, и английский флот. Столь скорое формирование и контратаки антибольшевистских сил подтолкнули представителей Комунны на усиление террора в отношении заложников. Есть данные, что эстонским коммунистам не нравилось, что владыка Платон часто читает Евангелие и для того, чтобы он перестал это делать его стали чаще вызывать на допросы. 14 января 1919 г. его вызвали на допрос в последний раз. Скоро он был убит. Для того чтобы быть опознанным викарий Рижской епархии спрятал под рубашку свою панагию. В ходе обследования его тела, было установлено, что владыку пытали, нанесли ему 7 штыковых ран на груди и 4 пулевых: две на груди, одну на левом плече и одну под правым глазом (эта нанесена разрывной пулей). Также было установлено, что епископа били и ударили прикладом винтовки в затылок. Протоиереи Бежаницкий и Блейве тоже были убиты. Убийство первых лиц эстонского православия получило необыкновенный резонанс не только в отстаивающей свою независимость Эстонии, но и во всей Балтии. Двух священников при большом стечении народа похоронили в Успенском соборе Тарту, а владыка же был захоронен в Спасо-Преображенском соборе эстонской столицы.

Сейчас о владыке Платоне (Кульбуше) помнят, его почитают как в Эстонии, так и за ее пределами. Отдельные исследования посвящены и разным аспектам его биографии и периоду его недолго архиерейства. Так, исследователь из Германии Себастьян Раймстэд актуализировал свое внимание на противоречиях внутри православных приходов Эстонии и Латвии в межвоенный период [4]. Протоиерей Игорь Прекуп занялся проблемами выстраивания биографии епископа Платона в ключе вырисовывания наилучшего периода в жизни епархии [5]. А Татьяна Шор недавно опубликовала перечень оставшихся после гибели владыки вещей [6].

Более сложной была ситуация с епископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским). Регион, где ему выпало совершать архиерейское служение, был главным центром сопротивления большевизму по всей России. Епископом Омским и Павлодарским владыка Сильвестр был еще с 1915 г. Он успел принять довольно активное участие в Поместном соборе, а также организовать противодействие проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. За эти действия владыке Сильвестру пришлось какое-то время побыть в заточении, но впоследствии он был выпущен на свободу. Более того, в мае 1918 г. Сильвестра возвели в сан архиепископа. С увеличения масштабов антибольшевистского сопротивления владыка Сильвестр все более активно принимает участие в борьбе с советской властью. В октябре 1918 г. он заявлял

прибывшим членам Директории: «К великому горю всех верующих людей, бывшие доселе представители власти, вопреки заветам нашей тысячелетней истории, не только не призывали Божие благословение на величайшие по важности свое служение, но в своих государственных актах даже избегали сего Святейшего Имени. Бывшие перед сим власти явили собою прямое богоборство и нераздельное с ним человеконенавистничество...» [7]. В этом обращении возлагалась надежда на то, что устанавливаемая в городе власть, наоборот, встанет под знамена Креста Христова и жизнь в стране войдет в здоровое русло.

Ведущую роль владыка Сильвестр также играл и в ВВЦУ; оно решало все основные вопросы церковно-приходской жизни, а также проблемы сношения с государственной властью в «белой» Сибири. В ноябре 1918 г. архиепископ Сильвестр (Ольшевский) возглавил ВВЦУ Сибири. Во многом именно его действия стимулировали многие важные события жизни региона, будь то восстановление в регионе военного и морского духовенства или отмена декрета об отделении Церкви от государства. Как считает крупный исследователь истории Белого Движения Василий Цветков, именно владыка Сильвестр был инициатором издания альманаха «За Русь Святую» главной целью которого было повышение боевого духа в армии и в среде местного населения [8]. Существенную роль в противостоянии большевизму в Омске сыграли организуемые владыкой Сильвестром (Ольшевским) крестные ходы и деятельность народного братства Московского Святителя Гермогена, а также иные формы поддержки Православной Церковью антибольшевистских сил. Необходимо отметить, что владыка Сильвестр в связи с отступлением антибольшевистских сил из Омска предпочел эвакуации остаться со своим клиром и паствой [9].

В отличие от епископа Ревельского Платона (Кульбуша) епископ Омский и Павлодарский ушел из жизни чуть позже – в 1920 г. Надо отметить, что по поводу его кончины есть споры и разночтения. Так, одни исследователи считают, что архиепископа зверски замучили большевики, прибив его руки к полу гвоздями, избив шомполом, а впоследствии проткнув его сердце этим шомполом (что привело к смерти). Но эта версия не находит никакого документального подтверждения.

В историографии есть и иная версия, основным ее сторонником является экс-сотрудник Исторического архива Омской области М. Ф. Панина. Согласно положениям этой концепции архиепископ Сильвестр не арестовывался после оставления города антибольшевистскими силами. Возраст, а также прогрессирующие болезни привели к обострению рака кишечника и кончине, которая наступила 10 марта 1920 г. В доказательство М. Ф. Панина приводит выявленную ею актовую запись органа ЗАГС о смерти архиепископа (с указанием места его захоронения – Успенский кафедральный собор) [10].

Итак, в своей небольшой статье мы привели биографии двух выдающихся церковных деятелей, оказавших активное содействие антибольшевистскому движению. Хочется верить, что с течением времени удастся узнать и исследовать больше о деятельности этих и других достойных представителей епископата, принявших участие в Гражданской войне в России.

Библиографический список

1. Шор Т. Наследие Платона, епископа Ревельского (К столетию принятия им кафедры Рижской епархии // Православие в Балтии. 2017. №6. С. 140.
2. Кумыш В., свящ. Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869–1919). СПб.: Журнал «Нева», 1999. С. 32.
3. Там же. С. 34.
4. Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Wien: PETER LANG, 2012.
5. Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин: Trukis Astrukis, 1998.
6. Шор Т. Указ. соч. С. 143–149.
7. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2016. Ч. 2. С. 30–31.
8. Там же. С. 37.
9. Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (На примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфантьева) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 6.
10. Панина М. Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сб. науч. трудов. № 19 / Омск, 2014. С. 123–126.

В. Л. ПОМЫТКИНА (Тара)

Филиал Исторического архива Омской области в г. Таре

**О ВВЕДЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ
В Г. ТАРЕ В 1919-1921 ГГ.**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвящённое процессу трудовой мобилизации населения г. Тары в годы Гражданской войны. В работе рассмотрены методы проведения мобилизации и выявлены причины низких показателей по учёту трудового населения. Работа выполнена по неопубликованным архивным источникам, часть из которых впервые вводится в оборот.

Ключевые слова: Гражданская война, советская власть, Тара, трудовая мобилизация.

V. L. POMYTKINA (Tara)

Branch of the Historical Archive of the Omsk Region in Tara

**ON INTRODUCTION OF UNIVERSAL LABOR OFFICE
IN TARE IN 1919-1921**

Annotation: This publication is a survey study devoted to the process of labor mobilization of the population of the city of Tara during the Civil War. The methods of conducting mobilization are considered in the work and the reasons of low indicators on the account of the working population are revealed. The work was performed on unpublished archival sources, some of which were first put into circulation.

Keywords: Civil war, soviet power, Tara, labor mobilization.

Гражданская война в России и ее последствия вызывают сегодня активные дискуссии в научном мире и общественном сознании. Перед учёными стоит немало задач, связанных, в том числе, с развенчанием мифов о прошлом и трансляцией подлинных событий, имевших место, как в масштабах страны, так и в локальной истории [1]. И здесь, наряду с военно-политической сферой интерес представляют и сюжеты социально-экономической сферы.

Восстановление советской власти в Сибири повлекло за собой ряд нововведений во многих сферах жизни государства и общества – промышленность, сельское хозяйство, продовольствие, торговля, транспорт, коммунальное хозяйство, социальные вопросы, культура и образование. Но для роста показателей во всех этих сферах требовался большой людской потенциал. Причём нужен был как интеллектуальный труд, так и физический. В стране исчезла безработица, наоборот, предприятия стали ощущать острую потребность в трудовых ресурсах. В декабре 1918 г. был принят «Кодекс законов о труде». Структура КЗоТа включала 137 статей, а первый раздел «О трудовой повинности», состо-

ящий из 9 пунктов, устанавливал всеобщую трудовую повинность, обязательную для всех граждан республики в возрасте от 16 до 50 лет. Все существовавшие и вновь создаваемые постановления по вопросам труда, а также отдельные договоры и соглашения теперь учитывались лишь при условии, если они не противоречили кодексу. В стране была создана система губернских, городских и уездных комитетов всеобщей трудовой повинности во главе с Главным комитетом, который подчинялся СТО; губернские, городские и уездные комитеты находились в ведении исполкомов соответствующего уровня. Местные комитеты по всеобщей трудовой повинности состояли из трех лиц, по одному представителю от военного комиссариата, отдела управления и отдела труда.

В Таре так же был создан при уездном исполкоме отдел труда, который ведал всеми вопросами труда, отвечал за введение трудовой повинности в уезде, вел учет работающего населения [2]. Но, несмотря на то, что вопросами трудовой мобилизации занимался целый отдел, справлялся он со своей задачей плохо. Об этом говорит доклад по Отделу труда, заслушанный на заседании Тарского уездного исполкома 21 мая 1921 г. Согласно отчёту, работа Отдела имела проблемы из-за отсутствия в нем опытных работников и инструкторов.

С 1 марта по 1 июля 1921 г. было направлено на различные работы: 4701 женщина, 7122 подросток (статистика по мужчинам цифры недоступна в силу особенностей физической сохранности архивного дела). Поставлено на учет за это время 720 человек, задержано как дезертиров 123 человека. За указанный период выполнялись различные виды работ, что выразилось в следующих цифрах: заготовлено дров – 444 000 кубических сажень; заготовление брёвен – 264 791 квадратных фута; перевозка различных грузов – 376 647 пудов. Также говорилось, что организованные в волостях волостные комитеты труда, плохо разбираясь в инструкциях, слабо помогали в работе, а инструктора для обучения на местах у отдела труда не имелось [3].

С восстановлением советской власти и провозглашением всеобщей трудовой мобилизации в Тарский уездный исполком поступают декреты СНК и постановления Сибирского комитета труда о том, лица каких профессий должны быть мобилизованы в тот или иной период. Так, например, 3 декабря 1920 г. на основании постановления Сибкомтруда Тарский уездный комитет по всеобщей трудовой повинности объявляет, что все рабочие и служащие Воткинского и Ижевского заводов работавшие на них в течение последних 4 лет в возрасте от 18 до 50 лет, и проживающие в районе города Тары должны зарегистрироваться в подотделе распределения рабочей силы в трёхдневный срок. При явке на регистрацию они должны иметь при себе документ о работе на заводе, а в случае, если были эвакуированы белыми, то документ об эвакуации [4]. Как следует из переписки с волостными комитетами труда, жителей, ранее работавших на этих заводах, по волостям не имелось. На весь уезд нашёлся один только работник Ижевского завода. В архиве сохранилась его профессиональная карточка и удостоверение. Это был механик, помощник машиниста Ижевских оружейного и сталелитейного заводов, Михаил Калабин, 19 лет [5].

Также на основании предыдущих и последующих распоряжений (декретов и постановлений) трудовой мобилизацией были охвачены специалисты ря-

да отраслей: специалистов по сельскому хозяйству (2 января 1919 г.), работники судебного дела и адвокатуры (11 мая 1920 г.), фельдшеры и ветеринарные врачи (17 ноября 1920 г.), милиционеры (27 января 1921 г.) [6].

О мобилизации медицинских работников в Таре нужно сказать особо [7]. Дело в том, что в 1919 г. в городе началась эпидемия сыпного тифа. Белогвардейцы, по пути отступления оставляли после себя тифозных больных. Всего в Таре на тот момент находилось до 400 больных солдат [8]. Массовое отсутствие персонала в лечебных заведениях объяснялось усиленной их мобилизацией на военную службу в период колчаковской власти, а также тем, что войска при отступлении часть врачей и фельдшеров увезли с собой. Из медицинского персонала, после ухода белогвардейцев, в городе остались только больные тифом. Осенью 1919 г. в Таре функционировало одно лечебное заведение – местный лазарет, оставленный белыми. Заведовал лазаретом врач Иван Васильевич Щеглов (впоследствии умер от сыпного тифа) и три фельдшера [9].

Так как устные воззвания о мобилизации не имели должного эффекта, большевистская власть стала усиливать меры принуждения. 16 июля 1920 г. отдел труда и социального обеспечения Сибревкома издал циркуляр № 1 по которому следовало «...принять самые решительные меры для борьбы с трудовым дезертирством путем облав, проверки по домам. Эти обязанности возлагаются на комиссии по борьбе с трудовым дезертирством и комиссариаты труда. Организовать комиссии не позднее 5 дней, выделить для этой работы лучшие силы, отправлять отчёты о работе еженедельно...» [10]. Скрывающие же свою профессию, подлежали ответственности наравне со злостными дезертирами. Видимо ситуация с медперсоналом действительно была катастрофическая, так как ещё в ноябре 1919 г., в Таре, буквально на улице был схвачен и направлен для «несения службы» в Тарской городской больнице «ввиду болезни в этой больнице врача и фельдшера» студент-медик по фамилии Тотт. К своим обязанностям должен был приступить немедленно, совмещая при этом и наблюдение за больными из числа военнопленных [11].

Мобилизации в те годы подлежало абсолютно всё трудоспособное население. Специальной комиссией был составлен список болезней и различных телесных недостатков, по которому люди могли быть освобождены от тяжелого физического труда [12]. Тем не менее, освобождённые от тяжёлых работ, привлекались к более лёгкому труду. Например, к гужевой повинности на лёгкие работы привлекали инвалидов, единственных работников семейств, красноармейцев и вдов, имеющих детей до 8 лет [13].

За трудовой дисциплиной работников внимательно следили: приход на работу фиксировался в специальном журнале, опоздания на работу не поощрялись, за прогулы следовало жёсткое наказание. Из постановления СНК «По борьбе с прогулами» следует, что за 1 день прогула из заработной платы работника высчитывается 15 % премии, за 2-й день – 25 %, за 3-й день – 60 %. И независимо от вычетов, работник был обязан отработать свой прогул в сверхурочное время. Прогул же более 3 дней в течение месяца означал предание дисциплинарному суду как за саботаж. Так, 5 февраля 1920 г. постановлением Тарского уездного комитета по трудовой повинности гражданку города

Тары Антонида Смирнову 19 лет, «за самовольный уход с должности» в Трудсобеде на 3 дня арестовали административным порядком [14].

Освобождение же от работ по случаю болезни, должно было быть удостоверено больничным листом. А список врачей и лечебных заведений, имеющих право выдачи, публиковался местными органами Народного комиссариата здравоохранения [15]. Кроме карательных мер, вводились и поощрения: за «аккуратный приход на работу», за перевыполнение плана и пр. В 1920 г. были введены «Временные правила об отпусках рабочим и служащим в 1920 г.». По ним все рабочие и служащие всех отраслей труда, проработавшие не менее 6 месяцев без перерыва имели право один раз в течение 1920 г. получить отпуск с сохранением содержания. Продолжительность отпуска устанавливалась в 2 недели, а для работающих в особо вредных производствах и лицам до 18 лет устанавливался дополнительный двухнедельный отпуск [16].

Также в целях предоставления отдельным группам рабочих в летнее время отпусков для полевых работ в своих сельских хозяйствах СНК постановил: все предприятия, и хозяйства республики разделить на три категории: 1) предприятия, в которых возможно предоставить полный отпуск; 2) предприятия, где возможно предоставить сокращенный отпуск, при усиленной работе до него и повышенной производительности труда; 3) предприятия, где невозможно предоставить отпуск из-за необходимости непрерывного производства. В предприятиях 2-й группы отпуск предоставлялся на двухнедельный срок при соблюдении следующих условий: если весь состав предприятия предварительно отработал в сверхурочное и праздничное время количество часов равное двухнедельной единице, если общая производительность предприятия за месяц до отпуска превышает среднюю месячную производительность за последние 3 месяца в 1,5 раза. В обоих допускалось разрешить отпуск всему рабочему составу предприятия. На предприятиях 3-й группы должны были применяться следующие меры: денежная премия, премия натурой и обработка земель рабочими силами трудармейцев по распоряжению из Центра [17].

Таким образом, меры, связанные с трудовой мобилизацией в городе Таре включали в себя не только меры карательного характера (обыски, аресты, облавы, штрафы), но и поощрения за хорошую работу (премии, отпуск). Введение воинской повинности происходило в рамках постановлений того времени, опиралось на приказы и инструкции СНК, губернского и уездного отделов труда, сотрудники отдела труда тесно сотрудничали с военным комиссаром и милицией города в деле розыска и поимки трудовых дезертиров. Но, в тоже время, больших успехов в этом направлении не было достигнуто из-за нехватки кадров, которые бы занимались этим в деревнях и в городе.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы

мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.

2. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Л. 2.

3. Там же. Д. 10. Л. 5.

4. Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

5. Там же. Л. 12, 13.

6. Там же. Л. 36, 39, 70.

7. Помыткина В. Л. Из истории здравоохранения в Таре и Тарском уезде в 1919–1921 гг. // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.) / Под ред. Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 132–136.

8. Там же, Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 1. Л. 16об.

9. Там же. Л. 57.

10. Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

11. Там же. Л. 43.

12. Там же. Л. 3.

13. Там же. Д. 2. Л. 52.

14. Там же. Л. 10.

15. Там же. Д. 1. Л. 23.

16. Там же. Л. 22.

17. Там же. Д. 2. Л. 22.

А. С. ПУЧЕНКОВ (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет

**«ОДЕССКИЙ НАПОЛЕОН»:
ИЗ БИОГРАФИИ А. Н. ГРИШИНА-АЛМАЗОВА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению деятельности генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова в период нахождения его в Одессе в должности Военного губернатора. Уделено большое внимание характеристике личности А. Н. Гришина-Алмазова деятелями антибольшевистского движения.

Ключевые слова: Гражданская война, Гришин-Алмазов, Добровольческая армия, Одесса, интервенция.

A. S. PUCHENKOV (Saint-Petersburg)
Saint Petersburg State University

**«NAPOLEON FROM ODESSA »:
FROM OF THE BIOGRAPHY OF A. N. GRISHIN-ALMAZOV**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of the activities general-major Grishin-Almazov during his stay in Odessa in the post of Military Governor. Attention was paid to the characterization of the personality of A. N Grishin-Almazov as leaders of the anti-Bolshevik movement.

Keywords: Civil War, Grishin-Almazov, Volunteer Army, Odessa, intervention.

Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (1880-1919) – одна из самых ярких и незаурядных фигур в истории российской Гражданской войны. Управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и легендарный одесский диктатор оставил о себе по-настоящему долгую память. Все важнейшие события его жизни уместились в последний ее год – 1918-1919. Судьба, которая почему-то посчитала вывести Гришина-Алмазова на уровень общероссийского масштаба, отвела ему слишком мало времени. Нельзя в полной мере согласиться с мнением историка сибирской контрреволюции В. И. Шишкина, по утверждению которого, «биография Гришина, однако, вызывает интерес не только по причинам сугубо личного характера: его необычным карьерным взлетом и еще более странным падением...» [1]. Ничего особенно «странного» в падении Гришина-Алмазова увидеть нельзя: никто не в состоянии предвидеть то, как сложилась бы судьба генерала в последующих перипетиях Гражданской войны. Правда, на наш взгляд, заключается в другом: несмотря на высокие посты, которые занимал Алексей Николаевич в течение последнего года своей жизни, он всегда был «свой среди чужих, чужой среди своих». Гришин был слишком правым для сибирских и одесских кадетов, слишком левым для кад-

ровых офицеров, без особенного пиетета относившихся к скороспелому производству в генералы Алексея Николаевича и видевших в нем чуть ли не революционера – уж если не по политическим убеждениям, то по духу.

Пиком политической карьеры Гришина-Алмазова был, конечно, короткий, но вместивший в себя по своей насыщенности целую жизнь, период его пребывания на посту диктатора Одессы. Не вдаваясь в рассказ о предыстории этих событий, освещенных в одной из работ автора этих строк, [2] отметим, что еще прежде – в Сибири – Алексей Николаевич проявил себя как крайне незаурядная личность, сумел создать сильную армию и проявил качества «деятельного и умелого военного организатора» [3, 4]. В Сибири, однако, Гришин-Алмазов не прижился. Оказавшись в сентябре 1918 г. в вынужденной отставке, генерал принимает решение, воспользовавшись советом генерала В. Г. Болдырева, уехать в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина для продолжения дела борьбы с большевиками [5]. Гришина-Алмазова привлекало имя Верховного Руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексева, обладавшего абсолютным авторитетом в офицерской среде. Гришин не мог знать, что Алексееву суждено было прожить всего лишь несколько дней, и 25 сентября (8 октября) Михаила Васильевича не стало. В письме жене Гришин-Алмазов выражал уверенность в том, что «офицерство... все надежды возлагает на меня и на генерала Алексева»; «у Алексева я буду встречен хорошо, так как приехавший оттуда офицер говорит, что там меня знают...»; «все мною интересуются, все надеются на то, что из армии Алексева придет спасение России» [5]. В Уфе Гришин-Алмазов заручился поддержкой генерала Д. А. Лебедева, составившего по просьбе Алексея Николаевича рекомендательное письмо на имя адъютанта генерала Алексева А. Г. Шапрона дю Ларре, в котором один из самых известных в будущем колчаковских военачальников уведомлял Алексея Генриховича о том, что Гришин – «целиком стоит на идеях Добровольческой армии. Я с ним договорился до конца и прошу тебя вступить с ним в дела, доверяя ему безусловно и во всем. Прошу тебя познакомить его со всеми и рекомендовать, имея в виду, что это один из самых крупных и популярных деятелей Сибири, особенно в кругах военных и не-социалистических. Доложи о нем генералу Алексееву, тонко указав, что он крупная величина, пользуется здесь большим доверием...» [6].

Генерал добрался за 38 дней до Екатеринодара, и был командирован в Яссы генералом А. И. Деникиным. В Яссах Гришин-Алмазов принял участие в знаменитом Ясском совещании русских общественных деятелей, на котором он сделал доклад о положении в Сибири [7]. Из Ясс Гришин-Алмазов прибыл в Одессу, где уже успел заявить о себе, дав интервью представителям местной прессы, в котором изложил свою программу борьбы с большевизмом. Если все сложится благоприятным образом, заявил генерал, «к будущей осени вся Россия будет освобождена от большевиков» [8]. По утверждению Гришина-Алмазова, большевизм может быть сокрушен лишь при условии существования «соответствующей вооруженной силы», начало которой «у нас уже есть в лице Добровольческой армии» [8]. Несомненно, что подобные взгляды Гришина-Алмазова не могли не найти влиятельных приверженцев. Одним из таких сто-

ронников молодого генерала был видный политический деятель В. В. Шульгин, поверивший в счастливую звезду Гришина-Алмазова. «Генерал этот был умен, талантлив и в высшей степени энергичен», – вспоминал о нем позднее В. В. Шульгин [9]. Другой видный современник, кадет М. М. Винавер, так описывал свои впечатления от Гришина-Алмазова: «Невысокий, хорошо сложенный, всегда чисто выбритый, с правильными, энергичными чертами лица, с властными жестами, Гришин-Алмазов явно позировал на Наполеона. Только слишком он был речист и слишком хвастлив для Наполеона» [10]. Бывшему главнокомандующему войсками Уфимской Директории генералу В. Г. Болдыреву Гришин-Алмазов запомнился человеком суховатым, небольшого роста, «внешностью и манерой говорить, напоминавший несколько Керенского...» [11]. «По характеру своему и манере говорить он мне немного напоминал Керенского», – схожее впечатление от Гришина-Алмазова осталось и у бывшего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева [12]. Болдырев в то же время отмечал несомненные «организаторские дарования, энергию и решимость» Гришина-Алмазова [11]. В Сибири у генерала была репутация «весьма талантливого, но беззастенчивого карьериста», писал в своих записках о Гришине-Алмазове министр иностранных дел в правительстве Колчака И. И. Сукин [13]. Главнуправляющий делами Верховного правителя А. В. Колчака Г. К. Гинс обращал внимание на такие недостатки Гришина-Алмазова как излишнюю самоуверенность и «молодую самовлюбленность» [14]. В свою очередь, профессионализм Алексея Николаевича не вызывал у современников никаких сомнений: будучи управляющим военным министерством Гришин-Алмазов, как вспоминал министр снабжений Сибирского правительства И. И. Серебряников, «казался на своем посту вполне подходящим человеком» [15]. Приятное впечатление Гришин-Алмазов произвел и на такого искусственного в военном деле человека, как профессора Николаевской Академии Генерального Штаба М. А. Иностранцева. Судя по воспоминаниям Иностранцева, взгляды, высказываемые Гришиным-Алмазовым, свидетельствовали «о большом государственном уме этого, сравнительно молодого человека, и о целесообразном плане государственного строительства, представляемом им себе» [16]. Иностранцев был поражен тем, насколько «глубоко и правильно понимал он [А. Н. Гришин-Алмазов. – Авт.] революционные настроения масс и требования текущего момента» [17].

Однако далеко не все крепкие военные профессионалы обладают способностями политика и желанием стать диктатором. Гришину-Алмазову, видимо, нравилась как политика, так и свое участие в политике. Твердый и решительный офицер, видимо, сравнивал себя с неуверенными и неспособными к созидательной деятельности сибирскими политиканами, приходя к неизбежному в таких случаях выводу: он может не просто состояться в политике, а занимать в ней высшие посты. Такая уверенность возрастала в нем день ото дня. «Амбициозность» генерала отмечается и исследователем В. И. Шишкиным, [18] не оставалась она незамеченной и современниками. Так еще летом 1918 г. будущий колчаковский премьер П. В. Вологодский отметил в своем дневнике, что Гришин-Алмазов «по типу своему Н[аполеон] Бонапарт», прибавив, правда, что

«еще рано появляться Наполеонам на сибирском горизонте», [19] а уже упомянутый генерал Болдырев писал о том, что «в погоне за фразой» Алексея Николаевича уже в 1918 г. «часто проскальзывала трудно скрываемая склонность к диктатуре» [20]. Действительно, «Наполеоном» Гришину-Алмазову суждено было стать не в Сибири, а на Юге – в Одессе. Интересную, и как кажется, достаточно объективную характеристику как самого Гришина-Алмазова, так и его отношения к политике, сделал в своем дневнике старший адъютант генерала подпоручик Б. Д. Зёрнов: «Очищение от большевиков Сибири – несомненная заслуга генерала, создавшая ему справедливую популярность и за пределами азиатской России и вскружила ему голову. Хороший строевой артиллерийский офицер, несомненно способный и порядочный человек, хлебнул большой глоток из чаши политики и этот яд отравил его, проявился вкус к политической работе в широком масштабе. Прошлое военного министра и главнокомандующего заставляет его высоко расценивать свою особу. Почти что диктатор Сибири, властно диктовавший свою волю правительству, популярный в войсках – он не мог успокоиться после вынужденного ухода от власти. Едет в Добровольческую армию («историческая поездка», как он ее называет). Здесь он обласкан Деникиным и Драгомировым, польщен вниманием всех общественных и политических кругов; немедленно получил почетную командировку в Яссы. И снова закружилась голова. За 2 месяца совместной жизни (кстати, сегодня ровно 2 месяца, как мы выехали из Уфы) я убедился, что генерал как-то равнодушен к воинской славе, к лаврам строевым, влечет политическая деятельность, его пьянит перспектива делать «большую политику». Его искренняя любовь к России и преданность делу Доброармии для меня несомненна, но меня страшит это безудержное стремление «делать политику» в такой ответственный момент со стороны человека, недавно вступившего на этот путь, еще малоопытного и склонного зарываться. С приходом союзников возникнет масса вопросов о подчинении и взаимоотношениях, до болезненности тонких и деликатных. Их разрешение требует работы тонкого и опытного дипломата. Мне кажется, что это не по силам генералу» [21].

«Тонким и опытным дипломатом» Гришин-Алмазов безусловно не был, но его решительность и несомненный ум позволили добиться расположения сверхвлиятельного в то время в Одессе Шульгина. Несмотря на «революционный» характер генеральства Гришина-Алмазова, новоиспеченный генерал был, по обоснованному наблюдению московского историка А. С. Кручинина, человеком довольно консервативных взглядов, [22] или же просто – «умеренных», по аттестации канадского исследователя Нормана Перейры [23], в течение всего 1918 г., как заметил исследователь Н. С. Ларьков, постоянно эволюционировавшим вправо [24], что и позволило ему заручиться поддержкой Шульгина. Именно поддержка членов Особого совещания В. А. Степанова и В. В. Шульгина, формально представлявших в Одессе власть генерала Деникина, позволила Гришину-Алмазову обеспечить «легитимность» своей будущей диктатуры. В этой связи неправомерной выглядит формулировка полковника Е. Э. Месснера, писавшего в своих воспоминаниях о том, что Гришин-Алмазов «околдовал одесских кадет, в металлическом тембре его голоса почувствовавших

стальную волю...»[25]: кадеты не сыграли в карьере Алексея Николаевича никакой особой роли. Именно правый Шульгин и подчиненный ему по контрразведывательной организации «Азбука» Степанов, также аттестуемый Деникиным как «правый» и кадет только по формальной принадлежности к партии, но не по политическим убеждениям [26], и позволили Гришину-Алмазову получить формальную санкцию на будущую «диктатуру». Гришину-Алмазову предстояло решить непростую задачу. Сложность обстановки хорошо описана в дневнике адъютанта Гришина-Алмазова, подпоручика Б. Д. Зёрнова: «Надежды на успех нет почти никакой. Среди сановных обитателей «Лондонской» начинается некоторая паника. Мы начинаем подумывать о штатском платье и о переходе на нелегальное положение... По тротуарам бродят толпы одесситов, беспечных, праздных и равнодушных к политике. А гроза недалеко» [27]. В ситуации общей дезорганизованности Гришин-Алмазов проявил свои лучшие качества: он взял добровольцев в суровую (даже беспощадную) дисциплину, и стал давать толковые, ясные приказания, сразу прекратившие панику [28].

4 декабря 1918 года в Одессе высадился первый эшелон французских войск, а 5 декабря после ожесточенного десятичасового боя Одесса была взята белыми добровольцами под командованием генерала А. Н. Гришина-Алмазова, в распоряжение которого было назначено десять французских офицеров и сорок солдат, приданных отдельными колоннами. На требование французского командования сдать оружие и покинуть город, петлюровцы не ответили. Потери сил Гришина-Алмазова составили около двухсот человек, более тридцати добровольцев было захвачено петлюровцами в плен и расстреляны. Почти все убитые были офицерами [29]. Как утверждал представитель Украины при австро-венгерском главном командовании Одессы генерал от кавалерии Г. О. фон Раух, «Заслуга этого дня всецело принадлежала генералу Гришину-Алмазову» [30]. Между тем потери добровольцев были серьезны, что позволило находившемуся в Одессе В. М. Пуришкевичу даже назвать Гришина-Алмазова за этот кровавый бой «спекулянтom крови» [31]. Сдавший же Гришину-Алмазову власть в Одессе адмирал Д. В. Ненюков в своих воспоминаниях нашел в себе мужество признаться, что «среди нашего тогдашнего безлюдья, он [А. Н. Гришин-Алмазов. – Авт.] безусловно выдавался, и мог считаться крупной фигурой» [32]. Город был освобожден русскими силами при содействии союзников, обещавших скорую и масштабную помощь. Все это заставляло сторонников белых верить в наступление лучших времен. По словам Ивана Бунина, впервые с момента начала революции на русском небосклоне, благодаря самоотверженности добровольцев, промелькнул «хоть луч надежды» [33].

7 декабря 1918 г. Шульгин просил Деникина об утверждении А. Н. Гришина-Алмазова на должность Военного губернатора города. В тот же день Деникин назначение Гришина-Алмазова утвердил, [34] предписав новоиспеченному губернатору «вступить в командование частями Добровольческой армии в г. Одессе, а также принять на себя формирование новых частей там же. Одновременно с Сим Вице-адмиралу Ненюкову предложено оказывать Вам содействие, оставаясь Вашим помощником по морской, административной и политической частям» [35]. Кроме того, Деникин предоставил Гришину-Алмазову в

отношении подчиненных ему частей права командира корпуса, и приказал ему произвести в Одессе и ее районе мобилизацию офицеров в возрасте до 40 лет [36]. Еще ранее обязанности военного губернатора Одессы были возложены на Гришина-Алмазова французским командующим генералом Бориусом [37].

Это назначение было воспринято в Екатеринодаре неоднозначно. «Правил Одессой молодой сероглазый губернатор Гришин-Алмазов, о котором тоже ничто в точности ничего не знал. Как случилось, что он оказался губернатором, кажется, он и сам не понимал», – писала известная писательница Тэффи (Н. А. Лохвицкая), очевидица тех незабываемых дней [38]. Личность военного губернатора Одессы, генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова, действительно, была совершенно никому не известна, о его прошлом слагались самые противоречивые слухи: говорили, что он «мальчишка и самозванец и произведен в генералы какой-то татарской бандой» [39], «домовым комитетом» [40], некоторые добровольцы называли его «загадочной личностью революционного толка» [41], зловещие истории рассказывали и об экзотическом конвое Гришина-Алмазова, носившему официальное наименование «Особого Татарского отряда» под командованием ротмистра Бекарбека Масловского. Конвою приписывали, в частности, бессудные расстрелы большевиков, наделавшие в те дни много шума в Одессе [42]. Современники обращали внимание на склонность Гришина-Алмазова к позерству, эффектным жестам, карьеризму. «Он выдвинулся с помощью революционной демагогии и поэтому оказался не у места в контрреволюционном стане – сперва в Сибири, а потом и на Юге России», – писал служивший под началом Гришина-Алмазова полковник Е. Э. Месснер [43]. Безусловно, что аналогичным образом – т. е. как «революционного демагога» – рассматривал, во всяком случае, поначалу, Гришина-Алмазова и Деникин. Несомненно, что Деникина смущал как «революционный» способ назначения одесского диктатора (фактически Деникин утвердил Гришина-Алмазова, уже занявшего до этого свой пост без санкции Антона Ивановича), так и пореволюционному стремительное производство Алексея Николаевича в генералы. Безусловно, что Гришин-Алмазов в роли властителя приморского города вел себя как полновластный диктатор, по-видимому, сознательно стремясь остаться в памяти всех, с кем он сталкивался, в образе харизматичного вождя.

Колоритное описание одного короткого эпизода из жизни Гришина-Алмазова-диктатора принадлежит добровольцу П. Московскому, писавшему свои воспоминания спустя считанные месяцы после краха одесской интервенции: «Небольшого роста человек, еще молодой, бритый или вовсе без растительности на лице, с седеющей головой и серыми глазами, при первом свидании Гришин-Алмазов произвел на меня хорошее впечатление. К назначенному сроку я дожидался в приемной, но едва я вступил в кабинет и изложил цель посещения, как от первоначального впечатления не осталось и следа. Генерал буквально метал на меня грома: “Никаких новых формирований», кричал он: “Никакой агитации, расстреливать надо”. “Следует пожалеть безответные офицерские головы”, – почтительно доложил я вспыльчивому начальнику. “Как смеете Вы не согласиться с генералом”, – кипел далее Гришин. Я видел, что мое дело проиграно. Гришин вскочил и изо всех сил бросил в письменный стол

пребольшой нож для разрезания бумаги. Я был очень смущен, видя военного губернатора и командующего добровольческими войсками в таком раздражении и попробовал поправить дело. “Ваше превосходительство”, сказал я со всей кротостью, “я обращаюсь к Вам, как к деятелю возрождающейся Родины”. Боже, как рассердился Гришин при этих первых словах. В дальнейшем разговор принял уже сумбурный характер... Генерал кричал, что он “ни какой-нибудь штабс-капитан”. Волновался и я, потерпев полное фиаско, удалился. Но все-таки следует сказать, что на фоне Одессы это была колоритная и редкая фигура...» [44]. Совсем иную, крайне неприязненную, оценку деятельности Гришина-Алмазова дает в своих воспоминаниях уже упомянутый полковник Е. Э. Месснер: «Это был большой позер и маленький офицер... В здании Одесского Военного округа, в которое въехал наш штаб, он велел себе поставить письменный стол в огромном зале, служившем обычно для торжеств – такого большого кабинета не имел ни один полководец, ни один государственный деятель; он гонял людей по всему городу в поисках карандашей и чернил особенного зеленого цвета – другими он не мог писать... Гришин-Алмазов мелочно ссорился с французами и думал, что этим он отстаивает интересы России. Правда, французы вели себя если не пренебрежительно в отношении нас, то «победительно»: мы, мол, победили немцев, и поэтому знаем лучше вас, что вам, немцев не победивших, полезно...» [45]. Так или иначе, но очевидно и то, что генерал работал на износ, не жалея сил для того, чтобы добиться максимального успеха. Не вполне справедливо и утверждение о политическом дилетантизме генерала: напротив, можно с уверенностью говорить о том, что Алексей Николаевич, отдавая явное предпочтение советам Шульгина, все же находил возможность и время для консультаций с представителями всех не-большевистских политических организаций, работавших в Одессе. Успеха, правда, это не принесло.

У Гришина-Алмазова не сложились отношения ни с французами после удаления французского посланника Э. Энно, ни с местными политическими кругами, ни с населением, ни с добровольцами [46]. «Сам он своей внешностью и характером речи очень напоминал всероссийского говоруна Александра Федоровича Керенского. Но нельзя было от него отнять его энергии и отстаивания достоинства Добровольческой армии перед французским командованием, что и повлекло за собой неожиданную высылку его этим командованием из Одессы», – вспоминал доброволец полковник К. Л. Капнин [47]. После того, как незадолго до падения города, Гришин-Алмазов был выслан французами из Одессы, генерал был обласкан Деникиным в Екатеринодаре и отправлен им в Сибирь, в качестве личного эmissара, для передачи адмиралу Колчаку важных бумаг. Однако встреча бывшего одесского диктатора и Верховного правителя так и не состоялась. Пароходик «Лейла», на котором следовал генерал, был настигнут красными в водах Каспийского моря, а сам Гришин-Алмазов застрелился, не желая попасть в руки большевиков. Так закончилась жизнь этого «незаурядного русского офицера, которому пришлось жить и бороться в смутное и страшное время кровавого междоусобья», – как охарактеризовал генерала его биограф М. Ивлев [48]. Документы, которые застрелившийся генерал вез Колчаку, вскоре были опубликованы большевиками в газете «Правда» [49–52]. Проана-

лизировав содержание «трофейных» документов, нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин написал о том, что отношения деникинцев и союзников – это вовсе не «якобы ничем не омраченная тесная дружба», как это может показаться «внешнему миру», а, напротив – «сплошное недоверие» и даже ненависть, проявляемую к Антанте, со стороны «старых генералов» [53].

Был ли генерал только «хвастливым авантюристом», как утверждает московский исследователь В. П. Булдаков, [54] или же масштаб личности «одесского Наполеона» не был по-настоящему осознан современниками? И то, и другое. Несомненно, что Гришин-Алмазов выделялся на фоне других деятелей контрреволюционного стана: в нем была и решительность, и ум, и способность принимать на себя ответственность за непопулярные решения. Не было в нем лишь двух качеств, которые позволяли другим героям русской смуты дольше, чем удалось Гришину-Алмазову, удерживаться на плаву: циничной жестокости и удачи. Судьба, которая почему-то посчитала необходимым вывести Гришина-Алмазова на уровень общероссийского масштаба, отвела ему слишком мало времени. Может быть, это и было для него своеобразным подарком: Алексею Николаевичу не суждено было увидеть краха белого дела, которое он, несомненно, искренне считал олицетворением национальной России; не познал он и горечи изгнания, нищеты и забвения. Уникальность биографии Гришина-Алмазова заключается, на наш взгляд, в ее абсолютной законченности: Алексей Николаевич погиб тогда, когда его имя было у всех на слуху, еще при жизни его слава была легендарной; человек, которого многие обвиняли в склонности к трагифарсу и позерству, принял свою смерть настолько мужественно и храбро, что развеял все сомнения скептиков в закономерности его невиданно быстрого взлета. Смерть Гришина-Алмазова в чем-то была продолжением его яркой и невиданно насыщенной событиями жизни. Вряд ли следует причислять Гришина-Алмазова к типичным «авантюристам Гражданской войны»: он никогда не был сумасбродом, подобно Сорокину; садистом, как Покровский, или потерявшим всякие нравственные ориентиры «наполеончиком», как Муравьев. Скорее, можно говорить о том, что из бесконечной череды фантастически преуспевших «героев» Гражданской войны лишь успех Гришина-Алмазова был более или менее неслучайным. Перед нами – трагическая и яркая судьба несомненно талантливого и умного русского офицера, безусловного патриота; Гришин-Алмазов – еще одна жертва прекрасной и безжалостной колесницы под названием Великая Русская революция.

Библиографический список

1. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 126.
2. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 191-210.
3. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2012. С. 388.

4. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск, 2010. С. 106.
5. Журавлев Е. Н. Частная переписка А. Н. Гришина-Алмазова в фондах архива управления ФСБ России по Омской области // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 г.) / под ред. канд. ист. наук Д. И. Петина. Омск, 2015. С. 44.
6. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.
7. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 190-202.
8. Как побороть большевизм // Одесский листок. 1918. 17 (4) декабря.
9. Рукопись В. В. Шульгина «1919 год. Интервенция» // ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.
10. Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания. 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 58.
11. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 33.
12. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. №10. С. 65.
13. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака. М., 2005. С. 335.
14. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 149.
15. Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 353.
16. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 423.
17. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 425.
18. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.). Сб. науч.ст. Новосибирск, 2009. С. 195.
19. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918 – 1925 гг.). Рязань, 2006. С. 69.
20. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 33-34.
21. РГВА. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
22. Кручинин А. С. Политические взгляды генерала А. Н. Гришина-Алмазова: лицо или маска? // История белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. (7-8 февраля 2005 г.). Кемерово, 2005. С. 104.
23. Перейра Н. Г. О. Сибирь: Политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 77.
24. Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 123.

25. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 493. Л. 7.
26. Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Vakhmeteff archive. (VAR). Anton&Kseniia collection. Box 12. Рукопись Деникина «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Folder 1. P. 36.
27. РГВА. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.
28. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 71. Л. 1-2.
29. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.
30. ГАРФ. Ф. Р-6249. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
31. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 493. Л. 7.
32. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 535. Л. 118.
33. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники. М., 2004. Т. I. С. 167.
34. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 272.
35. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 274.
36. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 44. Л. 5.
37. Очерк взаимоотношения Вооруженных Сил Юга России и представителей французского командования // Архив русской революции. М., 1993. Т. 16. С. 236-237.
38. Тэффи. Воспоминания. Л., 1991. С. 352.
39. ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.
40. Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. (ОР РНБ). Ф. 1052. Ед. хр. 37. Записки полковника Б. А. Энгельгардта. Л. 38.
41. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 520. Л. 5.
42. Кручинин А. С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. М., 1999. С. 26-28.
43. VAR. Messner memoirs. P. VI-614. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).
44. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 520. Л. 5.
45. VAR. Messner memoirs. P. IV-110. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).
46. Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 218-232.
47. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 385. Л. 11.
48. Ивлев М. Н. Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013. С. 185.
49. Сосновский Л. Юг и Восток (по собственным признаниям деникинцев) // Правда. 1919. 13 июля.
50. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и союзники // Правда. Москва. 1919. 31 июля.
51. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и мелкобуржуазные партии // Правда. 1919. 7 августа.
52. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и мелкобуржуазные партии // Правда. 1919. 10 августа.
53. Чичерин Г. Гришин-Алмазов и союзники // Правда. 1919. 31 июля.
54. Булдаков В. П. Прошлое не уходит // Российская история. 2015. № 1. С. 167.

В. К. РОМАНОВСКИЙ (Нижний Новгород)
Нижегородский институт развития образования

Н. В. УСТРЯЛОВ: «ДИКТАТУРА РАДИ ДЕМОКРАТИИ»

Аннотация: В настоящей публикации на основе документов личного происхождения, газетных и архивных материалов раскрываются причины установления колчаковской диктатуры в Сибири в 1919 г., ее сущность, задачи и значение в трактовке политического публициста Н. В. Устрялова.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, Гражданская война, Омск, диктатура, сохранение русской государственности.

V. K. ROMANOVSKII (Nizhny Novgorod)
Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education

N. V. USTRYALOV: «DICTATORSHIP FOR DEMOCRACY»

Annotation: On the basis of documents of personal identity, press sources and archive materials this publication discloses the reasons for establishment Kolchak's dictatorship in Siberia in 1919. Also it reveals its essence, tasks and significance in the interpretation of political publicist N. V. Ustryalov.

Keywords: N. V. Ustryalov, Civil war, Omsk, dictatorship, preservation of Russian nationhood.

В колчаковской Сибири кадетский политик и публицист Н. В. Устрялов окончательно убеждается в том, что решающим фактором сохранения русского государства может быть только диктаторскую власть. И свою главную задачу видит в том, чтобы помочь омскому режиму реализовать идею диктатуры. Разносторонняя деятельность Устрялова в Сибири как одного из руководителей Русского бюро печати, редактора газеты «Русское дело», ведущего публициста сибирской прессы, председателя Восточного отдела кадетской партии (на заключительной стадии омского режима) была нацелена на то, чтобы идеологически обосновать необходимость диктатуры, сформировать общественное мнение в пользу диктаторства, доказать, что альтернативы диктатуре нет.

В Омск Устрялов прибыл 3 февраля 1919 г. из Перми по приглашению Управляющего делами Верховного правителя и Совета Министров Российского правительства Г. Г. Тельберга и с первых же дней включается в работу Восточного отдела ЦК партии «Народной свободы», возглавляемого А. К. Клафтоном, занимая позицию последовательного сторонника диктаторской власти. В мае 1919 г. Н. В. Устрялов – один из организаторов кадетской партийной конференции, докладчик и автор резолюции по внешне-политическому аспекту деятельности Восточного бюро [1]. Все материалы партийного форума были пронизаны духом диктатуры. В резолюции конференции по так-

тическому докладу (А. К. Клафтона), содержалось настоятельное требование к омскому режиму проводить «исключительные мероприятия» и в связи с этим признавалось нецелесообразным формирование в системе новой государственной власти какого-либо законосовещательного органа [2]. По словам Устрялова, Восточный отдел ЦК партии кадетской партии поставил во главу угла своей деятельности идею временной военной диктатуры, как формы власти, наиболее соответствующей той фазе антибольшевистского движения, которая тогда переживалась страной, – фазе всероссийской Гражданской войны [3]. Но осуществляя курс на диктатуру, противоречивший программным положениям партии «Народной свободы», сибирские кадеты должны были разъяснить своим сторонникам и оппонентам, как он соотносится с либерализмом и демократией. Эту нелегкую задачу взял на себя Устрялов.

В его понимании диктатура обусловлена особенностями текущего момента, носит временный характер и является не целью, а тактикой, средством утверждения демократии. Страна, по словам Устрялова, переживает «величайшее военное напряжение» и в такое время «ее государственная власть носит особый, так сказать, «милитаризированный» отпечаток, объединяя в одних руках и законодательные и внешние правительственные функции». Полномочия этой власти «исключительные» и пределы ее действия «широки». «Но, – отмечает автор в одном из агитационных материалов, – это – «диктатура» во имя народа и именем народа. Это – диктатура ради демократии» [4].

Уже в эмиграции Устрялов старался аргументировано защитить свою позицию. Во-первых, по его мнению, власть, основанная на началах формального демократизма, для России оказалась в принципе преждевременной и не соответствующей ее культурно-историческому и правовому уровню развития. Во-вторых, гражданская война – не самое удобное время для утверждения демократии в стране, не имеющей традиций народоправства. В-третьих, эффективная борьба с большевиками, удерживающими власть диктаторскими способами, должна вестись адекватными средствами, то есть ее необходимо облечь «в форму единоличной диктатуры». Наконец, в-четвертых, скорый и бесславный конец власти Уфимской Директории с принципами демократизма, наглядно показал ее нежизнеспособность и, напротив, необходимость диктатуры в конкретных исторических условиях. «Переход от демократии к диктатуре, – писал позднее Устрялов, – был исторически необходим и неизбежен по мере развития вооруженного антибольшевистского движения... Партии к.-д.... нужно было или принять диктатуру, или отойти в сторону от антибольшевистского движения». Выдвинув открыто лозунг диктаторской власти, кадеты «становились первостепенным политическим фактором на территории белого движения» [5].

Устрялов отвергает мнение об искусственном насаждении диктаторской власти в Сибири. По мнению публициста, к ней привела «логика белого движения», хотя и кандидатура самого Колчака была в определенной мере случайной. «Не он произвел переворот, а переворот был произведен для него... – отмечает Устрялов, – Колчака выдвинул в диктаторы «разум» антибольшевистского движения, а не его собственный «эрос власти»... Как диктатора, его всецело со-

здала обстановка, неуклонно требовавшая диктатуры. Не будь Колчака, Восток получил бы другого диктатора...» [6].

На диктатуру Устрялов возлагал большие надежды. В ее задачу входило не только уничтожение большевистской власти, но и созидание новой. «На власть диктатора мы смотрим, – подчеркивает он в передовой статье газеты «Русское дело», – как на власть не только освобождающую страну, но и организующую, устанавливающую ее. Это – власть творческая, созидаящая по существу. После освобождения страны от плена революции, диктатор должен создать такие условия жизни, при которых стала бы реально возможна всенародная работа по выработке основ нормального государственного устройства России...» [7]. Диктаторский курс в Сибири был определен еще до приезда Устрялова в Омск. Его роль состояла в его идеологическом обосновании как ключевом факторе борьбы за русскую государственность, в формировании общественного мнения в пользу диктатуры. Благодаря ему идея диктатуры приобретала в Сибири общественное звучание, получала развернутую аргументацию, наполнялась политическим и историческим смыслом. Главное свое назначение в Омске Устрялов видит в том, чтобы стать «публицистом национальной диктатуры». Ее воплощал, по мнению сторонника диктаторской власти, «достойный образ Колчака». Все, кому дорога была Россия, должны были отказаться от политического противостояния внутри антибольшевистского лагеря, прекратить «всякие интриги». Общим долгом должно стать сплочение «вокруг диктатора». Верховный правитель был для Устрялова «русским Наполеоном», и в качестве такового заслуживал «всецелой, всемерной, безоговорочной поддержки». Если власть создана, считал он, «ее надо... укреплять, а не расшатывать» и вести борьбу со всякими подкопами против нее, «откуда бы они не исходили» [8].

У Колчака и омского режима был ряд противников и критиков; сначала, в кругах «левой» сибирской общественности, затем, по мере неудач колчаковской армии – в самом белом лагере. Особенно раздражала Устрялова деятельность омского «блока 14-ти», состоявшего из представителей различных общественных организаций и политических сил белой Сибири (народных социалистов, эсеров, кадетов, казачества, предпринимателей и др.) Как участник его заседаний (от кадетов), он оставляет весьма критические отзывы об этом общественном институте. В «Дневнике колчаковца» с 15 на 16 июля 1919 г. читаем: «Заседание «блока» – о политическом положении. Отвратительное, гнусное впечатление. Сброд невежд, шумящий, ищущий «виновника» и, конечно, находящий его в Правительстве, Правителе, власти... Суждения «чем я хуже» «отчего не выслушивают наших мнений», «мы должны им прямо сказать» и т.д.» [9].

Н. В. Устрялову изначально «претила... всякая «оппозиция», в каком бы облике она не выступала. «Совершенно отчетливо, – писал впоследствии он, – сознавал я бесплодие формально-демократической игры в «общественность», в учредилки и в парламентаризм... Я не верил в нашу «общественность», горестный опыт керенщины был еще болезненно свеж в памяти, методы большевизма в революционную эпоху мне скорей импонировали, чем претили...» [10]. Устрялов безоговорочно поддерживает политическую линию Колчака, особенно поддерживает диктатора в отстаивании им национальных инте-

ресов России. В своих газетных публикациях, в докладе на майской (1919 г.) кадетской конференции он формулирует международно-политическую позицию, характерную для Омска: уничтожение большевизма, возрождение сильной России, союз с Антантой при условии поддержки территориальной целостности страны. Но если союзники встанут на точку зрения расчленения России, указывает Устрялов, все отношения с ними будут разорваны, ибо попытка с их стороны ставить условия русскому правительству встретит отпор [11].

Западные державы, как известно, стремились увязать в один пакет проблему оказания помощи Колчаку с возможностью повлиять на внутреннюю и внешнюю политику омской власти. Они требовали ее демократизации, признания прав молодых крайних государств бывшей Российской империи на самостоятельность и независимость. Эти требования шли вразрез с основными омскими лозунгами: «сильная диктаторская власть» и «единая и неделимая Россия». По мере неудач на Восточном фронте давление союзников на Колчака возрастает. Но Устрялов предупреждает «любителей» распорядиться российскими территориями о последствиях. «Нами, – заявляет он, – будут учтены в полной мере все шаги той или иной союзной державы, способствующие или, наоборот, препятствующие нашему национально-государственному объединению» [12]. Сохранение территориального единства страны Устрялов считает категорическим императивом, не подлежащим обсуждению. Великая и единая Россия должна остаться независимо от того, в чьих руках власть. «Лучше уж единая и самостоятельная красная Россия, нежели расчлененная и поработенная белая», – такая позиция утверждалась в сознании публициста под впечатлением предательского поведения и откровенных экспансионистских планов союзников [13]. Устрялов и Колчак фактически являлись политическими единомышленниками; противостояли реставрационным настроениям, признавали диктатуру необходимым средством борьбы с большевизмом, негативно относились к деятельности представительных органов в условиях военного времени, бескомпромиссно отстаивали суверенитет и единство России.

Но летом 1919 г. Устрялов разочаровался в диктаторе: он так и не смог создать слаженную, боеспособную команду, окружил себя посредственными личностями. «Наполеоновский мундир..., констатирует публицист, – не подошел к несчастному адмиралу...» [14]. Однако Устрялов не уходит в оппозицию, не выступает в роли «беспощадного критика режима», а продолжает решительно поддерживать адмирала и идею диктатуры [15]. В октябре 1919 г., когда колчаковская армия терпела поражения, он выдвигает идею широкой общественной поддержки диктаторской власти через создание в Омске отделения Всероссийского Национального центра [16]. Однако эти идеи уже ничего не могли изменить. Но, поддерживая Колчака, он весьма критически относится к его окружению, к носителям «омской власти». Общение с гражданскими и военными чиновниками разного ранга убеждает Устрялова в том, что омский режим пронизан старым духом, погряз в интригах, многие из них не верят в «белое дело». Уже по первым впечатлениям «столичной» жизни Устрялов заключает в дневнике: «это не новая Россия», а

«отживший, старый мир, и не ему торжествовать победу» [17]. Со временем он замечает, что омская властная элита не проникнута искренним стремлением победить в борьбе с большевизмом, а озабочены узкопартийными, групповыми интересами. «Каждый здесь точит зуб на всех и все на каждого», – приходит к выводу Устрялов. Впоследствии он признавался: «...Для осуществления новой диктатуры... приходилось обращаться к... людям старого режима. Таков рок: строили Наполеона, а строился разжиженный царизм...» [18].

Участие в белом движении, неприглядные картины омской действительности не только ослабляли его веру в «белое дело», но и подталкивали к переоценке им гражданской войны и своего места в этом противостоянии. На финальной стадии омской эпопеи Устрялов запишет в дневнике: «...Ошибались; приняли судороги умирания за трепет рождения, а трепет рождения за конвульсии болезни. Вот и расплата. И глупое чувство стыда, ложного самолюбия мешает сознаться в ошибке...» [19].

В конце октября 1919 г. Устрялов вместе с правительством эвакуируется из Омска в Иркутск. На новом месте он восстанавливает деятельность Русского Бюро печати, организует выпуск газеты «Русское дело», на страницах которой впервые в осторожном тоне высказывается за пересмотр позиций гражданской войны [20]. Для него идеология гражданского противостояния окончательно стала чуждым делом. В дневниковых записях Устрялова можно найти знаменательное признание, сделанное им еще в мае 1919 г.: «...Жить все интереснее и интереснее становится. И за Россию все спокойнее. Откровенно говоря, ее будущее обеспечено – вне зависимости от того, кто победит – Колчак или Ленин...» [21]. Признав диктатуру главным фактором сохранения российской государственности, Устрялов считает уже вторичным, с помощью Колчака или Ленина можно было добиться необходимого результата.

Таким образом, в Сибири Устрялов главную задачу свою в том, чтобы помочь омскому режиму реализовать идею диктатуры. Считая ее ключевым фактором борьбы за русскую государственность, он стремится ее идеологически обосновать, наполнить общенациональным смыслом и защитить от всевозможной критики. Идея диктатуры, по Устрялову, воплощалась в личности Колчака, политическую линию которого он безоговорочно поддерживает. В то же время военные и государственные круги «белого» Омска вызывают у него недоверие и отторжение. Устрялов видит в них не спасителей России, а носителей старорежимной власти, озабоченных своими меркантильными интересами и разрушавших изнутри «белое дело». Он теряет веру в победу белых, осознает необходимость прекращения гражданской войны и задумывается о примирении с новой властью.

Библиографический список

1. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг. М., 2000. С. 68–125.
2. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг. М., 2000. С. 88.

3. Устрялов Н. В. Из прошлого // Русская жизнь (Харбин). 1922. № 3. С. 47.
4. ГАРФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 512. Л. 34.
5. Устрялов Н. В. Из прошлого... С. 48-49, 54.
6. Устрялов Н. В. Из прошлого... С. 50.
7. Устрялов Н. Русское дело // Русское дело (Омск). 1919. 5 октября.
8. Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого / Подготовка текста и комм. А. В. Смолина // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 243–244.
9. Устрялов Н. В. Белый Омск: Дневник колчаковца / Подготовка текста, предисл. и комм. А. В. Смолина // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 304, 306, 333.
10. Устрялов. Н. В. 1919-й год... С. 243, 273–275; Он же. На перевале // Русское дело (Иркутск). 1919. 12 декабря.
11. Устрялов Н. В. Международная перегруппировка // Правительственный вестник (Омск). 1919. 16 марта; ГАРФ. Ф. 952. Оп.1. Д. 512. Л. 14–15.
12. ГАРФ. Ф. 952. Оп.1. Д.512. Л. 5.
13. Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 237.
14. Устрялов Н. В. О верности себе // Новости жизни (Харбин). 1920. 4 мая.
15. Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 244–245.
16. Устрялов Н. В. Власть и общество // Русское дело (Омск). 1919. 22 октября.
17. Устрялов Н. В. Белый Омск... С. 289–295.
18. Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 206.
19. Устрялов Н. В. 1919-й год... С. 197; Устрялов Н. В. Белый Омск. С. 318.
20. Устрялов Н. В. Цель и средства // Русское дело (Иркутск). 1919. 13 декабря.
21. Устрялов Н. В. Белый Омск... С. 294.

А. Ю. САБЛИН (Омск)

Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина

**ПОСТАНОВКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В 1-Й И 2-Й ОМСКИХ ШКОЛАХ ПОДГОТОВКИ
ПРАПОРЩИКОВ ПЕХОТЫ (1915 – 1917 ГГ.)**

Аннотация: В статье поэтапно, начиная с требований, которым должен соответствовать обучающийся, и особенностей вступительных испытаний и заканчивая классификацией выпускников, рассматривается постановка образовательного процесса, существовавшего в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты. Приводятся критические высказывания современника в отношении способа преподавания ряда дисциплин, называются изменения в образовательном процессе, возникшие в связи с Февральской революцией 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, офицерство, военное образование, школы прапорщиков, Омск.

A. Yu. SABLIN (Omsk)

Omsk state agrarian university named after P. A. Stolypin

**ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
IN THE 1ST AND 2ND OMSK SCHOOLS OF ENSIGNS OF INFANTRY
(1915-1917)**

Annotation: The article considers step-by-step the organization of the educational process that existed in the 1st and 2nd Omsk Schools of Ensigns of Infantry, starting with the requirements that the trainee must meet and the features of the entrance examinations, and ending with the classification of graduates. It cites critical statements of the contemporary about the way of teaching of a number of disciplines, and specifies changes in the educational process that arose in connection with the February Revolution of 1917.

Keywords: World War I, officers, military education, schools of ensigns, Omsk.

С отрадой можно констатировать, что за последние десять лет такой во многом специфический тип военно-учебных заведений, возникший и существовавший в Российской империи в самом начале XX в., как школа подготовки прапорщиков, стал не только предметом исторических справок (Д. И. Петин [1]), энциклопедических (В. Г. Семенов [2]) и общих информационно-повествовательных статей (Д. И. Петин [3]; А. О. Андреев [4]; Ю. С. Егодурова, Ю. Г. Шапкин, А. Д. Одинец и др. [5]), но и диссертаций (О. Н. Астраханцев [6], Е. М. Кунжаров [7]).

Вместе с тем представляют интерес не только исследования а-la «полковые истории», описывающие общую хронологию существования конкретных военно-учебных заведений этого типа, но и исследования, предметом которых являются различные аспекты их деятельности. В данной статье мы хотели бы обратиться к такой стороне существования и функционирования 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты, как постановка в них образовательного процесса. Начать, вероятно, следует с того, что прием в 1-ю и 2-ю Омские школы подготовки прапорщиков пехоты, как и прием в школы подготовки прапорщиков в целом, производился в сроки, которые оговаривались Главным управлением Генерального штаба. Оно же производило и общее распределение нижних чинов по школам [8]. В школы принимались без экзамена: 1) строевые нижние чины и ратники государственного ополчения с образованием не менее вольноопределяющегося 2-го разряда или дающего право на производство в первый классный чин без экзамена; 2) те же лица с правами по образованию 2-го разряда. При этом лица второй категории назначались в школы только при условии наличия свободных вакансий после приема всех удостоенных к этому начальством лиц первой категории [9]. Тотчас по прибытии обучающихся в школы начальники школ производили – порядком по своему усмотрению – поверку их строевой подготовки в объеме сведений, обязательных для рядового пехоты в первый год службы. Те, кто оказывался слабо подготовленным, подлежал возвращению в командировавшую его часть [10]. Д. К. Овсянкин, окончивший 1-ю Омскую школу подготовки прапорщиков пехоты 7 июня 1917 г., так описывает эту процедуру: «Приехали ночью. Утром начались вступительные экзамены. Главное внимание уделялось русскому языку, знанию уставов, математике и географии. Испытание длилось три дня. Несколько человек из нашей партии срезались и уехали обратно» [11]. Все принятые в школы зачислялись во 2-й разряд по поведению. Срок обучения в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты составлял три месяца [12].

Генерал-майор Б. Д. Адамович, посетивший в ходе инспекционной поездки в марте 1916 г. 1-ю и 2-ю Омские школы подготовки прапорщиков пехоты, отмечал, что «...школа (1-я – А. С.) работает, точно по Положению, 8 часов в день» [13]. В отношении расчетов и распределения учебного времени в обеих школах ситуация, как отмечал Б. Д. Адамович, была одинаковой: 8-часовой учебный день (с 8:00 до 16:20) делился постоянно на 3 часа «классных» и 5 часов «строевых» занятий [14]. При этом вследствие малочисленности классных комнат роты школ пользовались ими посменно – одна рота до завтрака и другая рота после завтрака. «...в итоге такой комбинации, каждая рота, имея ежедневно по 3 часа кряду классных занятий, получает строевых часов: три дня в неделю по 5 часов кряду после завтрака и три дня в неделю – 3 часа с утра до классных занятий и 2 часа – после» [15].

В школах читались такие предметы как тактика, топография, служба связи, окопное дело, стрелковое дело, пулеметное дело, артиллерия, законоведение, гигиена и т.д. При этом, как отмечал генерал-майор Б. Д. Адамович в отношении 1-й Омской школы прапорщиков, «...школой усвоена не отвечающая средствам и организации школ, система преподавания предмета не своими

взводными командирами в каждом взводе – классном отделении, а “специалистами”, как из своих строевых офицеров, так и приглашенными со стороны» [16]. Так, например, свои офицеры читали: тактику, окопное дело, артиллерию; стрелковое дело – приглашенный из запасного батальона прапорщик ускоренного выпуска, «...не бывший ни в строю, ни в бою» [17]; законоведение – приглашенный генерал, военный юрист; топографию – одной роте свой офицер и другой – приглашенный военный топограф; пулеметное дело – одной роте свой офицер, а другой – приглашенный воспитатель кадетского корпуса [18]. Представляют интерес критические высказывания Б. Д. Адамовича, относительно ряда уроков школ, на которых он присутствовал. Их, как нам кажется, хотя бы отчасти, будет уместно привести. «Топография. Прослушаны уроки обоих преподавателей. Урок взводного командира, шт[абс]-капитана, был очень жив, верен и хорош. Урок же специалиста – военного топографа был сух, скучен, безжизнен и чужд всякой попытке к наглядности и общению с классом. Черчение 10 в[ерстной]. карты не введено. Как следствие преподавания предмета двумя лицами 400 учеников и преувеличенной боязни морозов, – в течение зимнего выпуска никаких полевых работ исполнено не было. Ориентировка и чтение карты, при наличии превосходной местной карты 1 в[ерста]. в дюйме, исполнялись только в классе» [19]. «Окопное дело. Уроки обоих преподавателей показали их хорошие знания и способности, но наряду с тем глубокую ошибочность постановки предмета: мысль, что чертеж не есть цель преподавания, но лишь крайнее средство пояснения, им не внушена; как уроки, так и содержание тетрадей обучаемых, оказались посвященными бесчисленным, сложным и на 2/3 ненужным чертежам. Никаких практических окопных работ в школе не производится» [20]. «Пулемет. Пулемета в школе нет. Преподавание ведется по чертежам и уклоняется от программы; так, в тетрадях оказались чертежи “порядков” пулеметных строевых сочетаний» [21].

Оценка знаний обучающихся в течение курса производилась отметками «удовлетворительно» и «не удовлетворительно». За усердную службу и успехи в занятиях рядовые и ефрейторы могли быть произведены в унтер-офицеры. Не произведенные в это звание не могли быть затем произведены в прапорщики и считались неокончившими школу. За дурное поведение или неуспешность, обучающиеся исключались из школы властью ее начальника, о чем делалась отметка в их послужных списках с указанием причины отчисления. Отчисление из школ по собственному желанию не допускалось [22].

Учебная неделя была шестидневной, т.е. учебными были все дни кроме воскресенья. Выходными считались праздники: 1 января (Новый Год), 6 января (Богоявление Господне (Крещение)), 25 марта (Благовещение Пресвятой Богородицы), пятница и суббота Страстной недели, первые два дня Святой Пасхи, 6 мая (рождение Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского), 6 декабря (память Святого Николая Чудотворца, тезоименитство Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского), первые два дня Рождества Христова. Увольнение обучающихся в отпуск допускалось лишь в особо уважительных случаях на срок не более трех дней [23].

Заканчивался трехмесячный курс обучения общей оценкой знаний обучающихся, которую давала комиссия под председательством начальника школы. Учитывалось поведение обучающихся, которое разделялось на два разряда – 1-й и 2-й. Обучающиеся, признанные комиссией успешно окончившими школу и состоящие в 1-м разряде по поведению, производились в прапорщики с зачислением по армейской пехоте властью командующего войсками округа. В дальнейшем прохождении службы прапорщики обязаны были отбыть срок обязательной службы в войсках. Признанные комиссией окончившими школу неудовлетворительно возвращались в свои части и сохраняли за собой права, на которых были зачислены на военную службу, а также те звания, которыми они были награждены в школах. Эти нижние чины не имели права на вторичный прием в школу. Окончившие курс удовлетворительно, но не переведенные в 1-й разряд по поведению, откомандировывались в свои части унтер-офицерами с правом на производство в прапорщики по удостоению строевого начальства не ранее как через три месяца со дня выпуска из школы, а за боевые отличия – во всякое время. Стоит отдельно отметить, что в случае успешного прохождения курса, обучающийся мог быть произведен в прапорщики и ранее установленного для школ трехмесячного курса [24].

Февраль 1917 г. внес свои изменения в жизнь обеих школ, которые не могли не затронуть отлаженный учебный процесс. В школах возникли комитеты, состоящие из обучающихся и начальствующего состава. В программе обучения несколько часов стало специально отводиться политическим вопросам. В частности, 15 сентября 1917 г. на заседании комитета 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты под председательством юнкера Лебедева «...было принято постановление об увеличении времени, предназначенного для подобного рода занятий, о разработке плана их проведения и соответствующем контроле со стороны комитета» [25].

Кроме того, осенью 1917 г. вплоть до момента вооруженного восстания в Петрограде из-за резкого сокращения численности гарнизона юнкера постоянно несли караульную службу в городе. Также юнкера школ регулярно участвовали в облавах на дезертиров, оцеплении «...толп обывателей и солдат, чтобы предотвратить или пресечь погромные выступления на почве дороговизны и острого дефицита товаров и продовольствия» [26]. Газета «Омский вестник» от 10/23 сентября 1917 г. по поводу одной из облав сообщала следующее: «В ночь на 8-ое сентября в городе была произведена облава на дезертиров. В облаве участвовали, главным образом, юнкера местных школ прапорщиков. Задержано несколько сот человек, не имеющих при себе вида. Особенно богатую добычу облава дала в части города, расположенной по правую сторону Оми. Личности задержанных выясняются» [27].

Очевидно, что деятельность школьных комитетов, общие собрания юнкеров и начальствующего состава школ для обсуждения политических, административных и прочих вопросов, гарнизонная служба – все это не только отбирало драгоценные часы учебного времени, отводимые на подготовку квалифицированных офицеров – начальников боевых порядков, – но и попросту отвлека-

ло, не давало сосредоточиться на этой главной цели пребывания обучающихся в стенах школ.

Образовательный процесс – создание образа. В данном случае – создание образа офицера, честного и преданного слуги «...царю и Родине, <...> который сумел бы разрешить на практике все задачи, выпадающие на долю взводного и ротного командира» [28]. Мы видим, что образовательная программа, существовавшая в школах прапорщиков, была значительно упрощена (отсутствие вступительных экзаменов, оценка знаний отметками «удовлетворительно» и «не удовлетворительно» и т.д.) по сравнению образовательными программами военных училищ и, как следствие, выпускники школ прапорщиков не пользовались правами кадрового офицерства (невозможность производства в штаб-офицерский чин и увольнение в запас по окончании войны).

Образовательный процесс в обеих школах имел свои недочеты и упущения со стороны школьного начальства, на которые в своем отчете прямо указывал генерал-майор Б. Д. Адамович. Обе школы отдали дань «государственному разброду и шатанию» 1917 г., увлекаясь политическими вопросами и непрестальными для офицера обсуждениями. Но, тем не менее, существовавшая в 1-й и 2-й Омских школах подготовки прапорщиков пехоты постановка образовательного процесса позволила подготовить в ситуации острой нехватки младших командно-административных кадров около 4000 квалифицированных офицеров, многие из которых отдали свою жизнь ради победы в Отечественной войне 1914-1918 гг., или после – в братоубийственной Гражданской войне, сражаясь по обе стороны фронта.

Библиографический список

1. Петин Д. И. Историческая справка к фонду 197 «1-я Омская школа прапорщиков Военного министерства» // ГИАОО. Ф. 197. Оп. 1. Л. 2-6.
2. Семенов В. Г. Школа прапорщиков пехоты // Челябинская область: Энциклопедия. Т. 7: Х–Я. Приложения / [Редкол.: К. Н. Бочкарев (пред., гл. ред.) и др.]. – Челябинск: Камен. пояс, 2007. С. 437.
3. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
4. Андреев А. О. Кубанское генерала М.В. Алексеева военное училище (Екатеринодарская школа прапорщиков), 1915-1931 гг. // URL: <http://www.myeкатеринодар.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-kubanskoe-general-a-m-v-alekseeva-voennoe-uchilisce-1915-1931-gg> (дата обращения: 09.05.2017).
5. Егодурова Ю. С., Шапкин Ю. Г., Одинец А. Д. и др. Цели создания школ подготовки прапорщиков в Иркутске и результаты их деятельности // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXVI междунар. науч.-практ. конф. № 4 (36). Новосибирск: «СибАК», 2014. С. 107–115.
6. Астраханцев О. Н. Военно-учебные заведения Сибири (1813–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2008. 266 с.

7. Кунжаров Е. М. Подготовка офицерских кадров в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве в XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2008. 215 с.

8. Приказ по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г. // Приказы по военному ведомству, 1916 г. Петроград, 1916. С. 67.

9. Там же. С. 67.

10. Там же. С. 68.

11. Овсянкин Д. К. Из белого кольца: записки офицера по особым поручениям. Пермь: «Пресс-тайм», 2007. С. 49.

12. Приказ по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г. // Приказы по военному ведомству, 1916 г. Петроград, 1916. С. 67.

13. Адамович Б. Д. Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Лито-Типография «Умид», б. Харитонова, 1917. С. 55.

14. Там же. С. 61.

15. Там же. С. 55.

16. Там же. С. 55, 56.

17. Там же. С. 56.

18. Там же. С. 56.

19. Там же. С. 58.

20. Там же. С. 59.

21. Там же. С. 62.

22. Приказ по Военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 г. // Приказы по военному ведомству, 1916 г. Петроград, 1916. С. 68, 69.

23. Там же. С. 69.

24. Там же. С. 69, 70.

25. Кожевин В. Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: Материалы Всероссийской научно-методологической конференции учителей и работников Высшей школы (Омск, 17-18 декабря 1998 г.). Омск: Омский ИПКРО, 1998. С. 74.

26. Там же. С. 77.

27. Облава на дезертиров // Омский вестник (Омск). 1917. 10/23 сентября (№ 198). С. 3.

28. Цит. по: Марыняк А. В. Инспекционные поездки по военно-учебным заведениям генерал-майора Б. Д. Адамовича в 1915-1916 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье. 2006. Выпуск 7. С. 82.

В. И. СЕЛЮК (Омск)
Музей городского быта

И. А. МАХНАНОВА (Омск)
Омский государственный литературный музей им. Ф. М. Достоевского

**О РОБЕРТЕ ЛОНГЕ И ЕГО КНИГЕ
«RUSSIAN REVOLUTION ASPECTS»**

Аннотация: В статье представлены биографические сведения об англо-ирландском журналисте Роберте Лонге, авторе книги «Русские революционные аспекты», написанной по итогам пребывания автора в России в 1917 г., а также краткие сведения о содержании указанной книги.

Ключевые слова: Роберт Эдвард Крозье Лонг, Россия, революция, 1917, публицистика, Муравьёвы, эмиграция.

V. I. SELUK (Omsk)
Museum of urban life

I. A. MAKHNANOVA (Omsk)
Omsk State Literary Museum by name F. M. Dostoevsky

**ABOUT ROBERT LONG AND ITS BOOK
«RUSSIAN REVOLUTION ASPECTS»**

Annotation: The article presents biographical information about the nglo-Irish journalist Robert Long, author of the book «The Russian Revolutionary Aspects», written after the author's stay in Russia in 1917, as well as brief information about the contents of this book.

Keywords: Robert Edward Crozier Long, Russia, revolution, 1917, journalism, Muravyov, emigre.

Об этой книге следовало рассказать еще несколько лет назад. Книга получена в Париже в дар от русских эмигрантов. Написана корреспондентом информационного агентства «Associated Press of America» по итогам поездки в Россию в 1917 г. Напечатана она была в 1919 г. в Нью-Йорке в издательстве «E.P. Dutton & Company», имела ограниченный тираж [1]. Книга по-прежнему остаётся малоизвестной и до сих пор не переведённой на русский язык, а имя автора в России практически не известно. Автор – журналист Роберт Лонг, связанный семейными узами с представителями русской фамилии Муравьёвых.

Книга имеет инскрипт: «Владимиру Селюку на память о дочери Роберта Лонга – Татьяны. Татьяна Райхе-Муравьёва. Сентябрь, 2000».

Судьба позволила одному из авторов этой публикации – В. И. Селюку – познакомиться с семьёй Муравьёвых. Вера Арсеньевна – старейшая из рода родилась в 1892 г. Она дочь Арсения Петровича Муравьёва (1842-1898 гг.), юриста, действительного статского советника, председателя Тамбовского окружного суда. Мать – Вера Богдановна Крейтер (1843-1947 гг.), дочь сенатора. Старшая сестра Веры Арсеньевны – Татьяна Арсеньевна была замужем за Робертом Лонгом, журналистом, автором книги. У них в 1913 г. в Берлине родилась дочь Татьяна, которая продолжила дело отца, стала журналистом, была участницей Второй мировой войны. Татьяна Робертовна Лонг (Муравьёва) умерла в 1998 г. в Оттаве (Канада). В свои последние дни она отправила по почте в Париж несколько самых ценных вещей семьи своей двоюродной сестре Татьяне Владимировне Райхе (Муравьёвой). Среди них, была родовая икона и эта книга.

Позднее, через несколько лет, уже в 2015 г. Татьяна Владимировна передала в Россию многостраничное современное издание на английском языке о многочисленной семье Лонг, где подробно изложена информация и об авторе книги – Роберте Лонге, его семье и многочисленных родственниках этого старинного рода [2]. Полное имя автора – Robert Edward Crozier Long. В англоязычной Википедии лишь недавно появилась информация, изложенная на основании упомянутой родословной книги. Кратко представим основные факты об авторе и сведения о содержании книги. Роберт Эдвард Крозье Лонг родился в 1872 году в Ирландии. С 1888 г. начал работать в Лондоне, сотрудничая с начинающим писателем Джеромом К. Джеромом, автором юмористического повествования «Трое в лодке», с 1892 г. в качестве лондонского корреспондента американских газет. В 1898 г. он был направлен в Россию для интервью с писателем, графом Л. Н. Толстым. В последующие годы в качестве специального корреспондента приезжал для работы в царскую Россию. С 1911 г. работал в Германии. В течение 1917 г. находился в России. По итогам своего пребывания Роберт Лонг написал книгу «Русские революционные аспекты».

В предисловии отмечается, что «цель этой книги не дать историю или интерпретацию революции в России, но записать повествование из более ярких событий, наблюдаемых корреспондентом газеты, давно знакомым со страной, людьми и языком». В книге 294 страницы, разделённых на 17 глав. Укажем названия глав в строгой последовательности: 1) Последний Романов; 2) Яд самодержавия; 3) С сибирскими изгнанниками; 4) Колыбель советов; 5) Князь Львов и его реформы; 6) Женщины революции; 7) Возрождение нигилизма; 8) Большевизм в действии; 9) Революция в Финляндии; 10) Керенский и буржуазия; 11) Корнилов в Москве; 12) Возрождение православия; 13) Восстание Корнилова; 14) Царизм и царь; 15) Бастилия Петрограда; 16) Триумф большевизма; 17) Россия и Америка.

Заключительный абзац книги оптимистичен и многозначен. «Средства всё же могут быть найдены для более активной американской политики в России,

что не вызовет подозрений у русского народа. Разумной политикой будет использовать уверенность в Соединенных Штатах, которая, как правило, ощущается, кроме большевиков, вместо того, чтобы давать материал для укрепления большевистской антиамериканской пропаганды. Российское доверие к Америке – это большой актив, который не следует беззаботно растрачивать из-за любого нетерпения ускорить процесс восстановления, который в любом случае неизбежен; и который, вероятно, будет сопровождаться гораздо более тесными и более удовлетворительными российско-американскими отношениями, чем в прошлом». О каких подозрениях говорит автор? Что имеется в виду? Остаются вопросы. Содержание книги в процессе перевода раскрывает глубину социально-политических реалий второго десятилетия XX в. Перевод необходимо завершить, эта работа ведётся.

Мы считаем, что изложенные сведения об авторе и содержании книги останутся не полными, если не сказать несколько слов о владелице книги, любезно подарившей эту книгу в Россию. С Татьяной Владимировной Райхе (Муравьевой) В. И. Селюк знаком более 20 лет. Дочь Веры Арсеньевны Муравьевой и Владимира Карловича Райхе Татьяна родилась в 1920 г. в Петербурге. Родители были вынуждены покинуть Россию в 1921 г. и после нескольких лет мытарств по Европе окончательно обосновались в Париже. Здесь они прожили нелегкую жизнь, так как высококвалифицированный специалист – глава семьи не мог устроиться на работу по своей специальности преподавателя и довольствовался случайными заработками. Татьяна – дочь с детства занималась в студии выдающейся русской балерины Ольги Осиповны Преображенской. Окончив курс, продолжала заниматься балетом. Участвовала в гастрольях труппы под руководством полковника де Базиля в Австралии. Позднее помогала в работе О. О. Преображенской и даже замещала её во время болезни. Помогала родителям до самого конца их жизни, очень была близка с отцом, Владимиром Карловичем, многое почерпнула от него. Отец прожил 95 лет, а мать – Вера Арсеньевна – 105 лет, сохраняя до конца дней бодрость духа и ясность мыслей. Сегодня Татьяна, в свои 97 лет хранит добрую память о своём роде, всех родных, которых она знала лично или со слов родителей. Это и прадед – Матвей Петрович Муравьев, контр-адмирал, один из строителей набережной в Петербурге начала XIX в., Николай Николаевич Муравьев-Амурский, государственный деятель, Марианна Черкасская и её сын Алексей, русские оперные певцы и многие другие.

О семье Лонг Татьяна Владимировна Райхе (Муравьева) рассказывала, что с сестрой Татьяной они были очень дружны, несмотря на редкие встречи. Работой и переводами её отца, Роберта они всегда интересовались и старались следить за его публикациями. Отмечала, что он был одним из первых, кто перевёл рассказы Антона Чехова на английский язык. Он знал несколько языков. Кроме родного английского языка он свободно говорил по-немецки и по-русски, с небольшим акцентом по-французски, хорошо знал шведский и датский языки, читал на финском. До последних дней жизни оставался интересным и остроум-

ным человеком, который любил жизнь, обладал сильным аналитическим умом, хорошо разбирался в политике и экономике.

Кстати, несмотря на то, что Роберт Лонг многие годы занимался переводами, в двух самых крупных библиотеках России (Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека) имеется только по одному тому книги, содержащей перевод Лонга, изданной в 1965 г. Мичиганским университетом [3].

Библиографический список

1. Russian revolution aspects by Robert Crozier Long. New York, 1919.
2. The Longs of Longfield by Dale Martin Long-Howe Caragata. Toronto, 1998.
3. Победоносцев К.П. Размышления русского государственного деятеля. Reflections of a Russian statesman / Konstantin P. Pobedonostsev; With a new forew. by Murray Polner [Transl. from the Russ. By Robert Crozier Long]. Ann Arbor : Univ. of Michigan press, 1965. - XI, 271 с.; XII, 371 с.

С. Г. СИЗОВ (Омск)

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БЕЛОЙ СТОЛИЦЕ
РОССИИ (ОМСК, ИЮНЬ 1918 – НОЯБРЬ 1919 ГГ.)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «"Белая столица России": повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

Аннотация: В статье проведено исследование основных форм благотворительности и социальной помощи в Белом Омске в период Временного Всероссийского правительства и правительства адмирала А. В. Колчака (1918–1919), когда город был Белой столицей России. В Белом Омске благотворительные мероприятия проводились постоянно и охватывали значительную часть жителей. Главное внимание уделялось помощи армии, в том числе, раненым воинам, возвращающимся военнопленным, детским приютам, учащимся. Самой распространённой формой благотворительности для обычных граждан было участие в вечерах, сбор от которых шёл нуждающимся сиротам, учащимся, беженцам.

Ключевые слова: повседневность, Белое движение, Белый Омск, благотворительность, А. В. Колчак, Сибирь, контрреволюция.

S. G. SIZOV (Omsk)

Siberian state automobile and highway university

**CHARITY IN THE WHITE CAPITAL OF RUSSIA
(OMSK, JUNE, 1918 – NOVEMBER, 1919)**

Annotation: In the article the main forms of charity and social assistance in White in Omsk during the period of Temporary Russian government and the government of Admiral A.V. Kolchak (1918 – 1919), when the city was the capital of White Russia. The White Omsk charity events was held constant and covered a large part of the population. The main attention was paid to the army, including wounded warriors returning prisoners of war, orphanages, students. The most common form of charity for the ordinary citizens had participated in the evenings, the collection of which went to needy orphans, students and refugees.

Keywords: everyday life, White movement, White Omsk, charity, A. V. Kolchak, Siberia, the counter-revolution.

Повседневная жизнь Белой столицы России продолжает привлекать внимание многих исследователей [1]. Среди проблем повседневной жизни Белого Омска, которые долгое время не рассматривались историками стоит упомянуть благотворительную деятельность. Тяжелейшая социально-экономическая ситуация в городе в годы гражданской войны, деградация прежних социальных институтов всё же не означали, что традиции помощи людям, оказавшимся в трудной ситуации, преданы забвению. Эти традиции ярко проявились в годы Первой мировой войны и забыты не были. Об этом красноречиво свидетельствуют постоянные благотворительные акции, проходившие в Белом Омске в 1918-1919 гг.

Мероприятия в пользу армии были одной из ключевых составляющих в изучаемом вопросе. Армия Колчака, сражавшаяся с большевиками, была для многих главной надеждой на изменение ситуации в России, поэтому за тем, что происходит на фронте, следили внимательно. В то же время, солдаты и офицеры белой армии сталкивались с большим количеством проблем, которые не могли покрыть поставки союзников. Помимо вопросов, связанных с поставкой продовольствия, обмундирования, медикаментов, необходимых предметов быта и досуга, были в армии и проблемы, связанные с положением раненых и увечных воинов, возвращавшихся с фронта.

В этой связи определенные усилия по поддержке армии предпринимала и общественность, в основном через различные благотворительные мероприятия. 10 февраля 1919 г. в гарнизонном собрании учащиеся устраивали благотворительный концерт «в пользу армии» [2]. Такие вечера были регулярными и порой достигали серьёзных масштабов с участием лучших артистов Омска. Подобный «благотворительный музыкально-вокальный вечер» состоялся, например, в гарнизонном собрании 15 марта 1919 г. Объявление извещало, что поле концертного отделения будет демонстрироваться английская военная гимнастика, а после состоятся танцы [3].

Собирались средства на подарки для солдат действующей армии. После завершения акции в газетах публиковались отчёты. Такой отчёт был опубликован Дамским Комитетом при омском среднем сельскохозяйственном училище. Дамам удалось собрать всего 2188 рублей. Из них 608 руб. 63 коп. собрали преподаватели и служащие училища, 398 руб. 45 коп. дал подписной лист среди служащих Правления Союза Сибирских Маслоделательных Артелей, а оставшуюся сумму 1180 руб. 92 коп. принёс благотворительный спектакль. На эти деньги комитет закупил 81 пару рубашек, кальсон и портянок, которые были переданы в редакцию газеты «Русская Армия» для отправки на фронт [4].

В марте 1919 г. готовился специальный вагон с литературой и подарками для воинов, и канцелярия Штаба Верховного Главнокомандующего разместила объявление, приглашая всех желающих принять участие в этой акции [5]. Периодически устраивались и дни сбора книг для армии. Акция проводилась под эгидой Особого военного Управления делами Верховного Правителя и Совета Министров [6]. Подарки для солдат собирались и на праздники, главным из ко-

торых оставалась, конечно, Пасха Христова. Газета «Наша Заря» приняла в этом живейшее участие. Пожертвования дали не только омичи, но и генерал М. Жанен, офицеры, унтер-офицеры и солдаты Французской военной миссии. Было собрано 3145 руб. [7]. Особой формой помощи армии был пошив белья для солдат, к которому Дамский Комитет призывал женщин и девушек. Белья в армии остро не хватало. Готовый материал выдавался всем, кто имел желание помочь. Шить можно было, как в Гарнизонном собрании, так и на дому. Причём предлагалось и шитьё белья за плату для тех, кто хотел подзаработать [8].

Позднее происходила определённая централизация сбора средств в пользу армии, что позволило существенно нарастить объём пожертвований. В этом напрямую было заинтересовано и правительство адмирала Колчака. Финансовая комиссия при Объединённом комитете Общественных организаций сообщала, что с 25 июля по 15 августа 1919 года по подписным листам было собрано 1883000 руб., материалом и продуктами 35300 руб.

Значительная часть этой суммы (220 000 руб.) пошла в Куломзино, где находилось много раненых воинов. Деньги были потрачены на содержание чайной, снабжение водой, баню, оборудование перевязочного вагона, снабжение топливом «питательного поезда», ежедневное добавление больным и раненым хлеба, молока и яиц, снабжение бельём. Кроме того, 40 000 руб. было выделено воинам Новоомским комитетом помощи. 140 000 руб. было направлено на устройство госпиталя на 185 кроватей на Омской улице. На 700 000 руб. купили необходимых «предметов снабжения», 40 000 руб. дали на оборудование вагона-кухни и бани «в добровольческом поезде Голубкова». Ещё 35 тыс. руб. пошли на устройство столовой на санитарно-питательном пункте на разъезде Карлушка. Далее приводился список фирм, участвующих в сборе денег. Большинство из них пожертвовали от 50 до 100 000 руб. [9].

Следует сказать, что далеко не все коммерсанты готовы были жертвовать на нужды армии в добровольном порядке. Для «перевоспитания» таковых Омский биржевой комитет использовал тактику морального давления. Списки предпринимателей, отказавшихся делать отчисления в пользу армии стали вывешивать на «чёрную доску» [10].

Особое внимание оказывалось «увечным воинам». Благотворительные акции в их пользу проводились постоянно. Так, например, 22 февраля 1919 г. Омский союз увечных воинов получил крупную сумму (55 тыс. рублей) от совета съездов торговли и промышленности, товарищества «Караван», и разных жертвователей [11]. В отдельных случаях инициативу проведения вечеров «в пользу раненых воинов» проявляли чиновники гражданских учреждений. В частности, подобная инициатива была проявлена служащими Государственного контроля, которую поддержал Осведомительный Отдел Штаба Верховного Главнокомандующего. Музыкально-вокальный вечер был проведён в помещении кинематографа «Гигант» [12].

Активно участвовала в помощи раненым воинам и Православная Церковь. В Архиерейском доме в Омске Союзом православных приходов был от-

крыт лазарет для больных и раненых воинов. В связи с чем, Союз обращался к состоятельным людям города с просьбой взять на себя оборудование и содержание одной или нескольких кроватей в открываемом лазарете [13]. Сборы на нужды раненых и больных воинов проводились на многих крупных общественно значимых мероприятиях [14].

Благотворительные акции проводились и в пользу военнопленных. 27 января 1919 г. был организован очередной «Вечер о России», сборы от него пошли в пользу военнопленных. Речь шла о тех, кто вернулся в Россию из немецкого плена после окончания Первой мировой войны. Сообщалось, что было продано билетов на 4441 руб. 06 коп. Пожертвовано сверх стоимости билетов – 188 руб. Выручено за программки – 769 руб. Таким образом, выручка составил 5408 руб. Далее шли расходы: военный и городской налоги, настройка рояля, расклейка афиш, аренда помещения, оплата артистов – 3192 руб. Остаток в сумме 2165 руб. 36 коп. и был отдан военнопленным [15]. Бывшие военнопленные пользовались большим сочувствием общественности, и благотворительные акции в их пользу не были редкостью. Подобный благотворительный концерт проводился в Коммерческом клубе 8 февраля 1919 г. [16].

Вечера в пользу учащихся также стали формой благотворительности. В феврале 1919 г. благотворительный вечер проводили ученики частного реального училища, поступления от которого должны были «в пользу недостающих учеников» [17].

Еврейские благотворительные организации оказывали благотворительную помощь нуждающимся соплеменникам, например, студентам-евреям, не имеющим достаточно средств для продолжения учёбы. С этой целью устраивались, например, вечера-спектакли [18].

Акции в пользу детей-сирот часто проводились театрами и цирком. Например, омский цирк 8 февраля 1919 г. провёл акцию «в пользу убежища для детей-сирот» [19]. В акциях для детей-сирот воинов активное участие принимали и военные структуры. Отделение по внешкольному образованию в войсках при Главном Штабе призывало омичей жертвовать деньги и вещи для устройства колонии детей-сирот на Алтае. Сбор проводился в Главном Штабе (здание Коммерческого училища) [20].

Собирались деньги и для детских приютов. В феврале 1919 г. Союз женщин-христианок Омска благодарил фирму «Караван» за собранные и переданные в правление Союза 6 000 руб. для детского приюта. Эти деньги должны были помочь продержаться приюту несколько месяцев [21]. В свою очередь оставшийся безымянным Генерального штаба полковник, «Председатель при Омском военном Воскресенском соборе братства по попечению о детях-сиротах» благодарил совет съездов торговли и промышленности. Уже упоминавшееся товарищество «Караван» смогло собрать на нужды сиротского на этом съезде приюта двадцать тысяч рублей [22]. Штаб Омского военного округа устраивал в Гарнизонном собрании благотворительные вечера и балы-концерты в пользу военного приюта солдатских детей-сирот [23].

Таким образом, в Белом Омске благотворительные мероприятия проводились постоянно и охватывали значительную часть жителей города России. Главное внимание уделялось помощи армии, в том числе, раненым воинам, возвращающимся военнопленным, детским приютам, учащимся. Самой распространённой формой благотворительности для обычных граждан было участие в специальных вечерах, сбор от которых шёл на нужды нуждающихся.

За сравнительно короткий срок благотворительные мероприятия стали носить организованный характер. Для крупных промышленников коммерсантов благотворительные пожертвования стали «добровольно-принудительными». Центром сбора денег стали Омский биржевой комитет и Объединённый комитет Общественных организаций. Известно, что к отказывавшимся давать деньги применялись меры морального давления, но, вполне вероятно, могли быть использованы и меры экономического характера.

Безусловно, эти благотворительные акции не могли решить огромные социальные проблемы Белой столицы, но несколько смягчали остроту этих проблем. Кроме того, такого рода деятельность имела немалое моральное значение, улучшала социально-психологическое состояние общества. Благотворительные акции, в которых принимали участие широкие круги населения, в том числе и небогатые обыватели, свидетельствовали, что, несмотря на разрушительный характер гражданской войны и на имевшие место разложение и маргинализацию, в обществе всё ещё поддерживались социальные традиции сочувствия к обездоленным людям, сопереживания и взаимопомощи, сохранялись христианские нормы и ценности.

Библиографический список

1. Сизов С. Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (Июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Архитектура, строительство, транспорт [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). Электрон. дан. Омск : СибАДИ, 2015. С. 1674-1682. Режим доступа: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD75.pdf>, <http://elibrary.ru/item.asp?id=25530918> свободный после авторизации. – Загл. с экрана.
2. Завтра // Наша Заря (Омск). 1919. 9 февраля. С. 4.
3. Объявление // Наша Заря (Омск). 1919. 12 марта. С. 1.
4. Отчёт // Наша Заря (Омск). 1919. 6 февраля. С. 4.
5. Объявление // Наша Заря (Омск). 1919. 5 марта. С. 1.
6. Дни сбора книг для армии // Сибирская речь (Омск). 1919. 25 июля. С. 1.
7. Пожертвования на подарки солдатам к празднику // Наша Заря (Омск). 1919. 5 марта. С. 4.
8. Воззвание // Русь (Омск). 1919. 20 июля. С. 1.
9. На нужды армии // Сибирская речь (Омск). 1919. 26 августа. С. 4.

10. Информация // Наша Заря (Омск). 1919. 24 августа. С. 2.
11. На нужды увечных воинов // Наша Заря (Омск). 1919. 26 февраля.
С. 3.
12. В пользу раненых воинов // Сибирская речь (Омск). 1919. 2 августа.
С. 4.
13. Просим откликнуться // Сибирский казак (Омск). 1919. 3 ноября. С. 4
14. Отчёт // Наша Заря (Омск). 1919. 27 августа. С. 4.
15. Отчёт // Наша Заря (Омск). 1919. 5 февраля. С. 4.
16. Объявление // Наша Заря (Омск). 1919. 8 февраля. С. 4.
17. Объявление // Наша Заря (Омск). 1919. 5 февраля. С. 4.
18. Сегодня // Наша Заря (Омск). 1919. 26 февраля. С. 4.
19. В цирке Спорт-Палас // Наша Заря (Омск). 1919. 8 февраля. С. 1.
20. Объявление // Наша Заря (Омск). 1919. 28 февраля. С. 4.
21. Хроника. Благодарность // Наша Заря (Омск). 1919. 27 февраля. С. 4.
22. Письмо в редакцию // Заря (Омск). 1919. 25 февраля. С. 3.
23. Гарнизонное собрание // Русь (Омск). 1919. 20 июля. С. 1.

И. Л. СОКИНА (Омск)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
ООО «НПО “МИР”»

**СРАВНЕНИЕ ИСТОРИОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ
НА РЕВОЛЮЦИЮ 1917 Г. Н. А. БЕРДЯЕВА И И. А. ИЛЬИНА**

Аннотация: Данная публикация представляет собой сравнительное исследование историсофских взглядов на революцию 1917 г. двух представителей «русского религиозного – философского возрождения» – Н. А. Бердяева и И. А. Ильина. Работа написана на основе изучения основных трудов мыслителей и раскрывает существенные отличия в их восприятии революции 1917 г.

Ключевые слова: революция, 1917 год, интеллигенция, философия, менталитет.

I. L. SOKINA (Omsk)

Omsk State University n. a. F. M. Dostoevsky
SFO «MIR»

**COMPARE HISTORIOSOPHICAL VIEWS ON THE REVOLUTION
OF 1917 N. A. BERDYAEV AND I. A. ILYIN**

Annotation: This publication is a comparative study of historiosophical views on the revolution of 1917, two representatives of the «Russian religious – philosophical Renaissance» – N. A. Berdyaev and I. A. Ilyin. The work is written based on the study of major works of thinkers and reveals significant differences in their perception of the revolution of 1917.

Keywords: Revolution, 1917, the intelligentsia, philosophy, mentality.

Еще живя в России, в 1918 г. И. А. Ильин выступил с речью «О патриотизме», в которой перечислил причины «катастрофы 1917 года». Самым главным русским недугом Ильин признал «недостаток истинного патриотизма» [1]. Раскрытию сущности патриотизма, обоснованию того, что именно «любовь к отечеству лежит в основе и могучего правосознания, и здоровой государственности, и нормальной демократии», он посвятил большую часть своей речи. Существенное отличие мыслителей в их восприятии революции 1917 г. Бердяев, изучив ее истоки и причины, считает её глубоко обусловленной и справедливой, встраивает ее в контекст исторического развития России, для него революция и советская власть – закономерный итог предшествующей истории страны, диалектический момент в её судьбах со своей правдой и ложью. И «правда», в частности социальная система коммунизма, должна войти в судьбы будущей России, преодолевшей «ложь» – лже-религию коммунизма (вина за которую и на «историческом христианстве»). «Происшедший у нас разгром духовной культуры есть только диалектический момент в судьбе русской духов-

ной культуры, – был убеждён философ. И «весь запас творческой энергии и творческих идей будет иметь значение для будущего».

Ильин воспринимает революцию 1917 г. иначе, для него это разрыв исторической ткани, крах и тяжелое испытание для России, которое необходимо преодолеть и забыть. Он воспринимает революцию 1917 г. не иначе, как «бесчестие народных масс и революционеров», «безумие» всех партий, включая охранительные, «безумие крестьянства, пролетариата, промышленно-торгового класса», а «наиболее безумна» оказалась интеллигенция», к тому же и действия императора и его брата приблизительно в этом же ряду. И будущее в социальном аспекте он мыслит как либеральное будущее со спасительной частной собственностью, правом – новым правосознанием, лояльностью и, скорее всего, «спасительным авторитетным единодержавием», при том, что «республика и федерация требуют особого правосознания, которого нет в России».

Одним из позитивных результатов Октябрьской революции в России Бердяев считал отделение церкви от государства, освободившее, по его мысли, русского человека от принудительного вероисповедания [2]. Именно эта акция советской власти стала первым событием Русской революции, положительно воспринятым философом [3]. В такой своей оценке он особенно расходится с И. А. Ильиным, полагавшим, что этот шаг советского государства расширил возможности деэтизации в России [4]. Основным интерес в философии Ильина представляют его рассуждения о будущем России, чёткое и однозначное выделение русских национальных интересов, его рецепты преодоления проблем и последствий революционных катаклизмов, выстраивание перспектив России.

Н. А. Бердяев же в рассуждениях о судьбах России также устремлен в будущее, его Русская идея эсхатологична, направлена к историческому концу мира, к третьему Откровению, к эпохе Святого Духа. Читаем у него: «Новым в творческой религиозной мысли... было ожидание, не всегда открыто выраженное, новой эпохи в христианстве, эпохи Св. Духа. Это и есть более всего русская идея. Русская мысль – существенно эсхатологическая, и эсхатологизм этот принимает разные формы» [5]; «...в более глубоком слое, не нашедшем себе выражения в сознании, в русском нигилизме, социализме была эсхатологическая настроенность и напряженность, была обращенность к концу» [6]. Мыслитель видит Русскую идею, прежде всего, в ментальности народа (он препарирует русскую душу, изучает ее), в произведениях лучших его представителей, интеллигенции. Ильин в интеллигенции видит корень зла и бед России, приведших к революции 1917 г. и смене государственного строя (столь ненавистного ему прихода к власти большевиков). Кстати, крайне противоположны у философов оценки П. Я. Чаадаева и А. И. Герцена. Бердяев видит в интеллигенции выразителя русской ментальности и Русской идеи, прежде всего, хотя тоже указывает на ее ошибки (причём как у интеллигенции идеалистических, духовных исканий, так и у «левой»); в рядах последней, в частности, повсеместное увлечение социальной стороной жизни и марксизмом-материализмом, богоборчество. В отношении к интеллигенции их существенное различие, полярность взглядов, хотя и у Ильина есть мысли об искусстве, призванном «блюсти и развивать дух любовной созерцательности и предметной свободы» [7].

Н. А. Бердяев при этом не рассматривал советский период российской истории в качестве разрыва и упадка, старался понять истоки большевизма и увидеть не только минусы, но и его плюсы, И. А. Ильин был яростным противником советской власти и ради ее свержения готов был пойти на сближение и сотрудничество и с фашизмом, не замечая ради этой цели антихристианства и зверств нацистов; позднее – пытался пробудить, подтолкнуть к борьбе против СССР Запад, понимая всю враждебность его России. Продолжение традиции русской религиозной философии помогло Бердяеву принять, в конце концов, и революцию 1917 г. и советскую Россию. Ильин, утверждая, что к прежней России возврата нет и категорически не принимая власть Советов, всё-таки гораздо ближе был к до-Октябрьскому прошлому, не помышляя далее либерализма, родовых сущностей экономической общественной формации. Он стал выразителем чаяний и помыслов антисоветской белой эмиграции, Белого движения, антисоветской эмигрантской религиозной мысли, тогда как Бердяев сумел преодолеть субъективизм «выброшенного из страны» эмигранта, и его в какой-то степени можно назвать выразителем дум и настроений духовно мыслящих людей части эмигрантской и даже советской России.

Подводя итог сравнению историософии Н. А. Бердяева и И. А. Ильина по отношению к революции 1917 г., следует признать, что в поисках Бердяева срабатывает неизбывная тяга русских «добраться до подлинного, правдивого ядра жизни», до истинного – христиански-истинного [8]. Отсюда не декларации, но выявление истоков антропогенеза, сущности и заданий – перспектив его, зависящих уже от человека, человека соборного. Но истоки, ступени антропогенеза – это одновременно опорные пункты динамики, содержания истории человечества – разворачивания всемирно-исторического процесса в бытии, онтологической историософии. Основным интерес в философии Ильина представляют его рассуждения о будущем России, чёткое и однозначное выделение русских национальных интересов, его рецепты преодоления проблем и последствий катаклизмов революции, выстраивание дальнейших перспектив России.

Библиографический список

1. Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 357.
2. Бердяев Н. А. Ответ на письмо монархиста // Путь. 1926. № 3. С. 108-109.
3. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917 – 1918... С. 15.
4. Ильин И. А. О России. Три речи 1926 – 1933 // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1996. Т. 6, Кн. 2. С. 7-34.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука, 2013. С. 234.
6. Там же. С. 242.
7. Ильин И. А. О русской идее // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев; Предисловие А. В. Гулыги. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 412.
8. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 88.

М. М. СТЕЛЬМАК (Омск)
Исторический архив Омской области,
Омский юридический колледж

**«ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ АРМИЯ, УСТУПИВШАЯ СВОЁ МЕСТО
НА ФРОНТЕ НАШИМ ВОЙСКАМ, ПРОДОЛЖАЕТ И СЕЙЧАС
СЛУЖИТЬ ДЛЯ НАС ИСТОЧНИКОМ ПОМОЩИ И ЦЕННОГО
СОДЕЙСТВИЯ»: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА
С ЧЕХОСЛОВАЦКИМ КОРПУСОМ В 1919 Г.**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению отношений Чехословацкого корпуса и Российского правительства А. В. Колчака. Уделено внимание противоречиям между ними, оценке действий чехословаков, опубликованной в антибольшевистской прессе и официальных документах.

Ключевые слова: Гражданская война, Чехословацкий корпус, международные отношения, Сибирь, Колчак, Омск.

M. M. STELMAK (Omsk)
Historical Archive of the Omsk region,
Omsk Juridical College

**«THE CZECHOSLOVAK ARMY, ATTRACTING THEIR PLACE ON THE
FRONT TO OUR TROOPS, CONTINUES AND NOW TO SERVE FOR US
SOURCE OF ASSISTANCE AND VALUE PROMOTION»:
FEATURES OF INTERACTION OF THE GOVERNMENT A. V. KOLCHAK
WITH THE CZECHOSLOVAK LEGION IN 1919**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study of the relations of the Czechoslovak legion and the Russian Government, A. V. Kolchak. Attention is paid to the contradictions between, the evaluation of the actions of the Czechoslovaks published in the anti-Bolshevik press and official documents.

Keywords: Civil War, Czechoslovak legion, international relationships, Siberia, Kolchak, Omsk.

Чехословацкий корпус среди множества явлений и личностей в истории Гражданской войны в России был и остается одним из объектов мифологизации. Данная тенденция хорошо прослеживается в наши дни [1]. Это обстоятельство является поводом к более детальному рассмотрению истории пребывания чехословаков в Сибири.

В начале 1919 г. вопросы военной помощи от дружественных государств по-прежнему оставались актуальными для Российского правительства

А. В. Колчака. И всё ещё вставал вопрос о взаимодействии с Чехословацким корпусом, об освещении его деятельности в печати. Необходимо было выработать в отношении чехословаков особую политику, при этом не подвергать огласке конфликты с ними. Материалы об иностранных союзниках антибольшевистского движения продолжали публиковаться на страницах газет. Но в это время количество статей о чехословацких legionерах несколько уменьшилось. Это было связано главным образом с тем, что с середины января 1919 г. Чехословацкий корпус был снят с фронта и переведён в тыл для охраны Транссибирской магистрали. Продолжались переговоры о будущей эвакуации корпуса.

В секретной телеграмме поверенного в делах антибольшевистской России Б. А. Бахметьева на имя управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина от 22 января 1919 г. говорилось, что на тот момент с представителем Чехословакии в Нью-Йорке полковником Урбаном удалось договориться о том, что чехословацкие legionеры готовы при уходе с русской территории оставить всё полученное военное снаряжение России [2].

Официальные государственные антибольшевистские издания Западной Сибири стали уделять большее внимание другим союзникам, поскольку чехословаки уже не участвовали непосредственно в борьбе с большевиками на фронте. Тем не менее, материалы, касающиеся взаимоотношений с чехословаками, периодически появлялись в печати, скорее по инерции. Они носили прежний характер – стремились показать уважение к союзникам в самых высших эшелонах власти. В этом духе выдержана публикация ответа Верховного правителя А. В. Колчака генералу М. Стефанику: «Я глубоко тронут горячими пожеланиями Вашего Превосходительства и, в свою очередь, прошу Вас принять выражение моего искреннего и горячего желания видеть развитие и процветание могучего и свободного Чехословацкого народа, связанного с русским народом нерасторжимыми узами родства и братства» [3]. Стоит отметить, что вскоре после этого, 16 февраля 1919 г., в день прибытия А. В. Колчака в Екатеринбург, охраной из его эшелона был убит чехословацкий капитан. Данный инцидент, почти не получил огласки в печати, более того, А. В. Колчак сразу же выразил соболезнование чехословацкому командованию, подвергнув критике действия охраны [4].

В марте 1919 г. «Правительственный вестник» публикует «Грамоту Российского правительства чехословацким войскам». Но помимо традиционных заявлений о крепкой дружбе, в грамоте было отмечено и положение корпуса в тылу. Каких-либо критических замечаний о неучастии в боевых действиях там не содержалось, наоборот, нахождение вдоль Транссиба, вне фронта, по мнению газеты, пошло только на пользу: «Выполнив свою боевую задачу, чехословацкая армия, уступившая своё место на фронте нашим войскам, продолжает и сейчас служить для нас источником помощи и ценного содействия: чехословацкие эшелоны двигаются на восток и принимают на себя охрану железной дороги, позволяя, таким образом, освободить фронт для русских войск, которым по праву должно принадлежать поле битвы» [5]. В экстренном выпуске Чехословацкого Бюро Печати, выпущенном в декабре 1918 г. выражалась благодарность белым армиям востока России, которые «...сменяют наши пол-

ки, изнурённые несколькими месяцами непрерывных боёв» [6]. В ряде прокламаций чехословаки обещали продолжать защиту России от большевиков [7].

Данные публикации имели целью поддержать созданный образ бескорыстных славян-союзников. Ввиду того, что с января 1919 г. Чехословацкий корпус уже не участвовал в боевых действиях на фронте, требовалось объяснить населению причину присутствия легионеров на российской территории. Тем более, что легионеры принимали участие в терроре во время подавления антиколчаковских восстаний в Сибири. Нельзя исключать, что были свежи ещё воспоминания и об акциях террора, проводившегося чехословаками летом 1918 г. в европейской части России [8]. Например, военспец РККА, бывший генерал-майор белой армии А. В. Беклемишев указывал, что чехословаки, захватив Самару, в июне 1918 г. потребовали немедленного возвращения к службе всех военнослужащих ранее служивших здесь советской власти [9].

Но политические деятели антибольшевистского движения не теряли надежду на то что, корпус удастся вернуть на фронт, в связи с чем, было крайне важно дать чехословакам через прессу понять, что к ним сохраняется прежнее доброжелательное отношение. Дело заключалось не только в военной помощи. Так, для печатания денег омского правительства использовалась чехословацкая военная литография [10, 11]. Эта нужда антибольшевистской власти была одной из стратегических и наиболее острых, что было связано со сложностями организации производства, нехваткой специалистов и расходных материалов [12]. И хотя чехословаки содействовали тем самым финансовой системе белой Сибири, но в отличие от других иностранных союзников они не преследовали (по крайней мере, открыто) собственных экономических выгод, чего нельзя сказать о других союзных державах. Особняком здесь всё же выделялась Япония, открыто занимавшаяся финансово-экономической интервенцией [13].

В конце мая - начале июня 1919 г. в связи с годовщиной начала восстания Чехословацкого корпуса, появляются публикации, высоко оценивающие данное событие в истории антибольшевистской борьбы в России. В телеграмме на имя председателя Совета министров П. В. Вологодского от командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды и командующего Чехословацким корпусом генерал-майора Я. Сырового говорилось: «Прошу передать всему составу Совета министров наши сердечные поздравления и нашу надежду видеть правительство в дни празднования второй годовщины в стенах священной Москвы. От имени всех чешских и словацких частей России я прошу передать братскую благодарность всем министрам Совета. Ваше приветствие укрепляет связь наших армий в борьбе за великое будущее России» [14].

Ниже в газете был опубликован ответ Р. Гайде, написанный в самых уважительных тонах: «Вспоминая памятную годовщину восстания, Совет министров горячо благодарит Вас, генерал, смело ставшего во главе чешских отрядов и русских добровольцев, дошедшего с ними до берегов великого океана, а затем в благородном стремлении закончить великое дело, вновь вернувшегося на запад, чтобы с той же неутомимой энергией и непреклонной непобедимой волей вести Сибирскую армию к Москве. Совет министров благодарит всех Ваших сподвижников, достойных своего вождя, всех офицеров и солдат, кото-

рые выполняют святую обязанность освободить русских народ от позорного и бедственного мира» [15].

Важно отметить, что «Правительственный вестник» опубликовал данное поздравление и ответ на него, таким образом показав, что генерал-лейтенант Р. Гайда по-прежнему находится в доверительных отношениях с Советом министров Российского правительства А. В. Колчака. Хотя уже в конце мая 1919 г. между А. В. Колчаком и Р. Гайдой возник конфликт из-за натянутых отношений последнего с военным министром генерал-майором Д. А. Лебедевым [16]. Тем не менее, и после вышло ряд статей высоко оценивающих вклад Р. Гайды в борьбе с общим противником. В одной из публикаций было прямо сказано, что именно он сыграл наиболее крупную роль в освобождении России от большевизма [17].

В публикациях, посвящённых годовщине начала Гражданской войны в Сибири, чехословаки представляли в образе силы, благодаря которой началось изгнание большевиков, и к которой до сих пор население испытывает самые уважительные чувства [18]. Будущее признание Российского правительства А. В. Колчака также увязывается с корпусом: «Телеграф принес один из любопытнейших документов – призыв русского крестьянского союза в Америке и Канаде признать омское правительство... Но вот, благодаря чехословакам, начали оживать постепенно надежды на ликвидацию большевизма, на восстановление былого величия России. Стала складываться государственность, которая, охраняемая уже не только чехословаками, но и русскими войсками, крепла и заставляла присматриваться к власти, вставшей во главе возрождения родины» [19]. В прессе старались подчеркнуть, что участие Чехословацкого корпуса в оказании помощи Российскому правительству А. В. Колчака является добровольным решением. Этому способствовали и заявления самих чехословаков. Ещё в тексте присяги, принятой в декабре 1917 г., чехословацкие солдаты обещали вместе с союзниками сражаться до конца с общим противником, подчёркивая, что данное решение было принято без какого-либо давления [20]. Ещё осенью 1918 г. различными комиссиями ставился вопрос об установке памятника чехословакам [21].

Городские власти постоянно подчёркивали героизм чехословацких офицеров, проявленный летом 1918 г. 30 мая 1919 г. в торжественной обстановке на заседании Омской городской думы было заслушано письмо поручика 1-го чехословацкого стрелкового запасного полка Я. Лангера. В письме говорилось о вкладе чехословацких офицеров, оказавшихся в Омске в середине мая 1918 г. и участвовавших в свержении советской власти. Особое одобрение у слушателей вызвали последние строки в письме: «Всё сделанное нами сделано было в спасение братского русского народа от большевистского террора и в надежде, что русский народ опять воскреснет и великая мощная Россия займёт прежнее место между культурными европейскими народами» [22].

Согласно заявлению председателя думы В. Н. Новикова, «изложенные в письме события, несомненно, составляют значительную ценность не только в истории изгнания большевиков из г. Омска, но и в истории всего государства» [23]. Были отмечены и жертвы, понесённые корпусом на благо России:

«Они раскинули по Сибири и Уралу и поволжским берегам сотни братских могил. Они действительно помогли нам, перерубили веревку, спутавшую нас, дали возможность расправиться онемевшие члены. В великой нашей истории будет вписано их дело, но ещё резче в народной памятной русской душе» [24]. Кроме чисто военной помощи, была выражена благодарность в восстановлении заводов в России [25].

Уход чехословацких войск в тыл не получил отрицательного освещения, наоборот, акцентировалось, что русские войска теперь сами выполняют свою миссию и освобождены от охраны Транссибирской магистрали. На тот момент в Омске многие политические деятели понимали, что вернуть корпус на фронт вряд ли удастся по многим причинам. Ещё были свежи в памяти воспоминания о реакции на военный переворот в Омске со стороны солдат корпуса. Не помогло даже постановление Совета министров от 8 июля 1919 г., где указывалось, что граждане Чехословацкой республики, принимающие участие в боях с большевиками, получают ряд преимуществ в приобретении собственности, по сравнению с остальными иностранцами [26].

В начале июля 1919 г. со стороны Антанты поступали предложения о возвращении части чехословаков на фронт, однако даже премьер-министр Франции Ж. Клемансо посчитал это невозможным [27]. И это несмотря на то, что управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин убеждал генерала М. Жанена в выгодности посылки корпуса на Архангельск, а генерал А. Нокс убеждал чехословацких военачальников принять данное предложение [28]. В октябре 1919 г. П. В. Вологодский попытался неудачно вернуться к идее продвижения Чехословацкого корпуса на запад [29].

После июня 1919 г. «Правительственный вестник» уделяет чехословакам гораздо меньше внимание. Но важно отметить, что с ухудшением положения на фронте к осени 1919 г. отношение к ним не меняется. Хотя в октябре появляется публикация, критически оценивающая их поведение в Иркутской губернии в связи с данным эпизодом: «15 сентября на станции Черемхово по признанию командира чехословацких войск, майора Гейберта, расстрелян милиционер Елистратов. В просьбе начальника милиции приостановить казнь и передать Елистратова русским властям для дознания и предания военно-полевому суду Гейберт категорически отказал. Управляющий губернией обратился к начальнику штаба чехословацких войск с категорическим протестом против насилия над российскими подданными» [30]. Никакой реакции на публикацию не последовало.

Совсем скоро в прессе вновь появляются статьи с положительной оценкой легионеров. Например, 22 октября 1919 г. по случаю пятилетней годовщины создания Чехословацкого корпуса «Правительственный вестник» публикует приветствие Верховного правителя А. В. Колчака и председателя Совета министров П. В. Вологодского на имя президента Чехословакии Т. Г. Масарика: «Пять лет тому назад в Киеве освящено знамя первой чехословацкой дружины, из которой выросла доблестная чехословацкая армия на территории России и совместно с добровольческой армией положила начало возрождению Великой Единой России, как защитника всего славянства в борьбе с его врагами. Друж-

ное сотрудничество и создавшееся полное взаимное понимание русских и чехословацких народных интересов и совместная борьба наша против большевиков должны завершиться установлением навсегда прочных культурно-экономических связей братских народов. Я и моё правительство приветствуем в Вашем лице и в лице Вашего правительства дорогую нам Чехословакию, которая всегда была носителем идеи славянской солидарности» [31].

Противник, согласно газетам, именно с чехословаками обходился гораздо жестче, применяя страшные наказания. В семипалатинской армейской газете «За Родину» читаем: «Красноармейцам отдан приказ о чехах, попавшихся в плен, не расстреливать, а препровождать в штаб дивизии и дальше в чрезвычайки, где их подвергают пыткам. Цель этого приказа - отомстить чехам за их активное участие в прошлогодней борьбе с большевиками» [32]. Неприятности вызваны недоразумениями: «Только тяжёлая боевая работа по охране железных дорог и затруднительность отношений с Прагой, которая мало осведомлена о положении русских дел, не позволяет представителям Чехословакии быстро решить вопрос о дальнейшей судьбе чехословацких войск» [33].

Даже после выпуска 13 ноября 1919 г. чехословацкого меморандума, критикующего Российское правительство А. В. Колчака, газеты продолжали одобительно высказываться об их деятельности. Специально подчёркивалось, что меморандум представляет собой продукт недовольства меньшинства чехословаков [34]. Согласно заявлениям прессы, солдатская масса Чехословацкого корпуса прекрасно понимает всю важность братских отношений с Россией. В декабре 1919 г. командующий чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генерал-майор С. Чечек подчеркнул, что его солдаты всегда готовы выступить в случае беспорядков, оказывать помощь, но никогда не будут вмешиваться во внутренние дела России [35]. Подобные публикации были вызваны, в главную очередь, стремлением наладить с корпусом отношения, показав, что по-прежнему он является союзником в антибольшевистском движении. В Российском правительстве А. В. Колчака не забыли о симпатиях чехословацких солдат к «демократической контрреволюции». С. П. Мельгунов отмечал: «У самой Директории воинской силы не было, но при желании она могла получить её – это был отряд чехословаков... Последних было в Омске до 3 тысяч человек. И чехи дали понять, что они были к услугам Директории и в два часа расчистят Омск от всей реакционной сволочи, как они выражались... Фактически перевес сил мог быть, таким образом, у Директории» [36].

Рекламирование чехословацких солдат омским правительством не могло остаться без внимания даже со стороны обывателей. Например, в рапорте (а по сути – в доносе) от 9 сентября 1919 г. почтальона из Томского уезда М. Н. Борковского Верховному правителю А. В. Колчаку подробно перечисляются недостатки начальника почтового отделения указанного уезда, которого автор письма относит фактически к «врагам рода человеческого». Среди прегрешений была указана и критика чехословаков, которая, по мнению автора рапорта недопустима так как они «пришли на помощь правительству спасать родину» [37]. Даже в конце 1919 г., при отступлении, чехословаки решили взять с собой всех работающих в их частях мастеровых из числа германских и ав-

стрийских военнопленных, обещая доставить их домой, несмотря на то, что в Сибири и на Дальнем Востоке их рабочая сила была в цене. В связи с этим, неустановленный чиновник военного министерства Российского правительства А. В. Колчака был даже вынужден написать об этом очень осторожное письмо генералу М. Жанену с просьбой повлиять на чехословаков, чтобы они не брали с собой военнопленных рабочих [38].

При этом конфликты между корпусом и властями не афишировались, несмотря на то, что имели серьёзный характер. Начальник Акмолинского областного управления государственной охраны В. Н. Руссиянов на протяжении первой половины 1919 г. постоянно указывал на факты самоуправства со стороны чехословаков (в феврале 1919 г. они даже произвели несанкционированный обыск в Министерстве продовольствия и снабжения) [39]. Видимо по этой причине полковником И. Зайчеком (чех, до весны 1919 г. занимавший пост начальника военного контроля Сибирской армии) был составлен донос на В. Н. Руссиянова [40]. В газеты данная информация не попала. Действительно, жалобы на поведение чехословацких офицеров поступали с мест довольно часто. В феврале 1919 г. заведующий конторой и складом «Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель» в Миассе сожалел, что не может получить обратно принадлежащие организации грузы, вывезенные из Уфы в декабре 1918 г. Им сообщалось, что данные грузы, как «вывезенные из-под обстрела» с помощью легионеров, объявлены согласно приказу М. Стефаника собственностью чехословацких войск [41].

Подобные сообщения поступали и ранее. В октябре 1918 г. в интендантский отдел Высшего совета по снабжению союзных армий из Министерства продовольствия Временного Сибирского правительства пришла жалоба на реквизицию сыра чехословацкими легионерами. Данная акция была охарактеризована как грубый произвол [42]. Но ещё в антибольшевистских листовках 1918 г. специально было указано, что никакого вмешательства во внутреннюю жизнь России со стороны чехословаков не будет, поскольку они к этому даже не стремятся [43].

Многие чехословаки за период Гражданской войны успели принять российское подданство. Немало чехословацких офицеров несло службу на важных должностях в штабах. На начало весны 1919 г. 140 чехословаков служили в военном контроле штаба Сибирской армии [44]. Важно понимать, что корпус не был самостоятельной силой и во многом зависел от западных союзников. Цели и задачи корпуса и омского правительства далеко не всегда совпадали. В итоге больший вес для чехословацких солдат имели военачальники Великобритании и Франции, тем более, что главнокомандующим всеми союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке являлся французский генерал М. Жанен. Именно «под давлением эмиссаров союзных держав, которым они подчинялись, чехи сохраняли нейтралитет и внешнюю лояльность, хотя и отказались вернуться на фронт» [45]. Даже в конце 1919 г. политические деятели антибольшевистской России прилагали все силы для того, чтобы Чехословацкий корпус продолжал оставаться на их стороне. 19 декабря 1919 г. управляющий Министерством внутренних дел, исполняющий обязанности председателя Совета министров

А. А. Червен-Водали в разговоре с доверенным представителем чехословацкого правительства на Дальнем Востоке В. Гирсом уверял последнего, что отношение А. В. Колчака к чехословакам: «...продиктованное истиной дружбой, несколько не изменилось и теперь, ибо те или иные акты, написанные под влиянием тяжёлой обстановки, по выяснению обстоятельств все аннулированы, как правительством, так и верховной властью» [46].

Как считает российско-американский историк А. В. Шмелев, характерной чертой внешней политики антибольшевистских правительств было принятие желаемого за действительное. В итоге внешняя политика Российского правительства А. В. Колчака погрязла в своих собственных противоречиях [47]. Это можно сказать и в плане отношения к чехословацким легионерам. Для большей части старших офицеров корпуса участие в Гражданской войне в России позволило сделать быструю военную карьеру. Но большинство простых солдат так или иначе придерживались демократических взглядов и изначально были противниками военной диктатуры. Управляющий ведомством труда Совета управляющих ведомствами Комуча И. М. Майский отмечал: «Чехословаки любили на каждом шагу повторять, что они тоже революционеры и что они не имеют ничего общего с русскими белогвардейцами и черносотенцами» [48].

Ещё летом 1918 г. в прессе было опубликовано обращение чехословацких социалистов за подписью двадцати семи человек. С первых строк Чехословацкий корпус позиционировался, прежде всего, как революционная армия (на 80% состоящая из рабочих и крестьян). Уже тогда было подчёркнуто, что чехословаки не допустят установления военной диктатуры [49]. 19 ноября 1918 г. генерал-лейтенант А. И. Дутов сообщил Верховному правителю А. В. Колчаку своё мнение о сочувствии чехословаков к эсерам [50]. Так в конце ноября 1918 г., прибывший в Уфу В. М. Чернов от имени Центрального комитета Партии социалистов-революционеров направил Чехословацкому национальному комитету ультиматум, в котором требовал сотрудничества в борьбе с Российским правительством А. В. Колчака [51]. Правда, генерал-майор Я. Сыровой разослал по чехословацким войскам телеграмму, в которой приказал сохранять нейтралитет, объяснив военный переворот в Омске внутренними российскими делами [52]. Но позже недоверие легионеров к белой армии никуда не исчезло. В мае-июне 1919 г. в нескольких чехословацких полках происходили волнения [53]. Осведомительные органы и органы контрразведки докладывали, что в Чехословацком корпусе росло недовольство омским правительством и его политикой, которую они считают реакционной [54]. Упрёки были взаимными. А. В. Колчаку многое не нравилось в Чехословацком корпусе, он считал, что: «чешские генералы "только поручики" (каковыми они были в регулярной армии до революции)» [55]. Верховный правитель забыл, что многие старшие офицеры антибольшевистского движения до 1917 г. также имели невысокие чины.

Но параллельно власти делали всё возможное, чтобы разногласия в отношениях с Чехословацким корпусом не были известны местному населению. В газетах чехословаки всё ещё представляли в образе братьев-славян, безвозмездно спасающих Россию, желающих успехов и укрепления антибольше-

вистскому движению. Это было обусловлено тем, что Российскому правительству А. В. Колчака было гораздо более выгодно сохранять союзнические отношения со столь весомой военной силой и постараться в ближайшем будущем вернуть её на фронт. Тем не менее, противоречия не исчезали, а кризис омского правительства в итоге только усугубил их. Отказ чехословаков идти на помощь политическому режиму А. В. Колчака в самом конце 1919 г. стал логическим завершением истории взаимодействия с Чехословацким корпусом.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340-345.
2. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 133. Л. 13.
3. Ответ Верховного Правителя генералу Стефанику // Правительственный вестник (Омск). 1919. 8 февраля. С. 3.
4. Пануш Б. Чехословацкие легионеры в Екатеринбурге. 1918-1919 гг. // Гражданская война на Урале: Материалы II Международной научно-практической конференции «Гражданская война на Урале (г. Кунгур, 7-8 октября 2011 г.). Пермь, 2011. С. 74.
5. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 323. Л. 3.
6. ГИАОО. Ф. Р-2086. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
7. Ответ чехословаков большевикам // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 5 мая. С. 2.
8. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 126.
9. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырёх армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 280.
10. Петин Д. И. Денежно-эмиссионная политики советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. С. 98.
11. Сибирский казначейский знак номиналом 5 рублей: история появления сквозь призму архивных документов. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 211.
12. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот опрос с мёртвой точки...»: положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 257–258.

13. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении японских денег Сибирской экспедиции японских войск. Публикация Д. И. Петина // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 236-246.
14. Приветствие Совету министров // Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 мая. С. 2.
15. Телеграмма командующему Сибирской армией генералу Гайде // Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 мая. С. 2.
16. Кураткин В. С. Р. Гайда в Сибири (1918-1920 гг.) // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы Международной научной конференции (6-7 февраля 2007 года, г. Кемерово). Кемерово, 2007. С. 34.
17. Генерал-лейтенант Родион (Рудольф) Иванович Гайда // Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 6 июня. С. 2.
18. Годовщина освобождения Омска // Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 июня. С. 3.
19. Кудрявцев В. А. Политические заметки // Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 июня. С. 3.
20. Гагкуев Р. Г., Шилова С. Г. «Клянусь Всемогущим Богом» Присяги гражданской войны // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 266.
21. ГИАОО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 1. Л. 125об.
22. ГИАОО. Ф. Р-2086. Оп. 1. Д. 768. Л. 3.
23. Там же. Л. 1.
24. К годовщине выступления чехословаков в Сибири // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 28 мая. С. 2.
25. Техническая помощь чехов // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 6 июля. С. 3.
26. Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. Париж. 1930. С. 41.
27. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990. С. 251.
28. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 317.
29. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 158. Л. 157об.
30. Внутренние известия // Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 октября. С. 1.
31. Внутренние известия // Правительственный вестник (Омск). 1919. 22 октября. С. 1.
32. Приказ о чехах // За Родину (Семипалатинск). 1919. 11 ноября. С. 2.
33. Настроение чехов // Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 9 ноября. С. 3.
34. Отклики на чешский меморандум // Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 28 ноября. С. 2.
35. Заявление командующего чехословацкими войсками на Дальнем Востоке // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 3 декабря. С. 3.
36. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. Часть I, II. М., 2004. С. 385.

37. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов. Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд-е 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015. С. 230.
38. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 130. Л. 15.
39. Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 148.
40. Бакшт Д. А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В. Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С. П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 28.
41. ГИАОО. Ф. Р-1916. Оп. 1. Д. 22. Л. 13об.
42. ГИАОО. Ф. Р-2022. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.
43. Омский государственный историко-краеведческий музей. ОМК-№ 9237/3. Л. 1
44. ГИАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 11. Л. 41-42.
45. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. С. 239.
46. ГИАОО. Ф. Р-3600. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
47. Шмелёв А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918-1919 гг.). СПб, 2017. С. 222.
48. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 259.
49. От чехословацких социалистов русским социалистам // Алтайский луч (Барнаул). 1918. 1 августа. С. 2.
50. Ганин А. В. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре-декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 30.
51. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 281.
52. Глущенко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times». Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. С. 115.
53. Плотников И. Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920). М.: «Мысль», 1968. С. 306.
54. Захаров А. М. Славянские вооружённые формирования в России (1917-1920 гг.): «встреча революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1. С. 77.
55. Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. (Часть вторая) // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 69.

А. В. СУШКО (Омск)

Омский государственный технический университет,
Омский автобронетанковый инженерный институт –
филиал Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны РФ

**К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ
АРХИЕПИСКОПА СИЛЬВЕСТРА (ОЛЬШЕВСКОГО)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Омской области. Проект 17-11-55001

Аннотация: Данная публикация посвящена исследованию последних дней жизни омского архиепископа Сильвестра (Ольшевского) в контексте событий Гражданской войны в России. На основе анализа информационной сводки Омской губЧК, автор поддерживает точку зрения о том, что чекисты не были причастны к казни омского архиепископа.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Русская Православная Церковь, Сибирь, Омск, архиепископ Сильвестр (Ольшевский).

A. V. SUSHKO (Omsk)

Omsk state technical university,
Omsk Automobile Armored Engineering Institute

**REGARDING THE LAST DAYS OF LIFE
OF ARCHBISHOP SILVESTR (OLSHEVSKY)**

Annotation: This publication is devoted to the study of the last days of the life of Omsk archbishop Sylvester (Olshevsky) in the context of the events of the Civil War in Russia. Based on the analysis of Omsk GubChK's information report, the author supports the view that the Chekists were not involved in the execution of the Omsk archbishop.

Keywords: Civil war in Russia, Russian Orthodox Church, Siberia, Omsk, Archbishop Sylvester (Olshevsky)

В настоящее время вокруг личности омского архиепископа Сильвестра (Ольшевского) (1860–1920), прославленного в лике святых новомучеников и исповедников Российских Русской православной церковью в 2000 г., идут жаркие споры среди историков и общественности.

В ноябре 1918 г. архиепископ Сильвестр возглавил ВВЦУ Сибири – орган РПЦ в Сибири, принимавший самое активное участие в Гражданской войне

на стороне белого движения [1]. Современный церковный историк Д. В. Олихов характеризует деятельность ВВЦУ Сибири так: «Антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. Они отдавали себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии... ВВЦУ Сибири определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну «священной». Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 г., предал анафеме руководителей большевиков, постановив в каждом богослужении помянуть А.В. Колчака как «Верховного правителя» [2].

В дни агонии колчаковской власти белая пропаганда использовала фигуру архиепископа Сильвестра для мобилизации населения на борьбу с большевиками. В красноярской газете «Енисейский вестник» в декабре 1919 г. кратко сообщалось об аресте и заключении в тюрьму омского владыки. Возможно, кратковременный арест действительно имел место. Однако сама публикация была одиозной и, наш взгляд, служила средством информационной борьбы. Так, рядом с лаконичной информацией об аресте архиепископа подробно были описаны зверства советской власти, якобы имевшие место в Омске: «По вступлении в город, красными были арестованы неуспевшие выехать из города офицеры. Затем представители буржуазии были мобилизованы для рытья могил. Когда могилы были готовы, в течение одного дня было расстреляно свыше 500 офицеров» [3]. Но данные сведения даже косвенно не подтверждаются другими источниками.

Информация о том, что Сильвестр погиб в омской тюрьме после поражения белых появилась в изданиях русской эмиграции. Следует отметить, что русская эмиграция старалась сохранить историческую память о деятелях РПЦ связанных с белым делом, при этом авторы зачастую использовали слухи не имея возможности проверить информацию. В первой публикации неверно приводилось имя омского владыки и говорилось, что «Иустин Архиепископ Омский и Павлодарский умер в омской тюрьме в марте 1920 г.» [4]. В следующем издании автор исправил ошибку с именем, повторив информацию о смерти Сильвестра в омской тюрьме [5]. Информация из таких изданий не заслуживает доверия, так как в них нет ссылок на источники.

После поражения колчаковцев и захвата Омска частями РККА по официальной церковной версии, основанной на не подкрепленных документально публикациях омского краеведа И. П. Шихатова, архиепископ не пожелал бросать своей паствы, остался в городе и был замучен большевиками. И. П. Шихатов в литературном отношении талантливо описывает последние месяцы жизни Сильвестра следующим образом: «Город и паству свою Высокопреосвященный не покинул. Осознав поражение белого движения, Владыка обратился с призывом к верующим отойти от политической борьбы. Но на сей раз большевики не вняли гласу пастыря, видя в нем неистового проповедника и непримиримого врага. В Тюремном каземате Омского замка допрос и пытки продолжались два месяца, но монах был духу крепкого и несокрушимого: ни в чем не раскаялся и

не повинился. Большевики для него навсегда остались антихристами, сокрушителями веры и осквернителями святых. Ничего не добившись унижительными и изнурительными пытками от стойкого духом пастыря, заплечных дел мастера подвергли его долгой и мучительной казни, распяв и прибив его к полу гвоздями, прижигая тело страдальца за веру раскаленным шомполом, а потом этим же шомполом, раскаленным докрасна, проткнули его сердце. И случилось это 26 февраля 1920 г. [6]. В этой статье деятельность и гибель архиепископа Сильвестра описана в контексте Гражданской войны в России. При этом данное трагическое событие отечественной истории И. П. Шихатов преподносит исторически не достоверно, тенденциозно, идеологически ангажировано. Так, о начале Гражданской войны в России он пишет: «28 января 1918 г. был принят декрет об отделении от государства церкви, школы и закрытии храмов. Этот декрет вкупе с геноцидом, устроенным на Дону Троцким и Свердловым, привели к гражданской войне». После такой «оригинальной» трактовки, И. П. Шихатов в духе колчаковской пропаганды возлагает вину за развязывание Гражданской войны «на инородцев и иноверцев» [7].

По приведенным цитатам, можно судить, о характере исторического сочинения ставшего основой для канонизации омского архиепископа. Во всех трудах И. П. Шихатова посвященных архиепископу Сильвестру отсутствуют ссылки на какие либо исторические источники. Тем не менее, на основании версии краеведа, архиепископ Сильвестр в 2000 г. был канонизирован РПЦ как священномученик – архиепископ, принявший мучения за исповедание веры. Художественное описание И. П. Шихатова стало основой жития архиепископа Сильвестра. В день памяти омского архиепископа священники рассказывают его верующим в ходе проповеди после литургии. После принятия РПЦ ее в качестве официальной, версия И. П. Шихатова воспроизводится в сочинениях современных историков героизирующих белое дело [8].

Версия И. П. Шихатова поддерживается в биографическом исследовании омского митрополита Феодосия (Процюка) инициировавшего процесс канонизации, который в ее подтверждение интерпретирует данные из заключения экспертизы. Он утверждает, что «после обретения 22 июля 2005 г. на раскопках Успенского собора святых мощей архиеп. Сильвестра можно с большой долей вероятности предположить о характере тех мучений, которым безбожная власть подвергла исповедника святой Церкви. Множественные прижизненные переломы конечностей и ребер, штыковой след на костях груди, лучевидные трещины в затылочной части черепа и полное отсутствие верхней челюсти, а также найденные в гробу граненные гвозди, говорят о том, что за несколько недель мучений владыка претерпел многоразличные, превышающие человеческие силы истязания и страшную кончину» [9]. Однако из текста постановления о прекращении уголовного дела, опубликованного в монографии митрополита Феодосия, следует, что «определить, прижизненно или посмертно сформированы данные повреждения, не представилось возможным». Таким образом, экспертиза не дала ясного ответа о причине смерти архиепископа Сильвестра.

Версия И. П. Шихатова, ставшая официальной точкой зрения РПЦ, разошлась по современным масс-медиа. Факт мученической гибели архиепископа

Сильвестра используется современными критиками сталинизма. В качестве примера приведем фрагмент из «исторической» статьи, размещенной на одном из популярных православных Интернет-ресурсов. В статье С. Васильевой о гибели архиепископа Сильвестра говорится, что «они начались сразу, как только «красные» заняли Омск. Владыку арестовали и два месяца истязали в застенках ЧК. Святитель умер 26 января, через 19 дней после убийства Колчака. Цинизм новой власти был в том, что уничтожая не только простых граждан, но и известных людей, палачи не оставляли официальных свидетельств. Был человек – и нет его. И ни строки в документах о том, что с ним сделали. У большинства жертв политических репрессий нет могил, их тела сваливали в котлованы и рвы, на месте которых потом строились промышленные объекты. Но священномученик Сильвестр обрел свое место упокоения в храме, где была его кафедра. Можно предположить, что в 1920 г. машина репрессий была еще не так отлажена, как впоследствии, в 1930-е гг., и людям из окружения владыки Сильвестра каким-то чудом удалось уговорить или подкупить стражу тюрьмы, чтобы тело убиенного было отдано для христианского погребения. Всё делалось в строжайшей тайне, так что в течение десятилетий в городе не было распространено ни слухов, ни легенд о возможном месте захоронения архиепископа» [10].

В 2014 г. экс-сотрудник Исторического архива Омской области М. Ф. Панина опубликовала статью, документально опровергающую версию мученической гибели омского владыки [11]. В статье была приведена актовая запись органа ЗАГС о смерти владыки Сильвестра и выдержка из дневника омича М. А. Столповского, описывавшего тяжелую болезнь и вследствие ее кончину омского архиепископа. Приведенные в статье данные из двух независимых источников позволили М. Ф. Паниной перепроверить содержащуюся в них информацию. Если заключение о смерти теоретически чекисты могли сфальсифицировать, то такой личный источник подтверждающий данные свидетельства, а также указывающий на то, что Сильвестр не содержался два месяца перед смертью в тюрьме, сфабриковать сотрудники органов безопасности не могли, поэтому этот источник личным происхождением является важнейшим свидетельством правоты М. Ф. Паниной. Таким образом, архивист показала, что краевед И. П. Шихатов бездоказательно описал факт гибели омского архиепископа на основе непроверенных сведений или слухов. К сожалению, РПЦ не дала официальных комментариев на статью М. Ф. Паниной и страсти по поводу мученической смерти архиепископа Сильвестра или связанной с ней фальсификацией истории допущенной РПЦ не стихают, а постепенно только разгораются. Современные противники РПЦ используют эту историческую фальсификацию для информационной борьбы против церкви [12].

В связи со сложившейся ситуацией важен поиск новых источников проливающих свет на события 1920 г. в Омске. Цель данной работы – на основе малоизвестной, ранее не публиковавшей сводки Омской губЧК, дополнить знания о последних месяцах жизни омского архиепископа Сильвестра.

После падения белого Омска, архиепископ, возглавлявший РПЦ в столице белой России, и от имени церкви приводивший к присяге Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, не мог не привлечь внимания чекистов.

В начале 1920 г. Омская губЧК готовила показательный судебный процесс в отношении владыки Сильвестра. Научный и общественный интерес к личности архиепископа Сильвестра побуждает нас опубликовать достаточно объемный фрагмент из чекистской сводки за февраль 1920 г, который дает представление о действиях омских чекистов по подготовке данного процесса.

Напомним, что сводка губЧК – внутренний, совершенно секретный отчетный документ советских территориальных органов безопасности, где отражались их основные направления деятельности за определенный период. Сводка предоставлялась для ознакомления партийно-государственному руководству в Сибири, а также вышестоящему чекистскому начальству.

Информация из этого источника о деятельности чекистов заслуживает доверия. Данный документ ранее не публиковался. В монографии А. Г. Теплякова со ссылкой на данную сводку содержится лишь упоминание о том, что омские чекисты готовили процесс в отношении омского архиепископа Сильвестра. При этом в работе новосибирского историка нет анализа содержания сводки, не приводится цитат из нее [13].

В сводке Омской губЧК № 3 за первую половину февраля 1920 г. о деле архиепископа Сильвестра говорилось следующее: «К числу контрреволюционной деятельности духовенства нужно отнести «Дело о Высокопреосвященнейшем Архиепископе Сильвестре», разработка которого, в настоящее время ведется Секретно-оперативным отделом. Установлены следующие факты контрреволюционной деятельности последнего: 1) издание им листовок с изображением иконы Св. Николая, будто бы оскверненной большевиками, обстрелявшими и продырявившими ее, где «как чудо уцелело изображение лика святителя». Последние распространялись в день крестного хода устроенного Сильвестром «с проклятием большевикам» 19 февраля 1919 г. Брошюры подписаны «Высокопреосвященнейшем Архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром» и были преподнесены «Верховному Правителю» как благословение на борьбу с большевиками. 2) Организация им белогвардейских дружин «Св. Креста» о чем свидетельствуют граждане МИЗЕВИЧ Антонина Осиповна, СИДОРОВА Анна Павловна, и ЛЕВИНДАЛЬ Фриц Янович. Б. «Положение о дружинах Св. Креста» изданные, но, правда не подписанные им, и утвержденные начальником штаба верховного главнокомандующего. Отзыв Сильвестра о «Дружинах Св. Креста» в газете Родина за № 14 в статейке «Святейший Патриарх Тихон» подписанной им под инициалами «В.А.С.». 3) Доклад протоиерея Садовского, высшему церковному управлению в Омске, председателем коего был Сильвестр, в котором, между прочим, указывается о якобы перенесенных унижениях ми оскорблениях архиепископом в бытность большевиков в 1918 г., о также о мнимых расстрелах в том же году крестных ходов в Туле и Харькове. 4) Отзыв об архиепископе Сильвестре в газете «Советская Сибирь» за № 20 в статье «Спереди блажен муж» и другие материалы всей церковной, антисоветской, черносотенной литературы. По окончании разработки дело предполагается передать Военно-Революционному трибуналу, для раскрытия перед народом и всеми обманутыми массами гнусной деятельности архиепископа Сильвестра и его помощников, как представителей духовенства» [14].

Приведенный фрагмент чекистского отчета позволяет сделать ряд выводов о жизни и деятельности архиепископа Сильвестра. Во-первых, процесс над Сильвестром готовился сибирскими чекистами только по согласованию с высшим партийным руководством Сибири. В пользу этого свидетельствует упомянутая чекистами публикация в газете «Советская Сибирь». В статье «Спереди блажен муж» приводилось последнее официальное обращение Сильвестра к пастве, в котором он призывал подчиниться советской власти, как «законной народно-государственной». Далее в статье приводятся факты борьбы Сильвестра против Советской власти и в заключении содержится призыв к суду над архиепископом. В статье говорилось: «Под сенью колчаковских, помещичьих поповских законов легко было разнузданно лгать. Но теперь лжецы и клеветники должны дать ответ, представить доказательства, кто и где совершал те действия, которые они так беззастенчиво приписывали Советской власти. Колчаку и его офицерским бандам, запоровшим тысячи крестьян, утопивших и расстрелявших сотни рабочих, изнасиловавших тысячи крестьянок, рясофорные смиренные клеветники помогали всеми силами. Теперь они с кислой миной говорят о признании советской власти. Но веры им быть не может. Ответ за свои ложь и клевету они должны держать перед трудовым народом» [15]. Газета «Советская Сибирь» была официальным органом Сиббюро ЦК РКП(б) и напечатанная в ней статья с обвинениями Сильвестра использованная чекистами при подготовке процесса, свидетельствовала о том, что сибирские коммунисты готовили общественное мнение к суду над архиепископом и были уверены в успехе этого мероприятия направленного против РПЦ.

Во-вторых, содержание чекистской сводки косвенно свидетельствует против версии о мученической смерти омского владыки в советских застенках. Сильвестр – мученик за веру, был не нужен и даже опасен для советского государства. Готовя показательный процесс над архиепископом, чекисты планировали подорвать его авторитет и, соответственно, авторитет управляемой им церкви в массах сибиряков. Живой Сильвестр был нужен власти на судебном процессе. Его пытки и тем более садистское убийство ей были не выгодны. Также следует отметить, что в исторических источниках нет достоверных сведений о применении пыток в Омской губЧК в 1920 г. В то время омские чекисты широко практиковали расстрелы за контрреволюционную деятельность, но проводили их в соответствии с действовавшими тогда нормами революционной законности, оформляли на подследственных дела, где содержалась информация о ходе расследования и приведенном в исполнение расстреле. Показательно, что в архиве Управления ФСБ России по Омской области дела на архиепископа Сильвестра на хранении нет. Процесс, который должна была широко освещать периодика, судя по всему, не состоялся из-за тяжелой болезни архиепископа и его смерти сорвавшей планы коммунистической власти. В этой связи логично предположить, что архиепископ не покинул Омск вместе со своевременно эвакуированным белыми в Иркутск ВВЦУ Сибири не потому, что хотел остаться с паствой в Омске, а по причине тяжелой болезни, не позволившей человеку преклонного возраста уехать из города.

В-третьих, по меркам эпохи социальных катаклизмов, когда шла бескомпромиссная Гражданская война, чекисты имели все основания для репрессий в

отношении омского архиепископа Сильвестра. Содержание приведенного фрагмента сводки убедительно доказывает, что владыка Сильвестр был активным участником Гражданской войны на стороне проигравших борьбу белогвардейцев. Он встал на сторону белого движения и, как глава РПЦ, на территории, находившейся под его духовной властью, повел за собой значительную часть духовенства и мирян «в крестовый поход» против большевиков. Исходя из характера своей политической деятельности, архиепископ Сильвестр не может быть признан жертвой необоснованных политических репрессий советской власти. В тех условиях по чрезвычайным законам военного времени, отмененным в Сибири лишь в 1925 г., победители имели все основания для расправы над побежденным духовенством, принимавшем участие в политической борьбе на стороне белого движения. По-видимому, болезнь спасла архиепископа Сильвестра от суда с печальным финалом. Для властей было важно, чтобы омский архиепископ публично покался перед советской властью, дискредитировав РПЦ. В противном случае за свою деятельность в белом Омске, он мог быть властями законно расстрелян.

Подчеркнем, что здесь мы ни в коем случае не оправдываем политических репрессий, проводимых советской властью в отношении духовенства. Но мы подчеркиваем, что события Русской революции и Гражданской войны в России сделали РПЦ в Сибири контрреволюционной организацией. Опыт насилия, аккумулировавшийся в российском обществе в ходе Гражданской войны, не мог просто исчезнуть по завершению крупномасштабных боевых действий. Накопившаяся в ходе нее в обществе практика насильственной борьбы с политическими противниками и инакомыслием делала репрессии в отношении православного духовенства Сибири, под руководством архиепископа Сильвестра участвовавшего в Гражданской войне на стороне белогвардейцев, явлением времени на протяжении 1920–1930-х гг. Ради справедливости также отметим, что белый террор был не менее жестоким, чем красный. В случае поражения большевиков, в соответствии с логикой Гражданской войны, их также неминуемо бы ждали политические репрессии – неизбежное последствие кровавой Гражданской войны в России при любом ее исходе.

Историк в своих суждениях обязан опираться на исторические источники, перепроверять информацию из них, и в случае ее подтверждения, оперировать историческими фактами, содержащимися в этих источниках. Существующие источники о смерти омского владыки Сильвестра, введенные в научный оборот М. Ф. Паниной, научно верифицируемы и на настоящий момент убедительно опровергают официальную версию о мученической гибели архиепископа Сильвестра. Вместе с тем, необходимо продолжить поиск источников о последних месяцах жизни омского архиепископа. Крайне интересными могут оказаться чекистские документы, объясняющие причину срыва показательного судебного процесса в отношении него.

При оценке личности архиепископа Сильвестра необходимо учесть связь идеологии белого дела с православием. Известный российский историк В. Ж. Цветков считает, что «Русскому Православию отводилась ведущая роль. Возрождение традиционных духовных ценностей, основ русской государствен-

ности, нравственной свободы, а самое главное – Веры – все это выражало идеологию российского белого движения» [16]. Учитывая, что в 1919 г. столицей Белой России был Омск, архиепископ Сильвестр фактически являлся духовным главой и наставником белого движения. Он сделал много для того, чтобы в ситуации раскола русского народа, на территории Сибири подвластной ему в церковном отношении, РПЦ сохранила догматические основы веры и выступила против большевиков в их защиту. Поэтому с точки зрения христианского вероучения святитель Сильвестр прошел исповеднический путь независимо от характера его гибели.

Библиографический список

1. Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (На примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфантьева) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 6.
2. Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 82.
3. Вести из Омска // Енисейский вестник. 1919. 24 декабря. С. 3.
4. Новые мученики Российские: Первое собр. материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. Jordanville, 1949. С. 179.
5. Новые мученики Российские: Второе собр. материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. Jordanville, 1957. С. 278.
6. Шихатов И. П. Архиепископ – бунтарь // Архивный вестник. №6. 1998. С. 37.
7. Там же. С. 34.
8. Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 308–309.
9. Митрополит Феодосий (Процюк). В вере ли Вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского. М., 2006. С. 94.
10. Васильева С. Священномученик Сильвестр (Ольшевский) // По ком звонят колокола. Сетевой миссионерский просветительский журнал // URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/3758> (дата обращения 27.06.2017).
11. Панина М. Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: № 19. Омск, 2014. С.123–126.
12. Миф о гибели архиепископа Сильвестра // URL: <http://voencomuezd.livejournal.com/1034489.html> (дата обращения 27.06.2017).
13. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 52.
14. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2А. Д. 2. Л. 31-31об.
15. Спереди блажен муж // Советская Сибирь. 1920. № 20.
16. Цветков В. Ж. Церковь и власть в годы «красной смуты» // Белая гвардия. Альманах. М., 2008. № 10. С. 13.

А. В. ТАГИЛЬЦЕВА (Тюмень)

Военно-исторический клуб «43–й Сибирский стрелковый полк»

**«ДУША – БОГУ, ДОЛГ – ОТЕЧЕСТВУ»:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПОЛКОВНИКА И. Г. ЕРМОЛАЕВА**

Аннотация: В данном исследовании на основе ранее не публиковавшихся источников, выявленных автором и впервые вводимых в научный оборот, представлена реконструкция биографии кадрового офицера, участника Русско-Японской, Первой мировой и Гражданской войн, полковника Ивана Гавриловича Ермолаева.

Ключевые слова: офицерство, Русско-Японская война, Первая мировая война, Тобольск, Омск, генеалогия.

A. V. TAGILTSEVA (Tyumen)

Military-Historical Club «43rd Siberian Rifle Regiment»

**«SOUL FOR GOD, DEBT FOR FATHERLAND»:
PAGES OF THE BIOGRAPHY OF COLONEL I. G. YERMOLAYEV**

Annotation: In this study, based on previously unpublished sources identified by the author and first introduced into scientific circulation, the reconstruction of the biography of a career officer, a participant in the Russo-Japanese, First World War and Civil War, Colonel Ivan Gavrilovich Ermolaev is presented.

Keywords: officers, Russian-Japanese war, World War I, Tobolsk, Omsk, genealogy.

Среди современных ученых, изучающих Гражданскую войну, историко-биографический жанр находит широкую популярность. Особый колорит здесь имеют судьбы генералитета и старшего офицерства, чья служба поочередно, в силу различных обстоятельств, приходилась на противоборствовавшие стороны. Весомых успехов в таких исследованиях, на наш взгляд, добились военные историки А. В. Ганин, В. В. Каминский, Д. И. Петин [1, 2, 3, 4].

В этой работе мы представляем читателю непростую судьбу коренного тоболяка, потомственного военного Ивана Гавриловича Ермолаева. Его жизненный путь разделился на две части: в одной были слава и подвиги, безупречное служение долгу и заслуженное признание. Во второй – забвение, унижение и нищета. Границей между ними стал военно-революционный период 1917–1920 гг. Профессию военного Иван Гаврилович выбрал, очевидно, не случайно. Его отец Гаврила Анисимович с малолетства воспитывался в Звериноголовской роте военных кантонистов в одном из старейших поселений на юге Зауралья (сегодня территория Курганской области). Обучались в таких учебных заведениях, как правило, дети солдат. Курс был рассчитан на 8 лет и, главным обра-

зом, готовил юношей к воинской службе. Впрочем, выпускников, показавших особенные успехи, могли принимать в ту же школу преподавателями, именно это и произошло с Гаврилой Ермолаевым в 1844 г. [5]. В 1853 г. его переводят на должность учителя в один из самых известных в то время Саратовский батальон военных кантонистов, ещё четыре года спустя Г. А. Ермолаев переведен в роту военных кантонистов в Тобольске. В 1857 г. по указу императора Александра II школы кантонистов были преобразованы в училища. Ермолаев исполнял должность учителя Тобольского училища до 1860 г., после чего «за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы и уволен с воинской службы для поступления в гражданскую» [6].

О серьезном отношении к службе Ермолаева-старшего говорит его формулярный список. За безупречную и беспорочную службу он был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст. Св. Владимира 4-й ст. (за 35-летнюю службу) и денежными выплатами [7].

В семейной жизни Гаврила Анисимович, как истинный сибиряк, оказался таким же основательным, как и в службе. К 1874 г. в его семье родилось 8 детей, сын Иван – второй по старшинству – во многом повторил судьбу своего отца. Герой этой статьи родится в Тобольске 22 марта 1857 г. [8]. Закончил классическую гимназию в Тобольске, а в свой двадцатый день рождения в 1877 г. юноша поступил вольноопределяющимся Западно-Сибирский линейный батальон в Омске. Через полгода его направили в Казанское пехотное училище, после производства в офицеры в 1881 г. Иван Ермолаев был направлен служить в Тобольский резервный батальон. На 1897 г. он заведовал учебной канцелярией полка [9]. В полку Иван Ермолаев служил, по семейной традиции, верой и правдой до выхода на пенсию. Его карьерный рост шел небыстро: прапорщик (ст. 16.01.1882), подпоручик (ст. 11.02.1883), поручик (ст. 11.02.1887), штабс-капитан (ст. 15.03.1898). Русско-Японскую войну Ермолаев встретил капитаном (ст. 06.05.1900) [10].

Здесь надо сделать отступление и рассказать об источниках информации, которые помогли вернуть из небытия нашего героя. Кроме списков офицеров по старшинству и списков офицеров, раненных и убитых во время Русско-Японской войны (печатались в журнале «Нива»), нами была использована анкета и материалы допросов И. Г. Ермолаева Народным судом Тобольского уезда в 1922 г. В первых двух источниках сведения даны чрезвычайно кратко. Сам же Иван Гаврилович об участии в японской кампании сообщает буквально одним словом – «участвовал» [11]. Но подробно судить об этом можно по истории 9-го Тобольского пехотного полка, в составе которого Ермолаев отправился на фронт из родного города. Полк побывал во всех крупных сражениях Русско-Японской войны – при Вафангоу, Дашичао, у Санченцзы, под Ляояном и под Мукденом [12]. В последнем сражении Ермолаев был ранен и контужен. За боевые отличия Иван Гаврилович получил чин подполковника (ст. 28.09.1904) и две награды – ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904) и Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905) [13].

После войны полк преобразовали в 9-й пехотный Сибирский резервный Тобольский, два его батальона были расквартированы в Тюмени. Служба под-

полковника Ермолаева продолжается на новом месте. Он замечен командованием – в 1906 г. представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом; в 1907 г. – ордену Св. Анны 2-й ст. с мечами. В остальном жизнь в провинциальной небогатой Тюмени текла неспешно. Главной задачей офицеров полка было распустить по домам вернувшихся с фронта стрелков и набрать рекрутов для дальнейшего обучения. О личной жизни И. Г. Ермолаева известно немного. Согласно данным Первой всеобщей переписи 1897 г. по Тобольску в переписных листах на семейство И. Г. Ермолаева указано, что проживал он в собственном деревянном доме в Аптекаарском переулке (на тот момент ему уже исполнилось 39 лет). Вместе с ним жили его младший брат Федор Гаврилович Ермолаев и Владимир Юманович Кондратов с малолетним сыном – оба офицеры Тобольского резервного батальона. Обязанности прислуги в доме выполнял солдат Александр Солянин [14]. Женится Иван Гаврилович довольно поздно даже по меркам начала XX в. По нашим предположениям это произошло в Тюмени не позднее 1908 г.; его жена Наталья Михайловна была младше мужа на 28 лет, в 1909 г. у Ермолаевых родилась дочь Наталья [15].

1 августа 1910 г. Высочайшим повелением 9-й Тобольский и 10-й Омский резервные полки объединены в 43-й Сибирский стрелковый полк со штаб-квартирой в Омске, куда едет служить подполковник Ермолаев. А 31 декабря 1913 г., в 56 лет он был произведен в полковники с увольнением от службы по возрастному цензу с мундиром и пенсией. В этом же году Ермолаевы уезжают жить в Москву [16]. Но тихая жизнь отставного офицера продолжается недолго. С началом Первой мировой войны полковника Ермолаева мобилизовали. «Вначале командовал 322-м Солигаличским пехотным полком, – напишет он в анкете позже. – Затем служил в 323-м Юрьевецком полку», где несколько месяцев 1915 г. был командиром полка. Подавая пример своим офицерам и солдатам, воевал Ермолаев храбро, за что был награжден Георгиевским оружием (ВП 24.01.1917), орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (ВП 05.01.1916). За отличия в делах полковник Ермолаев был удостоен Высочайшего благоволения (ВП 12.09.1915). В 1916 г. после контузии наш герой направлен на излечение в Петроград и зачислен в резерв. В течение 1917 г. полковник Ермолаев был направлен в Ржев, служил начальником школы прапорщиков Западного фронта (вплоть до ее закрытия) [17].

1918 г. застаёт полковника Ермолаева в Москве, он вернулся к семье. В это тяжелое и голодное время, как он потом укажет на допросе, средства к существованию они получали от продажи своих вещей [18]. В итоге, Ермолаевы уехали в Тобольск, всё ещё сытый и относительно спокойный. Ехали долго, в Тюмени две недели жили в гостинице, ожидая пароход до Тобольска. «Между прочим, приходили красноармейцы и проверяли документы, – расскажет Ермолаев на допросе в 1922 г. – Взяли подписку о невыезде» [19]. Но 20 июля 1918 г. в город вошли части Чехословацкого корпуса, и полковник Ермолаев с семьей беспрепятственно выезжает в Тобольск. В родных стенах Иван Гаврилович не прожил и полмесяца – уездный воинский начальник приказал ему ехать в Омск, в штаб военного округа. «Как ни объяснял я ему, что состояние здоровья не позволяет мне вернуться в строй, он был непреклонным», – напи-

шет позднее Ермолаев [20]. Полковник выполнил приказ, оставив семью в Тобольске у родных. В Омске он был зачислен в резерв чинов, 4 месяца он ждал назначения. В это время случилось событие, которое ему позднее припомнят в ЧК – Ермолаева пригласили на празднование Дня Георгиевских кавалеров [21]. На торжественном обеде он беседовал с А. В. Колчаком [22].

В декабре 1918 г. в Тобольске открывается вакансия начальника гарнизона, Ермолаев принял эту должность, вернувшись в Тобольск. Памятуя о бунте в Тобольском тюремном замке в 1918 г., который был жестоко подавлен, Иван Гаврилович подчеркивал в анкете 1922 г.: «При мне не было никаких беспорядков в тюрьме, не занимался никаким усмирением, что может подтвердить весь Тобольск» [23]. С должности начальника гарнизона наш герой был смещен в июне 1919 г., как сам отмечает, «за слабохарактерность». Дело в том, что полковник Ермолаев отказался арестовать бывшего помощника Тобольского губернского комиссара, будущего комиссара советской милиции А. А. Благоволина. За это он был лишен должности, отправлен под домашний арест, а после переведен в действующую армию в подчинение генерала М. Н. Фукина (вместе с Ермолаевым воевал в Русско-Японскую войну). В сентябре 1919 г. Фукин назначил Ермолаева начальником обоза 2-ой армии. В январе 1920 г. обоз попал в окружение красных, полковник Ермолаев с другими офицерами и военными чиновниками оказался в плену [24].

Нашего героя отправили в Шадринск, затем освободили, разрешив жить в Омске. Но вскоре Иван Гаврилович был арестован как бывший белый офицер и заключен в лагерь. В октябре 1920 г. в числе 1500 бывших белых офицеров и чиновников, полковника Ермолаева этапировали в Петроград. Месяц он был в Крестах, его дело было пересмотрено, после чего нашего героя направили на Политические курсы для пленных офицеров. Дефицит профессиональных военных кадров заставлял руководство РККА армии активно привлекать на службу бывший командно-административный состав старой и белой армий: от юнкеров и младших офицеров до генералов. Они имели разный образовательный ценз и политические воззрения [25, 26, 27, 28]. Для «идеологической обработки» курсы (две дисциплины – структура советской власти и организация РККА) были организованы в Петрограде и в Москве. Но сказались возраст, прошлые контузии и ранения офицера: выпускника курсов, 63-летнего бывшего полковника Ермолаева 21 января 1921 г. Врачебная комиссия окружного управления военно-учебных заведений Петрограда признала негодным к военной службе. По заключению врачей наш герой был «уволен от военной службы с исключением с учета» [29]. Так для Ивана Гавриловича повторно началась гражданская жизнь, и главной заботой его стал поиск заработка. С 19 марта по 21 ноября 1921 г. он служил по вольному найму переписчиком мобилизационной части Омского губернского военкомата. Затем был завхозом детского дома № 13, но оставил должность 5 января 1922 г. по собственному желанию в силу слабого здоровья и вернулся в Тобольск [30]. Наверняка многочисленное семейство Ермолаевых поддерживало своего геройского родственника, ведь в традициях сибиряков – жить дружно большими семьями. Но ни на одном допросе никто из родных Ермолаева не был упомянут. Не удалось найти сведений и

о младшем брате Ивана Гавриловича – Федоре, служившем в 43-м Сибирском стрелковом полку до Первой мировой войны.

Интересен факт: бывший полковник И. Г. Ермолаев есть в списке скрывшихся с учета и уклонившихся от регистрации белых офицеров, в связи с чем, разыскивался Омским губернским отделом ГПУ с 30 августа 1923 г. [31]. Между тем, в материалах дела о сокрытии Ермолаевым звания офицера, начатом в августе 1922 г. в Тобольске, он отвечает на вопрос о неявке на регистрацию так: «Заявляю, что на регистрацию в ГПУ не явился, потому что в Омском губвоенкомате мне было сказано, что я, как инвалид, являться и не должен» [32].

Последний документ, рассказывающий о судьбе Ивана Гавриловича, датирован 2 апреля 1929 г. Это ответ на его ходатайство о восстановлении ему избирательных прав. В заключении сказано: «Принимая во внимание, что проситель И. Г. Ермолаев, бывший полковник царского времени, несмотря на свой преклонный возраст, был одним из активных и до конца преданных офицеров колчаковского правительства (в 1919 г. состоял начальником гарнизона г. Тобольска), в Красной Армии Ермолаев не служил, в какой-либо полезной работе себя не проявил и лояльного отношения к советской власти не имеет, поэтому ходатайство его признать не заслуживающим удовлетворения [33]. Ермолаев к этому времени жил в Тобольске со своей семьей, ему было 72 года. Никакой пенсии и вообще никакого дохода в конце жизни он не имел, был на иждивении жены Натальи Михайловны, она служила сестрой милосердия в Тобольском изоляторе и своим трудом содержала семью. Соседи Ермолаевых отзывались о семье нашего героя с уважением [34]. Из дела о восстановлении избирательных прав дочери полковника Н. Г. Ермолаевой узнаём, что в 1923 г. у Ивана Гавриловича и его жены родилась дочь Лариса [35]. Известно, что кроме дочерей Натальи и Ларисы в семье Ермолаевых были еще дети, но их судьбу установить не удалось.

Когда И. Г. Ермолаев ушел из жизни – неизвестно. Среди актовых записей о смерти по Тобольску и Тобольскому району за 1929–1936 гг. документа о его смерти нет. Не найдено сведений об иных мерах репрессивного характера в отношении И. Г. Ермолаева. На основании чего с долей вероятности можно утверждать, что полковник умер в 1937 г. или после этой даты. Мы считаем, что местом его захоронения стало Завальное кладбище Тобольска, расположенное недалеко от Октябрьской (бывшей Петропавловской) улицы, на которой И. Г. Ермолаев жил в последние годы. И ещё один факт. О семье Ермолаевых в Тобольске долго напоминал дом матери Ивана Гавриловича – Анны Дмитриевны Ермолаевой, расположенный тут же – на улице Октябрьской, 10. Здесь провел свои последние годы украинский поэт-революционер П. А. Грабовский (1864-1902 гг.), поэтому в советские годы дом оберегался государством. После 1988 г. здание разобрали для восстановления, но проект в итоге был забыт.

Подводя итоги, мы с сожалением отмечаем, что советская власть не оценила ратные подвиги И. Г. Ермолаева его и безупречную службу на благо России. Героический офицер умирал в забвении, старости и нищете. Но Иван Гаврилович остался верен самому себе, о своем жизненном пути говоря советскому правосудию так: «Все знающие меня могут подтвердить, что я не скры-

вал никогда и не имею надобности скрывать свою прошлую службу, так как всегда был честен, не проводил никаких репрессий, не творил несправедливостей и не подписывал смертных приговоров» [36].

Библиографический список

1. Ганин А. В. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. 2016. № 1. С. 36-39.
2. Каминский В. В. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Стогов – добросовестный военный специалист красной армии или заведомый «вредитель» в ее рядах? // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 59-70.
3. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266-299.
4. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал–майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
5. ГАТ. Ф. И–152. Оп. 33. Д. 641. Л. 10.
6. Там же.
7. Там же.
8. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
9. ГАТ. Ф. И–417. Оп. 2. Д. 2. Л. 38об.
10. Картотека Лихотворика А. А. Ермолаев Иван Гаврилович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=9215> (дата обращения 30.08.2017).
11. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.
12. Памятка 43 Сибирского стрелкового полка. 1711 – 1911. Сост. кап. И. Крылов. Омск, 1911.
13. Картотека Лихотворика А. А. Ермолаев Иван Гаврилович. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=9215> (дата обращения 30.08.2017).
14. ГАТ. Ф. И–417. Оп. 2. Д. 2. Л. 38об.
15. ГАТ. Ф. Р–462. Оп. 2. Д. 374. Л. 3.
16. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
17. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.
18. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 5об.
19. Там же. Л. 2об.
20. Там же. Л. 2об.
21. О возрождении данной традиции в белой армии см. подробнее: Сушко А. В. К вопросу о праздновании Дня Георгиевских кавалеров и восстановлении Георгиевских наград в белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 295-299.
22. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
23. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
24. Там же. Л. 6.

25. Абинякин Р. М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.

26. Варзаков И. В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.

27. Петин Д. И. Николай Rogozin: офицер–деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.

28. Ченская Т. В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.

29. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

30. Там же. Л. 11.

31. ГИАОО. Ф. Р-142. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.

32. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

33. ГАТ. Ф. Р–462. Оп. 2. Д. 373. Л. 1.

34. Там же. Д. 374. Л. 1.

35. ГАТ. Ф. Р–462. Оп. 2. Д. 374. Л. 1.

36. ГАТ. Ф. Р–41. Оп. 1. Д. 22. Л. 3об.

Т. А. ТЕРЕХИНА (Омск)
Исторический архив Омской области

**ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ АРХИВНЫХ ФОНДОВ В РСФСР:
«ПЕРВЫЕ ОМСКИЕ ЭШЕЛОНЫ» (1924–1926 гг.)**

Аннотация: Данная публикация посвящена одному из региональных аспектов централизации архивного дела в РСФСР в 1920-х гг., связанному с передачей на постоянное хранение из Омска в Москву документального наследия, связанного с периодом XVIII-XX вв., и в том числе, сибирской контрреволюцией. Основой для подготовки работы стали неопубликованные источники по названному вопросу, хранящиеся в Историческом архиве Омской области.

Ключевые слова: Москва, Омск, архивы, Гражданская война, источники.

T. A. TEREKHINA (Omsk)
Historical archive Omsk region

**CENTRALIZATION OF ARCHIVAL HOLDINGS IN THE RSFSR:
«FIRST OMSK TIER» (1924-1926).**

Annotation: This publication is dedicated to one of the regional aspects of the centralization of archives in the USSR in the 1920s, related to the transfer to permanent storage from Omsk to Moscow documentary heritage period 18-20 centuries, and Siberian counterrevolution too. The basis for the preparation work began unpublished sources on these issues that are stored in the Historical archive Omsk region.

Keywords: Moscow, Omsk, archives, Civil war, sources.

В Историческом архиве Омской области хранятся интереснейшие источники, рассказывающие об аспектах биографии многих известных военных и политических деятелей периоды революции и Гражданской войны. Это документы об учебе в Сибирском кадетском корпусе Л. Г. Корнилова, В. В. Куйбышева, бегстве из Березовской пересыльной тюрьмы Л. Д. Троцкого, ссылках и побегах из тюрем И. В. Сталина, пребывании в Омске А. В. Колчака.

В период восстановления нашего государства после Гражданской войны архивисты спасли для науки и народного хозяйства документные комплексы общегосударственного и регионального значения, благодаря чему сегодня стало возможным их широкое научное и практическое использование.

После окончания Гражданской войны по всей России было необходимо выявить и привести в порядок значительные по объему комплексы архивных

документов. Этой важной и непростой работой в Омском Прииртышье изначально занимался Западно-Сибирский отдел Русского географического общества во главе с председателем А. Н. Седельниковым.

В январе 1920 г., в соответствии с Декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (далее – Декрет) было учреждено Омское губернское архивное управление (Омгубархив), при котором создан губернский архив. Несмотря на тяжелые условия, в холодных помещениях, при большом скоплении пыли архивисты вели работу по упорядочению фондов учреждений Временного правительства, колчаковских министерств, судебных, полицейских и других правительственных и военных учреждений. В соответствии с пунктами 1–4 Декрета восемь вагонов документов в итоге было отправлено в Москву в распоряжение главных органов управления архивным делом страны.

Цель нашего исследования – рассмотреть «содержимое» первых омских эшелонов с архивными документами, отправленными в Главархив РСФСР (с 30 января 1922 г. – Центрархив РСФСР), за период 1924-1926 гг., согласно проводимой в РСФСР централизации архивных фондов.

В тот период возглавлял архивную службу нашего региона А. Н. Иванов. Он имел по меркам того времени прекрасное образование, работал ранее в Омском окружном инженерном управлении, служил в 4-м Сибирском армейском корпусе, в штабе Омского военного округа и затем уже – архивистом в Омгубархиве с момента его образования. С октября 1924 г. его сменил А. О. Зубков, заведующий политсекцией Омгубархбюро [1].

Тяжелейшие условия работы архивистов вынуждают архивное руководство постоянно обращаться в вышестоящие организации. Зимой 1923 г. А. Н. Иванов пишет в Губернский отдел народного образования и Сибархив: «Работа в губ[ернском]архиве приостанавливается. В дальнейшем существованию архива грозит серьезная опасность. Сотрудники разбегаются. Дальше удерживать их на работе не имею моральных оснований. За январь-февраль они не получили ни куска хлеба, ни копейки денег. Прошу срочных указаний, что и как делать дальше. Как работать без сотрудников, приводить в порядок свезенные архивы без надлежащих средств» [2]. Не дождавшись ответа и помощи, А. Н. Иванов вскоре обращается вновь в те же инстанции: «Центральное отопление бездействует. Есть одна железная печь, но из-за отсутствия денег нет возможности приобрести дрова или уголь. Вечернюю работу организовать нельзя из-за отсутствия керосина» [3].

Кроме сложностей материального порядка было в тот период еще одно тяжелое обстоятельство, о чём на съезде Объединенного общества производителей сил в Сибири (Новосибирск, 1926 г.) сообщил научный сотрудник Омского архивного бюро Г. А. Баронов: «Приходится по требованию Центрархива... пересылать в Москву документы. Отправлены дела о Пугачевщине, декабристах, все дела правительства Колчака. В настоящее время отправляются дела, касающиеся и 5-й Красной Армии. Словом, научная ценность омского архива продолжает падать...» [4]. А начало этому процессу было положено циркуля-

ром Центрального архива от 31 января 1924 г. всем губернским (областным) архивным бюро и архивным управлениям автономных республик и областей. В этом документе предлагалось в самом срочном порядке сообщить сведения обо всех находящихся в распоряжении материалах, имеющих отношение к Пугачевскому движению (1773-1775 гг.) и могущих быть использованными для всестороннего освещения этого движения. Так, должны были быть представлены следующие сведения: 1. Уральская горная промышленность. 2. Яицкое казачество в 60-х гг. XVIII в. и накануне Пугачевщины. 3. Пугачев и его сообщники: организация, деятельность и усмирение. 4. Крестьянское движение 60-70-х гг. XVIII в. и Пугачевщина в частности. 5. Правительственная политика по ликвидации последствий восстания [5].

В 1925-1926 гг. были получены аналогичные циркуляры Центрархива, касающиеся централизованной передаче архивных документов о декабристах (1825 г.) и документов бывшего правительства Колчака [6]. Сбор, описание архивных документов о Пугачевщине и декабристах был произведен оперативно, и уже 14 августа 1925 г. в Центрархив за № 344 было отправлено подписанное заведующим губернским архивным бюро А.О. Зубковым сообщением следующего содержания: «Предоставляю квитанцию накладной, отправлены малой скоростью за № 352916, Омской железной дороги, арх[ивным]бюро по пугачевскому движению 1774 г. и декабристов 1825 г. Приложение: квитанции накладной за № 352916 и описи отправленных материалов» [7].

В сообщении в Центрархив дается общая характеристика всех переданных документов: «Для отправки в Москву сформировано 37 дел. Эти документы отражают общее бытовое и правовое положение, в котором находились так называемые государственные преступники, сосланные в Западную Сибирь. Местами ссылки декабристов были Березов, Сургут, Пелым, Нарым как наиболее отдаленные места с суровым сибирским климатом. Декабристы, числящиеся благонадежными, отправлялись в Бухтарминск, Курган и Ялуторовск. Губернатором производился обязательный контроль почтовой переписки. Перевод декабристов из одного места ссылки в другое, равно как и вступление в брак, проводились с большой волокитой и разрешались только императором. Из денег, высылаемых декабристам богатыми родственниками, выдавалось не более 1000 руб. в год. Беднейшие декабристы состояли на казенном довольствии, получая солдатский паек. Вся личная жизнь ссылных отражена в месячных отчетах губернатора шефу жандармов, сообщавших даже самые незначительные детали, как, например, «разводит цветы», «ловит удочкой рыбу» [8]. Вот названия некоторых дел, отправленных в Центрархив: «О титулярном советнике Семёнове, принадлежавшем к тайному обществу», «О правилах выдачи государственным преступникам, поступившим от их родственников, денег и о позволении Матвею Муравьеву-Апостолу устроить себе в Пухтарме хозяйство вне стен крепости», «О секретном наблюдении за поведением, связями, образом мысли надворного советника Здора» и др. [9].

По пугачевским делам подготовили 12 книг, объединенных общим заголовком «Дела по секретной части Пугачевской экспедиции» [10]. Следует отметить значительные объемы этих книг. Так, дело Секретной части Пугачевской экспедиции за период 1 июля 1773 г. по 20 февраля 1774 г. насчитывало 690 листов. Приказы, рапорты, донесения, промемории, ордера и прочие деловые бумаги по Секретной части Пугачевской экспедиции за период 1 августа 1774 г. по 31 августа 1774 г. состояли из 551 листа. Рапорты, донесения, приказы, ордера по секретной части Пугачевской экспедиции (Ликвидация бунта) за период со 2 октября по 30 декабря 1774 г. составляли дело из 318 листов [11].

2 февраля 1926 г. Управление Центрархива предлагает безотлагательно выслать следующие материалы колчаковского архива для присоединения их к основному фонду в Москве: «1. Министерства снабжения Колчака – 1098 дел; 2. Омского отдела внутренних водных путей Колчака – 317 дел; 3. Министерства земледелия и колонизации – 422 дела; 4. Министерства торговли и промышленности Колчака – 89 дел; 5. Министерства труда – 533 дела» [12]. Дополнительно к указанным в письме из Управления Центрархива, в котором речь шла о пяти фондах и 2479 единицах хранения, в ходе разборки и систематизации архивных материалов омские архивисты сформировали еще один фонд – Таможенных сборов, в результате чего общее количество дел бывших колчаковских министерств составило 2997 единиц хранения. Несмотря на то, что уже к июню 1926 г. были готовы описи 6 фондов министерств бывшего правительства Колчака, а обработанные и подобранные по описям документы находились в архивном бюро, их отправка в Центрархив задерживалась [13]. Ее произвели лишь в сентябре 1926 г., о чем заведующий архивным бюро А. О. Зубков сообщил в Сибархив: «Все имеющиеся в архиве материалы этих фондов 17 сентября за № 648 отправлены в Москву по железной дороге малой скоростью в адрес Центрархива. После этой высылки в Омском архивном бюро не осталось ни одного дела архивного фонда Колчака» [14].

Причиной несвоевременной отправки документов была затянувшаяся, не всегда лицеприятная, переписка Сибархива, Омского окружного исполнительного комитета Советов с Центрархивом об оставлении этих документов в местном архивном бюро. В конечном итоге, несмотря на многочисленные контраргументы омичей, 2 августа 1926 г. письмом за № 35017/с Центрархив предложил Омску в срочном порядке выслать в Москву все 6 фондов колчаковского правительства [15]. В отчете за 1926 г. заведующий архивным бюро А. О. Зубков отмечает: «Для переписки описей шести фондов министерств бывшего правительства Колчака, подлежащих пересылке в Центрархив, была приглашена машинистка» [16]. Видимо, руководствуясь «профессиональным чутьем» архивист решил: коль невозможно оставить в Омске материалы, пусть хоть их описи частично помогут в будущем омским исследователям сориентироваться, где и какие документы можно найти. Описи документов, отправленных в Центрархив в 1924-1926 гг., находятся на постоянном хранении в архивном фонде архивного управления МГПР Омской области [17].

Начало ХХI в. ознаменовалось возрастающим интересом к личностям, принимавшим участие в сложных неоднозначных исторических процессах. Омская научная общественность, а также архивисты и краеведы, постоянно обращаются к документам периода Гражданской войны и первых лет советской власти, обогащая отечественную историю новыми фактами и открытиями. Бесспорно, эта работа могла быть более результативной, если бы архивные документы Омского Прииртышья оставались в ведении региона.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 64. Л. 19об.
2. Там же. Д. 57. Л. 56, 56об.
3. Там же. Д. 32. Л. 12.
4. Там же. Д. 57. Л. 56, 56об.
5. Там же. Д. 24. Л. 30.
6. Там же. Л. 14.
7. Там же. Д. 30. Л. 112.
8. Там же. Л. 131, 131об.
9. Там же. Л. 115, 115об.
10. Там же. Л. 117.
11. Там же. Л. 117, 117об.
12. Там же. Л. 138.
13. Там же. Л. 157.
14. Там же. Л. 17, 18об.
15. Там же. Л. 17.
16. Там же. Д. 34. Л. 73об.
17. Там же. Д. 30.

В. И. ТЕТЕРИН (Пермь)

Пермская государственная сельскохозяйственная академия

ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ ПЕРМСКИМ ЗЕМСТВОМ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Аннотация: Статья посвящена работе органов местного самоуправления по снабжению армии в условиях революции 1917 г. В историографии местного самоуправления есть лишь отдельные отрывочные сведения о роли земства на местах в организации тыла в 1917-1918 гг. Временное правительство сделало свою ставку на местах именно на органы местного самоуправления, что дало им широкие перспективы. Но для реализации своих идей гласным земства в первую очередь необходимо было решить финансовые проблемы. Цель работы – анализ региональных особенностей организации тыла армии. Автор рассматривает новые явления в этой сфере, вызванные революционной ситуацией, на материалах Пермской губернии.

Ключевые слова. Местное самоуправление, земство, Первая мировая война, революция, локальная история.

V. I. TETERIN (Perm)

Perm state agricultural academy

THE ARRANGEMENT OF A SUPPLY SUPPORT BY THE ZEMSTVO OF PERM UNDER THE REVOLUTIONARY CONDITIONS OF 1917

Annotation: The article passes the provisional activity of the local authorities under the revolutionary conditions of 1917 in review. There are only fragmentary facts in the currently available historiography on the zemstvos role in the logistical communication management. The Temporary government waged videlicet on the local authorities, which provided them with vast opportunities. Nevertheless, to implement their ideas, the council members were to solve the financial issue. The purpose of the article is analyses the regional peculiarities un the logistics organization. The author reviews new occurrences on the revolutionary grounds, relying on the Perm province materials.

Keywords: Local self-government, the zemstvo, First World War, Revolution, local history.

Одной из важнейших задач для органов местного самоуправления в 1917 г. в условиях продолжавшейся Первой мировой войны было решение продовольственного вопроса, в том числе, снабжения армии и страны хлебом. Гласные земства за счёт имевшихся ресурсов предполагали наладить продовольственное снабжение в Пермской губернии, и использовать это в политических целях. Ситуация осложнялась постепенным перетеканием

в течение 1917 г. Первой мировой войны в Гражданскую войну, что в любой момент могло превратить Пермскую губернию из дальнего тыла в ближний.

Продовольственный кризис заставлял Временное правительство идти на крайние меры [1]. При участии земства на местах 25 марта 1917 г. ввели хлебную монополию. Это мероприятие правительства должно было способствовать урегулированию продовольственного плана, главной целью которого была общая стабилизация в стране. Предлагалось установить твёрдые цены на основные сельскохозяйственные продукты – хлеб, мясо и яйца, но при условии справедливых по отношению к крестьянам-поставщикам цен (при соответствии их ценам на продукты массового потребления). Твёрдые цены были установлены даже на сено и солому урожая 1917 г. [2].

Значительная часть военных поставок ложилась в это время на местное самоуправление [3]. Земства выдавали кредиты, снабжали сырьём артели портных, сапожников и другие, выполнявших заказы для армии. В то же время земские управы занимались организацией хлебозаготовок в губернии. Причём объём закупок в 1917 г. многократно возрос по сравнению с 1914 г. Во многом такой эффективной политике способствовало создание в мае в уездах продовольственных комитетов, которые тесно сотрудничали с земством.

Но поставки в армию шли не в рамках губернии, а по отдельным военным округам, создавая большие сложности в организации процесса. Ряд зауральских уездов относился к Омскому военному округу. В итоге, сильно пострадало население Верхотурского уезда, зависевшего от поставок продовольствия из Камышловского и Шадринского уездов. Верхотурское уездное земское собрание в июне 1917 г. ходатайствовало через губернскую продовольственную управу о включении этих уездов обратно в состав Казанского военного округа (частью которого была Пермская губерния), дабы избежать затрат при поставке необходимых продуктов из других губерний [4].

Вскоре возник ещё один конфликт Пермского продовольственного комитета с уполномоченным Омского военного округа по заготовке продуктов для армии С. М. Кочергиным, заведующим Омской молочно-хозяйственной лабораторией. Пермское земство установило в Шадринске цену на масло в размере 70 руб. (выше твёрдой цены). Омский уполномоченный отменил эту цену. Пермский продовольственный комитет в ходе оживлённой переписки с Министерством продовольствия, с подключением комитетов других заинтересованных губерний (Уфимской и Вятской) отстоял решение установить цену выше твёрдой [5]. Так, органы местного самоуправления продемонстрировали активную позицию в решении важных для губернии вопросов. Это подтверждает возросшую значимость органов самоуправления.

В 1917 г. сбор основных зерновых культур в Пермской губернии превысил показатели Европейской России. Средний по России урожай пшеницы был 50 пудов с 1 десятины, а в Пермской губернии – 57 пудов [6]. Но это не решило продовольственную проблему. Уездов с высокой урожайностью в Пермской губернии было мало. Выращенный хлеб покрывал лишь собственные нужды. Отдел заготовки и снабжения продовольственными и семенными хлебами и фуражом при Министерстве продовольствия летом 1917 г. разработал планы

снабжения страны хлебом на новый хозяйственный год; по ним Пермская губерния была отнесена ко ввозящим зерно. На август было запланировано ввезти 300 тыс. пудов пшеницы и 25 тыс. пудов муки. Ввозить зерно предполагалось из Тобольской губернии. В отличие от других губерний, в Пермь доставляли в основном зерно; этот показатель здесь опережал другие регионы. Муку ввозили крайне мало по сравнению с другими губерниями. Только в Петроград планировали ввезти 990 тыс. пудов муки [7].

Для решения проблем с поставкой продуктов Министерство продовольствия разослало телеграммы с требованием о сокращении нормы потребления в местные продовольственные комитеты. Такие же телеграммы получают и органы самоуправления на местах. В конце мая 1917 г. Соликамское земство даже получило телеграмму от министра земледелия А. И. Шингарёва, указывавшую переходить на карточную систему распределения продуктов [8]. Была установлена норма 30 фунтов муки и 3 фунта крупы на человека. Тем, чья деятельность была связана с тяжёлым физическим трудом, норма повышалась в 1,5 раза. А 9 июня продовольственная управа Соликамска запретила продажу рогатого скота среди населения города [9]. Продавать скот можно было только по специальному разрешению, а всех проданных животных необходимо было регистрировать. Так можно было контролировать потребление горожанами мяса в установленных рамках $\frac{3}{4}$ фунта в неделю на человека (для лиц, чья работа связана с тяжёлым физическим трудом, – 1,5 фунта в неделю). Управа разрешала каждому конкретному мяснику забивать определённое количество скота на бойне – каждое животное было учтено, вплоть до породы и веса. Например, соликамская управа разрешила мясникам Кочергину, Долгих и др. забить 5 голов рогатого скота, в том числе корову черно-пёструю 6 пудов веса [10].

Кроме того, на местах уездные земства должны были установить норму на потребление продовольственных продуктов крестьянами. При расчёте этой нормы опирались на земскую статистику по урожаю за 1916 г. и данные о численности населения [11]. Было установлено, что в некоторых уездах потребление хлеба превышает его производство. Земскими статистиками было подсчитано, что на 312 594 жителя Пермского уезда при средней норме потребления хлеба 1 пуд в месяц потребуется 3 750 048 пудов зерна. Дополнительно для засева необходимо было 867 030 пудов зерна. В то же время урожайность составила 3 568 446 пудов, т.е. потребность уезда превышала производительность на 1 030 632 пуда. Также расчётные цифры сразу были заявлены земцами как условные, с возможностью увеличения дефицита зерна. Решением проблемы и должны были стать твёрдые цены на хлеб и монополия на его продажу.

Северные уезды Пермской губернии, где сельское хозяйство не было развито, весной 1917 г. столкнулись с дефицитом посевного зерна. На Верхотурском земском собрании продовольственный вопрос был основной проблемой [12]. Гласные отмечали, что к апрелю не поступило семенного хлеба. Из Екатеринбурга прислали лишь 78 000 пудов овса (50 % необходимого). Проблему решили, подключив губернский продовольственный комитет; из Верхотурья в Екатеринбург и Пермь направили двух агрономов, занявшихся поставкой зерна в уезд. В зерновых уездах ввод твёрдых цен на пшеницу был крайне

невыгоден местному населению. Неудивительно, что уездные земства были против этой инициативы. В Шадринске местное земство, учитывая интересы жителей уезда, и особенно мелких и средних хозяйств, сначала отказалось вводить твёрдые цены на хлеб. Но, исполняя государственную волю, земцы вынужденно ввели монополию на хлеб. Чтобы смягчить негативное восприятие населением этой реформы, гласные объявили её временной мерой, крайне необходимой государству [13]. Отметим, что губернское и уездное на земство возлагалась задача ознакомить сельское население с законом о монополии на хлеб, донести информацию о нормах потребления, установленных в уезде ценах. Для этого предполагалось издать специальные брошюры и листовки. За предыдущий хозяйственный год (1 августа 1916 г. – 1 августа 1917 г.) расчёт вёлся уже по новым ценам, а покупка и продажа скота без разрешения продовольственной управы не разрешалась.

В октябре 1917 г. губернская управа добилась повышения твёрдых цен в Пермской губернии [14]. Новые цены на отпуск продукции, на закупки для армии стали выгодны населению. В итоге, жители губернии, как и по всей стране, начали добиваться установления твёрдых цен и на другие товары. Земская управа Ирбитского уезда отправила в губернский комитет телеграмму с просьбой установить твёрдые цены на предметы первой необходимости [15].

Городское и уездное земское самоуправления активно сотрудничали по вопросам продовольствия. В Соликамском уезде вёлся учёт лиц, имеющих запасы ржаной муки на месяц и более [16]. Для этого устанавливались общие нормы потребления, по ним составлялся список, как в городе, так и в уезде. В Камышловском уезде продовольственная управа установила расценки на рогатый скот [17]. Весь уезд был разделён на центральные и восточные волости. Стоимость живого веса скота в центральных волостях уезда была установлена выше, чем в восточных. Постоянно растущие потребности армии вносили свои коррективы в экономическую жизнь страны. Даже сотрудничество городского и земского самоуправления не всегда позволяло решить проблемы обеспечения населения продовольствием. Обременительные поставки в армию вынудили продовольственный комитет законодательно сокращать потребление мяса. В период с 21 по 31 октября 1917 г. в армию было направлено 646 голов крупного рогатого скота общим весом 8965 пудов, а местному населению – 382 головы весом 5997 пудов [18]. Практически каждый месяц в губернию мяса уходило меньше, чем в армию.

Продовольственные управы Пермской губернии в 1917 г. контролировали перемещение продовольственных товаров в губернии. Учитывались товары во всех магазинах. Только в Перми предполагалось за 1917 г. продать товаров на 147 244 руб., тогда как годом ранее товаров было продано всего на 842 635 руб. Для контроля уездные продовольственные управы запрашивали сведения от волостных, а те в свою очередь проводили ревизии непосредственно в магазинах. В случае необходимости они могли даже реквизировать их в пользу города или уезда. Например, Ирбитская продовольственная управа реквизировала ящик с товарами, в т.ч. чая 30 фунтов, фруктового чая 5 фунтов, сушёной вишни 20 фунтов [19]. Иногда волостные земства, наоборот, просили

уездные остановить ревизии. Кочёвская волостная управа сообщала Чердынской уездной продовольственной управе о наличии хлеба и овса в магазинах села Кочёво. Однако волостная управа просила не изымать этот хлеб, так как в волости наблюдалась острая нужда в хлебе [20]. Уездная управа пошла навстречу волостному правлению. Важной задачей для уездных продовольственных управ было распределение и продажа табака и папирос. Эти товары предназначались раненым, солдатам, служащим и рабочим. В июне 1917 г. на этой почве даже возник конфликт между Кунгурской и Красноуфимской управами. Кунгурская управа «реквизировала для нужд населения табак и папиросы, прибывшие на станцию Кунгур на сумму 2096 руб. 40 коп., адресованные торговому дому Валитова в Красноуфимске». В ответ из Красноуфимска пригрозили «применить соответственные меры для пресечения таких поступков, вносящих разруху в хозяйственную жизнь народа» [21]. Лишь в сентябре городская продовольственная управа вернула средства за 25 ящиков реквизированного табака. Однако сумма составила значительно меньше, чем требовал красноуфимский купец, – 1100 руб., по закупочной цене, стоявшей в квитанции торгового дома Ф. Е. Вахрамеева в Ярославле, откуда и был доставлен товар. В итоге конфликт был исчерпан, такие ситуации больше не повторялись.

Осенью 1917 г. Временное правительство для решения продовольственной проблемы предприняло попытку провести централизацию управления продовольственным делом в стране. В результате 4 октября 1917 г. Е. Д. Калугин, гласный Пермского земства, был назначен управляющим Министерства продовольствия в Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях [22]. На него были возложены обязанности по координации работы продовольственных комитетов этих губерний, а также оказание помощи продовольственным управам соседних уездов и губерний (Тюменский и Курганский уезды Тобольской губернии, Кустанайский уезд Тургайской области и т.д.). Калугин получил право привлекать все комитеты для организации поставок в армию, проводить ревизии в городах и уездах.

С приходом советской власти продовольственный вопрос, а значит и вопрос обеспечения армии, постепенно был выведен из компетенции земства. Ещё до ликвидации земства были упразднены продовольственные управы. 14 декабря 1917 г. в губернскую земскую управу и уездные управы разослали телеграмму из отдела заготовок и снабжения об их ликвидации и переходе продовольственного дела в губернии к уездным Советам [23]. Большевики, понимая сложность ситуации в губернии, поставили под контроль в первую очередь именно этот вопрос. В своей работе они использовали положительный опыт органов местного самоуправления Пермской губернии.

Таким образом, круг мероприятий земств в социально-экономической сфере был очень велик. Первостепенной задачей для земства было решение финансовых проблем. Долги, оставшиеся ещё с дореволюционного времени, многократно выросли в условиях общего экономического кризиса в 1917 г. Временное правительство не могло преодолеть экономические трудности земства и городского самоуправления, поэтому они были фактически предоставлены сами себе. Гласные вынуждены были искать самостоятельно пути выхода из си-

туации. От решения финансовых проблем напрямую зависели остальные задачи в социальной сфере. В рамках экономической деятельности остро стоял продовольственный вопрос. Необходимо было обеспечивать поставки в армию. Несмотря на финансовые проблемы, земство и городское самоуправление смогли организовать снабжение, как армии, так и жителей губернии продуктами. К концу года за счёт проведённых мероприятий гласных органов местного самоуправления экономическая ситуация в Пермской губернии была стабилизирована. Были сделаны прогнозы на следующий 1918 г. Но реализовать их уже не удалось, так как резко изменилась общая политическая обстановка в стране. Приход к власти большевиков свёл на нет все усилия гласных земства и городского самоуправления.

Библиографический список

1. КГА. Ф. 588. Оп. 1. Д. 376. Л. 22.
2. ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
3. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 459. Л. 1–18.
4. Там же. Д. 143. Л. 4–4об.
5. Там же. Л. 5–18об.
6. Семенченко И. В. Социально-экономическая жизнь земства на Урале в 1917-1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2010. № 4. С. 48.
7. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 4. Л. 2–3, 6.
8. Бакулин В. И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917-1919 годах. Соликамск, 1995. С. 28.
9. СКМ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.
10. Там же. Л. 4.
11. ПермГАНИ. Ф. 90 Оп. 4. Д. 822. Л. 18–19.
12. Журналы Верхотурского уездного земского собрания 33 чрезвычайной сессии 1917 г. в обновлённом составе. Верхотурье, 1917. С. 21-22.
13. Протокол продовольственного совещания по организации Шадринского уездного продовольственного комитета 9 мая 1917 г. Шадринск, 1917. С. 5–6.
14. ГАРФ. Ф. 1783 Оп. 4. Д. 108. Л. 25.
15. Там же. Оп. 6. Д. 67. Л. 13.
16. СКМ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 121. Л. 8.
17. Заря народопрравства. 1917. 25 мая. С. 4.
18. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 460. Л. 23.
19. Ирбитская жизнь (Ирбит). 1917. 1 октября. С. 1.
20. ГАПК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 4. Л.10.
21. КГА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 18, 255.
22. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Л. 128. Л. 1–2об.
23. ГАПК. Ф. 699 Оп. 1. Д. 4. Л. 6–6об.

М. Ю. ТРОФИМОВ (Омск)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**ПИСЬМА КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА
5-ГО СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА П. Е. КАЗАНЦЕВА**

Аннотация: Данная статья представляет собой обзорное исследование писем, написанных в короткий период Гражданской войны в Сибири с осенью 1919 г. Автор писем капельмейстер 5-го Сибирского казачьего полка Пётр Ефимович Казанцев, который писал их своей невесте Ольге Васильевне Долженко. Работа опирается как на семейные архивные данные, так и на данные, обнаруженные автором в Историческом архиве Омской области.

Ключевые слова: Гражданская война, Омск, семейный архив, письма, музыканты.

M. Yu. TROFIMOV (Omsk)

Omsk state university named for Dostoevsky

**LETTERS KAPELLMEISTER
OF THE FIFTH SIBERIAN COSSACK REGIMENT P.E. KAZANTSEV**

Annotation: This article is an overview study of the letters written in a short period of civil war in Siberia in autumn 1919. The Author of the letters, the Kapellmeister of the fifth Siberian Cossack regiment Peter Y. Kazantsev, who wrote them to his bride Olga Dolzhenko. The work is based on family history data and the data detected by the author in the Historical archive of the Omsk region.

Keywords: Civil war, Omsk, family archives, letters, musicians.

Автором статьи 4 апреля и 18 августа 2016 г. в Исторический архив Омской области были отданы на хранения подлинники писем и телеграмм, написанные в 1919 г. капельмейстером 5-го Сибирского казачьего полка и потомственным музыкантом Петром Ефимовичем Казанцевым (1894–1946). Документы после научно-технической обработки и описания вошли в архивную коллекцию «Коллекция документов участников Гражданской войны в России» [1]. Сегодня они уже доступны пользователям читального зала архива, но как нам известно, к данным документам еще не прикасалась рука историка-профессионала.

Почти все письма Петра Ефимовича адресованы его невесте Ольге Васильевне Долженко (1895–1976), она была первоначальным хранителем писем. В период переписки она служила журналисткой в Министерстве снабжения и продовольствия «омского» правительства, вела служебное делопроизводство. Согласно справке, выданной ей 1 ноября 1919 г., она оставила службу по собственному желанию, будучи удовлетворенной пособием в размере 4-х месячного содержания (5850 руб. 90 коп.) [2].

История писем П. Е. Казанцева в семейном архиве Трофимовых следующая. После Гражданской войны семья Казанцевых жила в доме покойного деда Ольги Васильевны Е. Д. Шайтанова (1847–1913) на ул. Войсковая д. 42. В результате появления прямых наследников дома Шайтановых Владимира Евгеньевича и Валентины Евгеньевны в начале 1920-х гг. чета Казанцевых перешла в соседний дом (ул. Войсковая д. 44) – дом родителей Ольги Васильевны, где семейный архив Казанцевых до 1968 г. бесхозно лежал. Со временем к нему прибавился архив семей Долженко и Трофимовых. При сносе в 1968 г. домов семейный архив пересмотрели, забрав оттуда наиболее ценные бумаги (изначальный объем архива не поместился бы целиком в однокомнатной «хрущевке» площадью 16 м²). К сожалению, до нас не дошли нотные листы, написанные от руки П. Е. Казанцевым, а также десятки дружеских шаржей и карикатур на него со стороны коллег. Отец автора статьи Юрий Павлович Трофимов взял на себя ответственность за хранение реликвий семьи. Кроме него в семье относились к архиву как к ненужным старым бумагам. Хранили архив в картонных коробках, долго стоявших как мебель в пустой квартире на улице Серова 24А. Со временем архив систематизировали по письмам и фотографиям. Сейчас благодаря семейному архиву появилась возможность увековечить историю членов семей Шайтановых, Долженко и Казанцевых.

Прежде чем перейти к обзору писем П. Е. Казанцева, осветим их предысторию, известную нам лишь по семейным рассказам. Петр Ефимович познакомился с Ольгой Васильевной в конце 1916 г. в кинотеатре «Кристалл-Палас» (что отчасти подтверждается его письмом к Ольге Васильевне от 7 сентября 1919 г.). Согласно объявлению газеты «Омский телеграф» 6 декабря 1916 г. в Омске открылся новый элегантный кинотеатр «Кристалл-Палас», его директором была Евдокия Александровна Плотникова [3]. П. Е. Казанцев, находясь на службе Войскового музыкантского хора СКВ, служил также в качестве первого тапера и в Кристалл-Паласе. Е. А. Плотникова очень хорошо знала семью Долженко, и предложила Ольге Васильевне должность второго тапёра, хотя она и была хорошей пианисткой, но тапёр из нее был никудышный; П. Е. Казанцеву пришлось обучать ее этой профессии. Последний имел великолепный слух, богатую музыкальную память и мог импровизировать, глядя на экран, что сложно было делать Ольге Васильевне. Ей приходилось заранее смотреть фильм, подбирать музыкальные произведения и учить их.

На этой почве возник служебный роман. Ольга Васильевна, как старший ребенок в семье есаула, обладала мужским характером и сама выбрала себе в мужа Петра Ефимовича. Она знала, что ее родители не дадут согласия на брак с Петром Ефимовичем, по той причине, что он был обыкновенным вольнонаемным музыкантом, не имеющим ни офицерского чина, ни даже образования. Тем не менее, 8 октября 1917 г. Петр Ефимович был утвержден «в правах по образованию 2 разряда» [4]. В семейном архиве Анны Петровны Щипановой, являющейся, прямым потомком и правнучкой П. Е. Казанцева, есть фото с изображением молодого Петра Ефимовича, на обороте которой следующая надпись: «Выдержал при 1-й Сибирской гимназии военного ведомства экзамен на вольноопределяющегося второго разряда, в удостоверении чего

ему выдано свидетельство за № 4153 9 октября 1917 г. г. Омск. За директора гимназии полковник Руссет» [5]. Несмотря на этот факт, родители Ольги Васильевны по-прежнему не хотели давать своего согласия на брак с Петром Ефимовичем. Незадолго до начала Гражданской войны Ольге Васильевне пришлось пойти на хитрость. Они с женихом бросились родителям в ноги, Ольга Васильевна заявила, что согрешила до свадьбы, хотя это было неправдой. Она надеялась таким влиянием заполучить понравившегося себе в мужья человека, понравившегося именно себе, а не ее родителям. Поэтому первые годы Пётр Ефимович называл свою невесту, а затем жену «Плутиска».

Краткий период переписки между Петром Ефимовичем и Ольгой Васильевной по существу является периодом ожидания надежд на лучшую жизнь. Сама же Гражданская война переживается автором писем как «бесконечно грязная история с большевиками», «проклятая война», нарушившая привычный строй спокойной жизни. Письма П. Е. Казанцева переносят нас в последние месяцы Гражданской войны в Сибири (август – октябрь 1919). Это уже период отступления белой армии, в частности, 5-го Сибирского казачьего полка, в котором П. Е. Казанцева служил капельмейстером. Ценность писем бесспорна – подробности отступления 5-го Сибирского казачьего полка: места ночевки, описание событий и межличностных отношений. Как справедливо отмечает С. А. Рябая «Письма с фронта содержат крупницы сведений и такие данные, которые подчас ускользают из книг, печати и документов, многие факты, детали, подробности запечатлены в них непосредственными участниками событий. И чем дальше отодвигаются в прошлое от настоящего эти письма, тем очевиднее их историческая ценность» [6].

Письма П. Е. Казанцева (всего их 26, не считая дневниковых заметок и телеграмм) писались в пути, на отдыхе, на коротких стоянках. Естественно, знаки препинания во многих местах пропущены, и есть ошибки в словах, собственно сам автор в письме от 8 августа 1919 г. признается «мне не до арфографии». В некоторых письмах – ошибки в датах, Петр Ефимович их замечает. И это легко понять: в условиях военной повседневности можно было спутать, число, день недели или даже месяц. Письма писались наскоро, за неимением возможности обстоятельно написать о волнующих событиях. Ряд писем написан карандашом, поэтому встречаются стертые слова. Из 26 писем сохранилось одно письмо, написанное В.Е. Долженко (1871–1921) – отцу его невесты. Оно написано аккуратнее, чем невесте, которой фактически отсылалось, письмо «на скорую руку»: «Признаться, я никогда особенно не задумывался над тем как писать, а пишу то, что чувствую, без метода, по настроению, возможно, что-нибудь действительно написал похожее на сумбур» [7], – признаётся Пётр Ефимович Ольге Васильевне в более позднем письме уже в советское время.

Из содержания писем видно, что П. Е. Казанцев чувствовал себя в полку одиноко. В письме от 6 сентября он пишет, что около него нет близких по духу людей, нет людей, которым он бы доверял. «Офицеров тоже нет, с которыми бы можно было говорить, т.к. они только и знают, что ругаться с казаками, как извозчики, да играть в карты». Единственной отдушиной для Петра Ефимовича были даже не занятия музыкой, а написание писем невесте, поэтому, большей

частью, они носят романтический характер. Переживать трудности П. Е. Казанцеву помогают не вера в белое дело, а надежда на возвращение в родной дом. Тем не менее, он, несмотря на отрицательное отношение к службе как может изо всех сил старается исполнять свой долг.

В ряде писем ощутима ирония, помогавшая перенести отступления своего «доблестного» полка, «совдепия», царящая в нём, и различные тяготы походной жизни. В письме от 19 августа 1919 г. П. Е. Казанцев пишет: «Большевики нас прут, что называется без пересадки Москва – Омск вёрст по сорок в день. Неуспехи нашей армии объясняются тем, что крестьяне, где мы проходили при отступлении от Кургана, поголовно все большевики и если теперь наша армия пойдёт вперёд, то этим самым, так называемым крестьянам, всыпят по первое число (как выражаются наши казаки)». 26 октября 1919 г. читаем: «Поистине мучение идти по теперешней погоде и дороге, дожди, холод, грязь невероятная, а тут как нарочно это отступление и какое отступление? Бежим так, как будто бы за нами гонятся по пятам и не красные, а какие-то краснокожие или дикие животные. Одним словом паническое бегство, а от чего и почему? никто не знает...». В описанных событиях перед нами представляется армия, в которой нет целостности, присутствует недоверие друг к другу, где каждый сам по себе. Отсутствие духа армии – только одно из многочисленных переживаний. Всё остальное: грязь, неустроенный быт, недосыпания, ругань казаков и офицеров является не более чем фоном.

Среди немногих фамилий, упомянутых в письмах, встречаются офицеры и музыканты. Из офицеров, это, прежде всего, командир 5-го Сибирского казачьего полка войсковой старшина Порфирий Иванович Путинцев, который выглядит участливым человеком в обращении с капельмейстером, благодарным за постановку музыкального дела в полку. Непонятно по каким причинам начальник дивизии Бабилов оказывается «гнусом» (возможно, имеется в виду Алексей Петрович Бабилов, полковник и командир бригады 2-й Сибирской казачьей дивизии). Среди музыкантов 5-го Сибирского казачьего полка в письмах встречаем фамилии Терехова, Ерыкалова, Фролова, Федулова и Белова. Три фамилии из пяти есть в списках нижних чинов Войскового музыкантского хора СКВ от 26 ноября 1912 г. Всего в списке 24 человека. Первым значится младший урядник Михаил Терехов, двадцать четвертым – Пётр Ерыкалов. Напротив их фамилий сделана пометка, что оба музыканта играют на валторне. Пятнадцатым в списке – старший урядник Тихон Фролов, играющий на флейте [8]. Заведующий войсковым музыкантским хором есаул Корнилов характеризует его как отличного музыканта, начальника и человека [9].

Нелестную характеристику дает П. Е. Казанцев дирижеру Юровецкому, с кем он искал встречи в Петропавловске. В письме от 26 сентября П. Е. Казанцев пишет: «Юровецкий до сих пор не возвратил мне ноты, ну я и пошёл с тем намерением, чтобы отблагодарить его за такую аккуратность? Но не тут-то было, я только что заикнулся на счет нот, как он начал оправдываться тем, что ни его это была вина, а обстоятельства заставили не возвратить своевременно: одним словом жидовская голова всегда вылезет сухим из воды». Речь идет о Юрии Марковиче Юровецком (1892–1982), он, как и П. Е. Казанцев

был мобилизован в белыми и был «направлен в Петропавловск дирижером симфонического оркестра, созданного при культурно-просветительном отделе штаба 3-й армии генерала А. Н. Пепеляева» [10].

Таким образом, благодаря письмам П. Е. Казанцева можно проследить передвижение 5-го Сибирского казачьего полка (за период с 6 августа по 26 октября 1919 г.), познакомиться с краткими характеристиками как военных и гражданских лиц – малоизвестных участников тех драматических событий. Естественно, многие аспекты, описанные в письмах, нуждаются в уточнении и осмыслении с привлечением других исторических источников.

По окончании Гражданской войны Петр Ефимович всё-таки женился на Ольге Васильевне 22 декабря 1920 г. в Омске [11]. Мать Ольги Васильевны Мария Евгеньевна Долженко (урожденная Шайтанова) некоторое время не принимала этот брак, называя его мезальянсом. Отец – Василий Епифанович тоже не был в восторге от выбора дочери, но ему очень нравился зять: лёгкий на подъем, прямой, и в то же время ответственный молодой человек. В результате всех катастроф, которые прошли над страной, Петр Ефимович показал себя надежным спутником жизни, но это уже другая история.

Подводя общие итоги, следует сказать, что в архивных учреждениях нашей страны находится большое число фондов и коллекций личного происхождения, которые являют собой весомый потенциал для исторических и генеалогических исследований. В то же время семейные архивы содержат еще достаточно большой объем исторических источников биографического характера, которые могут представлять интерес для широкого круга исследователей – историков, генеалогов, краеведов, архивистов [12].

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. Р–3632. Оп. 7. Д. 1–7.
2. Семейный архив автора.
3. Объявление // Омский телеграф (Омск). 1916. 6 декабря. С. 4.
4. Приказ по Сибирскому казачьему войску. 1917. 8 ноября. № 341.
5. Семейный архив Щипановых.
6. Рябая С. А. Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 70.
7. Семейный архив автора.
8. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2851. Л. 52.
9. Там же. Л. 38.
10. Юровецкий Юрий Маркович // Белокрыс М.А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII середина XX вв.). Т. 4. Омск, 2015. С. 572.
11. ГИАОО Ф. Р–580. Оп. 3. Д. 23. Л. 131.
12. Петин Д. И., Ефремова Ю. Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217.

М. И. ФЕДОРОВА (Омск)

Омский государственный технический университет

**ПОЗИЦИЯ КРЕСТЬЯН К ГОСУДАРСТВЕННЫМ АГРАРНЫМ
РЕФОРМАМ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX СТОЛЕТИЯ (1905 – 1930 гг.)**

Аннотация: В статье рассматриваются активные формы крестьянского сопротивления государственным аграрным преобразованиям в период первой половины XX в. Активные формы сопротивления рассматриваются как коллективные действия низших слоев и групп населения, выражающих свои социально-экономические и политические интересы в открытой форме: мирских решениях, восстаниях, выступлениях, митингах.

Ключевые слова: аграрный вопрос, крестьянство, мирские решения, восстания, митинги.

M. I. FEDOROVA (Omsk)

Omsk state technical university

**THE POSITION OF THE PEASANT TO THE GOVERNMENT AGRARIAN
REFORMS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY
(1905 – 1930)**

Annotation: Active forms of peasant resistance to the state agrarian reforms in the period of XX century are considered in this article. Active forms of resistance are considered as collective activities of the lowest section and groups of population, expressing their social- economic and political interests publicly: in village - community verdicts, revolts, performances, meetings.

Keywords: agree question, peasants, village-community verdicts, revolts, meetings.

Сельское хозяйство страны с начала XX в. претерпевает структурные деформации, получая опыт взаимодействия с рынком. Крестьянство воздействует на эти процессы: либо пытается оказать сопротивление, либо адаптируется к ним [1]. Восприятие социально-экономических изменений теми, на кого направлена стратегия развития – одно из новых направлений отечественных и зарубежных исследований второй половины XX в. [2] Не претендуя на полноту изложения проблемы, мы попытаемся в ее пределах рассмотреть крестьянское сопротивление реформам «сверху» и его влияние на интенсивность процессов модернизации.

Активные формы сопротивления далее рассматриваются как открытые коллективные действия низших слоев и групп населения, выражающих свои социально-экономические и политические интересы. Сюда входят мирские решения, восстания, выступления, митинги. Попыткой оказать влияние на ход социально-экономических преобразований в начале XX в. (1905-1907 гг.) можно считать мирские решения: приговоры, наказания, прошения, заявления, постановления, резолюции, письма, телеграммы и т.д. [3].

В приговорах и наказаниях крестьяне требовали безвозмездного отчуждения помещичьих, казенных, удельных, монастырских, церковных земель, отмены выкупных платежей, введения единого прогрессивно-подходящего налога для всех сословий, ликвидации крестьянской сословности, отмены частной собственности на землю. Крестьяне деревни Моховой Курской губернии писали: «Признавая, что земля как предмет, никем из людей не созданный и необходимый для каждого человека, не может принадлежать в собственность одному человеку, а должна быть общим достоянием всех, кто обрабатывает ее своими руками...» [4].

Восстания на северо-западе советской России в 1918–1919 гг. С. В. Яров иллюстрирует как противостояние между крестьянством и властями в годы Гражданской войны и показывает выступления как обычное бытовое явление военно-коммунистической эпохи [5]. Автор подразделяет волнения на «неоконченные» выступления, «хаотичные» и «митинговые» волнения, дезертирские восстания [6]. Основными причинами крестьянских волнений в деревнях на северо-западе советской России в указанный период (включавшей территории Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний) являлись реквизиция хлеба и скота в виде налогов и чрезвычайных мобилизаций, а также военные мобилизации людей. Перечисленные выше волнения имеют общие черты: восстания не имели ярко выраженной политической направленности, крестьян в основном без особого труда, разгоняли красноармейцы, восстания были непродолжительными – не более двух дней. Восстания свидетельствовали о массовом недовольстве политикой военного коммунизма и способствовали в конечном итоге переходу к НЭП.

В советской историографии утвердилось несколько прямолинейное представление – складывание командно-административной системы государственного устройства вытекало из потребностей разрозненной крестьянской стихии, неизбежно требовавшей сильной личности (так называемый крестьянский монархизм) [7]. Само же крестьянство рассматривалось как инертная социальная масса, достаточно равнодушная к государственным делам. Есть основания придерживаться такой концепции.

Вместе с тем Р. У. Девис, О. В. Хлевнюк, И. Е. Зеленин обращают внимание на факты, выпадающие из этой схемы. Строительство сталинской модели

социализма сопровождалось массовыми арестами крестьян, что в свою очередь вызывало их сопротивление. В 1929 г. в стране было зарегистрировано более 1300 мятежей [8]. На рубеже 1929–1930 гг. политика массового создания колхозов также встретила сопротивление: в январе зарегистрировано 346 массовых выступлений с участием 125 тыс. крестьян, в феврале – 736 выступлений, в которых участвовали 220 тыс. крестьян, в марте – 1642 массовых выступления, в них приняли участие 800 тыс. крестьян (данные без Украины) [9].

Приведенные данные свидетельствуют о масштабности и массовости крестьянского сопротивления проводимым в деревне преобразованиям. Причем восстания оказали влияние на ход коллективизации – в результате правительство вынуждено было смягчить политику. В марте – апреле 1930 г. ненадолго руководство смягчило курс – 2 марта газета «Правда» опубликовала статью Сталина «Головокружение от успехов», где вина за «перегибы» коллективизации возлагалась на исполнителей – низовое партийное и государственное руководство [10]. В апреле правительство ослабило политику постановлением ЦК ВКП(б), предусматривавшим применение наказания к наиболее жестким исполнителям и разрешило свободный выход крестьян из колхозов [11]. Вместе с тем контроль над деревней сохранили и с осени 1930 г. насильственную коллективизацию возобновили.

Новая волна массового крестьянского сопротивления началась в 1932 г. Крестьяне нападали на государственные хлебные склады, выходили из колхозов. Так, по данным, приведенным И. Е. Зелениным, с января по июль 1932 г. количество колхозов в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс. [12]. Весной начался протест в городах: «Так, в начале 1932 г. в Вычуге Ивановской области несколько месяцев не выдавали муку; дети, получавшие до того 100 г хлеба в день, были переведены на 60 г паек... 7–9 апреля, например, большие группы жителей белорусского г. Борисова разгромили хлебные склады, организовали демонстрацию и нашествие женщин и детей к красноармейским казармам... Демонстранты встретили определенную поддержку у представителей местных властей и милиционеров... В Ивановской области активное участие в забастовках и демонстрациях принимали местные коммунисты» [13].

В итоге правительство вынужденно перешло к более «либеральной» политике. По свидетельству исследователей Р. У. Девис и О. В. Хлевнюк, в мае 1933 г. СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) выпустили ряд постановлений, разрешающих сокращение государственного плана хлебо-и скотозаготовок, свободную торговлю хлебом с 15 января 1933 г. (после выполнения хлебозаготовок), мясом, после выполнения поставок в фонды государства, о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении колхозникам ранее обобщественного скота и др. [14].

Непоследовательные уступки деревне со стороны сталинского руководства в эти годы не смогли предотвратить голод, эпидемии, индустриальный

кризис, так как основными методами проведения коллективизации оставались репрессии. Вместе с тем активное крестьянское сопротивление корректировало политику «больших скачков» как в деревне, так и в городе. Так, план второй пятилетки уже предусматривал снижение темпов прироста промышленной продукции и капиталовложений, а в деревне крестьянский двор, вопреки государственной стратегической цели, сохранил личное подсобное хозяйство. На рубеже 1920–х – 1930-х гг., видимо, был последний всплеск крестьянского недовольства, проявившийся в активных формах, против насильственных преобразований в деревне, в дальнейшем и сами преобразования имели более лояльный характер, и крестьянство, сохранив личное подсобное хозяйство, гибко приспособлялось к изменяющимся социально-экономическим условиям. Уход от активной, внешне проявляемой позиции в указанный период – это результат и окончательного разрушения крестьянского мира и окончательного нарушения баланса интересов крестьянского двора и интересов всего общества. В 1930-е гг., по мнению Н. Покровского, было окончательно нарушено взаимодействие крестьянского двора и государства [15]. В дальнейшем выражение позиции крестьянства к реформам и преобразованиям следует рассматривать с точки зрения пассивной реакции (хозяйственной деятельности, выживания, развития) крестьянского двора [16].

Библиографический список

1. Кознова И. Э. «Крестьянство и власть» – научная конференция в Государственной думе // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 346–348.
2. Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблемы восприятия параллельности общественных форм // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 8–24.
3. Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказания и приговоры 1905–1907 годов // Россия. XX век. Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 56–88.
4. Там же. С. 67.
5. Яров С. В. Крестьянские волнения на Северо-Западе советской России в 1918-1919 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. – М.: Московская школа социальных и экономических наук, 1996. С. 134–136.
6. Там же. С. 136–139, 143–148.
7. Покровский Н. Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225.
8. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М., 1989. С. 23.

9. Девис Р. У., Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Россия. XX век / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ. В 2 т., Т. 1, 1997. – С. 124, 125, 127–129.

10. Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945 гг.: Учеб. пособие для пед. институтов / Сост. С. И. Дегтев и др.; Под ред. Э. М. Щагина. – М.: Просвещение, 1991. – С. 333–336.

11. История России. Социально-экономический и внутривластный аспект. В 2 ч., ч. 2. XIX–XX вв. / Сост. Н.Н. Баранов и др. Екатеринбург, 1992. С. 62.

12. Зеленин И. Е. Был ли колхозный «неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 106.

13. Девис Р. У., Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма... С. 127–129.

14. Там же. С. 129.

15. Покровский Н. Мирская и монархическая традиции... С. 230.

16. Ковалев Е. М. История крестьянских семей: методика и первые результаты // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 285 – 290.

И. В. ФЕДОТОВА (Омск)

Омский государственный историко-краеведческий музей

ОМСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые сюжеты из омской археологической жизни периода Гражданской войны. В это время изыскания проводились как местными краеведами, так и учеными, приехавшими из других городов в «белую» столицу. Эти исследования стали базой для дальнейших археологических работ профессиональных археологов 1920-е гг.

Ключевые слова: Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества, археологические изыскания, А. П. Плахов, С. А. Ковлер, П. Л. Драверт, А. В. Попов, Государственный исторический музей.

I. V. FEDOTOVA (Omsk)

Omsk State Museum of History and Regional Studies

OMSK ARCHAEOLOGY DURING THE YEARS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Annotation: in the article there are some facts about the Omsk archaeological events of the Civil War period. At that time the research was conducted by the native local lore experts as well as by the scientists who came to the «white» capital from different regions. Those studies became the basis in the subsequent work of the professional archeologists in the 1920s.

Keywords: the West-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, archaeological researches, A. P. Plakhov, S. A. Kovler, P. L. Dravert, A. V. Popov, the State Historical Museum.

Многие исследователи считают, что «пик» омской истории пришелся на годы Гражданской войны. Действительно, тогда Омск оказался в самом эпицентре политических событий, став столицей «белой» России. Феномен «столичности» Омска вызывает значительный интерес не только ученых, но также прессы и общественности; в результате история антибольшевистского Омска, порой, становится окутанной различными вольными трактовками событий, вымыслами и легендами [1].

Омск, как ключевой административный и политический центр, стал в 1918–1919 гг. местом интеллектуального притяжения. Это имело различные последствия для города, в том числе и стало причиной оживления культурной и научной жизни. В Омск стекались бежавшие из «красной» России артисты, писатели, ученые. Среди последних были исследователи, связанные с археологией. Центром, объединяющим ученых различных направлений, был Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества, со-

зданный еще в 1878 г. В параграфе 2 «Положения о ЗСОИРГО» указывалось, что Отдел должен был заниматься изучением Западной Сибири и сопредельных с ней регионов в географическом, геологическом, естественно-историческом, этнографическом, статистическом, археографическом и археологическом отношениях [2]. Как видим, одной из задач Отдела было обследование края в археологическом отношении. Правда, в приведенном перечне археология стоит на последнем месте. И действительно, она не стала главным направлением научных исследований его членов. В 1927 г. профессор ботаники В. Ф. Семенов, бывший в то время Председателем ЗСОИРГО, так оценил археологическую деятельность Отдела: «Огромное количество памятников доисторической культуры, всюду разбросанных по Западной Сибири (...) постоянно поддерживало в ЗСОИРГО интерес к давнему прошлому своего Края. Но интерес этот не мог развиваться здесь в крупную научную исследовательскую работу, так как среди членов Отдела не было глубоких знатоков археологии; все работы в этой области носили любительский характер и сводились к учету и поверхностному описанию курганов и городищ, к не всегда удачным, в смысле научности, раскопкам, к собиранию археологического музейного материала и т. п. примитивным краеведческим попыткам. Не удивительно поэтому, что (...) в отчете за 1911 г. отмечалась бедность археологического отдела Музея (при ЗСОИРГО – И.Ф.) при богатстве Края археологическим материалом» [3]. Может быть, эти слова В. Ф. Семенова излишне критичны. Ведь в ЗСОИРГО все-таки были хорошие специалисты-археологи. Достаточно вспомнить И. Я. Словцова и его раскопки на берегу Андреевского озера под Тюменью. Но надо сказать, что исследователей-археологов в то время мало привлекало именно Среднее Прииртышье. Из раскопок здесь стоит упомянуть работы П. В. Степанова в 1885 г. в восточной части Тарского уезда. Он описал курганы у села Заливино и ближайших деревень и сообщил о кладоискательской деятельности крестьян [4].

Некоторое оживление омской археологии было связано с деятельностью Александра Петровича Плахова – чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Степного края для переписки по китайским делам, ученика известного археолога профессора Н. И. Веселовского. В 1893 г. А. П. Плахов вел работы в окрестностях Омска [5]. Его внимание привлекли курганы раннего железного века у села Николаевского (теперь – Николаевка в черте Омска). В 1894 г. Плахов стал секретарем Археологической комиссии при ЗСОИРГО (создана по инициативе еще одного видного археолога – Алексея Васильевича Селиванова), а в 1897 г. – заведующим его археологическим отделом. К сожалению, деятельность Археологической комиссии была быстро свернута из-за «борьбы с офицерско-чиновничьем засилием в Омске» [6]. Плахов уехал из Омска на новое место службы, и местная археологическая жизнь замерла.

Примечательно, что всплеск интереса к археологии в Омске пришелся как раз на годы Гражданской войны. Мы уже объяснили причины этого явления тем, что в городе оказались научные кадры, не принявшие власть большевиков. Например, в начале 1919 г. в Омске появляется Александр Владимирович Попов, врач, прозектор, исследователь Оренбургского края [7]. В последнее время историки часто обращаются к его биографии. Родился Александр Владимиро-

вич в 1867 г. А вот годом его смерти иногда указывают 1918 г. [8], что является, как видно из сказанного выше, неверным. А. В. Попов был выпускником Казанского университета. История и краеведение являлись его увлечениями, но на вполне профессиональном уровне. Так, с 1890-х гг. он вел раскопки курганов на территории Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей. С 1903 г. он бессменно возглавлял Ученую архивную комиссию. Он был участником 1-го съезда представителей губернских архивных комиссий России, прошедшего в 1914 г. [9]. Т. А. Набокина указывает датой Александра Владимировича 1923 г., и добавляет новые штрихи к его биографии. Ученую архивную комиссию он возглавлял до 1918 г. (то есть 15 лет). А. В. Попов старался улучшить материальное положение членов Комиссии, а также вовлекать в нее новых членов. Кроме того, в 1905 г. им был разработан проект «Правил» об охране памятников древности [10]. Таким образом, А. В. Попов оказался не случайным в археологии человеком. Дороги Гражданской войны привели его в Омск. Здесь, 4 апреля 1919 г., его избрали в члены ЗСОРГО и поручили провести раскопки памятников археологии близ Омска. Вероятно, он исследовал курганную группу у села Новотроицкое и археологические объекты под станицей Захламинской. Омский историк археологии А.В. Жук приводит любопытные сведения, что местные крестьяне запомнили эти раскопки как раскопки «чешского отряда армии Колчака» [11]. Некоторые предметы из фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея могут происходить из материалов раскопок А. В. Попова [12]. Омский период деятельности А. В. Попова завершается его отъездом в Иркутск, где он продолжил свои археологические изыскания [13].

Итак, работы А. В. Попова стали еще одной вехой в омской истории периода Гражданской войны. Но к тому времени в Омске появились свои любители древностей. И основным событием в омской археологии этого периода следует считать открытие «Омской стоянки – I» – одного из самых крупных, «знаковых» археологических памятников Западной Сибири. Он был обнаружен летом 1918 г. Сергеем Александровичем Ковлером (1882-1960 гг.) – известным омским врачом, с 1916 г. – членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. С. А. Ковлер входил в культурную элиту Омска. Недаром в 1918 г. он стал председателем отдела охраны памятников старины Сибири при ЗСОРГО [14]. Одним из многочисленных увлечений Сергея Александровича была археология. Как отмечает А. В. Жук, «открытие («Омской стоянки» – И.Ф.) состоялось типичным в истории археологических знаний способом: памятник был частично разрушен, благодаря чему обнажился культурный слой» [15]. Таким образом, началось исследование этого замечательного объекта археологического наследия, которое продолжается и сейчас.

Стоит отметить, что пальму первенства в открытии данного памятника оспаривал другой видный ученый и краевед Петр Людовикович Драверт (1879 – 1945 гг.) [16] – выпускник естественного отделения физико-математического факультета Императорского Казанского университета [17]. Его учителями были археологи-естественники А. А. Штукенберг и П. И. Кротов. До раскопок в Омске Драверт уже проводил археологические изыскания в Якутии,

Уфимской губернии, на Вилуе [18]. Драверт поселился в Омске в 1918 г. Он стал преподавать в Омском сельскохозяйственном институте на кафедре минералогии и геологии и быстро включился в научную жизнь города, став членом Западно-Сибирского отдела РГО [19]. Начало работ П.Л. Драверта на «Омской стоянке» относится к 1923 г. Современные ученые постепенно склоняются к мнению, что С. А. Ковлер и П. Л. Драверт открыли «Омскую стоянку» независимо друг от друга и вели сборы в разных местах растянутого вдоль Иртыша на сотни метров памятника [20]. Часть коллекций с «Омской стоянки – I» была передана С. А. Ковлером в ГИМ (другая часть – в Западно-Сибирский краевой музей, отделившийся от ЗСОРГО). В ГИМе с ними познакомилась археолог В. П. Левашева, заложившая в конце 1920-х гг. основы археологии Среднего Прииртышья [21]. Таким образом, в Омске в 1918-1919 гг. наблюдался всплеск интереса к археологии. Изыскания проводили местные и «приезжие» ученые. Но они не являлись археологами по профессии (хотя имели археологические познания). Тем не менее, их изыскания заложили базу для последующих работ археологов-профессионалов 1920-х гг. – В. П. Левашевой, Е. Н. Липеровской, П. А. Дмитриева.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Стельмак М. М. Сибирь, союзники и Колчак. Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / науч. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв.ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М., 2016. С. 340–345.
2. Положение о ЗСОИРГО // Записки ЗСОИРГО. Кн. I. Омск, 1879. С. I–II.
3. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственно Русского Географического О-ва. Изд-е ЗСОГРГО. Омск, 1927. С. 60.
4. Тихонов С. С. Западносибирские музеи и развитие сибирской археологии в конце XIX в. // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск, 2006. С.8.
5. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, издательство ОмГУ, 2007. Вып. 4. С. 8.
6. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области... С. 9.
7. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области... С. 11.
8. Попов Александр Владимирович // URL: <http://oren-wiki.com/arxiv-person.html/2016/03/14/popov,-aleksandr-vladimirovich/> (дата обращения - 01.07.2017)

9. Попов Александр Владимирович // URL: <http://oren-wiki.com/archiv-person.html/2016/03/14/popov,-aleksandr-vladimirovich/> (дата обращения - 01.07.2017)
10. Набокина Т. А. Организационная структура и полномочия членов уральских губернских учёных архивных комиссий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3 (238). История. Вып. 47. С. 126-131.
11. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области... С. 11.
12. Федотова И. В. Археологические коллекции с территории Омска в фондах ОГИК музея: краткий обзор // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: № 21. Омск, 2016. С. 222.
13. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области... С. 11.
14. Конигов Б. А. Археологический комплекс «Омская стоянка»: в поисках тысячелетий (научно-популярные очерки). Под ред. к.и.н. Г. Г. Гурьяновой. Омск, 2014. С. 34.
15. Жук А. В. Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. Омск, 2013. С. 7.
16. Жук А. В. Омская стоянка... С. 108.
17. Артемьева О. Н. Поэт сибирской науки // Известия ОГИК музея. Омск, 1999. №7. С. 7.
18. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области... С. 11.
19. Артемьева О. Н. Поэт сибирской науки... С. 8.
20. Конигов Б. А. Археологический комплекс «Омская стоянка»... С. 97.
21. Конигов Б. А. Археология Омска : ил. энцикл. / [авт.-сост. Б. А. Конигов ; науч. ред. А. В. Жук]. Омск, 2016. С. 122–123.

О. А. ФИЛИНОВИЧ (Омск)
Исторический архив Омской области

**СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ОСВЕЩЕНИИ
ОМСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «РУСЬ»
(ИЮЛЬ – ОКТЯБРЬ 1919 Г.)**

Аннотация: Данная публикация представляет собой исследование, посвящённое изучению отношения антибольшевистского движения к славянскому вопросу по материалам, опубликованным в омской газете «Русь». Автор делает вывод об информационном характере газетных публикаций по славянскому вопросу.

Ключевые слова: Гражданская война, славянский вопрос, международные отношения, Омск.

O. A. FILINOVICH (Omsk)
Historical Archive of the Omsk Region

**SLAVIC QUESTION IN OMSK DEMOCRATIC NEWSPAPER «RUS»
(JULY - OCTOBER 1919)**

Annotation: This paper is a review study, devoted to the study anti-Bolshevik movement of the slavic question on the materials published in the Omsk newspaper «Rus'». The author makes a conclusion about the information character of newspaper publications on the Slavic issue.

Keywords: Civil War, slavic question, international relationships, Omsk.

Международные отношения антибольшевистских властей Сибири традиционно являются одним из наиболее популярных среди исследователей направлений историографии Гражданской войны в России. Кроме того, сегодня политика белого Омска в отношении держав-союзниц породила и ряд исторических мифов [1]. Данные обстоятельства говорят о необходимости более тщательного изучения обозначенного вопроса. Один из его частных аспектов мы представляем в данной работе. Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками славянских государств носило важный идеологический и пропагандистский характер. Так омская власть апеллировала к культурным традициям, общему делу славянских народов. Большое внимание славянскому вопросу уделяла газета «Русь», официально являвшаяся демократическим печатным органом сельскохозяйственной кооперации [2]. Демократическая газета «Русь», издававшаяся в «белом» Омске, поддерживала идею славянского единства в том варианте, в котором это представлялось возможным идеологам внешней политики антибольшевистского лагеря.

В годы Гражданской войны славянский вопрос стал одним из ключевых в идеологии белого движения. Позиции России в отношении славянских государств были проработаны двумя комитетами: Русским политическим совещанием и межведомственным подготовительным совещанием. Уполномоченные А. В. Колчаком органы полагали, что Союз славянских государств позволил бы не только решить вопрос о проливах в пользу России, но и присоединить Закарпатье и Галицию [3]. Различные аспекты отношений России со славянскими государствами были представлены в программе, разработанной Особым совещанием Русской политической делегации на Парижской конференции. Разработанные в программе положения фактически предполагали сохранение почти в прежнем виде Российской империи и присоединение территорий, входивших когда-то в её [4]. Как справедливо отмечала томский историк И. В. Нам, это могло в итоге привести к конфликтам с Польшей и Румынией [5]. Ряд политических деятелей Сибири даже выражали желание о включении в состав России единоплеменных нам народов Австро-Венгрии [6]. Временные рамки создания «славянского союза» были размыты по причине затянувшейся Гражданской войны. Антибольшевистская газета подчеркивала, что сейчас, пока не завершится Гражданская война, пока белые не одержат окончательную победу, и не наступит стабильность, рано говорить о создании союза [7]. Тем не менее, откладывать решение славянского вопроса было нельзя. «Русь» выражала обеспокоенность тем, что в дела славян активно вмешивается Франция.

В опубликованной в газете «Русь» статье, автором которой «В. П-кий», в качестве основных принципов, на которых будет держаться союз, указывались равноправие и уважение [8]. Но автор, отступая от своего же принципа «равноправия», заявил, что Россия должна стать гегемоном в славянском союзе. «В. П-ий» считал, что объединение славян возможно двумя путями: 1) Культурное объединение. Такого рода сближению способствовало наличие важных культурных центров, среди которых фигурировали: Прага, Варшава, Петроград, Белград. 2) Политическое объединение. Международное положение России и сильные дипломатические рычаги должны были сделать её привлекательной для союзников [9]. Чехословакия, Польша и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (далее - КСХС) стремились укрепить свою политическую независимость. Чехословакия за свои дружественные связи с Россией желала получить Богемию, Моравию, Силезию, область с преобладающим проживанием русинов в Венгрии. Кроме того, добиться признания рек: Эльбы, Вислы и Дуная, - международными [10].

Идеологи внешней политики «белых» в своей программе, посвященной славянскому вопросу, склонялись ко второму варианту объединения славян. Но между потенциальными союзниками уже существовал конфликт. Камнем преткновения между Чехословакией и Польшей была Тешинская область. Россия, на правах лидера славянского братства, в будущем должна была поддержать одну из противоборствующих стран. Дипломаты «белых» полагали, что союз будет крепче, если удастся осуществить сотрудничество славян в экономической сфере: создать единый Всеславянский банк, единую денежную систему, телеграф, а также совместный с КСХС флот [11].

Возвращаясь к мысли о политическом единстве, хочется заметить, что она подкреплялась статьями газеты «Русь» об общих врагах славян. Безусловно, в качестве общих врагов выступали: большевики, австрийцы, венгры и немцы. Демократическая пресса лишь развивала тезисы, содержащиеся в агитационных листовках 1919 г. Так, в воззвании осведомительного отдела Сибирского казачьего войска «Гей, славяне!» подчеркивалось, что «славянское братство» разрушают «невидимые силы», очевидно, большевистские и австро-германские, и славянам без помощи России не удастся одолеть «германизм» [12]. В воззвании пятого чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска к сербам» содержался призыв к борьбе с «международными ворами большевиками» за свободу русского народа ради Великой Единой Славянской России. Сербов, воевавших за Россию, называли «орлами» и храбрыми львами [13]. Довольно часто антибольшевистской прессой проводилась параллель между Советской Россией и кайзеровской Германией [14]. Газета «Русь» констатировала стремление большевиков воплотить идею мировой революции. И высказывала предположение, что скоро «эпидемия», «зараза» доберется до Востока. «Русь» называла «победой сознания» отказ Великобритании, Франции, США и Италии от идей большевизма [15]. Газета выражала сожаление по поводу опубликованной со слов капитана Богумина Павловского новости, о попытке большевистских агитаторов взбудоражить чешское общество. Агитационная деятельность большевиков в Чехословакии была остановлена в кратчайшие сроки [16]. Тем не менее, газета обходила стороной раскол внутри чехословаков в России. Между чехословацкими легионерами и чехословацкими интернационалистами продолжала идти «малая Гражданская война» [17].

По мнению демократической газеты, славян к объединению должны подталкивать не только общие враги, но и освобождение стран от гнета. В белой прессе периодически появлялись статьи о нарушении прав чехословацкого народа со стороны бывшей Австро-венгерской империи. 10 сентября 1919 г. под громким заголовком «Феминистское движение в Чехословацкой республике» было опубликовано радиосообщение, полученное из Праги. Министр народного просвещения Чехословакии издал декрет, дающий женщинам право поступать на юридический факультет Чехословацкого университета. Данного права девушки ранее были лишены [18]. Пресса подчёркивала, что положение в Чехословакии улучшается благодаря президенту Т. Г. Масарику [19].

Стоит отметить, что демократическая газета по-разному оценивала потенциал «славянских братьев». Роль равноправного союзника отводилась Польше, как самому сильному партнеру из славянских государств, благодаря амбициям Юзефа Пилсудского. По данным французского дивизионного генерала М. Жанена, в польской дивизии в 1919 г. находилось 1050 офицеров и 11200 солдат [20]. Безусловно, непрочные молодые государственные образования: Чехословакия и КСХС, - вынуждали Россию рассматривать их как младших партнеров. Так сводки новостей о Чехословакии, КСХС размещались в колонке «Славяне» и «Разные новости», а новости, касающиеся польских событий, содержались в отдельной колонке «Польша». Однако антибольшевистскую прессу интересовала только политическая сторона жизни Польши, война

с большевиками, положение Польши на международной арене. В то время как любая новость, полученная о Чехословакии (из газет, по радио), публиковалась. Регулярно печатались сообщения о прибытии чехословацких делегаций. Причиной тому было то, что «белые» не могли рассчитывать на преданность Польши славянскому союзу, и более того, не были уверены в её желании вступить в союз. Даже в период популярности идеи панславизма в России в XIX в., представители общественности, виднейшие историки того времени (С. М. Соловьев, Н. Я. Данилевский и М. П. Погодин) не считали возможным создать славянский союз с Польшей. Историки указывали на существование нескольких причин, препятствующих подобному союзу, а именно: 1) стремление поляков распространить католицизм; 2) популярность в польском обществе прозападного курса; 3) наличие у Польши собственной программы панславизма, исключавшей Россию из своего проекта «будущего славянского союза» [21].

Таким образом, представители прессы «белого» Омска, рассуждая о славянском союзе, были вынуждены рассматривать Польшу как запасного союзника. И по этой причине делали ставку на дружбу с Чехословакией. Газета акцентировала внимание не только на единство русских и чехословаков, но и на тесных связях последних с казаками. На заседании Пятого Чрезвычайного войскового круга (9-10 августа 1919 г.) с торжественной речью выступил майор чехословацких войск. Майор заявил: «Наша дружба с казаками, дружба не сегодняшнего дня... Четыре года тому назад, на германском фронте началась она. Год тому назад, она была закреплена на полях Сибири» [22]. «Русь» сообщала обо всех официальных визитах чехословаков и об их сотрудничестве с казаками. Так, в середине августа в саду «Аквариум» состоялось торжественное чествование сибирскими казаками чехословацкой делегации [23].

Чехословаки высоко оценивали свою роль в сплочении славян и отнюдь не считали, что играют второстепенную роль в объединении славян против общих врагов. В экстренном выпуске газеты «Думы» № 19 от 11 февраля 1919 г. опубликовано радиосообщение, сделанное в Париже чехословацким делегатом Бенесом. Бенес заявил, что, несмотря на притеснения, исходящие от немцев и венгров, чехословацкая нация возглавила славянские народы в экономическом, социальном и интеллектуальном плане [24].

Отношение к чехословакам и полякам изменилось после публикации двух сообщений от 17 августа 1919 г. В обращении делегации чехословацкого Национального собрания и правительства к Чехословацкому корпусу в Иркутске указывалось, что главной целью прибытия делегации является скорейшее возвращению солдат на Родину [25]. А нестабильность польско-белогвардейской дружбы стала очевидна после публикации объявления Польским военным комитетом приказа начальника Штаба Верховного главнокомандующего, о праве добровольного выхода поляков из русского подданства в любое время, и о возможности перехода в польское войско. Выдвигалось лишь два условия: заявление и уплата гербового сбора, составляющая 4 руб. [26]. На данное сообщение последовала незамедлительная реакция демократической газеты «Русь», 19 августа 1919 г. была опубликована статья, с громким заголовком «Выступят ли чехословаки и поляки», автор которой пожелал остаться неизвестным. В начале

статьи говорилось о наступлении важного момента в истории Гражданской войны, о решении её исхода и будущего России: устоит ли Омское или иное антибольшевистское правительство. «Помогут ли нам, однако, в этом быть может, последнем поединке, ради славянства и человечества, кроме братьев карпата руссов и сербов, чехословаки и поляки, имеющие с нами на западе общего врага?» [27]. В качестве условий чехословацкой помощи автор называл установление демократического курса в будущей России. Сложнее обстояло дело с поляками, предстояло решать вопрос об определении русско-польской границы. Автор был убежден в том, что Верховный правитель России предоставит это право польскому и русскому Учредительным собраниям. И потому поляки и чехословаки должны оказать помощь в борьбе с большевиками [28].

В конце августа поляки пошли на некоторое сближение с «белыми», так 25 августа в Лионе сообщили по радио о намерении польского министра иностранных дел назначить дипломатов при русских антибольшевистских правительствах [29]. Более того, после успешного продвижения польского войска к Полоцку, и, после отступления красных к правому берегу западной Двины, в радиосообщении, прозвучавшем в Польше, высказывалась мысль о том, что поляки вскоре начнут вести переговоры о будущих границах с антибольшевистским правительством [30]. А в «Варшавской газете» была опубликована статья 9 сентября 1919 г. об основных задачах польской дипломатии. Одной из таких был поиск союзников против Германии, поэтому главными союзниками назывались Т.Г. Масарик и А.В. Колчак [31]. Однако «Русь» оставляла без комментариев все эти заявления польской дипломатии. И, как оказалось не зря, Польша стремилась заручиться поддержкой сразу нескольких государств. Газета «Русь» опубликовала сообщение, полученное из Лиона 19 сентября о польской миссии в Латвию и Эстонию: с целью заключить тайный союз, тем самым препятствовать сближению России с Германией [32].

Вскоре противоречивость чехословацкой дипломатии вновь дала о себе знать. Находившейся в Иркутске глава чехословацкой делегации Крайчий 29 августа заявил, что пребывание в Сибири чехословацкого войска продлится некоторое время, в виду нехватки теплоходов для переправы [33]. В газете «Русь» прозвучало возмущение на полученную из Омска 10 сентября от Телеграфного агентства информацию, о планах чехословацкого войска соединиться с фронтом Деникина для того, чтобы вернуться на Родину в ближайшее время [34]. Но тот же корреспондент выразил сомнение относительно двойственной политики Чехословакии по отношению к «белому» правительству, не желая портить сложившийся образ преданных братьев чехов. Тем не менее, уже 14 октября в колонке «Славяне» содержалась информация о дружбе Чехословакии и России, основанная на культурно-экономических интересах. Ниже сообщалось о намерениях Чехословакии наладить отношения и с Малороссией [35].

КСХС была единственным союзным братом, чья политика по отношению к России не вызывала сомнений. Газета «Русь» не публиковала информацию о нахождении в Сибири сербских добровольцах. С июля по октябрь 1919 г. в газете было лишь несколько заметок о КСХС. При этом КСХС было единственным государством, официально признавшим Российское правительство

А. В. Колчака [36]. В Сибири находилось около 4 000 сербских солдат [37]. Вероятно, антибольшевистские силы рассчитывали на их увеличение. Как вспоминал генерал А. И. Деникин, КСХС было готово отправить в Россию 40 тысяч солдат, но по экономическим мотивам, осуществить это не удалось [38].

Если в июле-августе 1919 г. на страницах газеты «Русь» выдвигалась мысль о России, как о будущем гегемоне в славянском мире, то после публикаций о двойственной политике «славянских братьев» газета осознавала, что сейчас важно сохранить дружбу в отношениях со славянами и на время забыть о доминирующей роли России. Как отмечает томский историк Д. Н. Шевелев, консолидация славян, по мнению идеологов антибольшевистского движения, могла ознаменовать начало нового этапа мировой истории [39]. Поскольку славянский вопрос не был четко проработан дипломатами Российского правительства А. В. Колчака, демократическая газета оставила его в неизменном виде и публикации о славянах носили информационный характер.

Библиографический список

1. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 343–344.
2. Несоветские газеты (1918-1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки. СПб., 2002. С. 104.
3. Стрелков И. П. Взгляд белых дипломатов на главные цели внешней политики России // Вестник СПбГУ. 2013. Вып.3. С. 173.
4. Нам И. В. Международные аспекты национальной политики Российского правительства (ноябрь 1918-1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 83.
5. Там же.
6. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 150.
7. Славяне // Русь (Омск). 1919. 29 июля.
8. Там же.
9. Там же.
10. ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
11. Стрелков И. П. Взгляд белых дипломатов на главные цели внешней политики России... С. 175.
12. ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 2. Д. 43. Л. 1.
13. ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.
14. Шевелев Д. Н. В «Железном кольце»: Образ «Единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания периоди-

- ческой печатью Урала и Сибири весной-осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 48.
15. Победа сознания // Русь (Омск). 1919. 29 июля.
  16. Из Праги в Омск // Русь (Омск). 1919. 14 августа.
  17. Валиахметов А. Н. Чехословацкие легионеры и чехословацкие интернационалисты в Гражданской войне в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (29). С. 39.
  18. Феминистское движение в Чехословацкой республике // Русь (Омск). 1919. 13 сентября.
  19. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. С. 246.
  20. Островский Л. К. Польские военные в Сибири (1904-1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 90.
  21. Григорьева А. А. Русско-польские отношения (панславистский контекст) // Вестник ТГУ. 2015. № 392. С. 104.
  22. Речь представителя чехословацких войск // Русь (Омск). 1919. 12 августа.
  23. Казаки и чехословаки // Русь (Омск). 1919. 16 августа.
  24. ГИАОО. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
  25. Обращение делегации Чехословацкого Национального собрания и правительства к Чехословацкой армии в Сибири // Русь (Омск). 1919. 26 августа.
  26. К сведению поляков // Русь (Омск). 1919. 24 сентября.
  27. Выступят ли чехословаки и поляки // Русь (Омск). 1919. 19 августа.
  28. Там же.
  29. Дипломатические отношения Польши и русских правительств // Русь (Омск). 1919. 27 августа.
  30. Варшавская газета // Русь (Омск). 1919. 17 сентября.
  31. Там же.
  32. Миссия в Латвию и Эстонию // Русь (Омск). 1919. 23 сентября.
  33. Заявление главы чехословацкой делегации // Русь (Омск). 1919. 20 сентября. С. 1.
  34. К выступлению чехов // Русь (Омск). 1919. 20 сентября.
  35. Чехословаки и Малороссия // Русь (Омск). 1919. 17 октября.
  36. Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала Колчака с союзниками: источниковедческий аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 76.
  37. Там же. С. 25.
  38. Деникин А. И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж, 1932. С. 34.
  39. Шевелев Д. Н. Концепт «Первая мировая война» в политической пропаганде антибольшевистского движения на востоке России (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3-6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 190.

А. Е. ФОМЕНКО (Тара)

Тарская центральная районная библиотека

**СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО УЕЗДА В 1917-1922 ГГ.**

Аннотация: Данная публикация представляет собой обзорное исследование, посвященное изучению положения голодающих и социально-экономического состояния населения Тарского уезда в военно-революционный период 1917-1922 гг. Работа написана на комплексе источников, выявленных автором в филиале Исторического архива Омской области в городе Таре и научно-краеведческого центра им. А. А. Жиров МБУК «ТЦБС», и впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: голод, продовольственный вопрос, снабжение, Тарский уезд, Гражданская война.

A. E. FOMENKO (Tara)

Tara central regional library

**THE SOCIAL–ECONOMICAL POSITION OF THE POPULATION
OF THE TARA DISTRICT IN 1917-1922**

Annotation: This publication is a survey study devoted to the study of the starving and socio-economic state of the population of the Tarski Uyezd in the military-revolutionary period of 1917-1922. The work is written on a complex of sources, identified by the author in the Tarsky branch of the State Historical Archive of the Omsk Region and the Center for Science and Local Lore. A. A. Zhiron MBUK «TCBS», and for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: Famine, food issue, supply, Tarsky district, Civil war.

В филиале Исторического архива Омской области в городе Таре имеются документы, сводки, переписки и описи имущества за военно-революционный период. Но, к сожалению архивных дел, относящихся к 1917–1918 гг. сохранилось немного; материалов за 1920–1922 гг. намного больше, и они довольно разнообразны. В фондах архива имеются сведения о голодающих и об убытках, понесённых гражданами во время нахождения чехословацких и колчаковских отрядов на территории уезда. По нашим данным, этот материал никто не исследовал и не анализировал, в связи с этим мы затрагиваем тему социально-экономической жизни Тарского уезда в период 1917 по 1922 гг. Большая часть приведенного материала касается 1921 и 1922 гг. – это время апогея голода не только в Тарском уезде, но и во всей стране.

9 марта 1918 г. в Таре состоялось объединенное заседание 5-го съезда крестьянских депутатов и гласных уездного земства, на котором было принято

решение о передачи власти в городе и уезде Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [1]. Для осуществления государственного управления в уезде был создан Тарский уездный исполнительный комитет (уисполком).

После контрреволюционного переворота 7 июня 1918 г. и захвата города Тары белогвардейцами Тарский уисполком, как орган советской власти, прекратил работу. Тара 16 ноября 1919 г. была занята частями РККА; власть в городе и в уезде перешла к Тарскому уездному ревкому, который до июня 1920 г. был главным политическим и административным органом власти в уезде (впоследствии передал власть уисполкому). Тарский уисполком руководил всеми сторонами общественной жизни города и уезда – промышленностью, сельским хозяйством, продовольственным делом, торговлей, транспортом, брал на учёт и контроль все виды государственного имущества, ведал коммунальным хозяйством, решал вопросы социально-культурного строительства. Про существовал Тарский уисполком до октября 1925 г.

8 сентября 1921 г. была создана Тарская уездная комиссия помощи голодающим (Упомгол). Ее первоначальная задача – проведение недели помощи голодающим. С 17 декабря 1921 г. комиссия стала постоянной, занимаясь выявлением голодающих, учетом семенного материала и др. Тарский уезд относился к «территории голода» [2]. В фонде архива найден документ за 8 февраля 1922 г. № 634, где Тарский уисполком со всего Тарского уезда требует в кратчайшие сроки предоставить сведения об убытках, понесенных гражданами во время нахождения чехословацких и колчаковских отрядов на территории узда. Сведения были представлены до середины марта 1922 г. В таблицах были указаны ФИО пострадавшего, наименование и количество ограбленного, стоимость по курсу рубля 1914 г. и особые примечания. В примечаниях обычно указаны фамилии и имена убитых колчаковскими отрядами, и кем этот человек приходился пострадавшему.

Не все населенные пункты пострадали одинаково, есть те, кто подавал сведения, что пострадавших и убытков нет. Есть и такие списки, где указаны две или три фамилии. Самый же большой список пострадавших по Нагорно-Ивановской волости, где пострадало по списку 33 человека, а общая сумма убытка составила 4734 руб. 20 коп [3]. Сведения поселения Аевской волости Тарского уезда оформлены иначе. Составлена общая таблица по украденным предметам: домашние вещи, скот, упряжи и сбруи, хлеб и сено. Оцененная сумма предметов поражает, она составила 26912 руб. 80 коп. [4].

Белогвардейцы забирали у населения всё самое ценное и необходимое – одежду (шапки, рубахи, фуфайки, брюки, обувь, как мужскую, так и женскую и даже чулки и белье); хозяйственную утварь (топоры, ведра, телеги, вожжи, литовки, различные катки, сани). Конечно, армии нужно было продовольствие, и поэтому колчаковцы у населения забирали продукты (овёс, пшено, ячмень, мясо) и скот (коров, быков, овец, в большом количестве лошадей). Стоимость лошади составляла от 70 до 110 руб., с упряжью до 200 руб., стоимость коровы 25 руб. Забирали также шерсть, сукно, выделанную кожу.

В 1988 г. был опубликованы воспоминания жительницы Тары Зинаиды Павловны Зубовой. В годы Гражданской войны она жила в деревне Бородихино

с отцом и матерью, в семье у них было семеро детей. В 1918 г., когда ей было 6 лет, в деревню пришли белые. По воспоминаниям Зинаиды Павловны известно, что белые пьянствовали, заходили в каждый двор и вели себя как хозяева. Оставляли своих загнанных лошадей и забирали крестьянских. К весне 1919 пришли чехи, весь отряд был на конях, с пиками, с саблями. Также много грабили. Местная жительница помнит, как к ним наехала полная ограда, они хозяйничали в амбаре, сняли стяг мяса, порубили саблями и велели хозяйки дома Устиньи Яковлевне (матери Зинаиды Павловны) варить и кормить их, что она и делала весь день, а её дети в это время прятались под лестницей [5].

Из истории известно, что эти страшные годы были неурожайными и голодными. Нами найдены документы Тарского исполкома со сведениями о голодающих по волостям уезда с января 1921 г. по декабрь 1922 г. Сведения от каждой волости оформлялись в таблицах, где были указаны голодающие, заболевшие от голода и смертность от голода взрослых и детей. Найденные сведения приведены ниже в таблице.

Название волости	Голодающие		Заболевшие от голода		Смертность от голода	
	взрослых	детей	взрослых	детей	взрослых	детей
Артынская [6]	1885	1647	374	393	69	102
Бергамакская [7]	295	551	-	-	-	-
Больше-Реченская [8]	834	972	-	-	1	11
Бутаковская [9]	6	100	56	80	6	9
Евгашинская [10]	1363	767	107	182	9	14
Екатериненкая [11]	1378	1471	223	644	6	27
Ложниковская [12]	931	614	23	28	-	-
Кейзеская [13]	25	32	-	-	-	-
Корсинская	1828	9552	-	-	-	-
Нагорно-Ивановская [14]	2068	1761	398	621	16	37
Пустынская [15]	3382	3130	-	132	-	-

Неизвестно, почему такое большое число голодающих среди детей в Корсинской волости. Возможно, это ошибка заполняющего таблицу, так как в столбце «За всё время» голодающих детей указано 5413 [16]. В Усть-Ишимской, Савиновской, Ермиловской, Крайчиковской, Бухарской волостях число голодающих и заболевших не превышает 400 человек. Положение населения в волостях Тарского уезда в 1921–1922 гг. почти везде одинаково. Голод по уезду с каждым днем усиливался. Из сводки Рыбинского волисполкома за 20 июня 1922 г. известно, что редкий «день проходил без покойника. Постоянные грабежи, кражи продуктов питания, резня чужого скота, выкапывание корнеплодов и только что посаженного в огородах картофеля. Выражались опасения, что и во время поспевания хлеба, колосья ночами будут также развозиться по домам. Бедные страдальцы готовы на всё и не страшились даже смерти. Идут воровать, если его ловят на месте преступления, с ним творят самосуд, избивая и калеча. Справиться с самосудами на местах некому, так как на 2 волости

1 милиционер, которого в волости видят только раз в месяц. Волисполком признаёт, что справиться с самосудами не успевает и бессилён. Обеспокоены и тем, как население пойдет на покос и уборку хлеба, если и без работы голодные елени ноги передвигают. Опасаются новой волны резни, грабежей и краж» [17].

Из протокола заседания председателей и секретарей Егоровской волости от 18 июня 1922 г. «... население голодает более 50 %, питаются исключительно суррогатам, травами и корой, от чего появляются заболевания и впоследствии смертность населения. Всходы ниже среднего из-за засухи. Засеяно хлебов как озимых и яровых по сравнению с 1921 не выше 30 %, в случае не выпадка дождей ожидается полное ухудшение посевов...» [18].

О Екатеринбургской волости известно из акта обследования за 1922 г., «... всего 1246 голодающих из них 648 детей. Положение становится тяжелым и безысходным. Все пищевые продукты поели, в том числе и огородные овощи, в дальнейшем вынуждены употреблять в пищу траву. Некоторое население остатки картофеля посадили в огород, но голодающие варварски вырывают семенной картофель (огороды сплошь пустуют)» [19].

Благодаря долгим поискам были найдены общие сведения о числе голодающих в Тарском уезде, указаны волости и число голодающих, заболевших и умерших взрослых и детей [20]. В документе есть исправления, отсутствуют сведения о двух населенных пунктах, всего перечислено 48 волостей. К сожалению, в конце документа нет итоговых данных. Автором было подсчитано общее число пострадавших во всем уезде. Нельзя сказать, что данные точны, возможно, количество голодающих в регионе было больше, но и известное число голодающих поражает.

Категории населения	Взрослых	Детей
Голодающих	24958	33816
Заболевших	3176	4282
Смертей от голода	478	532

Власть пыталась улучшить ситуацию в уезде. От укомпомгола в самых голодающих волостях Тарского уезда были открыты 7 специальных пунктов питания, где питалось 1600 детей. Кроме того, в Таре функционировала детская столовая, кормившая 620 детей [21].

Известны документы начала 1920-х гг., касающиеся работы комиссии по изъятию ценностей в пользу голодающих из церквей города Тары. Имеется воззвание Тарской уездной комиссии по изъятию ценностей из церквей и молитвенных домов других религиозных культов, к рабочим и крестьянам Тарского уезда, религиозным обществам, группам верующих разных исповеданий и духовенству: «... великое бедствие постигло РСФСР – небывалая засуха, захватившая огромные пространства, несметное количество хлебных вредителей: кобылка и т.п. уничтожили посевы во многих губерниях, раньше снабжавшие своим хлебом другие местности. В Тарском уезде сотни смертей от голода. В прошение говорится о том, что Советского государство, рабочие и крестьяне дали всё что могли, но все эти меры малы перед великим бедствием. В России

хлеба недостаточно, но можно купить за границей у капиталистических стран, которые предъявляют большой спрос на золото и др. ценности. И на основании постановления ВЦИК Центральная комиссия помощи голодающим постановила разрешить религиозным управлениям, / отдельным региональным обществам производить сборы пожертвований в пользу голодающих. Одним из источников, из которых можно извлечь несметные богатства, является всякого рода церковная драгоценность» [22]. Но было прописано, что только, то золото и серебро, без которого можно обойтись при совершении богослужения.

Состав уездной комиссии по изъятию церковных ценностей из храмов города Тары состоял из председателя уисполкома Кравченко, члена уисполкома Щербакова, заведующего уфинотделом Новицкого, председателя городского духовенства священника Александрова, а также членов церковных общин. Некоторые общины, например Спасской и Тихвинской церкви, выступали с заявлениями оставить при храме ризы на иконах и иконостасах. Тихвинская церковь просила комиссию оставить икону Тарской Тихвинской Божьей Матери, существующую с основания города, так как она особо чтима народом не только города и уезда, но и соседними уездами, а её изъятие затронет чувства верующих. Но, не смотря на прошения церковных общин, конфискованное имущество возвращено не было [23].

Меньше чем за две недели из храмов Тары вместо нескольких футов, которые прихожане перед началом кампании согласились сдать добровольно, было изъято 16 пудов серебра, 766 штук драгоценных камней (причем их ценность определили, так как не было ювелира) и 18 фунтов меди [24]. Сложно представить, что творилось в городе в это тяжелое время. Досталось ли хоть что-то из этих денег голодающим Тарского уезда неясно, но, как утверждают исследователи, под предлогом помощи голодающим, советское правительство взыскало с территории своей страны церковных ценностей на 2,5 млн. золотых рублей. На покупку продовольствия из них было потрачено около 1 млн. Остальные деньги перешли на счета партийных лидеров или были направлены на разжигание мировой революции [25].

Конечно, ситуация в Тарском уезде в эти годы была не такой ужасной как в Поволжье. Но, согласно документам, в уезде были грабежи, кражи продуктов питания, уничтожение посевного картофеля, семян и скота, самосуды, увеличение смертности детей и взрослых. Начало 1920-х гг. стало временем нищеты, голода, беззакония и уничтожения церковных ценностей. Жители уезда последовательно испытали на себе грабительские разгулы белогвардейцев, неурожай, отсутствие реагирования и быстрой помощи от власти.

Библиографический список

1. ТФ ГИАОО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
2. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
3. Там же. Д. 246. Л. 29-31.
4. Там же. Л. 33.

5. Юшкевич О. Живая память грозных лет // Ленинский путь. 1988. 11 июня. С. 4.
6. Там же. Л. 26.
  7. Там же. Л. 11.
  8. Там же. Л. 6.
  9. Там же. Л. 13.
  10. Там же. Д. 252. Л. 4.
  11. Там же. Л. 12.
  12. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.
  13. Там же. Л. 8.
  14. Там же. Л. 7.
  15. Там же. Л. 24.
  16. Там же. Л. 15.
  17. Там же. Д. 137. Л. 11.
  18. Там же. Л. 69.
  19. Там же. Л. 85.
  20. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 136. Л. 26, 27.
  21. Там же. Л. 24.
  22. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 18.
  23. Там же. Л. 62.
  24. Там же. Л. 34.
  25. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1997. С. 171.

Н. С. ХРАПОВА (Омск)
Исторический архив Омской области

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПЕТРА ПЕТРОВИЧА КАЛИТИНА

Аннотация: Данная публикация является результатом проделанного автором публикации атрибуционного исследования – выявления ранее неизвестной части послужного списка генерал-лейтенанта П. П. Калитина – кадрового офицера, участника Гражданской войны, командующего Сибирской казачьей бригадой.

Ключевые слова: источники, архивы, Сибирское казачье войско, генералитет, Гражданская война, белое движение.

N. S. KHRAPOVA (Omsk)
Historical archive of the Omsk region

THE SERVICE LIST OF PETER PETROVICH KALYTIN

Annotation: This publication is the result of the author's publication of an attribution study – the discovery of a previously unknown part of the track record of General-Lieutenant P. P. Kalitin – a career officer, Civil War participant, commander of the Siberian Cossack Brigade.

Keywords: sources, archives, Siberian Cossack army, general, Civil war, white movement.

Архивно-поисковая работа является процессом, иногда таящим в себе весьма неожиданные находки, которые могут открывать перспективы определенным научным изысканиям. Так, в архивном фонде Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска имеется послужной список командующего Сибирской казачьей бригадой генерал-лейтенанта Калитина (1909 – 1914 гг.) [1]. Согласно листу использования в читальном зале архива с ним работал только единожды в 1996 г. омский краевед А. М. Лосунов. И это неудивительно – ведь до недавнего времени данное архивное дело состояло всего из одного первого листа списка.

В ходе работы над исполнением очередного генеалогического запроса в личном деле акушерки-фельдшера Александры Николаевны Асаченковой за 1914 г. [2] был обнаружен явно не подходящий к данной личности лист из послужного списка (раздел IX – Прохождение службы) со сведениями об участии в Хивинском походе, Кокандской экспедиции, о награждении лица орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 3-й степени. При анализе документов фонда Войскового хозяйственного правления стало очевидно, что данный лист мог относиться только к П. П. Калитину – единственному генералу, значившемуся в части описи, состоящей из личных дел казаков.

После тщательного полистного просмотра имеющихся 26 личных дел был собран послужной список П. П. Калитина в количестве девяти листов. Попутно был найден и недостающий лист к имеющемуся списку А. Н. Асаченковой. В итоге, было переформировано четыре единицы хранения, все изменения внесены в опись, а послужной список Петра Петровича Калитина был внесен в реестр особо ценных документов Исторического архива Омской области. Не были обнаружены последние листы списка: разделы с XI по XIV со сведениями о семейном положении, о недвижимом имуществе, о штрафах и судимости, о пребывании в походах.

Из послужного списка командующего Сибирской казачьей бригадой генерал-лейтенанта Петра Петровича Калитина, по состоянию на октябрь 1914 г. (дата в документе отсутствует, и датировка нами была проведена условно), следует, что он родился 30 октября (по старому стилю) 1853 г. в Псковской губернии, происходил из семьи потомственных дворян, православного вероисповедания. Юный Петр окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, а экзамен на производство в офицерский чин выдержал при полевом штабе действующих под Хивую войск.

В графе III – «Ордена и знаки отличия» с пометкой «Знаки отличия и медали выписаны не все» указано: «кавалер орденов Св. Георгия 4-й ст., Владимира 3-й, 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. без мечей, 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 1-й, 2-й ст. с мечами и 3-й ст. с мечами и бантом. Имеет знаки отличия за Хивинский поход 1873 г., за взятие штурмом крепости Геок-Тепе, медали за покорение ханства Кокандского 1875–1876 гг., в память коронации Их Императорских Величеств 15 мая 1883 г., в память царствования императора Александра III». Также за время службы П. П. Калитина в должности командующего Сибирской казачьей бригадой ему было представлено право ношения медалей в память 300-летия Царствования Дома Романовых и в память столетия Отечественной войны 1812 г. [3]

Остановимся подробнее на этапах служебной биографии П. П. Калитина. Он вступил на военную службу 19 февраля 1871 г. в 1-й Туркестанский стрелковый батальон рядовым на правах вольноопределяющегося. 24 июня того же года, выдержав вступительный экзамен при штабе войск Сыр-Дарьинской области, Калитин был произведен в унтер-офицеры. А 18 января 1872 г. юношу командировали в Оренбургское юнкерское училище, но через год он был отчислен по собственному желанию. Сдав 28 июля 1873 г. установленный экзамен в полевом штабе под Хивую, Калитин был произведен в портупей-юнкеры. За отличие, оказанное против хивинцев 17 мая 1873 г. при переправе через реку Амударья, Петр Петрович получил 10 декабря 1873 г. первые награды – знак отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й степени и серебряную медаль за Хивинский поход на Владимирской ленте. 18 апреля 1874 г. Калитин был произведен в прапорщики.

Молодой офицер стал участником Кокандской экспедиции; 7 ноября 1875 г. генерал-майором М. Д. Скобелев назначил Калитина командующим полуротой конных стрелков; а в ноябре 1875 г. Петр Петрович получил чин под-

поручика. За отличие в Кокандском походе в период с 1875 по 1877 гг. подпоручик Калитин был награжден вышеперечисленными орденами Св. Анны 4-й и 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст. и темно-бронзовой медалью за покорение ханства Кокандского.

29 февраля 1878 г. Калитин назначен исполняющим дела батальонного казначея. А 25 августа 1878 г. он был произведен в поручики на вакансию. 12 июня 1880 г. поручик Калитин стал исполнять дела заведующего оружием, тогда же назначен ординарцем к командующему Туркестанской стрелковой бригадой. В период участия Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. Калитина за отличие произвели в штабс-капитаны (18 июля 1881 г.). За опасное предприятие, совершенное после штурма крепости Геок-Тепе с полным успехом, штабс-капитан Калитин 10 октября 1881 г. был Всемиловейше пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени, а так же серебряной медалью на Георгиевской ленте за взятие штурмом крепости Геок-Тепе [4].

«Белый генерал» М. Д. Скобелев вручил Калитину, как наиболее отличившемуся офицеру, собственный Георгиевский крест. Позднее данная награда перешла к есаулу В. И. Волкову. Историк В. А. Шулдяков в своей книге «Гибель Сибирского казачьего войска. 1917 – 1920» пишет: «Командир Отдельной Сибирской казачьей бригады генерал-лейтенант П. П. Калитин, узнав о положительном решении Георгиевской думы по представлению на Волкова, вручил ему свою реликвию, сказав, что передает орден достойнейшему из своих подчиненных. Волков, кстати, продолжил традицию, наградив в Гражданскую войну этим скобелевским крестом одного из лучших своих офицеров» [5].

В конце 1882 г. штабс-капитан Калитин переведен на службу по военному-народному управлению исполняющим дела помощника Аулие-Атинского уезда, а с февраля 1883 г. переведен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора с зачислением по армейской пехоте. В мае того же года за отличие по службе Калитин был произведен в капитаны. В период с 1884 по 1895 гг. он являлся старшим помощником начальника Туркестанского уезда, заведующим Туркменской конной милицией (позднее – Туркменский конный дивизион). В эти годы капитан Калитин был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, Персидским орденом Льва и Солнца 2-й ст. со звездой, а также пожалованным Эмиром Бухарским золотым орденом восходящей звезды 2-й степени, золотым Бухарским орденом 1-й ст. Продолжался и рост в чинах: с 1 января 1890 г. Калитин – подполковники, с 14 апреля 1895 г. – полковник.

С 28 ноября 1895 г. полковник Калитин был зачислен в казачье сословие станицы Михайловской Терской области, а 2 августа 1897 г. назначен командующим 9-м Драгунским Елазаветградским полком, а 10 июня 1899 г. назначен командиром 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. Одновременно Калитин занимался общественной работой: был председателем комиссии по устройству военно-исторического музея в Геок-Тепе (Закаспийская область), открытого в конце XIX в. и разграбленного во время Гражданской войны.

Высочайшим приказом 26 ноября 1902 г. за отличие по службе наш герой был произведен в генерал-майоры и определен в распоряжение начальника Главного штаба. С 28 мая 1903 г. генерал Калитин командовал 2-й бригадой 2-й

казачьей сводной дивизии, с 8 августа 1906 г. назначен начальником отдельной Уссурийской конной бригады. С 10 июля 1907 г. наш герой стал начальником отдельной Забайкальской казачьей бригады. Получив 23 сентября 1908 г. следующий чин, Калитин через месяц возглавил отдельную Западно-Сибирскую казачью бригаду, с ней же генерал вступил в Первую мировую войну [6]. За взятие крепости Эрзерум наш герой, будучи в чине генерала от кавалерии, был награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами [7].

Во время Гражданской войны генерал Калитин находился в составе ВСЮР, после поражений белой армии эмигрировал во Францию, где и провел последние годы жизни. Скончался прославленный генерал 6 июня 1927 г. (по новому стилю) в известном «Русском Доме» княгини Мещерской и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де Буа.

Таким образом, благодаря находке, случайно сделанной автором в Историческом архиве Омской области, был выявлен документ, отнесенный к категории особо ценных. Для нас важен сам факт того, что имеется на хранении документы об этом выдающемся военном деятеле, прошедшем боевой путь от рядового на правах вольноопределяющегося до генерала от кавалерии. Имя этого человека неразрывно связано с историей нашего региона и теперь найденный нами источник доступен для всех интересующихся специалистов.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3321. Л. 1.
2. Там же.
3. Там же. Л. 1об.
4. Там же. Л. 1–2об.
5. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Кн. 1. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 252.
6. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 3321. Л. 3–7об.
7. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта: Калитин Петр Петрович. Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=473> (дата обращения 30.08.2017).

И. А. ЧЕРКАСОВ (Красноярск)
Красноярский краевой краеведческий музей

**«РОЖДЁННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ».
К ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ
В КРАСНОЯРСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ ЛЕТОМ 1917 Г.**

Аннотация: В статье на основе материалов периодической печати приводятся некоторые данные об избирательной кампании, основанные на анализе списков избирателей и формулируются проблемы изучения выборов в Красноярскую городскую думу.

Ключевые слова: революция, 1917, Красноярск, выборы в городскую думу, избирательные списки, кадеты, социал-демократы, большевики, меньшевики, эсеры.

I. A. CHERKASOV (Krasnoyarsk)
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

**«BORN BY THE REVOLUTION».
TO THE HISTORY OF THE FIRST DEMOCRATIC ELECTIONS
TO THE KRASNOYARSK URBAN DUMA IN THE SUMMER OF 1917**

Annotation: In the article, on the basis of the materials of the periodical press, some data on the election campaign are based on an analysis of voter lists and problems of studying elections to the Krasnoyarsk City Duma are formulated.

Keywords: the revolution, 1917, Krasnoyarsk, elections to the City Duma, voter lists, the social Democrats, the kadets, the bolsheviks, the mensheviks, the socialists-revolutionaries

В истории революции 1917 г. в Красноярске есть сюжет, хорошо известный исследователям, но не ставший предметом детального рассмотрения. Речь идёт о первых демократических выборах в Красноярскую городскую думу. Несмотря на то, что общепризнано их влияние на ход революционных событий, т.к. победа социал-демократов на выборах привела их к руководству городом, – сам процесс выборов не привлекал достаточного внимания исследователей. Разумеется, предмет этот заслуживает большего внимания, нежели имел возможность уделить ему автор. В данном сообщении заключается скорее постановка проблемы и перечисление некоторых интересных вопросов, связанных с выборами в Красноярскую городскую думу, чем итоги исследовательской работы. Данное сообщение основано на источниках, опубликованных в периодической печати, преимущественно в газете «Известия Енисейской губернии» – прием-

нице «Енисейских губернских ведомостей», выходявшей с 1 апреля 1917 г., а также в партийной периодике.

25 апреля «Известия Енисейской губернии» сообщили: «Временным правительством утверждены правила производства выборов гласных городских дум на основе прямого, всеобщего, равного и тайного избирательного права, без различия пола, вероисповедания и национальности; избирательный возраст 25 лет; в избирательные списки вносятся все проживающие оседло в городе во время составления списков; состоящие на военной службе участвуют в выборах на общих основаниях» [1]. Временное правительство требовало в скорейшем времени приступить к подготовке выборов по новым правилам. Уже в следующем номере от 28 апреля были опубликованы Временные правила о производстве выборов гласных городских дум. К их подготовке следовало приступить немедленно по обнародовании Правил, избрать думы до 1 января 1919 г. [2] в соответствии с расписанием, которое было опубликовано 16 мая. Красноярская городская дума должна была включать 83 гласных, Минусинская и Канская – по 29, Енисейская – 25, Ачинская – 24, Туруханская – 20 [3].

По Временным правилам избрание гласных шло исключительно по спискам, выдвигавшимся избирателями. Список мог включать максимально столько человек, сколько мест гласных полагалось в городской думе. Избиратели (числом, равным не менее, чем половине числа гласных думы) могли представить за своими подписями предлагаемый список не позднее, чем за 10 дней до выборов. Список регистрировался и получал номер, который следовало указать в избирательной записке (бюллетене). Каждый избиратель мог подписаться лишь под одним избирательным списком [4], но не возбранялось выдвигать одного и того же человека по разным спискам.

Очень сложная предписывалась методика подсчёта количества избранных гласных по каждому списку. Количество поданных за каждый список голосов умножалось на количество мест в думе и делилось на общее число голосовавших. Целые числа полученных частных указывали число гласных по каждому списку. Если после сложения этих целых чисел, оказывался остаток мест (например, 5 из 30), то производилась следующая операция. Частные выстраивались в порядке «старшинства дробей, стоящих в частных при целых числах и без них». Таким образом, ряд частных мог получиться такой (за основание бралась величина не целого числа, а десятой части): $0,95 - 3,94 - 10,92 - 0,75 - 4,37 - 1,31 - 0,27 - 2,01$. Далее «каждое из пяти первых чисел принимается за единицу и соответственно этому увеличивается каждое из тех частных, при которых они находятся. Если же и после этого число гласных оставалось меньше положенного, то оставшиеся места распределяли по старшинству дробей» [5].

Город разделили на 7 избирательных участков. Информация об этом делении представляет интерес для топографии Красноярска, поэтому воспроизведём её целиком. 1-й участок включал территорию старого города до чётной стороны Покровского переуллка (ныне ул. Сурикова), Закаченскую слободу, Покровскую слободу, бойни, пороховой склад Штеблера и кладбище (Троицкое).

Местом голосования было женское епархиальное училище. 2-й участок простирался от нечётной стороны Покровского до чётной стороны Падалкина переул-ка (ныне улица Диктатуры Пролетариата) и включала район Закачи до конца Подгорной улицы. Место голосования – городской театр. 3-й участок охватывал территорию между Всехсвятской улицей (ныне Красной Армии в Центральном районе) и Енисеем, казённую лесную площадь и Посадный остров. Место голосования – гарнизонное собрание 15-го полка. 4-й участок включал северную часть города до чётной стороны Воскресенской улицы (ныне пр. Ми-ра), дачу Юдина (в районе современного Юдинского моста) и Закаченскую улицу, что за дачей Юдина. Место голосования – железнодорожное собрание. 5-й участок охватывал северную часть Николаевской слободы до Боярской улицы (ныне ул. Копылова), а также «Алексеевскую слободу, кирпичные сараи по обе стороны железной дороги и Сахалин» Место голосования – пожарное депо в Николаевской слободе. 6-й участок включал Николаевскую слободу от Боярской улицы, Ольгинский приют, дачу Юдина (ныне Музей-усадьба Г. В. Юдина), дачу Гадалова, шпалопропиточный завод, Гремячий, завод Кохановского, Таракановку, всю полосу отчуждения железной дороги и все заимки за городом. Место голосования – 8-е начальное училище в Николаевской слободе. И ещё отдельный участок составляли жители монастырского плотбища, местом голосования для них был избран воскобельный завод [6].

Выборы были назначены на 2 июля 1917 г., всего было выдвинуто более 200 человек по восьми избирательным спискам. Список № 1 из 66 человек подали кадеты. В первую десятку списка вошли Д. Е. Лаппо, П. И. Кусков, А. П. Оносовский, П. И. Гадалов, А. П. Кузнецов, Г. Г. Бондарь, А. А. Кускова, Н. В. Лавров, В. А. Смирнов, В. Ц. Новодворский. Список №2 из 83 человек заявили социал-демократы. В первой десятке значатся В. М. Львов, М. И. Фрумкин, А. Л. Савватеев, Ч. Л. Лютц, Ф. Е. Сотников, С. Б. Лесин, С.С. Пилявский, Е. Е. Гвоздикова, Я. М. Пекарж, В. Э. Квинтиллиани. Под №12–15 указаны Я. Ф. Дубровинский, А. И. Окулов, М. Зельтын, Т. П. Марковский. Список № 3 был подан от партии социалистов-революционеров; список известен в двух вариантах: кратком, опубликованном в «Известиях Енисейской губернии» (53 человека), и пространным, опубликованном в эсеровском «Знамени труда», из 65 кандидатов). В первой десятке – И. А. Ловцев, А. Ф. Кусков, А. Е. Курденков, И. А. Ячменёв, Н. Н. Козьмин, В. А. Колосова, Е. М. Чернявина-Белетская, Г. Я. Ревич, Ф. М. Чаблис, В. А. Козлов. Список №4 из 45 человек выдвинуло общество «Арендатор». В первой десятке здесь И. И. Станович, Я. К. Лесковский, А. Ф. Подузов, П. М. Бахов, Д. А. Жуков, Т. С. Калашников, А. К. Аристархов, Н. М. Зубков, А. Ф. Боборыко, Я. И. Смолехо. Список №5 – от группы православного исповедания (16 человек). В первой десятке – Я. И. Песегов, И. Ф. Кошков, А. Г. Благодатов, В. К. Тюшняков, В. А. Сельский, К. Г. Беляевский, И. Н. Твитин, П. В. Головкин, П. И. Павлов, А.И. Овсяников. Список №6 – от еврейского общества из двух человек – И. И. Гефтера и Б. С. Нови. Список №7 – от Союза домовладельцев (30 человек, из которых четверо проходят по

кадетскому списку). В первой десятке В. А. Смирнов, К. И. Эмих, Н. А. Фон-Эзерский, В. И. Корнаков, Н. А. Ставровский, П. И. Шрамков, П. С. Тюретин, Ф. Г. Лукин, И. М. Ляпунов, Д. Ф. Раззорёнов. Список № 8 – от союза учащихся (учителей), составленный известными общественными деятелями и педагогами Красноярска, Список включает 34 человека, в первой десятке здесь А. О. Громчевский, Вл. М. Крутовский, Р. А. Френкель, П. А. Коротков, И. В. Фигуровский, И. М. Голицын, Л. Е. Козлов, А. П. Трофимов, Л. С. Крутовская, М. В. Красножёнова [7].

В статье «Городские выборы и списки», опубликованной в эсеровской газете «Знамя труда», И.В. Казанцев указывал на такое обилие избирательных непартийных списков как на свидетельство незрелости демократии и политической неграмотности населения, которое не готово разделить на партии и выбирает в думу известных лиц, а не защитников тех или иных партийных платформ. «Десятки списков – это просто растерянность, непривычка к общественной жизни... Это ведь первые правильно организованные выборы за всю историю существования России ... Особенно угнетает нас выступление с отдельным списком учителей. Хотелось бы смотреть на учителей именно как на учителей, подающих пример правильного понимания жизни. И вдруг такой пассаж. Тоже обывательщина, перенесённая в общественную работу, тоже, как у мещан, непонимание политической азбуки. Список учителей – это феномен, какого ещё не видел мир. Как же стыдно должно быть им, если избиратели окажутся грамотнее их (политически) и они окажутся при пиковом интересе, а список их будет передан в Государственный музей как историческая редкость» [8].

Избирательные списки, выдвинутые красноярцами, составят в будущем интересный материал для историков и краеведов. В списках помимо фамилии, имени и отчества указывались (в подавляющем большинстве) возраст и адрес кандидатов. Помимо интересных топографических наблюдений списки позволяют сделать выводы о возрастной структуре кандидатов, что является отражением и общей характеристики партий Красноярска. Впечатляют возрастные различия между списками кадетов и социал-демократов. Разделив всех избирателей на 4 возрастные группы, получим следующее:

Возрастная группа	Кадеты	Социал-демократы	Эсеры
До 30	1	23	13
31 – 40	20	43	36
41 – 50	30	13	9
От 51	14	3	0

Итак, мы видим, что из 66 кандидатов от кадетов 44 человека (67%) старше 40 лет, в то время как из 83 кандидатов от РСДРП 46 людей до 40 лет (55%). Из 58 кандидатов от эсеров, у кого известен возраст, к данной группе и

вовсе принадлежат 49 человек (84,5%). В социал-демократическом списке указаны 23 очень молодых кандидата от 21 до 30 лет (хотя избирательный возраст составлял 25 лет), в списке ПСР таких 13. Таким образом, видно, что социалистические партии обладали большей популярностью среди молодёжи (что, кстати, оказало влияние на весь ход революционных событий).

Самая возрастная группа кандидатов шла по списку домовладельцев, здесь из 30 человек лишь два кандидата до 40, а половина (15 человек) старше 50 лет. Возрастной состав кандидатов по другим спискам таков:

Возрастная группа	Общество «Арендатор»	Группа православного исповедания	Еврейское общество	Союз домовладельцев	Союз учащих
До 30	3	1	0	0	0
31 – 40	15	4	0	2	14
41 – 50	16	7	1	13	14
От 51	9	2	1	15	2

Если расположить избирательные списки слева направо по характеру политических убеждений, даже принимая во внимание большую степень условности такой схемы, заметен рост доли молодёжи от консервативных кругов (домовладельцы, арендаторы) и кадетов к списку учащих (группа, близкая к областникам) и социалистам. Это даёт возможность рассматривать события 1917 года ещё и с точки зрения смены поколений во власти.

Выборы в гордому были первыми, когда полным избирательным правом пользовались женщины, их выдвинули все партии. Примечательно, что из 9 женщин по списку кадетов (это 13,6% кандидатов) абсолютное большинство составили дамы старше 40 лет (7), а из 13 женщин по списку РСДРП (15,7%) 10 дам до 40 лет. Из 9 женщин в списке ПСР (13,8%) таких 8. Преимущественные партийные предпочтения в разных возрастных группах были характерны для политически активных людей обоих полов.

Результаты выборов были объявлены 5 июля, участие в них приняли 18212 человек. За РСДРП было подано 8965 голосов (около 50%), за ПСР – 5944 (около 30%), за кадетов – 1918, за все непартийные списки – 1283. Таким образом, более 80% горожан проголосовало за социалистов. В результате подсчёта по сложной системе, которая упоминалась выше, состав городской думы из 83 гласных был таков: 41 социал-демократ, 27 эсеров, 9 кадетов. Для сравнения упомянем, что в Ачинске на выборах в то же время из 26 мест 14 досталось эсерам, 2 – социал-демократам [9]. В Москве на сентябрьских выборах из 810 гласных 17 районных дум было избрано 350 большевиков, 184 кадетов, 104 эсера, 31 меньшевик. В Томске в октябре большевики получили 7605 голосов, эсеры – 5412, кадеты – 3871, домовладельцы – 2328, меньшевики – 1371, мусульмане – 783 [10].

Если постараться обозначить круг проблем, связанных с выборами в городскую думу (не только в Красноярске, но и в губернии и шире – в Сибири), то можно выделить несколько узловых: 1) - законодательная база и организационная основа выборов; 2) формирование кандидатских списков; 3) социальный состав кандидатов в гласные; 4) партии в избирательной кампании; 5) отношение общества к выборам в целом, различным партиям и кандидатам, его изменение в процессе избирательной кампании.

При этом немаловажно, что выборы в городские думы России рассматривались как репетиция выборов в Учредительное собрание и одновременно создание организационной базы для них. Ведь именно городские думы наряду с земствами (которые в скором времени появились в Сибири) должны были взять на себя основную работу по подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание. И именно неготовность земско-городских органов стала причиной переноса выборов в Учредительное собрание с сентября на октябрь, что сыграло роковую роль в судьбе этого органа.

Библиографический список

1. Известия Енисейской губернии (Красноярск). 1917. 27 апреля. С. 3.
2. Там же. 28 апреля. С. 7.
3. Там же. 16 мая. С. 2.
4. Там же. 28 апр. С. 7.
5. Там же. 20 июня. С.3.
6. Там же. 27 июня. С. 1.
7. Там же. 27 июня. С. 7, 8.
8. Казанцев И. В. Городские выборы и списки // Знамя труда (Красноярск). 1917. 26 сентября. С. 2, 3.
9. Знамя труда (Красноярск). 1917. 22 августа. С. 2.
10. Там же. 7 октября. С. 2.

А. П. ШЕКШЕЕВ (Абакан)

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал»

ПАДЕНИЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮНЬ 1918 Г.)

Аннотация: В данном сообщении рассказывается о событиях лета 1918 г., которые имели место в Минусинском уезде Енисейской губернии. Автор выявляет причины антибольшевистского переворота, заключающиеся в несостоятельности политики большевиков, показывает его хронику и последствия. По авторскому мнению, отличительными чертами данного явления здесь являлись его крестьянский характер и ожесточенность борьбы за власть.

Ключевые слова: большевики, красногвардейцы, крестьяне, советская власть, социалисты-революционеры, съезд.

A. P. SHEKSHEEV (Abakan),

Khakass Republican organization «Memorial Society»

THE FALL OF THE FIRST SOVIET GOVERNMENT IN THE SOUTH OF THE YENISEI PROVINCE (JUNE 1918)

Annotation: this report describes the events of the summer of 1918 that took place in minusa County Yenisei province. The author identifies the causes of anti-Bolshevik coup, which was to the insolvency policy of the Bolsheviks shows its history and consequences. According to the author's opinion, the distinctive features of this phenomenon, it was his peasant nature and severity of the struggle for power.

Keywords: Bolsheviks, red guards, peasants, Soviet power, socialist-revolutionaries, Congress.

Обращаясь к освещению событий июня 1918 г., которые привели к свержению первой советской власти, историки называли в качестве причин колебания крестьянина-середняка, оторванность деревенской бедноты от городских пролетариев, а более всего – военное вмешательство интервентов [1]. Вместе с тем в отечественной историографии обозначилась ещё одна точка зрения, согласно которой они заключались в самой деятельности большевиков [2]. Сама её ликвидация применительно к югу Енисейской губернии рассматривалась на страницах ряда публикаций, в частности «Минусинской коммуны» и исследований современных историков, которые содержат утверждения сомнительного характера. Одно из них рассказывает о том, что упразднение здесь советской власти включало только меры сугубо мирного характера [3]. Другое – ограничено только изложением хроники «контрреволюционного» переворота, которую автор воспроизвел сугубо по известным и политизированным источни-

кам [4]. Наконец, указанная монография [5] не претендовала на полноту и глубокое освещение этой темы.

Обойденным исследователями документом, освещающим мотивы данного явления, явился отчёт ликвидационной комиссии Минусинского совдепа от 22 сентября 1918 г., подписанный её председателем Д. И. Ветровым. Судя по нему, секция представителей крестьянства образовалась в новом составе совета только после четырёх месяцев деятельности этого органа. Объединённый исполком состоял из 38 депутатов и служащих, среди которых, по мнению комиссии, находились лица «с не совсем чистой совестью и безупречным прошлым». Члены совдепа были озабочены собственным материальным положением [6]. Крестьянские депутаты оказались в меньшинстве и под контролем численно растущего коммунистического большинства. При наличии в уезде 300 тыс. крестьян и 15 тыс. городского населения местный совдеп состоял из 40 делегатов от сельского и 80 – городского населения [7]. Назревал конфликт между крестьянскими депутатами и основной массой членов совета.

Ликвидационная комиссия заявила, что власть в городе и уезде с конца 1917 г. перешла к лицам, не имевшим опыта руководящей работы и решения социально-экономических вопросов. Будучи на словах самостоятельными, они в основном выполняли директивы центра. В результате деятельность совета носила разрушительный характер и способствовала «растлению умов лиц малокультурных и неграмотных». Объединённый исполком, не считаясь с необходимостью разделения властных функций, выступал в качестве законодательного, исполнительного и судебного органа одновременно. Минусинские большевики путём организации советов на местах пытались распространить свою власть на уезд. С этой целью действовал специальный отдел исполкома. Но волостные и сельские советы были созданы лишь в 32 селениях.

Объявив о национализации промышленных и сельскохозяйственных предприятий, совет не смог наладить их производственную деятельность. Голословным оказалось и заявление большевиков о том, что только власть советов может справиться с продовольственной разрухой. После некоторых попыток решить этот вопрос, продовольственная комиссия была вынуждена констатировать, что крестьяне не испытывают особого желания продавать свой скот, а для получения хлеба необходимо посылать в деревни «карательные» отряды.

На ряде заседаний исполком, отмечая отсутствие поступления налога из деревень, сетовал, что не знает, как с этим явлением бороться. Для объединения деятельности банковских учреждений его финотдел пытался провести их национализацию. Но из-за отсутствия необходимых специалистов она не состоялась. Не справился финотдел и с задачей отыскания источников денежных средств для исполкома, а его расходы увеличивались. Поэтому пришлось прибегнуть к штрафам и контрибуциям, взимаемым, как правило, с состоятельных граждан. В результате такой финансовой политики в казначействе стал ощущаться недостаток денежных знаков.

Негативную оценку ликвидационная комиссия выставила и деятельности отдела народного образования. Его служащие закрывали учебные учреждения и вели борьбу с учителями, стоящими на «антисоветской платформе». Их усили-

ями в Минусинске были открыты советские школы, вскоре ликвидированные из-за отсутствия учащихся [8].

Весной 1918 г. Минусинский уезд находился в состоянии финансового и экономического кризиса. В телеграмме, направленной 1 апреля в адрес СНК РСФСР, местные большевики сообщали, что они уже четыре месяца обходятся собственными денежными средствами, которые истощились. В результате закрываются школы, больные в лечебных учреждениях голодают, солдаты от истощения умирают, а неокрепшие советы прекращают работу. Для улучшения ситуации совдеп просил прислать Минусинскому казначейству 5 млн. руб. [9]. В телеграмме от 3 апреля он же в связи с тем, что останавливаются промышленные и сельскохозяйственные работы, а золото рудников «уходит», умолял ВЦИК «оказать хотя бы какую-нибудь помощь» [10]. 13 апреля минусинцы информировали СНК о большом недостатке продовольствия и наличии более 3000 безработных [11].

В этой ситуации большевики были вынуждены ужесточить свои отношения с крестьянством. Декретами ВЦИК от 9 мая, ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. в стране была объявлена продовольственная диктатура. С целью выяснения наличия и организации заготовок хлеба губернский исполком послал в Минусинский уезд специальную делегацию. С приездом её в Минусинск 20 мая состоялось чрезвычайное пленарное заседание совдепа, участники которого решили реквизировать у «кулаков» и немедленно отправить в Красноярск 40 000 пудов хлеба [12].

Сравнительно зажиточные минусинские крестьяне, возмущенные «произволом и грабежами советской власти», свое недовольство выразили организованно, «всем миром». Открывшийся 1 июня 1918 г., VI уездный крестьянский съезд высказался за включение в свой состав представителей бывшей городской думы и пригласил членов упразднённой земской управы. Съезд сразу же выступил за признание власти Учредительного собрания. После чего члены совета в сопровождении 50 делегатов покинули его. Оставшиеся 220 делегатов потребовали от совдепа отчета в расходовании денежных сумм. В свою очередь, пленарное заседание совета постановило отчитываться лишь перед членами левой части съезда, а в ночь на 4 июня создало Военно-революционный штаб (ВРШ). Опираясь на Красную гвардию, он 5 июня распустил данный съезд и арестовал его руководителей.

Разъехавшись по домам, делегаты рассказали о нанесенной им обиде, что вызвало осуждение в деревнях. Исполнительное бюро съезда обратилось с воззванием к крестьянам: «Ваш съезд разогнан штыками Красной гвардии. Делегаты опорочены как сборище кулаков, мироедов и спекулянтов... Шлите на ... VII съезд лучших своих избранников в Минусинск, давайте им наказы на переизбрание ... совета». Со своей стороны Минусинский совет решил ВРШ не ликвидировать, военному отделу провести мобилизацию в РККА, а публику на новый съезд допускать лишь по карточкам, которые выдавались членам профсоюзов [13].

К этому времени продовольственные заготовки, осуществляемые в Минусинском уезде агентами и членами губернского исполкома, вызывали

у населения казачьих станиц и старожильческих сел крайнюю неприязнь. В селе Большая Иня она выплеснулась в самосуд со смертельным исходом, которому местные заправила подвергли на время вернувшегося с заготовительных работ большевика Шаповалова. Посланная исполкомом и сопровождаемая красногвардейским отрядом, следственная комиссия не смогла выполнить свою задачу [14].

Согласно известному в историографии сценарию, антибольшевистский переворот начинался так. Войдя в село Шалаболино, отряд из 20 красногвардейцев заставил местных жителей сдавать хлеб по твёрдым ценам и взял с них контрибуцию. Известие о чешском мятеже стало толчком к открытому антибольшевистскому выступлению и организации отряда в 800 человек, которые разгромили совет и расстреляли 12 большевиков. Вслед за шалаболинцами поднялись казаки. Вскоре почти весь уезд оказался в руках повстанцев, которые к 19 июня окружили Минусинск [15].

Данную хронику событий подтверждает и публикация очевидца. Но информация в ней отличается объемом и деталями, что и оправдывает её пересказ. Попытки большевистских агитаторов провести на съезд свою креатуру провалились. В селе Шалаболино, откуда агитаторы бежали, не дожидаясь схода, общество разоружило появившегося следом красногвардейца. С целью наведения порядка туда из Минусинска был послан отряд из 24 его товарищей. Однако жители деревень, находившихся на пути следования вооруженных людей, их не пропустили и начали мобилизацию. Собравшись в селе Шалаболино, крестьянские дружинники двинулись на Минусинск [16]. Город был окружён крестьянско-казачьими дружинами, состоявшими из 5–7 тыс. повстанцев, в т.ч. 1–1,5 тыс. станичников [17]. В дальнейшем защитники советской власти признавались, что в июне 1918 г. она здесь была свергнута при участии всего крестьянства [18]. Но имелось ещё одно, умалчиваемое советской историографией, обстоятельство, которое определяло массовое участие крестьян в их походе на город. В одном из источников сообщалось, что за крестьянской «армией», подступившей к Минусинску, следовали тысячи порожних подвод и толпы мужиков и женщин, жаждавших его разграбления [19]. Крестьянско-казачьими дружинами командовал штаб или ВРШ во главе с социалистом-революционером М. А. Добрицким, бывшими офицерами И. И. Заниным, Г. М. Прохоровым, Г. М. Трудояковым (или Тудояковым) и Топорковым.

К открытию VII уездного крестьянского съезда (8/21 – 16/29 июня 1918 г.) ситуация для большевиков осложнилась. Вооружённые силы их были ослаблены посылкой красногвардейцев для защиты Красноярска и составляли всего лишь 200 человек [20]. Для занятия Минусинска из Ачинска выступил 2-й Томский Сибирский стрелковый полк, который с известием о падении советской власти был отозван в Красноярск [21].

В ночь и утром 21 июня дружинники атаковали красногвардейские казармы и ВРШ. Но попытки войти в город оказались из-за отсутствия связи между ними неудачными и закончились потерями: погиб командовавший одной из повстанческих групп бывший офицер и учитель И. Г. Кушнарёв, прапорщик Лукьянов и рядовой Иванов, ранения получили 4-5 красногвардейцев, один

из которых – в прошлом прапорщик И. Ф. Колеватов – впоследствии скончался. В тот же день власти объявили город на осадном положении [22].

На съезд съехались зажиточные крестьяне из пригородных селений. Некоторые из них самовольно объявили себя представителями крестьянства. Организаторы съезда с самого начала отмежевались от Минусинского совета. Ещё 19 июня Исполнительное бюро съезда заявило о необходимости передачи власти от совдепа к съезду, затем к Временному совету народных депутатов и, наконец, к избранному всем населением уездному народному собранию [23]. Съезд при наличии 250 делегатов и отсутствии кворума начался 21 июня. Но в дальнейшем на нем было уже зафиксировано 700 делегатов [24]. Открытие съезда осуществил председатель совдепа К. Е. Трегубенков, а его председателем был избран скрывавшийся от ареста аскизский социалист-революционер П. В. Силин. В ночь на 22 июня штаб крестьянско-казачьих дружин предъявил Минусинскому ВРШ ультиматум о разоружении Красной гвардии, тут же отвергнутый большевиками. Узнав об этом, делегаты потребовали подчинения от обеих сторон. На съезде были оглашены постановления штабов дружин и Красной гвардии. Дружинники писали: «Мы, крестьяне Минусинского уезда, ... заявляем, что признаём... единственным правдивым органом VII крестьянский съезд, которому немедленно должна быть передана власть ... Требуем, чтобы Красная гвардия немедленно была разоружена...». Красногвардейцы же сообщили, что отказываются выполнять решения съезда.

Важное значение для исхода борьбы имело телеграфирование губернским комиссаром Вл. М. Крутовским сообщения о повсеместном падении советской власти и требования от Красной гвардии сложения оружия, а от исполкома совета передачи власти уездному комиссариату. Съезд предъявил совету ультиматум: подчиниться его воле, разоружиться и снять в городе осадное положение. Пытаясь оттянуть время, большевики предложили съезду приступить к перевыборам уездного и местных советов, а также предупредили крестьянское представительство о том, что в случае нападения они будут защищаться. Этот ответ не удовлетворил участников съезда, которые всю ответственность за исход дальнейших событий возложили на совет и Красную гвардию.

Следующий день начался с внесения на съезд заявления совдепа о его переизбрании и с заслушивания участниками сообщения ВРШ об убийстве дружинниками члена совета Ф. А. Герасимова. Тогда же члены крестьянской секции совета выразили желание призвать своих бывших товарищей к повинности и просили допустить их к участию в работе съезда. Но его участники приняли резолюцию о прекращении всяческих переговоров с советом и вручении судьбы города в руки дружинников. Настойчивость и непреклонность требований собравшихся крестьян, военное превосходство антибольшевистских сил, а главное падение советской власти по всей Сибири определили исход событий. Допущенное на съезд руководство совета 23 июня под крики радости и выражения всяческих эмоций со стороны крестьянских делегатов приняло их ультиматум о подчинении совдепа съезду и немедленном разоружении красногвардейцев. Для проведения в жизнь своих постановлений съезд избрал Вре-

менную распорядительную комиссию, ведавшую разоружением красногвардейцев, охраной города и учётом ценностей [25].

К полудню 24 июня дружинники заняли уездную тюрьму и освободили 49 заключенных. Утром следующего дня закончилась сдача оружия красногвардейцами. Одновременно началось восстановление самоуправления: городской думе и уездной земской управе было предложено приступить к исполнению своих обязанностей. В тот же день делегаты организованно встречали входившие в город крестьянско-казачьи дружины, был отслужен молебен. С целью прокормления повстанцев правление Учительского союза организовало сбор пожертвований. К вечеру для охраны порядка в городе был оставлен отряд из 150 пеших и 50 конных казаков [26].

Многие из повстанцев оказались разочарованными таким исходом. Новая власть, разоружив крестьян, помешала росту среди них погромных и грабительских настроений. Однако обыски и грабежи населения повстанцами всё же имели место. Вопреки принятому съездом обязательству, сразу же после низложения советской власти началось задержание её руководящих работников. Их делами занялась специально созданная следственная комиссия.

Вошедшие в город, дружинники, согласно сообщению очевидца, не допустили окончательного расхищения большевиками денежных средств. При обыске членов совдепа и ВРШ были обнаружены припрятанные денежные суммы [27]. Но в целом, забегаая вперед, скажем, что проведенное 28 июня новыми властями освидетельствование казначейства показало полный порядок и сохранность находившихся там ценностей и вкладов [28].

Утреннее заседание съезда 26 июня началось с информации о беспорядках в городе и принятии делегатами постановления, позволявшего проводить обыски бывших советских служащих сугубо по разрешению ВРШ дружин. В тот же день съезд избрал уездный комиссариат, состоявший из социалистов-революционеров: в него от крестьян вошли П. В. Силин, К. С. Гуров (председатель) и П. А. Рыжков, от городского населения – П. Н. Тарелкин, от хакасов – С. Д. Майнагашев и от казаков – П. И. Мосин.

Крестьянские делегаты отменили советские судебные установления, предоставили промышленникам и торговцам полную свободу действий. Для разрешения земельных противоречий они восстановили специальный комитет. Учитывая продовольственную ситуацию, представители крестьян запретили вывоз запасов хлеба и спирта за пределы уезда, выступили за выплату населением только прогрессивно-подходящего налога и, наконец, поручили земской управе возобновить деятельность специального комитета.

Между тем вскоре между крестьянскими делегатами начались разногласия. Они были раздражены напоминанием о необходимости внесения недоимок. Прения разгорелись и по вопросу о призыве населения в армию. Лишь 29 июня была принята поправка к резолюции, разрешавшая мобилизацию офицерства и казачества на добровольных началах [29]. Выполняя её, к 11 июля на военную службу записались более 200 человек, в т. ч. 163 офицера. 12 июля из Минусинска в Красноярск для пополнения 1-го Енисейского стрелкового

полка были доставлены 60-70 добровольцев, бывших юнкеров и офицеров, а 16-го - отправлены конная казачья сотня и 50 пеших станичников [30].

С окончанием работы съезда новая власть занялась судьбой местных большевиков. 16, 20 и 30 июля были отправлены в Красноярск и Ачинск около 50 заключенных. 7 августа в Минусинске было снято военное положение, и по постановлению следственной комиссии свободу получили 120 бывших членов совета и красногвардейцев [31]. Следствие по делу минусинских большевиков все более увязывалось с ликвидацией совета. 22 августа совещание продлило полномочия следственной комиссии, перевело в её состав ликвидационную комиссию и назначило председателем объединенного органа Р. П. Троицкого [32].

Одновременно власть продолжала реорганизовываться. К 6 июля начальником гарнизона стал прибывший из Красноярска полковник Иванов. Его распоряжением вместо сложившего свои полномочия ВРШ образовались должности помощника начальника гарнизона и коменданта города. Наконец, постановлением Временного Сибирского правительства от 19 сентября 1918 г. уездным комиссаром был назначен П. Н. Тарелкин, а его помощниками – П. В. Силин и С. Д. Майнагашев [33].

Следовательно, события, имевшие место на юге Енисейской губернии в июне 1918 г., подтверждают версию современных исследователей о несостоятельности политики большевиков и кризисе государственной власти, что и привело к краху их первое правление. В отличие от других регионов Сибири, главной силой, совершившей здесь антибольшевистский переворот, являлось крестьянство. Проходил он в ожесточенной борьбе между крестьянским представительством в лице делегатов съезда и дружинников, с одной стороны, членов совета и красногвардейцев, с другой, и совмещал действия разного характера. В результате переворота к власти пришли в основном социалисты-революционеры, которые так и не освоили революционный опыт 1917 г.

Библиографический список

1. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 63-64, 70; Гуцин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917 – 1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 90, 98.
2. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 63, 195.
3. Никитин А. Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. М., 1997. С. 23.
4. Сагалаков Э. А. VII Чрезвычайный съезд крестьян Минусинского уезда // Мартъяновские чтения (1989 – 1999 гг.): Сб. докл. и ст. Минусинск, 1999. С. 116–119.
5. Шекшеев А. П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан, 2007. С. 77–83.
6. МРКМ. Оп. 1. Д. 543. Л. 6, 13, 15, 27.

7. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 228–229; Воля Сибири. 1918. 11 июля.
8. МРКМ. Оп. 1. Д. 543. Л. 26-27, 32-33.
9. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 38. Л. 61.
10. Там же. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 308. Л. 1.
11. Там же. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 613. Л. 4.
12. Красноярский рабочий. 1918. 28 мая; Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов исполкома и отделов: Сб. док-в. Красноярск, 1960. С. 471, 527.
13. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 160; Воля Сибири. 1918. 3, 11 июля; ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 52. Л. 3; Ф. 42. Оп. 3. Д. 391. Л. 2; МКУГМ АГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 27. Л. 91; Д. 3. Л. 56–57, 59; Дементьев А. П. Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 – ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 85.
14. КККМ. О/ф 12005/3. Д. 9688. Л. 3-7.
15. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны... С. 72.
16. Воля Сибири. 1918. 3 июля.
17. Народный голос. 1919. 18/31 декабря; Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны... С. 72.
18. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. Пгд., 1923. С. 38.
19. Сибирские записки. 1919. Вып. 2. С. 90.
20. Воля Сибири. 1918. 3 июля.
21. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 286-287.
22. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 186; Сагалаков Э. А. VII Чрезвычайный съезд... С. 117; Воля Сибири. 1918. 3, 7 июля.
23. Сагалаков Э. А. VII Чрезвычайный съезд... С. 116.
24. Воля Сибири. 1918. 3, 7 июля.
25. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 187–196; Сагалаков Э. А. VII Чрезвычайный съезд... С.118; Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее... С. 79-81.
26. МКУГМ АГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. Л. 9-12; Труд. 1918. 7, 17 июля.
27. Сибирские записки. 1918. № 2–3. С. 107.
28. Труд. 1918. 3 июля.
29. Гидлевский К. и др. Минусинская коммуна. С. 200–203; МКУГМ АГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. Л. 12, 14–21.
30. Труд. 1918. 6, 11, 14, 17 июля, 1 августа.
31. Там же. 17, 18, 27 июля, 1, 7, 8 августа; КККМ. О/ф 6023/1. Д. 3815. Л. 53.
32. Труд. 1918. 27, 28 августа.
33. Там же. 3, 6, 11, 12, 14, 19, 27 июля, 9, 14 августа; Воля Сибири. 1918. 10 июля.

А. А. ШТЫРБУЛ (Омск)

Омский государственный педагогический университет

ОМСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ 1917 – НАЧАЛА 1918 ГГ.

Аннотация: В статье впервые дан обобщенный материал по истории многопартийности в Омске периода революционных потрясений 1917 – начала 1918 гг., – одного из самых драматических и судьбоносных периодов в отечественной истории. Даны основные факты, этапы и характеристики партийно-политической картины и политической культуры Омска этого периода.

Ключевые слова: политический плюрализм, многопартийность, Омск, Сибирь, региональная история, кризисное развитие, политическая культура.

A. A. SHTYRBUL (Omsk)

Omsk state pedagogical university

THE MULTIPLICITY OF POLITICAL PARTIES OF OMSK IN 1917 – BEGINNING 1918

Annotation: The generalized material about the history of the Multiplicity of Political Parties of Omsk in the period of revolutionary events of 1917 – beginning 1918 – the most dramatic and fateful period in the Russian history – is discussed in this article for the first time. The main events, stages and characteristics of the Political Culture and Multiplicity of Political Parties of Omsk and the adjacent region of this period are represented.

Keywords: political pluralism, Multiplicity of political parties, Omsk, Siberia, Regional history, Deflationary Development, Political Culture.

В начале марта 1917 г., по получении в Омске сведений о Февральской революции, в городе (а в регионе в течение марта) были ликвидированы (мирно, без кровопролития) органы царской власти, и возникло местное двоевластие в лице Омского Совета рабочих и военных (с мая 1917 – солдатских) депутатов и Омского коалиционного комитета. Кроме того, власть в регионе осуществляли крестьянские Советы (существовавшие до конца января 1918 г. отдельно), гордумы, солдатские комитеты (от низовых до Окружного), а в июле 1917 г., в связи постановлением Временного правительства о введении земских учреждений в Сибири, началась кампания по подготовке их выборов, которая проходила осенью 1917 г. Все это позволяет в целом согласиться с мнением профессора М. В. Шиловского, что административно-политическую ситуацию этого времени в Сибири можно именовать многовластием [1]. Уточним лишь, что все эти разнообразные органы, в конечном счёте, всё равно ориентировались на две основные власти: буржуазную (Временное правительство) и трудовую (Петроградский Совет и с мая 1917 г. ЦИК Советов).

Благоприятное и важное стратегическое положение Омска, а также известная его экономическая роль, обеспечили городу в 1917 – первой половине 1918 гг., в условиях политического революционного кризиса и определенной социально-политической дезинтеграции России, место военно-политического центра обширного региона – Западной Сибири и Степного края. В территорию Западно-Сибирского объединения Советов, центром которого весной 1917 г. стал Омск, вошли Тобольская и Томская губернии (летом из южных уездов Томской губернии оформилась и выделилась Алтайская губерния), а также Акмолинская (Омская) и Семипалатинская области, то есть вся Западная Сибирь и Степной край. В военно-окружном делении данная территория совпадала с границами Омского военного округа, военно-революционный комитет (ВОКом) и штаб которого находились в Омске. В территорию Западно-Сибирского объединения Советов входили и земли Сибирского казачьего войска, а в Омске размещались Войсковой штаб, Совет казачьих депутатов и другие войсковые органы. На этой значительной территории (почти вся Западная Сибирь и Степной край), сравнимой с территорией такого региона, как, например, Западная Европа, проживало 8,5 млн. человек [2], что по европейским меркам совсем немного, но для сибирских реалий того времени не так уж и мало. Население самого Омска в 1917 – начале 1918 гг. составило 140 тыс. человек [3] и, кроме того, в Омском гарнизоне в это время численность военнослужащих была значительной и в начале марта 1917 г. составляла не менее 56 000 человек [4].

В 1917 – начале 1918 гг. Омск являлся местом работы трех съездов Советов рабочих и солдатских депутатов и трех съездов Советов крестьянских депутатов Западной Сибири (и Степного края). В городе постоянно находились исполкомы этих съездов. В Омске же проходили съезды рабочих и солдатских депутатов и съезды крестьянских депутатов Акмолинской (Омской) области, постоянно работали их исполкомы. Кроме того, в Омске находился крупнейший в Сибири Военно-промышленный комитет, правление Западно-Сибирского союза кооперативов, Акмолинский областной земельный комитет и Акмолинская областная продовольственная управа.

В 1917 г. в Омске представлен практически весь партийно-политический спектр (за исключением монархистов, которые в это время были в России вне закона, и анархистов, так и не сумевших воссоздать в Омске в 1917 г. свою организацию). В течение марта 1917 – января 1918 гг. в городе действовали парторганизации РСДРП (единой), РСДРП (меньшевиков), РСДРП (интернационалистов), РСДРП (большевиков), Партии эсеров (ПСР), Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), Союза социалистов-революционеров максималистов (ССРМ), Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), Партии народной свободы (кадеты), Киргизской (казахской) социалистической партии «Уш-Жуз», Еврейского рабочего союза (Бунд), а также группа правых меньшевиков «Единство», группа правых эсеров «Воля народа», областники (группа Сибирского областного союза), сионисты. В марте 1918 г. возникла Автономная группа эсеров-интернационалистов.

Из массы общественно-политических органов печати в 1917 – начале 1918 г. выделялись газеты «Дело Сибири», «Сибирская речь», «Вольный ка-

зак», «Пролетарий», «Заря», «Вечерняя заря», «Известия Омского Совета», «Известия Омского коалиционного комитета», «Омская Земля и Воля», «Революционная мысль», «Рабочий», «Солдатская мысль», «Слово трудового крестьянства».

В период бурных событий 1917 – 1918 гг. в Омске проявилось и заявило о себе немало опытных и энергичных лидеров местного и регионального масштаба: у эсеров – П. Я. Дербер, В. В. Паскевич, А. Е. Коряков, А. М. Красноусов, А. Е. Новосёлов; у левых эсеров Н. Е. Ишмаев; у крайне правых эсеров-оборонцев В. В. Куликов; у меньшевиков-оборонцев А. Н. Гладышев, Д. А. Лизнер; у меньшевиков-интернационалистов К. А. Попов, А. И. Богданов; у большевиков З. И. Лобков, В. М. Косарев, А. А. Звездов; у кадетов В. А. Жардецкий, Д. С. Каргалов; у областников – Н. Д. Буяновский; у народных социалистов Н. А. Филашев.

Ситуация в некоторых парторганизациях Омска в течение 1917 – начала 1918 гг. не была неизменной. В этот период они возникали (восстанавливались или рождались впервые), численно разрастались, распадались, делились, сокращались и т. п. Воссозданная в конце 1916 г. Омская организация РСДРП весной 1917 г. была объединенной и включала в себя большевиков, меньшевиков-интернационалистов и умеренных меньшевиков-оборонцев (крайне правые меньшевики-оборонцы в объединенную организацию РСДРП не вошли, и весной 1917 г. образовали самостоятельную Омскую социал-демократическую группу «Единство»). 11 июня 1917 г. из объединенной Омской организации РСДРП дружными усилиями большевиков и меньшевиков-интернационалистов была вытеснена фракция умеренных меньшевиков-оборонцев [5]. 12 октября 1917 г., в связи с переходом большей части Омской организации РСДРП на позиции ЦК РСДРП(б), омские меньшевики-интернационалисты в количестве около 100 человек покинули ряды объединенной организации и оформились в самостоятельную партийную организацию социал-демократов-интернационалистов – РСДРП(и). К началу 1918 г. численность Омской организации РСДРП(и) достигла 250 человек. Это был пик численности организации [6]. В то же время численность РСДРП(б) в Омске в течение осени 1917 г. росла и к концу года достигла нескольких сот человек.

Омская организация ПСР весной 1917 г. испытала бурный численный рост (за счет так называемого «мартовского пополнения») и небывалый политический успех, став в это время фактически самой многочисленной и влиятельной парторганизацией города (до 2000 членов в городе с пригородами и в гарнизоне [7]). Однако за этим последовал стремительный политический спад, который пришелся на сентябрь – декабрь 1917 г.

Уже на исходе весны 1917 г. в Омской организации ПСР обозначились, а летом сформировались три идейно-политических течения: левые интернационалисты во главе с Н. Е. Ишмаевым; крайне правые оборонцы во главе с кооператором В. В. Куликовым, ориентировавшиеся на петроградскую газету и группу «Воля народа»; и основная часть состава – центристы, во главе с В. В. Паскевичем, А. М. Красноусовым, П. Я. Дербером, А. Е. Коряковым, А. Е. Новосёловым. Центристы безуспешно пытались примирить левых и правых, чем

дальше, тем больше вызывая критику и первых, и вторых. Левые и правые тем временем все чаще и чаще оказывались, пока еще в переносном смысле, «по разную сторону баррикад». Особенно процесс размежевания в рядах омских эсеров усилился после трагических июльских событий в Петрограде.

В июле 1917 г., в связи с известными Петроградскими событиями, кадеты, правые эсеры и меньшевики-оборонцы, а также скрытые монархисты (в т.ч. в офицерском составе гарнизона) попытались развязать против левых, прежде всего большевиков, репрессии, но это не удалось, а в августе в Омске сторонники продолжения революции стали постепенно усиливаться. 13 августа они провели 15-тысячную (по другим данным, участвовало до 25 тыс.) демонстрацию рабочих города и солдат гарнизона [8]. С 11 по 18 августа проходил съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири, где левые революционные силы (большевики, меньшевики-интернационалисты, левые эсеры) сумели взять верх. Правые эсеры и меньшевики покинули съезд [9].

Все лето 1917 г. Омск сотрясали политические скандалы – неизменный атрибут буржуазной демократии и многопартийности. Особенно это коснулось непомерно разбухшей за счет так называемого «мартовского пополнения» Омской организации эсеров. То кого-то заподозрят в былом сотрудничестве с царской охранкой. У кого-то (уже избранного гласным – депутатом Городской думы) всплывает уголовное прошлое. Украшение Омской эсеровской организации – мартовский эсер генерал Григорьев, оказалось, при царизме, будучи председателем военно-полевого суда, отправлял на казнь революционных солдат, в том числе и членов ПСР. Другой мартовский эсер, журналист Буланов, до революции был черносотенцем и помещал в газетах соответствующие материалы. Один из лидеров организации ПСР, П. Я. Дербер, заняв множество должностей, ведет себя с подчинёнными как деспот и, при этом, защищает от гнева общественности своего кума Буланова.

В августе 1917 г. Омская организация ПСР, – эта самая крупная и влиятельная партийно-политическая организация города, – начинает разваливаться буквально на глазах. В начале августа в ней, опять-таки со скандалом, обособляется фракция крайне правых (т.н. эсеры-оборонцы-воленародцы). Затем, в середине августа, в ходе съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири, оформляется фракция левых эсеров.

В конце августа 1917 г. был образован и почти всю осень этого года в Омске работал Западно-Сибирский объединённый комитет революционной демократии – чрезвычайный многопартийный орган власти из представителей исполкомов Советов, ВОКома, левых и центристских партийно-политических организаций. Этот орган возник в дни борьбы с корниловщиной для противодействия ей в регионе, но фактически стал осуществлять революционно-демократическую власть на значительной территории региона, из-за чего в сентябре-октябре 1917 г. вошёл в конфликт с Временным правительством, что едва не привело к открытому столкновению и к событиям, подобным ташкентским (карательная экспедиция правительственных войск в Ташкент в сентябре 1917 г.) [10].

В ответ на Октябрьское вооруженное восстание, омские кадеты, крайне правые эсеры (воленародцы) и офицеры – сторонники Л. Г. Корнилова организовали вооружённое выступление, ударной силой которого явилась Омская школа прапорщиков (1-2 ноября 1917 г.). Это было первое после Февральской революции открытое вооружённое выступление контрреволюции в Сибири. Оно было сравнительно легко подавлено объединенными силами большевиков, левых эсеров, левых меньшевиков и беспартийных левых. На волне антикорниловских настроений в Омске 30 ноября 1917 г. была установлена Советская власть – без кровопролития. Однако правые и центристские силы, как и во всей России, продолжали кампанию выборов в Учредительное собрание. В начале января 1918 г. они сумели собрать в центре Омска митинг численностью 2–3 тысячи человек [11]. Результаты выборов по Омску, гарнизоны и пригородам: за большевиков – 37,7 %; за кадетов – 15,9 %; за блок правых социалистов (эсеров-оборонцев, меньшевиков-оборонцев, народных социалистов) – 15,2 %; за ПСР – 12,9% [12]. Из омских политиков в Учредительное собрание прошёл один из эсеровских лидеров региона А. М. Красноусов (от Тобольской губернии по списку ПСР и Совета крестьянских депутатов) [13]. Тем временем, вслед за Омском, Советская власть была установлена и в регионе.

Следует отметить, что первая Советская власть в Сибири в первой половине 1918 г., в том числе и в Омске, была в смысле политического режима весьма своеобразной: она характеризовалась демократизмом, многопартийностью, относительной мягкостью и гуманизмом, что признавали даже ее противники, например, будущий сподвижник А. В. Колчака Г. К. Гинс [14]. В худшую сторону ситуация заметно изменилась лишь для «кадетов» – они ушли в подполье, но и у них оставались некоторые полулегальные возможности. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы, хотя и подверглись некоторому давлению, продолжали свою деятельность, сочетая легальные, полулегальные и нелегальные формы работы. Достаточно сказать, что в январе – мае 1918 г., в условиях первой Советской власти, продолжала легально выходить, хотя и с некоторыми перерывами, газета Омской организации эсеров «Дело Сибири», в которой нередко были откровенно антикоммунистические и антисоветские материалы.

Библиографический список

1. Шиловский М. В. Формирование основных политических группировок в Сибири после Февральской революции (март – июль 1917 г.) // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 146.
2. Подсчет автора по: Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 362, 524, 526-527.
3. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 247.
4. Хайруллин Н. Б. Большевики Омска в период Октябрьской революции. Омск, 1957. С. 9.

5. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г. – март 1918 г.): сб. документов и материалов. Омск, 1958. С. 13, 54–55.
6. Политинформатор и агитатор (Омск). 1987. С. 15. (Из письма Омского комитета в ЦК РСДРП(б)).
7. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революций и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 44.
8. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972. С. 54.
9. Летопись газетных статей: Хроника событий 1917 года в г. Омске. Омск: Б. и., 1977. С. 27.
10. Штырбул А. А. К вопросу о характере событий сентября – начала октября 1917 г. в Омске и Омском военном округе // Омский научный вестник. 2017. № 2. С. 13-17.
11. Рабочий путь (Омск). 1927. 23 сентября.
12. История СССР (Москва). 1967. № 5. С. 106.
13. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 320.
14. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2008. С. 47-48.

А. А. ШТЫРБУЛ (Омск)

Омский государственный педагогический университет

**ЭСЕРЫ ОМСКА И СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ
В МАРТЕ – МАЕ 1917 Г.**

Аннотация: В статье впервые представлены основные события, этапы и количественные характеристики истории эсеров Омска и Среднего Прииртышья на протяжении первых трех месяцев после победы Февральской революции; предпринята попытка проследить тактику и реальное влияние их политической деятельности на историю Омска и региона в самом начале одного из наиболее критических периодов российской истории.

Ключевые слова: Омск, неонародничество, эсеры, регионоведение, кризисное развитие общества.

A. A. SHTYRBUL (Omsk)

Omsk state pedagogical university

**ESERS OF OMSK AND MIDDLE PRIIRTISHIE
IN MART – MAY OF 1917**

Annotation: The article in the first to presents the core events, stages and quantitative characteristics of eser's history of Omsk and Middle Priirtishie during the whole of first three months after the victory of the February Revolution. The actual influence of political activities of esers on the history of Omsk and Omsk region during in the beginning of these crucial period of the Russian history of the first is as presented in the article.

Keywords: Omsk, neo-narodnichestvo, esers, regional studies, crisis development of society.

1-4 марта 1917 г., по получении сведений о Февральской революции, в Омске в результате широкого революционного движения рабочих и солдат были ликвидированы (мирно, без кровопролития) органы царской власти (а в регионе в течение марта). Им на смену пришло провинциальное двоевластие в лице Омского Совета рабочих и военных (с мая 1917 – рабочих и солдатских) депутатов и буржуазного Омского коалиционного комитета.

Омская организация (или группа, как она традиционно называлась в течение 1917 г.) ПСР была воссоздана в первые же дни после победы Февральской революции в Омске. Накануне революции организации ПСР в Омске не было (она прекратила свое существование в 1912 г., после очередного, на этот раз, полного, разгрома), но в городе находилось немало эсеров (в большинстве, ликвидаторов, и лишь нескольких нелегальных и активных), в основном, бывших или же настоящих политссыльных. По данным Э. Н(Ш). Хазиах-

метова, в Омске накануне Февральской революции проживало не менее 27 ссыльных эсеров, но лишь единицы из них самостоятельно вели революционную пропаганду [1]. В конце 1916 г. в Омске организовался «Красный крест» – революционная непартийная организация помощи пострадавшим от царских репрессий, куда вошли, наряду с отдельными социал-демократами и беспартийными, несколько эсеров [2].

Активное участие в воссоздании организации ПСР приняли участие В. В. Паскевич, П. Я. Дербер, А. Е. Коряков, В. Н. Рухлядьев, К. В. Першачёв, Н. Е. Ишмаев, А. С. Фролов (П. Я. Михонов), А. Я. Сулимов (Сулин), А. М. Красноусов и некоторые другие, хорошо известные в недавнем прошлом жандармскому управлению. Они и явились ядром вновь воссозданной организации ПСР. Среди этого актива мы уже не увидим таких известных эсеровских деятелей дофевральского периода в Омске, как А. К. Попов и М. М. Федоров, ушедших в 1914 г. на войну (и их дальнейшая судьба пока неизвестна), а также А. А. Брудерера, находившегося в ссылке и в 1917 г. в Омск не вернувшегося (убыл в Петроград). Наряду со «старыми», в организацию хлынули и новые, так называемые «мартовские» эсеры. Начался бурный рост организации за счет кооператоров, учащейся молодёжи, интеллигенции, служащих, солдат-крестьян, офицеров. Среди самых ярких представителей «мартовского пополнения» в Омске – известный сибирский писатель и журналист А. Е. Новоселов, он в течение последующего года будет играть одну из ведущих ролей в руководстве организации. Второй яркой фигурой «мартовского пополнения» в Омске стал (правда, ненадолго, в связи с нелюбимыми обстоятельствами в его биографии, вскрывшимися в июле), генерал-майор Г. В. Григорьев, ставший в марте, на волне революции, командующим Омским военным округом.

Среди мартовских эсеров в Сибири и Омске были и политические карьеристы, и восторженная молодежь, и неискушенные в политике солдаты-крестьяне сибирских гарнизонов. Похожая, хотя и не такая яркая, ситуация с мартовским пополнением была и в других партиях (РСДРП, КДП-ПНС). Известный в будущем талантливый советский писатель Вс. В. Иванов, прибывший в Омск в июне 1917 г. из Кургана, работавший в Омске типографским наборщиком (и ставший активистом омского профсоюза печатников), на волне мартовской эйфории записался сразу в две партии – РСДРП и ПСР, – «дабы не ошибиться», – не без основания замечает исследователь В. Б. Шепелева [3].

Но было и другое: 1917 г. открыл простор социальному творчеству масс. Только лишь в Омске из тьмы безвестности вышли десятки революционных деятелей, в том числе эсеров: партийных и профсоюзных работников, советских лидеров и активистов. Одних «мартовских новобранцев» в ПСР влекли ореол и романтика героического прошлого партии (главным образом, молодежь и интеллигенцию), другие были привлечены социальными обещаниями эсеров (солдаты-крестьяне, часть рабочих). Неизбежно имелись и такие, кто надеялся извлечь личную выгоду от пребывания в господствующей, а затем и правящей (правительственной с мая 1917 г.) партии. Бурный рост рядов организации одновременно и радовал, и настораживал её руководство. Автор передовицы в газете омских эсеров задним числом, в октябре 1917 г. так оценивал количество и

качество Омской организации ПСР и партии в целом: «Партия, вырвавшись из подполья, стала сразу безудержно расти, расширяться, крепнуть. Можно без преувеличения сказать, - она растет, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам. В этом сказывается ее здоровый залог, ее мощь. Ясность и жизненность ее принципов, ее лозунгов. // Но, утешая себя мыслью о росте, силе и крепости партии, мы не на минуту не должны забывать, что в этом же росте кроется и ее слабость; если мы будем недостаточно, я бы сказал, щепетильно относиться ко всем сторонам партийной жизни, если мы недостаточно проникнемся самопожертвованием, недостаточно поймем, что иногда необходимо отказаться от части своих достатков в пользу расширения и укрепления наших идей, наших принципов и наших лозунгов, что партия С.-Р. Может пойти так же быстро на убыль, так же быстро, как росла, может пойти к потере своей мощи» [4].

Группы и организации эсеров стали возникать в уездных городах Среднего Прииртышья, а за ними и в других населенных пунктах: в крупных селах, на железнодорожных станциях и даже в некоторых деревнях. В апреле 1917 г. организация эсеров была создана в Тюкалинске. Первыми в нее вступили самые «именитые» в городе купцы (Силин, Ивлев, Блендовский и другие), владельцы местных предприятий (паровой мельницы, кирпичного и кожевенного заводов и другие), коннозаводчики (Еремин, Палеев, Прошин), помощник исправника Аристов, бывший крестьянский начальник Брейтовский и еще до 10-15 домовладельцев, лавочников и т. п. Тюкалинская организация эсеров не замедлила послать в села своих представителей для создания эсеровских ячеек на местах (в волостях и селах) [5]. Весной 1917 г. партгруппа эсеров возникла и действовала в Таре [6].

По воспоминаниям участника революционных событий 1917-1919 гг. в Тарском уезде Н. Д. Новикова, летом 1917 г. в его родном селе Кейзесс Тарского уезда заправляла группа кейзесских купцов, возглавляемая начальником кейзесской почты эсером Авериным. «Группа вела клеветническую кампанию против партии большевиков» [7]. Группа эсеров возникла и действовала в 1917 г. в Павлодаре; здесь выходила газета эсеров-кооператоров «Свободная степь»; эсеры (в блоке с меньшевиками) верховодили в уездном Совете. «Совет рабочих и солдатских депутатов состоял тогда в основном из эсеров и меньшевиков. Первой скрипкой здесь был активный член Совета эсер Беспалов-Маурат. Его иронически называли “Керенский в уездном масштабе”. Этот Совет был соглашательским, охотно шел на компромиссы, ходил перед Осиповым [крупный павлодарский купец-промышленник – А. Ш.] на задних лапках...» [8].

Весной 1917 г. эсеры Омска и Среднего Прииртышья развернули работу по широкому привлечению трудящихся масс города и региона в свои ряды. Позиционируя себя как партию трудящихся и, прежде всего, партию трудового крестьянства, эсеры придавали работе среди крестьян особое значение. На Западно-Сибирской конференции ПСР (Омск, 8 апреля 1917 г.) отмечалось, что ПСР «должна ... немедленно приступить к строительству партийных крестьянских организаций, как отделов местных, уездных и губернских партийных учреждений» [9].

Для организации ячеек на местах, то есть для сугубо партийных целей, привлекались уездные Советы крестьянских депутатов и Омский гарнизонный союз солдат-крестьян. Партийно-организационной работой на местах, наряду с выполнением своих непосредственных должностных функций, занимались уездные и волостные комиссары Западно-Сибирского и Акмолинского (Омского) областного Советов крестьянских депутатов, которые часто являлись членами ПСР [10]. Командированные в сельскую местность Омским гарнизонным Союзом солдат-крестьян агитаторы вели в деревнях партийную работу, в частности, распространяли эсеровскую литературу [11].

В середине апреля 1917 г. исполком (далее – ИК) СКД Западной Сибири выступил за назначение комиссарах на местах не Областным (губернским) правительственным комиссаром, а СКД, и назначил комиссаров в Тюкалинский уезд Тобольской губернии с целью организации там органов местного самоуправления в уезде. Поскольку ИК СКД находился под влиянием (фактически – под руководством) эсеров, то и комиссары были эсерами или проэсеровски настроенными. В результате органы местного самоуправления организовывались эсерами и «под эсеров», а заодно создавались местные (волостные и сельские) эсеровские партгруппы [12]. По свидетельству участника событий, в Тюкалинске весной – осенью 1917 г. (вплоть до ноября) заправляли эсеры Калябин, Далецкий, Брейтовский и другие [13]. Во главе Тюкалинской городской думы встал эсер Сараханов [14].

Показательна тесная взаимосвязь ИК СКД и Омской группы ПСР на муниципальных выборах в Омскую городскую думу, запланированных на июль 1917 г. На очередном заседании ИК СКД, 26 мая 1917 г., решался вопрос об условиях блока с Омской группой ПСР на выборах в Гордуму. Было решено, что ИК СКД, «принимая основные положения избирательной платформы Омской группы Партии Социалистов-революционеров, обязуется поддерживать ее при выборах... и выставляя своих кандидатов, этим самым принимает обязательство, что его кандидаты не будут идти вразрез с блокирующимися организациями» [15] (т.е. с Омской группой ПСР – А. Ш.).

Омская городская организация, бурно выросшая за счет т.н. «мартовского пополнения» и продолжавшая расти несколько месяцев в течение всей весны и почти всего лета 1917 г., достигла к исходу лета – началу осени 1917 г. «многих сотен членов» [16] и составила около 2000 человек [17] (во многом, конечно, за счет вступления в нее военнотружеников Омского гарнизона). Основной наплыв в ряды организации наблюдался в марте – июне 1917 г.

С первых дней своего возникновения Омская организация ПСР, во главе которой встал Омский городской комитет ПСР, развернула бурную партийную работу. Выпускалось значительное количество пропагандистской литературы, прежде всего листовок и брошюр. Так, одна только листовка «Что такое С.Р.» была заказана в количестве 10 000 экземпляров [18]. В мае в городе стала выходить местная эсеровская газета «Омская Земля и Воля» (выходила до сентября 1917 г. включительно) и «Слово трудового крестьянства» (с 23 апреля до 12 ноября 1917 г.). В конце мая городской комитет ПСР обратился в городскую управу с просьбой об отводе комитету места на левом берегу реки Оми,

около моста, для постройки киоска под торговлю газетами [19]. Просьбы была удовлетворена, киоск воздвигнут, о чем свидетельствует и сохранившаяся фотография; над окошечком киоска водружен портрет А. Ф. Керенского [20].

В середине апреля Омским комитетом ПСР был намечен ряд лекций, рефератов и докладов на такие темы, как «Крестьянство и пролетариат», «Земельный вопрос», «Национальный вопрос», «Инородческий вопрос», «Вероисповедальный вопрос», «Роль женщины в новой жизни», «Социализм в понимании социалистов-революционеров» и другие. Устраивались собрания учащихся и вообще молодежи из числа примыкающих к эсерам. Большинство подобных мероприятий проводилось в эсеровском партийном клубе «Земля и Воля» [21]. Здесь же находилась типография Акмолинского губкома и Омского горкома ПСР, где печаталась партийная литература и пресса. Помещения клуба за плату и бесплатно предоставлялись для собрания различных общественных организаций. Иногда партийные мероприятия проводились в Коммерческом клубе [22] (позднее, в советское время – кинотеатр «Пионер»).

К сожалению, пока не удалось обнаружить устава, но ряд имеющихся данных позволяет воссоздать, реконструировать приблизительную схему строения как Омской городской, так и Акмолинской областной организаций ПСР. Городская организация омских эсеров функционировала под названием «Омская группа ПСР». Высшим органом партийной власти в ней являлось Общее собрание организации, периодически созываемое, в котором имели право принимать участие все без исключения члены организации и сочувствующие (последние лишь с совещательным голосом), но принимали участие обычно лишь 200-300 человек, т.е., в основном, лидеры и активисты. Потом они доводили решение очередного собрания для остальной партийной массы. Для довольно большого партийного коллектива такая форма организации, без деления на районы и ячейки по территориальному или производственному принципу – далеко не самая лучшая. В недалеком будущем (осенью 1917 г.) она явится одной из причин, приведших Омскую организацию ПСР к полнейшей пассивности рядовых членов и глубокому организационному кризису. Даже в сентябре 1917 г., когда этот кризис будет уже стремительно нарастать, вопрос об организации районных комитетов все ещё будет только ставиться [23] (кажется, единственным исключением к этому времени будет существование пригородного Левобережного комитета ПСР). Но зато практически во всех значимых государственных, муниципальных и общественных органах города и области имелись влиятельные партийные эсеровские фракции: в Омском Совете, Коалиционном комитете, исполкомах Западно-Сибирского, Акмолинского областного и всех уездных Советов крестьянских депутатов области, Омском гарнизонном комитете, Военно-Окружном комитете, большинстве полковых комитетов, Союзе (Совете) солдат-крестьян, Областном земельном комитете, правлении Союза кооператоров, Омской городской думе. Оперативное руководство организацией осуществлял городской комитет ПСР, избираемый Общим собранием. Во главе городского комитета в течение 1917 г. в разное время были В. В. Паскевич, П. Я. Дербер, А. Е. Коряков. Наряду с Омским городским коми-

тетом в Омске появился Акмолинский областной комитет ПСР, избираемый областной партконференцией. Оба комитета тесно контактировали.

Акмолинская (Омская) областная организация ПСР с центром в Омске в течение нескольких месяцев превратилась в значительную, массовую и разветвленную. В течение весны 1917 г. организации ПСР, вслед за Омском, сложились во всех остальных уездных центрах области: Акмолинске, Атбасаре, Кокчетаве, Петропавловске. Сеть эсеровских организаций разного уровня к началу лета охватила огромную территорию области, сопоставимую с размерами крупной европейской страны (в одном из официальных документов кануна революции отмечалось, что Акмолинская область по территории больше всей Германии [24]). Лидерами областной организации ПСР и вообще региональными эсеровскими лидерами во всем Среднем Прииртышье являлись в основном те же лица, которые возглавляли Омскую городскую организацию (Дербер, Паскевич, Красноусов, Коряков, Новоселов, Ишмаев, Куликов, Парунин), а также Мурашко, проживавший в Петропавловске.

Омская городская и Акмолинская (Омская) областная организации ПСР в 1917 г. оказались наиболее влиятельной, авторитетной и опытной политической силой обширного региона Среднего Прииртышья и тяготеющих к нему местностей, обогнав весной 1917 г. такие серьезные политические силы, как местных социал-демократов и конституционных демократов («кадетов»). Историк В. Быстрянский позднее так характеризовал первые месяцы ПСР после победы Февральской революции: «Эсеры достигли зенита своего влияния. Они мнили себя господами России...» [25]. Упоены были своими политическими успехами и эсеры Омска, а также прилегающего к нему региона. Основания для этого у них как будто бы имелись. Но, чем выше был политический взлет омских эсеров весной – летом 1917 г., тем грандиознее окажется их политическое падение в конце 1917 – начале 1918 г.

Библиографический список

1. Хазиахметов Э. Ш. Политическая ссылка в Омском Прииртышье в начале XX в. // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.): Краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 122.
2. ГИАОО. Ф. П–35. Оп. 12. Д. 253. Л. 3–4.
3. Шепелева В. Б. Омское Прииртышье – год 1917-й. Омск, 2000. С. 103.
4. Дело Сибири (Омск). 1917. 3 октября.
5. Туманов С. Г. В борьбе за Советы. Омск, 1950. С. 19-20.
6. Резиновский Я. Отблеск вчерашнего костра // Омская правда. 1989. 9 декабря.
7. Новиков Н. Д. Воспоминания рядового бойца // В огне революции и гражданской войны: Воспоминания участников. Омск, 1959. С. 175.
8. По дорогам гражданской войны. (Сб. очерков). Алма-Ата, 1971. С. 35, 37-38.
9. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 492. Л. 188.
10. ГИАОО. Ф. Р–661. Оп. 1. Д. 29. Л. 73.

11. ГИАОО. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
12. ГИАОО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 29. Л. 48, 49.
13. Туманов С. Г. В борьбе за Советы (воспоминания участника событий в Тюкалинском уезде). Омск. 1950. С. 22.
14. Там же. С. 45.
15. Слово трудового крестьянства (Омск). 1917. 16 июня.
16. Дело Сибири (Омск). 1917. 3 октября.
17. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революций и гражданской войны (1917-1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 44.
18. ГИАОО. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 31. Л. 48.
19. Омский вестник (Омск). 1917. 31 мая (13 июня).
20. Фотофонд ОГИКМ.
21. Здание на углу улиц Гасфортовской и Второго взвоза, ныне улиц К. Либкнехта и Ю. Гагарина, имело два этажа, верхние достроены уже в советское время, сейчас в здании находится Омский автотранспортный колледж.
22. Омский телеграф (Омск). 1917. 17 апреля.
23. Омский телеграф (Омск). 1917. 14 сентября.
24. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М., 1960. С. 505.
25. Быстрянский В. Большевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921. С. 31.

В. А. ШУЛДЯКОВ (Омск)

Омский автобронетанковый инженерный институт –
филиал Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны РФ

**НАЧАЛЬНИК ШТАБА 1-Й ОТДЕЛЬНОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ
КАВАЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ АТАМАНА АННЕНКОВА
ШТАБС-КАПИТАН АНТОН АНТОНОВИЧ ДОБКЕВИЧ**

Аннотация: Данная публикация представляет собой первую биографию одного из героев Первой мировой войны, которого революционные события забросили сначала на Китайско-Восточную железную дорогу, а затем в белую Сибирь: в Академию Генштаба, потом в Партизанскую дивизию атамана Анненкова.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, атаманина, Семипалатинск, Харбин, эмиграция.

V. A. SHULDYAKOV (Omsk)

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute
(branch) of Khrulev Military Academy of Logistics

**CHIEF OF STAFF OF THE 1-ST SEPARATE PARTISAN CAVALRY
BRIGADE BY ATAMAN ANNENKOV STABS-CAPTAIN
ANTON ANTONOVICH DOBKEVICH**

Annotation: This publication is the first biography of one of the heroes of the First World War, whom the revolutionary events threw sleep on the Sino-East Railway, and then to White Siberia: the Academy of the General Staff, then to the Partisan Division of Ataman Annenkov.

Keywords: Civil War, White Movement, Atamans, Semipalatinsk, Harbin, emigree.

В июне – начале июля 1919 г. к Екатеринбург из Семипалатинской области была переброшена «тыловая группа» Партизанской дивизии атамана Анненкова, в составе 3-го Сводного партизанского пехотного полка, Полка черных гусар, Барнаульского полка голубых улан, 2-го Устькаменогорского партизанского казачьего полка, Инженерного дивизиона, военно-санитарного транспорта Партизанской дивизии и 2-го дивизионного лазарета – всего свыше 5 300 человек. Эту группировку анненковцев стали называть Сводной дивизией из частей Партизанской дивизии атамана Анненкова (или Сводной партизанской дивизией) и поставили во главе неё (30 июня 1919 г. н. ст.) военного инженера

генерала М. Е. Редько [1]. Данных о комсоставе и боевых действиях этой дивизии на «Уральском фронте» крайне мало, приходится собирать их буквально по крупицам. Еще 7 мая 1919 г. (н. ст.) атаман Анненков, приказом Партизанской дивизии № 010 (§ 3), свел полки черных гусар и голубых улан в Отдельную кавалерийскую бригаду под началом ротмистра Белавенца [2]. Начальником штаба бригады был назначен штабс-капитан А. А. Добкевич. Сведения об этом человеке в литературе и интернете скудны и противоречивы. С. В. Волков в своей базе данных по участникам Белого движения разделил его на две личности. У него проходят старший адъютант штаба Амурской отдельной казачьей бригады (на 1 ноября 1919 г. н. ст.) штабс-капитан Добкевич и отдельно русский эмигрант в США Антон Добкевич (1892–1973), проживавший с женой Марией (1908–1990) в Сан-Франциско, где супруги и скончались [3]. Справочник Е. А. Александрова помимо отчества Антона Антоновича Добкевича добавляет в биографию офицера-белоэмигранта несколько деталей его военной службы периода Мировой и Гражданской войн, а также место рождения (Дубно Волынской губернии), время въезда в США (1922) и несколько уточняет время его смерти (январь 1973 г.) [4].

Между тем, в Музее русской культуры в Сан-Франциско хранится личный фонд А. А. Добкевича, где отложились его «служебные документы, карты, планы, полевая книжка времен Первой мировой войны, фронтовые заметки, переписка» [5]. Часть этого фонда в виде копий (микрофильмов) была передана в ГАРФ (фонд № 10143, опись 21-я) и стала, наконец, доступна широкому кругу исследователей. На основании этих документов, главным образом, двух «Кратких записок», служебный путь А. А. Добкевича в старой и белой армиях вполне, за исключением отдельных деталей, проясняется.

Ранняя «Краткая записка», составленная в октябре 1915 г. и подписанная командиром 74-го Сибирского обозного батальона подполковником А. Ф. Добкевичем (отцом нашего героя), дает более точные даты и формулировки [6]. Поздняя, появившаяся не ранее 1920 г., дореволюционный период освещает бегло, зато в отношении Гражданской войны приводит важную нам информацию [7]. Между «записками» есть противоречия в датах рождения и окончания военно-учебных заведений.

Согласно «записке» 1915 г., Антон Антонович Добкевич родился в Дубно 18 января 1894 г. [8] Но в отношении года здесь однозначно допущена описка. В послужном списке отца дата рождения сына Антона указана так: 18 января 1892 г. [9] Этот же год рождения дает поздняя «записка» и подтверждает медицинское свидетельство, выданное в августе 1919 г., где указано, что А. А. Добкевичу тогда было 27 лет [10]. Наконец, 1892 г. указан на могильном памятнике Антона Антоновича на Сербском кладбище Сан-Франциско [11].

А. А. Добкевич происходил из дворян Волынской губернии (Житомир) православного вероисповедания. В его личном фонде сохранился послужной список его отца от 20 декабря 1914 г. Подполковник Антон Францевич Добкевич (19 мая 1861 – не ранее 1919) окончил курс землемерно-таксаторских классов при Житомирской гимназии и Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище «по 2-му разряду с правами 1-го разряда». В 1908 г. А. Ф. Добкевич

уволился из армии, с производством в подполковники, с мундиром и пенсией, и перешел служить в Мобилизационный отдел КВЖД. В 1914 г. в связи с всеобщей мобилизацией его вновь призвали на военную службу. С 14 сентября 1914 г. он был помощником начальника конского запаса Омского военного округа. В марте 1915 г. в Мариинске подполковник Добкевич приступил к формированию 74-го Сибирского обозного батальона, во главе которого в дальнейшем и отправился на фронт. Женился Антон Францевич на дочери коллежского советника девице Виктории Викторовне Колобовой. От этого брака помимо сына Антона было еще две дочери: Галина (24 июня 1893 г.) и Мария (20 ноября 1910 г.). Все в этой семье: и родители, и дети, – являлись православными [12]. В то время как подполковник А. Ф. Добкевич был в Первую мировую войну в действующей армии, его супруга жила в Одессе [13].

Антон Добкевич (младший) окончил в 1911 г. 1-й Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус и в 1913 г. Киевское военное училище по 1-му разряду. Поздняя «Краткая записка» дает другие годы окончания корпуса и училища: 1910 и 1912 гг. соответственно. В этом случае данные «записки» 1915 г. кажутся более правдоподобными, т.к. в ней приведены еще даты поступления А. А. Добкевича на службу (фактически, в военное училище, после окончания кадетского корпуса) (30 ноября 1911 г.) и производства в подпоручики, т.е. окончания училища (6 июля 1913 г.).

Свою офицерскую службу подпоручик А. А. Добкевич начал в 3-м Заамурском пограничном пехотном полку. После начала мировой войны он был прикомандирован к 6-му Заамурскому пограничному пехотному полку, с ним он убыл 28 февраля 1915 г. на Юго-Западный фронт. Официальный перевод в 6-й полк состоялся 10 марта 1915 г. [14].

Подпоручик А. А. Добкевич отличился в первых же боях полка и был представлен к ордену Св. Георгия 4-й ст. Во второй половине июля 1915 г. Георгиевская дума поддержала это представление и удостоила героя высокой награды. Командующий IX армией генерал-от-инфантерии П. А. Лечицкий Высочайше предоставленной ему властью приказом армии № 374 от 31 июля 1915 г. наградил Добкевича орденом Св. Георгия 4-й ст. Подвиг подпоручика 6-го Заамурского пограничного пехотного полка Антона Добкевича в приказе был описан так: «За храбрость и мужество, проявленные им в стычке с противником у дер. Незвиска 28-го апреля 1915 года, где, командуя разведчиками, зашел во фланг и в тыл окопов противника, выбил его из них, перебил прислугу и взял действующий австрийский пулемет и 12 пленных (ст. 8 п. 11. Статута)» [15]. В 1915 г. Добкевич был произведен в поручики [16].

6 мая 1915 г. при штурме г. Коломыя А. А. Добкевич был серьезно ранен: с раздроблением костей в голеностопном суставе правой ноги, – и эвакуирован с фронта в Одессу. Комиссия врачей причислила его к раненым 3-й категории 2-го разряда. По выходе из госпиталя А. А. Добкевич, распоряжением начальника штаба Одесского военного округа, как раненый состоял в прикомандировании к 74-му Сибирскому обозному батальону, которым командовал его отец. Подполковник А. Ф. Добкевич стал ходатайствовать о переводе сына в 1-й Заамурский железнодорожный батальон [17]. Такой перевод состоялся 1 февраля

1917 г., тем более, поручик Добкевич выдержал для этого 28 декабря 1916 г. специальный экзамен на право перевода в железнодорожные войска. Но перевод остался формальным, т.к. реально к тому времени переведенный уже вернулся на Юго-Западный фронт и воевал: сначала начальником пулеметной команды бронепоезда № 5, а с 21 июня 1916 г. – начальником бронированного моторного вагона «Заамурец». Начальником этого броневагона Добкевич, судя по всему, оставался до конца 1917 г. И лишь 31 декабря 1917 г. он был прикомандирован к 1-му Заамурскому железнодорожному полку с назначением командиром 6-й роты [18].

Вследствие развала фронта поручик А. А. Добкевич оказывается в Харбине. 1 апреля 1918 г. [19] он был уволен из железнодорожных войск старой армии, а на следующий день – назначен помощником начальника инженерного отдела Российских войск полосы отчуждения КВЖД. 20 июня 1918 г. последовало новое, и ответственное, назначение, а именно: начальником 1-го бронированного поезда Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. Добкевич командовал этим бронепоездом до середины января 1919 г. [20] Между прочим, он предложил командованию проекты строительства в Харбине новых бронепоездов. Позднее Антон Антонович ностальгировал по этому периоду своей жизни и деятельности. В 1919 г. он писал матери в Харбин: «Что делает мой бронированный поезд под командой Румянцева? Полагаю, что он мирно стоит в Харбине. Как ни плох, может быть, был я, но поезд под моей командой был оружием. Строятся ли новые поезда по моим проектам?» [21].

15 января 1919 г. начальника 1-го бронепоезда Охранной стражи КВЖД штабс-капитана А. А. Добкевича (произведен в этот чин в 1918 г., со старшинством с 1916 г.), командировали в Академию Генштаба [22]. Он ускоренно окончил в Томске младший класс 4-й очереди Академии Генштаба. Окончил успешно: 26-м по списку-рейтингу, со средним баллом 11,32 (из 12 возможных) [23]. По поводу своего окончания младшего класса Академии Добкевич писал матери следующее: «Окончил Академию я хорошо, средний балл 11,32, и было бы больше, если бы было больше пособий. Все баллы у меня 12 за исключением экзаменационной задачи, по которой благодаря тому, что давалась одна карта на трех человек, и мы друг другу мешали, получил 8, положим, этот балл получили почти все. Первый окончивший имеет 11,55, и, как видим, он не очень далеко ушел от меня. 21 человек экзаменов не выдержало и отправлены в свои части. Теперь мы должны служить на должностях Генерального штаба. Потом нас опять соберут, и мы уже окончим Академию по-настоящему. В войсковые части нас берут нарасхват» [24].

Из Томска А. А. Добкевич хотел вернуться служить назад в Харбин, поближе к родителям. Вероятно, его отец пытался решить вопрос через главного начальника Охранной стражи КВЖД генерал-лейтенанта М. К. Самойлова. Однако матушка Виктория Викторовна Добкевич отнеслась к этому варианту скептически. Антон Антонович писал в Харбин: «Дорогая мама. Как ты предполагала, так и вышло. Приехать обратно в Харбин мне не раньше, чем через год, но, может быть, это и к лучшему. Ходатайство Самойлова сыграло совершенно обратную роль, т.к. именно благодаря ему мне и Межаку приказано бы-

ло главным штабом отправляться на фронт. Я выбрал 2-й Степной корпус, т.к. хочу посмотреть Туркестан. [...]. В Степном корпусе меня назначили начальником штаба 1-й партизанской кавалерийской отдельной бригады атамана Анненкова. [...]. Таким образом, ты видишь, что я устроился недурно. Хорошая должность, и впереди карьера, и главное – без всяких протекций. Единственно я страшно скучаю по вас» [25].

Штабс-капитан А. А. Добкевич занял должность начштаба 1-й Отдельной партизанской кавбригады атамана Анненкова, по одним данным, 12 мая [26], по другим – 17 мая 1919 г. [27] Возможно, здесь нет противоречия, если 12 мая – день приказа, а 17 мая – вступления в новую должность. Прибыв в Семипалатинск, место тогдашней дислокации кавбригады [28], Добкевич, можно сказать, пришел в восторг от анненковцев. Он писал матери: «Анненков – это не Семёнов. Семёнов – просто жулик, а Анненков делает свое дело и без всяких семёновских претензий. Рихтер пошел служить к Семёнову, говоря, что солдаты только у Семёнова, пусть же он проедет сюда в Сибирь и посмотрит, только тут и есть Армия самая настоящая, а не семёновские банды. Семёнов к Анненкову присылал агитаторов, но их отсюда повыгоняли. У Анненкова только экзотические названия частей, так, в моей бригаде состоят черные гусары и голубые уланы, и носят они черепа, где только можно их нацепить, но смешное этим и кончается, т.к. полки эти очень хорошие» [29].

К сожалению, пока нет никаких данных об участии 1-й Отдельной партизанской кавалерийской бригады в боевых действиях на Урале и в Зауралье. Точно также ничего неизвестно о жизни её начальника штаба в этот период. Прослужил А. А. Добкевич в кавбригаде менее трех месяцев. В его личном фонде сохранилось несколько подлинных документов, связанных с его уходом от анненковцев. В недатированном удостоверении говорится, что Добкевич занимал должность начштаба бригады с 12 мая по 7 августа 1919 г. Удостоверение подписали командир бригады подполковник Белавенец, новый начальник штаба бригады в чине капитана, подпись которого неразборчива, и старший адъютант бригады прапорщик Коншин. В удостоверении есть ссылка на приказы по бригаде №№ 1 (§ 3) и 27 (§ 5) [30]. Поскольку ни конкретно эти, ни вообще какие-либо приказы по данной бригаде историкам неизвестны, причины ухода Добкевича с «хорошей должности», сулившей молодому офицеру карьерный рост, не ясны. Кадровым офицерам, привыкшим к порядкам регулярной армии, сложно было адаптироваться в среде добровольцев-партизан эпохи Гражданской войны. В той же Партизанской дивизии атамана Анненкова текучка офицерского состава, судя по приказам по дивизии, была большой. Одним не нравились специфические порядки и нравы партизан, и они уходили сами. Другие не подходили по своим служебным или моральным качествам, и командиры просили их уйти. Третьи просто не выдерживали физических и психических нагрузок Гражданской войны, самой жестокой и хаотичной из всех типов войн. Так или иначе, но Добкевич получил в Петропавловске еще 2 документа, датированными одним днем: 7 августа 1919 г., – за подписями подполковника Белавенца и прапорщика Коншина. В удостоверении от 7 июля 1919 г. комбриг Белавенец сообщал, что препятствий к переходу Добкевича на службу в другую

часть нет. Второй документ – экстренный отпуск Омской железной дороге на одного офицера, которого необходимо вагоном 2 класса доставить из Петропавловска в Харбин [31].

Выехать из Петропавловска было сложно. 11 августа 1919 г. Добкевич взял для железной дороги еще один экстренный отпуск [32]. Но одного, пусть и официально удостоверенного, желания офицера сменить место службы было мало. Для выезда военнослужащего из прифронтовой зоны в тыл требовались веские основания. 15 августа 1919 г. в Петропавловске приказом № 25 по штабу 1-й Отдельной партизанской кавбригады атамана Анненкова создали комиссию во главе с бригадным врачом И. Попова с задачей провести медицинское освидетельствование здоровья штабс-капитана Добкевича, считавшего себя больным около года и жаловавшегося на головокружение, скорую утомляемость, возбудимость нервной системы, частую отрыжку и изжогу после еды. Комиссия поставила Добкевичу диагноз: катар правой легочной верхушки, малокровие, выдав больному свидетельство, что для лечения ему нужен 2-месячный отпуск [33]. По врачебному свидетельству Добкевичу 16 августа 1919 г. в Петропавловске выдали отпускной билет об увольнении в отпуск по болезни в Харбин с 15 августа 1919 г. на 2 месяца. По этому документу Добкевич выехал из Петропавловска. На билете есть росписи и печати о предъявлении его на станциях и в конечном пункте – Харбине [34]. 7 октября 1919 г. А. А. Добкевич стал старшим адъютантом штаба 1-й Амурской казачьей бригады. После краха колчаковского режима, очевидно, снова вернулся в Харбин. С 30 января 1920 г. он был младшим офицером 12-й роты Охранной стражи КВЖД. В 1920 г. был произведен в капитаны (старшинство с 1919 г.) [35]. Данные о его службе в Дальневосточной армии и Земской рати в 1921–1922 гг. нет, потому чин капитана мог быть для него последним. Судя по краткой справке А. А. Добкевича в 21-й описи фонда № 10143 ГАРФ, он с июля 1920 по май 1921 г. был агентом Международной охраны КВЖД, уехав в 1922 г. в США.

Итак, штабс-капитан Антон Антонович Добкевич (18.I.1892, Дубно Волынской губ. – I.1973, Сан-Франциско, США), Георгиевский кавалер Великой войны (1915), выпускник младшего класса Академии Генштаба (Томск, 1919), был начальником штаба 1-й Отдельной партизанской кавбригады в период с 12 (или 17-го) мая по 7 августа 1919 г. и был (во всяком случае, сначала) высокого мнения об атамане Анненкове и анненковцах.

Библиографический список:

1. См.: Шульдяков В. А. Выдвижение резервов Партизанской дивизии атамана Б. В. Анненкова на Восточный фронт (апрель – июль 1919 г.) // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Новосибирск, 2009. С. 165-171.
2. РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 150.
3. Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России» по состоянию на январь 2014 г. (База № 2). PDF-версия. «Д». С. 192.
4. Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биограф. словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 177-178.

5. Попов А. В. Документы по истории Первой мировой войны в музеях и архивах русского зарубежья// Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. Минск, 2007. С. 120. А. В. Попов ошибочно называет А. А. Добкевича начальником штаба 1-й отдельной кавалерийской дивизии атамана Анненкова. Реально, тот был начштаба бригады, а не дивизии.

6. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.6-2, 1.6-2об.

7. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.6-1, 1.6-1об.

8. Здесь и далее даты по старому стилю.

9. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.3-7.

10. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-49.

11. Список русских людей, похороненных на кладбищах окрестностей Сан-Франциско и Сакраменто // URL // http://www.mrcsf.org/ru_collections/ (дата обращения: 26.04.2015).

12. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.3-1 – 1.3-7.

13. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.4-1.

14. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.6-2, 1.6-1.

15. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.7-16.

16. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.6-1.

17. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.6-1об., 1.6-2об.

18. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.6-1.

19. Здесь и далее даты по новому стилю.

20. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.6-1об.

21. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.3-10об. Письмо А. А. Добкевича матери датируется, по содержанию текста (май–июнь 1919 г.) Вызывают сомнение проставленные на кадрах с письмом номера, т.к., если смотреть по порядку, это должны быть кадры с №№ 1.13-9 – 1.13-10об., а не поставленные при микрофильмировании (1.3-9 – 1.3-10об.).

22. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.6-1, 1.6-1об.

23. Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 577.

24. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.3-9 – 1.3-9об.

25. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.3-9, 1.3-9об., 1.3-10 – 1.3-10об.

26. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-48.

27. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.6-1об.

28. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-42.

29. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.3-9об. – 1.3-10.

30. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-48.

31. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадры 1.9-45, 1.9-46.

32. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-47.

33. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-49. Свидетельство подписали председатель комиссии бригадный врач И. Попов, главный врач 2-го лазарета дивизии атамана Анненкова Алексеев (полной уверенности, что эта подпись расшифрована правильно, нет. – В.Ш.) и представитель («депутат») от военного ведомства прапорщик Коншин.

34. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.9-50.

35. ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 21. Катушка 1. Кадр 1.6-1об., 1.6-1.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Абдрахманова Гаухар Сатыбалдиновна (Астана, Казахстан) – доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, кандидат исторических наук, доцент.

Акелькина Елена Алексеевна (Омск) – директор Омского регионального научно-исследовательского центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор.

Бакалов Сержиу Владимир (Кишинев, Молдова) – ведущий научный сотрудник Института истории Академии Наук Молдовы, доктор исторических наук.

Бакшт Дмитрий Алексеевич (Красноярск) – доцент кафедры музеологии и культурного наследия Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, кандидат исторических наук.

Батишева Светлана Геннадьевна (Омск) – главный специалист архивного управления Министерства культуры Омской области.

Березин Анатолий Иннокентьевич (Красноярск) – независимый исследователь.

Бородина Галина Юрьевна (Омск) – руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Бороздин Константин Александрович (Верхняя Пышма, Свердловская область) – специалист Музея военной техники УГМК, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

Величко Светлана Анатольевна (Омск) – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Омской юридической академии, кандидат исторических наук, доцент.

Ганиева Анзира Мукарямовна (Аскино, Республика Башкирия) – главный методист Аскинского историко-краеведческого музея МБУК «Районная клубно-библиотечная система, структурное подразделение».

Ганин Андрей Владиславович (Москва) – ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН доктор исторических наук.

Голикова Анастасия Евгеньевна (Омск) – студентка 5 курса факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета.

Гончаров Александр Евгеньевич (Красноярск) – доцент кафедры технического иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, кандидат исторических наук.

Горбунова Маргарита Васильевна (Муромцево, Омская область) – начальник архивного отдела Администрации Муромцевского муниципального района Омской области.

Гордеев Александр Геннадьевич (Бийск) – аспирант Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина.

Гюнтер Олеся Александровна (Красноярск) – преподаватель Красноярского педагогического колледжа № 2, ассистент кафедры истории России Сибирского федерального университета.

Девятьярова Ирина Григорьевна (Омск) – главный научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, кандидат исторических наук.

Дементьев Александр Петрович (Красноярск) – доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат исторических наук.

Дианов Алексей Григорьевич (Омск) – доцент кафедры «Философия» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Долгова Анжела Валерьевна (Москва) – учитель истории ГБОУ г. Москвы «Школа № 37», кандидат исторических наук.

Зайнутдинов Динар Рафаилович (Казань) – декан юридического факультета ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний», кандидат юридических наук.

Елизарова Наталья Владимировна (Омск) – заведующий редакционно-издательским отделом Омского государственного историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук.

Ермакова Анна Александровна (Исилькуль, Омская область) – и. о. начальника архивного сектора Администрации Исилькульского муниципального района Омской области.

Иеромонах Иов (Чернышев Иван Александрович) (Москва, Череповец) – аспирант Череповецкого государственного университета, кандидат богословия.

Ищенко Оксана Владимировна (Сургут) – профессор кафедры государственного и муниципального управления Сургутского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

Каиндина Татьяна Викторовна (Омск) – главный архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Каленова Тенгеш Серикбаевна (Астана, Казахстан) – доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, кандидат исторических наук, доцент.

Каминский Валерий Владимирович (Ашдод, Израиль) – независимый исследователь, Ph. D. in History.

Капустин Леонид Геннадьевич (Муром) – независимый исследователь.

Карелин Николай Михайлович (Красноярск) – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Сибирского государственного университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева.

Каткова Елена Ивановна (Омск) – заведующая сектором краеведческой библиографии Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина.

Кладова Нина Васильевна (Барнаул) – доцент кафедры отечественной истории Алтайский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук, доцент.

Когут Марина Тарасовна (Омск) – доцент кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Кокоулин Владислав Геннадьевич (Новосибирск) – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, доктор исторических наук, доцент.

Колесников Борис Валерьевич (Волгоград) – аспирант Волгоградского государственного университета.

Кондорский Борис Михайлович (Донецк, Украина) – независимый исследователь, кандидат биологических наук.

Кротова Мария Владимировна (Санкт-Петербург) – профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор исторических наук, доцент.

Лосунов Александр Матвеевич (Омск) – преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа.

Лысенко Елена Анатольевна (Санкт-Петербург) – заведующая экскурсионным отделом Государственного музея политической истории России, кандидат исторических наук.

Макарова Вера Николаевна (Уфа) – заведующая отделом истории Национального музея Республики Башкортостан, кандидат исторических наук.

Маленьких Максим Александрович (Иркутск) – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 77» г. Иркутска, соискатель учёной степени кандидата исторических наук.

Махнанова Ирина Алексеевна (Омск) – научный сотрудник Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского.

Мачульская Елена Валентиновна (Омск) – независимый журналист.

Медеубаев Ерлан Ислямович (Актобе, Казахстан) – профессор Казахско-Русского международного университета, кандидат исторических наук.

Медников Дмитрий Михайлович (Красноярск) – старший преподаватель кафедры технического иностранного языка Сибирского государственного университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева

Муканова Гюльнар Кайроллиновна (Алма-Ата, Казахстан) – доцент кафедры издательско-редакторского и дизайнерского искусства Казахского национального университета им. аль-Фараби, кандидат исторических наук, доцент.

Огородникова Людмила Ивановна (Омск) – главный архивист использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Олихов Дмитрий Владимирович (Омск) – преподаватель Омской духовной семинарии, кандидат богословия, кандидат исторических наук.

Паршуков Владимир Александрович (Ульяновск) – главный инженер МБУ «Управление инженерной защиты».

Петин Дмитрий Игоревич (Омск) – главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, доцент кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Петров Иван Васильевич (Санкт-Петербург) – ассистент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского университета, кандидат исторических наук.

Помыткина Вера Леонидовна (Тара, Омская область) – архивист 1–й категории филиала Исторического архива Омской области в Таре.

Пученков Александр Сергеевич (Санкт-Петербург) – доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук.

Романовский Вячеслав Константинович (Нижний Новгород) – заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин Нижегородского института развития образования, доктор исторических наук, доцент.

Саблин Александр Юрьевич (Омск) – лаборант Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, магистр философии, магистр педагогического образования.

Селюк Владимир Иванович (Омск) – директор Музея городского быта, председатель Общества коренных омичей.

Сизов Сергей Григорьевич (Омск) – профессор кафедры «Философия» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, доктор исторических наук, доцент, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Сокина Ирина Леонидовна (Омск) – соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, специалист по маркетингу сектора аналитики и продвижения ООО «НПО “МИР”».

Стельмак Максим Максимович (Омск) – главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, преподаватель Омского юридического колледжа, кандидат исторических наук.

Сушко Алексей Владимирович (Омск) – заведующий кафедрой «Отечественная история» Омского государственного технического университета, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, доктор исторических наук, доцент.

Тагильцева Анна Владимировна (Тюмень) – специалист по связям с общественностью военно-исторического клуба «43-й Сибирский стрелковый полк», журналист.

Тетерин Вадим Игоревич (Пермь) – старший преподаватель кафедры истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук.

Терехина Татьяна Александровна (Омск) – главный архивист отдела организационно-методической и научно-исследовательской работы Исторического архива Омской области.

Трофимов Михаил Юрьевич (Омск) – доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат философских наук доцент.

Федорова Марина Ивановна (Омск) – доцент кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Федотова Ирина Владимировна (Омск) – старший научный сотрудник отдела хранения и научного изучения музейных фондов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Филинович Олеся Анатольевна (Омск) – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Фоменко Анастасия Евгеньевна (Тара) – научный сотрудник Тарской центральной районной библиотеки, магистр истории.

Храпова Наталья Святославовна (Омск) – начальник отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области.

Черкасов Иван Алексеевич (Красноярск) – заместитель директора Красноярского краевого краеведческого музея по научной работе.

Шекшеев Александр Петрович (Абакан) – член Правления Хакасской республиканской организации общества «Мемориал», кандидат исторических наук.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск) – профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии исторического факультета Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Шулдяков Владимир Александрович (Омск) – доцент кафедры № 1 Технического обеспечения (и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института, кандидат исторических наук, доцент.

ФОТОДОКУМЕНТЫ

**Капитон Алексеевич Батюшкин
(1859–1927 гг.)**

Москва. 1901 г.

Передано в ГИАОО Г. Г. Коршунковой

Александр Капитонович Батюшкин
(1894–после 1919 гг.)

[1919 г.] Из семейного архива
Г. Г. Коршунковой (Железногорск)

Мария Капитоновна Батюшкина
(1892–?).

Омск. [1922].
Из фондов ГИАОО

Сергей и Алексей Батюшкины

Омск. Начало 1910-х гг.

Из семейного архива

Г. Г. Коршунковой (Железногорск)

**Николай Капитонович
Батюшкин
(1895–[после 1969] гг.)**

Омск. [1915 г.].

Из фондов РГВИА

Андрей Михайлович и Анна Ивановна Ломовы с сыном Геннадием

[1917 г.]

Из фондов Исилькульского историко-краеведческого музея

**Памятники борцам за советскую власть,
установленные в Муромцево:
в 1930-е гг. (вверху) и в 1977 г. (внизу)**

Из фондов ММА

Адмирал Александр Васильевич Колчак
1 мая 1919 г.

Воспр. по: Иоффе Г. Адмирал Колчак.
«Людей, дайте мне людей!» //
Наука и жизнь. 2005. № 1

Обложка книги С. А. Ауслендера
«Верховный Правитель адмирал Колчак»
(Омск, 1919 г.)

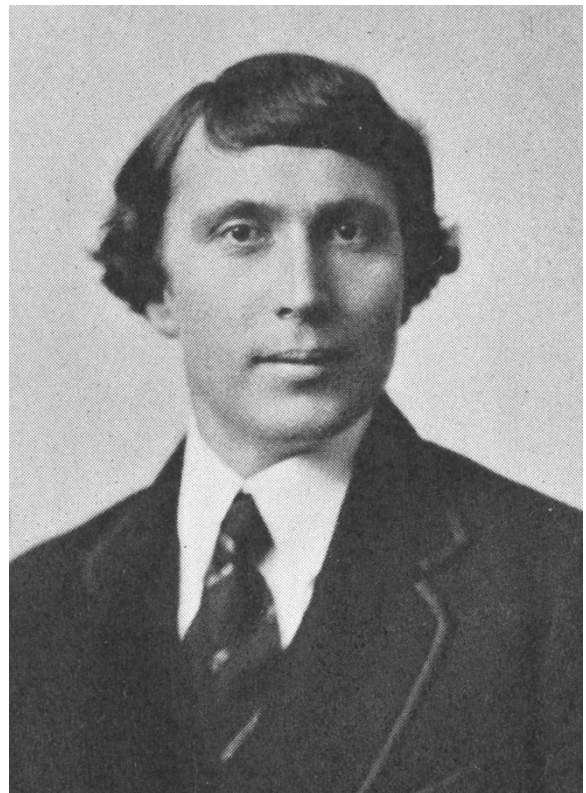
Автор портрета Г. А. Ильин. Линогравюра.
Внизу слева: «Г. Ильинъ». Из фондов НБ ТГУ

**Верховный правитель
и Верховный главнокомандующий
адмирал А. В. Колчак**

Омск. 1919 г.

Г. А. Ильин (1889–1968 гг.)

Из фондов музея Е. А. Боратынского
(филиал НМ РТ)

Митрофан Алексеевич Столповский
(1885–[1960–е гг.]

Конец 1950-х гг. Из фондов ГИАОО

Константин Андреевич Попов
(1876–1949 гг.)

Омск. 1905 г.
Из фондов ГИАОО

**Александр Андреевич Карлов
(1885–1964 гг.)**

Томск. 28 декабря 1919 г.
Из фондов ГИАОО

**Александр Николаевич Дианов
(1887–1975 гг.), старший
унтер-офицер 26-го Сибирского
запасного стрелкового полка**

Омск. [1915-1916 гг.].
Из фондов ГИАОО

ПОСЛУЖНОГО СПИСОКЪ

Генераль-Лейтенанта Петра Петровича **КАЛИТИНА**.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилия.	Генераль-Лейтенантъ Петръ Петровичъ КАЛИТИНЪ .																					
II. Должность по службѣ.	Командующій Сибирской казачьей бригадой.																					
III. Ордена и знаки отличия.	<i>Знаки отличия и медали въ тѣло не вст. свидѣльскій допросъ въ Штатъ обличити</i>																					
IV. Когда родился.																						
V. Изъ какого званія происходитъ и уроженецъ.																						
VI. Какого вѣроповѣданія.	Православнаго.																					
VII. Гдѣ воспитывался.	Въ Нижегородскомъ Графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ; экзаменъ на производство въ офицеры держалъ при полевомъ штабѣ дѣйствующихъ подъ Хивой войскъ.																					
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе.	<table> <tr> <td>Жалованья.....</td> <td>2472</td> <td>р.</td> </tr> <tr> <td>Столовыхъ.....</td> <td>3300</td> <td>..</td> </tr> <tr> <td>Квартирныхъ.....</td> <td>1506</td> <td>..</td> </tr> <tr> <td>На наемъ прислуги.....</td> <td>240</td> <td>..</td> </tr> <tr> <td>Фуражныхъ на три лошади</td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td>Добавочное содержаніе за выслугу лѣтъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи.....</td> <td>412</td> <td>р.80</td> </tr> <tr> <td>Итого.....</td> <td>7930</td> <td>р.80</td> </tr> </table> <p>Кромѣ того: фуражныхъ на три лошади</p>	Жалованья.....	2472	р.	Столовыхъ.....	3300	..	Квартирныхъ.....	1506	..	На наемъ прислуги.....	240	..	Фуражныхъ на три лошади			Добавочное содержаніе за выслугу лѣтъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи.....	412	р.80	Итого.....	7930	р.80
Жалованья.....	2472	р.																				
Столовыхъ.....	3300	..																				
Квартирныхъ.....	1506	..																				
На наемъ прислуги.....	240	..																				
Фуражныхъ на три лошади																						
Добавочное содержаніе за выслугу лѣтъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи.....	412	р.80																				
Итого.....	7930	р.80																				

**Петр Петровичъ Калитин (1853–1927 гг.)
и титульный листъ его послужного списка**

Из фондов ГИАОО

Петр Ефимович Казанцев (1894–1946 гг.)

Омск. 1917 г.

Из семейного архива Анны Петровны Щипановой

К. А. Богданов с супругой во дворе особняка К. А. Батюшкина

Октябрь 1990 г.

Из личного архива А. М. Лосунова

Бама!
Как ты уже, очевидно, знаешь, договор Омского издательства со мной расторгнут. Причина — финансовые трудности Издательства в связи с резким подорожанием бумаги и повышением цен на типографские расходы соответственно. Договор мне выплачивали пока 50%, вышестоящий вторую половину его, видимо, в конце апреля.

Найти издательств для публикации твоих книг в С-Петербурге пока не могу. У нас также многие книжки и журнальные публикации ставятся банкротами.

Выслал тебе вторую статью о Коллаке в газете "Невская пресса" № 1 1992. Крайне не

люблю, как ее назвали и "переработал" редактор, символично озаглавив "Коллак-Славянофильский". Это не автора, а редактора вырезали (современное и уже жидкокапное) — "излучил овецки не себ", а также недопустимое сравнение с тышкой жонглиющей Украинки приобщив русский Черноморский флот с классовой борьбой на флоте в 1917 году. Отругал редактора газеты и раскромсав с ним.

Сама, пишу как устывшая, как дама, какие новости в Омске и конечно, с какими успехами продвижения твоих литературных работ и дела кажутся.

Идеи привез от Никия Васильевича, а от нас обоих — твоей маме.

17.04.92г. Кюданов

Письмо К. А. Богданова А. М. Лосунову

1992 г. Из личного архива А. М. Лосунова

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Омск, 25–26 октября 2017 г.)

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Компьютерная верстка *О. Г. Белименко*

Для дизайна обложки использованы материалы
из открытых интернет-источников

Подписано в печать 04.10.17. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 27,5.
Тираж 100 экз. Заказ 622.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ